
СПА-XIX

BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
SAINT PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

A BIOGRAPHICAL
DICTIONARY OF
St PETERSBURG
CLASSICISTS

in the 19th – early 20th centuries

IN THREE VOLUMES

EDITED BY

A. K. Gavrilov (ed. in chief),
E. D. Blashchuk, O. V. Budaragina, N. K. Jijina, D. V. Keyer,
A. I. Ruban, T. V. Shaburina (ed. secretary), A. L. Verlinsky,
Yu. A. Vinogradov, V. V. Zelchenko

Petropoli MMXXI

СЛОВАРЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ АНТИКОВЕДОВ

XIX – начала XX века

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ II

Л – Я

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. К. Гаврилов (отв. ред.),
Е. Д. Блащук, О. В. Бударagina, А. Л. Верлинский,
Ю. А. Виноградов, Н. К. Жижина, В. В. Зельченко, Д. В. Кейер,
А. И. Рубан, Т. В. Шабурина (секретарь редакции)

Санкт-Петербург 2021

УДК 1(091):030
ББК 71.1я2
С48

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН (30.06.2020, протокол № 6)

Научные рецензенты:
д. ф. н., акад. РАН *С. И. Николаев* (ИРЛИ РАН),
д. и. н. *Е. А. Ростовцев* (Институт истории СПбГУ),
д. и. н. *А. И. Рупасов* (СПБИИ РАН)

Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века : в 3 т. /
С48 редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. ; Bibliotheca classica Petropolitana,
Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург : Bibliotheca
classica Petropolitana, 2021.

ISBN 978-5-4391-0715-5

Том II : Л–Я. — Санкт-Петербург : Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. —
vi + 434 с. : ил.

ISBN 978-5-4391-0713-1

СПА-XIX предлагает читателю расположенные по алфавиту жизнеописания 250 петербургских или связанных с Петербургом ученых, педагогов, деятелей искусства и литературы, внесших вклад в развитие отечественного антиковедения. Статьи основываются на максимально широком привлечении трудов изучаемых деятелей культуры, биографической литературы о них и архивных материалов. Стремясь к историзму и объективности, авторы статей, сами работающие в различных областях антиковедения, показывают достижения и просчеты своих предшественников путем сопоставления мнений их современников, воздерживаясь от окончательных вердиктов. Составляющие 3-й том справочные материалы (указатели имен, списки учреждений, связанных с антиковедением, и др.) призваны помочь в уяснении исторической обстановки, в которой развивались вошедшие в Словарь деятели, что способствует использованию биографий при изучении отечественной культуры в целом. Статьи снабжены детальной библиографией. Словарь включает портреты антиковедов.

Книга предназначена для антиковедов различного профиля, для историков российской науки, культуры и образования, исследователей литературы и искусства, занимающихся вопросами рецепции античного наследия, а также для более широкого круга читателей, которые дорожат прошлым отечественной, в частности петербургской, культуры и ценят достижения, имевшие место в период ее наиболее динамичного развития.

УДК 1(091):030
ББК 71.1я2

ISBN 978-5-4391-0715-5
ISBN 978-5-4391-0713-1 (Т. II)

© Bibliotheca classica Petropolitana, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2021

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

БИОГРАФИИ (Л–Я) *BIOGRAPHICAL ENTRIES (L–Ja)*

Лавровский Н. А. – 431; Лапшин Г. И. – 435; Латышев В. В. – 437; Лебединский И. И. – 444; Лёве (Леве) Е. А. – 445; Лемониус В. Х. – 446; Лепер Р. Х. – 448; Лихачёв Н. П. – 450; Ловягин А. М. – 453; Ловягин Е. И. – 456; Лопарёв Х. М. – 458; Лоренц Ф. К. – 462; Луньяк И. И. – 464; Люгембиль К. Я. – 466; Люперсольский П. И. – 470; Лютер Ф. А. – 472; Ляпунов Ю. С. – 474

Майков А. Н. – 476; Малеин А. И. – 481; Манштейн С. А. – 486; Мартынов И. И. – 488; Мей Л. А. – 492; Меклер Г. К. – 495; Меншиков (Меншиков) А. И. – 497; Мережковский Д. С. – 498; Миддендорф Ф. И. – 505; Миллер (Мюллер) Л. А. – 508; Минский Н. М. – 512; Митрофанов П. П. – 515; Модестов В. А. – 518; Модестов В. И. – 519; Мор Я. Г. – 526; Муравьёв-Апостол И. М. – 527; Муральт (Мюральд) Э. Г. – 531; Мусселиус В. В. – 536

Наука А. К. – 538; Нейлисов К. Ф. – 552; Никитин П. В. – 554; Никитский А. В. – 558; Никольский Б. В. – 562; Новосадский Н. И. – 567; Новосёлов А. Г. – 571; Норов Авр. С. – 573; Носов П. М. – 581

Оленин А. Н. – 583; Орлов-Давыдов В. П. – 587

Павловский А. А. – 591; Пападопуло-Керамевс А. И. – 593; Перовский Л. А. – 600; Петрушевский Ф. И. – 601; Петухова В. В. – 604; Печерин В. С. – 606; Писарев Д. И. – 610; Покровский И. А. – 613; Помяловский И. В. – 617; Попов Д. П. – 623; Порфирий (Успенский) – 625; Порфиоров П. Ф. – 628; Прахов А. В. – 630; Придик Е. М. – 634; Прозоров П. И. – 638; Пустонский М. В. – 639

Радлов К. Ф. – 641; Радлов Л. Ф. – 642; Радлов Э. Л. – 644; Ростовцев М. И. – 646; Рудаков В. Е. – 655; Румянцев Н. П. – 657

Сабуров П. А. – 663; Садов А. И. – 669; Санчурский Н. В. – 671; Селиванов С. А. – 673; Семёнов А. Ф. – 675; Семёнов-Тян-Шанский А. П. – 677; Сибирский А. А. – 679; Смирнов Я. И. – 681; Соколов И. Я. – 690; Соколов П. П. – 690; Соколов Ф. Ф. – 692; Стасюлевич М. М. – 698; Стефани Л. Э. – 703; Страхов Н. Н. – 708; Строганов (Строгонов) С. Г. – 710; Струве Ф. А. – 714

Тизенгаузен В. Г. – 717; Толстой Д. А. – 720; Толстой И. И. (ст.) – 725; Тресс К. М. – 730; Турчинович А. А. – 732

Уваров А. С. – 734; Уваров С. С. – 737; Уварова П. С. – 745; Успенский Ф. И. – 747

Фармаковский Б. В. – 752; Фармаковский М. В. – 758; Фет А. А. – 761; Фогель А. М. – 768; Фок(к)ов Н. Ф. – 770; Фохт Р. А. – 771; Фрейтаг Ф. К. – 773; Фризендорф Э. Э. – 775

Хилинский К. В. – 777; Холодняк И. И. – 779; Холодняк М. А. – 783

Цветаев И. В. – 786; Церетели Г. Ф. – 789; Цыбульский С. О. – 794

Шад Г. И. – 798; Шебор О. А. – 799; Шлиман Г. – 802; Шлитгер Э. Е. – 811; Шмид(т) Г. К. – 812; Шмит Ф. И. – 815; Шнейдер В. В. – 823; Шрамек И. Ф. – 825; Штейнман И. Б. – 826; Штёкгардт Р. А. – 829

Щербина Н. Ф. – 832; Шукарёв А. Н. – 835

Эйхвальд Э. И. – 838; Энман А. Ф. – 841

Янчевецкий В. Г. – 850; Яроцкий В. Я. – 853

Бузескул В. П. – 855

БИОГРАФИИ

Л – Я

Лавровский Н. А.
Лапшин Г. И.
Латышев В. В.
Лебединский И. И.
Лёве Е. А.
Лемониус В. Х.
Лепер Р. Х.
Лихачёв Н. П.
Ловягин А. М.
Ловягин Е. И.
Лопарёв Х. М.
Лоренц Ф. К.
Луньяк И. И.
Люгембиль К. Я.
Люперольский П. И.
Лютер Ф. А.
Ляпунов Ю. С.

Майков А. Н.
Малеин А. И.
Манштейн С. А.
Мартьянов И. И.
Мей Л. А.
Меклер Г. К.
Менщиков А. И.
Мережковский Д. С.
Миддендорф Ф. И.
Миллер Л. А.
Минский Н. М.
Митрофанов П. П.
Модестов В. А.
Модестов В. И.
Мор Я. Г.
Муравьев-Апостол И. М.
Муральт Э. Г.
Мусселиус В. В.

Наука А. К.
Нейлисов К. Ф.
Никитин П. В.
Никитский А. В.
Никольский Б. В.
Новосадский Н. И.
Новосёлов А. Г.
Норов Авр. С.
Носов П. М.

Оленин А. Н.
Орлов-Давыдов В. П.

Павловский А. А.
Пападопуло-Керамевс А. И.
Перовский Л. А.
Петрушевский Ф. И.
Петухова В. В.
Печерин В. С.
Писарев Д. И.
Покровский И. А.
Помяловский И. В.
Попов Д. П.
Порфирий (Успенский)
Порфиоров П. Ф.
Прахов А. В.
Придик Е. М.
Прозоров П. И.
Пустонский М. В.

Радлов К. Ф.
Радлов Л. Ф.
Радлов Э. Л.
Ростовцев М. И.
Рудаков В. Е.
Румянцев Н. П.

С Сабуров П. А.
Садов А. И.
Санчурский Н. В.
Селиванов С. А.
Семёнов А. Ф.
Семёнов-Тян-Шанский А. П.
Сибирский А. А.
Смирнов Я. И.
Соколов И. Я.
Соколов П. П.
Соколов Ф. Ф.
Стасюлевич М. М.
Стефани Л. Э.
Страхов Н. Н.
Строганов С. Г.
Струве Ф. А.

Т Тизенгаузен В. Г.
Толстой Д. А.
Толстой И. И. (ст.)
Тресс К. М.
Турчинович А. А.

У Уваров А. С.
Уваров С. С.
Уварова П. С.
Успенский Ф. И.

Ф Фармаковский Б. В.
Фармаковский М. В.
Фет А. А.
Фогель А. М.
Фоков Н. Ф.
Фохт Р. А.
Фрейтаг Ф. К.
Фризендорф Э. Э.

Х Хилинский К. В.
Холодняк И. И.
Холодняк М. А.

Ц Цветаев И. В.
Церетели Г. Ф.
Цыбульский С. О.

Ш Шад Г. И.
Шебор О. А.
Шлиман Г.
Шлиттер Э. Е.
Шмид(т) Г. К.
Шмит Ф. И.
Шнейдер В. В.
Шрамек И. Ф.
Штейнман И. Б.
Штёкгардт Р. А.

Щ Щербина Н. Ф.
Щукарёв А. Н.

Э Эйхвальд Э. И.
Энман А. Ф.

Я Янчевецкий В. Г.
Яроцкий В. Я.

БУЗЕСКУЛ В. П.

ЛАВРОВСКИЙ Николай Алексеевич

LAVROVSKIJ N. A.

[21.11(3.12).1825, по др. сведениям 1827 или 1828, с. Выдропу(ж)ск, ныне Спировский р-н Тверской обл. — 18(30).9.1899, хут. Кочеток, ныне Чугуевский р-н Харьковской обл. Украины; Холодногорское кладб. в Харькове],
филолог, деятель образования

Восемнадцатый ребенок в семье протоиерея из Новоторжского уезда. Вместе с мл. братом Петром, впоследствии известным славистом, начинал обучение у местного дьячка, продолжил в духовном уч-ще Торжка и Тверской духовной семинарии (зол. медаль). В 1841 братья были привезены отцом в Петербург, где после некоторой подготовки поступили в ГПИ (1842–1851; зол. медаль; в ГПИ учились и двоюродные братья Л. — Н. А. и И. А. Вышнеградские; последний впоследствии занимал пост министра финансов).

По окончании курса Л. был оставлен, по рекомендации Ф. Б. Грефе, адъюнктом кафедры греч. и лат. словесности (1851). Но уже в 1852, завершив работу над магист. дис. **«О византийском элементе в языке договоров русских с греками»**

(Харьков. ун-т, 1853; магистр рус. словесности), перевелся в Харьков. С февраля 1853 преподавал в Харьков. ун-те: в отсутствие вакансии на филол. кафедрах до 1855 занимал каф. педагогики: адъюнкт (1853), экстр. проф. (1855), орд. проф. (1855), почетный чл. (1892). Докт. дис. **«О древнерусских училищах»** (Харьков. ун-т, 1854; д-р слав.-рус. филологии).

С 1856 читал лекции по рус. языку, с 1858 занимал каф. рус. словесности, более 10 лет исполнял должность декана ИФФ, руководил ун-тским музеем изящных искусств (1864–1867). Одновременно — цензор газ. «Харьковские ведомости». В октябре 1858 на короткое время переводился в ГПИ, но в связи с предполагаемым закрытием ин-та вернулся в Харьков. В 1861 выезжал в заграничную командировку (из-за болезни жены возвратился, едва добравшись до Берлина). В 1874 был назначен директором-организатором Неж. ИФИ, которым руководил до 1882 (засл. проф. с 1878). В 1883 сменил на посту ректора Варшавского ун-та Н. М. Благоевского, в 1890 вступил в должность попечителя Рижского УО, зарекомендовав себя деятельным администратором и «ревностным русификатором». Чл.-корр. (1878) и орд. акад. АН (1890) по ОРЯС. Тайн. сов. 1880. Вышел в отставку уже тяжело больным (стенокардия), за месяц до кончины.

Своим жизненным успехом Л. был обязан природной одаренности и «галерной» работоспособности — мальчиком он то и дело преодолевал пешком 30 верст от уч-ща до дома. Эти качества со школьных лет обеспечили ему симпатии начальства, начиная с семинарского учителя древних языков, уважительно обращавшегося к нему на уроках за «помощью»: «А ну-ка, Алексеич, из угла» (Грот. С. 405). По свидетельству Грота (С. 438), Л. до конца дней сохранял превосходную память, любознательность и привычку к труду. Разносторонность интересов не позволила ему сразу определиться со специализацией: в отличие от брата, сосредоточившегося на русистике еще в студ. годы, он с энтузиазмом писал работы по педагогике, славистике и рус. истории (опubl. его реферат: **Избрание Михаила Федоровича на царство** // Опыт ист.-филол. трудов студентов ГПИ шестого выпуска. СПб., 1852), вместе с тем усердно занимаясь древними языками, чем заслужил расположение Грефе и И. И. Давыдова. Под руководством последнего Л. сочинил свою

первую напечатанную работу «**Сравнение перевода “Одиссеи” Жуковского с подлинником на основании разбора IX рапсодии**» (ОЗ. 1849. № 3, без подп.). Давыдов написал Погодину об этом разборе «даровитого юного русского филолога»: «Из перевода “Одиссеи” я разобрал в классе девятую рапсодию сравнительно с подлинником <...>. Один из студентов составляет из лекций разбор» (Барсуков. Т. 10. С. 189). Хотя впоследствии Л. предпочел антиковедению более перспективную в российских условиях славистику (на выбор повлияли и успешный пример брата, и поддержка И. И. Срезневского), к древней истории и языкам он всегда относился с любовью. В старости Л. вспоминал «с особым удовольствием свои занятия и успехи у проф. Грефе и о том, как он, будучи адъюнктом, объяснял студентам Гомера и греческих трагиков на латинском языке» (Грот. С. 408) и в 1899 незадолго до смерти весело декламировал Гомера «страницами» на экзамене в Рижской Александровской гимназии (Белявский Е. В. Педагогические воспоминания. 1861–1902 гг. М., 1905. С. 227).

Уже в ранних работах наметилось характерное для науч. манеры Л. сочетание добросовестного исследования материалов темы с хорошим лит. изложением. Историковедческие принципы, усвоенные на занятиях классич. филологией, были перенесены им в исследования по древнерус. литературе и культуре. В магист. дис. «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (СПб., 1853; перепеч.: РФВ. 1904. № 4–5) Л. доказывал посредством лит., лингв. и ист. анализа влияние визант. подлинников, реальных и реконструируемых, на стиль древнерус. договоров. По оценке В. В. Виноградова (Русская наука о русском литературном языке // Учен. зап. Моск. ун-та. 1946. Т. 106. С. 89), сочинение Л. «сохранило всю свою убедительность и свежесть» еще в XX в.

«Вклад Лавровского в выяснение отношения русских текстов договоров к не дошедшим до нас греческим текстам, в реконструкцию последних <...> в настоящее время оказался незаслуженно забытым не только в работах, посвященных древнерусской и византийской дипломатии, но и в специальных исследованиях о договорах русских с греками» (Медведев И. П. Лавровский Н. А. // Славяноведение. С. 213).

Проблемам визант. влияния на древнерус. историю и культуру посвящена докт. дис. Л. «О древнерусских училищах» (Харьков, 1854), которая приветствовалась рецензентами как «прекрасное историческое исследование» по мало разработанной теме, несмотря на эпизодич. выходы увлеченного автора за пределы «строгой критики» (ОЗ. 1856. № 2) и некоторые пробелы в картине древнерус. образованности. См. несколько иронич. оценку этой работы Н. Г. Чернышевским (Современник. 1855. № 5), усомнившимся в буквальных истолкованиях автором множества «выписанных из летописей мест» с глаголом «учить», включая контексты, где речь идет не об уч-щах, а о «поучениях» взрослых. Срезневский одобрял третью главу (о предметах изучения в училищах), находя две первые расплывчатыми и менее доказательными (ИАН по ОРЯС. Т. 4, № 5. С. 246).

К трудам Л. о рус.-визант. культурных связях примыкает сочинение «**Памятники старинного русского воспитания**» (М., 1861), в котором автор, комбинируя ист. исследование с филол. анализом, описал становление образования на Руси от летописной эпохи (послание Новгородского архиепископа Геннадия) до XV в., «**Обозрение ветхозаветных апокрифов**» (Духовный вестн. 1864. Т. 9; один из первых в России трудов по апокрифам Ветхого Завета, см.: *Мень А.* Библиологич. словарь. М., 2002. Т. 2. С. 111), «**Замечания о "гире" Константина Багрянородного**» (ЖМНП. 1873. Ч. 146) и др.

С 1870-х Л. писал преимущ. о рус. фольклоре (О русской народной поэзии. Воронеж, 1868; Заметки о текстах русских былин // Изв. Неж. ИФИ. 1877. Т. 1; и др.) и истории рус. литературы (О Ломоносове по новым материалам. Харьков, 1865; К биографии фон-Визина // ЖМНП. 1872. Ч. 140). Н. Ф. Сумцов (БС ИФФ Харьк. ун-та. С. 93), сдержанно вспоминая о лекциях Л. по рус. фольклору, высоко оценивал его курс по истории рус. литературы XVIII в., в котором Л. чаще отходил от голой фактографии. Особое направление составили работы Л. по славяноведению. Ист.-лит. составляющая входила как необходимый элемент и в его лингв. курсы: Л. стремился очертить индоевропейское и общеславянское пространство рус. языка, «руководствуясь идеей, что в языке заключается разум народа и его взгляд на мир внешний и внутренний» (из ректорского отчета 1856/57 учеб. года, см.: БС ИФФ Харьк. ун-та. С. 90). Внес Л. вклад и в летопись вузовского образования очерками по истории Харьков. ун-та и Неж. ИФИ: «В. Н. Каразин и открытие Харьковского университета» (Там же. 1872. Февр.), «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине» (Изв. Неж. ИФИ. 1879. Т. 3) и др.

Напряженная адм. деятельность со временем стала препятствием для науч. творчества Л., но как член АН он до последних лет участвовал в дискуссиях, рецензировал труды, держал корректуру академ. «Словаря русского языка» под ред. Грота (*Грот.* С. 440). Разносторонне образованный, живой, с даром «свободного слова» Л. - лектор имел успех в аудитории. В отличие от интроверта-брата, будучи «теплой и симпатичной личностью», располагал к себе большинство коллег. Наиболее стойким упреком со стороны его подчиненных было обвинение в консерватизме и «квиелизме» — осторожности к «колебанию устоявшихся форм» преподавания и вынесенному из ГПИ убеждению, что «студенту дана клеточка, которую он должен наполнить» (*Круковский А.* Старое педагогическое гнездо // ФЗ. 1911. № 6. С. 818–819, 829–832).

Умеренный просветитель-реформист, Л. сыграл значимую роль в становлении отеч. образования, в т. ч. покровительствуя в подведомственных ему заведениях классич. дисциплинам в их формальном варианте. Боролся со взяточничеством, строго преследуя подчиненных за злоупотребления. Входил в хозяйственные расчеты, заботясь о здоровье и успехах студентов, которых по возможности защищал и от полит. репрессий (напр., в начале 1850-х), но чаще предостерегал «от вступления в ряды непрошенных и непризванных устроителей народной жизни» (см. речь 1879: Изв. Неж. ИФИ. 1880. Т. 5. С. 66), поддерживал способных воспитанников советом, книгами из своей б-ки, ходатайствами о науч. командировках. Дипломатичный и энергичный администратор, Л. пользовался неизменным авторитетом в руководстве МНП, направлявшем его на трудные посты: он смолоду умел сдерживать брожение умов. В «никлаевские времена» Л., наряду с братом, выступил организатором первых провинциальных науч. объединений, в т. ч. ИФО Харьков. ун-та; оппонент А. Потебни на докт. диспуте 1874, он стал «крестным отцом» харьков. лингв. школы. Высоко оценивались современниками и усилия Л. по организации Неж. ИФИ, куда он привлек немало профессоров «нового типа», напр., классиков П. В. Никитина и Г. Э. Зенгера, слависта А. С. Будиловича, философа Н. Я. Грота (впоследствии мужа его дочери) и др., много радел о комплектовании изумительной институтской б-ки, добившись приобретения для нее собраний С. П. Шевырёва и Ф. Ричля. В Варшаве и Риге Л. неукоснительно проводил «русификаторскую» политику, «высоко держал знамя русской национальной и государственной политики» (Будилович А. С. Памяти Н. А. Лавровского. Юрьев, 1899). «Человек мягкий, весьма любезный, вкрадчивый, при этом исполнитель полонифобских предначертаний попечителя

А. А. Апухтина» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 160), в Варшаве смог погасить конфликты, терзавшие ун-т в ректорство его брата, от которого Л. унаследовал ярлык «полонофоба». О вступлении Л. в должность К. Тресс воодушевленно сообщал: «Наш ректор уже вполне вступил в отправление своей должности, выказывая как энергию, так и справедливость и ласковость обращения» (ОР РНБ. Ф. 608. № 1337. Л. 30). На Л. была возложена главная тяжесть русификации Дерпт. ун-та (Петухов. С. 16). Коллеги ценили в «скупом на похвалы» Л. чувство справедливости и преданность пед. делу при равнодушии к личной популярности (Грот. С. 428): «В нем не было ни малейшего самомнения, ни честолюбия, ни властолюбия, и то положение и значение, каких он достиг, приобретены им исключительно самоотверженным трудом, дарованиями и заслугами».

Литература: Смирнов А. Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института. 1828–1859. СПб., 1859; Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1884; Первов П. Памяти Н. А. Лавровского // МВед. 1899. № 273; Рудаков В. Е. Н. А. Лавровский: некролог // ИВ. 1899. № 11; Добиаш А. В. Н. А. Лавровский // Изв. Неж. ИФИ. 1900. Т. 18; Иванов Н. И. Педагогические труды Н. А. Лавровского. Юрьев, 1900; Грот К. Я. Братья П. А. и Н. А. Лавровские как деятели науки и просвещения // Изв. ОРЯС. Л., 1929. Т. 2; Самойленко Г. В. Н. А. Лавровский: библиогр. ук. Нежин, 1993; Емельянов Б. П., Куликов В. В. Русские мыслители второй половины XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1996; Макарова Е. А. Слависты Лавровские — уроженцы села Выдропужск. Тверь, 2006; Петухов; Почесні члени Харківського університету. Харків, 2008; ОРЯС ИАН 1841–1891 (2016). С. 751–758 ♦ Григорьев; Багалеи; Брокгауз; Прозоров; Нежин 1900; Венгеров (Список); БС АН 1889–1914; Воронков; Дроздов и Федорченко; Русские филологи XIX; Российская академия наук.

Архивы: Личные фонды: ЦГАЛИ СПб. Ф. 294; СПбФ АРАН. Ф. 704.

В. П. Смышляева

ЛАПШИН Григорий Иванович

LAPŠIN G. I.

[14(26).1.1813, Петербург —
2(14).4.1884, там же;
Большеохтинское Георгиевское
кладб.], *филолог, педагог*

Из многодетной старообрядческой семьи бронзовых дел мастера (по автобиограф. публикации его ст. брата, Василия И. Лапшина, проф. Харьков. ун-та — ЖМНП. 1890. Май). Окончил Петерб. 3-ю гимназию (1830; зол. медаль) и словесное отделение Петерб. ун-та (1833, кандидат). Как один из лучших в выпуске был командирован в Дерпт. профессорский ин-т, но положенной после обучения заграничной командировкой, в отличие от ст. брата, не воспользовался — вероятно, следуя желанию семьи, т. к. после командировки стипендиат был обязан 12 лет прослужить по назначению МНП. Уволившись из Профессорского ин-та «по болезни» (РГИА. Ф. 733. Оп. 56. № 688), Л. вернулся в Петербург. Преподавал древние языки в Петерб. 1-й (1835–1852) и 3-й (1840–1864) гимназиях, а также в Уч-ще правоведения (1867–1875). С 1853 учительствовал еще в Александровском лицее: преподаватель (экстр. проф. 1867–1882; чл. совета Лицея); наблюдатель за преподаванием лат. языка в петерб. гимназиях (с 1865). Около 30 лет (1852–1882) «подучивал семинаристов» на младших курсах Петерб. ун-та, ведя занятия и по переводу на лат. язык. Печатных трудов Л. не оставил, если не считать заметки «**Микенские и Троянские раскопки Шлимана**» (ВЕ. 1880. № 5). Одно время пытался заниматься языком Плавта, но плодов этих филол. занятий не публиковал, стесняясь «своего мало-знания» (Нейлисов. С. 78). Читал в ун-те римск. авторов со своими объяснениями: «Метаморфозы» Овидия, IV кн. «Энеиды», «Анналы» и малые сочинения Тацита.

Л. пользовался репутацией одного из лучших преподавателей-практиков своего времени, знатока «цицероновской» латыни и грамматики Цумпта. Считался также неплохим стилистом и переводчиком. Появление молодого Л. в Петерб. 1-й и 3-й гимназиях, где преподавание латыни в младших классах «потеряло почти всякую цену в глазах воспитанников», ознаменовалось впечатляющей методич. революцией. Л. отобрал и пересмотрел громоздкий дидактич. материал, очистил перегруженную программу от многих исключений и подробностей, любопытных лишь для специалистов, и заменил тяжеловесные пособия более доступным для школьников пособием Кюнера.

Был весьма настойчив в своих требованиях усвоения обозначенного им грамматич. и лексич. минимума, чем возбуждал у большинства учеников «не только уважение, но и любовь к своему предмету» (Соловьёв Д. Н. Пятидесятелетие С.-Петербург. Первой гимназии. 1830–1880. СПб., 1880. С. 158). Его отъезд за границу для лечения в 1844 вызвал волнения в дирекции обеих гимназий: «Не могу

скрыть моего сожаления, что классы г. Лапшина в 3-й гимназии останутся с начала курса на продолжительное время без руководства и что заменить такого опытного и сведущего преподавателя очень трудно», — писал директор 3-й гимназии Ф. Буссе (А н и ч к о в. С. 131). Даже не расположенные к древним языкам лицеисты под руководством Л. начинали писать небольшие лат. сочинения и с его жесткими требованиями «не только скоро и вполне примирились, но, в конце концов, чувствовали и глубокое уважение к своему строгому, но справедливому наставнику» («Наставникам, хранившим юность нашу». С. 303).

Для аудиторного чтения Л. предпочитал Цезаря, Вергилия, Овидия, Горация, Саллюстия, Ливия и особенно Тацита (со старшеклассниками). Как ученик Ф. И. Миддендорфа и Ф. Б. Грефе, он тяготел к традиционному комментарию с преобладанием грамматич. и стилистич. аспектов, а из реалий объяснял лишь необходимые для понимания. «<У него> я не замечал ни малейшего поползновения на разъяснение древнеримского мира: все внимание его сосредоточивалось на словоударении, и беда была сделать ошибку» (Тютчев И. А. В Училище правоведения в 1847–1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища // РС. 1885. № 11–12. С. 14 и отг.). Будущий автор памфлетов о гимназич. и ун-тской науке Д. И. Писарев получил у «страшного господина Григория» четыре балла только за ошибки в скандировании лат. стиха (Дневник Д. Писарева // Бывшая 3-я гимназия. С. 69), что указывает на недюжинные способности будущего критика, т. к., по убеждению Л., на «5» лат. язык знал только Бог, на «4» — сам Л., а ученикам полагалось от 3 до 0 баллов (сходное рассказывают о шкале оценок С. И. Соболевского в Москве, но тот отдавал 5 баллов одному Гомеру).

Многочисленные воспоминания учеников Л. предлагают противоречивые

оценки наставника: прекрасный и неумолимый методист, с одной стороны, и придирчивый педант (особенно в конце жизни), с другой. Необыкновенная требовательность Л. возрасдала с годами: «Забывчивости и рассеянности он не выносил, невнимание преследовал. Постоянным девизом его требований было *coria verborum et scientia grammaticae*» (Аничков. С. 129). Придирчивость Л. отчасти уравновешивалась его хладнокровием.

По воспоминаниям Н. Мамонтова (Прошлое и настоящее: сб. Л., 1924. С. 50), за все годы обучения он лишь однажды увидел Л. разволновавшимся «вследствие написанного на доске глупейшего четверостишия: “Между акаций / на берегу / сидит Гораций / и ни гу-гу”. Григорий Иванович увидел в этой надписи оскорбление не только себе, но и обожаемому им поэту и прочел нам целую лекцию о бессмысленности и неправдоподобности написанного».

В разночинной Петерб. 3-й гимназии Л. долго оставался одним из наиболее популярных преподавателей наряду со Стоюниным (*Острогорский В.* Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 22), но в лицейской и ун-тской аудитории методы преподавания пожилого Л. не имели успеха.

«И тот [Шульц], и другой [Лапшин] учили мертвому языку столь же мертво, как и все преподаватели того времени, будь то русский, немец или чех» (Понов П. Шесть лет в Имп. Александровском лицее. 1870–1875. СПб., 1911. С. 50). О чрезмерной придирчивости Л. вспоминают К. Сент-Илер (РШ. 1898. № 5–6. С. 45) и С. Ф. Платонов (Дела и дни. Кн. 2. СПб., 1921. С. 107–108): «Комментарии Лапшина к Тациту возвращали <...> прямо в средние классы гимназии. Благодушный, но не всегда добрый старичок лет под 70, бодро ходивший с палкою, он гладко говорил и плавно переводил, заставляя переводить и студентов; спрашивал и сам давал толкования текста, охотно обращался к элементарному грамматич. разбору, ловил студентов на разных тонкостях <...> и вообще достаточно нам надо-едал своею мелочной требовательностью».

О преподавании Л. в ун-те как весьма полезном рассказывал и И. В. Помяловский (БС СПб. ун-та. С. 367 и след.): «...когда, за смертью профессора Грефе, освободилось место преподавателя латинского языка на младших курсах университета, для занятия оно было приглашен Лапшин, преподававший латынь и филологам, и юристам. Преподавание его состояло в чтении и объяснении латинских авторов, из которых Лапшин наиболее часто выбирал Ливия, Саллюстия, Тацита, Виргилия и Горация. Чтение это велось обыкновенно так, что один из слушателей по очереди читал место из классика и переводил его на русский язык, причем преподаватель давал ему необходимые указания для того, чтобы передача эта была правильна и точна и сопровождал их потребными стилистическими и реальными объяснениями, которые всегда отличались точностью и обдуманной определенностью».

Тяжелые волнения вызывало появление Л. на приемных экзаменах, где он «резал на все факультеты без малейшего снисхождения. В крайнем случае оставалось одно прибежище — ректор П. А. Плетнёв, который разрешал переэкзаменовки для провалившихся у Л.; и в таком случае экзаменатором назначался Благовещенский» (Пантелеев. С. 497). «Из-под ферулы» Л. вышло, однако, немало хороших латинистов, а его строгое репетиторство подтягивало начинающих студентов до уровня, необходимого для чтения авторов на третьем-четвертом курсе. С сорокалетием службы (30.9.1875) скромного латиниста пришел поздравить весь цвет ИФФ Петерб. ун-та во главе с деканом И. И. Срезневским (см.: *Нейлисов*. С. 79).

Нам не удалось установить, принадлежал ли к тому же семейству Лапшиных, что и Григорий Иванович, И. И. Лапшин-философ (1870–1952), сын некоего чиновника Ивана Осиповича Лапшина, или они однофамильцы.

Литература: Двадцатипятилетний юбилей Третьей С.-Петербургской гимназии. СПб., 1848. С. 43; *Селзнёв И.* Ист. очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея 1811–1861. СПб., 1861; *Нейлисов К. Г. И. Лапшин: некролог* // ЖМНП. 1884. Май; Памятная книжка Имп. Александровского лицея. СПб., 1886; *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петерб. 3-й гимназии. СПб., 1911; Никитенко. Т. 1; *Чухман А. А.* Очерки по истории 321 средней школы. СПб., 1999. Ч. 1; Имп. Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918). Кн. 2 / сост. С. Павлова. СПб., 2011; *Костина Т. В.* Воспитанники С.-Петерб. ун-та в Дерптском профессорском ин-те // Петерб. исследования. 2011. № 3 ♦ Воронов; Григорьев; БС СПб. ун-та; Брокгауз; Прозоров; Языков; Венгеров (Источники, Списки); Черняев; РБС; Сайтов 2006, Фролов 2006; Фёдоров; Album Dorpat.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 377 (И. П. Корнилов). № 850; Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 925; Ф. 744 (В. Я. Стоюнин). № 159; ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей). Оп. 1. № 3746; Ф. 14 (Петербург. ун-т). Оп. 1, т. 2. № 3878, 3782; Ф. 114 (Петербург. 1-я гимназия) № 535; Ф. 355 (Уч-ще правоведения). № 3922; Ф. 439 (Петербург. 3-я гимназия). № 208, 4563.

В. П. Смышляева

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич

LATYS(C)NEV / LATYŠEV V. V.

[29.7(10.8).1855, с. Диево, ныне Рамешковского р-на Тверской обл. — 2.5.1921, Петроград; Смоленское кладб.],

филолог-классик, историк античности, эпиграфист, византинист и переводчик древних авторов

Происходил из мещан. Рано лишился отца и с восьмилетнего возраста воспитывался своим крестным отцом и дядей по матери И. С. Талызиным, чиновником губ. правления в Твери. Начальное образование получил дома. В 1865–1872 учился

в Гродненской гимназии (закончил с сер. медалью). В 1872–1876 обучался в ИФИ, где слушал лекции А. К. Наука, Л. А. Миллера, И. В. Помяловского, А. И. Ионина по классич. филологии и Ф. Ф. Соколова по истории. Особенно сильное влияние на молодого человека оказал проф. Соколов, приобщивший его к занятиям антич. надписями: Л. стал одним из участников знаменитых соколовских «пятниц» — домашних семинаров по эпиграфике для избранного круга близких учеников. В 1876–1880 преподавал древние языки в Виленской гимназии. В 1880 вместе с В. К. Ернштедтом командирован МНП на два года в Грецию, где занимался гл. обр. эпиграфич. изысканиями под руководством знаменитых ученых У. Кёлера, главы Афинского отделения Герм. археол. ин-та, и П. Фукара, директора Франц. школы в Афинах. Л. работал по большей части в Афинах, но совершил поездки в Беотию, Фокиду, Фессалию, на Кикладские острова и Пелопоннес, осматривая места археол. раскопок и знакомясь с коллекциями греч. музеев. Результаты своей работы Л. публикует

в «ЖМНП» (серия статей «**Эпиграфические этюды**»), «Bulletin de correspondance hellénique» (ВСН), «Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung» (MDAI AA) (выходные данные см.: Винберг. С. 36–37). Собранные материалы легли в основу его магист. дис. **«О некоторых эолических и дорических календарях: эпиграфические исследования»** (защита: Петерб. ун-т, 1883; подробнее см.: Заметки А. В. Никитского о В. В. Латышеве / публ. В. П. Яйленко // ВДИ. 1972. № 4. С. 183–184).

В тот период в РАО возникли планы издания свода греч. и лат. надписей Сев. Причерноморья. Офиц. предложение взять на себя труд по его подготовке в 1878 было сделано Ф. Ф. Соколову. Однако Соколов, чрезвычайно загруженный пед. и науч. работой, в конце концов отказался и рекомендовал поручить это дело своему ученику Л. (подробнее см.: Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900. С. 132–133; Фролов 2006. С. 257–259). В 1882 Л. приступает к выполнению задания РАО. Он изучает причерноморские надписи в музеях Санкт-Петербурга, а весной 1883 отправляется в командировку по городам юга России (Харьков, Одесса, Керчь, Севастополь, Феодосия и др.).

По возвращении в Петербург Л. работает в ИФИ: сначала как преподаватель греч. словесности (с 1883), затем — как наставник студентов (1883–1887); зав. гимназией и наставник-руководитель по греч. языку (1887–1890). Одновременно он преподает в Петерб. ун-те (прив.-доц. по каф. классич. филологии ИФФ, 1884–1890). В 1883–1886 Л. читает лекции по древней истории на ВЖК. В 1887 защищает в Петерб. ун-те докт. дис. **«Исследования об истории и государственном строе города Ольвии»**. После 1890 он отходит от преподавательской работы, приняв предложение

министра народного просвещения гр. И. Д. Делянова занять место помощника попечителя Казан. УО (1890–1893). Вернувшись в Петербург, Л. служит вице-директором (1893–1896) и директором (1896–1898) Деп. народного просвещения. Став в 1898 чл. Совета министра народного просвещения, Л. принимает участие в работе Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе, созданной министром народного просвещения Н. П. Боголеповым (1900): чл. Комиссии по преобразованию высших учеб. заведений (1902); предс. Постоянной комиссии по ун-тским делам при МНП; почетный чл. Ученого комитета МНП (с 1909). В 1903 Л. становится преемником умершего К. В. Кедрова на посту директора ИФИ (до 1918). В 1900–1919 — тов. предс. ИАК. Чл.-корр. Имп. АН (1890), орд. акад. по классич. филологии (1893), чл.-корр. Берлинской АН (1891); предс. Петерб. ОКФП (с 1896); чл. Совета и председательствующий в Отделе ученых изданий ИППО (1903). Д. чл. Герм. археол. ин-та (1885); д. чл. МАО (1886); чл.-сотрудник (1883), д. чл. (1886), секр. Классич. отделения (1886–1891) и чл. ред. комитета РАО. Д. чл. Имп. ООИИД (1884), Казан. общ-ва истории, археологии и этнографии (1891), Таврической ученой архивной комиссии (1891) и др. Почетный чл. Константинопольского греч. филол. общ-ва (1886), РАИК (1895), Имп. Юрьевского ун-та (1902), СПбДА (1909), Имп. Казан. ун-та (1916) и др. (подробнее о многочисленных регалиях Л. см.: *Тункина*. С. 172–173). Глава оргкомитета и предс. 1-го Всероссийского съезда преподавателей древних языков (1911).

Русская революция 1917 нарушила устоявшийся уклад жизни и работы Л. Прямых свидетельств о его отношении к революционным событиям нет, но едва ли можно сомневаться, что оно было отрицательным. Вместе с тем, насколько можно судить, он не помышлял об эмиграции. После ликвидации в апр.

1919 РГАК Л. работает в Археол. отделении созданной вместо нее РАИМК (д. чл. и зав. разрядом древностей греч. колоний Юга России). По мере сил Л. старается продолжать свою науч. деятельность, хотя в тех условиях это было сопряжено с большими трудностями. Возглавляемый Л. разряд включал в себя только одного сотрудника — Е. М. Придика, а финансирование РАИМК не позволяло удовлетворять даже насущные бытовые нужды (подробнее см.: *Виноградов*. С. 161–163). Тяжелые материальные условия жизни и душевные потрясения подорвали здоровье Л. Он скоропостижно скончался от застарелой болезни сердца; могила не сохранилась.

Жена — Наталия Адриановна Бесмертная, дочь коллеж. сов.; ей Л. посвятил серию своих переводов из антич. авторов на рус. язык. Сын — Петр Васильевич Латышев (1882–1942), горный инженер, металлург и нумизмат, большую часть жизни проработал на Монетном дворе в Петербурге (см. о нем: *Тункина*. С. 181–182, примеч. 46).

Одним из первых печатных трудов Л. был **«Очерк греческих древностей»** (Ч. 1: Государственные и военные древности. Вильно, 1880), написанный в период преподавания в Виленской гимназии. Сам автор рассматривал эту работу как пособие для «гимназистов старших классов и для начинающих филологов». Впоследствии вышли коренным образом переработанные издания этого «Очерка...» (СПб., ²1888 и СПб., ³1897; при участии А. Н. Щукарёва). В 1889 появилась также и его вторая часть: **«Богослужбные и сценические древности»** (²1899). Труд Л., составленный на основе известных нем. руководств Г. Гильберта и Г. Бузольты с широким привлечением свидетельств антич. авторов и, в особенности, эпиграфич. данных, стал ценным учеб. пособием по древнегреч. истории и культуре и до сих пор сохраняет значение. Автор намеревался написать также

и третью часть «Очерка...», посвященную быту и частной жизни греков, однако этот замысел воплощен в жизнь не был (БС СПб ун-та. Т. 1. С. 374). Не удалось ему подготовить и задуманное 4-е издание первой части.

Безусловно, ведущее место в науч. занятиях Л. принадлежит изучению древностей Сев. Причерноморья. Его вклад в эту обл. антиковедения трудно переоценить. В первую очередь следует назвать, конечно, *opus magnum* Л. — «**Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae**» (IosPE), к составлению которого он приступил в 1882 по поручению РАО. Первый том, включивший в себя 245 греч. и лат. надписей из Тиры, Ольвии, Херсонеса Таврического и ряда более мелких антич. поселений на территории от Дуная до Ай-Тодора, вышел в Петербурге в 1885. Публикация была осуществлена на высоком науч. уровне. Надписи сгруппированы по содержанию и хронологии. Они сопровождаются подробным описанием, ист.-филол. комментарием на хорошей латыни, ссылками на др. существующие издания и литературу, а наиболее важные — также и переводом на рус. язык. Подготавливая издание первого тома IosPE, Л. параллельно опубл. работу о греч. надписях не южнорус. происхождения из музеев России «**Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften**» (MDAI AA. 1884. Bd. 9. S. 209–231; 1885. Bd. 10. S. 113–130). В 1890 вышел второй том IosPE, включивший 509 надписей Боспорского царства. Он содержал также обширный очерк полит. истории Боспора от основания Пантикапея до IV в. н. э. («**Brevis conspectus historiae Regni Bosporani**», р. VIII–LVI), который потом неоднократно издавался в рус. переводе (напр.: Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 60–128).

Труд Л. доставил автору европ. известность и был по достоинству оценен как

в России, так и за рубежом. Ученый получил за него премию В. П. Боткина от ИФФ Моск. ун-та и премию Христиниса Зографа от франц. Association pour l'encouragement des études grecques. Помимо этого Л. в 1890 был избран чл.-корр. Имп. АН, а в 1891, по предложению У. Кёлера, поддержанному Т. Моммзенем, А. Кирхгоффом и Э. Курциусом, — Берлинской АН (см.: *Ирмиер И.* Русские исследователи античности в Берлинской Академии // ВДИ. 1967. № 2. С. 118–120). Работу по изучению и изданию причерноморских надписей Л. продолжал и впоследствии, регулярно публикуя находки новых эпиграфич. памятников в различных журналах и сборниках. Пожалуй, наибольшее значение из них имеет публикация текста знаменитой присяги херсонесцев, датируемой концом IV — началом III в. до н. э. (Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1888–1891 г. // МАР. 1892. № 9. С. 1–13; Bürgereid der Chersonesiten // Sitzungsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1892. S. 479–494). В 1901 Л. был издан еще один, третий по счету, а по номеру четвертый, том IosPE, содержащий 478 новых надписей без рус. перевода (в качестве т. 3 РАО планировало опубликовать том, который включил бы в себя надписи на сосудах и т. п.; подготовку его поручили Е. М. Придику, но этот том так и не вышел). Позднее Л. стал готовить к переизданию первые два тома, планируя включить накопившиеся по каждому материалы. Однако свет успел увидеть только первый из них, в который вошла 751 надпись (IosPE I². Petropoli, 1916). Лат. надписи для этого тома были подготовлены М. И. Ростовцевым. Помимо включения новых памятников, во втором издании была приведена новая нумерация надписей, уточнены датировки и расширены комментарии, а также улучшен способ воспроизведения эпиграфич. текстов. Второе издание т. 2 было подготовлено Л. к 1917, но из-за финансовых

трудностей оно так и не увидело света. Впоследствии рукопись Л. была использована коллективом ученых при создании КБН — «Корпуса боспорских надписей» (М.; Л., 1965), а еще много позже вышел КБН-альбом, или CIRB-album (SPb., 2004). Всего в трех томах латышевских IosPE были опубликованы (за вычетом повторений) около 1500 надписей, причем многие из них — впервые (см.: Фролов 2006. С. 266). Нельзя не отметить, что часть работы по подготовке надписей к публикации — обмер, списывание с оригиналов, снятие эстампажей, описание и т. д. — для Л., как он отмечает сам в своих образцовых лат. комментариях, выполняли его помощники на местах; издатель, однако, входил во всякую деталь и писал свой комментарий, в котором и через столетие мало что нуждается в уточнениях.

Параллельно с работой над IosPE у Л. возник новый, не менее масштабный замысел, осуществление которого затянулось на несколько десятилетий: собрать воедино и издать все антич. и византийские лит. свидетельства, имеющие отношение к обл. Сев. Причерноморья и Кавказа. Результатом этого титанич. труда стал выход двухтомника **«Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе»** (Т. 1: Греческие писатели. Вып. 1–3. СПб., 1893, 1896, 1900; Т. 2: Латинские писатели. Вып. 1–2. СПб., 1904–1906). К работе Л. привлек некоторых своих учеников из числа студентов старших курсов ИФИ (А. И. Маленина, П. И. Прозорова и др. — имена их перечислены в предисловии к первому вып. т. 1). Сам он выступил в качестве редактора сб. и как автор ряда переводов. Свидетельства антич. авторов (от Гомера вплоть до V в. н. э. включительно) приводились в оригинале и в рус. переводе и сопровождались комментарием. Впоследствии эти два тома были переизданы с уточнениями, дополнениями

(в частности, добавлены древневост. тексты) и расширенными комментариями, но без оригинальных греч. и лат. текстов (ВДИ. 1947–1949; 1950. № 4; 1952. № 2). Подготовка третьего тома, который предназначался для визант. авторов, затянулась. Довести ее до конца Л. не успел; спустя много лет после его смерти появился лишь первый выпуск, в который вошли переводы отрывков из Константина Багрянородного (Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1 // ИГАИМК. 1934. Вып. 91).

Первой работой Л. по истории антич. Причерноморья стал большой очерк **«Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического»** (ЖМНП. 1884. Ч. 233. Июнь. С. 35–77; опубл. на франц.: ВСН. 1885. Т. 9. Р. 265–300). Среди его наиболее важных исследований в этой обл. почетное место принадлежит монографии **«Исследования об истории и государственном строе города Ольвии»** (СПб., 1887), которую Л. защитил в качестве докт. дис. Она представляет собой, по сути, первую попытку связанного изложения социальной и полит. истории этого крупного греч. полиса на основании всех доступных на тот момент источников (лит., отчасти нумизматич., но гл. обр. — эпиграфич.). Археол. источники Л. не использовал, поскольку систематич. раскопки в Ольвии тогда еще не проводились. Эта работа, несмотря на обилие новых данных, и по сей день сохраняет свое науч. значение [см.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса (VII–I вв. до н. э.): историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 3–4, 8–9]. Перу Л. принадлежат также многочисленные отд. статьи и заметки о причерноморских древностях, большая часть которых впоследствии вошла в книгу **«PONTIKA: сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях**

Черного моря» (СПб., 1909), посвященную памяти Ф. Ф. Соколова.

Подробнее о вкладе Л. в изучение Сев. Причерноморья см., напр.: *Книпович Т. Н.* Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху // СА. 1958. Т. 28. С. 7–14; *Тюменев А. И.* В. В. Латышев и история Херсонеса // Там же. С. 15–32; *Фролов* 2006. С. 266–272.

Сделав так много, Л. под конец жизни лелеял еще более грандиозные планы. В 1919 на заседании Археол. отделения РАИМК он предложил свой проект создания «Реальной энциклопедии Южной России и Кавказа классической и византийской эпох» — по образцу универсальной нем. «Real-Encyclopädie» Паули-Виссовы (см.: *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры. С. 162). К сожалению, воплотить эту идею в те годы было уже невозможно по не зависевшим от автора причинам.

Большой интерес Л. всегда питал к переводам на рус. язык антич. авторов. Первая его публикация представляла собой перевод одного из диалогов Лукиана (**Харон или наблюдатели. Диалог Лукиана Самосатского / пер. с греч. с примеч.** // ЖМНП. 1878. Ч. 200. Ноябрь. С. 157–176). Впоследствии он нередко посвящал часы, свободные от науч. и адм. работы, стихотворным переводам из греч. (Тиртей, Солон, Феокрит и др.) и лат. (Марциал) поэтов, которые публиковал в «ЖМНП», «ФО», «Учен. зап. Казан. ун-та» или в «Гермесе». Некоторые из них вышли отд. книжкой (На досуге: переводы из древних поэтов. СПб., 1898). Появились в печати также и несколько оригинальных стихотворений Л., подписанные инициалами или псевд.: В. Ивицкий и др. (см.: БС АН 1889–1914. Ч. 1. С. 415–416).

Нельзя не упомянуть о студиях Л. в обл. истории Византии. Интерес к визант. древностям, по всей видимости, появился у него уже в зрелые годы и вырос из его занятий антич. памятниками

Сев. Причерноморья. Сначала Л. увлекся визант. эпиграфикой. С 1894 он публикует в «Византийском временнике» серию статей под общим заглавием «**Этюды по византийской эпиграфике**» (выходные данные см.: *Винберг*. С. 41–43), а в 1896 издает в Петербурге «Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России». Позже Л. обращается к изучению визант. агиографии и историографии. Первой его работой в данной обл. стало «**Житие св. епископов херсонских: исследование и тексты**» (ЗАН. 1906. Т. 8. № 3). Затем им были изданы греч. и слав. тексты житий многих святых, с переводом их на рус. язык: Анастасия Перса, св. Проккопия, св. апостола Иакова, брата Господня и др.

Краткий обзор работ Л. в обл. византистики см.: *Fonkič B. L., Poljakov F. B.* Schiksale der byzantinischen Philologie in Russland im 20. Jahrhundert // La filologia medievale e umanistica greca e latina nel secolo XX: Atti del Congresso internazionale. Roma, 1993. P. 780–781, 788, 795; *Тункина*. С. 205–208, 221 и далее.

Как кажется, деятельной и честолюбивой натуре Л. было иногда тесно в рамках традиционных для учено-антиковеда занятий. Он всегда тяготел к адм. работе и отдавался ей с не меньшим рвением, чем науч. студиям. Свойственные ему поразительная работоспособность, требовательность к себе и другим, стремление к точности и порядку как нельзя лучше подходили к гос. службе, по которой он, как и в науке, сделал блестящую карьеру: в 1905 удостоен чина тайн. сов.; был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, Бухарской зол. звездой 1-й степени и орденом Белого Орла (1911). В 1907 Л., как один из лучших в стране знатоков греч. языка, был привлечен к работе Комиссии по исправлению богослужебных книг при Святейшем Синоде. Достоянная восхищения способность Л. успешно

сочетать столь многочисленные и столь разнообразные виды деятельности.

Занимая высокие посты в ИАК и ИППО, Л. руководил в т. ч. их издательской деятельностью; им редактировались «Отчеты Имп. Археологической комиссии», «Материалы по археологии России», «Палестинский сборник», «Палестинский патерик». Он также инициировал создание нового печатного органа ИАК — «Известий Имп. Археологической комиссии» (с 1901), бессменным редактором которых стал и в которых регулярно публиковал свои «**Эпиграфические новости из Южной России**». Л. также неоднократно участвовал в подготовке к публикации науч. трудов других ученых: К. К. Гёрца, В. Г. Васильевского, еп. Порфирия (Успенского) и др. Под его руководством были составлены систематич. каталоги б-к ИАК и ИППО.

К своей пед. работе Л. подходил столь же ответственно, как и ко всему, чем он занимался. Впрочем, в Петерб. ун-те любовью студентов его занятия не пользовались. По словам С. А. Жебелёва, «В. В. Латышев, снискавший себе почетную известность и за пределами России как блестящий эпиграфист, <...> менее чем его коллеги, удовлетворял нас как профессор; он казался нам попросту учителем» [Жебелёв С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // ВДИ. 1968. № 3. С. 165]. Насколько можно судить, Л. отталкивал студентов строгим обращением, требовательностью и педантизмом. Впрочем, возможно, и сам он не питал к ун-ту особенно нежных чувств. Совершенно иным было его отношение к своей alma mater — ИФИ. Работе здесь Л. отдал 22 года, из которых 15 (1903–1918) был директором. Как вспоминает С. А. Жебелёв, «такой любви и преданности к Институту, какие питал к нему В. В. [Л.], я не встречал ни в одном из питомцев Института» (Жебелёв. Василий Васильевич Латышев. С. 105). Когда после Окт. революции была

предпринята масштабная реорганизация ИФИ, Л. в 1918 оставил пост директора, и это стало для него серьезным ударом, безусловно, ускорившим его кончину еще до полного уничтожения ИФИ в 1922.

Разносторонний и работоспособный ученый, педагог, администратор, Л. был непростым человеком в личном общении. Так, В. Г. Васильевский замечает в одном из писем, что Л. «очень <...> подозрителен и обидчив» (Тункина. С. 189). Неоднократно Л. в весьма резкой форме критиковал других ученых (напр., Э. Р. фон Штерна) за ошибки, допущенные ими, по его мнению, при издании надписей. Может быть как раз поэтому он не создал собственной науч. школы южнорус. эпиграфики. Разумеется, у Л. были свои ученики, но ни один из них не стал крупным ученым. Как пишет С. А. Жебелёв, «с 1885 г., когда появился первый том IosPE, и до конца жизни, В. В. [Л.] был почти монопольным хозяином по изданию и объяснению греч. надписей, происходящих с юга России. К этой своей “монополии” он относился очень и ретиво, и ревниво. Он не очень-то жаловал, когда кто-нибудь другой вторгался в эту область, где он считал себя — и в значительной степени мог считать себя по праву — полным хозяином» (Жебелёв. Василий Васильевич Латышев. С. 108).

Библиография трудов: БС АН 1889–1914. Ч. 1. С. 413–428 (автобиогр. очерк и список работ до начала 1914); Латышев. С. 99–107 (автобиогр. очерк и список работ до середины 1917); Материалы к списку трудов академика В. В. Латышева // ВДИ. 1946. № 4. С. 167–169 (после 1914 и дополнения к списку из БС АН 1889–1914); Винберг Н. А. Список трудов академика В. В. Латышева // СА. 1958. Вып. 28. С. 36–51 (наиболее полный на сегодняшний день, хотя и не исчерпывающий).

Литература: Жебелёв С. А. Василий Васильевич Латышев: некролог // ВВ. 1926. Т. 24. С. 105–110; Успенский Ф. И. Памяти академика В. В. Латышева // Изв. АН СССР. 1926. Т. 20. № 9. С. 105–110; Памяти В. В. Латышева // СА. 1958. Т. 28 (сб. материалов к 100-летию

юбилею); *Тункина И. В.* В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // РНРВ. С. 172–288; Фролов 2006. С. 253–289; *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / под ред. Е. Н. Носова. СПб., 2013. С. 160–190 ♦ БС СПб ун-та; Бузескул 2008; Имп. Археол. комиссия; *Тункина* 2017.

Архивы: РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 351 (личное дело). Л. 12 с об.; Ф. 1. Оп. 1-1900. Д. 91. Л. 13–36 (ф. с. — до 1900); СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 81. Л. 30 (выписка из протокола ИФО ИАН от 18 мая 1916, § 195); Ф. 110. Оп. 1. Д. 117. Л. 10; Ф. 110. Оп. 2. Д. 29. Л. 20 (личный фонд; о фонде см.: *Тункина*. С. 175–176).

В. К. Хрусталёв

ЛЕБЕДИНСКИЙ Иван Иванович

LEBEDINSKIJ I. I.

[1820? 1821?, Киев —
не ранее 1876, ?],
филолог, лексикограф

Из дворян. Выпускник ГПИ (1832–1841, сер. медаль; однокурсник Н. М. Благо-вещенского). По окончании ин-та преподавал в Моск. 3-й (1842–1843) и Тверской (1843–1844) гимназиях, затем в Моск. дворянском ин-те (1845), после закрытия которого (1849) несколько месяцев находился в отставке. В сент. 1849 получил назначение в Моск. 4-ю гимназию учителем лат. языка. В авг. 1852, по прошению, перемещен в Петерб. 3-ю гимназию, где прослужил до 1864; одновременно (с 1859) преподавал новые языки и арифметику в школе при Экспедиции заготовления гос. бумаг Минва финансов. В 1864–1865 состоял под следствием по «обвинению в растрате капитала несовершеннолетнего В. Кларка, над которым был попечителем» (ЦГИА СПб. Ф. 439. № 212. Л. 52–83; в деле есть ф. с. 1852). Разбирательство завершилось

примирением сторон, однако репутация Л. пострадала, и он был вынужден уволиться из гимназии «по болезни» — сложный для него год Л. действительно провел в лечебнице: судебная история спровоцировала «прилив крови в голову» и «тифозную горячку». Оправданный и даже получивший с разрешения попечителя «чистый» аттестат без записи о привлечении к суду, он с 1866 и до отставки 1876 служил в уездных учеб. заведениях Варшавского УО (Радомской женской гимназии, Лодзинском ремесленном уч-ще и др.).

Несмотря на финансовую неаккуратность (в цитируемом деле отражено еще разбирательство по поводу долга моск. портному), Л., видимо, производил на окружающих благоприятное впечатление — способного, трудолюбивого и мягкого по характеру человека. Директор Петерб. 3-й гимназии В. Х. Лемонус в конфиденциальном ответе на запрос попечителя Варшавского УО охарактеризовал его как «усердного» и «знающего предмет» учителя с «ученым стремлением, проявившимся в составлении ряда словарей», и «тихим уступчивым характером» при благонадежном полит. направлении (Там же. Л. 125). В моск. период, по рекомендации П. Леонтьева, попробовал себя в востребованном периодикой той поры антикварном очерке **«О гладиаторах и гладиаторских зрелищах в древнем римско-греческом мире»** (Москвитянин. 1847. № 3).

Наиболее известным печатным трудом Л. стал объемный **«Полный латинский словарь»** в соавторстве с моск. учителями А. Ананьевым и И. Яснецким (М., 1862), включавший около 37 000 слов; в том же году вышла сокращенная версия словаря с 28 000 слов из «золотой» и «серебряной» латыни (²1883) — его полноту ценят и современные исследователи (Солопов. С. 142). Составленный по иностр. образцам (лексиконом В. Фрейнда, Р. Клоца и др.), словарь Л. предлагал

учащимся сравнительно полный список значений с указанием на авторов (хотя и без уточнения мест) и приведением наиболее употребительной фразеологии. В рец. К. Я. Л ю г е б и л я (Новые латинские словари // ЖМНП. 1863. Янв.) «тщательному и добросовестному труду» Л., Ананьева и Яснецкого отдано предпочтение перед устаревшим «Лексиконом» И. Кронеберга за «должное внимание на разветвление значений одного и того же слова» и полноту статей, достаточную для гимназиста и для начинающего филолога, «не успевшего выучиться по-немецки». Критику Люгебиля вызвали некоторые русицизмы и народные выражения, а также и небрежность составителей при указании на авторов (напр., для aedes в словаре указан лишь Плавт). Приобретенный в процессе этой работы лексикографич. опыт Л. использовал затем при подготовке словаря Саллюстия (СПб., 1862), который впоследствии он многократно издавал с приложением лат. текста, рисунков и обширного комментария «**Латинско-русский словарь к сочинениям К. Саллюстия Криспа: Bellum Catilinarium sive De conjuratione Catilinae et Jugurtha seu Bellum Jugurthinum**» (СПб., 1867; ⁶1891). По той же схеме Л. подготовил выдержавшее несколько изданий гимназич. пособие «**Корнелий Непот. Жизнеописание славнейших полководцев**» (СПб., 1868; с прил. «добросовестно переведенного» из germ. источников словаря на 2000 слов и антикварных статей о древнем календаре и воен. технике римлян). Методич. издания Л., хотя и подвергались критике за опечатки и избыточность приложений, послужили не одному поколению гимназистов. Их серию должен был дополнить «**Латинско-русский словарь географических, мифологических и исторических имен, упоминаемых латинскими классическими писателями**» (СПб., 1873; опубл. лишь первая часть — словарь не был завершен автором).

Л и т е р а т у р а: Смирнов; Аничков; *Виноградов П.* Краткий ист. очерк 50-летия Моск. 3-й гимназии. М., 1889; *Соколов Д.* Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии. 1849–1899. М., 1899 ♦ Прозоров; Нагуевский; Венгеров (Список).

В. П. Смышляева

ЛЁВЕ (ЛЕВЕ) Евгений Августович

LOEWE (LOEV) Eugen von

[2(14).3.1856, Петербург — 25.1(7.2).1916, Петроград],
филолог, педагог

Отец Л., Август Августович (ум. в 1893), был преподавателем математики и составителем распространенных в то время учебников. Л. получил аттестат зрелости в Ревельской гимназии в 1874 и в том же году приступил к изучению классич. филологии в Юрьевском / Дерптском ун-те. В 1883 получил степень кандидата за написанную на лат. языке работу «**Quaestiones Theognidaeae**», в переработанном виде напечатанную в «ЖМНП» (1887. Сент. С. 1–40; Окт. С. 41–74). Автор рассмотрел вопрос о значении употребляемых Феогнидом прилагательных *ἀγαθός, κακός, ἐσθλός, δειλός*, исследовал полит. обстановку в Мегарах, обрисовал положение самого поэта в городе. По окончании ун-та Л. преподавал в Юрьеве лат. язык в частной гимназии д-ра Кольмана.

В 1885 Л. переехал в Петербург, где преподавал нем. язык в 1-м реальном уч-ще, лат. язык в евангелич.-лютеранской гимназии при церкви св. Екатерины; в 1893–1897 был директором и преподавал лат. язык в гимназии д-ра Видемана.

С конца 1880-х занимался почти исключительно германистикой и методикой преподавания новых языков. С 1896 и вплоть до смерти был преподавателем женских пед. курсов (с 1903 — Женский

ЛЕМОНИУС

Вильгельм Христианович

LEMONIUS Wilhelm

[26.8(7.9).1817, Петербург —
13(26).1.1903, там же;
Волковское лютеранск. кладб.],
филолог, педагог

Сын чиновника по особым поручениям, с 1834 — казначея при дворе вел. кн. Марии Михайловны. Окончил Петерб. 3-ю гимназию (1834–1837; зол. медаль) и словесное отделение Петерб. ун-та (1841, кандидат). Завершал образование в Германии на личные средства, преимущ. в Берлинском ун-те. Вернувшись в Петербург (1843), поступил на службу в Петерб. 3-ю гимназию: учитель лат. (с 1844) и греч. языков (с 1848), директор (1859–1896). Магист. дис. **«De parasceniis: dissertatio philologica et archaeologica»** (Петерб. ун-т, 1850; магистр греч. и римск. словесности). В разные годы Л. преподавал еще в Петерб. ун-те (1850, временно) и Уч-ще св. Анны (с 1846, с перерывами; учитель нем. языка и чл. совета). Чл. Учен. комитета (1871): при участии Л. готовился гимназич. устав с программами 1864 (глава комиссии по древним языкам) и реформа женского образования 1860–1870-х — в 1871 он выезжал в Берлин для ознакомления с постановкой работы ин-та учительниц и воспитательниц. Чл. совета министра народного просвещения (1896). Тайн. сов. (1880).

С юности отличался успехами в древних языках: ун-тский латинист Ф. К. Фрейтаг в автобиографии (ОР РНБ. Ф. 608. № 2203. Л. 2) причислил Л. к числу своих лучших учеников. Темы дис. Л. «De parasceniis» (СПб., 1850; сохранилась в ЦГИА СПб. Ф. 138. № 5280) и тематически связанной с ней статьи **«Observationum in Vitruvium capita duo»** (СПб., 1851) были подказаны чтением трагодогографических, т. е. связанных

пед. ин-т), а также Константиновской женской гимназии при ин-те; с 1901 преподавал нем. язык в ИФИ; в 1902–1908 — на ВЖК; в 1911–1915 читал историю нем. литературы на частных пед. курсах новых языков С. М. Бобрищевой-Пушкиной. В конце 1890-х участвовал в работе Неофилологического общ-ва, являясь председателем пед. отделения. Издал учеб. комментарий к «Эгмонту» Гёте (Эгмонт: текст с введ., примеч. и словарем. СПб., 1898).

С особым интересом Л. занимался творчеством и личностью поэтессы Е. Б. Кульман, владевшей древними языками и множеством новых; ей он посвятил две статьи: **«Gedankenlese aus Elisabeth Kulmanns Briefen über Homer»** (Pädagogischer Anzeiger für Russland. Reval, 1914. Bd. 10); **«Первая в России неофилологичка»** (Записки неофилол. общ-ва при С.-Петерб. ун-те. СПб., 1915. Вып. 8. С. 211–257).

Литература: Малеев А. И. Е. А. Лёве (Некролог) // ЖМНП. 1916. Июнь. С. 66–75.

А. И. Рубан

с жанром трагедии, текстов с Ф. Б. Г р е ф е, знакомством с берлинской «реальной филологией» и отходом молодых российских классиков (ср. науч. интересы Н. М. Б л а г о в е щ е н с к о г о и П. М. Леонтьева) от формальной филологии Г. Германа к реальному направлению Авг. Бёка. Обсуждая афинские сценические древности с опорой на разнообразные источники (Аристофан, Демосфен, Витрувий, Фотий и др.) и с учетом их интерпретации в трудах Г. Гроддека, Г. Германа, Г. Бернгарди и др. филологов, Л. уточняет значения терминов «скена», «проскений» и — подробно — «параскении» как подсобные *conclaves* за сценой. В последующем занятии историей театра продолжения у Л. не получили, однако до последних лет, читая Софокла, Л. с любовью излагал ученикам этот материал и рисовал на доске схему афинского театра из своей диссертации.

Наряду с многолетним сослуживцем и коллегой по Учен. комитету К. В. К е д р о в ы м Л. причисляли к лучшим гимназич. эллинистам 1850-х за искусную переработку тяжелыхесных переводных грамматик в «особых записках, в которых суть грамматики сообщалась в сжатой, но точной форме», что позволяло добиваться от старшеклассников «довольно отчетливого понимания Гомера и Софокла, Демосфена и Фукидида» (А н и ч к о в. С. 135–136); как «превосходного учителя» молодого Л. вспоминал К. Сент-Илер (РШ. 1898. № 5–6. С. 44). Впрочем, в оценках гимназистов 1880-х единственным положительным свойством Л. оказывается его добродушие — с назидательной формулой «фот именно так» старый директор прощал воспитанникам даже откровенные шалости — между тем как методы его преподавания дружно высмеиваются.

Проф. Н. Чистович (Бывшая 3-я гимназия. С. 96): «Он был классически образованным человеком, едва ли понимавшим и интересовавшимся чем-нибудь вне своего классически монотонного существования <...>, он читал нам исключительно Гомера.

Уроки заключались в том, что мы ему переводили отрывки из “Одиссеи” или “Илиады”, а он нам объяснял особенности ионического диалекта <...> по примечаниям к читаемому тексту. А т. к. у некоторых из нас было то же самое издание, то мы отлично видели, что все свои сообщаемые знания он почерпал из этих примечаний». И. Шляпкин упоминает о поощрении Л. буквальных переводов образца «олень был ранен в отношении затылка» (Там же. С. 96–97). А Д. С. М е р е ж к о в с к и й посвятил Л. след. строфы «Старинных октав»: «Лемониус директор, глух и стар, / Софокла нам читал и “Одиссею”, / Нас усыплять имея редкий дар. / <...> При нем играли в карты мы и в шашки, / Нам добродушный немец все прощал, / Но вдруг за белый воротник рубашки / Неформенной, за галстук он кричал / С неожиданным пылом страсти».

Близкий МНП педагог, Л. входил в группу поддержки реформ Д. А. Т о л с т о г о и И. Д. Д е л я н о в а. Одобряя образовательные законопроекты МНП, он покорно боролся с «пропагандой материализма, нигилизма и безусловного скептицизма, подкапывающихся под основы всякой религии» (см. его отчет 1864: Аничков. С. 179), включал в свой курс чтение трудов отцов церкви в рейхлинском произношении, в котором путались и гимназисты, и сам Л. Возможно, его имел в виду педагог В. Острогорский (Из истории моего учительства. СПб., 1914. С. 11) под «несомневающимся немцем-чиновником», который насаждал катковский классицизм «точно нарочно, чтобы поселить отвращение в русских детях к грекам».

Л. опубликовано несколько невыразительных статей по вопросам школьного образования: «**Мнение о проекте устава общеобразовательных учебных заведений**» (Замечания на проект устава общеобразовательных учеб. заведений. СПб., 1862. Т. 4), «**Общеобразовательные и специальные женские заведения в Берлине**» (ЖМНП. 1871. Ч. 155. Май) и др. Среди печатных трудов Л. есть

актовая речь 1848 с очерком истории гимназии «**De commendando litterarum antiquarum studio**» (25-летний юбилей 3-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1848) и несколько рец. (обычно под криптонимом В. Х. Л.) на гимназич. пособия и издания греч. авторов, в т. ч. школьную «Одиссею» Г. К. Шмидта (ЖМНП. 1879. Июль), на переводы «Поэтики» В. Захарова (Там же. 1885. Авг.) и «Эдипа-царя» О. Петрученко (Там же. 1886. Дек.). В Учен. комитете Л. отвечал за отчеты молодых ученых: Ю. А. Кулаковский в письмах 1888 (ОР РНБ. Ф. 608. № 906. Л. 39, 57) упоминает о своей полемике с Л. по отчету стажировавшегося в Берлине В. Шеффера: Л. горячо защищал стипендиата от замечаний Кулаковского.

Литература: *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петербург. 3-й гимназии. СПб., 1911; *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб., 2004; *Чухман А. А.* Очерки по истории 321 средней школы. СПб., 2007. Т. 2 ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Список), Сайтов 2006; НР; Дроздов и Федорченко; Фёдоров.

Архивы: *Отд. документы и письма:* ЦГИА СПб. Ф. 138. Оп. 1. № 5280 (дис.); ОР РНБ. Ф. 377 (И. Корнилов). № 859; Ф. 608. Оп. 1. № 205, 942.

В. П. Смышляева

ЛЕПЕР (ЛЁПЕР) Роман (Роберт) Христианович

LOEPER Robert Georg Christian

[23.4(5.5).1864, по др. сведениям
1865 — 14.10.1918, Петроград],
филолог, эпиграфист, археолог

После начального домашнего образования был помещен в гимназию Петерб. ИФИ (1874), в 1883–1887 занимался на ИФФ Петерб. ун-та. Окончив курс, преподавал древние языки и историю в Реформатском уч-ще (1888–1901; также воспитатель), в Петерб. 10-й гимназии (1894–1900), Уч-ще Мая (с 1894) и Уч-ще

Видемана (с 1897). В 1892–1894 стажировался в Греции и Италии, преимущ. в обл. эпиграфики и археологии; выдержал магист. экзамен в Петерб. ун-те (1899).

В 1901 археол. специализация и знание новогреч. языка открыли для Л. вакансию ученого секр. РАИК; из Константинополя Л. неоднократно выезжал для изучения антич. городищ Малой Азии; выступал с докладом на Археол. конгрессе в Афинах (1905). Чл. РАО (1894), чл. ИАК (1908), чл.-корр. Герм. археол. ин-та (DAI). С 1908 заведовал раскопками в Херсонесе. Отставленный в 1914 с этого поста после инцидента, связанного с арестом сына-подростка, вернулся в Петербург. Умер в трудном 1918 от физич. и душевного истощения, незадолго до смерти узнав из газет о расстреле сына.

Ученик историка Ф. Ф. Соколова, эллинистов В. К. Ернштедта и П. В. Никитина, ун-тский товарищ М. Н. Крашенинникова, Л. с юности тяготел к эпиграф. и ист.-филол. темам. Зол. медалью было отмечено его студ. сочинение «Еннодий Павийский и его время» (Протоколы Петерб. ун-та за 1884–1885). «Главным и бесценным наставником» считал В. К. Ернштедта, который не только консультировал Л. по науч. вопросам, но поддерживал рекомендациями и возможностью приработка в редакции «ЖМНП» (*Кукулина И. В.* Обзор переписки В. К. Ернштедта // МРВ. С. 397). Имя Л. связано гл. обр. с работами по ист. топографии Афин, темы которых были подсказаны его прямым знакомством с археологией Греции. Первая находка Л. — плита с изображением Гермеса — относится к началу 1890-х (опубл. в статье «**Архаическая надпись из Аттики**» в коллективном сб. *Στέφανος*). Оживленное обсуждение в 1890-е недавно найденной «Афинской политики» Аристотеля побудило Л. к собственному исследованию — Л. задумал, используя лит. (Аристотель и Пселл) и эпиграф. материал, реконструировать

админ.-территориальную организацию афинского полиса как совокупности демов — подразделений 30 триттий, входивших в свою очередь в 10 аттич. фил.

О наиболее значительной публикации Л. на тему аттич. демов (**К вопросу о димах Аттики** // ЖМНП. 1891. Нояб. — дек.; 1893. Февр. — март, сент.) с одобрением упоминал С. А. Жебелёв (Деятели русской науки. Вып. 1. С. 329): «Построена работа на самом тщательном и внимательном изучении как литературных источников для истории Клисфеновой реформы, так и на привлечении богатейшего документального эпиграфического материала. А для локализации демов Р. Х. исходил вдоль и поперек всю Аттику».

Тема была продолжена в статьях **«Дим Суний»** (ЖМНП. 1896. Янв.; определение границ древнего дема по эпиграф. источникам); **«Тридцать тиранов»** (Там же. 1896. Май — июнь; гипотеза о представительстве округов Аттики в тирании 404 г. до н. э.); **«Роль триттий в государственном устройстве Афин»** (Там же. 1898. № 9; полемика с А. Мильхгёфером); **«Следы синойкизма двенадцати государств Аттики»** (Сб. археол. статей, поднесенный гр. А. А. Борнскому. СПб., 1911; об отражении доисторического синойкизма общин Аттики в археологии, топонимике, легендах и эпитетах афинских божеств). Многолетние занятия темой, однако, не нашли завершения в дис.; некоторое обобщение этих исследований Л. отразилось лишь в популярном очерке **«Древний город Афины»** (СПб., 1911), предназначенном первоначально для серии «Иллюстрации быта древних греков и римлян в таблицах» С. О. Цыбульского.

Начав заниматься археологией Южной России еще в 1890-е, позже, в константинопольский и херсонесский периоды своей жизни, Л. публикует немало эпиграф. этюдов: **«Греческая надпись из Инеболи»** (Изв. РАИК. 1902. Т. 8), **«Надписи разных времен, от IV в. до**

н. э. до X в. н. э. разного содержания» (среди прочих надпись об увенчании зол. венком херсонесского историка Сирииска) и **«Несколько греческих и римских надписей»** (обе — Изв. РАИК. 1904. Т. 9); **«Славянская надпись из Мельника в Македонии»** (ЖМНП. 1909. Март); **«Херсонесские надписи»** (Изв. ИАК. 1912. № 45, 47; среди надписей договор херсонесцев с царем Фарнаком). Содержательны и археол. отчеты Л.: **«Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909»** (Изв. ИАК. 1911. № 42); **«Археологические исследования в Мангупе в 1912 г.»** (Там же. 1913. № 47) и др. Историки признавали Л., наряду с К. Косцюшко-Валюжиничем, одним из зачинателей систематич. раскопок Херсонеса (см.: Жебелёв С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1. С. 109). В свои сообщения и отчеты о раскопках, начиная с заметок **«Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1895 году»** (ФО. 1896. Т. 10) и **«Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1897 году»** (Там же. 1898. Т. 15), Л. включал и краткие сюжеты из истории отеч. археологии.

Среди публикаций Л. встречаются отклики на находки новых папирусов, в т. ч. **«Оксиринхская ода Сапфо»** (ЖМНП. 1901. Июль) и **«Заметки по критике текста отрывков Сапфо»** (Там же. 1902. Июнь); в первой Л. по-новому интерпретировал ст. 18–19, сославшись на мнение А. Г. Бекштрема, одобрявшего его поправки (за исключением замены $\nu\alpha\tilde{\upsilon}$ / $\nu\acute{\upsilon}\xi$ с переводом стиха как «и ты, темная ночь, приходи ко мне, чтобы уложить все печальное, освободить меня от злых горестей»). Экзегетич. экзерсисы Л., впрочем, воспринимались филологами с осторожностью (см. рец. М. Мандеса: ФО. 1895. Т. 9).

В годы гимназич. службы Л. издал в серии Георгиевского — Манштейна пособие по переводам *à livre ouvert* и *ex tempore*: **«Отрывки из греческих писателей с краткими примечаниями для классных письменных**

и устных переводов» (СПб., 1898); рецензенты — С. Н. Муромов (ФО. 1898. Т. 14) и Г. А. Янчевецкий (Гимназия. 1898. № 5) хвалили издание Л. за разнообразие текстов, где наряду с фрагментами Лисия, Демосфена, Ксенофонта, Платона, Плутарха, Аристотеля включены и надписи, но нашли пособие затруднительным для школьной практики (Муромов: «Попытка г. Лепера расширить канон классного чтения не согласуется ни с силами, ни со средствами, ни с педагогическими целями нашей классической школы»).

Человек исключительной доброты, непритязательный и легкий в общении, Л. располагал к себе, несмотря на неизменно доставляемые окружающим неудобства: так, в 1893 И. В. Помяловский и В. В. Латышев хлопотали о его вызволении «из-под красной шапки», т. к. передграничной командировкой Л. поленился посетить «воинское присутствие» (ОР РНБ. Ф. 608. № 929. Л. 51). Он запомнился и ученикам как «многосторонне образованный» энтузиаст внеклассных бесед об эпиграфике и греч. искусстве, которые Л. сопровождал показом «туманных картинок» (Годовой отчет С.-Петербург. гимназии и реального уч-ща директора Видемана. СПб., 1899–1900. С. 44, 45, 48). Жебелёв (ВДИ. 1968. № 3. С. 165) причислил Л. к типу неунывающих неудачников (в 1901 Л. был еще в чине коллеж. ас.), т. к. при обширных знаниях и кипучей энергии Л. написал мало, а его душевная доброта была дурно вознаграждена судьбой.

Литература: Памятная книжка гимназии при имп. С.-Петербур. ИФИ. 1870–1895. СПб, 1895; *Чевакинский А.* Двадцатипятилетие С.-Петербур. Десятой гимназии. 1871–1896. СПб., 1897; *Басаргина Е. Ю.* Слово С. А. Жебелёва, посвященное памяти Р. Х. Лепера // Деятели русской науки. Вып. 1. С. 324–332 (биб.); *Тункина 2002*; *Благово*; *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005; *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007 ♦ *Венгеров (Список)*; *Воронков*; *Бузескул 2008*; *Тункина 2017*.

Архивы: *Личные фонды:* Архив заповедника «Херсонес Таврический»; *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); СПБФ АРАН. Ф. 127 (РАИК), 733 (В. К. Ернштедт); ЦГИА СПб. Ф. 44 (Петерб. Десятая гимназия).

В. П. Смышляева

ЛИХАЧЁВ Николай Петрович

ЛИКНАСЧЕВ / ЛИНАСЧЕВ N. P.

[12(24).4.1862, Чистополь — 14.4.1936, Ленинград; Смоленское правосл. кладб.], историк письменности и книги, создатель ценнейших коллекций, специалист по вспомогательным историческим дисциплинам

Старинное семейство, из которого происходил Л., жило под Казанью. Усадьба Лихачёвых в с. Полянки-Никольское на Волге, где пращур Л., А. Л. Лихачёв, заложил основу богатейшей Полянской б-ки, славившейся во всем крае. Коллекционированием занимались и два дяди Л. — И. Ф. и А. Ф. Лихачёвы. Из собрания последнего образовался Лихачёвский музей в Казани (существовал до революции и стал основой Гос. музея изобразительных искусств Республики Татарстан). Доставшуюся ему семейную б-ку Л. перевез в Петербург, присоединив ее к своему обширному собранию.

Окончив с зол. медалью гимназию в Казани, Л. поступил на ИФФ Казан. ун-та. После защиты в 1889 магист. дис. «Разрядные дьяки XVI в.» (Уваровская премия, 1890) опубликовал исследование «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (докт. дис., 1892). С 1892 до 1925 преподает в Археол. ин-те в Санкт-Петербурге, с 1902 — помощник директора Публичной б-ки. С 1925 — д. чл. АН СССР. В 1930 обвиненный в организации «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной

России» Л. был осужден и выслан в Астрахань. Из чл. АН он был исключен, имущество его изъято, а коллекции разделены между различными собраниями. В 1967/68 Л. был реабилитирован и восстановлен в звании академика.

По словам одного из современников, Л. был коллекционером «сказочного размаха». От прочих антикваров и собирателей он отличался тем, что его коллекционирование не было ни причудой состоятельного человека, ни профессией. Целью и смыслом собирательства была для него «история документа, писаного и печатного, с внутренней и внешней стороны, начиная с первых цивилизаций». Стремлением предстать систематическое, целостное изложение истории письма во всех его видах объясняется разнообразие и разнородность его коллекций, включавших, в числе прочего, и античные памятники — от древнеегипетских памятников XXX–XXIX вв. до н. э. до печатных изданий XX в. (об этом см.: «Звучат лишь письма...»). И. М. Дьяконов писал о Л.: «Он рано поставил себе цель создать музей истории письменности, начиная с первых ее шагов до появления книгопечатания. <...> Он действительно собрал совершенно уникальный музей, которому не было и нет равных в мире...» [это и др. высказывания о Музее палеографии, на материалах которого выросли многие замечательные специалисты, см.: *Степанова Е. В.* «Он был “ученым с головы до ног” и никем другим не желал и не был...» (По материалам личного архива Н. П. Лихачева) // «Звучат лишь письма...». С. 30].

Коллекции Л. первоначально помещались в специально построенном в 1902 собственном двухэтажном (тогда) доме в Петербурге (Петрозаводская ул., д. 7). После продажи в 1913 огромного — около полутора тысяч — собрания икон (купленных императором Николаем II для Русского музея имп. Александра III) дом был надстроен еще одним этажом.

Палеографический кабинет, включавший порядка 80 000 памятников мировой письменной культуры, занимал первый и часть второго этажа. В 1918 Кабинет был присоединен к Археол. ин-ту, в котором Л. с 1894 читал курс дипломатики и сфрагистики; в 1925 это собрание Л. было передано Академии наук и стало именоваться Музеем палеографии (МУП), а Л. был назначен его директором (тр. Л. по сфрагистике собраны в изд.: **Материалы для истории византийской и русской сфрагистики**. Вып. 1–2. Л., 1928–1930; **Молибдовулы греческого Востока**. М., 1991).

После ареста Л. (в начале 1930) по «академическому делу» (подозрение в «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации») музей был закрыт, а затем вместе с 6-кой перемещен в здание БАН и преобразован в Музей книги, документа и письма. В 1931 он был переименован в Ин-т книги, документа и письма (ИКДП), который впоследствии (1935) стал Сектором вспомогательных дисциплин Ин-та истории АН СССР, а затем ЛОИА АН СССР (**Музей палеографии**. Л., 1925). Сам

Л. некоторое время являлся помощником дир-ра Публичной б-ки.

Л. полагал важным, чтобы его коллекция памятников письменности различных народов и эпох была единым целым и могла экспонироваться в общей экспозиции, последовательно иллюстрирующей этапы развития письма. Преобразования, которые претерпел Палеографический кабинет, отрицательно сказались на целостности коллекции, которая т. о. оказалась распыленной среди нескольких учреждений. Большая часть материалов в настоящее время хранится в СПбИИ РАН, ИВР РАН, Гос. Эрмитаже, Русском музее, БАН, Гос. ист. музее, а также в Военно-ист. музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Антич. раздел коллекции Л. в 1938 был передан в Эрмитаж вместе с памятниками письменности древних цивилизаций и Византии. Науч. интересы самого Л. были направлены на изучение истории древнерус. и западноевроп. письменности, поэтому в сравнении с др. частями коллекции антич. раздел был достаточно скромным — около шестисот предметов, среди которых нет ярких или выдающихся экспонатов; их роль была — служить введением к западноевроп. памятникам.

В антич. разделе коллекции Л., за исключением дипинти, собраны все типы греч. и римск. надписей на камне, керамике и металле. Примерно половина из них — около 300 экз. — это керамич. клейма, т. е. клейма на амфорах и черепице IV–II вв. до н. э. Черепичные клейма относятся к продукции Синопы и Боспора Киммерийского, есть также и римск. черепица. Судя по представленным здесь полисам (Фасос, Родос, Аканф, Менде, Книд, Гераклея Понтийская и Синопа), коллекция амфорных клейм имеет причерноморское, возможно, ольвийское происхождение. Керамич. клейма имеют важное значения для изучения античной полит. и экон. истории, ономастики и диалектологии,

но в данном случае их количество свидетельствует скорее о масштабах грабительских раскопок и о легкости, с которой можно было приобретать южнорусские древности. В 1924, после того как Палеографический кабинет вместе с Археол. ин-том вошел в состав Петрогр. ун-та, керамические клейма были систематизированы и описаны Е. М. П р и д и к о м (в рукописи IosPE III они обозначены пометой: «У Лихачёва»).

Лапидарные надписи (ок. 30 номеров) представлены греч. и римск. памятниками разного содержания (декреты, посвящения, эпитафии, строительные надписи, списки имен) V в. до н. э. — IV в. н. э. из Ольвии, Италии, Сицилии и Египта, частично не вошедшие в своды IG и CIL. Самой ранней из них является надпись, выдержанная в стиле *стойхедон*, из Ольвии V в. до н. э. Из надписей на металле следует упомянуть две этрусские на фрагментах бронзовых сосудов (одна из них не расшифрована), датируемые временем не ранее III в. до н. э., надписи на бронзовых гирях и штампах, а также фрагмент римск. свинцовой водопроводной трубы с надписью времени имп. Веспасиана. Среди надписей на свинцовых и бронзовых пластинках есть по крайней мере две имитации римских надписей I в. до н. э. («Звучат лишь письмена...». № 69. С. 154 и след.; № 71. С. 156 и след.; пояснения Н. П. Гуляевой и Н. А. Павличенко).

Кроме того, имеются аттические граффити классич. и эллинистич. эпохи, клейма на арретинской terra sigillata I в. до н. э. — II в. н. э., фрагменты фресок I в. н. э., аналоги которых встречаются в Помпеях, итальянские бронзовые фибулы, антич. монеты, оружие, браслеты и кольца.

Устроенная Эрмитажем выставка к 150-летию со дня рождения акад. Н. П. Лихачёва отражена в содержательном и богато иллюстрированном томе «Звучат лишь письмена...», который воздает дань памяти ученого, чьи

труды в советское время встретили лишь отторжение.

Литература: *Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С.* Записка об ученых трудах Н. П. Лихачёва // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1925. Т. 19. № 18; Описание выставки «Письменность древнего мира и раннего Средневековья»: путеводитель. М.; Л., 1936; *Валк С. Н.* Николай Петрович Лихачёв // ВИД. 1978. Т. 9. С. 335–340; *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачёв (некролог) // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 441–443; *Климанов Л. Г.* Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Там же. Л., 1991. С. 424–453; *Зубова Н. Л.* Письма Н. П. Лихачёва к А. В. Орешникову (1917–1922) // Река времен. Кн. 2. М., 1995. С. 155–191; *Гурулева В. В.* Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачёва // ВИД. 1998. Т. 26. С. 19–39; *Простоволосова Л. Н.* Н. П. Лихачёв. Судьба и книги: библиографич. указ. М., 2002; Российский Институт истории искусств в мемуарах / под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003; Письменные памятники античности // «Звучат лишь письма...». С. 148–159; *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачёв-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // «Звучат лишь письма...». С. 565–593; *Меццарская Е. Н., Пятровская Е. К.* Музей палеографии академика Н. П. Лихачёва // «Звучат лишь письма...». С. 49–64 ♦ СРНБ; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ; Тункина 2017.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 133, 217, 246; Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 486–502 (с библиограф. указ.); ЗЕС НИА СБИБИ РАН. Кол. 55; НИА СБИБИ. Ф. 238; АГЭ. Ф. 1; ОР РГБ. Ф. 342, 354, 608.

Н. А. Павличенко

ЛОВЯГИН

Александр Михайлович

LOVJAGIN A. M.

[25.8(6.9).1870, Ревель, ныне
Таллин — 5.10.1925, Ленинград],
историк, библиолог, переводчик

Из семьи чиновника. Окончил Ревельскую нем. гимназию (1888, *primus cum laude*) и Петерб. ИФИ (1892; однокурсник

А. И. Малейна и Ф. Э. Видемана). На последних курсах специализировался по всеобщей истории. После выпуска преподавал — преимущ. историю и географию — в учеб. заведениях Петербурга: в Уч-ще Видемана (1892), в гимназии Петерб. ИФИ (1894), в Петерб. 2-м реальном уч-ще (1901), в Василеостровской женской гимназии и Павловском женском ин-те. Наставник-руководитель по истории в Петерб. ИФИ (1904); чл. (и секр.) Петерб. ОКФП. С молодости активно сотрудничал в различных периодич. изданиях, начиная с суворинского «ИВ» (отдел «Исторические новости и мелочи»); помощник редактора и редактор ряда изданий, в т. ч. «Петербургского листка» (1897–1904) и «Правительственного вестника» (1904–1907); зав. Петрогр. телеграфным агентством (1914). Один из учредителей (наряду с Н. М. Лисовским, А. И. Малейным и Х. М. Лопарёвым) и президент (1899–1903, 1907–1919) Рус. библиолог. общ-ва. Почетный чл. Библиографического общ-ва при Моск. ун-те. После 1917 заведовал школой № 204, занимался организацией б-ки Л. Толстого (первый директор с 1917); состоял ученым секр. Научно-исслед. ин-та книговедения. Читал курс книговедения в Петрогр. пед. ин-те (с 1920 проф. и проректор по учеб. части) и в Петрогр. ун-те, где организовал кабинет книговедения и возглавлял б-ку (1924–1925).

После выхода из ин-та Л. намеревался заниматься историей Моск. Руси (с неизбежными выходами в византиноведение), однако ун-тская карьера его не состоялась, первоначально из-за обескураживающего приема в Петерб. ун-те, где он собирался сдавать магист. экзамен: «...университетские корифеи исторической науки свели на бедном аспиранте свои счета с несимпатичной им его *alma mater*» (*Малейн А. И.* А. М. Ловягин: некролог // Библиогр. обозрение. 1927. № 1–2. С. 98); свою роль сыграла и необходимость искать заработки, чтобы содержать семью.

Античностью «филолог-историк» Л. занимался преимущ. в начале своей деятельности (недаром в пригласительном билете на вечер его памяти 25.10.1925, сохранившемся в фонде РНБ, заявлено сообщение И. И. Толстого «Ловягин как филолог-классик»). В молодости Л. написал работу по греч. истории: **«Известия классических писателей о начале первой Пунической войны»** (ЖМНП. 1894. Март; развитие курсового сочинения «Иерон, сын Иерокла»). Примечательно, что он первым в России издал с рус. переводом новонайденную тогда «Афинскую политию» Аристотеля: **«История и обзор Афинского государственного устройства: Aristotelis Αθηναίων πολιτεία Graece et Russice»** (СПб., 1895), приурочив этот труд к юбилею Ф. Ф. Соколова, историка и учителя (см.: *Малеин А. И.* А. М. Ловягин. С. 98). К этому изданию примыкает **«Приложение к книге “Aristotelis Αθηναίων πολιτεία”: новые чтения Фр. Бласса»** (СПб., 1895), где Л. публикует с краткими комментариями разночтения принятого им текста (по Сэндсу) с текстом 2-го издания «Политии» Бласса, присланного издателем молодому автору в качестве ответного дара (на рассылку Л. любезно откликнулись, кроме Бласса, также Дж. Сэндс, Г. Кайбель и У. Виламовиц; к этому же циклу относится статья **«Aristot. Αθην. πολ. τόμος δ’»** // *Commentationes Nikitianiæ*. С. 104–111).

При многообразии своей лит. и журналистской деятельности Л. оставался постоянным чл. «классического сообщества», выступал рецензентом работ по классич. филологии, докладчиком на заседаниях Петерб. ОКФП, где держался тем по греч. истории; некоторые из этих сообщений включены им в сб. **«Исторические и библиологические очерки»** (Пг., 1917; из четырех запланированных вышел один выпуск), в т. ч.: **«Начало Рима: книги А. Ф. Эммана и В. И. Модестова»**, где Л. дает

развернутое сопоставление гипотез Эммана и Модестова о раннем этапе римск. государства, отдавая предпочтение археол. версии Модестова и сожалея о ее незавершенности. Статья **«Древнеафинский народный суд у Аристофана и Аристотеля»** посвящена влиянию эпохи на восприятие деятельности афинского суда, которая карикатурно изображена в «Осах» и охарактеризована основательно в «Афинской политике». Работа Л. **«Александр Македонский в Туркестане»** представляет собой полемику с «начитанным в Арриане астрономом Шварцем» и Э. Беренсом, «доводившими войска Александра Македонского» до Памира и китайского Туркестана, в то время как сам Л. относил найденные в Туркестане предметы эллинистич. культуры к эпохе Бактрийского царства. Л. принадлежат многочисленные рецензии и библиогр. обзоры в «ФО» и «Гермесе», подписанные, чаще всего, сиглами А. М. Л. Вместе с Малеиным, П. И. Прозоровым и др. учениками В. В. Латышева Л. занимался организацией I съезда преподавателей древних языков (1911), по завершении которого напечатал **«Краткий отчет о I Всероссийском съезде преподавателей древних языков»** (Гермес. 1912. № 1–2). В 1918 вместе с Ф. Ф. Зелинским, С. О. Цыбульским и С. В. Мирошниковым Л. пытался возобновить прерванные войной заседания Петерб. ОКФП (Там же. 1918. № 1–7. С. 125).

Среди публикаций Л. на темы российской истории — статья **«Москва при смерти тишайшего государя: выдержки из записок иностранца-современника»** (РС. 1893. № 10), издание (пер. с гол.) памятника XVII в. (Бальтазар Койэт) **«Посольство Конрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу»** (СПб., 1900), для работы над которым Л. летом 1899 выезжал в голландские архивы. После выхода из печати «Посольства...» был привлечен

Сувориным к работе над изд.: «**Альбом Мейерберга: виды и бытовые картины России XVII в.**» (СПб., 1903) и историей голштинского посольства XVII в.: «**А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно**» (СПб., 1906). Л. обладал отличными способностями к языкам; за знание нем. языка его еще в Петерб. ИФИ окрестили «бароном»; впоследствии он, кроме франц. и англ., освоил и гол. язык, а в 1918 отвлекался изучением шведского от голода. Сказывалось и его лит. дарование вкупе с необыкновенным трудолюбием. Л. пробовал себя и в переводе худож. произведений вроде ист. драмы Х. Я. Гониша «Петр Михайлов» о пребывании Петра I в Голландии в 1697 (Новый журнал иностр. литературы, искусства и науки. 1897. № 5) или в сочинении ист. биографий: Константина Великого, Х. Колумба, Мартина Лютера, Г. А. Потемкина, А. С. Хомякова.

Более всего имя Л. связано с его плодотворной книговедческой деятельностью — теоретич. (определение структуры и объема дисциплины «книговедение», ее междисциплинарных связей) и практич. (введение курса книговедения в ун-тские программы). Как и в библиофильстве его друга и многолетнего соседа Малейна, в филол. увлечениях Л. важную роль сыграли лекции по рус. литературе проф. И. Н. Жданова (ст. брат классика С. Н. Жданова; под руководством этого крупного русиста Л. писал работу о жанре басни), «уделявшего в своем курсе большое внимание библиографическим данным и сумевшего передать этот интерес и своим слушателям» (Малейн А. И. А. М. Ловягин. С. 99), и знакомство с библиографом и издателем Лисовским (см.: **Н. М. Лисовский: к 30-летию его деятельности.** СПб., 1903), который приобщил Л. к занятиям практич. «библиологией» и сотрудничеству в своем журнале. Книговедческой деятельности Л. посвящено немало

работ (см. библи. в статье о нем Э. К. Беспаловой: Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 581–582); итоговыми стали сб. «**Библиологические очерки**» (Пг., 1916) и посмертно изданное пособие «**Основы книговедения**» (Л., 1926), значимые «творческой разработкой теории и практики книговедения как особой дисциплины на самом раннем этапе ее развития» (П. К. Колмаков — Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 383).

Л. немало участвовал в работе над биогр. словарями начала XX в. (РБС, Брокгауз). В 1909 он опубликовал в газ. «Правительственный вестн.» серию историко-геогр. этюдов: «**Древние русские географические карты**» (№ 96), «**Греческие древности Черноморья**» (№ 210), «**Из неизданных материалов нидерландских архивов: донесение голландца фан-дер-Хельста о Полтавской битве**» (№ 177). Среди печатных работ Л. присутствуют и гимназич. пособия, в т. ч. такие, как «**Отечественноеведение**» (СПб., 1901), «**Очерки отечественноговедения и сравнительной географии**» (СПб., 1903). Энергичный и дружелюбный, Л. отличался незаурядными самообладанием и здравым смыслом, делавшими его идеальным администратором. Дисциплинированность, врожденное уважение к «труду и долгу» помогали ему противостоять и жизненным невзгодам. Несмотря на тяжелую болезнь сердца, он до последних дней занимался организацией ун-тской б-ки, комплектуя фонд и продумывая каталогизацию.

Литература: Русское библиологическое общество в 1900 г. СПб., 1901; Пам. книжки СПБИФИ 1902–1912. СПб., 1912; Малейн А. И. А. М. Ловягин (К 25-летию учено-литературной деятельности) // Гермес. 1915. № 17–18; Памяти А. М. Ловягина // Библиогр. известия. 1925. № 14; Бессонова Н. А. Несостоявшееся назначение А. М. Ловягина // Библиография. 2005. № 6 ♦ Брокгауз; Прозоров; Латышев (библи.); Воронков; Связисов.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 316 (Научно-исследовательский ин-т книговедения), 377 (И. П. Корнилов), 533 (Общ-во библиотековедения), 585 (С. Ф. Платонов), 601 (Половцовы), 781 (И. И. Толстой), 874 (С. Н. Шубинский); РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгерова); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ; в т. ч. студ. дело: Оп. 1. № 1975).

В. П. Смышляева

ЛОВЯГИН Евграф Иванович

LOVJAGIN E. I.

[10(22).12.1822, Тверь —
27.3(9.4).1909, Петербург],
богослов, филолог, переводчик

Из семьи протоиерея, ректора Тверского духовного уч-ща. После обучения в Духовном уч-ще и Тверской духовной семинарии (1837–1843) окончил СПбДА (1843–1846), первым на курсе. Оставленный для пед. службы в Академии, был определен помощником инспектора, затем бакалавром по классу греч. языка (с окт. 1847). В 1853–1869 преподавал также математику — до принятия устава 1869 ее еще не вывели из программ СПбДА. Магист. дис. «**О заслугах св. Афанасия Великого для церкви в борьбе с арианством**» (защищена: СПбДА, 1849; магистр богословия). Докт. дис. «**Об отношении писателей классических к библейским по воззрению христианских апологетов**» (защищена: СПбДА, 1872; д-р богословия). Экстр. проф. (1853), орд. проф. (1857), помощник ректора СПбДА по церковно-практич. отделению (1873). Исполнял много др. поручений, в т. ч. секр. правления и конференции, чл. Комитета духовной цензуры. В 1894 оставил службу по состоянию здоровья.

Автор ряда статей по истории церкви и богословских проблемам, Л. избежал

схоластич. ограниченности и смолоду не только *ex officio* интересовался открытиями современной науки, но и пытался вписывать их в традиционные богословские контексты; таковы, напр., его работы: «**О предположениях новейших теологов, несогласных с Священным Писанием**» (Странник. 1860. Т. 2); «**Разбор суждений новейших естествоиспытателей о Ноевом потопе, сравнительно с учением Слова Божия об этом предмете**» (ХЧ. 1861. № 2; 1862. № 1–2); «**Физическое происхождение и библейское значение радуги**» (Странник. 1865. Т. 4) и др.

Произведенный в «классики поневоле», добросовестно занялся классич. филологией, не ограничиваясь элементарной грамматикой и толкованием авторов, среди которых он предпочитал прозаиков — Платона, Ксенофонта, Геродота, Демосфена, Исократу, Плутарха, реже уделяя внимание Гомеру и Гесиоду. В разные годы читал курсы по истории греч. литературы, диалектологии и словообразованию, стараясь учитывать современные труды, какие были ему доступны. В 1870-е Л. — защитник классицизма в духовном образовании; долго добивался обязательного — а не по выбору! — изучения студентами Петерб. духовной академии двух классич. языков и выделения средств для содержания двух прив.-доц. по каф. классич. филологии; эти усилия в 1884 были «сведены на нет» новым уставом Академии (*Садов А. И.* Профессор Е. И. Ловягин. СПб., 1910. С. 8–9). Филол. труды и речи Л., не имея науч. значения, ценны просветительским пафосом, особенно если учесть их адресованность богословам. В фондах РНБ сохранились литографии его курсов «**Об ионическом наречии греческого языка**» (СПб., 1882) и «**Лекции по истории греческой литературы**» (разных лет), хрестоматия «**Избранные места из греческих писаний св. отцов церкви до**

IX в.» (СПб., 1884–1885. Т. 1–2; половинная Макарьевская премия). Показательная речь Л. 1879 во славу «положительной и точной науки лингвистики» — «**Лингвистические основания различия языков человеческих**» (ХЧ. 1879. № 1), в которой он, опираясь на работы М. Мюллера, Г. Курциуса, А. Шлейхера, А. Гумбольдта и Г. Штейнтала, излагает слушателям основы современных представлений о строе разных языков и связи языка с мышлением как основании для типологич. сближений: «В глубине человеческого духа, существенно сродного у всех человеческих личностей, заключаются основания единства всех существующих языков, несмотря на значительные различия их у разных народов» (Там же. С. 488).

В речи «**О форме греческих церковных песнопений**» (ХЧ. 1876. № 1) Л. коснулся вопросов греч. стихосложения. На тоническую природу древнехристианских песнопений, по мнению Л., повлияли естественные изменения греч. языка и библейская (еврейская) поэзия. Указывая на поэтич. характер церк. песнопений, Л. одновременно настаивал

на их формальном отличии от античных метров, отвергнутых ранними христианами сознательно («гекзаметру не место на клиросе»), и от светского силлабич. стиха. В докт. дис. «**Об отношении писателей классических к библейским по воззрению христианских апологетов**» (СПб., 1872) защищал греч. философов и писателей, начиная с Фалеса и Гомера до Эпикура, от обвинений Татиана, Феофила Антиохийского и др. богословов, заявлявших, что греки переняли многие идеи из неточно истолкованной Библии: напр., мысль Эпикура о движении атомов трактовалась Климентом Александрийским как искажение заимствованного из Библии оборота «суета сует».

Разбирая доводы апологетов церкви, Л. отстаивает «автохтонию греческой цивилизации» (вслед за Г. Германом, Г. Мюллером, Ф. Велькером), аргументируя это положением отсутствием в греч. текстах фактич. заимствований из Библии (напр., указаний на «еврейскую субботу»): «Молчание древних классиков о еврейской субботе и нелестные отзывы о ней позднейших и притом лучших людей классического мира, каковы Плутарх, Сенека, Тацит, вполне доказывают, что первые не знали, а последние <...> не уважали четвертой заповеди закона Божия» (Там же. С. 119). Обвинения апологетов, по мнению Л., были временным порождением эпохи, не имевшей «твердых исторических и другого рода оснований» (Там же. С. 226); об «отношении Библии к классическому миру» можно говорить только с III в. до н. э. (с появлением греч. переложения в Септуагинте).

Как специалист по древним языкам Л. участвовал в работе над синодальным переводом Библии — ему довелось перевести «в виде подготовительного труда» книгу «Товит» и греч. места из «Эсфири». Выступал он и как чл. издательских комиссий по изучению Синайской рукописи Библии в издании К. фон Тишендорфа (Л. — автор некролога этому

ученому, см.: ХЧ. 1875. № 1), по переводу евангелич. текстов (1858) и Маккавейских книг (1874).

Участвовал Л. и в переводе греч. литургий для пятитомного «Собрания древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык» (СПб., 1874–1878) и сочинения «Св. Мефодий, епископ и мученик, отец церкви III в.» (СПб., 1877; ²1905). Наиболее известны его переводы «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках» (СПб., 1855–1856. Т. 1–3; ³1875; почетный отзыв АН) и «Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита» (СПб., 1907–1908. Т. 1–2).

Под редакцией Л. увидел свет первый том «Творений св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского» (СПб., 1895), «Беседами» которого Л. занимался еще в конце 1850-х.

Со студенческих лет, когда шел первым на своем очень сильном курсе, и до отставки Л. служил коллегам образцом трудолюбия и развитого чувства долга: «В своей профессорской службе отличался неподражаемою точностью (по его словам, не пропустил ни одной лекции). <...> Тихий и скромный по нраву, он всегда был необыкновенно симпатичен и искренне уважаем за ровность характера и устойчивую энергию» (Родосский. С. 245–246).

Литература: Чистович И. С. -Петербургская академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889; Скроботов Н. А. Памятная записка окончивших курс в С.-Петербур. духовной академии (с 1811 г. по 1895 г.). СПб., 1896; Садов А. И. Памяти заслуженного профессора Е. И. Ловягина // Церк. вест. 1909. № 15; Афанасьев. Т. 1 ♦ Брокгауз; Прозоров; Родосский; Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи священного писания: библиограф. указатель. М., 2001; Мень А. Библиологический словарь. М., 2002. Т. 2.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковый), 1000 (Собр. отдельных поступлений).

В. П. Смышляева

ЛОПАРЁВ Хрисанф Мефодиевич

LOPAREV Ch. M.

[19.3, по др. сведениям 9.3.1862, с. Самарово, ныне историч. р-н Ханты-Мансийска — 30.9.1918, Петроград], филолог, археограф, византист, библиограф

Из крестьян (по легенде, отраженной в БС МАО, — потомок кн. Югорских), рано потерял отца. Усвоив азы грамоты у отставного солдата и в приходском уч-ще Самарова (совр. Ханты-Мансийск), где «драли за всякую мелочь», учился в Тобольской гимназии (1874–1882) на средства земляков, собранные для обучения крестьянских детей по случаю проезда через Самарово вел. кн. Алексея Александровича. Получив аттестат (1882), с разрешения сельск. схода со стипендией 20 руб. от Тобольского общ-ва воспомоществования, приехал в Петербург, чтобы поступить в ун-т. По окончании курса (1886) занимался науч., лит. и архивной работой в различных учреждениях и общ-вах, в т. ч. ППО (1886) и ОЛДП, где описывал рукописи в 1887–1889, а с уходом в 1891 с поста секр. И. В. Помяловского занял это место по рекомендации последнего. Служил при МНП (1889) и Гос. контроле как чиновник по особым поручениям (1894–1896). Чл. Рус. библиолог. общ-ва (1900), Общ-ва изучения Сибири и улучшения ее быта при Музее этнографии и антропологии АН (1907) и др. В 1891–1894 состоял, по ходатайству Помяловского, секретарем — с квартирой и содержанием — у попечителя странноприимного дома гр. С. Д. Шереметева.

В 1896 Л. нашел «тихую пристань» в ИПБ, сделавшись помощником библиотекаря. Первоначально служил в отделении полиграфии и богословия, а с 1904 — в отделении инкунабул, альдов и эльзевиров. Ст. помощник библиотекаря с 1909,

затем библиотекарь (1912–1916). С науч. поручениями от ППО и АН выезжал для изучения рукописей в Константинополь, на Афон, в Геную, Рим и Флоренцию. Магист. дис. «Греческие жития святых VIII и IX вв.» (защищена: Юрьевский ун-т, 1915); магист. экзамен выдержал гораздо раньше (1890). Чл. РАО (1889), РГО (1907), Учеб. комитета при Св. Синоде (1906), Комиссии по науч. изданию славянской Библии (при СПбДА) и др. Чл.-корр. МАО (с 1900). Не отличавшийся с юности хорошим здоровьем, в последние годы жизни Л. был разбит параличом.

«Особый интерес к древним и новым языкам» был отмечен уже в аттестате Л., а трудолюбие и любознательность молодого провинциала обеспечили ему сочувственную поддержку видных ун-тских византинистов, особенно И. Е. Троицкого и В. Г. Васильевского. В студ. годы Л. перебивался переписыванием рукописей — этой работой его снабжали наставники. Искренний поборник православия, Л. предпочел обживать в визант. истории и уже на втором курсе удостоен был сер. медали за «хронографическое обозрение» царствования Василия I Македонянина, выявившее у Л., по оценке Васильевского, «готовность к серьезным занятиям», но также склонность к «личным домыслам». Одновременно Л. проявлял интерес к ист.-лит. и фольклорным исследованиям, испытал сильное впечатление от курсов А. Н. Веселовского и В. И. Ламанского.

Учитывая филол. и археогр. наклонности ученика, не обладавшего пед. даром, наставники подтолкнули его к исследованиям житий иконоборческого периода как источника социально-ист. знаний об эпохе: «Ваше назначение быть ученым тружеником — может быть, и горькая доля, но не лишенная величия и чести», — писал ему Васильевский в 1888 (СПбФ АРАН. Ф. 107. № 85. Л. 37). На первых порах Л. собирался расширить хронологич. границы темы, осветив житийную литературу «во всей полноте»,

но в процессе сбора материала понял, что обработать такой массив текстов ему не по силам. Впрочем, в 1915 на защите дис. (по книге «Греческие жития святых VIII и IX вв.: опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной». Пг., 1914; оппонировали М. Н. Крашенинников и В. Э. Регель) Л. еще обмолвился о желании продолжить свое сочинение обзорами агиографии эпохи Метафраста и поздневизантийской, ссылаясь на собранные им «в течение длинного ряда лет» пространные материалы (с. VII). В дис. Л. описал около 60 *μαρτύρια* и *βίοι* (от константинопольских до фракийских и киликийских), особое внимание обратив на выявление жанровых топосов, фактографию житийного материала и традиционный ист.-биогр. комментарий. Появлению дис. предшествовала многолетняя кропотливая работа Л. в российских и зарубежных архивах; и хотя, по мнению критиков, автору дис. «недоставало широкого образования, надлежащего метода и критики», сам Л. скромность науч. аппарата своего труда, лишённого «бесчисленных примечаний»,

объяснял преимущ. ист.-лит. задачами. Во всяком случае он обобщил в своей работе большой материал и ввел в оборот ряд средневековых греч. рукописей (*Заливалова Л. Н.* Х. М. Лопарёв: ученый и его рукописное наследие // АРВ. С. 213).

Из опубликованных Л. визант. текстов (в основном на основе МСБ и б-ки Иерусалимского подворья) внимание науч. сообщества привлекли **«Житие преподобного Стефана Комельского»** (СПб., 1892), **«Описание некоторых греческих житий святых»** (ВВ. 1897. Т. 4), **«Повесть об императоре Феодосии II»** (Там же. 1898. Т. 5), **«Житие св. славного Евдокима Праведного, младого воина и девственника»** (Изв. РАИК. 1908. Т. 13), **«Св. Афанасий II, патриарх Александрийский: 817–825?»** (ВВ. 1908. Т. 15), изданные с фрагментами греч. текста, переводом и комментарием. Рецензенты уважительно отзывались о добросовестности издателя, освоении им всех доступных сведений о разбираемой рукописи и ее персонажах, хотя выразили несогласие с отдельными эмендациями; Э. Курц, напр., подозревал Л. в том, что к избыточным исправлениям его приводит непонимание смысла текста (ВВ. 1894. Т. 1. С. 404–407). Различные аспекты и эпизоды истории Византии, культурной «кормилицы» рус. народа, наделившей его «массой добра» в русле славяно-визант. культурных связей, Л. освещает также в очерках **«Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII–XIV вв.»** (СПб., 1891); **«Чудо св. Георгия в Болгарии»** (СПб., 1894); **«Византийская печать с именем русской княгини XI–XII вв.»** (ВВ. 1894. Т. 1; Л. отождествляет Феофанию греч. печати с женой кн. Олега Святославовича Тмутараканского); **«Заметки по болгарской истории: к пересмотру Трновской надписи»** (ЗРАО. 1888. Т. 3); **«Брак Мстиславны 1122 г. Отношения Руси и Византии»** (ВВ. 1902. Т. 9; с экзегезой летописной строки «ведена Мстиславна

в греки за царь»); **«Об униатстве императора Мануила Комнина»** (ВВ. 1907. Т. 14) и др. В ППС (1887–1899) издал, тщательно исследовав рукописное предание, ряд «хожений», в т. ч. **«Хожение инока Зосимы»** (1889) — о путешествии XV в. на Восток по спискам XVI в. В ходе многолетней и разнообразной работы с рукописями Л. хорошо освоил на практике греч. палеографию, как и древнерусскую.

Об этом свидетельствует курьезный случай, когда сделанная им из чудачества подпись на рукописи Генуэзской б-ки: «Χρῦσανθος Σιβηριώτης» была прокомментирована франц. издателем как принадлежавшая владельцу кодекса каппадокийцу «Хрисанфу из Сиверии». Л. в 1906 признался в своем проступке, за который получил справедливое порицание в печати.

Плодотворным для Л. направлением науч. деятельности стало изучение памятников древнерус. литературы. Археограф ППО и ОЛДП, он «проинспектировал» многие провинциальные архивы (Казани, Ростова, Ярославля и др.). Среди сенсационных итогов этих поездок была публикация ценного памятника древнерус. литературы **«Слово о погибели руския земли»** (СПб., 1892); так стали известны и старообрядческий трактат против саможжения **«Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей»** (СПб., 1895) и **«Повести о смерти князя Данила Александровича и о начале Москвы»** (СПб., 1901). Увлекался Л. и фольклором: так, он опубликовал, с ист.-лит. введением и с отсылками к трактовке птичьих сюжетов у Эзопа и Аристофана, тексты **«Древнерусских сказаний о птицах»** (СПб., 1896). На XV Археол. съезде (Новгород) Л. прочел доклад «Сказание о провалившихся городах», в котором среди первых рассказчиков бродячего сюжета об ушедших под воду городах назвал Сократа Схоластика и блаженного Иеронима, а посредниками в проникновении этого сюжета на Русь (сказание о невидимом граде Китеже) — визант. авторов.

Увлеченный книжник, профессионально погруженный в визант. и рус. древность, Л. остался «глубоко черноземным» человеком, которого «культура коснулась одним крылом» (*Срезневский*. С. 341); он мало интересовался современностью и до конца дней сохранял глубокую религиозность. В глазах окружающих Л. выглядел чудачком («идеалистом в жизни»), равнодушным к «житейскому» достатку: «это была фигура оригинальная, яркая и красочная, не повторяющаяся» (*Срезневский*. С. 327). При всякой возможности он подписывался Samarovenski или Σιβηριώτης, всю жизнь оставаясь патриотом своей малой родины, связей с которой не порывал до последних лет; достигнув некоторого благосостояния, он приезжал в Самарово не без величественности: визиты наносил в мундире и «сорил деньгами», в т. ч. пожертвовал 7000 руб. Тобольской гимназии на именную стипендию. Напечатал ряд краеведческих материалов по истории края, в т. ч. «**Покорение Югорской земли**» (СПб., 1885; первая публикация Л.) и не утратившее значения до сих пор исследование «**Самарово. Село Тобольской губ. и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом**» (СПб., 1892, 1896; репринт. изд. — Тюмень, 1997), в котором по архивам и личным впечатлениям описал климат и топографию Самарова, дал хронику его истории, в которой упоминаются документы времен правления Алексея Михайловича, родословные жителей, их занятия и быт; собрал Л. и краткий лексикон местного говора.

На протяжении долгих лет выполнял разнообразные библиогр. и редакторские поручения. Привлеченный Д. Кобеко в ОЛДП, Л. описал 624 рукописи этого общ-ва: «**Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности**» (Т. 1–3. СПб., 1891, 1893, 1899), а также личные коллекции его членов, такие как «**Библиотека гр. С. Д. Шереметева**» (Т. 1–2. СПб., 1900–1902), «**Описание**

рукописей кн. П. П. Вяземского» (СПб., 1902). Для ППО составил обширное «оглавление ист.-лит. и археол. данных о русско-византийских отношениях» (до 1453) «**Summa rerum Romaeorienticarum. Απαντα τὰ Ρωμαιορωσικά. Греки и Русь**» (СПб., 1898); редактировал сборник материалов Порфирия Успенского «**Александрийская патриархия**» (СПб., 1898), изучением которых занимался еще магистрантом (см.: Императорский архив в 1890 г. // ЖМНП. 1891. Март. С. 13). «Талантом своим он не открыл новых горизонтов в той области, которой отдался, не создал новых теорий, не поразили ученый мир новыми оригинальными гипотезами, но он подготовил своим кропотливым трудом путь для будущих научных исследований» (*Срезневский*. С. 341).

Племянник Л. (Платон Лопарёв) был одним из организаторов партизанского движения на Обском Севере (1919).

Литература: *Срезневский В. И.* Х. М. Лопарёв: припоминания о его жизни и трудах // РИЖ. 1918. № 5; *Жебелёв С. А.* Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4; *Азадовская Л. В.* Крестьянин села Самарово // Сибирские огни. 1964. № 8; *Курбатов Г. Л.* История Византии. Л., 1975; *Письма русских историков*. С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков. Омск, 2003; *Медведев* 2006; *Крылов А. В., Сорокина Н. М.* Императорское Палестинское православное общество и отечественное востоковедение. М., 2007; Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопарёву. Ханты-Мансийск, 2008; «Искренно делюсь с Вами как с другом...»: из переписки Х. М. Лопарёва и Ю. М. Поповой. Тюмень, 2011 ♦ Венгеров (Источники, Список); *Веселовский*; БС MAO; СРНБ (библ.); Шрубца; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* РГИА. Ф. 1644; СПбФ АРАН. Ф. 107; *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 4. № 58; Ф. 194 (Н. Н. Голубовский); Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1 (1896). № 86, 197; Ф. 2. Оп. 1 (1918). № 15; РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров), 669 (Е. В. Петухов); СПбФ АРАН. Ф. 96 (В. Г. Васильевский), 247 (Н. К. Никольский), 733 (В. К. Ернштедт).

В. П. Смышляева

ЛОРЕНЦ
Фридрих Карлович
(Федор Федорович)

LOREN(T)Z Friedrich

[9.11.1803, Кройцнах — 10.5.1861,
 Бонн], *историк, педагог*

Учился в ун-тах Гейдельберга и Берлина. Степень д-ра философии получил в Берлине в 1828; в 1830 — звание экстр. проф. в Галле. В 1831 по приглашению министра народного просвещения переехал в Петербург для занятия должности орд. проф. всеобщей истории в ГПИ. В течение трех лет (1836–1838) возглавлял самую известную немецкоязычную газету Петербурга — «Sankt-Petersburger Zeitung». С 1840 л. — чл.-корр. Имп. Петерб. АН. После смерти Э. Д. Коллинза (выдающегося математика, акад. Петерб. АН и директора Главного нем. уч-ща при церкви св. Петра) Л. пригласили на место директора ГНУ (Petri-Schule), где он преподавал лат. язык (ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 211. Л. 1–3; Petrischule. Th. 2. S. 36). Кажется, лучшего выбора нем. община и окружное начальство не могли сделать: Л. был прекрасно образован, по-немецки аккуратен и основателен и влюблен в дело преподавания.

Сохранилось несколько речей Л. (лат. и нем.), в которых он излагает основные принципы своей работы и свое отношение к образованию в целом (Geschichte der St. Petri-Schule. 1710–1910. SPb., 1910. S. 69–71; Lemmerich C. Geschichte der deutschen Hauptschule St. Petri. SPb., 1862. Bd. 2. S. 377–390). В речи «О том, с какой целью основан Главный педагогический институт блаженной памяти императором Николаем I» (Речь, читанная на лат. языке проф. Ф. Лоренцом на акте 9 вып. студентов Гл. пед. ин-та, 21 июня 1856 г. СПб.) Л. говорил: «Нам повезло жить

в то время, когда больше, чем прежде, признается, что истинное образование ума — это и надежная основа порядочности, и неиссякаемый источник гражданского благосостояния. В настоящее время государство рассматривает как одну из самых священных своих обязанностей обеспечение образования своим подданным, а подданные ни за что так не благодарны правительству, как за открытие хороших школ. Неудивительно поэтому, что в такое время, как наше, когда состояние страны определяется состоянием образовательных институтов, учебное дело достигло небывалого ранее расцвета» (пер. Я. Чистякова — ЖМНП. 1856. Июль).

Одна из этих речей (лат.) произвела неизгладимое впечатление на Генриха Шлимана, чья рус. семья (жена и оба ее брата) поддерживала отношения с Л. как директором школы, которую все они закончили. Вот фрагмент письма Г. Шлимана от 1857 к его тете Магдалене:

«Один из самых моих близких друзей, проф. д-р Лоренц, который в течение 16 лет был президентом Педагогического института и обладает европейской известностью благодаря своим многочисленным и превосходным историческим трудам, в июне возвращается в Бонн, чтобы впредь всецело посвятить себя науке. Ах, как же завидую я этому человеку! Несколько недель тому назад он держал латинскую речь по поводу юбилея упомянутого Института, да так замечательно, что в ней ни единого предложения нельзя было найти, которое было бы не цicerоновским» (Гаврилов. 2006. С. 122). Н. А. Добролюбов, также слышавший эту речь, судит о ней со свойственной ему едкостью, однако и он отдает дань учености Л. (Добролюбов. Т. 1. С. 176–177).

За 17 лет службы в должности директора Петришуле Л. открыл подготовительные курсы для женского отделения школы; увеличил число часов по древним

языкам, истории, географии и закону Божьему (для православных учеников); исключил из программы трудные для восприятия предметы (антропология, энциклопедия знаний); при нем был построен гимнастич. зал и гимнастика стала обязательным предметом, слишком большие классы были разделены надвое и др. (ЦГИА СПб. Ф. 578. Оп. 1. № 331. Л. 42 и след.; РБС. Т. 10. С. 693). Пед. коллектив и нем. община высоко ценили Л. как директора Петришуле и при случае ходатайствовали о его награждении (ЦГИА СПб. Ф. 578. Оп. 1. № 331. Л. 43). За время рус. службы Л. был награжден орденом св. Владимира 4-й и 3-й степени и св. Анны 3-й и 2-й степени (Там же. Ф. 272. Оп. 1. № 211. Л. 1–3).

Л. был известен в России не только как прекрасный лектор ГПИ и директор старейшей в городе школы, но и как автор монументального ученого труда **«Руководство к всеобщей истории»** (Ч. 1–4. СПб., 1841–1860), выдержавшего несколько переизданий, а также книги **«История новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира. (1815–1856)»** (СПб., 1859). «Руководство...» рассматривает новую историю Европы, прежде всего христианской, однако первый том целиком посвящен древней истории; любопытен взгляд Л. — из России на историю Европы и из Европы на Россию. Отзывы и рец. современников неизменно положительные, замечания в первую очередь касаются изъянов перевода. По мнению В. Г. Белинского, «перевод, несмотря на изъятую автором в предисловии благодарность разным грамотеям, решительно недостоин такого сочинения, как история г. Лоренца» (Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Ч. 1 // Белинский. Т. 4. С. 402).

Л. написал и сам несколько рец. на труды по истории (Разбор сочинения

г-на Кудрявцева под заглавием «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». М., 1851, составленный г-м проф. Лоренцом. СПб., 1852; Разбор сочинения М. С. Куторги под заглавием «Персидские войны, критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории», составленный чл.-корр. Академии, д-ром Фр. Лоренцом. СПб., 1859; и др.). Рец. Л. всегда написаны учено, строго и доброжелательно.

Почти ежегодно Л. ездил в Европу (преимущ. в Германию): иногда с семьей — для отдыха и лечения, иногда один — для науч. занятий (ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. № 211; Ф. 578. Оп. 1. № 331). Получив пенсию за выслугу лет, Л. в 1857 уволился и уехал со всей семьей в Бонн, где читал лекции по истории России.

Литература: Смирнов; Брокгауз; РБС; НР; Летопись РАН; Бузескул 2008; ADB; *Beolens B. et al. The Eponym Dictionary of Birds.* London, 2014.

С. Э. Андреева

ЛУНЬЯК

Иван Иванович

LUŇÁK / LUNJAK Jan

[12.12.1847, дер. Долянки,
Богемия – 21.7.1935, Прага;
Ольшанское кладб.],

филолог, историк литературы

Из чешской крестьянской семьи (в письме С. А. Венгеру упоминал о дальнем родстве с известным политиком Ф. Л. Ригерцем). Окончил Ичинскую (Jičín) гимназию (1869) и филос. ф-т Пражского ун-та (1872). Прослужив после выпуска два года в Генрихо-Градецкой гимназии, поступил в Лейпц. ФС (1874–1876); по окончании был, по рекомендации Ф. Ричля, включен в число стипендиатов МНП для приготовления к профессорскому званию. Магист. дис. «**Observationes rhetoricae in Demosthenem**» (защищена: Дерпт. ун-т, 1878; магистр греч. словесности). С 1877 в Петербурге: вел занятия по древним языкам в Петерб. 5-й гимназии и курс стилистики в ун-те (прив.-доц. 1882–1885). В 1885 был приглашен в Казан. ун-т: прив.-доц. кафедры греч. словесности, экстр. проф. (1890). Докт. дис. «**Quaestiones Sapphicae**» (защищена: Казан. ун-т, 1888). В 1890 при содействии А. И. Герге в е в с к о г о был перемещен в Моск. ун-т (экстр. проф.) на место Ф. Е. Корша, временно перебравшегося в Одессу, а в 1892 наоборот — заменил возвратившегося Корша в Новорос. ун-те. Здесь Л. прослужил до отставки 1909 (орд. проф., с 1907 засл. проф.). Выйдя на пенсию, оставил Россию; в 1920–1930 преподавал классич. филологию в Люблянском ун-те, откуда переехал в Чехословакию.

Как и другие пражане, тяготел к формальным, преимущ. стилистическим исследованиям. Главная тема его ранних работ — выявление следов мотивного и стилистич. взаимодействия в античной риторич. традиции. В магист. дис.

«**Observationes rhetoricae in Demosthenem**» (ЖМНП. 1878. Март — апр. и отд.) систематизировал худож. приемы аттич. ораторской прозы (использование сентенций, сравнений, худож. образов), чтобы выявить различия в стиле полит. и судебных речей Демосфена. Тема продолжена в исследованиях стасиса (*στάσις*, status) — одного из структурных компонентов судебной речи: «**Риторические этюды**» (ЖМНП. 1881. Окт., дек.), «**Über den Status der ersten Rede des Isaeus über die Erbschaft des Kleonymus**» (Philologus. 1884. Bd. 42), преимущ. на материале речей Демосфена. К стилистич. критике Демосфена, а также и Геродота, Арриана и др. Л. обращался и в экзегетич. этюдах «**Miscellanea critica**» (ЖМНП. 1883. Ноябрь) и в статье «**К вопросу об отношениях Демосфена к Исократу**» (ЖМНП. 1890. Февр.) о влиянии творчества Исократ на риторическую традицию и технику Демосфена и др.

Одновременно Л. обращался к описанию тропов поэтич. жанров: «**Vergiliana**» (ЖМНП. 1878. Ноябрь), «**De Homericis similitudinibus apud Vergilium**» (Там же.

1881. Апр.), «*Verisimilium decas*» (ЗНУ. 1907. Т. 109) и др. Докт. сочинение «*Quaestiones Sapphicae. Accedit corollarium criticum atque exegeticum ad Ovidianam Sapphus epistulam*» (Казань, 1888) посвятил критике и экзегезе XV элегии «Героид», где, напр., исправлял lectio monstruosa стиха 139 furialis Erichtho на furialis Alecto, считая первое следствием контаминации. Сопоставляя элегии Овидия с фрагментами Сапфо, Л. пришел к выводу, что Овидий был знаком с подлинным сборником Сапфо и указанная элегия является ценным биогр. источником.

Рецензент «ЖМНП» (1889. Март. С. 238) похвалил «начитанность и трезвость суждений» автора, но Ф. Ф. Зелинский (ФО. 1891. Т. 1) нашел шаткими положения Л.: «если к параллелям ставить такие скромные требования, то можно доказать все, что угодно»; Зелинский даже пародировал выкладки Л. собственными сопоставлениями элегии с «Женщинами в народном собрании» Аристофана (спустя полтора десятилетия его возражения по адресу Л. повторил Я. Денисов; см.: Гермес. 1917. № 11–12. С. 213). Спорными показались Зелинскому и некоторые лингв. открытия Л. вроде этимологизирования имени Фаон (Φάων) от зоонима ταῶς. Претензии к дис. Л. высказали и казанские коллеги — Д. Ф. Беляев и Д. Нагуевский (Учен. зап. Казан. ун-та. 1890. № 1–2).

Л. пробовал себя и в филол. исследовании, ставящем своей задачей изучение ист. фактов (**Лагерь Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу** // ЖМНП. 1882. Апр.); в целом он выступал противником наметившегося сужения тематики антиковедения, указывая на возможности новых прочтений лит. памятников (см. статью: **О современном состоянии изучения древне-классических письменных памятников** // ЗНУ. 1893. Т. 58). Не остался он в стороне и от обсуждения перспектив гимназич. классицизма (**К вопросу о реформе преподавания древних языков в гимназиях** // Учен. зап. Казан. ун-та 1890. № 1). В 1900-е Л.

обращался к вопросам славянской (чешской и словенской) и романской филологии: «**Гостыньское чудо: к вопросу об источниках эпопеи краледворской рукописи Jaroslav**» (Одесса, 1898), «**Отчет засл. орд. проф. И. И. Луньяка о науч. командировке в Швейцарию и Тироль**» (ЗНУ. 1909. Вып. 1).

Моск. кафедра была недовольна самим фактом перевода Л. в Москву волею МНП, и неудивительно, что о лекторской манере Л. можно встретить (вряд ли беспристрастное) свидетельство, в котором вступ. лекция Л. в Моск. ун-те названа слабой по содержанию («понадерганные из немецких учебников» общие места) и непривычной для слуха из-за акцента и промахов лектора с ударениями (см.: Баскаковы. С. 243). Л. — один из наставников М. М. Покровского: вместе с И. В. Цветаевым и Ф. Ф. Фортунатовым ходатайствовал о его магистратуре (*Радциг С. И. М. М. Покровский. М., 1948. С. 6*). В жизни, по оценке Ф. Г. Мищенко, Л. был «скромным и безобидным» человеком, который лишь в связи с докт. диспутом «проявил большую прыть» (ОР РНБ. Ф. 608. № 1018. Л. 50–52 и об.). Некоторая подозрительность казанских коллег по отношению к Л. объяснялась его контактами с всеильным А. Георгиевским, о покровительстве которого Л. упоминает в письмах к Мищенко (ОР РНБ. Ф. 608. № 1018, 1019).

Л. был женат на Марии Дягилевой, тетке известного импресарио: в 1909 она не последовала за мужем в Европу. Сын Л. от этого брака — проф. химии Томского и Казан. ун-тов Андрей Луньяк (см. о нем: Казанский ун-т, 1804–2004. Казань, 2004. Т. 2. С. 686).

Литература: *Радциг С. И.* Из истории кафедры классической филологии Московского университета // Вопросы классической филологии. Вып. 1. М., 1965; *Дягилева Е.* Семейная записка о Дягилевых. СПб.; Пермь, 1998; Российское научное зарубежье. М., 2011; Hausmann; *Brglez A., Seljak M.* Ruski profesorji na

Univerzi v Ljubljani. Ljubljana, 2007. S. 86–90; *Movrin D.* The Anatomy of a Revolution: Classics at the University of Ljubljana after 1945 // *Classics and Communism*. P. 145 ♦ Прозоров; Наргуевский; БС СПб. ун-та (библ.); *Михайловский А. И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в имп. Казан. ун-те (1804–1904): материалы для истории университета. Вып. 1–3. Казань, 1901; БС Юрьев. ун-та; БС Казан. ун-та (библ. до 1890); Венгеров (Список); Загоскин; Воронков; БС ПОНУ; Филол. ф-т 2002; Рус. интеллигенция; Биографика СПбГУ.

В. П. Смышляева

ЛЮГЕБИЛЬ

Карл Якимович

(Иоакимович, Екимович)

LUGEBIL Karl Heinrich

[11(23).11.1830, Петербург — 28.12.1887(9.1.1888), там же, Смоленское лютеранск. кладб.],
филолог, педагог

Из семьи небогатого владельца ювелирной лавочки; предки отца были выходцы из Пруссии. После ранней смерти отца Л. воспитывался в Уч-ще св. Анны. В 1848–1852 студент ИФФ Петерб. ун-та. Завершив курс кандидатом, некоторое время подрабатывал частными уроками, затем был принят учителем древних языков и истории в Ларинскую гимназию (1854–1857); преподавал также в Уч-ще Мая (1858) и в Уч-ще правоведения (1867–1873). После сдачи магист. экзамена и защиты дис. «**De Venere Coliade Genetyllide**» (Петерб. ун-т, 1859) выехал в заграничную командировку (1860–1861): занимался в Берлине, Гёттингене, Мюнхене и Риме, посетил Афины. По возвращении основным местом службы Л. становится Петерб. ун-т: прив.-доц. (1862), доц. (1864), экстр. проф. (1868), орд. проф. кафедры греч. словесности (1872). Докт. дис. «**Историко-филологические исследования**» (защищена: СПб., 1868). Помощник хранителя древностей

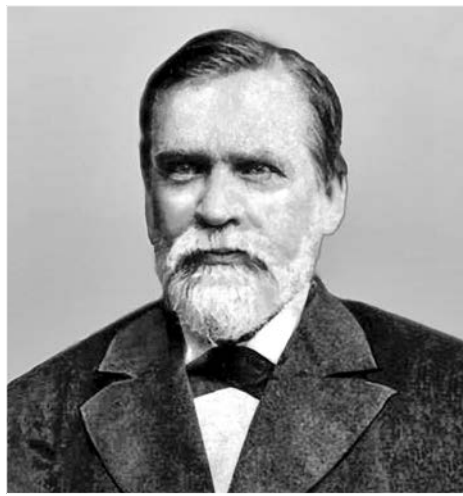
в Эрмитаже. Чл. РАО (1865). В 1886 оставил преподавание по болезни; при увольнении избран почетным чл. ун-та.

Для направления науч. интересов Л. существенно то, что он был учеником Ф. Б. Грефе и охотно посещал его занятия по греч. поэзии; памяти наставника Л. посвятил свой магист. труд (см. некролог: *Wojewódzki L.* К. Н. Lugebil // *Bursians JVer.* 1888. Bd. 57. S. 27). Подход к науке не был у Л. неизменным: сперва он тяготел к формальным исследованиям. Дебютировал традиционной критикой текста в дис. «*De Venere Coliade Genetyllide liber singularis*» (СПб., 1858), исходным пунктом которой явилось его эмендация к двум стихам Аристофана (*Lysistr.* 2 и *Nub.* 52). За границей Л. познакомился не только с опытом современной критики текста (Г. Зауппе), но и с достижениями сравнительно-ист. языкознания (Т. Бенфей). Заинтересовавшись успехами «реальной филологии», Л. под руководством И. Генцена и Г. Брунна стал изучать историю искусства, эпиграфику и археологию в Риме; за доклад о новейших раскопках в Помпеях был избран чл.-корр. *Istituto di corrispondenza archeologica* (см.: *Bull. dell'Istituto di corrispondenza.* 1861). Вернувшись в Петербург, Л. некоторое время публиковал в «Изв. РАО» и приложениях к «Отчетам ИАК» небольшие этюды с интерпретациями греч. надписей из южнорус. раскопок. Герм. впечатлениями и влиянием популярных в студ. годы Л. лекций М. Сем. Куторги объясняется, по-видимому, попытка «соединения критики исторической с критикой филологической» в работах 1860-х (*Никитин П.* Записка об ученой деятельности К. Я. Люгебиля // *Протоколы Петерб. ун-та* за 1884. С. 13), в т. ч. работа об остракизме (**Über das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen** // *Jb. f. class. Phil.* 1861. Suppl. 4).

Первая часть докт. дис. Л. («Историко-филологические исследования») — «Афинский царь Кодр и отмена царской

власти в Афинах» — посвящена анализу источников мифа о Кодре с итоговым выводом, что монархия в Афинах не завершилась со смертью Кодра, поскольку пожизненные архонты обладали не меньшей, чем царь, властью. Во втором разделе — «Архонтство и стратигия в Афинах во время Персидских войн» — Л., с опорой на филол. аргументы (от стилистич. до палеографич.), защищал точку зрения Дж. Грота на время замены выборов архонтов жеребьевкой. Поддерживаемую Л. гипотезу (о связи жеребьевки с реформой Эфиальта) со временем, как думают некоторые, опровергла публикация «Афинской политики» Аристотеля, «до некоторой степени подтвердившая» положения первой части дис. Л. (Бузескул 2008. С. 247).

Дис. была высоко оценена Г. С. Дестунисом (ЖМНП. 1868. Ноябрь.), усомнившимся лишь в отд. тезисах Л. — напр., в идее, будто поздние авторы установили различия между пожизненными архонтами и царями из-за смещения глаголов ἄρχειν и βασιλεύειν: «такое смешение не могло породить целый взгляд <...>. Если же это так, то следовало бы привести несколько подобных примеров». Тем не менее Дестунис признает: «Эта диссертация, вооружась замечательным обилием фактов и еще более замечательно критикую древних текстов, сильно колеблет взгляд на эпоху, следующую непосредственно за Кодром». В рец. В. В. Бауера на вторую часть (ЖМНП. 1869. Янв.) также одобрена филол. «проверка текста», но высказано порицание диссертанту за «отклонение в последних двух его главах от строгой научности» ради «гипотезы, находящейся в противоречии со всеми нашими сведениями о политической жизни Греции». Не согласился Бауер и с религиозным обоснованием введения жребия, считая что его правильнее связывать с полит. борьбой. Строже отнесся к сочинению Л. (в нем. пер.: Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen // Jb. f. class. Phil. 1871. Suppl. 5) раскритикованный им Шёман. В своей обширной рец. (Jb. f. class. Philol. 1872. Bd. 105. S. 145–168), возражая Л. по основным пунктам и усомнившись

в значимости филол. аргументации для ист. труда, он, впрочем, похвалил эрудицию автора, осведомленность в археол. и эпиграф. материале по теме и оригинальную интерпретацию вопроса о жребии.

В дальнейших исследованиях Л. ист.-филол. и эпиграф. сюжеты не получили развития, но создали автору известность за рубежом и органично вошли в его науч. багаж [см. рец. на «Исследования по греческой истории искусств» А. В. Прахова (ЖМНП. 1871. Июнь.) и статью «**Zur Kritik und Erklärung von Paus. I. 20, 2**» (Philologus. 1873. Bd. 33)]. Ю. А. Кулаковский, не будучи лично знаком с Л., писал, что «привык уважать его еще в Германии» по отзывам тюбингенских профессоров (ОР РНБ. Ф. 608. № 905. Л. 75 об.). С середины 1870-х разносторонне эрудированный эллинист (этому способствовало многолетнее общение с Г. С. Дестунисом и А. К. Науком) увлекается трудами Г. Курциуса по ист. грамматике и сферой сравнительно-ист. языкознания: «**О формах родительного падежа единственного числа так называемого второго греческого склонения**» (ЖМНП. 1880. Янв.–февр.; нем. пер.: Jb. f. class.

Phil. 1880. Suppl. 12); «**Zur Frage über zweitheilige und einheitliche Sätze**» (Archiv f. slav. Philol. 1884. Bd. 8); «**Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen**» (RhM. 1888. Bd. 43; рус. пер.: ЖМНП. 1889. Янв.) и др. Работал Л. и над лингво-стилистич. интерпретациями гомеровского текста: два очерка под общим заглавием «**Homerica**» напечатаны в «ЖМНП» (1886. Июнь; Сент.).

Сочетая критику текста с некоторыми приемами компаративистики, Л. пытался выявить одновременные элементы гомеровского эпоса: «Если один какой-нибудь стих или часть стиха постигала порча, <...> то обыкновенно порча распространялась и на другие одинаковой формы стихи <...>. Учитывая различия однотипных стихов, можно попытаться проследить истоки порчи и выявить приоритетную форму» (Июнь. С. 140). В первом очерке, сопоставляя дублиеты ἀπαμειβόμεναι и ἀμειβόμεναι, Л. пришел к заключению, что лексема ἀμειβόμεναι в рукописной традиции вытеснила префиксальную форму глагола, и, с учетом около 2000 контекстов, уличал издателей в эмендациях ради «спондеирования» первой стопы. Во втором («Древнейшая форма греческого имени карийцев») Л. обсуждал просодич. противоречия гомеровских именованний карийцев, в т. ч. краткость и долготу корневого гласного в различных стихах «Илиады».

Для эволюции Л. показателен принятый им коммент. перевод (местами переходящий в критич. обзор основных понятий по этой теме) фундаментального труда Курциуса «Grundzüge der griech. Etymologie»: «**Курциус Г. Начала и главные вопросы греческой этимологии**» (СПб., 1882). Начатая после болезни (инсульт 1873), навсегда подорвавшей здоровье Л., работа эта усложнялась происходившей в науч. периодике 1870-х ревизией трудов Курциуса. О многочисленных сложностях, связанных с этим переводом, свидетельствуют обширные, с разрешения Курциуса даваемые пояснения Л. к этому труду.

Так, Л. в параллель мнению Курциуса приводит суждения др. лингвистов, в т. ч. И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. А. Потебни, наряду с собственными оценками; он заботливо расшифровывает для читателя библиогр. отсылки вроде: «под словарем Бенфея должно понимать его глоссарий к гимнам Самаведы, изданный вместе с ними в 1848». В примечаниях Л. проявляется то качество, которое доброжелатели называли «акрибией», а критики «крохоборством»: напр., «сравнительное языкознание» поясняется как «сравнительный прием в языковедении» (С. 39), а на определение Курциуса «именами предметов <...> всегда почти обозначается только одна какая-нибудь сторона <...> представления» Л. возражает: «Курциус говорит тут о словах как именах предметов <...>, как будто у говорящего есть непосредственно какое-нибудь дело с внешними предметами, а не только с представлениями о них?!» (С. 262).

По отзыву Ф. Мищенко (КВИ. 1884. № 3), отметившего несоразмерность числа мелких «придинок» при недостаточном обсуждении действительно требовавших пояснения разделов (напр., о понятии «аналогия»), труд лейпц. профессора вышел «победоносно из тисков критики» почтенного петерб. профессора. На неточности перевода указал в своем отзыве и П. И. Аландский (Там же. 1883. № 1. С. 17).

В целом науч. письмо Л. отличается бесстрашием суждений, тщательной аргументацией и «европейской» аккуратностью библиогр. оформления — Л. всю жизнь следил за новой литературой по специальности и дисциплинам. Своих студентов он, который был «счастлив на даровитых учеников» (Всемирная иллюстрация. 1888. Т. 39. С. 42), также поощрял сходить с накатанной колеи, считая «квиетизм» губительным для науки. В отзывах на труды тех, кто ищет истину «как бы suo Marte», он указывал на методологич. ценность такого поиска (**Новые**

взгляды на мифологию // ЖМНП. 1882. Март. С. 127) и бывал строг к филологам, игнорирующим современные теории: «Точка зрения нашего толкователя в сущности не выше точки зрения разбираемого им оригинала», — был его приговор относительно сочинения А. Добиаша, посвященного синтаксису Аполлония Дискола (ЖМНП. 1883. Сент. С. 138). Ради истины, всегда для него «большей подруги», Л. критиковал и друзей, напр., Наука, чью идею о развитии окончания II склонения (-ou < *-oFo) назвал порочной в печати, «чтобы его (т. е. Наука. — В. С.) авторитет не мог содействовать распространению ложного мнения» (ЖМНП. 1880. Янв. С. 3).

Тем яростнее возражал оппонентам, чьи убеждения расходились с его собственными: В. И. Модестов еще два десятилетия спустя нервно вспоминал (ИВ. 1883. № 2. С. 390–91) «дышащую злобой» статью Л. «**Наука и гениальные люди**» (Учитель. 1862. № 24), в которой автор требовал немедленного отзыва «гениальных молодых людей» А. Г. Нова о с л о в а и Модестова из-за границы после их отзывов о герм. профессорах. Но обычно принципиальность в науч. и полит. вопросах сочеталась у Л. с личной терпимостью, так что даже пострадавшие от нее редко сохраняли надолго неприязнь к Л.

«Добрый старый Люгепиль отклонил мою диссертацию. Такие исследования не годятся, он ждал от меня “аналитической” работы. <...>. Я совершенно не залился на него, особенно когда он, увидев меня как-то раз на улице, хромая сошел с дрожek, пожал мне руку и попросил не сердиться на него» (З е л и н с к и й Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 114).

Как ун-тский педагог — он читал ист. грамматику, эпиграфику, древности и историю искусства, комментировал Гомера, Лисия, Фукидида и трагиков — Л. был интересен для подготовленных слушателей. Студенческая масса любила

Л. «к дигамме» и др. «исчезнувшим буквам» греч. алфавита не разделяла (Волконский С. М. Воспоминания. М., 2004. Т. 2. С. 50). Влияния на учеников Л. достигал не одним пед. вдохновением и безукоризненной нравственной позицией, но и заботой об их судьбе — получении места, диссертациях, настроении. О резком изменении своих науч. планов под влиянием единственного разговора с «милейшим» Л. упоминают И. В. Цветаев (Цветаев И. В., Нечаев-Мальцов Ю. С. Переписка 1897–1912. М., 2008. Т. 1. С. 27) и П. Н. Полевой (ИВ. 1892. № 12. С. 682).

«Люгепиль в наше время был популярный профессор и, несмотря на строгость требований на экзаменах, пользовался уважением и любовью. У него собирались по вечерам до десятка слушателей, милейшая Софья Андреевна готовила чай и подавала на стол сигары, и мы под руководством профессора упражнялись в элементах греческой грамматики <...>. Люгепиль ввел нас в понимание истории и критики текстов, хотя очень часто при этом приходилось держаться целые часы на объяснении двух-трех строк греческого историка и поэта-трагика» (Успенский Ф. И. Петербургский университет в 1867–1871 гг.: по воспоминаниям студента // Дела и дни. Кн. 1. Пб., 1920. С. 166–167).

Разностороннюю эрудицию, в отличие от многих коллег, Л. перерабатывал для своих аудиторных занятий: напр., достижения сравнительно-исторического языкознания переплавлял в своей «особенной, собственной номенклатуре» (Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. Пб., 1921. С. 107). Влиянию Л. на ближний круг не препятствовало слабеющее здоровье, когда, после инсульта, прогрессировали глухота, близорукость, ухудшились память и голос, а лекции сделались непривлекательными для многих студентов.

В гимназич. классах рассеянный и скрупулезный Л., как и его жена, дошкольный педагог, авторитета не снискали

(Благово. С. 104), но интерес Л. к вопросам совершенствования гимназич. образования не стал от этого меньше.

С. А. Люгембиль, разделявшая пед. увлечения мужа, учредила с его помощью один из первых детских садов в России (1862). Посетившая это учреждение Е. Н. Водозова (На заре жизни. М., 1987. Т. 2. С. 275–276) была растрогана играми «дяди Л.» с малышами.

Л. участвовал в заседаниях Петерб. пед. собрания, выступал с обзорами учеб. литературы в периодике: «**Наши латинские учебники**» (Журнал для воспитания. 1859. № 2, 4, 5); «**Новые латинские словари**» (ЖМНП. 1863. Янв.); «**О преподавании древних языков**» (ЖМНП. 1884. Ноябрь. — дек.; речь о защите «еврегетических приемов преподавания» с заучиванием базовых фраз) и др. Для гимназии Л. выпустил пособия «**Первая греческая книга для чтения**» (СПб., 1885) и «**Различные жизнеописания Корнелия Непота <...> по Фёлькеру**» (СПб., 1874; ³1889, доп. Э. А. Вертом). «Candida anima» называли Л. за принципиальность в науке и простодушие в быту, и душа эта прекрасно обрисована в некрологах учеников — В. К. Ернштедта (ЖМНП. 1888. Апр.) и Л. Ф. Воеводского.

Литература: Пятидесятилетие С.-Петербург. Ларинской гимназии. 1836–1868. СПб., 1886. С. 40; Веселовский; Никитенко. Т. 2; Басаргина 2004; Бузескул В. Введение в историю Греции. СПб., 2005; Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005; Bursian; Sandys ♦ Григорьев; Нагуевский; Языков; БС СПб. ун-та; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; Филол. ф-т 2002; Фролов 2006; Бузескул 2008; Тункина 2017; Биографика СПбГУ; Eckstein; EAD.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель), 297 (Г. Э. Зенгер), 608 (И. В. Помяловский), 621 (А. Н. Пыпин); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т); РО ИРЛИ. Ф. 166 (Л. Н. Майков); СПбФ АРАН. Ф. 733 (В. К. Ернштедт).

В. П. Смышляева

ЛЮПЕРСОЛЬСКИЙ Петр Иванович

LJUPERSOL'SKIJ P. I.

[14(26).6.1836, с. Можга, ныне Можгинского р-на Удмуртии — 27.5(9.6).1903, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], историк, богослов

Сын сельск. священника. Обучался в Елабужской духовной семинарии, а также в Вятской, из которой был направлен в СПбДА (1855–1859, кандидат). По окончании курса и краткосрочной службы в Вятской духовной семинарии приступил к преподаванию истории и греч. языка в Петерб. духовной семинарии (февр. 1860; одновременно исполнял обязанности наставника). В 1865, переведенный по прошению в светское звание, был зачислен стипендиатом МНП для подготовки магист. дис. по каф. всеобщей истории Петерб. ун-та (занимался под руководством М. Сем. Куторги). Одновременно преподавал (сверх штата) в Ларинской гимназии (1865–1868). Магист. дис. «**Храмовый город Дельфы, с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции**» (защищена: Петерб. ун-т, 1869; магистр всеобщей истории).

После защиты Л. был командирован на два года за границу для «усовершенствования в древней истории»: в Берлине он слушал Л. Ранке, Т. Моммзена, Э. Курциуса и др., в Риме занимался эпиграфикой и древностями под руководством И. Г. Генцена. Вернувшись в Петербург (март 1872), прочитал конкурсные лекции в СПбДА (по новой истории) и был избран Конференцией Академии на должность преподавателя, но решением МНП направлен в Варшавский ун-т отрабатывать «полученную для командировки стипендию»: доцент, через несколько месяцев — экстр. проф. всеобщей истории. В 1875 был приглашен

Н. А. Лавровским для преподавания всеобщей истории в Неж. ИФИ: орд. проф. до 1897 (по выслуге 35 лет, с апр. 1895 преподавал вне штата). Выйдя в отставку, переселился в Петербург.

Еще в Вятской духовной семинарии отличался успехами в древних языках, но «по своему образованию принадлежал Петербургу» (ИВ. 1903. № 7. С. 393). В СПбДА со студ. лет выполнял науч. поручения (в т. ч. сверял рукописный перевод «Толкования Феофилакта Болгарского на Евангелие от Луки» с греч. оригиналом). Судьбоносным для Л. оказалось знакомство и с М. Сем. Куторгой (о пожизненных соприкосновениях Л. с учителем см.: *Скворцов А. М.* М. С. Куторга и П. И. Люперсольский: история взаимоотношений учителя и ученика // *Вестн. Челябинского гос. ун-та.* 2009. № 28). М. С. Куторга, получивший от министра А. В. Головнина задание подготовить трех профессоров-историков, рекомендовал Л. как отличающегося «светлостью ума, явной способностью к критике и изложению, и также познанием греческого мира» (Там же. С. 161).

Симпатия Куторги к Л., одному из многих посетителей его традиционных «пятниц» и «воскресений», сохранилась до конца его жизни, что свидетельствует не только о природном добродушии Л. (большинство учеников Куторги не выдерживали испытания его характером, т. к. «в обращении это был человек трудный по крайней щекопливому самолюбию» — *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 119), но и о его заинтересованности в науч. контактах с наставником. Л. навещал Куторгу и в его могилёвском поместье, поздравлял от имени Неж. ИФИ с 50-летием деятельности (см.: *Известия Неж. ИФИ.* 1884. Т. 9. С. 26).

Куторга «участливо относился» к ученым трудам и личности Л. (*Бережков. С. 5*), ободряя исследовательские начинания последнего. Это Куторга подсказал молодому ученому тему дис. «**Храмовый город Дельфы, с оракулом Аполлона**

Пифийского в древней Греции» (СПб., 1869) вместе с ее главным положением об особой полит. организации «храмовых городов» (С. IV, примеч. 1); он же консультировал ученика, еще не имевшего возможности посетить Грецию, по топографии Дельфов (С. VII). Воспринял Л. от наставника и методику науч. анализа с опорой на первоисточники — дельфийские надписи и сочинения греч. историков, преимущ. Страбона, Плутарха и Павсания. В шести главах обстоятельной дис., в которой «всюду чувствуется пытливость мысли, свежая любознательность ученого» (*Бережков. С. 6*), Л. обсуждал географию и топографию Дельфов, происхождение оракула и сложение социально-полит. устройства «храмового города». По мысли Л., город возник вокруг храма Аполлона, в котором первоначально служили критские жрецы (длительная зависимость оракула от г. Крисы). Оспаривая определение Дельфов как г-да «иерархической аристократии» (Г. Шёман), Л. защищал положение о сосуществовании в Дельфах двух самостоятельных учреждений — «святилища Аполлона и гражданской общины при нем» (С. 155). Оппонировавшие на диспуте Л. ученики Куторги, к тому времени уже оставившего Петерб. ун-т, — В. В. Бауер, Ф. Ф. Соколов и Г. С. Дестунис — возражали гл. обр. против увлеченного использования диссертантом мифов в качестве ист. источника, что касалось в особенности мифол. основ гимна Аполлону Пифийскому. Эта работа Л. рано устарела: материалы произведенных французами раскопок в Дельфах предоставили в распоряжение ученых новые памятники и богатейший эпиграфич. материал.

В след. своем значительном сочинении «**Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла**» (*Известия Неж. ИФИ.* 1877. Т. 1; и отд.: Киев, 1877) Л. защищал тезис о главенствующей роли Перикла в становлении

греч. демократии, сопроводив изложение основной темы экскурсами в историю рода Алкмеонидов и афинской государственности. С обстоятельной, но благожелательной критикой этой работы выступил сам Куторга (Новая книга о Перикле. М., 1880): выразив радость по поводу появления удачного «ученого труда по эллинской истории», рецензент, создателем афинской демократии считавший Клисфена, укорил Л. в чрезмерном увлечении модернизированными трактовками англ. историка Дж. Грота и в духе своего «оригинального, чтобы не сказать странного» (В. П. Бузескул) положения о политике Перикла, назвал искусственными и противоречащими «всем подлинным историческим сведениям» выводы Л. относительно борьбы аристократич. партии Кимона с Периклом. Греч. историографии посвящены еще несколько статей Л., в т. ч. «**Что такое "Ελληνες Σκύθαι у Геродота IV, 17"**» (ЖМНП. 1884. Дек.; автор понимает их как «эллинизовавшихся скифов» — С. 69) и «**О калиппидах у Иродота IV, 17**» (Тр. VI Археол. съезда в Одессе в 1884 г. Т. 2. Одесса, 1888). Требовательный к себе, враг нерышлого изложения, Л. писал мало; к тому же его характер человека веселого, «души общества» располагал скорее к живому общению с аудиторией, нежели к занятиям за письменным столом.

Смерть Куторги глубоко затронула Л. (см. его письмо к И. В. Помяловскому от 15 июня 1886: ОР РНБ. Ф. 608. № 970. Л. 44) и окончательно прервала его связи с большим науч. миром. В последние годы своей жизни Л. ограничивался преподаванием: предпочитал читать курсы по древней истории, греч. древностям и историографии, комментировал Геродота, Фукидида, Прокопия. Как бывший богослов, Л. увлекательно излагал также историю Востока (*Бережков*. С. 9). Специалистом в средней и новой истории Л. себя не считал, но, оставшись один на кафедре (в 1885 после ухода Г. Э. Зенгера), он,

как «некий Атлант, держал на плечах всю всемирную историю». Эпизодически выступал с сообщениями по темам отеч. истории: напр., опубликована его речь «Дипломатические сношения и борьба Александра I с Наполеоном» (Известия Неж. ИФИ. 1878. Т. 2).

Не обремененный семьей, хлебосольный любитель застольных бесед, Л. охотно зазывал студентов и коллег к себе «на настоящий китайский чай». До конца дней оставался религиозным человеком и, ценя красоту православных обрядов, охотно участвовал в деятельности Неж. благотворительного братства Божьей Матери при мужском монастыре.

Литература: Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1868. СПб., 1886; *Чистович И. С.*—Петербург. духовная академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889; *Скроботов Н. А.* Памятная книжка окончивших курс в С.-Петербург. духовной академии (с 1811 г. по 1895 г.). СПб., 1896; *Бережков М. Н.* В память проф. П. И. Люперсольского // Известия Неж. ИФИ. 1903. Т. 21; П. И. Люперсольский: некролог // Церк. вестн. 1903. № 24; *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001 ♦ Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Нежин 1900; Родосский; Венгеро (Список); Воронков; Сайтов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 410 (М. Куторга), 608 (И. В. Помяловский).

В. П. Смышляева

ЛЮТЕР

Федор Александрович

LUTHER Theodor Wilhelm Dieter

[16(28).2.1864, Москва — 24.12.1918, там же], *филолог*

Сын присяжного поверенного из ревельских немцев; как считалось, один из отдаленных потомков Мартина Лютера. Начальное образование получил под руководством родителей, с 1874 учился

в Тверской гимназии, по окончании которой (1881, зол. медаль) был направлен в Лейпц. ФС (1881–1885; см. студ. д.: РГИА. Ф. 733. Оп. 264. № 55). Учился одновременно с М. А. Георгиевским, знакомству с которым, возможно, был обязан своим назначением в Петербург, где стал преподавать древние языки, рус. словесность и филос. пропедевтику в Введенской гимназии (1885–1886, по найму), 1-й гимназии (1886–1913) и Окружной гимназии (с 1906; учитель лат. языка). В июле 1913 уволился из Петерб. 1-й гимназии (ЦГИА СПб. Ф. 139. № 16371), но уроки сохранял до 1917. Чл. (в 1890-е также библиотечарь и секр.) Петерб. ОКФП. Упоминание о кончине Л. встречается в последнем выпуске ж. «Гермес» за 1918 (№ 8–12. С. 235).

Гимназистом подавал надежды: директор Тверской гимназии в полуофициальном запросе куратору Лейпц. ФС А. И. Георгиевскому искренне хлопотал о судьбе «редкого ученика» и отмечал, что Л. проявляет «интерес к учению, чрезвычайно живой вообще» (РГИА. Ф. 733. Оп. 234. № 55. Л. 6–7). Отшлифовав владение древними языками в Лейпциге, по возвращении Л. преподавал в средних учеб. заведениях, не выходя за пределы предписанных программой методик. С начала 1890-х и до конца дней оставался деятельным чл. Петерб. ОКФП, составлял его годовые отчеты (см.: **Краткий отчет о деятельности ОКФП за 1898/1899, 1899/1900, 1900/1901 и 1901/1902 уч. гг.** // ЖМНП. 1904. Янв.), выступал с рецензиями на учеб. пособия на заседаниях пед. комиссии и совещании преподавателей лат. языка (Гермес. 1908. № 4. С. 77). Вероятно, его перу принадлежит и некролог бывшему предс. общ-ва А. И. Георгиевскому (Гермес. 1911. № 10; подпись: Ф. Л.). В 1911 принимал участие в дискуссиях I съезда преподавателей древних языков (Там же. 1912. № 1. С. 31). Из метод. публикаций Л. известно лишь скромное «лексикологическое

пособие при чтении римских авторов» — **«Книга-тетрадь для латинского словаря: учебный этимологический словарь латинского языка с грамматическими указаниями»** (СПб., 1908). Расположение слов лексич. гнездами, выбор толкований и фразеол. минимумов, а также ценность для школьников этимол. указаний на индоевроп. или лат. происхождение слов, в т. ч. русских, по мнению рецензентов «Гермеса» С. И. Гинтова и П. Н. Черняева (1908. № 5 и 9), сделали этот «вокабулярий» довольно ценным пособием при подготовке школьников к экзаменационному чтению à livre ouvert Цезаря, Ливия и отчасти Цицерона. Интересас к науч. исследованиям не проявил — его увлечения лежали в обл. современной литературы и музыки.

Не имея собственной семьи, окружал себя увлеченными литературой и музыкой воспитанниками Петерб. 1-й гимназии, создав на дому своего рода музыкально-поэтич. кружок. С некоторыми из воспитанников участвовал и в Петерб. лит. собраниях. Как любимого учителя упоминал Л. в письмах рано погибший поэт И. Коневской (Ореус), который начинал заниматься на классич. отделении Петерб. ун-та, а потом перешел на славянское.

В. Брюсов обнаружил в рукописях друга посвященные Л. стихотворения и вспоминал характеристику Л. из письма юного поэта: «Живя в убийственном Петербурге, носится душой между заветами древнерусской и древнегерманской старины» (Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Т. 1. С. 502).

Тепло отзывался о Л. также товарищ Ореуса по гимназии и ун-ту А. Ф. Каль, посвятивший гимназич. наставнику дис. по истории музыки. Впрочем, для гимназич. массы, бунтовавшей в начале 1900-х против классицизма, Л. был, напротив, его скучным олицетворением (Чухман А. А. Очерки по истории 321 средней школы. СПб., 2007. Т. 2. С. 59).

Л., возможно, родственник моск. литератора, переводчика, ставшего в эмиграции проф. Марбургского ун-та, Артура Федоровича Лютера (1876–1955; в кн. «Литературные объединения Москвы и Петербурга» ошибочно назван сыном Л.), отец которого, учитель древних языков Орловской гимназии Ф. А. Лютер, также происходил из ревельских немцев.

Литература: *Будагов М. Л.* Семидесятилетие благородного пансиона и Петербургской Первой гимназии. 1817–1892. СПб., 1895 ♦ Воронков.

Архивы: *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский), 816 (Н. А. Финдейзен), 874 (С. Н. Шубинский); ЦГИА СПб. Ф. 139, 303 (Введенская гимназия).

В. П. Смышляева

ЛЯПУНОВ Юрий (Георгий) Сергеевич

LJAPUNOV Ju. S.

[29.3(10.4).1893, Петербург — 20.2.1920, г. Козлов, ныне Мичуринск Тамбовской обл.],
филолог-классик

Из старинного дворянского рода. Отец — композитор Сергей Михайлович Ляпунов, сын астронома Михаила Васильевича Л., брат академиков Бориса Михайловича Л. (лингвиста-слависта) и Александра Михайловича (математика и механика). Мать — Евгения Платоновна Л. (урожд. Демидова), внучка по материнской линии В. И. Даля. Крестным отцом был друг и учитель отца М. А. Балакирев (Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой. С. 166, примеч. 4). В 1912 Л. стал выпускником классич. отделения Уч-ща св. Анны в Петербурге. Как первый ученик получил жетон им. директора Анненшуле И. И. Кёнига и зол. медаль. В 1916 окончил ИФФ Петерб. ун-та также с зол. медалью за сочинение на тему «**Софистика и Фукидид: влияние софистической**

прозы на стиль, композицию и содержание речей Фукидида». В 1917 по окончании ун-та поступил на ускоренный курс в Михайловское Артиллерийское уч-ще, после которого в июле 1917 произведен в прапорщики. После демобилизации в марте 1918 оставлен при Петрогр. ун-те по каф. классич. филологии. В 1919 служил ученым секр. Эрмитажа. В конце 1919-го или начале 1920 (несмотря на ходатайство Эрмитажа — АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. № 503. Л. 2) вступил в ряды Красной армии — С. А. Жебелёв писал об этом позже как о «благородном юношеском порыве» и жалел, что не смог отговорить Л. от этого решения (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1090. Л. 1). Вскоре Л. умер от сыпного тифа.

На ИФФ принимал участие в семинарах С. А. Жебелёва (греч. литература), М. И. Ростовцева (римск. история), а также Ф. Ф. Зелинского. В архиве сохранилось описание хода занятий в семинаре С. А. Жебелёва по ольвийским надписям (подробный отчет о пяти занятиях с окт. по нояб. 1915 см.: ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1138), автограф незавершенной статьи 1915–1916 «К топографии надписи в честь Диофанта», где автор

поддерживает локализацию «старого» Херсонеса в Казачьей бухте (Strab. VIII, 41, 2), а также многочисленные выписки и комментарии к различным надписям (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1128). Занятия по Гракхам у М. И. Ростовцева позднее отразились в одной из двух опубликованных Ляпуновым статей (**Имели ли народные трибуны ауспиции?** // ЖМНП. 1917. Сент. С. 257–286), в которой он указывает на юрид. противоречивость ситуации, когда народные трибуны, не имея права, тем не менее совершали ауспиции. На этом же семинаре Л. заинтересовался источниками Веллея Патеркула, которым планировал посылать статью (в архиве сохранился черновой набросок текста «К вопросу об источниках Веллея Патеркула» — ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1117).

Вторая из опубл. статей посвящена Фукидиду (**Из наблюдений над стилем речей Фукидида** // ЖМНП. 1916. Ноябрь. С. 399–436): в ней обсуждается использование историком субстантивированных прилагательных, тропов и фигур речи, а также устанавливаются сходство со стилем Горгия и отличия от него. В семинаре Ф. Ф. Зелинского Л. прочитал реферат «Платон. Диалог “Эвтидем” как источник для истории религии» (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1119). Молодой ученый принадлежал в равной степени к греч. и римск. словесности. С. А. Жебелёв высоко ценил Л., назвав «наилучшим из моих учеников» (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1090. Л. 1), и полагал, что из него «выработался бы первоклассный ученый, если бы судьба не была в отношении его столь жестока и несправедлива» (Там же. Л. 3). В письме

к матери Л. от 26.05.1927 он также пишет: «Я уверен, что если бы преждевременная, нелепая смерть не скосила жизни Юрия Сергеевича так рано, он не посрамил бы славного на научном и художественном поприще рода Ляпуновых».

С. А. Жебелёв считал Л. «одним из благороднейших людей» (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 1090. Л. 1) и писал, что тот «оставил по себе самую светлую память, которую только может оставить человек» (Там же. Л. 2). Гибель Л. оказалась первой в ряду трагич. событий, постигших талантливую семью: вскоре на войне пропал без вести брат Андрей; в 1924 в вынужденной эмиграции в Париже умер отец; принявший постриг брат Борис погиб в 1937 в лагере; сестра Людмила не пережила блокадную зиму 1942; мать и сестра Ксения умерли во время эвакуации. После войны остались в живых две младших сестры — Ольга (инвалид) и Анастасия, музыковед, многолетний сотрудник РНБ, во многом благодаря усилиям которой был сохранен и описан семейный архив (Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой. С. 90–91).

Литература: Годовой отчет училища св. Анны по случаю торжественного акта <...> 1912 г. СПб., 1912; *Рамазанова Н. В.* А. С. Ляпунова — хранитель и исследователь музыкальных рукописей // Петербургский музыкальный архив: сб. статей и материалов. СПб., 1999. Вып. 3. С. 6–15; Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: сб. статей и материалов / сост. Т. З. Сквирская (Петербургский музыкальный архив: сб. статей и материалов. Вып. 9). СПб., 2012.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 451 (С. М. Ляпунов). Оп. 1. № 1090, 1117–1120, 1125–1128, 1130, 1138, 1142, 1150; Ф. 1141 (А. С. Ляпунова). № 250; АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. № 503.

О. В. Бударagina

М

МАЙКОВ **Аполлон Николаевич**

МАЈКОВ А. Н.

[23.5(4.6).1821, Москва —
8(20).3.1897, Петербург;
Новодевичий монастырь
в Петербурге], *поэт, переводчик*

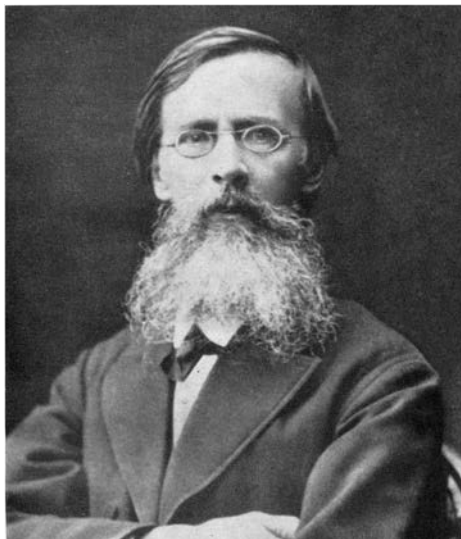
Отец — Майков Николай Аполлонович, дворянин, художник (акад. Имп. Академии художеств). Первоначальное образование М. получил дома: латынь и рус. словесность ему преподавал И. А. Гончаров. В 1837–1841 М. учился на юрид. ф-те Петерб. ун-та, где познакомился и с древнегреч. языком. Под влиянием отца серьезно занимался живописью, но стать художником помешала близорукость. Первая книга стихов, «Стихотворения Аполлона Майкова» (1842), вызвала восторженные отзывы критики, в т. ч. В. Г. Белинского — М. получил за нее пособие от имп. Николая I на поездку в Италию. В 1842–1844 путешествовал по Италии, Франции, Саксонии, Австрии. По возвращении в Россию защитил канд. дис. о древнеслав. праве. Служил в Минве финансов, потом помощником библиотекаря в Румянцевском музее. В конце 1840-х увлекался идеями социализма, вместе с братом Валерианом посещал собрания кружка Петрашевского. После

разгрома петрашевцев убеждения М. становятся консервативными; стихотворение «Коляска» (1854) вызывает гнев радикальных демократов. С 1867 — цензор Петерб. комитета цензуры иностранной, с 1874 — чл. комитета МНП по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения. Чл.-корр. Петерб. АН (1853), тайн. сов. (1888).

М. писал стихи с 13 лет. После сборника (1842) вышли: «Очерки Рима» (1847); «1854-й год» — сб., посвященный Крымской войне (1855); Собрание произведений (в 2-х кн., 1858); сб. «Новые стихотворения А. Н. Майкова. 1858–1863» (1864); Собрание произведений (в 3-х ч., 1872); наконец, в 1884 — ПСС (в 3-х т.). Кроме лирики писал поэмы, из которых «Три смерти» (1851) и «Два мира» (1872) посвящены античности. М. много занимался переводами, охотно посвящал свой труд и народной поэзии, в частности, новогреческой.

Антич. тема была знакома М. с детства, прежде всего благодаря полотнам художников-классиков. «И в поэзии он остался живописцем, неподражаемым пластиком, — писал Д. С. Мережковский, — у него нет образа, который не мог бы быть изображен на полотне или даже высечен в мраморе» (*Мережковский*. С. 442). Поэтич. славу М. принесли первые же стихотворения, написанные в «антологическом роде». Белинский

еще в 1840 отозвался на стихотворение «Когда ложится тень прозрачными клубами...», а два года спустя писал о нем же так: «Одного такого стихотворения вполне достаточно, чтобы признать в авторе замечательное, выходящее за черту обыкновенности дарование. У самого Пушкина это стихотворение было бы из лучших его антологических пьес» (Белинский. Т. 3. С. 378—379; Т. 4. С. 343). В статье «Стихотворения Аполлона Майкова», явившейся самым значительным из отзывов современной поэту критики, Белинский находил у М. и «целомудренную красоту», и «грациозность образов», и «виртуозность резца», не уставал восхищаться «пластичностью образов», подсказанной поэту искусством ваяния (Там же. Т. 6. С. 10). Стремление к гармонии воспринималось критикой как возвращение к пушкинскому чувству меры. Представив талант М. как «дарование неподдельное», Белинский противопоставлял его излишне патетич. стихотворной манере Бенедиктова, равно как и представителям переусложненной «поэзии мысли» — Языкову, Хомякову, Шевырёву. При этом критика отмечала, что в ранних стихотворениях М. трагич. сторона жизни осталась ему недоступна. Чужды М. были также импрессионистич. тенденции, проявившиеся в антологич. лирике А. Фета, Л. Мея, Я. Полонского. Мережковский писал: «Не по духу и объему творчества, а по своеобразным приемам он отличается от своих ближайших сверстников. <...> Фет и Полонский — поэты-мистики, Майков — только поэт-пластик. <...> Солнце Майкова — это вечное солнце Эллады и Рима; <...> краски без оттенков и полутонов достигают крайнего напряжения, звуки раздаются звонко и отрывисто, ни гипербол, ни музыкальной неопределенности, ни эха, ни колебаний света, ни сумерек» (Мережковский. С. 442–443).

Антологич. поэзия М. развивалась по нескольким направлениям. При этом трудно было бы провести явную границу между разделами, которые самим поэтом в последнем прижизненном ПСС (1893) озаглавлены как «Подражания древним», «В антологическом роде», «Камеи» (Анакреон, Анакреон у скульптора, Алкивиад, Претор и т. д.). Есть стихотворения, относящиеся к «антологическому роду», и в других разделах («Элегии», «Страны и народы»). Римск. тема представлена циклами «Очерки Рима» и «Неаполитанский альбом». В конце жизни, в 1882–1883, Майков пишет «Наброски» — двустрочные эпиграммы в антич. духе. В 1877–1893 он даже составил цикл «Из Аполлодора Гностика» — здесь М. приписал выдуманному автору собственные подражания антич. гномам. Сохраняя связь с антич. эпиграммами по форме, эти стихотворения, проникнутые христ. мировоззрением, обращены к современности.

В цикле «Подражания древним» собраны вольные переводы и вариации: Сафо («Зачем венком из листьев лавра...»), «Звезда божественной Киприды...»), Анакреонта, переводы из Горация, Овидия, Проперция, Марциала. К этой же группе

можно отнести некоторые стихотворения из раздела «Страны и народы»: «Сидели старцы Илиона...» (переложение фрагмента «Илиады» III, 149–158), «Платона единственные два стиха, до нас дошедшие», «Из Сафо» («Он — юный полубог, и он — у ног твоих...»). М. являет знание подлинника, мастерски воспроизводит дух античности, но принципиально не следит не только за эквиметрией и эквилинеарностью, но и за точным воспроизведением мыслей. Он стремится заново воссоздать антич. произведение на рус. почве. Эти стихотворения представляют собой нечто среднее между вольными переводами и переложениями. Для М. важен некий общий «идеал античности»:

Довольствуюся я, как славянин прямой, /
Идеей общею в науке Винкельмана. / Какое
дело мне до точности годов, / До верности
имен!.. («Все утро в поисках, в пещерах,
под землей...»; цит. по: *Майков*. Избр.
произв. С. 99).

В стихотворениях М. виден взгляд художника: отвлеченное становится у него конкретным, описательное — наглядным, М. передает антич. сюжеты живописно. Так, в переводе оды Горация I, 5 герой не просто сравнивается с неопытным мореплавателем, но и является таковым; М. пытается реализовать метафору, уподобляющую жизненный путь плаванию в бурном море:

Скажи мне, чей челнок к скале сей при-
плывает? / Кто этот юноша, в венке из алых
роз, / Укрыв свой челн в кустах, взбегает на
утес / И в гроте на скале тебя он обнимает?..
(Там же. С. 69).

Пытаясь приблизить Горация к современности, М. не только стремится усилить здесь изобразительный ряд, но и усиливает звучание, наполняя перевод восклицаниями: «Как счастлив он!.. Любовь в очах его горит!..», «Но, Боже мой! Он бурь не слышит приближенья...».

К Овидию М. обращается в «Послании с Понта» и в стихотворении «Овидий»

(«Один, я погребен пустыней снеговою...», 1841). Оба они написаны не элегич. дистихом, как «Тристии» Овидия, а шестистопным ямбом. В «Овидии» собраны вместе овидианские мотивы времен изгнания, но настойчивее всего слышится элегия V, 7 «Тристий», где Овидий читает вслух собственные лат. стихи, так как боится забыть родной язык: «чтобы я, говоря, Авзонии речь не утратил» (цит. по: *Овидий*. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. С. 78). Герой Майкова тоскует не столько по лат. речи, сколько по родине и друзьям:

Я жажду услышать страны родимой звуки, /
Свои элегии читаю громко я / И думаю
(дита!), что это голос друга, / Что я в кругу
друзей... зову их имена, — / И вот — мне
кажется, что дымная лачуга / Присутстви-
ем гостей невидимых полна (*Майков*. Избр.
произв. С. 54).

Майковское подражание звучит более оптимистично: поэту Нового времени уже трудно понять всю меру одиночества Овидия, выброшенного на край ойкумены. Важная часть того, что волновало римск. поэта, у М. остается за пределами стихотворения, заменена привычными мотивами дружеского послания. «Послание с Понта» первоначально печаталось как оригинальное, хотя это все-таки *вольный перевод*, причем М. соединяет мотивы IV, 9 и IV, 13 «Писем с Понта». Герой М. наделен психологией современного человека, он не испытывает стыда, написав послание не на латыни, а на языке гетов:

Я сам стал полускиф. Поверишь ли, я ныне /
Их диким языком владею как своим!.. /
Пойми меня, мой друг! Пойми: мой грубый
стих / Не втуне уж звучит среди пустынь
нагих, / А принят, повторен и понят чело-
веком! (Там же. С. 71).

Стихотворение «Он, юный полубог — и он у ног твоих!..» — переложение фрагмента Сафо «Богу равным кажется мне по счастью...» (2-я ода). Отступления от подлинника значительны: у М. любовь

окрашена и (отсутствующей в подлиннике) ревностью:

А я?.. Я тут же! тут! Смотрю, слезу за вами — / Кровь к сердцу прилила — нет сил, / Дыханья нет! Я чувствую, теряю / Сознание, голос... Мрак глаза мои затмил — / Темно!.. Я падаю... Я умираю... (Там же. С. 174).

Первоисточником стихотворения «На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...» (цикл «В антологическом роде») является эпитафия моряку, в Палатинской антологии приписанная Сафо (AP, VII, 505):

Дар от Мениска, отца, на гроб рыбака Пелагона: / Верша с веслом. Помяни, странник, его нищету! (перевод В. И в а н о в а. — Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 26).

Отталкиваясь от застывшей статики эпиграммы, М. здесь тяготеет к незавершенному по самой сути своей «антологическому отрывку». Критика выделяла эту вариацию из десяти строк на тему двустрочной антич. эпиграммы. М., по мнению Мережковского, проникает «в сумрак народной души <...>. Маленький рассказ о рыбаке Мениске дышит строгой простотой и реализмом. <...> Есть тайна в этих десяти строках. <...> Эта любовь бедного, темного человека, его безропотное горе переданы Майковым с великим, спокойным чувством, до которого возвышались только редкие народные поэты» (*Мережковский*. С. 447).

Другая сторона антологич. лирики М. представлена в разделе «В антологическом роде». Эти стихотворения не имеют явных антич. источников, они написаны «во вкусе древних». Современная М. критика считала, что при обратном переводе эти стихотворения можно было бы принять за греч. подлинник; Ф. Ф. З е л и н с к и й, впрочем, отмечал, что их источник — скорее «вакхизм александрийских барельефов, красивых и сладострастных» (*Древний мир в поэзии А. Н. Майкова*. С. 237).

Один из лучших примеров такого рода стихотворений — эпитафия «Здесь, в долине скорби...». Размер этого стихотворения — редкое чередование шестистопного и трехстопного хоря — представляет собой эксперимент в духе антич. поэзии. Собственно антич. образы отсутствуют, но к классич. древности восходит само мировоззрение — мудрое принятие смерти, чувство единства с Матерью-Землей, т. е. с природным началом.

Занимала М. и сущность комического. В стихотворении «Претор» видно влияние «ямбов» Катулла, М. воскрешает традиции инвективной поэзии. Антич. юмор проникнуты стихотворения «Пусть полудикие скифы с глазами, налитыми кровью...», «Юношам», «Алкивиад», «Барельеф».

Наконец, к антологич. поэзии М. относил и картины природы — то, что не обязательно надо было связывать с античностью: «Сон», «Картина вечера», «Зимнее утро», «Все думаю тайную в душе моей питает...». Именно здесь наиболее очевидна вторичность поэзии М. — он заметно ориентируется на пушкинскую объективность взгляда, внимание к мелочам, отказ от деления на «низкое» и «высокое».

Тему антич. мира Майков продолжил в цикле «Очерки Рима», написанном по непосредственным впечатлениям в 1842–1843 — это что-то вроде лирич. дневника путешественника. В «Очерках Рима» антич. тема раскрывается вполне традиционно, в духе романтической элегии: размышления о героизме, силе духа древних римлян, величии древней культуры, традиционные медитации на развалинах и т. д. Таковы стихотворения «Campagna di Roma», «После посещения Ватиканского музея», «Тиволи», «Антики», «Игры», «Древний Рим», «Palazzo». Продолжает итал. тему «Неаполитанский альбом» — очерки в духе натуральной школы, в которых Мережковский признавал не антологич. лирику, а искусное

подражание Гейне; критика отмечала, что антич. муза, одетая в тесный костюм европ. дамы, выглядит неуклюже. Гораздо удачнее смотрится обратный прием — облечение нового содержания в антич. формы. Такова маленькая поэма «Рыбная ловля» (1855), названная Мережковским «лучшей из современных поэм» (*Мережковский*. С. 454). Сюжет ее, возможно, подсказан «Наукой рыболовства» псевдо-Овидия. В прозаич. занятии М. усматривает нечто возвышенно-поэтическое и даже изобретает Музу рыболовства:

Непосвященные! Напрасен с вами спор! /
Искусства нашего непризнанную музу /
И грек не приобщил к парнасскому союзу! /
Нет, муза чистая, витай между озер! /
(*Майков*. Избр. произв. С. 355).

К началу 1850-х М. от лирики переходит к эпосу: поэма «**Три смерти**» была названа многими критиками его лучшим произведением. Еще в 1840-х М. размышлял о взаимоотношениях антич. и христ. миров. В ранней драматич. поэме — «Олинф и Эсфирь» («Римские сцены времен пятого века христианства», 1841) — христианство и античность диаметрально противостоят друг другу: «чувственность и духовность <...> явились во вражде, в противодействии, в борьбе на жизнь и смерть» (Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1842. С. 180). Однако, хотя в поэме «Три смерти» государство периода Нерона изображено мрачными красками, образы иронич. и мужественных римск. интеллектуалов-язычников вызывают сочувствие. Идея поэмы — борьба человеческого духа с ужасом неизбежной смерти. Три римлянина — эпикуреец Люций и два ист. лица: философ-стоик Сенека и поэт Лукан — борются со смертью, не прибегая к помощи религиозных верований. Все трое выходит победителями: эпикуреец побеждает страх насмешкой, философ — мудростью, поэт — вдохновением. М. заботился не

столько о верности ист. реалий, сколько о современном звучании поэмы.

Поэму приветствовали такие разные критики, как А. В. Дружинин, писавший, что в «Трех смертях» «мы не можем не признать венца всей майковской деятельности» (*Дружинин А. В.* СС.: в 8 т. СПб., 1865–1867. Т. 7. С. 513; ср. также: *Писарев Д. И.* СС.: в 4 т. М., 1955–1956. Т. 1. С. 196). Мережковский писал: «Ни раньше, ни после поэт не достигал такой поэзии. <...> Эта драма — самая классическая из его вещей и вместе с тем самая современная». М. извлек «из античного мира все, что в нем есть общечеловеческого, понятного всем народам и всем векам» (*Мережковский*. С. 449–450).

При этом часть мотивов поэмы заимствована из «Египетских ночей» Пушкина. «Флавий, воин смелый, / В дружинах римских поседельный, <...> / Критон, поклонник и певец / Харит, Киприды и Амура» и последний участник драмы: «...восторг в очах его сиял, / Страстей неопытная сила / Кипела в сердце молодом...» — те же три возраста персонажей представлены и в поэме М., видимо, стремившегося откликнуться на пушкинский замысел.

В 1872–1882 М. снова вернулся к проблеме взаимоотношения античности и христианства в лирич. драме «**Два мира**». Лучшие черты языческого Рима воплощены в аристократе Деции — гордый и свободолюбивый, он предпочитает самоубийство низкопоклонству перед Нероном. Он скорбит о падении нравов, но все-таки Рим для него — воплощение могущества человеческого разума. Ему противопоставлены христиане, ставящие превыше всего веру и готовые идти за нее на мучительную казнь; в последнее мгновение Деций ощущает их нравственную правоту.

Поэма имела большой успех и была удостоена в 1882 полной Пушкинской премии. Восторженно отзывались о ней А. В. Никитенко, Я. К. Грот и Н. Н. Страхов (*Грот Я. К.* Отчет о первом присуждении премий А. С. Пушкина. СПб., 1882. С. 14; *Страхов Н. Н.* Заметки о Пушкине и других

поэтах. СПб., 1888. С. 211). Однако Тургенев в письме к Полонскому отзывался о ней скептически: «Вот Майкову за его поэму я не присудил бы более 75 копеек: самая красная ей цена!» (*Тургенев И. С. ПССИП: в 28 т. Письма. Т. 13, кн. 2. М.; Л., 1968. С. 79*). В начале 1890-х Мережковский, которому эта проблематика была близка, оценивал «Два мира» так же невысоко. «Христиане Майкова холодно и пространно рассуждают. <...> От этих строк веет не ароматом свежего, древнего мирозерцания, а чем-то слишком современным — запахом церковной пыли, дешевого ладана и деревянного масла» (*Мережковский. С. 451–452*).

Вл. Соловьёв, относившийся к поэзии М. с высшей серьезностью как в одобрении, так и в критике, пишет о нем: «Ясность форм, но не красок»; или: «Поэзия М. определяется, с одной стороны, древне-эллиническим эстетическим мирозерцанием, с явно-преобладающим эпикурейским характером, с другой — преданиями русско-византийской поэтики» (Брокгауз. s.v.)

Брат — Валериан (1823–1847) — известный лит. критик, автор статей о Достоевском и Кольцове. Из остальных братьев — Владимира, Николая, Леонида (1839–1900) — особенно примечателен был последний — фольклорист, знаток рус. литературы XVII–XVIII вв., этнограф, акад. (1889), вице-президент АН (1893), чл. РГО, редактор «ЖМНП» (1882–1890).

Литература: *Никитенко А. В.* Два мира. Лирическая драма А. Н. Майкова // ЖМНП. 1874. Апр. С. 389–409; *Зелинский Ф. Ф.* Древний мир в поэзии А. Н. Майкова // *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. СПб., 21908. С. 230–251; *Белинский В. Г.* Стихотворения Аполлона Майкова // *Белинский. Т. 3–4; Прийма Ф. Я.* Поэзия А. Н. Майкова // *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 21977 (Б-ка поэта. Больш. сер.). С. 7; *Мережковский Д. С.* Майков // *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика: в 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994. С. 442–455; *Успенская А. В.* Античность в русской поэзии второй половины XIX в. СПб., 2005. С. 21–42 ♦ Брокгауз; Венгеров (Источники); ЛЭ; КЛЭ; РП (со справкой об архивах); Свиясов.

А. В. Успенская

МАЛЕИН Александр Иустинович (Юстинович)

MALEIN A. I.

[24.8(5.9).1869, с. Прутня, ныне Торжокский р-н Тверской обл. — 26.10.1938, Ленинград; Смоленское кладб.],
филолог, палеограф, книговед

Сын акцизного чиновника (см. автобиографию отца: *Малеин Ю. М.* Мои воспоминания. Тверь, 1910). Учился в Ржевской прогимназии, Тверской гимназии (окончил курс в 1888 с зол. медалью) и Петерб. ИФИ (выпуск 1892; однокурсник А. М. Ловягина и Ф. Э. Виденмана). По окончании Ин-та (по классич. и словесному отделениям) был оставлен магистрантом (без стипендии) при Петерб. ун-те, а летом 1894 (после магист. экзамена) командирован с науч. целью в Германию и Италию: стажировался в обл. истории римск. литературы и палеографии. Магист. дис. «**Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации**» (защищена: Моск. ун-т, 1900). Докт. дис. «**Рукописное предание загадок Альдгельма**» (защищена: Моск. ун-т, 1905). В 1896 поступил на службу в Петерб. ИФИ: преподаватель лат. языка, экстр. проф. (1905), орд. проф. (1913), также библиотекарь (1902) и чл. правления ин-та (1906). Более 30 лет проработал в Петерб. ун-те и его подразделениях: прив.-доц. (1904), проф. (1917–1934), зав. каф. классич. филологии (1921–1926). В разные годы преподавал в др. учеб. заведениях, в т. ч. Петерб. 1-й гимназии (1898–1900), Александровском лицее (1900–1909) и на Раевских ВЖК. После 1917 читал лекции в различных ин-тах Петрограда и на Высших курсах библиотековедения ПБ; заведовал отделом журнальной библиографии в Российской книжной

палате, служил в Ин-те книговедения (1925–1930, зав. секцией), в составе которого перешел в ПБ (1925). С 1924 по 1931 библиотекарь V отделения БАН, создатель и зав. Кабинета инкунабулов, редких книг, иностранных рукописей и гравюр. С 1931 старший ученый хранитель Ин-та книги, документа и письма АН. Один из основателей и председатель (1919–1927) Рус. библиолог. общ-ва (редактор его «Библиографических листов»), чл. совета и правления Общ-ва библиотекоеведения. Чл.-корр. АН (ОКФ; 1916). В течение жизни состоял чл. многих науч. общ-в и комиссий: Петерб. ОКФП, РАО, Ист. и Филос. общ-в при Петерб. ун-те, Русско-византийской словарной комиссии, Комиссии по иностр. библиографии при АН, Общ-ва ревнителей истории и др. Активно сотрудничал в науч. и лит. периодике: редактор (совместно с С. О. Цыбульским) ж. «Гермес».

Называвший себя учеником Ф. Ф. Зеллинского и Л. А. Миллера, энергичный и разносторонний, М. плодотворно сочетал науч.-пед. деятельность с журналистикой — за рамками библиографии

в «Sertum bibliologicum» (С. XX–XXXII) осталось немало его заметок без подписи. В печатном наследии М. можно выделить три магистральных направления науч. занятий: историко-литературное (с экскурсами в обл. сравнительного лит-ведения), текстологическое (лат. палеография) и библиологическое (книговедческое и библиографическое). Базовым для М. оставался ист.-лит. и лит.-экзегет. анализ, стимулируемый лит. одаренностью и пожизненными редакторскими занятиями, к которым он в молодости был приобщен (как и Ловягин) библиофилом Н. М. Лисовским. В ж. «Библиограф» Лисовского увидели свет первые статьи М.: «Начала библиографии в Греции: таблицы Каллимаха» (1892. № 4–5), «Газеты у древних римлян» (1893. № 4–5; и отд.).

Науч. занятия М. начинал с этюдов о жанре римск. эпиграммы, связанных прежде всего с творчеством и биографией Марциала: «**Был ли женат Марциал?**» (ФО. 1894. Т. 7), «**Мелкие заметки к Марциалу. I–III**» (Там же. 1895. Т. 9; 1896. Т. 11; 1897. Т. 12), «**Марциал и Лукиллий, поэт греческой антологии**» (ЖМНП. 1895. Июль–авг.), «**Марциал о своих стихотворениях**» (Там же. 1896. Окт.–нояб.; 1897. Янв.–март). Стажировка в б-ках Рима, Флоренции и Милана подтолкнула М. к палеографич. исследованиям. М. убедился лично в значении качественного палеографич. описания для интерпретации древнего текста: «мне же представляется истинным только чтение лучших рукописей» (**К Колумелле: IV** // ФО. 1897. Т. 13. С. 41), а потому задался целью пересмотреть Ватиканские рукописи Марциала для выявления той, которая послужила основой первых изданий. Свободное от занятий эпиграфикой и топографией Рима время М. посвящал сличению списков Марциала. В опубликованных по возвращении палеографич. заметках, напр., «**Действительно ли утрачена**

Грутерова рукопись Марциала» (ЖМНП. 1898. Ноябрь.–дек.), **«Древнейшая Ватиканская рукопись Марциала»** (Там же. 1899. Март) и др., и в дис. **«Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации»** (СПб., 1900) М. доказывал тождественность Палатинской рукописи Марциала XVII в. и Грутерова кодекса Ватиканской б-ки (предположение такого рода высказывалось ранее Ф. Шнейдевином, но не получило поддержки вследствие неточных, по мнению М., чтений сотрудников, занимавшихся сличением спорных рукописей).

Другим значимым выводом М. стало исключение двух эпиграмм I книги Марциала из ее первого издания. Защита дис. М. состоялась в Москве, т. к. в Петерб. ун-те тех лет выпускникам ист.-филол. ин-тов было «не всегда удобно дискутировать», по замечанию Ф. Е. Корша (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 3233. Л. 8), выступившего наряду с М. М. Покровским оппонентом на защите М. (сообщение о диспуте М. см.: ИВ. 1900. № 6. С. 1073). Благодаря одобрительному отклику А. Сонни в «Lit. Centralblatt» некоторые выводы М. были замечены иностр. учеными (Sertum bibliologicum. С. XII).

Не оставляя эпиграмматич. темы с обращением к творчеству иной раз и малых представителей этого жанра (Лукиллия, Стация и жившего среди вандалов Луксория) — **«К Стацию»** (ФО. 1900. Т. 19); **«Несколько замечаний к Сальмазиевой антологии»** (ЖМНП. 1901. Апр.); **«Вновь открытые эксцерпты из Марциала»** (Гермес. 1914. № 4) и др., материалом для докт. сочинения **«Рукописное предание загадок Альдгельма»** (ЗИФФ. 1905. Т. 77; и отд.) М. избрал малоизвестный сборник лат. загадок VII в. При интерпретации его спорных мест он учел 18 рукописей, сличив их сам (за исключением трех англ.) по оригиналам или фотографиям, предложил собственную

стемму списков и «образцовую рецензию текста» загадок (ВДИ. 1938. № 4. С. 270). Фрагменты дис. были опубликованы в ж. «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik»; некоторые выводы М. нашли отражение в ссылках К. Эвальда, издателя Альдгельма (Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum vol. 15. Berolini, 1919. P. 97–149).

О пристальном интересе М. к средневековой латыни свидетельствует его общение с А. И. Садовым, в лекции которого «Из чтений по латинской семасиологии» включена статья М. о языке Вульгаты — **«Латинский церковный язык»** (Богословский вестн. 1907. № 6). С палеографич. периодом М. тематически связаны еще статьи о рукописных источниках Колумеллы (ФО. 1896–1901. Т. 11, 13, 18–20), Тибулла (ЖМНП. 1898. Янв.; описание Петерб. рукописи XV в., восходящей к другому рукописному семейству, нежели список, на котором основана ed. princ.), Беды Достопочтенного (ЖМНП. 1909. № 10) и др. Занятый пед. и лит. работой, М. со временем отошел от трудоемких текстологич. штудий, но еще в 1920-е публиковал палеографич. этюды и руководил занятиями своих учеников, в т. ч. А. В. Болдырева и Я. М. Боровского (см.: *Ботвинник Н. М. Я. М. Боровский // Боровский Я. М. Opera philologica*. СПб., 2009. С. 11); последнего М. разочаровывал разве что отсутствием «лейтмотива при исследовании древности» (*Гаврилов А. К. Наследие Я. М. Боровского // Там же*. С. 571).

Как переводчик (фрагментов Алкифрона, Клеомеда, Диоскорида, Дионисия Галикарнасского, Иоанна Златоуста и др. авторов) М. участвовал в латышевском собрании и переводе антич. текстов по истории Причерноморья «Scythica et Caucasica». В 1900-х он перевел (или значительно переработал имевшиеся переводы) и прокомментировал ряд лат. итинерариев, описывающих путешествия

по Вост. Европе: «Дневник путешествия в Московии 1698 и 1699» И. Г. Корба (СПб., 1906); «Книгу о Московитском посольстве» П. И. Новокомского (СПб., 1908); «Путешествие в восточные страны» В. де Рубрука (СПб., 1911) и др. Перевел он и диалог Лукиана «О пляске» для «Ежегодника Петроградских государственных театров. 1918–1919» (Пг., 1920), как и «Утопию» Т. Мора (Л., 1935). Филол. эрудиция, обстоятельность проработки материала, лит. мастерство М. проявились и в нетривиальных биограф. публикациях, посвященных российским литераторам и филологам. Среди лучших в этом жанре работ: «**Латинские клаузурные работы И. С. Тургенева**» (Гимназия. 1893. № 3–5; анализ «с целью чисто исторической» по протоколам Петерб. ун-та лат. письменных ответов Тургенева Ф. К. Фрейтагу и Ф. Б. Грефе); «**Николай Федорович Кошанский**» (Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1901) и «**Карл Карлович Герц. 1820–1883**» (СПб., 1912). Последний очерк, подготовленный по поручению АН (на средства сестры проф. Гёрца), С. А. Жебелёв (Гермес. 1913. № 5. С. 106) назвал «в полном смысле слова образцовым» по учености, обстоятельности, живости изложения и поставил выше научных работ самого Гёрца — так добросовестно были изучены автором все доступные материалы (от рукописного архива до устных воспоминаний о покойном). М. написал множество статей по истории классич. филологии в России для энциклопедич. словаря Брокгауза — Ефрона и НЭС, подготовил краткий очерк истории российской классич. филологии для Д. Сэндса (Sandys).

Возможно, с работы над биографией Кошанского возник интерес М. к темам антич. наследия в рус. литературе. Им прокомментированы антич. реминисценции в некоторых стихотворениях А. С. Пушкина (для издания С. А. Венгера 1907), опубликован ряд заметок об

антологии поэзии Пушкина: «**Пушкин и античный мир в лицейский период**» (Гермес. 1912. № 17–18), «**Пушкин и Овидий**» (Пушкин и его современники. Вып. 23–24. Пг., 1916), «**Мелкие заметки к Пушкину. III: О стихотворении “Мальчику”**» (Там же. Вып. 28. Пг., 1917), «**Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит**» (Пушкин в мировой литературе. М., 1926). Интересны критич. суждения М. о переводческой деятельности российских литераторов, в т. ч. Д. С. Мерзковского (строгая рец. на его книгу «Вечные спутники»: ФО. 1898. Т. 14. С. 18–22) и В. Брюсова — рец. на переводы из позднеримск. поэзии и на «вполне солидное исследование» Брюсова об Авсонии (Гермес. 1911. № 9. С. 228–233); см. также воспоминания М. о поэте, которого в 1910-е он консультировал по переводу Вергилия (**В. Я. Брюсов и античный мир** // Изв. ЛГУ. 1930. № 2. С. 184–193).

Немало сил М. отдавал редактированию и правке трудов коллег. Благодарности ему рассеяны по предисловиям многих изданий, напр., у рано ушедших из жизни латинистов Н. В. Санчурского (Краткий очерк римских древностей. СПб., 1914), М. А. Георгиевского (Древнеклассические реалии. СПб., 1914), И. И. Холдняка [М. держал корректуру его лат. комментария для сб. «Палеографические снимки с некоторых греческих и славянских рукописей Императорской публичной библиотеки» (СПб., 1914)] и др.

Пожизненной привязанностью М. отличалась *библиография*, в т. ч. российского антиковедения: дополнения к «Указателю» П. И. Прозорова (ФО. 1898. Т. 15. С. 48–55; см. благодарность составителя: Прозоров. С. XI); «**Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке**» (в кн.: *Нице Б.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1901; дополнялся в 1908 и 1910); «**Систематический указатель ученой и учебной литературы по древним языкам**» (Пед. календарь-справочник

на 1911–1912 учеб. г. СПб.; Киев, 1911) и др. После 1917 усердно занимался книговедением (см.: *Немировский Е. Л.* Малеин А. И. // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 591–592). Был он и сам библиофилом — его большое книжное собрание поступило в фонды БАН и ИМЛИ. Вместе с Ловягиным разрабатывал книговедческую терминологию и учеб. материалы по новой дисциплине в сочинениях: «**О редкой книге**» (Пг., 1923), «**Краткий очерк истории иностранной библиографии**» (Л., 1925), «**Исторический очерк развития библиографии и современное состояние ее на Западе и в СССР**» (Л., 1927). М. составил каталог инкунабул БАН.

Являясь чл. Петерб. ОКФП со студ. лет и до его фактического распада (1914), М. выступал в печати с ист. заметками и очерками о деятельности этого общ-ва, начиная с отчета «**К истории классической филологии в России: краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования**» (ФО. 1899. Т. 17), и наблюдал за б-кой общ-ва после Э. А. Верта, а в 1900 даже приютил ее фонд, высланный из Петерб. 6-й гимназии, у себя на квартире. Характер и редакторские контакты М. способствовали формированию обширного круга общения, включавшего товарищей по Петерб. ИФИ, ун-тских филологов и литераторов. После 1917 М. поддерживал идею организации науч. объединения для сохранения традиции преподавания древних языков [см. сообщения о его докладах 1917 в последних выпусках «Гермеса», в т. ч. «Наши задачи в области изучения древнеримской литературы» (1918. № 8–12. С. 148–156)].

Как участник Кружка друзей греч. языка при Петерб. ун-те (с 1922), М. был помощником его основателя Ф. И. Успенского [см.: **Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Кружка друзей греческого языка**

и литературы // Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). Л., 1929. С. 75]. Деятельность этого кружка иногда выходила за намеченные рамки и привлекала внимание ОГПУ: «И. И. Толстой, <Успе[нский]>, Жебелёв и Малеин организовали так называемый греческий кружок в Университете, объединяющий человек 30 участников. Целью было поддержание изучения классических языков в Ленинграде <...>. Успенский, близко стоявший к этому кружку, говорил мне, что он недоволен проникновением политики в деятельность этого кружка» (Из показаний акад. Е. В. Тарле от 4.6.1930 // Академическое дело 1920–1931. Вып. 2, ч. 1. СПб., 1998. С. 221). Здесь Жебелёв и М. выступают вместе, но справедливо и указание Я. С. Лурье на некоторое их — мировоззренческое — разделение: «Постепенно в среде ленинградских древних историков обозначились две противостоящих друг другу группы. К одной принадлежали ученики Жебелёва — И. И. Толстой. С. Я. Лурье, П. В. Эрнштедт <...>. Ко второй группе — В. В. Струве, О. О. Крюгер, А. И. Малеин, Б. Л. Богаевский» (*Лурье Я. С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 105).

Занятый лит.-издательской работой М., вероятно, готовился к лекциям не слишком тщательно, но слушатели уважали в энергичном латинисте с неизменными «Записками о Галльской войне» в руках эрудицию, благожелательность и чувство юмора (*Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников. Т. 2. СПб., 2003. С. 372). М. мог, впрочем, и жестко полемизировать с представителями чуждых ему науч. взглядов: О. М. Фрейденберг рассказывала об «издательском» оппонировании М. на ее защите 1924 (*Пастернак Б.* Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг. М., 2000. С. 107). Некоторое представление об основном курсе позднего М. (история римск. литературы)

дает пособие «**“Золотой век” римской литературы. Эпоха Августа**» (Пг., 1923). По воспоминанию Доватура, в 1920-е М. все еще комментировал авторов на лат. языке (предпочитал Лукреция, Марциала, Петрония и паломнику Этерию — см.: *Васильев А. Н. А. И. Доватур*. СПб., 2000. С. 12, примеч. 17). Для гимназич. нужд М. издал (совместно с С. И. Гинтовтом) тексты «**Вергилий. Энеида в сокращении**» (СПб., 1910; ³1916) и «**Тит Ливий. Вторая Пуническая война**» (СПб., 1914; ³1916). Любовь к лит. труду сохранил до конца дней, несмотря на тяжелую болезнь (последние годы жизни провел в инвалидном кресле).

Литература: Пам. книжки СПБИФИ. Кн. 3. 1892; Афанасьев; Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922; Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926; Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. Л., 1934; *Державин Н. С. А. И. Малеин*; некролог // Вестн. АН СССР. 1938. № 11–12; *Тонкова Р. М., Ново-садский Н. И. А. И. Малеин. 1869–1938* // Сов. библиография. 1940. № 1(18); История БАН; Архив А. И. Малеина // Сов. библиография. 1987. № 3; *Варнеке*. 2014. № 1 ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; РБС; Латышев; Воронков; СРНБ; Свиясов; Рус. интеллигенция; Профессора Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена в XX в. СПб., 2000; Бузескул 2008; Российская академия наук; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* СПбФ АРАН. Ф. 1098 (необработ.); *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 72 (Б. Глинский), 252 (Э. Л. Радлов), 77 (С. А. Венгеров), 444 (В. Я. Брюсов) и др.; РГИА. Ф. 740 (в т. ч. дело о назначении орд. проф. и ф. с. 1913 — Оп. 8. Ед. хр. 626. Л. 23–29); ОР РНБ. Ф. 254 (О. А. Добиаш-Рождественская), 297 (Г. Э. Зенгер), 316 (Институт книговедения), 585 (С. Ф. Платонов), 874 (С. Н. Шубинский) и др.; СПбФ АРАН. Ф. 733 (В. К. Ернштедт), 800 (Н. Я. Марр) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 1956), Ф. 114 (Петерб. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

МАНШТЕЙН Сергей Андреевич

MANŠTEJN S. A.

[1861 (1860?), Москва (Рыбинск Ярославской губ.?) — 1931 (1934?), Ленинград; Никольское кладб. Александро-Невской лавры],
филолог, издатель

Из дворян Ярославской губ. — обрусевших выходцев из Пруссии (отец служил городничим в г. Рыбинске). Окончил Ярославскую гимназию (1878, сер. медаль) и Лейпц. ФС (1882), где учился одно время с Л. А. Георгиевским. По возвращении из Лейпцига с июля 1882 был зачислен преподавателем в Новочеркасскую гимназию (Харьков. УО), затем переведен в Харьков. 3-ю гимназию. С янв. 1888 учитель древних языков Царскосельской Николаевской гимназии (по приглашению назначенного ее директором Л. Георгиевского). В 1892 оставил преподавание, сосредоточившись на издательской деятельности: редактор известных серий «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями под редакцией Л. Георгиевского и С. Манштейна» и «Избранные произведения немецких и французских писателей для классного и домашнего чтения под редакцией С. Манштейна» (выпуски этой серии удостоены зол. медали на Парижской всемирной выставке 1900). В 1898–1904 занимал место правителя дел в Ученом комитете. После 1917 вернулся к преподаванию (преимущ. нем. языка): до 1929 служил в различных учеб. заведениях Петрограда (Ленинграда), в т. ч. Военно-техн. академии Рабоче-крестьянской красной армии и флота, Ин-те народного хозяйства им. Энгельса, Высших промышленно-торговых курсах. Еще учась в гимназии, «показал превосходные успехи в древних языках»: учеником 7-го класса издал прозаич.

перевод «Первая песнь Энеиды Публия Вергилия Марона» (М., 1878) с грамматич. комментарием, указателем имен и словарем (экземпляр сохранился в студ. деле: РГИА. Ф. 733. Оп. 234. Ед. хр. 57), за который удостоился благодарности министра народного просвещения (*Звонников И. М.* Историческая записка о Ярославской гимназии. Ярославль, 1881. С. 63). Выпускная рукописная работа в Лейпциге «*De Xenophontis vita quaestiones criticae duae*» (1882) выполнена в жанре лит. экзегезы (сохранилась в студ. деле). По окончании лейпц. штудий опубликовал брошюры на пед. «злону дня», в которых поддержал курс МНП на тотальный классицизм: «**Что еще желательно для наших классических гимназий?**» (Leipz., 1882), «**Среднее образование и умственный пролетариат**» (Новочеркасск, 1884) и некоторые учеб. материалы по лат. словесности, в т. ч. «**М. Т. Цицерон: биографический очерк**» (Новочеркасск, 1883).

М. отличался целеустремленностью и практич. хваткой. В задуманной совместно с Л. Георгиевским и лоббируемой А. И. Георгиевским серии «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков», ставшей делом его жизни, выполнял первоначально всю необходимую работу — от переписки с авторами до финансовых расчетов. Его внучка А. Ширинская вспоминала о недоумении окружающих по поводу недолгого первого брака своей бабушки, дочери генерала, с М. — «филологом, который мог целыми днями не выходить из кабинета, работая над греческими и латинскими переводами» (*Ширинская А.* Бизерта. Последняя стоянка: воспоминания. СПб., 2006. С. 69). Формально М. требовал от авторов серии лишь исключения мест, «не удобных для учащихся по их возрасту в нравственном отношении» или «оскорбляющих их патриотические чувства» (ЖМНП. 1891. Февр. С. 57), но на практике его вмешательство в издаваемые тексты было иногда серьезным.

В фонде И. В. Помяловского (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 929) сохранилось (пересланное В. В. Латышевым) письмо М. к И. М. Белоруссову, товарищу Латышева по Петерб. ИФИ, с требованием безусловного согласия «на все перемены в тексте, которые редакция признает необходимым внести» (с комментарием Латышева: «иллюстрированная редакция начинает иллюстрировать себя очень яркими красками»). В 1892 доход редакции, по подсчетам Белоруссова, достигал 150 % на затраченный капитал; сам Белоруссов выпустил в знак протеста обсуждаемые в письме «Олифские речи» Демосфена в Москве.

До 1917 М. был состоятельным человеком, вполне обеспечивавшим своих детей от трех браков. В собственной серии издал три текста «преимущественно для курсорного чтения»: «**Гомер. Илиада. Песнь I**» (Царское Село, 1890; СПб., 1914), «**Г. Ю. Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. I**» (СПб., 1891; 1917) и «**П. Вергилий Марон. Энеида в сокращении. I**» (СПб., 1896). Опыта и времени для серьезной проработки собственных изданий у М., однако, не хватало; в журнальных откликах на них (см., напр.: Наша

учебная литература // ЖМНП. 1891. Февр. С. 65) отмечалась удовлетворительная подготовка текста, но порицалась несамостоятельность скудного («без ненужных науч. подробностей») комментария, а рецензент «ФО» даже заключал, что в своих изданиях М. «старался об одной только краткости», так что школьнику невозможно составить, напр., представление о сюжете поэмы Вергилия, несмотря на «загадочные» заголовки образца «Вместо Италии Либия», «Опять в Сицилии», «Обетованная земля» (ФО. 1897. Т. 13. С. 148). В бытность преподавателем М. выпустил еще компилятивное пособие «**Материалы для усвоения греческой этимологии и ключ к ним**» (СПб., 1890; 2-е изд. под измененным заглавием: **Материалы для усвоения греческой этимологии в порядке этимологии Черного и с постоянными ссылками на этимологии Кэги-Страхова, Мора, Нидерле-Мейера и Григоревского**. Ч. 1–3. СПб., 1894).

Литература: *Зелинский Ф. Ф.* Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4 ♦ Нагуевский; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Список), Воронков.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733.

В. П. Смышляева

МАРТЫНОВ Иван Иванович

MARTYNOV I. I.

[1771, Переволочна Полтавской губ. — 20.10(1.11).1833, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], филолог, переводчик, деятель образования

Из семьи священника. Выучившись грамоте у писаря, по прошению матери был принят в Полтавскую духовную семинарию, быстро выдвинулся успехами в греч. языке (стал репетитором по этому

предмету и в старших классах подменял учителя). Освоил основы и новогреч. языка (в семинарии было немало наставников-греков, см.: *Batalden S.-K. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. New York, 1982. P. 52–55). За отличные успехи в числе 30 лучших семинаристов (вместе с М. М. Сперанским) был приглашен в Петерб. духовную семинарию (впоследствии СПбДА) после недолгой подготовки на курсах при Моск. ун-те. По завершении образования (1792) преподавал древние языки в alma mater. С 1795, женившись и выйдя из духовного ведомства, несколько лет перебивался частными уроками и корреспонденциями в ж. «Петербургский Меркурий» и «Муза», занимал мелкие должности в канцелярии Коллегии иностр. дел (1795–1797) и Гос. совета (1801–1803); преподавал в Смольном ин-те (1797–1803) и Уч-ще св. Екатерины (с 1798). В 1803 возглавил департамент МНП; одновременно курировал ГПИ — читал курс эстетики и состоял ученым секр. Конференции; до 1812 «действительный директор» ин-та. В 1807–1808 инспектор Воспитательного дома. М. неоднократно приступал к изданию журналов просветительского толка: «Северный вестник» (1804–1805), «Лицей» (1806); хлопотал об издании ист. ж. «Российский временник» (см. его письмо к Д. П. Руничу 1822: РС. 1897. № 2. С. 534), но разрешения не получил. После ухода из МНП, последовавшего за отставкой его патрона А. К. Разумовского, посвящал досуг лит. занятиям. Чл. Российской академии и ВОЛСНХ; почетный чл. Харьков. и Петерб. ун-тов.

Судьба М. — пример успешного самоутверждения талантливого разночинца; перипетии ее частично отражены в «**Записках**» М., опубл. посмертно (Заря. 1871. № 6–8, прил.). Семинарист из «первых учеников» и без «бурсацки-разрушительных инстинктов», он с равным энтузиазмом учил древние языки и естествознание. Трудолюбие и знание

языков (включая редкий для Петербурга тех лет «ромейский» язык) привлекло к М. внимание начальства: он переводил на новогреч. труды митрополита, помогал духовным писателям с переводами визант. авторов (в т. ч. будущему митрополиту Евгению Болховитинову). Для обеспечения собственного курса М. перевел греч. грамматику и некоторые тексты («О слововыражении» Деметрия).

М. рано приобрел репутацию образованного либерала, в т. ч. переводами актуальной для эпохи литературы. С франц. языка (освоенного по большей части самостоятельно) сделал переводы филос. трактатов: «Дух, или Избранные мысли Ж.-Ж. Руссо» (СПб., 1801); «Философические уединенные прогулки Ж.-Ж. Руссо, или Последняя его исповедь» (СПб., 1802); «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером» (Ч. 1–2. СПб., 1802); ж. «Лицей» (1806) наполовину заполнил переводами фрагментов из известного сочинения Ж.-Ф. Лагарпа («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne par J. F. La Harpe»); также перевел несколько полит.-экон. трудов для П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцева. Пробовал себя и в худож. творчестве, сочиняя для ж. «Муза» сентиментальные новеллы (повесть «Парамон и Варенька» перепеч. в сб.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979).

В начале 1800-х опубликовал первые переводы греч. авторов — **«Анакреоновы стихотворения, с присовокуплением краткого описания его жизни»** (СПб., 1801; ²1829 с греч. текстом) и трактат **«О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина»** (М.; СПб., 1803; ²1826) для своего курса эстетики. Основательно переводом антич. авторов занялся уже после отставки. Верный просветительским идеалам, М. и в годы реакции стремился знакомить российскую публику с лучшими произведениями греч. классиков. Без финансовой поддержки — подписка «по нечувствительности наших соотечичей к изданию сему» (Е. Болховитинов) не имела успеха — в 1823–1829 издал 26 томов серии **«Греческие классики»**

(СПб.), включившей прозаич. переводы Гомера, Эзопа, Анакреонта, Софокла, Геродота, Пиндара, Каллимаха и др. (частично с параллельным греч. текстом). По оценке В. А. Жукова с ког о, эти переводы, не «обогащая нашей словесности», избавили рус. читателя от скучного труда рыться в лексиконе (ПСС. Т. 12. М., 1999. С. 112). Вне своей серии издал еще переводы трактатов Плутарха **«Добродетельные женщины в древности»** (СПб., 1820) и **«О слушании»** (СПб., 1822). «И такой огромный подвиг М. совершил один, в свободное от службы время, при самом холодном равнодушии тогдашней публики, лениво и неохотно взиравшей на его полезное предприятие, в котором его поощряли лишь митрополит Киевский Е. Болховитинов и гр. Н. П. Румянцев» (Черняев. С. 125).

Скромно оценивая собственное лит. дарование, М.-переводчик считал своей главной задачей познакомить публику с как можно большим числом произведений. Переводы обычно снабжены кратким биограф. и филол. комментарием (в т. ч. интересными суждениями

о возможностях рус. языка для передачи того или др. греч. текста). Переводческие принципы М., впервые сформулированные им в предисловии к «Анакреоновым стихотворениям», допускали передачу стихотворного текста прозой (иногда М. пользовался рифмованным ямбом) и стилистич. упрощения, напр., пропуск сложных эпитетов или их замену простыми прилагательными. Многие из переводч. приемов М. выглядели архаичными и малохудож. даже для прозаических переложений Гомера, публиковавшихся в серии «Греч. классики» за 1823–1826 (этот перевод был выполнен М. дважды, т. к. в наводнение 1824 из его рукописей «более всего выкупался в воде несчастный Гомер»): читателям были уже знакомы фрагменты поэтич. переводов Гнедича и Жуковского. Впрочем, и этот труд не пропал даром: Жуковский, напр., внимательно читал «Одиссею» в передаче «педанта» М. ради техн. терминов (см.: Переписка В. А. Жуковского с А. П. Елагиной. М., 2009. С. 526).

Филологами XX в. перевод Гомера, выполненный М., отнесен к слишком вольным и зависимым от франц. переводчика (Р. Vitaubé): «При отличном знании греческого языка Мартынов переводит с подлинника, но у него не сходит с письменного стола Битобе <...>. Там, где Битобе не мог ему помочь, мы видим процесс работы, который содержательнее самого результата» (Егунов. С. 280, 283; см. также комментарий В. Н. Ярхо в кн.: Гомер. Одиссея. М., 2000. С. 332).

Выполненные М. переводы лирики и греч. драмы не выдерживали худож. критики: В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину 1840 (Белинский. Т. 9. С. 405) назвал «гнусным» мартыновский перевод семи трагедий Софокла; невысоко оценивает их и В. Н. Ярхо в статье «Ф. Ф. З е л и н с к и й — переводчик Софокла» (см.: Софокл. Драмы. М., 1990. С. 513), но читателям начала XIX в. безыскусные переложения М. позволили впервые прикоснуться ко многим образцам

греч. поэзии. Мать декабриста Никиты Муравьева записала во время свидания с арестованным сыном в числе прочих поручений: «У Гнедича спросить перевод Мартынова Софокла» (ЦГИА СПб. Ф. 1153. Ед. хр. 28). Переводам ист. прозы М. был уготован более долгий век: естественная архаичность «Истории» Геродота в переложении М. использована ради контраста (с переводами Фукидида и Ксенофонта) даже в современном издании (Греческие историки. М., 1976); существенно переработавший этот перевод М. Л. Гаспаров назвал его «превосходным по лексике, но не вполне удовлетворительным по синтаксису», более отрывистому, нежели в оригинале (Там же. С. 394). Как «филэлин, знающий совершенно эллинский язык как древний, так и новейший» (Экономид К. [см. выше И к о н о м о с К.] Опыт о ближайшем сродстве славяно-российского языка с греческим. Т. 1. СПб., 1828. С. CLXXV), М. «не мог сносить равнодушно», что Ф. Б. Г р е ф е вводит в России «обезображивающее греческий язык и трагивающее чувства природных греков» эразмово произношение. В статьях «**Совет Российскому юношеству о произношении некоторых греческих букв**» (СПб., 1822) и «**Наставление об истинном произношении некоторых греческих букв, извлеченное из книги о сем же предмете греческого священника Экономоса**» (СПб., 1831) он указывал на естественность фонетич. изменений и значение рейхлиновой традиции произношения для истории рус. языка. Полемицировал М. и по вопросам рус. орфографии, вызвав, напр., у акад. А. С. Шишкова бурю негодования замечаниями к предложенным П. И. Соколовым «Правилам о употреблении в письме буквы Ъ» (1815).

Велика роль М. в становлении российского высшего образования: его удивительная самоотдача, просветительский энтузиазм, вера в торжество знания и «правосудия для всех» — в своем «Северном вестнике» (1805. № 1) напечатал главу

«Путешествия из Петербурга в Москву» опального А. Н. Радищева — вызывали к нему симпатию многих прогрессистов начала века: М. Н. Муравьева, П. В. Завадовского, Сперанского (крестного отца старшей дочери М.) и «министра поневоле» Разумовского, при котором М. пользовался «полномочиями почти неограниченными» (Записки Н. И. Греча // РА. 1871. № 6. С. 256; *Шмидт Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 103). Полтора десятилетия М. влиял на политику в обл. просвещения и цензуры: подбирал сотрудников МНП, готовил доклады и выступления для министров Завадовского и Разумовского, участвовал в разработке уставов Царскосельского и Демидовского лицеев, как и Петерб., Дерпт., Виленского, Моск., Казан. и Харьков. ун-тов. С его именем связано принятие либерального ценз. устава 1804, разрешавшего сомнительные места «толковать выгоднейшим для сочинителя образом» (*Троицкий Н. А.* Россия в XIX в. М., 1997. С. 15). Не поступался принципами М. и в годы реакции: А. В. Никитенко отмечал, что в числе протестных (против уничтожения философии в ун-тах) писем, поданных членами Главного правления уч-щ, отзыв М. «был в числе наиболее умных» (Никитенко. Т. 1. С. 325). Как разработчик положения о Царскосельском лицее (по проекту Сперанского) М. курировал его работу в первые годы (его сын Аркадий учился вместе с Пушкиным); он сам занимался с лицеистами российской и лат. словесностью: по его «заказу» было написано стихотворение Пушкина «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.» (см.: А. С. Пушкин. Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 255–256). В. Кюхельбекер вспоминал М. как не слишком умелого оратора, более привлекавшего слушателей новизной тем и живой трактовкой материала (*Кюхельбекер В.* Путешествие. Дневник. Статьи. М., 1979. С. 336).

По инициативе М. был издан сб. «Сочинения студентов С.-Петербургского педагогического института по части эстетики» (СПб., 1806), в котором участвовал А. И. Галич. Покровительствовал М. и лит. начинаниям своих подчиненных. С благодарностью вспоминал о М., первом рецензенте его переводов Плутарха, С. Ю. Дестунис: «Нельзя не заметить благородства души Мартынова. Он одобрил перевод, который делал ему подрыв, хотя мог уничтожить одним словом труды человека без имени в литературе» (*Дестунис Г. С.* Из ученой деятельности С. Ю. Дестуниса. Его перевод «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. СПб., 1886. С. 4).

Как и Разумовский, М. увлекся модным в начале XIX в. декоративным садоводством: «расположение садов» эстетиками относилось к «изящным искусствам». Он завел собственную оранжерею, которая погибла в наводнении 1824; печатными итогами его увлечения стали руководства по ботанич. номенклатуре «**Техно-ботанический словарь**» (СПб., 1820) и «**Словарь родовых имен растений**» (СПб., 1826), в которых М. предложил ряд новых лат. и рус. названий (на основе франц. терминологии). В воспоминаниях современников М. предстает чиновником-прогрессистом, обладавшим лит. вкусом и, при внешней бесстрастности («кроткий, но довольно холодный» — С. Дестунис), отзывчивым на чужую беду и способным поделиться с нуждающимся последними деньгами, а при их отсутствии — и царской наградой; по определению Е. Я. Колбасина (Лит. деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 168), это был «человек, который все, что получил от природы, всем до последней ниточки поделился с другими — редкий феномен в обществе». Сдержанно оценивая лит. достижения М., Н. А. Добролюбов обосновывал его «несомненные права на благодарность потомства» альтруизмом — в отношении к начальству, согражданам, друзьям, беднякам (Добролюбов. Т. 2. С. 384). К «прекрасным, но мало еще оцененным личностям» начала

ХІХ в. М. причислил В. В. Григорьев (Григорьев. С. 48).

Литература: Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988; Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти». Российская Академия наук 1783–1841. М.; СПб., 2002; Свиясов Е. В. Сапфо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков. СПб., 2003; Банева Т. А. Иван Иванович Мартынов // Педагогические деятели дореволюционного Петербурга. СПб., 2008; Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставник и питомцы. М., 2008 ♦ Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Список); РБС; Павловский И. Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии. Полтава, 1912; Черняев; Маяковский и Николаев; Воронков; КЛЭ; Свиясов; РП; Дроздов и Федорченко; Геннади 2006; Саитов 2006; Busch.

Архивы: Личный фонд: ОР РНБ. Ф. 468 (7 ед. хр.); Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; РО ИРЛИ. Ф. 235 (П. Н. Соколов); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петерб. ун-т), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

МЕЙ

Лев Александрович

МЕУ / МЕЈ L. А.

[13(25).2.1822, Москва —
16(28).5.1862, Петербург;
Митрофаньевское кладб.],
поэт, переводчик

По отцу — из обрусевших немцев (Меу), дворян Моск. губ., мать — русская. После смерти отца (отставного офицера, участника Бородинского сражения), совпавшей с разорением семьи, воспитывался бабушкой. В 1831 был помещен в Моск. дворянский ин-т на казенный счет, завершил обучение в Царскосельском лицее (1836–1841). Вернувшись в Москву, служил в канцелярии Моск. генерал-губернатора (1841 — янв. 1849,

с перерывами). Одновременно занялся лит. работой: в «молодой» редакции ж. «Москвитянин», где заведовал отделом рус. словесности и иностр. литературы, сблизился с А. Григорьевым, А. Островским, Я. Полонским и др. литераторами.

В начале 1850-х ненадолго оставлял службу, возобновил ее в 1852 в должности инспектора Моск. 2-й гимназии. Пед. карьера М. оказалась недолгой из-за «подпольных интриг» дирекции, не одобрявшей его богемного образа жизни. С 1853 жил в Петербурге, куда приехал первоначально (по настоянию жены, впоследствии издательницы успешного ж. «Модный магазин») похлопотать о новом назначении. Получив направление в Одесскую 2-ю гимназию, не мог из-за долгов выехать к месту службы. Неудачей закончилась и попытка М. (1858) получить место делопроизводителя Археогр. комиссии, внештат. сотрудником в которой он состоял. Жил лит. заработками, печатаясь в ж. «ОЗ», «Светоч», «СО», «Искра», «Народное чтение» и др.; особенно сблизился с редакцией «БдЧ» (А. В. Старчевский поддерживал поэта и материально). В 1858 (вместе с Григорьевым и Полонским) вошел в окружение «добродушного и неразборчивого» мецената гр. Г. А. Кушелева-Безбородко (мл. товарища М. по Лицею), особняк и дача которого в те годы стали приютом для многих литераторов (Носков 2018. С. 85–89). М. стал членом редакции издаваемого графом ж. «Русское слово». Алкоголь и беспорядочная работа рано подорвали крепкий от природы организм М.

В антиковедении имя М. связано с переводами Анакреонта и Феокрита. Обладавший отличными языковыми способностями (помимо нем., франц., англ. и лат. языков, изученных в лицейские годы, самостоятельно освоил польск., древнееврейск., итал.), М. начал изучение греч. языка, по всей видимости, в связи с работой в Археогр. комиссии, когда чтение ист. источников

и филол. исследования стали его любимыми занятиями (Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 73). Наблюдавшая поэта в родительском доме Е. А. Штакеншнейдер (Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 126) утверждала даже, что М. («больше знающий, чем лицеисты бывают обыкновенно») «говорил по-древнегречески» с поэтом Н. Ф. Щербиной, отвечавшим ему на новогреческом. Удачными были признаны выполненные М. переводы анакреонтики, первоначально публиковавшиеся в периодике (БдЧ. 1855. № 4, 7–9, 11; СО. 1858. № 17–18, 20), а затем включенные поэтом в сб. **«Стихотворения»** (СПб., 1857) и в третий том изданного Кушелевым-Безбородко **«Собрания сочинений»** М. (СПб., 1862–1863). Во вступлении, посвященном существу греч. поэзии и принципам ее перевода, М. упомянул, что переводил с оригинала, сличая при необходимости с иностр. переводами и стремясь сохранять метр подлинника. Внешне переводы М. выглядели рецидивами салонной анакреонтики начала века: ритмич. вольности, использование

рифмы, выбор авторов, модных в эпоху преромантизма; однако критики признавали их пословную близость к оригиналу. Впечатление не портили даже усвоенные поэтом в пору почвеннических симпатий фольклоризмы, придававшие переводам «особую живость и заразительность веселых куплетных интонаций, задорный вызывающий тон» (Эткинд Е. Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Кн. 1. М., 1968. С. 54).

Образцы анакреонтики М.: «С ланью грудною извилисторогою, мать потерявшею / В темном лесу, боязливо дрожащая девушка схожа»; «Мне говорят девицы / Ты стар Анакреон, / На! зеркало! Ты видишь / Волос уж не осталось, / И лоб твой обнажен!»; «Что год, весной, касатка, / Ты гнездышко свиваешь, / А на зиму — иль к Нилу / Иль в Мемфис улетаешь. / В моем же сердце вечно / Любовь гнездо свивает / И выводок Эротов / Растит и размножает».

Н. А. Добролюбов заключал, что Анакреонт передан поэтом «очень грациозно, хотя и не без изменений» (Современник. 1857. № 12; цит. по: Добролюбов. Т. 2. С. 160). Спустя сорок лет в отклике на сб. «Анакреон. Первое полное собрание его сочинений» (СПб., 1896; сост. А. Тамбовский) перевод М. был также отнесен к числу «лучших из перепечатанных в книжке старых переводов» (И. А. ~~нненский~~? — ФО. 1898. Т. 14. С. 49). Напротив, критика и читатели сухо встречали выполненные М. переводы идиллий и эпиграмм Феокрита: **«Амариллида»** (СО. 1856. № 2), **«Волшебница»** (Там же. 1856. № 5), **«Алкид-победитель льва, или Богатства Авгиаса»** (Там же. 1856. № 8), **«Детство Алкида»** (Там же. 1856. № 35), **«Рыбаки»** (БдЧ. 1856. № 3), **«Сиракузянки, или Празднество Адониса»** (СО. 1858. № 9), **«Славлю рожденных от Леды и Дия...»** (Модный магазин. 1962. № 1), **«Похититель меда»** (Там же. 1862. № 17), **«Обет»** (СО. 1856. № 29), **«Смерть Адониса»** (СПб., 1887).

Небрежность экспериментов с лексикой, редкими метрами и рифмами (переводил М. «самоуверенно» и по необходимости заработка) в объемных текстах оказалась заметнее, чем в миниатюрах. Добролюбов, раздраженный штампами образца «Ты, чернобровая, лобзаньем очаруй / Меня в объятиях: волшебен поцелуй / У нимфы на груди, как волны перекатной», назвал буколические переложения М. «весьма далеким от подлинности» (Добролюбов. Т. 2. С. 162), а Е. Г. Кагаров в статье «Л. А. Мей как переводчик Феокрита» (РФВ. 1917. № 3–4. С. 48–52), перечислив огрехи М. разного уровня — от произвольных вставок («страдания моего безжалостный виновник») до более или менее грубых искажений смысла («Луна, укрась венцом лучей твое чело» вместо буквального «Селена, свети мне хорошо» и т. п.), пришел к выводу, что представление о М.-полиготе не более чем мемуарное преувеличение, что греч. языком поэт владел «весьма плохо» и Феокрита переводил «неудовлетворительно»: не с оригинала, а с франц. переложений, уступая в точности Н. И. Гнедичу и Г. А. Янчевецкому.

К переводам М. примыкают его антологич. стихи, тематически восходящие к хрестоматийным эпизодам римск. истории из эпохи Калигулы, Клавдия, Нерона, которой М. увлекался в лицейскую пору: циклы «**Фрески**» (СО. 1858. № 3), «**Камеи**» (Петерб. вестн. 1861. № 15), «**Помпеи**» (Сев. цветок. 1862. № 28), поэма о пире Нерона «**Цветы**» (около 1855; включена в сб. 1857) и посвященная заговору сенаторов-стойков против Тигеллина трагедия «**Сервилия**» (ОЗ. 1854. № 5), которая снискала успех у читателей. М. также принадлежит «изложение» фрагмента знаменитого и уже не раз переведенного в России произведения Ж. Бартеlemi «Путешествия молодого Анахарсиса по Греции» в сочинении М. «**Община Платона**» (БдЧ. 1858. № 9).

Помимо греч. поэзии М. переводил Шиллера, Гейне, Беранже, Шекспира, Мицкевича, Диккенса; работал над переложениями «Слова о полку Игореве» и «Потерянного рая» Мильтона. Однако большую славу,

чем переводы, принесла поэту оригинальная лирика. Слабо соответствуя эпохе общественных перемен, она осталась недооцененной современниками: «Прижизненная репутация Мей-поэта отнюдь не соответствовала его реальному значению в литературе» (Гаспаров М. Л., *Основат А. Л.* — РП. Т. 3. С. 568). Зато успех у публики имели ист. драмы «Царская невеста» (М., 1849; тут М. на время сделался предметом всеобщего обожания — см.: Барсуков. Т. 10. С. 340) и «Псковитянка» (СПб., 1860); оба произведения впоследствии стали лит. основой одноименных опер Н. А. Римского-Корсакова.

Воспоминания современников сохранили симпатичный образ М. — беспечного, дружелюбного, сочувствующего людям и животным, который мог потратиться на устриц или отдать нуждающемуся последние деньги и голодать в нетопленной квартире (Милуков А. П. *Литературные встречи и знакомства*. СПб., 1890. С. 269; Гулевич С. В. *Историческая записка о 50-летию Моск. 2-й гимназии*. М., 1885. С. 214–216). Был он склонен к прожектерству (А. В. Никитенко упоминает с недоумением в дневниковой записи 1853 о разговоре с «неким Меем», намеревающимся купить у Масальского «Сын отечества» — см.: Никитенко. Т. 1. С. 373), при этом не мог совладать со своим пороком, что бросалось в глаза современникам: «он премилый и, конечно, вполне приличный», но «пьет страшно» (Штакеншнейдер Е. А. *Дневник и записки*. С. 126). М. прямо шокировал окружающих «любовью к безобразиям» и был «в каждой шалости если не зачинщик, то участник», хотя сам же корил себя за «дурные привычки, постоянное как бы рассчитанное уничтожение всех природных данных страшною ленью и неряшеством» — в итоге получила «недобросовестность» в служении искусству (Зотов В. Р. Л. А. Мей и его значение в русской литературе // *Мей Л. А.* ПСС: в 5 т. СПб., 1887. Т. 1. С. XXXII–XXXIII).

Литература: *Старчевский А. В.* Воспоминания старого литератора // ИВ. 1892. № 10–12; Пам. книжка лицеистов Имп. Александровского лицея. СПб., 1907 ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; КЛЭ; РП; Свиясов; НР; Геннади 2006; Сайтов 2006.

Архивы: *Личный фонд:* РГАЛИ. Ф. 310. 19 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 179 (Н. В. Гербель), 475 (С. Г. Мей), 640 (Н. А. Римский-Корсаков); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей).

В. П. Смышляева

МЕКЛЕР Георгий Карлович

MEKLER Georg

[3(15).2.1858, Лифляндская губ. —
23.1(5.2).1915, Петроград],
филолог, педагог

Первоначальное образование М. получил в Рижской гимназии имп. Николая I (окончил в 1876), затем учился в Дерпт. ун-те на ИФФ, «где занимался под руководством особенно профессоров В. Гёршельмана, Г. Лёшке, И. Бодуэна де Куртенэ и Л. Мейера» (БС СПб. ун-та. Т. 2. С. 170), что определило область его науч. интересов. Прослушав курс наук и сдав экзамены, вышел кандидатом (по клас-сич. филологии) в 1882; в 1883 получил зол. медаль за сочинение «**Об образовании форм женского рода в греческом и латинском языках**» и был оставлен при ун-те еще на год (еще до защиты М. успел отслужить воинскую повинность и поработать домашним учителем у попечителя Дерпт. округа). В 1885 М., магистр сравнительного языкознания, отправляется для продолжения образования в Берлин и Гёттинген, слушает профессоров А. Кирхгофа, И. Шмидта, Г. Зауппе, У. Вилламовица, А. Фика, Ф. Бехтеля и готовит магист. дис., посвященную греч. глаголу «**Beiträge zur Bildung des griechischen**

Verbuns. I: Verba contracta mit langem Themenvocal. II: Die Flexion des activen Plusquamperfects» (Dorpat, 1887). После защиты М. получает место прив.-доц. Петерб. ун-та на ИФФ и, поскольку это не дает возможности прокормить семью (450 р. в год за чтение лекций), устраивается в 1888 преподавателем лат. языка и классным наставником в уч-ще при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, а через некоторое время (в начале 1900-х) — в Александровский лицей.

Биогр. данные о М. противоречивы. Сохранилось несколько ф. с. с разными данными (РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. № 2778. Л. 65–71; ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3796. Л. 2–7; Ф. 14. Оп. 1. № 8832. Л. 90–95). Причина этого, возможно, в том, что в ун-те не интересовались училищными и лицейскими делами М.; важно было чтение им лекций и написание науч. работ. В формулярном списке М., преподавателя Имп. Александровского лицея в классах младшего возраста, отмечено: «Содержания не получает и на службе в Санкт-Петербур. ун-те не состоит» (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3796. Л. 2; после 1901). Следовательно, блестящий выпускник ун-та, написавший две солидные работы, одобренные ученым сообществом, и немедленно после защиты получивший место в Петерб. ун-те, а в качестве преподавателя лат. язык в уч-ще при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины (прихожанами которой, вероятно, были и чл. его семьи, поскольку жили они на 5-й линии Васильевского острова), оставляет свои науч. занятия и становится сперва репетитором, а затем штат. преподавателем (нем. языка) младших классов в Александровском лицее. Годовое жалованье, назначенное М., невелико — сперва 700 р., а затем 750 р. в год; прокормить на эти деньги семью из пятерых человек в начале 1900-х в Петербурге было нелегко. К этому времени М. в уч-ще уже не служил, имя его в списках

личного состава не значится (ЦГИА СПб. Ф. 35. Оп. 1. № 6а).

Почему М. просил место учителя именно в младших классах, становится понятным из лицейских записок А. А. Татищева (*Татищев А. А. Записки об Императорском Александровском лицее* / публ., [вступ. ст. и примеч.] В. В. Берсенева // Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XIII–XX вв.: альм. М., 1999. [Т.] 9. С. 416–429): со старшими учениками, уловившими волну надвигающихся революционных событий и желающими скорее бастовать, чем учиться, по-немецки добросовестный и требовательный М. не сошелся. Разрешению, или, скорее, смягчению конфликта способствовал директор Лицея А. П. Саломон, который убеждал учеников, что М., будучи немцем, не вполне владеет рус. языком и в этом причина взаимного недопонимания. Впрочем несколько недель спустя у него самого будет серьезное столкновение с учениками из-за того, что он запретил пьянство и разгул на неделе прощаний в Лицее. Сохранились прошения и объяснительные записки М., составленные им на правильном рус. языке, разве что менее канцелярским стилем, чем это бывало обычно:

«СПб., 11 нояб. 1904 г. Многоуважаемый Казимир Иванович! Имею честь послать сегодня полученное уведомление из канцелярии Университета о моем производстве. Теперь обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой как можно скорее представить меня к следующему чину. Рад буду, что потом уж мне не придется Вас беспокоить. Кротко надеюсь, что исполните мою просьбу. Искренно уважающий Вас и благодарный Г. Меклер» (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3796. Л. 38).

Таким образом, М. последние годы жизни преподает нем. язык младшим лицеистам, заслуживает чины и награды: ордена св. Анны 2-й степени и св. Владимира 4-й степени, памятные медали в честь 100-летия Лицея и в честь 300-летия дома Романовых. Личное дело его

заканчивается как обычно — запиской директора (В. А. Шильдера), приглашающей коллег на панихиду в церковь св. Екатерины и прошением вдовы о назначении пенсии; директор лицея заботится о том, чтобы вдове уважаемого преподавателя была назначена повышенная пенсия, и сам пишет несколько раз в соответствующие инстанции (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. № 3796. Л. 59 и след.).

Однако сохранились и др. документы М. — ун-тские, а также краткие заметки о нем современников. Согласно ун-тскому ф. с., а также финансовым бумагам, М. прослужил прив.-доц. ИФФ Петерб. ун-та по каф. сравнительного языкознания с 1887 до конца своей жизни.

М. читал в ун-те курс готск. языка, курс введения в языкознание, санскрит и авторов на санскрите, причем он и его коллега по ф-ту С. К. Булич, объявляя свои курсы, конкурировали с востоковедами С. Ф. Ольденбургом и А. И. Томсоном (*Трибунский П. А. Переписка А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова* // *Journ. of Modern Russian History and Historiography*. 2010. № 3. Р. 138). Ежегодно М. просит выдать командировочные (это будет неизменно 150 р.) и каждое лето на 2–3 каникулярных месяца отправляется в науч. б-ки Упсалы, Милана, Берлина, Лейпцига, Гёттингена и др. для написания работы, посвященной синтаксису индоевроп. предложения (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 8832 *passim*). По всей вероятности, многолетняя работа так и осталась незаконченной.

Известно также, что М. возглавлял нем. певческое общ-во Петербурга «Liedertafel» (Годовой отчет Уч-ща св. Анны. СПб., 1911. С. 8).

Литература: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 г. Пг., 1916. С. 18 (некролог) ♦ *Album Dorpat*; БС СПб. ун-та; Биографика СПбГУ.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1; Ф. 14. Оп. 1.

С. Э. Андреева

МЕНЩИКОВ (МЕНШИКОВ)
Арсений Иванович

MENŠ(Č)IKOV A. I.

[26.10(7.11).1807, Тверская губ. —
30.3(11.4).1884, Москва],
филолог, византинист

Из духовного звания. После обучения в Тверском духовном уч-ще и духовной семинарии занимался на словесном отделении ГПИ (1829–1836; сер. медаль). Выпущенный из ин-та, в течение двух лет стажировался за границей, преимущ. в Берлине, где слушал А. Бёка, К. Лахмана, К. Цумпта, Ф. Боппа и др. Вернувшись в Петербург (1838), на время занял должность адъюнкта каф. лат. словесности ГПИ (при проф. Ан. И. Гримме), но уже в 1839 воспользовался предложением С. Г. Строганова и перевелся на каф. греч. словесности в Моск. ун-т, где позже занимал каф. педагогики: экстр. проф. (1848), орд. проф. (1850), засл. проф. (1864). В 1842 выдержал в Моск. ун-те экзамен и защитил дис. «**In Platonis dialogum qui inscribitur Cratylus commentatio**» (д-р философии). Службу в ун-те совмещал с преподаванием лат. языка в Лазаревском ин-те, с 1850 преподавал также в Пед. институте. Секр. Ценз. комитета в 1842–1849. С 1866 вышел в отставку.

Еще в семинарии увлекся древними языками, начальным знанием которых был обязан о. Макарию (будущему архимандриту Старицкому); на последнем курсе преподавал греч. язык в младших классах. В ГПИ способности М. к греч. словесности вкупе с его старанием были замечены Ф. Б. Грефе (автобиогр. см.: БС Моск. ун-та. Ч. 2. С. 49). Освоив приемы критики и экзегезы греч. текста под руководством Грефе и германских профессоров, молодой М. рано приобрел авторитет знающего эллиниста

и педагога: был интересен студентам, приглашал их на домашние семинары (см.: Григорьев. А. А. Воспоминания. М., 1988. С. 88). Тяготел к лит.-эстетич. критике, уделяя значительное внимание обсуждению этич. составляющей произведения (напр., темой «истинного блага человеческого»), вопросами стилистич. и композиционной соразмерности «как необходимых условий красоты и изящества всего сотворенного». С годами, однако, утратил энергию к познанию нового и стал заметно уступать моск. коллегам в качестве своих лекций, не обладая, при многоречивости, природным лекторским талантом (Шестаков П. Д. Московский университет в 1840-х годах // РС. 1887. № 9. С. 659). Студенты 1860-х отзывались о его занятиях уже с раздражением. А. Н. Шварц (цит. по: Соболевский С. И. А. Н. Шварц // ЖМНП. 1916. Янв. С. 22): «Ни Пеховский, ни Меншиков знаний студентов в расчет, видимо, никогда не принимали и читали, что бог на душу положит»; Н. П. Конаков (Воспоминания и думы. М., 2002. С. 83): «Профессор греческой элоквенции

Меншиков был настоящая ветошь; в свое время знаток греческих авторов, особенно трагиков, он читал нам преимущественно Эсхила, сиюсь дать понятие его высоких красот, но, лишенный дара слова, переводил нескладно и топорно <...>. Мы были жестокими критиками выжившего из ума старца».

М. признают одним из пионеров отеч. византистики: с конца 1840-х вводил в свои программы «чтение христианских и вообще византийских писателей, в особенности отцов церкви и историков Византии» (Смирнов. С. 58; Черняев. С. 141). И. И. Срезневский (ИАН. 1855. Т. 4. С. 244) находил ценной для славистов его публикацию (с рус. переводом, но без комментария) в юбилейном издании «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских» (М., 1855; б. п.) сочинения архиепископа Феофилакта **«Жизнь и деяния, исповедание и отчасти повествование о чудесах <...> Климента, архиепископа Болгарского»**. Скромное печатное наследие М. включает еще разбор диалога Платона «Филеб» (Прописи. Кн. 4. М., 1854), с особым вниманием к композиции диалога — впрочем, сухой анализ М. не доказывает его тезиса, что этот диалог «по изяществу формы и художественной своей отделке занимает едва ли не первое место в ряду творений Платона» (Современник. 1855. № 2. С. 69); издание текста **«Aristotelis Hymnus in virtutem in memoriam Hermiae scriptus»** (М., 1877; с пер. гимна на лат. язык metro Alcmanio), а также актовые речи (опубл. речь: **De eruditione et re litteraria Graecorum aetatis Byzantinae**. М., 1849) и гексаметры к датам, напр., к юбилею Моск. ун-та (см.: Столетний юбилей Московского ун-та. М., 1855). В аудитории комментировал греч. авторов и читал традиционные дисциплины из программы той поры — историю греч. литературы, греч. древности, основы антич. стихосложения.

Литература: Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического ин-та 1828–1859 года. СПб., 1859 ♦ Прозоров; Черняев; Венгеров (Список); Языков; ПМУ; Цензоры.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733, 735 (Канцелярия МНП); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ).

В. П. Смышляева

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич

MEREZHKOVSKY /
MEREŽKOVSKIĬ D. S.

[2(14).8.1865, Петербург — 7.12.1941, Париж; кладб. Сен-Женевьев де Буа],
*поэт, прозаик, лит. критик
и эссеист, переводчик,
религиозный философ*

Отец — Сергей Иванович Мережковский, столоначальник придворной канцелярии. Мать — Варвара Васильевна Чеснокова, дочь управляющего канцелярией петерб. обер-полицмейстера. В юности дружил с поэтом С. Я. Надсоном, увлекался мотивами декаданса и в то же время — идеологией народничества. Путешествовал по Руси: был на Волге и Каме, в Оренбургской и Уфимской губерниях, общался с раскольниками и сектантами. В 1888 — первый поэтик. сб. «Стихотворения Д. М-ского (1883–1887)» (СПб., 1888). В 1889 женится на Зинаиде Гиппиус, ставшей его соратницей в создании эстетич., ист. и религиозно-филос. концепций.

В 1890–1892 пишет роман о поздней античности **«Юлиан Отступник»**, позже вошедший в трилогию «Христос и Антихрист», переводит **«Скованного Прометея»** Эсхила. В 1892 — поездка в Италию и Грецию, произведшая на М., по его признанию, огромное впечатление. В этом же году выходит второй поэтик. сб. «Символы», который вместе

со знаменитой статьей «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» проложил дорогу рус. символизму. На протяжении 1890-х переводит пять трагедий Софокла и Еврипида. В 1896 — перевод романа Лонга «**Дафнис и Хлоя**» и третий поэтич. сб. «**Новые стихотворения**», наполненный идеями нищестанства и антибуржуазного протеста. 1897 — выход сб. статей о литературе и культуре «**Вечные спутники**», в т. ч. очерк о недавней поездке в Грецию «**Акрополь**», научно-популярные статьи «**Марк Аврелий**», «**Плиний Младший**», эссе «**Трагедия целомудрия и сладострастия**» — об «Ипполите» Еврипида, статья о творчестве А. М а й к о в а, рассматривающая его многообразные связи с античностью. В 1899, подводя итог переводам с греч., выпускает в ж. «**Мир искусства**» статью о греч. трагедии (№ 7, 8). 12 янв. 1899 — премьера «**Антигоны**» в переводе М. в МХТ, в январе 1900 — «**Антигона**» в Литературно-артистич. театре А. С. Суворина.

В 1899–1902 выходит знаменитый труд М. «**Л. Толстой и Достоевский**». С 1901 Мережковские погружаются в религиозные искания, пытаются создать неохристианскую общину, новую «**Церковь Третьего Завета**». В 1901–1903 в Малом зале Геогр. общ-ва М. организует «**Религиозно-философские собрания**», издает религиозно-филос. ж. «**Новый путь**», печатает в нем работу «**Судьба Гоголя**», роман «**Петр и Алексей**». В 1904 выходят отд. томом все переводы греч. трагедий и «**Дафнис и Хлоя**» Лонга. В янв. 1905, потрясенные расстрелом рабочих, Мережковские участвуют в общественных протестах, знакомятся с эсерами, в т. ч. завязывают дружбу с террористом Б. Савинковым. М. пишет ряд мистико-революционных статей, в т. ч. «**Грядущий Хам**». Страшась репрессий, Мережковские с 1906 по 1908 живут за границей. М. осмысляет рус. революцию, судьбу самодержавия и рус. интеллигенции в сб. «**Не мир, но**

меч: к будущей критике христианства» и «**В тихом омуте**». В 1908–1918 пишет вторую трилогию — «**Царство Зверя**» (пьеса «**Павел I**», романы «**Александр I**», «**14 декабря**»). В 1912–1914 известность М. достигает своего пика. Выходят подряд 17- и 24-томное СС, большими тиражами переиздаются его переводы греч. трагедий. В годы Первой мировой войны М. резко выступает против войны, за мир «любой ценой». Февр. революцию принял с энтузиазмом, сотрудничал с Временным правительством. Окт. переворот воспринял как катастрофу. 14 дек. 1919 Мережковские бежали из России, нелегально перейдя границу в р-не г. Жлобина. В Варшаве М. выступал с лекциями, надеялся склонить президента Польши Юзефа Пилсудского к поддержке белогвардейского движения, но тщетно. 26 окт. 1920 уезжают в Париж, антибольшевистские лекции М. издает в сб. «**Царство Антихриста**». После разгрома Кронштадтского восстания и введения нэпа надежды на скорое свержение большевиков рушатся. М. снова обращается к древнему миру, пишет трактат «**Тайна**

трех. Египет и Вавилон». В 1922, после открытия в Луксоре гробницы Тутанхамона, возникает замысел романа, вышедшего в эмигрантском ж. «Современные записки» под названием: **«Рождение богов. Тутанхамон на Крите»** (1924, Париж). Роман содержит египетскую и греч. сюжетные линии.

М. в эти годы является одним из духовных лидеров рус. эмиграции, в 1927 организует лит. и общественное объединение «Зеленая лампа», его восемь раз выдвигают на Нобелевскую премию по литературе. Написаны романы и трактаты «Мессия» (1926), «Тайна Запада: Атлантида — Европа» (1929), «Иисус Неизвестный» (1932). В 1930–1937 появляются работы об апостоле Павле, Августине, Франциске Ассизском, Жанне д'Арк, испанских мистиках св. Терезе Авильской и св. Иоанне Креста, биография Данте.

Любовь к античности возникла у М. в раннем детстве, во время поездок в Крым. «Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве — для меня вечный символ древней Греции...» (Автобиографическая заметка // *Мережковский*. ПСС. Т. 24. С. 107).

Гимназич. годы М. пришлось на конец 70-х — нач. 80-х, самый разгар школьного классицизма. 3-я петерб. гимназия давала хорошее знание обоих древних языков: в пятом классе читали Ксенофонта и «Одиссею» Гомера, в шестом — «Илиаду» и Лукиана, в седьмом — Демосфена и Платона, в восьмом — Софокла и Геродота (Бывшая 3-я гимназия. С. 126–130). Латынь преподавал автор лат. грамматики Э. Э. Кесслер, греч. — В. Х. Лемонинус, директор гимназии, и Г. В. Бюриг, объяснявший Платона и Геродота.

На ИФФ Петерб. ун-та М. под руководством П. В. Никитина занимался Эсхилом и Софоклом, В. К. Ернштедт вел у него семинарий по Платону. В эти же годы он начинает переводить с греч.

Одним из самых сильных впечатлений явилось посещение афинского Акрополя весной 1892. Позднее М. посвятил этой поездке очерк «Акрополь», вошедший в сб. «Вечные спутники»:

«Чем больше я всматривался в создания Ренессанса, тем более чувствовал, что невозможно проникнуть в дух нового человека, не побывав в Греции, не увидев собственными глазами воплощение древнего эллинского духа. Он лежит как глубочайшая, иногда бессознательная основа во всем, что творят истинно прекрасного и вечного художники новых времен...». Сама встреча с живой античностью оказалась ошеломляющей: «Я взглянул, увидел все сразу, и сразу понял — скалы Акрополя, Парфенон, Пропилеи, и почувствовал то, чего не забуду до самой смерти. В душу хлынула радость того великого освобождения от жизни, которая дает красота. <...>. И — растерянный, полубезумный — я повторил: “Господи, да что же это такое”. <...> Мне показалось, что все мое прошлое, все прошлое человечества, все двадцать болезненных, мятущихся и скорбных веков остались там, позади, за священной оградой, и ничто уже не возмутит царящей здесь гармонии и вечного покоя. Наконец-то настало в жизни то, для чего стоило жить!» (Эстетика и критика. С. 316–317).

1880–1890-е проходят у М. под знаком глубокого интереса к античности. Это проявилось и в его поэзии. Греч. мотивы проявляются в таких стихотворениях, как «Нарцисс», «Эрот», «Мрамор», «Кораллы», «В темных росистых ветвях вострепнулись веселые птицы...», «Южная ночь»; стихотворение «О, дитя, живое сердце / Ты за мячик приняла...» содержит анакреонтич. мотивы, в «Изображениях на щите Ахиллеса» — прямое обращение к XVIII кн. «Илиады». Римск. мотивы представлены в стихотворениях «На Тарпейской скале», «Пантеон», «Колизей», «Термы Каракаллы», «Помпея», «Тибур», «Рим», «Везувий». В них звучит тоска по великому миру, ушедшему навсегда, порой развратному и жестокому, но яркому и полному жизни.

Возникает важная для всего творчества М. дихотомия антич. упоения жизнью и христ. аскезы: любовь к языческому миру и его богам противопоставляется любви к страдающему богу, принявшему смерть за людей: «Где же ты, истина?.. В смерти, в небесной любви и страданиях, / Или, о, тени богов, в вашей земной красоте? / Спорят в душе человека, как в этом божественном храме, — / Вечная радость и жизнь, вечная тайна и смерть» («Пантеон»). Взгляды М. на языческую античность и христианство предвосхищали те религиозно-филос. построения, которые впоследствии будут воплощены в романах «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи». Стихи часто являлись своеобразным автокомментарием к его романам и публицистике. В сб. «Новые стихотворения» антич. мотивы начинают соединяться с декадентскими настроениями и идеями, близкими к ницшеанству («Титаны», «Как негодуют эти волны...», «Смех богов», «Песня вакханок», «Гимн красоте», «Успокоенные»). Иногда античность использована в современном контексте («Ювенал о Древнем Риме»).

Поздней античности посвящен первый роман М. «Юлиан Отступник». Современники единодушно отмечали глубокую эрудицию, тщательное воспроизведение ист. черт эпохи. М. над своими ист. романами месяцами трудился в б-ках и архивах. Рассказывают, например, что при работе над книгой «Тайна Трех» в Висбадене ему доставляли из б-ки ценные манускрипты, даже папирусы из Берлина и Гёттингена домой на тачках (Зобнин. С. 315). В то же время роман М. упрекали в слишком старательном следовании антич. источникам и жестком идейном схематизме. А. В. Амфитеатров отмечал, что в «Юлиане Отступнике» речь пустынного Памвы против Юлиана и язычников — дословный перевод двух отрывков из трактатов Тертуллиана «О зрелищах» и «Апология»; др. эпизоды — пересказ сюжетов из Петрония и Сенеки и т. д. М. называли «королем цитат» за своеобразный сплав художественности и научности в его прозе.

М. стремился воплотить любовь к античности и в переводческой деятельности. В первом поэтич. сб. (1888) он печатает «Смерть Клитемнестры». Мотив из Еврипида — вольный перевод отрывка из «Электры». В 1890 был переведен «Скованный Прометей» Эсхила (ВЕ. 1891. № 1. С. 5–43). После возвращения из Италии, осенью 1891 М. начинает перевод «Антигоны» Софокла (ВЕ. 1892. № 4. С. 457–510), в июне — авг. 1892 он переводит «Ипполита» Еврипида (Там же. 1893. № 1. С. 5–54), к осени 1893 — трагедию Софокла «Эдип-царь» (Вестн. иностр. литературы. 1894. № 1. С. 5–36; № 2. С. 13–34), в середине 1890-х переведены «Медея» Еврипида (ВЕ. 1895. № 7. С. 5–57) и «Эдип в Колоне» Софокла (Там же. 1896. № 7. С. 22–89).

Мир древнегреч. культуры виделся М. своеобразным Золотым веком, приобщение к которому спасет и возродит культуру современную. «Нужен какой-то необычайный, великий порыв, чтобы спасти Красоту, Искусство от того варварства и пошлости и самодовольной позитивной тупости, которые надвигаются на нас», — писал М. к М. Н. Ермоловой летом 1892, вернувшись из поездки по Греции. Спасить рус. культуру могут именно древние греки — «величайшие идеалисты», которые знают «и ужас жизни, и бездну сердца человеческого». В этом письме была дана целая переводческая программа: «Воскресить греческий театр (который до сих пор тайна) — значит воскресить идеализм, чистейший и бессмертный идеализм <...> Не Антигона, так Ипполит, не Ипполит — Альцеста или настоящая Медея, а не Суворина-Буренина пародия, или Электра, или Ифигения — но что-нибудь должно ударить по сердцам с неведомой силой. Я буду переводить, и, если доживу до 30 или 35 лет, — переведу все эти лучшие трагедии греческого театра» («Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»: письма Д. С. Мережковского М. Н. Ермоловой // Театр. 1993. № 7. С. 96). Ермолова уже играла Сафо в пьесе

Ф. Грильпарцера (1892), Мережковский хотел предложить ей роль Антигоны, однако согласия не получил.

Идеи греч. трагедии представлялись М. не просто важными в филос. плане, но созвучными трагич. мироощущению современного человека. Он писал, что его поражает запечатленная в трагедиях «безнадежная скорбь» перед лицом «Судьбы, того Непознаваемого, что язычники называли Роком», а, в сущности, можно назвать и Смертью, и в то же время — величие человеческого духа. В предисловии к трагедии «Эдип-царь», которую М. считал «одним из самых законченных и безупречных созданий человеческого ума, какие вообще есть у людей», он формулирует эту двойственность. Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, ставший спасителем народа, освободителем человечества от темных сил Рока, героем разума и воли, оказывается перед иной, куда более страшной загадкой:

«Сфинкс уже не в природе, а внутри, в душе своего победителя. <...> Он — тайна жизни, тайна каждой человеческой совести. <...> Пусть он узнает, кто его мать, кто отец, в чем смысл жизни — в победе его духа над судьбой или в победе судьбы над его духом. Пусть человек разгадает загадку своего собственного происхождения — и окажется, что смысл жизни — преступление, отчаяние и ужас, что воля ничтожна перед вечным законом необходимости. Древний коварный Сфинкс победил своего победителя, перехитрил разум человеческий, вовлек его в преступные соблазны и погубил. Но в том, как побежденный герой гибнет, столько величия, что все-таки трудно решить, что беспредельнее — воля судьбы или воля человека...» (Вместо предисловия. К трагедии «Эдип-царь» // *Мережковский*. ПСС. Т. 20. С. 3–4).

В статьях о Еврипиде М. также обращал внимание прежде всего на прощальный характер его откровений: он был убежден, что в «Ипполите» звучат задолго до Христа христ. идеи любви как милосердия и всепрощения, «галилейское

учение целомудрия, смирения, отречения и покорности» (Трагедия целомудрия и сладострастия // *Мир искусства*. 1899. № 7. С. 64; см. также: *Эстетика и критика*. С. 539). Творчество Еврипида казалось особенно обращенным к современности: «Язычник Еврипид каким-то чудом прозрения увидел то, чего и мы, христиане, еще не видим или уже не видим в христианстве» (О новом значении древней трагедии // *Новое время*. 1902. № 9560. С. 2; см. также: *Эстетика и критика*. С. 554).

Работа над переводами греч. трагедии совпала с написанием знаменитой статьи «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), ставшей первым манифестом рус. символизма. М. писал: «...современные люди стоят, беззащитные, лицом к лицу с несказанным мраком на пограничной черте света и тени, и уже более ничто не ограждает их сердца от страшного холода, веющего из бездны. <...> Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить» (О новом значении древней трагедии // *Новое время*. 1902. № 9560. С. 2; см. также: *Эстетика и критика*. С. 554). Именно на путях возвращения к классике, в том числе и антич., М. видел возможность воскрешения не только современной литературы, но и самого общ-ва, усталого и изверившегося.

Переводы М. пользовались популярностью, несколько раз переиздавались. Критика же резко разделилась на два лагеря. Доброжелательно относившийся к творчеству М. в целом, Н. Чубаров писал: «Перевод, как все, выходящее из-под пера Мережковского, очень хорош и очень близок к подлиннику» (*Чубаров Н. Д.* Мережковский. Символы (песни и поэмы)... // *РО*. 1892. № 7. С. 353); одобрили перевод «Прометея» и А. Волынский [*Символы (песни и поэмы) Д. Мережковского* // *Сев. вестн.* 1892. № 4. С. 64], и анонимный критик «Русской мысли» (*Периодические издания...* // *РМ*. 1891. Кн. 2. С. 109–110).

В то же время лит. недоброжелатели Мережковского не стеснялись в выражениях. Отметив, что перевод «Прометей» написан «звучными, местами красивыми стихами», анонимный критик «Книжек “Недели”» писал: «Точностью перевод г. Мережковского не отличается; мы даже сомневаемся, чтобы это был перевод с греческого — так мало в нем эллинского и эсхилового. О том же можно заключить и из полного отсутствия комментариев и указаний на различные чтения и толкования авторитетных издателей Эсхила <...>. Кроме того, Эсхил — гигант, а г. Мережковский — не более как скромный поэт. Прометей Эсхила — горд и могуч, Прометей Мережковского — дерзок и нахален. Язык Эсхила прост, силен и страстен; язык Мережковского вычурен, вял и преисполнен аффектации, под которой поэт скрывает свое равнодушие и бессилие» (Русские переводы Эсхила... // Книжки «Недели». 1891. № 2. С. 180).

Г. Г. Зоргенфрей, отметив «глубокую поэтичность», «звучный и легкий» стих, видел недостаток в «отсутствии введений или примечаний, облегчающих понимание текста», в «слабом понимании текста и духа переводимых творений»: «Порою прямо-таки кажется, что он переводил не с греческого языка, а с французского или немецкого перевода» (Отдельные издания переводов г. Мережковского // Лит. вестник. 1902. Т. 3, кн. 4. С. 414, 417).

Не менее суровыми критиками явились И. Ф. Анненский и И. И. Холодняк. «В общем стихами г. Мережковского читатели журналов остались, вероятно, довольны. Он не только опытный, но и талантливый версификатор; главное и редкое теперь достоинство, что он не выдумывает новых слов и форм: язык его чист, без игры в архаизмы и неологизмы». При этом Анненскому почему-то кажется весьма вероятным, что «греческого текста он, переводя, перед собою не имел». «В общем же впечатлении

от текста, — продолжает Анненский, — Еврипид у г. Мережковского выходит безусловно скучным и банальным. Происходит это главным образом от двух причин: от непонимания текста и от небрежного к нему отношения» (Анненский И. «Ипполит», трагедия Еврипида, в переводе Д. Мережковского // ФО. 1892. Т. 4. С. 184–185). Далее следуют замечания на восьми страницах. В том же духе выдержана и статья Анненского и Холодняка «Переводы Д. С. Мережковского...» (ЖМНП. 1908. Нов. сер. Ч. 18. № 12. С. 236–239). Основное замечание Анненского — отсутствие «точности», т. е. Анненский-теоретик стоит на позициях жесткого «буквализма». Заметим, что в собственных переводах ему не удавалось следовать собственным теоретическим воззрениям. Недаром Ф. Ф. Зелинский, издавая эти переводы уже после смерти Анненского, вынужден был подвергнуть их весьма существенной редактуре: его исправления в первом томе составляют 18 %, во втором — 26 % всего текста (Ярхо В. Н. Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла // Софокл. Драмы / в пер. Ф. Ф. Зелинского. М., 1990. С. 541).

Характерен отзыв Д. С. Философова: «Перевод сделан настоящим поэтом, вдохновившимся красотой подлинника и сумевшим в звучных и благородных стихах передать весь аромат и глубину трагедий Еврипида. Ученые рецензенты-специалисты отнеслись к переводу г-на Мережковского недоброжелательно. С добросовестностью настоящих учителей гимназии они накинулись на поэта за неточность перевода, за искажение подлинника, как будто все дело в букве, а не в духе. Но разве можно убедить в этом специалистов, лишенных всякого художественного вкуса, специалистов, беспощадно всех нас мучивших на школьной скамье?» [Философов Д. С. Первое представление «Ипполита» (14 окт. 1902 г.) // Мир искусства. 1902. № 9/10. С. 8–9].

Подробное рассмотрение переводов шести трагедий позволяет сделать следующие выводы. В целом переводы очень

близки к тексту — насколько может быть близким к подлиннику стихотворный перевод, написанный рус. лит. языком. В основном удавалось не выходить за пределы строк. Правда, вместо шести-стопного ямба М. использует более свойственный рус. стиху пятистопный, и это приводит к некоторому увеличению количества строчек. Следует отметить, как неосновательные, упреки в незнании греч. языка. Прямых ошибок немного, и они, за редкими исключениями, не искажают общий смысл подлинника, являясь мелкими недоработками, которые неизбежны при таком объеме переводимых текстов. Небольшие неточности в геогр. названиях и именах и вовсе извинительны: ни один перевод не может вместить всего, существуют требования размера и ритма. К тому же антич. геогр. реалии большинству читателей ровно ничего не говорили — и иногда могли опускаться без ущерба для восприятия смысла. Заметим, что М. этим не злоупотреблял. Более серьезными могут показаться упреки в усилении или ослаблении звучания некоторых мест по сравнению с подлинником, но и они имеют объяснение и оправдание. Между читателем и древним автором стояло около двух с половиной тысячелетий, и переводчик стремился приблизить звучание текста к современным лит. вкусам: литература стала более чувствительной, эмоциональной, менее натуралистичной. Переводчик стремился не только к адекватному переводу, но и к адекватному восприятию текста читателями. То же можно сказать и о некотором «осовременивании» героев, привнесении черт психологии человека Нового времени. Это проявляется в незначительных мелочах, которые, в сущности, могут быть замечены только специалистами-классиками.

Переводы обладают и рядом серьезных достоинств. Переводчик не пытался вступить в соревнование с классиками, он нигде не стремится исправить или

превзойти их. Между тем уже в работах его соперника Анненского ярко проявилась типичная для Серебряного века установка на соревнование автора и переводчика, особенно заметная в антич. переводах. «Происходит жестокая борьба за смысл между переводчиком и оригиналом, и в этой борьбе побеждает переводчик. Еврипид оказывается неузнаваемо перелицованным — так, что все, кто читал его по-гречески, убиваются, а кто не читал — умиляются вот уже сто лет», — пишет М. Л. Гаспаров (Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии: в 2 т. / в пер. И. Анненского. М., 1999. С. 595).

М. исповедовал своего рода «смирение» перед оригиналом. Проявляется это и в тщательном воспроизведении смысла, и в том, что языковые особенности перевода «не заметны» — собственный поэтич. стиль переводчика не проявлен, он не мешает восприятию подлинника; при этом язык перевода является легким, звучным, в полном смысле литературным. В противоположность Зелинскому и Анненскому, М. не злоупотребляет старославянскими или фольклорными формулами в попытке придать трагедиям «древний» колорит. Он старательно избегает русицизмов, чтобы не разрушать «античное» впечатление. Избегает он и прозаизмов, разговорных просторечных оборотов; не прибегал М. и к осовременивающим текст ремаркам, встречавшимся у Анненского.

М. придавал большое значение постановкам своих переводов в театре и принимал в них участие в качестве консультанта. В 1902 Ю. Э. Озаровский в Александринском театре ставит трагедию Еврипида «Ипполит», в 1904 он же ставит трагедию Софокла «Эдип в Колоне». Постановка А. А. Саниным в 1906 «Антигоны» Софокла в Александринском театре пользовалась в охваченном революционными настроениями Петербурге большим успехом. Трагизм и пафос первых лет революции отразились в спектакле «Эдип Царь», поставленном Ю. М. Юрьевым и А. М. Грановским

в цирке Чинизелли (1918) и оказавшимся поразительно своевременным в эпоху социального взрыва. В 1919 спектакль был повторен в только что созданном Большом драматическом театре. В 1925, уже после отъезда М., режиссером К. П. Хохловым был поставлен «Эдип Царь» в Гос. академ. театре драмы (бывш. Александринский театр).

Переводы М. (особенно три трагедии Софокла) безусловно заслуживают внимания будущих переводчиков и читателей.

Сочинения и переводы: ПСС: в 24 т. М., 1914; СС: в 4 т. М., 1990; Собр. стихотворений. СПб., 1999; Эстетика и критика: 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994; Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии / переводы Д. Мережковского / вступ. ст. А. В. Успенской. М., 2009; Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер / переводы Д. Мережковского. М., 2010.

Литература: *Зобнин Ю.* Мережковский: жизнь и деяния. М., 2008 (сер. «ЖЗЛ»); *Успенская А. В.* Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005 ♦ Брокгауз; БС ОРЛС; Венгеров (Источники); Русская литература XX в.; ЛЭ; КЛЭ; РП (со справкой об архивах); Русская литература конца XIX — начала XX в.; Шруба; Фёдоров; Смышляева 2015.

А. В. Успенская

МИДДЕНДОРФ

Федор Иванович

MIDDENDORFF Theodor Johann

[28.4(9.5).1776, д. Карусе(н), ныне волость Ханила, у. Ляэнемаа, Эстония — 4(16).2.1856, имение Пёррафер (Пёэравере), ныне Пыхья-Пярнумааская волость у. Пярнумаа, Эстония],
филолог, педагог,
деятель образования

Из прибалтийских немцев (род М. обосновался в Лифляндии с XV в.). Сын пастора, советника евангелич. консистории.

До 17 лет воспитывался дома, в 1793–1795 занимался в Ревельской (Таллинской) дворянской гимназии, затем изучал теологию и древние языки в Йенском ун-те (окончил в 1798; д-р философии). Возвратившись в Ревель, служил домашним учителем; в 1802 выдержал испытание на право проповедования (*venia concionandi*). С 1804 в Петербурге: начинал преподавателем нем. и лат. языка Петерб. 2-й (губ.) гимназии, с 1811 исполнял должность инспектора ее пансиона и фактич. руководителя (номинальный директор И. О. Тимковский редко посещал вверенное ему заведение); в 1812, «при нашествии галлов», был эвакуирован с учениками в Олонекскую губ. С 1813 служил в ГПИ: адъюнкт кафедры лат. словесности, орд. проф. (1815; в 1818 замещен Ф. Ф. Гедике). С 1818 инспектор Второго разряда ГПИ («Учительского института») и «директор, называвшийся инспектором», организованной вскоре на его основе Петерб. 3-й гимназии (1822–1827); преподавал лат. язык в старших классах (с 1825). В 1827–1829 выходил в отставку «по

обстоятельствам» (современники связывали ее с падением попечителя Д. П. Рунича). Вернулся к пед. службе (1829) в качестве директора реорганизованного ГПИ. Отставлен по прошению «в связи со слабостью здоровья» в ноябре 1846 (п. д. — ЦГИА СПб. Ф. 13. Ед. хр. 2203). Остаток жизни провел в своих имениях. При увольнении имел чин тайн. сов.

Многолетний руководитель Петерб. 3-й гимназии и ГПИ, М. запомнился более своими административными, нежели лекторскими талантами. Прямым преподаванием лат. языка занимался, по видимому, лишь в начале карьеры, хотя числился «учителем лат. языка в высших классах» Петерб. 2-й гимназии еще в 1824 (ЦГИА СПб. Ф. 14. Ед. хр. 469). Его лит. труды неизвестны, кроме сб. **«Повести для образования сердца и разума в пользу воспитанниц женского патриотического общества, частью с немецкого языка переведенные и частью из российских писателей заимствованные»** (СПб., 1821; под криптонимом «Ф. М.»). Как руководитель учеб. заведений внес ощутимый вклад в постановку преподавания древних языков сообразно с духом времени и вкусами руководства в лице С. С. Уварова и К. фон Ливена. Энергия и дипломатический такт М. способствовали не только личному преуспеянию, но и успешному продвижению его образовательных предприятий.

По воспоминаниям А. Ф. Поздеева, выпускника Петерб. 2-й гимназии, М. («человек умный, высокообразованный, честный, справедливый, но весьма строгий и взыскательный») был ее полным и всеми уважаемым хозяином: «Попечитель округа С. С. Уваров очень любил наше заведение, часто посещал его и с особым уважением относился к почтенному Миддендорфу, называя его не иначе как *paná*» (цит. по: Курганович, Круллый. С. 7).

В записке Уварова 1846 сказано, что М. озаменовал свое «продолжительное

поприще» отличными заслугами: «Его попечительностью ГПИ стал наряду с полезнейшими учреждениями для образования народного; его наблюдением развилось целое поколение преподавателей даровитых и основательно ученых, которые наполняют учебные заведения на всем пространстве империи» (РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Ед. хр. 5. Л. 74). В 1810-е, когда интерес к классич. языкам оставался ограниченным [«при значительном числе учащихся в младших классах <губ. гимназии> лишь очень немногие, человек до 10–12, доходили до старших классов» (Маяковский и Николаев. С. ССП)], выступил инициативным пропагандистом пед. новшеств, внедряя в ГПИ методики входившей в моду ланкастерской системы взаимообучения, для ознакомления с которой в 1816 несколько студентов ин-та были посланы в Англию. Применяя на практике принцип *docendo discimus*, добился организации при ГПИ малолетнего отделения (и класса полупансионеров с 1842), в котором занятия вели старшекурсники под присмотром инспектора, как правило — самого М.: «Дня не проходило, чтобы он не присутствовал на уроках греч. и лат. языков, особенно в младшем отделении института, и не принимал бы в этих уроках самого деятельного участия, а уроки эти занимали время от 6 до 8 утра. Обыкновенным разговорным языком на этих уроках был латинский» (Курганович, Круллый. С. 334). После объяснений педагог проверял усвоение материала сильными учениками — *monitores*, которые в свою очередь репетировали своих слабых товарищей — *monendos* (Смирнов А. И. Краткое историческое обозрение действий Главного пед. института 1828–1859. СПб., 1859. С. 7–8).

Из рец. на это обозрение Н. А. Добролюбова (Современник. 1859. № 8) видно, что оценка современниками пед. стратегии М. не была однозначной. Ее недостатком признавалось отсутствие у студентов ГПИ

свободного времени для самостоятельных занятий, что затрудняло им конкуренцию с кандидатами ун-та. Сам критик оценивал деятельность М. скорее положительно: «Из пяти выпусков, бывших при Миддендорфе, до 400 воспитанников поступили на пед. службу <...>. При выбытии Ф. И. Миддендорфа из института в нем было до 170 воспитанников, а в кассе института до 60 тыс. экономической суммы» (цит. по: Добролюбов. Т. 1. С. 214–215).

С одобрением вспоминал об «обдуманном методе стройного преподавания» М. особенно в малолетнем отделении пед. института (будущей Петерб. 3-ей гимназии), организованном по-немецки педантично, харьков. проф. В. И. Лапшин (ЖМНП. 1873. Окт.; 1890. Май), которого М. заметил на экзамене в уездном уч-ще (1820) и забрал в свою гимназию. Многие антиковеды (М. Сем. Куторга, Г. И. Лапшин, Н. А. Лавровский, Н. М. Благовещенский, К. В. Кедров и др.) отличной подготовкой по древним языкам были обязаны системе М., «лучшего из тогдашних педагогов России» (Григорьев). С поощряемой директором пед. строгостью мирились: будучи попечителем Рижского УО, старый Лавровский, раздраженный «отпускаемым вздором» экзаменующихся гимназистов, вспоминал: «Мой учитель за такой ответ пустил бы в ученика чернильницей» (Белявский Е. В. Педагогические воспоминания. М., 1905. С. 226). Благодушно о суровости М. отзывался и Благовещенский (Семевский М. И. Знакомые. СПб., 1888. С. 355). «Gymnasii parens ac rector humanissimus», как называл его В. Х. Лемониус, и сам вел строгий образ жизни, изумляя окружающих «неусыпностью, пронизательностью, обходительностью и твердостью характера» (Смирнов А. И. Ф. И. Миддендорф // Современник. 1846. № 12. С. 322). Нем. пристрастие к дисциплине и властность сочетались в М. с заботой о благополучии воспитанников.

Вспоминая «инспектора, которого не бывало в России и, вероятно, не скоро будет», благодарный К. Фишер (избавленный М. от непосильного для него ведения конспекта) так описывает его «карательные» приемы: «Когда он считал кого-то виновным, то подходил к нему и, вращая указательным пальцем против его лба, спрашивал ломанным русским выговором: “Скажи мне, что у тебя в голове?” — и повторял вопрос громче и громче до тех пор, пока вопрошаемый не открывал рот, чтобы отвечать. Тогда он торопливо объявлял: “Твое дело молчать”. При всем этом он заботился, как добрый и честный отец, о детях ему вверенных» (Фишер К. И. Записки сенатора. М., 2008. С. 20).

Административный талант М. проявился и в умении поддерживать хорошие отношения со своими крестьянами и слугами [см.: Кирт К., Кумари Э. А. Ф. Миддендорф (1815–1894). Э. А. Миддендорф (1851–1916). Тарту, 1963. С. 6]. М. — отец географа и путешественника А. Ф. Миддендорфа (1815–1894), дед зоолога Э. А. Миддендорфа (1851–1916).

Литература: Смирнов; Шмид Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878; Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка 75-летия С.-Петербург. второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым. СПб., 1896; Воробьев Н. Е. 2-я С.-Петербург. гимназия. 190 лет истории. СПб., 1997; Измestьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX в. М., 2003; Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Т. 1. Таллин, 2006; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften: Estland. Bd. 3. Görlitz, 1935; Сухова Н. Г., Таммиксаар Э. Александр Федорович Миддендорф: к двухсотлетию со дня рождения. СПб., 2015 ♦ Воронцов; Григорьев; Аничков; Брокгауз; Венгеров (Словарь, Источники); РБС; Фёдоров; Геннади 2006; DBVL.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 263 (Д. П. Рунич); РГИА. Ф. 733 (в т. ч. ф. с. 1827 и 1846 — Оп. 93. Ед. хр. 5); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петербург. ун-т), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 439 (Петербург. 3-я гимназия) и др.

В. П. Смышляева

**МИЛЛЕР (МЮЛЛЕР)
Лукиан (Люциан) Адамович**

MÜLLER Lucian Ed. Fr. Hermann

[17.3.1836, Мерзебург, Прусская Саксония — 12(24).4.1898, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.],
филолог, издатель текстов, педагог

Из семьи врача. Учился в знаменитой Иоахимстальской гимназии в Берлине (1846–1854, пансионер с 1849) и в Берлинском ун-те (1854–1861; 1855–1856 учеб. год провел в ун-те в Галле). После защиты дис. «**De scholicis observantiis poetarum veterum**» (Берлинский ун-т, 1861; д-р философии) и не слишком удачного опыта гимназич. преподавания, в 1862 отправился домашним учителем в Голландию, продолжая науч. занятия в Гааге и Лейдене. В 1867 стал прив.-доц. Боннского ун-та, рассчитывая занять в нем кафедру. В 1870 принял приглашение И. Б. Штейнмана, директора Петерб. ИФИ: орд. проф. каф. римск. словесности (до янв. 1898). Преподавал также в Римско-католич. академии (с 1873), в Уч-ще и гимназии Видемана (1881–1897). Чл. Петерб. ОКФП (почетный чл. 1896).

Формально-критич. подходы и приоритеты М. определились в юности под влиянием авторитетных гимназич. преподавателей А. Мейнеке и М. Зейферта. Гимназистом М. зачитывался грамматикой К. Цумпта наряду с Горацием, легко писал лат. сочинения, прославив как «ein sehr guter Lateiner», о чем он вспоминал в своем юбилейном очерке «**Ein Horaz-Jubiläum**» (Berlin, 1892. S. 5). Занятия лат. языком и поэзией М. продолжил в ун-тских семинарах М. Гаупта, Г. Бернгарди и др. Унаследовав от Гаупта почитание трудов Р. Бентли и К. Лахмана, М. всю жизнь черпал из них науч. вдохновение. До конца дней М. — «чистейший классик по своим научным убеждениям»

(Ф. Е. Корш). Главным делом филолога-классика М. считал «службу при тексте». Обращение к смежным наукам он ограничивал потребностями реального комментария, мотивируя это доступностью «реальной филологии» для самостоятельного изучения и недостаточной компетенцией филологов в «области отдельных специальных наук» (Ф. Ричль // ЖМНП. 1877. Апр. С. 202). Нем. вариант этой статьи был раскритикован «ричлистами» (Lit. Centralblatt. 1877. Nr. 44), и ее новое издание (Berlin, 1878) Л. дополнил антикритикой «**Gedanken über das Studium der klassischen Philologie**». Вершиной филол. исследования М. считал науч. издание текстов: его первыми шагами в этом направлении стали навеянные чтением К. Лахмана студ. работы о языке Лукреция и элегиях Овидия, а публикация текста «**P. Ovidii Nasonis carmina amatoria**» (Berlin, 1861) стала прологом к главной мечте его жизни — изданию текстов всех римск. поэтов (*Варнеке*. С. 198). В эдиционном наследии М. наиболее удачными признавались подготовленные им для Bibliotheca Teubneriana издания Луцилия (1872), Федра (1868 и 1877), Нония (1888–1889) и Горация (1869, 1879, 1885); издание Энния вышло в Петербурге (*Enni carminum reliquiae <...> / emendavit et adnotavit Lucianus Mueller*. SPb., 1884). Издавал М. и тексты малоизвестных поэтов, обычно привлеченный их формальными характеристиками — идеально гладким дистихом Рутилия Намациана (**Rutilii Claudii Namatiani de reditu suo libri II**. Lipsiae, 1870) или фигурными строфами «метрического таланта» — Порфирия Оптатиана (**Publilius Optatianus Porphyrii carmina**. Lipsiae, 1877), признавая при этом, что «никогда еще свет не видел стихотворений, равных по своей искусственности стихам Порфирия» (**Отрывок из истории римской литературы** // ЖМНП. 1878. Дек. С. 202).

Наиболее бесспорным трудом М. в глазах современников оказался, однако, побочный продукт его издательской деятельности — обстоятельный комментарий римск. метрики «**De re metrica poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem**» (Petropoli; Lipsiae, 1861; ²1894). Пособие включало необходимые толкования метрич. и просодич. терминологии (слог, стопа, арсис, тесис и т. п.); обзор метров и строф в сопоставлении с греч. практикой (от прототипов до логоэдич. конструкций); очерк эволюции стихотворных размеров в творчестве разных поэтов; при этом стиховедческое изложение автор богато дополнял стилистич. наблюдениями. Как ученик Гаупта, которому (наряду с А. Бёком) и посвящен труд, М. следовал грамматич. традиции Лахмана и Г. Германа, объяснявших просодию и метрику стиха из закономерностей древнего языка, и не был «склонен потакать» Р. Вестфалю (*Radermacher L.* — Bursians JBer. Bd. 124. 1905. S. 10), входившему для объяснения антич. метрики в сферу новых языков и в музыкально-ритмич. теорию. Сам М. полемизировал с Ричлем и Г. Узенером о роли словесного ударения в организации стиха; по его мнению, метрика греков и римлян была квантитативной, а хорошие поэты сознательно избегали совпадения метрич. и словесного ударения, чтобы таким образом устранить прозаич. звучание стиха. Оба издания труда М. были «весьма благосклонно встречены ученой критикой» (Наша учебная литература // ЖМНП. 1895. Июнь. С 39; *Magnus H.* — BPhW. 1895. Bd. 15. S. 684–688), а Ф. Е. Корш в рец. на 2-е изд. «De re metrica» (ФО. 1895. Т. 8. С. 166–171) наряду с «широтой разработки предмета» и «необыкновенной точностью, даже мелочностью» исполнения похвалил устранение автором («лучшим в наше время знатоком латинской поэзии») «устарелых мыслей» первого издания в пользу нового материала; одобрил рецензент

и удачные сокращения в части критики текстов, и сужение пространства обычной для М. полемики с *ingratissimum philologorum genus*: «Местами это сочинение сильно напоминает комментарий Лоббека к “Аяксу” Софокла, а еще более Лахмана к Лукрецию <...>. Будущие издатели латинских поэтов <...> найдут здесь обильную жатву конъектур, часто несомненных и всегда остроумных». Сокращенный вариант пособия М. «**Rei metricae poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium summarium**» (СПб., 1878) был переведен на франц., итал., голланд. и рус. языки (**Греческая и римская метрика. Для старших классов гимназий и для начинающих филологов.** СПб., 1880), надолго став базовым школьным пособием.

Отношение к изданиям текстов М. было менее единодушным. Отеч. ун-тская критика (см., напр., рец. Г. Э. Зенгера на: **Q. Horatii Flacci Carmina. Oden und Epoden.** СПб., 1881 // ЖМНП. 1883. Дек. С. 369–415) в целом почитительно отзывалась об эрудиции, «даре комбинации» и метрич. анализе издателя; замечания рецензентов чаще относились к неточностям ист.-лит. комментария, а также рискованности отдельных конъектур или атетез («афетизамаи» в рус. изд. именуется изъятия некоторых строф, напр., в одах Горация).

Итоговыми для М. стали издания Нония (**Noni Marcelli de compendiosa doctrina.** Vol. 1–2. Lipsiae, 1888–1889; критич. оценки: *Skutch F.* — Bursians JBer. 1905. Bd. 124. S. 322) и Горация (**Q. Horatii Flacci sermonum et epistularum libri.** Т. 1–2. Prag; Wien; Berlin, 1891–1893; критич. отзыв Г. Шютца показывал несогласие со многими поправками М. в тексте, см.: BPhW. 1892. Bd. 12. S. 684–688; ср. также изд.: **Q. Horatii Flacci carmina.** Lipsiae, ³1897). Одам Горация М. мечтал предпослать введение о мастерстве поэта, но уже ослепший («ganz ἀφίλολογώτατος»), не смог

завершить этой работы (*Варнеке*. С. 199). Уже посмертное для М. издание Горация подготовил к печати, опустив некоторые полемические резкости, Г. Гётц (**Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden**. Т. 1–2. СПб.; Lipsiae, 1900; СПб., ⁵1914; положит. отклик А. И. Малеина на это изд. см.: *ФО*. Т. 18. 1900. С. 13–14). Гораций, особенно в «посланиях и одах веселого содержания», всегда оставался любимцем М., который ставил поэту в заслугу воскрешение поэзии Луцилия, Архилоха, Алкея, Анакреонта и идей греч. мудрецов (**Жизнь и сочинения Горация** // *ЖМНП*. 1880. Март. С. 141–142). Горацию был посвящен первый науч. доклад М. «*De Perlcampii studiis Horatianis*» в семинаре М. Гаупта, а зрелый М. изложил и свою биографию также в виде шутливого отклика на жизненный путь Горация: «*Ein Horaz-Jubiläum*». В 1894, находясь в Италии, М. успешно состязался в цитировании Горация с папой Львом XIII (*Малеин А. И.* «Золотой век» римской литературы. Пг., 1923. С. 52–53). В 1890 издание од и эподов Горация «*Q. Horatii Flacci carmina*» было отмечено Малой Петровской премией.

Германская критика в целом с уважением относилась к стремлению М. продолжить традицию Лахмана и Мейнеке (*Weissenfels O.* — *WklPhil*. 1898. № 28. S. 765), но предъявляла претензии к его исправлениям текста. И хотя Ричль в письме к М. определил его издание Луцилия как «необходимое и даже блестящее» (*Schulze*. S. 73), известный издатель лат. авторов Ф. Маркс отпустил колкость: «*multa feruntur tamquam Luciliana, quae Luciana sunt sive Muelleriana*», где обыгрываются имена издаваемого автора — *Lucilius* — и издателя — *Lucian*. Субъективным поводом для германской критики нередко оказывалась резкость самого М., упоминание о которой стало общим местом. Относя полемике к необходимым составляющим науч. процесса

и следуя в этом вопросе за Мейнеке (*Ein Horaz-Jubiläum*. S. 26), М. резко порицал издателей за «консерватизм» и промахи метрич. комментария. Раздражение современников вызывали такого рода оценки М. признанных авторитетов: «знаменитый Моммзен, суждения которого о римской литературе, впрочем, не отличаются ни основательностью, ни вкусом» (*ЖМНП*. 1873. Сент. С. 27). В вину М. ставились также отказ от удачных поправок, сделанных предшественниками, при самолюбивом увлечении собственными конъектурами (см. рец. Гётца на «*Noni Marcelli de compendiosa doctrina*»: *BPhW*. 1889. S. 1329) и несоответствие требованию современной эдиционной практики учитывать при издании все известные источники. Последнее, впрочем, было невыполнимо при удаленности М. от европ. б-к и его издательской «жадности»: как правило, он ограничивался сличением важнейших кодексов, выезжая для этого за границу в летние месяцы. Российским филологам были понятны эти проблемы: «Лежащий перед нами Луцилий, в издании г. Миллера <**C. Lucili saturarum reliquiae**. Leipz., 1872>, отличается в особенности тем, что дает со всевозможною полнотою рукописный материал, собранный, по-видимому, с большим трудом» (Э. Верт — *ЖМНП*. 1874. Март. С. 72), но германские критики редко делали на это скидку (см. критику выводов М. о древнем римск. стихе в предисловии к «*Fragmenta poetarum Romanorum*» Э. Беренса). Отдыхать М. не умел и без науч. работы, по воспоминанию близко знавшего его Шульце (*Schulze*. S. 81), не мог прожить и дня: он сам выполнял всю допечатную подготовку — от сличения рукописей до правки корректур, и это при ослабленном зрении: правый глаз М. был еще в детстве поражен воспалением. Науч. издания М. вырастали из преподавания лат. языка: по мере того как накопленные при аудиторном чтении

наблюдения достигали критич. массы, М. начинал их обрабатывать.

М. считался одним из лучших латинистов эпохи и гордился своим знанием лат. языка (см.: **Über A. Nauck's Phaedrussstudien**. Berlin, 1890. S. 3); недаром Ф. Е. Корш говорил: «Читая его, вспоминаешь то Сенеку, то Тацита, то грамматиков» (ФО. 1895. Т. 8. С. 171). Приверженность завету Бенгли «разум дороже ста кодексов» («ratio centum codicibus potior») вкупе с прекрасным владением латынью иногда оборачивались бесцеремонностью М. по отношению к традиции текста (**Об основах критики в стихотворениях Горация** // ЖМНП. 1879. Февр. С. 73), за что «великого критика» укорял коллега по Петерб. ИФИ А. К. Наук, не без строгости высказавший замечания к тексту изданных М. басен Федра (MGR. 1876. Т. 4. S. 667–702; 1888. Т. 5. S. 279–322). М. не менее резко возразил ученому коллеге в антикритике «Über A. Nauck's Phaedrussstudien» и, не без оглядки на эту «защиту» Науком Федра от искажений издателей, набросал сатирический портрет своего критика как homo nauci в «Ein Horaz-Jubiläum» (S. 9, 23, 27–32, 36). Некоторые поправки М., как бы там ни было, учел затем Л. Аве (Navet) в своем издании Федра (см. рец. Ф. Корша: ФО. 1897. Т. 12. С. 31–56). М. высоко ценил дивинацию — в систематичных конъектурах Ричля ему недоставало ее «бодрой живости, свежего юмора, простодушной прелести». Между тем на рубеже XIX и XX вв. дивинационную критику стали осуждать и российские филологи, так что М. принялись корить за «исправление самих поэтов» и отсутствие поэтич. вкуса (см. рец. И. Лециуса на Миллерово издание сатир Горация, 1891: КУИ. 1894. № 1. С. 1–12).

А. Малейн спустя годы так отзывался об изданиях учителя (Гермес. 1910. № 7. С. 164): «Catulli, Tibulli, Propertii carmina не

представляют почти никакого прогресса в сравнении с Лахманом, не говоря уж про Гаупта. И в Горации важна не рецензия текста, а комментарий, который, однако, значительно уступает Кисслингу».

Издательская практика М. подсказывала ему пед. решения — одним из первых в России он приступил к преподаванию курса лат. палеографии в Петерб. археол. ин-те (**О пользе изучения палеографии для будущего архивиста и библиотекаря** // Сб. Петерб. археол. ин-та. 1880. № 4. Прил.). Интересовался М. и методикой преподавания классич. дисциплин. Еще в Голландии он написал объемное сочинение «**Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlanden**» (Leipz., 1869) об истории голланд. классицизма от Скалигера (мл.) до Кобета. Фрагменты «Geschichte...» публиковались в российских изданиях, напр., «**Ein lateinisches Epos auf Peter I**» (Russ. Rev. 1881. Т. 18; о лат. поэме «Petreüs», которую написал голланд. медик F. Coorpmans).

Как педагог М. пользовался симпатией студентов за эрудицию и добродушие: никогда он не переносил на слушателей («carissimos commilitones») свою болтливость («dicacitas») и «не гонялся за эффектами безнаказанного остроумничания» (Варнеке. С. 184).

Пед. кредо М. (Friedrich Ritschl. Berlin, 1878. S. 203–204; сходно в ст.: De primo et gravissimo professoris litterarum antiquarum officio // ЖМНП. 1881. Март): «Главная задача университетского профессора классической филологии состоит в образовании сведущих преподавателей древних языков для гимназий <...>. Образование же только ученых (задача, по отношению к науке весьма достойная благодарности) не имеет никакого влияния на практические цели основательного и полезного воспитания юного поколения».

Следуя своей пед. миссии, М. тратил много усилий на то, что выглядит «не блестящим, но полезным», в т. ч. дублировал свои издания текстов гимназическими

их вариантами. Выступал в печати с методич. рекомендациями в духе: «Филолог должен читать не *multa, sed multum*» (**О количестве и качестве необходимой для филолога начитанности** // ЖМНП. 1879. Сент. С. 228); М. требовал сочетания на занятиях тщательного, неспешного и курсорного чтения, с ориентацией на практику Бенгли, Лахмана, Германа и Ричля. Ведя преподавание на лат. языке, М., слегка лукавя, пресекал фразой попытки студентов перейти на русский: «Не понимаю по-русску»; предварительно он проверял уровень владения языком слушателей и незаметно старался приноровиться к нему. Как и др. профессора, он устраивал для желающих чтения авторов на дому (ЖМНП. 1873. Авг. С. 79). Поздний Варнеке, строгий в оценках большинства бывших наставников, тепло вспоминал М. как «очень крупного ученого и очень хорошего преподавателя», великолепно знавшего римск. литературу от первобытных сатурновых стихов до Рутилия; недостатком М. было, разве что, глубокое равнодушие к греч. словесности (Варнеке. 2013. № 4. С. 146–147).

В домашнем кругу, к которому М. был очень привязан, он оставался скромным и любезным, нежно заботился о здоровье жены, пошатнувшегося после смерти их единственной дочери. На посторонних он производил впечатление оригинала (*Зелинский Ф.* Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 122; ср.: *Wilamowitz-Moellendorff U.* Erinnerungen. Leipz., 1928. S. 94; словесный портрет М. сохранился и в дневнике словесника-юриста Б. В. Никольского — *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. С. 69). М. строил планы на спокойную старость за письменным столом, мечтая по истечении 30-летней службы вернуться в Германию, однако онкологич. заболевание быстро разрушило сильный от природы организм:

в янв. 1898 он был вынужден отказаться от преподавания.

Литература: *Варнеке Б.* Лукиан Адамович Мюллер: некролог // ФО. 1896. Т. 14; Пам. книжки СПбИФИ 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; Годовой отчет С.-Петерб. гимназии и реального училища директора Видемана за 1897–1898 гг. СПб., 1898; *Малеин А. И.* К истории классической филологии в России: краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования // ФО. 1899. Т. 17; *Гинтовт С. И.* Лукиан Адамович Миллер // Гермес. 1908. № 8. С. 207–208; *Bursian; Schulze E.* Lucian Müller // *Bursians JBer.* 1900. Bd. 103 ♦ Нагуевский; Брокгауз; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Черняев; Воронков; Сайтов 2006; NDB; EAD; Eckstein; Sandys.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 45 (А. Н. Веселовский), 166 (Л. Н. Майков); ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 46 (Имп. Римско-католич. духовная академия), 53 (Петерб. ИФИ); Ф. 119 (Археол. ин-т).

В. П. Смышляева

МИНСКИЙ (наст. фам. ВИЛЕНКИН) Николай Максимович

MINSKIJ N. M.

[15(27).1.1856, по др. свед. 1855, с. Глубокое, ныне Витебской обл. Беларуси — 2.7.1937, Париж; кладб. Пер-Лашез], *литератор, поэт, переводчик «Илиады»*

Из обедневшей еврейск. семьи (в православии с 1886); детство провел в Минске (отсюда псевдоним). Рано потеряв отца, учился на собственные заработки. По окончании Минской гимназии (1875, зол. медаль) поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та (окончил в 1879; кандидат прав — 1880). В студ. пору служил домашним учителем в семье банкира и филантропа Г. О. Гинцбурга: выезжал

с его сыновьями за границу, даже «был причастен к нефтяным предприятиям» барона (Рус. интеллигенция).

По окончании ун-та формально числился присяжным поверенным и архивариусом Русского для внешней торговли банка, но занимался преимущ. лит.-публицист. деятельностью. Чл. ОЛРС. В 1905 после публикации в зарегистрированной на его имя газ. «Новая жизнь» статей М. Горького и Ник. Ленина (В. И. Ульянова) был арестован за «призыв к ниспровержению существующего строя». Выпущенный под залог, перебрался за границу, где оставался до конца жизни; лишь после амнистии 1913 приехал в Россию с лекциями (март–июнь 1914).

В начале 1920-х возглавлял Берлинский дом искусств; позднее, проживая в Лондоне, сотрудничал в советском полпредстве, готовя обзоры англ. печати. После 1927 жил в Париже.

Диапазон лит., нравственно-филос. и эстетич. исканий М., отраженный в его разножанровых публикациях 1880–1900-х, был необыкновенно широк; печатался он в «Журнале русских романов и путешествий», «Вестнике Европы», «Новостях», «Мире искусства», «Новом пути» и др. М. начинал с гражданской поэзии («продолжатель Некрасова»), которая импонировала молодежи 1880-х (*Вересаев В.* Воспоминания. М.; Л., 1946. С. 276–278), и с лит. критики, выразившей «горячую преданность народу» (РМ. 1887. № 11. С. 213), но вызвавшей раздражение оберпрокурора Д. А. Толстого, который «кричал и топал ногами» на М., когда тот попытался в обход цензуры издать сб. стихов в 1883. Позже М. перешел к проповеди «чистого искусства», насыщая стихи антич. бутафорией и аллегоризмом, что и принесло ему титул «отца русского декаданса».

В 1900-е квартира М. и его второй жены поэтессы Л. Вилькиной (племянницы С. А. Венгерова) на Англ. набережной

в Петербурге была известным лит. салоном. Вместе с Д. С. Мережковским и В. В. Розановым М. инициировал проведение религиозно-филос. собраний (1901–1903), а в годы революционного подъема (1905–1907) возвратился к демократ. настроениям и пропаганде «союза между умственным и физическим трудом». В филос. трактатах «При свете совести» (СПб., 1890; 21897) и «Религия будущего» (СПб., 1905) пытался обосновать самобытную филос.-эстетич. теорию «меонов», или «мэонов» как непознаваемых и несуществующих (μη ὄν) ценностей будь то художника или философа (тезисы *меонизма* и оценку этой теории Э. Л. Радловым см. в кн.: Русская литература 1890–1910. С. 218–221). Свою деятельность в ленинской газете М. также объяснял желанием «сделать надстройку над марксизмом из собственной мэонической религии» (*Гинтис З. Д.* Мережковский // Серебряный век. Мемуары. М., 1990. С. 50). В 1900-е за М., клеймившим посетителей лит. салонов с позиций «ставленника пролетариата», закрепилась недолгая репутация «большевика», поддержанная стихом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» из его «Гимна рабочим» (Русская литература 1890–1910. С. 217).

Лишь к концу жизни М., по впечатлению А. Белого (Между двух революций. М., 1990. С. 145), сохранив ум и энергию, утратил «высокий дух молодости», одним из проявлений которого был его перевод «Илиады» (М., 1896; ⁵1935; под ред. П. Ф. Преображенского). Необычному для М. начинанию наряду с опытом стихотворчества способствовала редакторская работа над собранием Н. И. Гнедича (СПб., 1883–1884; неодобрительный отклик об этом издании как «худой перепечатке смирдинского» см.: РС. 1887. № 7. С. 127–131). Увлеченный еще демократ. идеалами и поэзией — Блок определял творчество молодого М. как «некрасовский стих без некрасовской мощи» (Блок А. А. СС: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 280), — М. загорелся идеей «доступного» Гомера. В предисловии к первому изданию своего перевода «Илиады» указывал на языковую «архаичность и произвол» Гнедича: «все недостатки работы Гнедича объясняются тем, что он приступил к переводу Илиады до появления Пушкина»; это усложняет знакомство с поэмой Гомера для современного читателя. По ходу перевода М. консультировался с филологами-классиками, в т. ч. проф. Ф. Е. Коршем (см.: Баскаковы. С. 120). Усовершенствование Гнедича так же мало удалось М., как и его предшественникам: даже лит. критикам не нравилась, напр., замена семантич. диссонанса Гнедича «будет некогда день и погибнет священная Троя» (в рус. языке сопряжение «некогда» с футуральными контекстами необычно) вариантом М.: «будет когда-либо день и погибнет священная Троя». Не всегда оправдывали себя и просодич. приемы М., желавшего «выровнять» гекзаметр по образцу Жуковского сокращением хореев, в т. ч. посредством неумеренного использования незначительных слов. Приглушая высокий стиль Гнедича, М. изымал славянизмы

и «слащавые выражения» (напр., в VI, 484 заменил «умилялся душевно» Гнедича на «и сжалился Гектор»).

Первые рецензенты отнеслись к переводу М. одобрительно: А. Богданович (А. Б. — Мир Божий. 1896. № 5. С. 235) назвал его «литературным событием, самым выдающимся в наши дни», а автор лит. обзора в ж. «Русское богатство» (1896. № 6; б. п.), поострив над языком и метром М., даже выразил уверенность, что «огромный» и «удивительный для такого короткого времени» труд М. «отодвинет Гнедича в архив истории литературы». Зато ун-тская критика встала на сторону Гнедича, находя перевод М. поверхностным, страдающим «шероховатостями и ошибками» (РО. 1896. № 7); В. И. Модестов (Новости. 1896. № 77) посетовал на отсутствие комментария; И. Ф. Анненский осудил невыразительность языка М., неуместное варьирование формульных эпитетов (М. переводил, напр., *τρυφικέρανος* то «громовержец», то «мольнелюбивый», то «молниерадостный», то «громолюбивый») и не всегда правильный ритм: «Минский, очевидно, вдумывался в текст Гомера и изучал его, но, к сожалению, он поставил вне своей задачи передачу эпического стиля Гомера» (ФО. 1896. Т. 11. С. 55–66; см. также его отзыв для комитета по Пушкинским премиям в кн.: Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии. Вып. 2. Иваново, 2000. С. 149). Также и Е. А. Бобров (Б. И. Ордынский. Варшава, 1904. С. 22) оценил перевод М. как «неточный, весьма пестрый по языку и по тону, отзывающийся подстрочником и изложенный гекзаметрами очень плохими». Наиболее резкий и «узко филологический» отзыв на перевод М. (²1909) поместил С. И. Соболевский (ЖМНП. 1911. Апр. С. 346–360), который раскритиковал переводчика за пренебрежение новейшей науч. литературой (словари и коммент. издания), стилистич. диссонансы и монотонность дактилич. ритма с «искусственными» ударениями; эту критику «покушения с негодными средствами» усугубили настойчивые упоминания зависимости М. от его «злого гения» — франц. переводчика Ш. Лепрево (Leprevost).

Современная оценка перевода М. весьма сдержанна: «Для человека, обладающего вкусом, не может быть сомнения, что перевод Гнедича неизмеримо больше дает понять и почувствовать Гомера, чем более поздние переводы Минского и Вересаева. Но перевод Гнедича труден, он не сгибается до читателя, а требует, чтобы читатель подтягивался до него <...>. В этом и сказывается разница переводов русского Гомера: Минский переводил для неискушенного читателя надсоновской эпохи, Вересаев — для неискушенного читателя современной эпохи, а Гнедич — для искушенного читателя пушкинской эпохи» (*Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 61*).

В источниках упоминается еще перевод «Лисистраты» Аристофана (1922, б. м.), выполненный М. почти одновременно с переводом той же комедии А. И. Пятровским для изд-ва Сабашниковых. На протяжении всей жизни М. обращался и к переводам из европ. поэзии (П. Верлен, П. Б. Шелли, Дж. Байрон и др.).

Литература: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1923; Ясинский И. И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926; Брюсов В. Я. Минский: опыт характеристики // Брюсов В. Я. СС: в 7 т. Т. 7. М., 1975; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. М., 1997; Литературное зарубежье России. М., 2006; Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902. М., 2002 ♦ Брокгауз (ст. «Виленкин»); БС ОЛРС; Воронков; КЛЭ; Свиясов; РП; Егунов; Шруба; Рус. интеллигенция; Русская литература конца XIX — начала XX в.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 1114. 13 ед. хр.; РО ИРЛИ. Ф. 39 (З. А. Венгерова и Н. М. Минский); Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 289 (Ф. К. Сологуб), 293 (М. М. Стасюлевич), 352 (И. И. Ясинский), 377 (С. А. Венгеров) и др.; ОР РНБ. Ф. 51 (Ф. Д. Батюшков), 115 (А. Е. Бурцев), 634 (А. М. Ремизов), 738 (В. В. Стасов) и др.

В. П. Смышляева

МИТРОФАНОВ Павел Павлович

MITROFANOV P. P.

[6(18).11.1873, Саратов — 4(17).3.1917, Петроград; Никольское кладб. Александро-Невской лавры],
историк

Из дворян — сын коллеж. секр. и почетного мирового судьи. Начальное образование получил в Лозанне. По возвращении семьи в Россию учился в Петерб. 3-й гимназии (1884–1888; одноклассник А. Г. Бекштрема) и на ИФФ Петерб. ун-та (1892–1896). Как магистрант Петерб. ун-та (1897–1899) специализировался по всеобщей истории под руководством Н. И. Кареева и Г. В. Форстена, одновременно преподавая в гимназии Я. Г. Гуревича. В 1901–1903 находился в заграничной командировке (занимался в архивах Вены, Будапешта, Берлина, Парижа и Брюсселя). Магист. дис. «**Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780–1790)**» (защищена: Петерб. ун-т, 1907). В 1898–1901 преподавал рус. язык в Царскосельской Николаевской гимназии. После возвращения из заграничной командировки учитель истории в Петерб. 1-й гимназии (с 1904), в Уч-ще св. Анны (с 1905) и гимназии Юргенсона (с 1906). В должности прив.-доц. Петерб. ун-та читал курс по истории Габсбургской монархии (с 1905); с 1907 — курс римск. древностей и всеобщей истории в ИФИ (экстр. проф. каф. всеобщей истории 1910, затем орд. проф.) и на Раевских ВЖК (1906–1916). Преподавал также в Психоневрол. ин-те.

Ученик С. Ф. Платонова (посещал его «среды») и Н. И. Кареева, М. специализировался по новой истории, но еще из студ. лет вынес интерес к литературе и истории античности: если сер. медаль М. получил за студ. сочинение

«**Политические сочинения Фридриха II Прусского**» (1894), то золотую — за «**Жизнь и политическая деятельность Куриона Младшего**» (1895) (см.: Протоколы Петерб. ун-та за 1894. Вып. 50. С. 10; Протоколы Петерб. ун-та за 1895. Вып. 51. С. 9). Обращению М. к антич. темам способствовали контакты с кружком классиков-«царскоселов», прежде всего И. Ф. Анненским и Ф. Ф. Зелинским — последнего он называл своим любимым учителем (см.: *Цыбульский*. С. 119); Зелинский в «Автобиографии» причислил М. к лучшим из своих учеников (см.: *Древний мир и мы*. Вып. 4. С. 134).

С Анненским М. связывали и лит. увлечения, особенно творчеством Ф. Достоевского (*Анненский*. Книги отражений. С. 478) — недаром он посвятил М. статью «**Достоевский в художественной идеологии**» во «Второй книге отражений» и с уважением отзывался в частном письме о его науч. трудах: «Прочитал на днях <...> “Иосифа” и написал Павлу Павловичу на трех листах разбор этой очень замечательной книги...» (*Анненский*.

Там же. С. 475); М., в свою очередь, посвятил памяти коллеги и друга очерк «**Иннокентий Федорович Анненский**» (Русская литература 1890–1910).

Героями больших науч. сочинений М. стали австрийские императоры-реформаторы XVIII в., Иосиф II и Леопольд II, но в преамбулах своих монографий он касался и древнего периода истории Придунайских обл., в т. ч. эпохи римск. колонизации. В сочинении «**Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии**» (СПб., 1905), магист. дис. «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги: 1780–1790» (ЗИФФ. Ч. 83; отд.: СПб., 1907; подробный разбор Кареева см.: ЖМНП. 1907. Ноябрь.) и пособия «**История Европы по эпохам и странам. История Австрии. Ч. 1: С древнейших времен до 1792**» (СПб., 1910) М. использует кропотливо собранный им в европ. архивах материал. Анализ тактики оппозиции реформаторским начинаниям Иосифа разработан М. самостоятельно и почти исключительно по первоисточникам (см. разбор сочинения «Политическая деятельность Иосифа II»: Бузескул 2008. С. 212–213).

Тема магист. дис. продолжена в его публикациях, докладе на Международном ист. конгрессе (Лондон, 1913) и в опубликованной наполовину монографии «**Леопольд II Австрийский. Внешняя политика**» (ЗИФФ. Ч. 131; отд.: Пг., 1916), которую М. собирался представить в качестве докт. дис. Однако прогрессирующее заблуждение почек и начало мировой войны, сделавшее недоступными для рус. исследователя архивы Европы (А. С. Мыльников — *Славяноведение*. С. 241), помешали М. исполнить свои намерения. Либеральный Н. И. Кареев (*Прожитое и пережитое*. Л., 1990. С. 187), не разделявший полит. убеждений «отчаянного националиста» М. (по определению В. В. Латышева — «здорового русского патриота»), тем не менее ценил в бывшем ученике талант историка и сожалел о его

преждевременной кончине. Сочинения М. по новой истории находили отклик за границей: приехав в 1910 в Вену, он был растроган «нежданным-негаданным» переводом коллегами на нем. язык и изданием без его участия двухтомной монографии об Иосифе II (см. письмо Платонову 1910: ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 3561. Л. 18). Современными учеными М. признается основоположником российского австроведения.

Среди прочего М. преподавал историю древнего мира и римск. гос. право: в фондах РНБ сохранились его литографированные «**Лекции по истории римского государственного права**» (СПб., 1911) «по Моммзену», первоначально прошедшие через руки Зелинского (см.: Древний мир и мы. Вып. 4. С. 120). В хрониках «Гермеса» сохранились отголоски науч. споров М. с авторитетным наставником: так, в докладе «**Вопрос об отсутствии представительных учреждений в древнем Риме**» М. возражал против идеи Зелинского о противоречии «принципа народоправства» римск. индивидуализму, увязывая его неразвитость в Риме (за пределами культурной жизни) с отсутствием у «господствующего элемента», кормившегося и содержавшего институты за счет провинций, материального интереса — податей и нужды их контролировать (Гермес. 1911. № 4. С. 91; № 5. С. 114).

Как рецензент работ по классич. филологии М. печатался в «Византийском временнике» и «Гермесе», регулярно выступал с сообщениями по антич. тематике на заседаниях Петерб. ОКФП. В докладе «**Гонкуры как представители реалистической школы в ее отношении к древнему миру**» (ФО. 1897. Т. 12) М. размышлял о том, что античность близка к эстетике реалистич. творчества братьев Гонкуров, отвергнувших «банальный и монотонный классицизм» ради правдивого изображения человека. Примечательно было выступление М.

«**По поводу тацитовского вопроса**» (Гермес. 1908. № 9. С. 228–235), где предлагалась история рецепции идей Тацита европ. учеными, начиная с Аммиана Марцеллина, и возражения его современным критикам, прежде всего Г. Буассье и Ф. Фабиа. Откликнулся М. на выход новых публикаций (напр.: *Bacha E. Le génie de Tacite.* Bruxelles; Paris, 1906). В докладе «**Идея возмездия в античной трагедии и жизни**» М. обсудил взгляды Зелинского по затронутой теме (Гермес. 1912. № 15).

Творчески относился М. и к аудиторной практике: «В своих талантливых лекциях по истории даровитый профессор часто сближал прошлую жизнь с нашей современной и высказывал по этому поводу ряд блестящих мыслей» (*Цыбульский*. С. 119). По наблюдению П. Г. Васенко, шедшего курсом позже М. (Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 66), хорошее воспитание и корректность сочетались в М. с чрезмерной возбудимостью и прямодушием («бойкий юноша» с «чрезвычайно быстрым языком и непродуманностью в речах»), иногда проникавшими в его публицистику; окружающие отмечали его гневливость. Так, Кареев упоминает нашумевшую в Германии статью М. в «*Preussische Jahrbücher*» за 1914, где автор обсуждал причины исконной, по его мнению, враждебности немцев и русских (*Кареев*. С. 187).

Сын М. — Игорь П. М. (1892–1943), китаевед и публицист, эмигрировал из России после 1917 (о нем см.: *Сорокина М. Ю.* Российское научное зарубежье: материалы для библиограф. словаря. Вып. 3. Востоковедение. XIX — первая половина XX в. М., 2010).

Л и т е р а т у р а: Сведения об Имп. Николаевской гимназии в Царском Селе. 1898–1899. СПб., 1900; *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам С.-Петербург. 3-й гимназии. СПб., 1911; *Цыбульский С.* [Некролог] // Гермес. 1917. № 6; Бывшая 3-я гимназия; *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М., 1979; *Он же.* Письма: в 2 т. СПб., 2007–2009; Профессора Российского государственного педагогического университета

имени А. И. Герцена в XX в. СПб., 2000 ♦ Венгеров (Список); Воронков; Рус. интеллигенция; Фёдоров; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. Ед. хр. 28942), 53 (Петерб. ИФИ), 114 (Петерб. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

МОДЕСТОВ Василий Алексеевич

MODESTOV V. A.

[конец 1810-х, Московская губ.? — не ранее 1870, Екатеринодар?],
историк, переводчик

Из духовного сословия. Образование получил в Моск. духовной семинарии и ГПИ (1832–1838). По окончании курса служил старшим учителем лат. языка в Вятской гимназии (1839–1842), откуда был перемещен на должность учителя лат. языка и истории (с 1843) в Петерб. 3-ю гимназию; преподавал географию и историю в Александровском уч-ще Смольного ин-та (1847–1851). В связи с «перераспределением преподавания» 1851 остался за штатом; направленный в Могилёв, исполнял должность директора гимназии, недолго преподавал в Псковской гимназии (1853–1854). В 1854 выходил в отставку по прошению и, по всей видимости, некоторое время жил лит. трудом: в архиве издателя В. Г. Полякова (РНБ) сохранился ряд договоров 1850-х с М. на переводы. С 1863 снова на пед. службе: учитель Моск. 1-й гимназии (инспектор, учитель географии и лат. языка; в 1866–1867 после изменения программы гимназии преподавал сверх штата). С 1867 учитель истории и лат. языка в Кубанской войсковой гимназии (с 1890 Екатеринодарская гимназия).

Направленный по окончании ГПИ латинистом в Вятскую гимназию, М.

произвел хорошее впечатление знаниями и молодой энергией, «сразу подняв успешность учащихся»; о его добровольном (по просьбе жены-смолянки, мечтавшей о Петербурге) обмене с латинистом Петерб. 3-й гимназии С. С. Адрасси («старичком, не знавшим ни русского, ни латинского языков») сослуживцы сожалели (*Васильев*. С. 77). В строгой Петерб. 3-й гимназии, по воспоминанию К. Сент-Илера (Бывшая 3-я гимназия. С. 40), М., ограничивавшийся чтением «*Ерито́ме*» Н. Ф. Кошанского, как латинист прослыл небрежным; однако историю он, «человек очень умный и ученый», читал интересно. Мальшам его изложение казалось трудным; зато оценить преподавание М. могли ученики старших классов, запомнившие среди прочего его склонность к «курьезам» вроде «русификации» имен ист. правителей: Александр Филиппович Македонский, Карл Пипинович Великий и т. п. В 1840-е М., видимо, работал над магист. дис. (об истории евреев в Средние века?), однако из-за финансовых проблем и своего непростого характера работу не завершил: ушел с магист. экзамена, оскорбившись «гимназическим» вопросом (о дате рождения Петра Великого) не расположенного к нему проф. Н. Г. Устрялова (Там же. С. 47). В метаниях М. между науч. работой и лит. заработком по житейским обстоятельствам возобладал последний. В 1855 он напечатал объемное сочинение «**История падения иезуитов в XVIII столетии, с приложением исторических документов**» (СПб.), раскритикованное по выходе за нечеткость авторского замысла, отсутствие синтеза собранных фактов и архаич. красноречие: «В отношении слога, сочинение г. Модестова, если бы оно явилось годами тридцатью раньше, вошло бы сполна в “Риторику” Кошанского», — иронизировал Н. А. Добролюбов (ОЗ. 1856. № 32. С. 76), в целом все же одобрявший труд М., написанный «в духе нерасположения к иезуитам»,

а еще как «книжку, имеющую значение по некоторым приложениям, напечатанным при ней».

М. — автор выдержавшего несколько изданий краткого пособия «**Всеобщая история**» (Ч. 1–3. СПб., 1850–1851). Из трех ее частей более удачной признавалась последняя, тогда как посвященная античности первая часть (**Древняя история**. СПб., 1850) подверглась критике за «неточности, странности и неверности», а также «напыщенный, темный и неправильный язык, каким отличаются все сочинения и переводы г. Модестова» (ОЗ. 1851. № 5. С. 50). Очерк М. незатейлив (рассчитан на учениц женских гимназий) и композиционно опирается на деяния «лиц всемирно-исторических», имеющих заслуги перед обществом, в число которых попадают такие персонажи, как Авраам, Ясон, герои Троянской войны и др. Характеристики персонажам даны самые тривиальные: «Тиверий был недоверчив и жесток; в царствование его иудеи осудили Иисуса Христа на крестную смерть» (**Древняя история**. С. 113). Плодовитый и многожанровый (от сельскохозяйственных трактатов до детских повестей) переводчик с нем. и франц. языков, М. разделил невысокую репутацию коллег «по литературной улице», поскольку не имел ни достаточной филол. подготовки, ни времени для лит. обработки перевода; в журнальных отзывах порицался и семинарский язык его переводов. Вероятно, частые служебные перемещения М., «обладавшего <...> громадным запасом сведений из всех наук гимназического курса» (*Гобза И. О.* Столетие Московской Первой гимназии. М., 1903. С. 123), также были отчасти связаны с его увлеченностью лит. делами. Еще в Вятке М. со своими сотрудниками из семинаристов «постоянно был занят учеными трудами и переводами, которым предавался в какой-то светелке на сеннике» (*Васильев*. С. 77). В числе переводов М. труды Х. Крузе (**Атлас**

и таблицы для обозрения истории всех европейских земель и государств. СПб., 1843), Л. Галлуа (L. Gallois) (**Инквизиция**. СПб., 1845), Г. Гегеля (**Курс эстетики или науки изящного**. СПб., 1847), Г. Б. Делпинга (**История евреев в Средних веках**. СПб., 1848), Г. Гартвига (**Море и его жизнь**. СПб., 1860) и др. Преобладающие оценки переводов М. как не имеющих худож. значения не исключают обычно оговорки о своевременности их появления. М. изданы несколько детских повестей и рассказов.

В источниках случается смешение М. с его сыном, выпускником Петерб. ИФИ Виктором Модестовым, 1850 г. рожд. (о нем см.: Л а т ы ш е в. С. 47–48), тоже учительствовавшим в Екатеринодаре.

Л и т е р а т у р а: Аничков; *Созонов М. П.* Историческая записка о Могилёвской мужской гимназии за столетний период ее существования. Могилёв, 1909; *Васильев М. Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911; *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк. 1764–1914. Т. 3. СПб., 1915. С. 462 ♦ *Смирнов; Воронов; Прозоров; Венгеров (Источники, Список); Фёдоров.*

А р х и в ы: *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733, 740; ЦГИА СПб. Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

МОДЕСТОВ Василий Иванович

MODESTOV V. I.

[24.1(5.2).1839, с. Кемцы, ныне Бологовский р-н Тверской обл. — 26.2.1907, Рим; кладб. Тестаццо], филолог, историк литературы, историк, публицист, переводчик

Сын настоятеля сельск. прихода, с 1847 воспитанник Старорусского духовного уч-ща, с 1853 — Новгородской духовной

семинарии (учился в одно время с будущим ректором Петерб. ун-та М. И. Владиславлевым). За три года (при шестилетнем курсе) подготовился к поступлению в ГПИ (1856; однокашник В. Г. Васильевского и А. Г. Новосёлова). После закрытия ГПИ завершал обучение на ИФФ Петерб. ун-та (1860, ст. учитель). Был оставлен на открывшихся при ун-те Пед. курсах, но их рутине предпочел учительство в Олонецкой гимназии. Зимой 1861–1862 выдержал магист. экзамен в Петерб. ун-те, после чего выехал в зарубежную командировку (май 1862 — окт. 1864): занимался в Германии (Берлин, Бонн) и Италии. Магист. дис. **«Тацит и его сочинения»** (защищена: Петерб. ун-т, 1865).

Службу начинал в Новорос. ун-те как доц. кафедры римск. словесности (1865). В 1867 после женитьбы принял приглашение (с более высоким окладом) попечителя П. Д. Шестакова и перешел в Казан. ун-т: доц. (1867), экстр. проф. (1868), орд. проф. (1869). Докт. дис. **«Римская письменность в период царей»** (защищена: Казан. ун-т, 1868). В 1869 переехал в Киев,

заместив А. Деллена в местном ун-те (орд. проф.); также преподавал в КДА (1871–1876). В 1876 конфликты университетских группировок вынудили его (как и И. В. Цветаева) «к приисканию нового места». По возвращении из полугодичной зарубежной командировки, занял по конкурсу каф. лат. языка в СПбДА (1877) и приступил к чтению лекций в Петерб. ун-те (прив.-доц. 1878–1879). Настойчиво печатался в столичной периодике, добился разрешения на издание собственной газеты, что было использовано в 1881 для возобновления «Голоса», пострадавшего от публикации статей М. по «школьному вопросу». В 1880 за критику в печати образовательного классицизма был отставлен по требованию Д. А. Толстого; несколько лет жил лит. гонорарами. С 1886 возобновил чтение лекций в Петерб. ун-те (прив.-доц.), с 1889 занимал каф. римск. словесности в Новорос. ун-те (орд. проф.). В февр. 1893 по выслуге минимального стажа вышел в отставку (фактически, пользуясь расположением ректора, оставил преподавание с сент. 1892) и переехал сначала в Петербург, затем в Рим. В разные годы чл. многих науч. обществ, в т. ч. Киевск. ОКФП, Ист. общ-ва Нестора Летописца, МАО, Ист. общ-ва при Петерб. ун-те.

Ближайший (наряду с И. В. Помяловским и Цветаевым) ученик Н. М. Благовещенского, М. отличался лит. одаренностью, во многом определившей направление его науч. занятий; в печати дебютировал студ. сочинением **«Провансальская поэзия»** (БдЧ. 1858. № 10–11). В своих воспоминаниях М. писал: «В то время профессора на историко-филологическом факультете института были неважные. Редкий из них занимался своей наукой <...> и, кроме Благовещенского, все были не литературны» (В. Г. Васильевский // ЖМНП. 1902. Янв. С. 139). Из ун-тских наставников М. выделял еще И. И. Срезневского как единственного «пишущего» ученого

на ф-те. Начало своих науч. штудий связывал с семинарами Ф. Ричля и О. Яна: «Боннский университет был для меня той школой, в которой по преимуществу завершилось мое филологическое образование» (ИВ. 1883. № 2. С. 392). В Бонне М. набросал тезисы дис. о Таците и убедился в возможности методич. обновления российского классицизма: образ Ричля, умевшего читать живо даже ист. фонетику, надолго стал аргументом М. в борьбе с отеч. «формалистами» (**Место классической филологии среди наук историко-филологического факультета** // ЖМНП. 1889. Ноябрь. С. 13–14). Хотя к Ричлю у М. также возник ряд претензий (в т. ч. по поводу интерпретации сатурнова стиха — ЖМНП. 1863. Март. С. 282), скандал в прессе вызвали его и Новосёлова отрицательные оценки (в отчетах 1862) «отцветших знаменитостей» М. Гаупта и А. Бёка, «не имеющих для слушателей другой цены, кроме упражнений в латинском разговоре» (ЖМНП. 1862. Сент. С. 148). Резкую отповедь на них напечатал К. Я. Л ю б и л ь (Наука и гениальные люди // Учитель. 1862. № 24), потребовавший возвращения «гениальных» стипендиатов на родину; позже с критикой «антигерманских» выпадов М. и «фельетонного» характера его сочинений выступал и близкий Люгебилю Э. А. В е р т, особенно резко в статье «Г-н Модестов как критик и ученый» (ЖМНП. 1876. Май); следующими взорвались антиголовнинские «Моск. ведомости». Скандал улаживал Благовещенский; он же подстраховал М. рекомендацией для конкурса в Харьков. ун-те: М. был избран в апр. 1862, но отказался от места после продления зарубежной командировки.

Магист. реконструкция биографии Тацита по лит. свидетельствам (особенно по «Письмам» Плиния Младшего, которым посвящена отд. глава) и оценка труда М. «**Тацит и его сочинения**» (СПб., 1864) вызвали интерес к нему в ун-тской среде:

«На днях Модестов принес мне свою монографию о Таците. Вещь недурная, и автор, кажется, обещает быть хорошим профессором» (Никитенко. Т. 2. С. 483). Написанная в свободной манере дис. М. содержит оценку сочинений Тацита, как и полит., филос. и нравственных его убеждений, наряду с характеристикой историка как писателя, который насыщает историю драматизмом и «психологическим анализом»: «Он допрашивает человеческую душу и ищет в ней объяснения человеческих действий» (Тацит и его сочинения. С. 168). Защищая римск. «историка-философа» от критики А. Тьерри и Ч. Меривеля, утверждавших, что Тацит искажил историю «в видах олигархической партии», М. доказывал истинность его ист. парадигмы, поясняя, что «быть демократом в Риме» времен Тацита означало «быть защитником режима Цезарей» (Там же. С. 199). М. И. Р о с т о в ц е в в некрологе М. назвал его дис. «посейчас еще лучшим, что написано об этом великом историке в русской литературе» (ЖМНП. 1907. Июль. С. 77). На диспуте М. энергично оппонировал М. С е м. К у т о р г а, указавший на чрезмерно широкую тему исследования, обилие субъективных оценок и неуместность рус. языка в дис. по римск. словесности (**Н. М. Благовещенский** // Ист. обозрение. 1892. Т. 5. С. 7). К оправданию «самого близкого для его сердца латинского писателя» (**В Казани и Киеве** // ИВ. 1885. № 12. С. 589) М. неоднократно возвращался: «**Римская литература при Тиберии, Клавдии и Нероне**» (ЖМНП. 1878. Авг., нояб.; 1888. Апр.), «**Заметки по Тациту. I–IV**» (Там же. 1894. Апр.–май, дек.) и др. Вершиной его тацитоведческих работ стал коммент. перевод «**Сочинения Корнелия Тацита**» (Т. 1–2. СПб., 1886–1887); по словам И. М. Тронского, он около 80 лет «оставался единственным полным собранием трудов Тацита на русском языке» (*Корнелий Тацит*. Сочинения. Т. 2. М., 1993. С. 602).

В скрупулезных разборах выпусков этого перевода Помяловским (ЖМНП. 1886. Сент. С. 157–175; возражения М. «по всем пунктам» этой рец. см.: Там же. 1886. Окт. С. 407–414), И. Турцевичем (Там же. 1889. Дек. С. 45–116) и др. критиками преобладало недовольство слогом переводчика; рецензентов раздражали вулгаризмы образца «будем стоять как дураки» — *ut vulgus improvidum stabimus*, «главари» — *primores*, «надувает» — *frustratur* и т. п. Ю. А. Кулаковский, ревниво относившийся к успехам М., но опасавшийся его агрессии, в письме также критически отзывался о переводе и о преувеличенных «восторгах» по его поводу Цветаева (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 905. Л. 123).

Успех у широкой публики снискали М. его **«Лекции по истории римской литературы»** (Т. 1–2. Киев, 1873–1875) — первый отеч. «вузовский» учебник по этому предмету, послуживший многим поколениям студентов (*Цветаев И. В.* Профессор Василий Иванович Модестов: по поводу сорокалетия его учено-литературной деятельности // ФО. 1899. Т. 17. С. 86).

Критики коллег не избежало и это пособие. Общий смысл 63-страничного отзыва Ф. Ф. Зелинского (СПб., 1889; отд. отт. из: ЖМНП. 1889. Ноябрь.) на 3-е издание «Лекций» (СПб., 1888; дополнено разделом по римск. серебряному веку) сводился к обвинениям в филол. некомпетентности М. Простительная в компилятивных разделах (характеристики жанров, авторов, пересказ содержания и биографии), написанных по пособиям В. З. Тейфеля, Иог. Крист. Феликса Бэра (*Baehr*), Г. Бернгарди, она, по мнению рецензента, вредит специальным пассажам, основанным на толкованиях текста. На призыв Зелинского к автору «открыто объявить себя дилетантом» и любить римск. литературу в таком качестве, М. ответил не менее язвительной антикритикой (ЖМНП. 1890. Янв. С. 212–230).

С оговорками рекомендует «занимательное и полезное чтение» М. своим студентам и Помяловский в литографированных

лекциях по истории римск. литературы (СПб., 1892. С. 13): «Отличительное достоинство, ставящее весьма высоко книгу г. Модестова, есть редкая увлекательность изложения, соединенная со стремлением везде стать на современную точку зрения <...>. К сожалению, однако, не во всем можно полагаться на суждения, взгляд и даже факты, приводимые почтенным профессором <...>. Его книга страдает многими недосмотрами, промахами, даже ошибками, которые тем неприятнее действуют на читателя, что сам профессор чрезвычайно строг в своем приговоре к другим».

Историко-культурное направление науч. деятельности М. также отмечено серией крупных работ, начиная с дис. **«Римская письменность в период царей»** (Учен. зап. Казан. ун-та. 1867. № 5–6; и отд. 1868; нем. пер.: *Der Gebrauch der Schrift unter den röm. Königen*. Berlin, 1871), ценной для отеч. читателя обзором письменных памятников древнего Рима. Объектом критики в ней М. избрал «скептицизм» нем. историков в отношении реконструкции древнейшей истории Рима, разделяемый их адептами из числа отеч. ученых, не развивших в себе «привычки к самостоятельной мысли». М. настаивал на существовании «положительных источников», в т. ч. письменных, для таких реконструкций. Его энтузиазму был нанесен чувствительный удар Благовещенским. Сам допуская критич. высказывания по адресу германских «скептиков» (см.: *Благовещенский Н. М.* О характере и значении римской литературы // ЖМНП. 1867. Апр. С. 79–80), бывший наставник М. подверг труд последнего критике, показательной «для молодого поколения наших недоученных деятелей» (ЖМНП. 1868. Авг. С. 646–668); самоё новизну дис. Благовещенский относит на счет искажения ее автором положений тех же «скептиков». В ответ М. публично увидел в отзыве учителя «обилие лжи, клеветы и невежества» (**Скептицизм в римской истории**. Казань, 1869. С. 18),

чем навсегда положил конец их отношениям (позже М. сожалел об этом — см.: Н. М. Благовещенский. С. 12). В передаче О. А. Шебора (см.: *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 61–62), свой успех на казан. диспуте М. объяснял потом хорошей латынью — приготовившись его громить оппоненты вынуждены были отвечать неожиданно для себя на лат. языке и запинаясь. Положения дис. не встретили поддержки отеч. историков, посчитавших, что автору не удалось убедительно обосновать происхождение традиции анналистов, а лингвистов не убедили в чтении надписей (см. их критику в дис.: *Петр В. И.* Генетическое изложение форм Gen. sing. в латинском языке на основании сравнительного языковедения. Одесса, 1881. С. 24–26).

Отныне интерес к антикварным темам уже не оставлял М. В Одессе он эпизодически публиковал заметки с толкованием надписей, а после отставки целиком отдался археол. «мечтам молодости». Свои взгляды на римск. историю М. по обыкновению излагал в полемич. форме: спорил с И. В. Нетушилом о влиянии этрусской письменности на лат. алфавит (**Несколько необходимых возражений проф. Нетушилу по поводу его заявлений о песне братьев Арвальских** // ФО. 1897. Т. 13), солидаризировался с Э. Коккья в критике скептицизма, доказывая при этом историчность легенды о Кориолане (**Поэзия в римской истории. Сказание о Кориолане** // ЖМНП. 1897. Март) и др. Малочисленность единомышленников не считавшего себя «солидарным во мнении ни с одним литературным или др. каким кружком» М. не смущала, а компилятором он никогда не был даже в реферирующих статьях (Ростовцев. С. 81).

Так, М. десятилетиями боролся против «как бы насмешки над историей греческого языка» — эразмовым произношением: в 1890-е, вдохновленный трудом Т. Пападимитракопулоса (*Le poète Aristophane et les partisans d'Érasme*. Leide, 1892),

М. возвратился к обличению «претенциозной научности» этацизма, выявляя как в эпиграфич. текстах, так, напр., и в игре слов у Аристофана, следы раннего итацизма: «**Вопрос о греческом чтении (произношении)**» (ЖМНП. 1891. Март), «**Еще о греческом произношении**» (Там же. 1893. Март–апр.) и «**Греческое произношение. Дифтонг αι**» (ФО. 1893. Т. 4). Не обладавший достаточной осведомленностью в области истории языка, М. часто становился объектом критики лингвистов (см. письмо М. М. Покровского в кн.: Баскаковы. С. 133). Но и самая ядовитая критика не могла угасить энтузиазма М., как и интереса редакций к его эпатажным заметкам на эту очень старую тему (ср.: *Икономос К.*). В. К. Ернштедт, прося задержать верстку номера ради статьи М. о греч. произношении, писал С. Ф. Платонову иронически: «Статья Модестова — это такая прелесть, какой я даже от него не ожидал. Ответ Новосадского бледнеет перед этим шедевром» (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 2887. Л. 22).

С 1891 М. настойчиво участвует в деятельности археол. и ист. общ-в, борясь за организацию в Риме рус. археол. школы по образцу нем. и франц. археол. ин-тов (**Ученая жизнь в Риме** // ЖМНП. 1892. Март–май; **Об открытии Русского археологического института в Риме с отделением в Афинах** // Тр. VIII Археол. съезда в Москве. Т. 3. М., 1890; **Африканские надписи и культ Сатурна** // ЖМНП. 1893. Февр.; **О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нем занятиях** // ФО. 1900. Т. 18; и др.), но, до конца сохранявший черты неуживчивого разночинца, с «мятежным духом, ему не дающим покоя и других не оставляющим в покое» (Ф. Мищенко — РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1019. Л. 68 об.), М. вызывал сомнения у коллег в роли возможного главы такого учреждения (см.: Скифский роман. С. 421). В 1903 он был избран вице-президентом Congrès international des sciences

historiques à Rome (*De Gubernatis A. Dictionnaire international des écrivains du monde latin*. Rome, 1905. P. 1007–1008). В работах «итальянского» периода, опираясь на новые находки Орси, Пигорини, Чезелли, Патрони, Брицио и др., продолжил начатую в Казани борьбу «против произвола, с каким эпигоны критической школы, начатой так славно Нибуром, трактуют первые столетия римской истории» (ФО. 1899. Т. 18. С. 110).

Главным трудом его последнего десятилетия стала серия статей о смене культур на территории Италии (от палеолита до железного века), которую М. увязывал с вторжениями на Апеннины новых народов, в т. ч. (начиная с культуры террамар) латинян и умбров: **«Еще о сикулах, умбрах и латинянах: новые археологические данные и их оценка»** (ЖМНП. 1899. Май); **«Памятники царского периода и древняя латинская надпись на римском форуме»** (Там же. 1900. Март); **«Конец неолитического века и его население в Италии»** (Там же. 1901. Авг.); **«Расселение арийского племени по Италии. I: Вольски и эквы. II: Оски и аврунки. III: Сабельские народы»** (Там же. 1904. Авг.; 1905. Март; Июнь–июль) и др. Большая часть этих этюдов была собрана М. в книге **«Введение в римскую историю: вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима»** (Т. 1–2. СПб., 1902–1904; с прил. 35 фототип. табл. и резюме на франц. языке). На публикацию первой части «Введения...» сочувственно откликнулись многие историки, в т. ч. М. П. (ФО. 1902. Т. 20. С. 117) и Соломон Рейнак (*Anthropologie*. 1902. Т. 13). Но были у М. и последовательные критики: так, А. Ф. Э н м а н (ЖМНП. 1902. Нояб. С. 159–198) посчитал, что М. чересчур прямолинейно связал смену археол. культур с вторжениями в Италию; отрицательной оказалась и рец. Кулаковского на «Введение...», лишившая М. премии

митрополита Макария (позже Кулаковский признал поспешность и односторонность своего отзыва — см.: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 908. Л. 134 и об.). М. резко ответил критикам в предисловии ко второму тому своего «Введения...». Поучительно, что С. А. Жебелёв еще 20 лет спустя рекомендовал труд М. для знакомства с итогами итальянских раскопок конца XIX в. (Введение в археологию. Т. 1. Пг., 1923. С. 66).

В посмертных откликах «популярнаторство» М. оценивалось обычно выше его ист. реконструкций, но даже строгий Ростовцев почтил науч. отвагу М., взявшегося за изучение нового для него археол. материала уже немолодым человеком: **«Им затеяно было и приведено в исполнение дело, несомненно, большое, доставляющее честь и русскому характеру и русской науке»** (Ростовцев. С. 82). Много сил отдавал М. и редакторской деятельности: среди изданий, осуществленных под его руководством, переводы: **«Этика Бенедикта Спинозы»** (СПб., 1886) и **«Ф. Любкер. Реальный словарь классической древности»** (Т. 1–5. СПб., 1884–1887), в рец. на первый выпуск которого Помяловский (ЖМНП. 1884. Март. С. 134) отмечал его более четкое исполнение сравнительно с переводом, выполненным силами членов Петерб. ОКФП.

Вслед за Благовещенским М. вменял в обязанность ученого и просветительскую деятельность: **«Живя лишь работою мысли, притом мысли дисциплинированной научным трудом целой жизни, покойный спешил результаты своего изучения сделать и общим по возможности достоянием. К этому влекло его прежде всего <...> благородное желание быть полезным делу просвещения»** (*С а д о в А.* Профессор Василий Иванович Модестов // ФЗ. 1910. № 4. С. 546).

В ун-тской аудитории М. зарекомендовал себя неплохим лектором, «охотно вступающим в личные отношения со своими слушателями» (Ю. А. Кулаковский — см.: БС Киевск. ун-та. С. 450), хотя и

читавшим не всегда «гладко» (С. А. Жебелёв — см.: ВДИ. 1968. № 3. С. 167). Обычно он комментировал авторов (Вергилий, Гораций, Саллюстий, Цицерон, Ливий, Тацит, Сенека, Плавт и др.), читал историю римск. литературы, римск. древности и топографию Рима.

В студенчестве, М., как и его друзья по ГПИ, сочувствовал демократ. движению, распространял листовки «Молодой России» (Пантелеев. С. 204); впоследствии он посылал свои переводы Тацита и Спинозы ссыльному Н. Г. Чернышевскому (*Чернышевский Н. Г.* ПСС: в 15 т. М., 1939–1953. Т. 14. С. 572, 618). На протяжении всей жизни М. регулярно печатался в периодике («Русская мысль», «Вестник Европы», «Заграничный вестник», «Новь», «Исторический вестник», «Наблюдатель», газ. «С.-Петербургские ведомости», «Голос», «Южный край» и др.), что давало повод ун-тским оппонентам презирать в нем представителя «литературной улицы». В полемике М. бывал бесцеремонен (несоответствие его фамилии и характера было расхожей шуткой), мало считался с авторитетами, а М. Н. Катков попросту называл его «врагом народа»; впрочем, и критику он встречал мужественно. Показательна его публичная реакция на отставку (1880): «Возможность послужить общему делу легка и приятна», — заявлял лишенный средств к существованию М. и уподоблял крыловской мартышке с очками тех, «кто думает, что стоит завести у нас прусские программы <...>, да позвать для их исполнения сотню другую чехов и немцев, и мы непременно войдем в колею народов, переживших эпоху Возрождения, а вслед за тем будем произращать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (**Школьный вопрос. Письма к редакции «Голоса»: пятнадцать статей.** СПб., 1880. С. 13), хотя реакция Д. А. Толстого, заботливо искоренявшего «всякую мысль в печати, сколь-нибудь не согласную с его умопредставлением об учебной части» (Никитенко), была

предсказуемой. Неодобрительно отреагировали на сборник из-за традиционных для М. выпадов против ун-тских «немцев» и германские критики (*Haupt N.* — *WklPhil.* 1883. № 13. S. 391–395). До конца дней сохранял науч. оптимизм; скромную пенсию тратил гл. обр. на археол. путешествия и покупку книг (после него осталась «довольно богатая и редкая историко-филологическая и археологическая библиотека», о приобретении которой для МАО хлопотала П. С. Уварова — см.: РГИА. Ф. 740. Оп. 22. Ед. хр. 142. Л. 2, 4). О бодрости М. еще за месяц до смерти (от сердечной слабости после простуды) вспоминал осматривавший с ним Рим И. И. Толстой (Дневник. Т. 1. СПб., 2010. С. 240).

Литература: *Семевский М. И.* Знакомые: альбом. 1867–1888. СПб., 1888; *Малеин А. И.* К истории классической филологии в России: краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования // ФО. 1899. Т. 17; Маркевич; *Мишулин А. В.* О наследстве русской науки по древней истории // ВДИ. 1938. № 3(4); *Шофман А. С. В. И. Модестов как историк античности // История и историки.* 1975. М., 1978; *Фёдорова Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982; *Дружинина И. А.* Изучение античности в Казанском университете. Казань, 2006; *Аксёненко М. Б. В. И. Модестов и «школьный вопрос»: материалы к биографии // ВДИ.* 2011. № 1; Проф. В. И. Модестов. Воспоминания. Письма. М., 2014; Cinnella. P. 56–80 ♦ Григорьев; Нагуевский; Брокгауз; Прозоров; Загоскин; БС Казан. ун-та; БС СПб. ун-та; БС МАО; Черняев; Венгеров (Источники, Список); РБС; РП; Воронков; Свясов; БС ПОНУ; Фролов 2006; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ; Wes; Hausmann.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 123 (А. Е. Бурцев), 183 (В. О. Михневич), 446 (Р. И. Сементковский) и др.; РГИА. Ф. 733 (в т. ч. ф. с. 1884 — Оп. 150. Ед. хр. 917. Л. 27–47), 740; ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель), 253 (А. А. Дмитриевский), 386 (А. А. Котляревский), 585 (С. Ф. Платонов) и др.; СПбФ АРАН. Ф. 116 (Ф. И. Успенский), 733 (В. К. Ернштедт) и др.

В. П. Смышляева

МОР

Яков Георгиевич

MOR(R) Jakob

[7(19).3.1840, Рига — 9(22).1.1914, Петербург], филолог, педагог

Из дворян. Обучался в Дерпт. пед. семинарии и ун-те (1865–1868); окончил действ. студентом по филол. отделению. Пед. деятельность начинал учителем древних языков в гимназиях Брест-Литовска (1868–1869) и Витебска (1869–1873). С 1873 служил в Петербурге: учитель древних языков и воспитатель пансиона Петерб. 1-й гимназии (1873–1874); организатор-инспектор Петерб. 5-й прогимназии (1874, с 1877 — директор) и образованной на ее основе в 1883 Петерб. 8-й гимназии. После недолгой, но тягостной для энергичного М. службы инспектором Петерб. УО (1893–1896) вернулся к гимназич. администрированию: директор Петерб. 6-й гимназии в 1896–1906 и Царскосельской Николаевской гимназии с 1906 (см. п. д. 1909 — РГИА. Ф. 740. Оп. 23. Ед. хр. 13). Эпизодически преподавал еще нем. язык

(Кронштадтская гимназия), возглавлял пед. совет Покровской женской гимназии (до 1887), входил в попечительский совет Петерб. ВЖК. Чл. Ученого комитета (с 1893) и участник различных комиссий МНП: по преобразованию средних школ, по преподаванию военной гимнастики, по пересмотру учеб. планов, по исследованию нового способа освещения классных помещений и т. п. Чл. Петерб. ОКФП и правления общ-ва.

Современники признавали М. эффективным гимназич. администратором и устройтелем «образцового порядка». Назначенный директором Петерб. 6-й гимназии, помимо водворения в ней «замечательной дисциплины», энергично занимался ремонтом здания, устройством спортивных площадок (в 1898 был участником Бельгийского конгресса искусственной гимнастики, позже не раз выступал в печати по вопросам закаливания школьников; см.: Афанасьев. Т. 1. С. 177). Заботясь о благе гимназистов («prius — наши ученики»), организовал вечерние курсы для неуспевающих и строго преследовал за дисциплинарные грехи педагогов, которым (после не имевших успеха в МНП протестов против «крутых мер» М.) «приходилось довольно тяжело на службе, т. к. директор никогда не упускал из вида ни малейшей неисправности» (Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Историческая записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербург. 6-й гимназии. 1862–1912. СПб., 1912. С. 33). Как крепкий администратор направлялся руководством МНП на проблемные участки Петерб. УО. Рус. языком, очевидно, владел неидеально: по воспоминанию А. Орлова, писал на сочинениях учеников: «это бессмысленница» (см.: Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 227). М. — автор компактного комплекса по греч. языку, написанного по материалам современных нем. изданий и с учетом личного методич. опыта (редкое для отеч. составителей стремление выдерживать повторяемость

лексики в подобранных фразах): «**Краткая этимология греческого языка**» (СПб., 1893, ⁴1900), «**Краткий синтаксис греческого языка**» (СПб., 1890; ²1913) и «**Книга упражнений по греческой этимологии**» (СПб., 1893). Учебники М. пользовались хорошей репутацией, которая объясняется не одной лишь близостью автора к руководству МНП, но и методич. достоинствами. Г. Фишер (ФО. 1893. Т. 5. С. 138–141) оценивал «Краткую этимологию» как «надежное руководство, в котором единичное устранено в пользу главного»; В. А(ппельрот) в рец. на второе издание «Книги упражнений» (ФО. 1894. Т. 6. С. 108–109) также хвалил прежде всего ее «целесообразную» композицию (первая часть содержала упражнения на склонение и на спряжение глаголов на -ω, вторая — на усвоение неправильных глаголов и глаголов на -μι), подбор фраз (не отличающихся «особым глубокомыслием»), удобство лексич. обеспечения (вокабулярий к начальным 35 разделам и словари к последующим) и синтаксич. приложение, в котором автор удобно формулирует 64 базовых правила. При составлении упражнений М. руководствовался, очевидно, не только учеб., но и дидактич. целями: бросается в глаза назидательность подобранных им фраз, отражающая убеждение составителя в воспитательной ценности пед. слова.

М. регулярно выступал в периодике («ЖМНП», «РШ») с заметками по пед. вопросам. Странник подготовки учителей-методистов и вовлечения родителей в жизнь школы (ИВ. 1914. № 2. С. 763), в отношении гимназич. программ М. оставался верен традиционному «грамматическому» классицизму (в сочетании с занятиями физич. культурой и разумно организованным досугом). Статьи на эти темы: «**Вопрос об обременении учеников наших гимназий в зависимости от их положения в семье и домашней обстановки**» (РШ. 1891. № 10–11), «**О современной постановке школьной гимнастики и некоторых других фи-**

зических упражнений» (СПб., 1911) и др. Рецензировал германские и российские учеб. пособия, настойчиво добиваясь от авторов методич. проработки курсов и ясности изложения (**О некоторых статьях латинской грамматики** // ЖМНП. 1878. Сент.; 1879. Июль), сопоставляя изложение отдельных грамматич. разделов в различных отеч. (Э. Кесслера, Г. Шульца, Ю. Ходобая) и нем. (К. Цумпта, Р. Кюнера, Ф. Эллендта — М. Зейферта) пособиях. Особое внимание М. уделит выявлению неудобных для гимназистов терминологич. неточностей и противоречий; предлагал и собственные термины: для *ablativus absolutus*, напр., «обстоятельное определение» (ЖМНП. 1879. Июль. С. 239).

Литература: Соловьёв Д. Н. 50-летие С.-Петербург. 1-й гимназии. СПб., 1880; Историческая записка 75-летия Витебской гимназии. Витебск, 1884; Памятная книжка С.-Петербург. 8-й гимназии. СПб., 1900 ♦ Прозоров; Брокгауз; Венгеров (Список); Воронков; Album Dorpat; DBBL.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733, 740; ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петербург. 1-я гимназия), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ Иван Матвеевич

MOURAVIEV-APOSTOL I. M.

[1(12).10.1762, по др. сведениям 1765, 1767, 1768, с. Опеченская Пристань, ныне Опеченский Посад Боровичского р-на Новгородской обл. — 12(24).3.1851, Петербург; Большеохтинское Георгиевское кладб.], писатель, дипломат, переводчик

Из старинного дворянского рода Муравьевых, правнук по материнской линии последнего гетмана Левобережной

Украины Д. П. Апостола; в 1801 унаследовал богатые имения Апостолов в Миргородском уезде и получил право именоваться Муравьёвым-Апостолом. Получил домашнее образование, исключая недолгое пребывание в пансионе Эйлера (1776–1777). Службу начинал обер-аудитором при Петерб. генерал-губернаторе Я. А. Брюсе (1784); состоял в Коллегии иностр. дел (1788), был воспитателем («кавалером») вел. кн. Александра и Константина (1792). С 1796 находился на дипломат. службе. Камергер (1796), тайн. сов. (1800). В 1805 М.-А. был отставлен — сам он объяснял опалу «гнусной клеветой», а современники — недовольством двора тем, как он освещал переворот 1801. Проживая то в имении, то в столице, М.-А. утешался лит. занятиями: в 1810-е принимал участие в деятельности «Беседы любителей русского слова», ВОЛРС, ОЛРС и до некоторой степени «Арзамаса». В 1824 ненадолго вернулся на гос. службу (сенатор, чл. Главного училищного правления), но участие в восстании Черниговского полка троих его сыновей (Ипполит застрелился,

Сергей был казнен, а Матвей осужден на каторгу) поставило крест на карьере М.-А. Уволившись «в дальние края» (май 1826), он еще около 20 лет жил за границей. Последние годы жизни провел в Петербурге. Чл. Российской академии (1811), в 1841 переведен в почетные чл. АН (ОРЯС).

Обладая отличными лингв. способностями (знал не менее восьми языков) и обширной эрудицией, М.-А. был библиофил и владелец большой б-ки. Лит. занятия (публиковался он с 1778) М.-А. начинал с переделок франц. и англ. произведений: так, он переложил «Школу злословия» Р. Шеридана (СПб., 1794), а по О. Голдсмиту написал пьесу «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (СПб., 1794), которые ставились в петерб. театрах конца XVIII в. Начальному интересу к античности способствовали связи М.-А. с завсегдатаями салонов М. Н. Муравьёва (его двоюродного брата) и А. Н. О л е н и н а. К переводам из древних М.-А. обратился уже в отставке, «бродя с Вергилием и Томсоном» по садам имения Хомуец; в эти годы «игре классического воображения» М.-А. способствовало и общение с известным эллинофилом В. В. Капнистом, соседом по имению. Любимым автором М.-А. надолго становится эпикуреец Гораций, чьи стихи он «не выпускал из рук», ежедневно открывая в них «не только поэтические красоты, но истины глубокие и утешительные» (см.: *Батюшков К. Н. Сочинения*. Т. 2. М., 1982. С. 27). Из задуманных переводов Горация «для пользы учащих латинский язык» напечатал лишь перевод *Carm. II, 16 «К Гросффу на спокойствие»* (ВЕ. 1809. № 20): «Спокойствия от Неба просит / Пловец, застиженный в морях...». Выполненный четырехстопным ямбом и не лишенный поэтич. достоинств, перевод был предварен в печати авторитетной похвалой моск. проф. И. Буле, но уже в след. номере журнала подвергся критике М. Т. Каченовского. С эссе о творчестве Горация М.-А. неоднократно выступал на заседаниях «Беседы»; опубликованы:

«Краткое рассуждение о Горации» (Чтения в Беседе любителей русского слова. 1811. № 2; панегирик лирич. дарованию и мудрости поэта с прил. пер. Sat. I, 1) и «Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать сатиру третью I книги» (Там же. 1812. № 6; с прил. пер. Sat. I, 3). «Не отрицаясь от пристрастия к Горацию» и расхожего для начала века прославления пасторального уединения, М.-А. в своих рассуждениях немало места уделял оправданию «политической апостасии» и гражданской протейности, которые формировались у нас под влиянием эпикуреизма и платонизма. Спустя десятилетия М.-А. издал выполненный рифмованными ямбами перевод под названием: «Пять сатир Горация» (М., 1843. Sat. I, 1, 2; II, 2, 5, 6).

В конце 1810-х увлекся и греч. языком, «с коим никакой другой равняться не может», задумав перевести прозой («пристойным комедии слогом») и близко к оригиналу («сколько позволяет свойство нашего языка») комедии Аристофана. Так в печати появились «Облака» (СПб., 1821) с разговорными интонациями в диалогах, но с «соблюдением характера поэзии» в хоровых партиях (см. диалог Стрепсиада и ученика):

«Отворяй же! О! Боги! Что за зверей я вижу! — Чему ты удивляешься? Что думаешь о них? — Мне кажется, это те самые лаконцы, которые в Пилосе сдались нам. Но для чего же они так глаза в землю потупили? — Они ищут в земле. — Не репу ли? Пусть не трудятся. Я знаю место, где самая крупная и вкусная водится».

К переводу прилагался греч. текст, комментарий и вступление, пафос которого сводился к защите комедиографа от поклонников Сократа (Вольтера, Лагарпа и др.). Нападки Аристофана на философа М.-А. объяснил их личной враждой, «ибо философ, гнушаясь зрелищем, нравы оскорбляющим, как сам никогда не посещал комического театра,

так и всеми мерами старался отвратить от оного юношей, ему преданных» (Там же. С. IX). Выдержки из этого перевода были включены еще в «Русскую хрестоматию» А. Филонова (1874), но к началу XX в. он считался уже устаревшим (см.: *Цыбульский С.* «Лягушки» Аристофана // БИРЮЧ Петроград. гос. театров. 1919. № 13–14).

М.-А. принадлежит также комментарий к письмам Цицерона о событиях, предшествующих заговору Катилины «Взгляд на заговор Катилины» (СО. 1818. № 21–23) и перевод «Письма от Цицерона к Помпонию Аттику» (Там же. 1819. № 8; с «археологическими, историческими, и проч. примечаниями»). Как ясно из «Письма к издателю» (Там же. 1817. № 22), М.-А. обращался и к текстам Вергилия: «письмо» представляет собой отклик на перевод фрагментов «Энеиды» и «Георгик», выполненный «толкователем Вергилия по Делию» А. Ф. Воейковым.

Сочувствуя идеям просвещения, М. выступал в печати за утверждение в обществе программ европ. образования. Известность получили его филос.-пед. эссе «Письма из Москвы в Нижний Новгород» — 14 писем печатались в номерах «СО» за 1813–1815; еще одно — в «ВЕ» (1824. № 2), а тезисы этих писем обсуждались автором на вечерах у Муравьевых, Карамзиных, Пушкиных, выехавших к осени 1812 в Нижний Новгород, чтобы избежать французов в Москве. М.-А. подчеркивает в них преимущества европ. ун-тского образования перед российским домашним, призывая соотечественников заодно отказаться и от франц. языка в пользу языков древних:

«Пока мы не будем учиться, т. е. посвящать все время первого возраста, от 7 до 15 лет, на изучение греческого или, по крайней мере, латинского языка, вместе с русским <...>, до тех пор мы <...> будем не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу» (*Муравьев-Апостол И. М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород / изд. подгот. и примеч.

сост. В. А. Кошелев. СПб., 2002. С. 17–18). Тезис иллюстрируется сатирич. сопоставлением (5-е письмо) рус. недоросля, выучившегося у губернатора слегка болтать по-французски, с его англ. сверстником, усвоившим в классич. школе серьезные знания, привычку мыслить и «обильную пищу воображению».

Залогом расцвета отеч. словесности и наук М.-А. видел *университеты*, которые помогут преодолеть ложный (т. е. франц.) классицизм и приучить юношей к работе с антич. источниками. При своем появлении «Письма» имели успех, отразились в переписке и периодике 1810-х, и еще полвека спустя их фрагменты публиковал М. Н. Катков (серия статей «Наша учебная реформа» в «Моск. ведомостях» за 1864–1871). Из служебных записок М.-А., расхваливших в рукописных списках и создавших ему репутацию прогрессиста и оппонента М. Магницкого, Д. Рунича и А. Аракчеева, любопытны те, что тесно связаны с ун-тскими программами 1820-х. Так, на цензуру иностр. книг («**О запрещении профессорам выписывать иностранные книги**») М.-А. возражал как на меру «без нужды оскорбительную» и «для просвещения вредную», потому что профессор должен «беспреданно следовать за успехами науки своей». Когда комитет обрушился на И. И. Да в ы д о в а, который пользовался нем. филос. терминологией и потребовал ограничить присутствие философии в университетских программах, М.-А. выступил в защиту ученого.

Осенью 1820 М.-А., ради проверки антич. свидетельств о древнем Крыме, предпринял путешествие, к которому готовился в течение двух лет, знакомясь с текстами Геродота, Страбона, Плиния, Плутарха, Арриана, Полибия и др. Описание этой поездки в 25 письмах, с размышлениями автора о смысле истории и о важности ее изучения вошло в книгу «**Путешествие по Тавриде в 1820 г.**» (СПб., 1823; отрывок «**Ольвия**» вышел

и отд. изд., еще в 1821) и стало одной из первых рус. работ по истории и географии Крыма. Немного позже книга вышла также по-нем. (Берлин, 1825) и по-итал. (Неаполь, 1835). Науч. стиль изложения — «Везде, где мне было нужно подкрепить мнение свое свидетельствами древних, я <...> приводил их в подлиннике» (Цит. соч. С. VIII) — М.-А. согласно с тем, как было принято в Европе несколько раньше, сочетал с худож. приемами вроде сцен из жизни древних греков, увиденных во сне, и т. п. В книге М.-А. описывает свои посещения Севастополя (Херсонес), Феодосии (Каффа), Керчи (Пантикапей), Судака, Бахчисарая и, по выражению Кошелева, «созерцающая современные развалины <...>, выстраивает картину прежнего бытования знаменитых причерноморских полисов <...>, а это в свою очередь рождает размышления о бренности людской истории» (Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 214). Несовпадения лично увиденного с прочитанными у древних историков описаниями М.-А. объяснял лакунами дошедших текстов и исправлениями «схолиастов-грамматиков». К книге прилагался перевод «**Борисфенской речи**» Диона Хризостома. Топографич. итоги поверхностных (без серьезных раскопок) наблюдений М.-А. столетие спустя оценивались невысоко (Гермес. 1907. № 1. С. 16), но в 1820-е публикация «Путешествия» сопровождалась благоприятными откликами (*Бестужев А. А.* — Полярная звезда на 1824; *Войков А. Ф.* — Сев. архив. 1824. № 9; и др.).

М.-А. — автор ряда стихотворений на греч. языке, в т. ч. элегий на смерть Александра I (Библиогр. листы. 1826. № 35) и своих сыновей, утрату которых он уподобил гибели пораженных молнией Зевса лавровых деревьев: «Три юные лавра когда я садил, / Три радуги светлых надежд мне сияли...» (пер. Ф. Глинки — РА. 1886. № 2). У современников, впрочем, М.-А. прослыл «черстводушным эгоистом» из-за (быть может, наружного)

равнодушия к судьбе сыновей; ему, прожившему, будто бы, два миллионных состояния, ставилось в вину и мотовство.

Литература: Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I // ЖМНП. 1866. Ноябрь.; *Муравьев-Апостол М. И.* Воспоминания и письма. Пг., 1922; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000; *Трошина М. С.* Жизнь и творчество И. М. Муравьева-Апостола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2007 ♦ Прозоров; Нагуевский; Брокгауз; БС ОЛРС; Венгеров (Список); РП; Дроздов и Федорченко; Геннади 2006; Российская академия наук; Мурзанов; Цензоры; РП.

Архивы: *Личные фонды:* ГА РФ. Ф. 1002 (М. И., С. И., И. М. Муравьевы-Апостолы); РГАЛИ. Ф. 1599. 3 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 620 (А. А. Самборский); ОР РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин), 320 (Собрание ф. с. — Ед. хр. 157), 542 (Оленины), 603 (С. Д. Полторацкий) и др.

В. П. Смышляева

МУРАЛЬТ (МЮРАЛЬД) Эдуард (Эдуард Гаспарович)

MURALT Eduard von

[13.7.1808, Бишофцелль —
14.1.1895, Лозанна], *филолог,
византист, палеограф, археолог*

Родившийся в семье швейцарского негодянта М. происходил из известного в Цюрихе рода, который переселился туда из сев. Италии вследствие религиозных гонений XVI в. (Некролог. С. 725). В 1832 в родном городе он принял священнич. сан и тогда же получил степень д-ра философии в Йенском ун-те. Спустя год М. пригласили в Санкт-Петербург в качестве адъюнкта его дяди Иоганна фон Муральта, пастора нем.-реформатской церкви и основателя знаменитого пансиона — частной школы для мальчиков, открывшейся почти одновременно с Царскосельским Лицеем и продолжавшей традиции И. Г. Песталоцци,

учителя М.-старшего. Не без влияния дяди М. сдал экзамены в Петерб. ун-те по греч. и лат. языкам на звание домашнего учителя (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 60). Единственный известный нам эпизод преподавательской (притом неформальной) деятельности М. относится к 1858, когда он в течение трех недель освежал знание латыни будущего открывателя Трои Г. Ш л и м а н а (Гаврилов 2006. С. 126–129), который ошибочно называет своего учителя Л. Муральтом (Там же. С. 126). В то же время очевидно, что интересы М. находились, по преимущ., не столько в пед. сфере, сколько в обл. филологии и истории. Так, уже в 1836 он предпринял свою первую попытку издания текстов на материале рукописей — в Турине вышел раннехристианский апологетич. диалог Минуция Феликса «Октавий».

Еще одной заметной науч. публ. М. стала изданная в 1839 брошюра с посвящением президенту Имп. АН С. С. У в а р о в у о т н. гробнице Гомера (**Achilles und seine Denkmäler ausser Süd-Russland: Zur Erklärung des vermeinten**

Grabmals Homers im Strogonowschen Garten zu St. Petersburg. SPb.; Leipz., 1839. Ей предшествовала статья, написанная в 1838, а изданная только в 1847 — «**Der Strogonowsche Sarkophag. Ergänzungen zu der Schrift: Achilles und seine Denkmäler ausser Süd-Russland**»).

В 1771 этот мраморный саркофаг был привезен с острова Хиос (по др. данным — с Андроса или Иоса, называвшегося также Ниос) голландцем Л. Паш ван Криненом в г. Ливорно, где во время рус.-турецк. войн 1768–1774 стояла российская эскадра. Имея целью выгодную продажу артефакта, Паш ван Кринен для усиления достоверности показывал копию надписи, якобы начертанной на гробнице: — ΟΜΗΡΟΥ (sic!). Вскоре саркофаг при посредничестве офицера (и будущего директора СПбАН) С. Г. Домашнева был куплен знаменитым петерб. коллекционером гр. А. С. Строгановым и в 1773 доставлен в Петербург. Граф увидел свое приобретение только спустя шесть лет: «При виде этого памятника, я не мог не воскликнуть: “Не памятник ли это Гомера?” Эта фраза стала переходить из уст в уста, и без всякого основания, все заключили, что я владею гробницею Гомера» (цит. по: *Божерянов И. Н.* Гр. Александр Сергеевич Строганов // *Худож. сокровища России.* 1901. Т. 1. № 9. С. 155). Спустя некоторое время под руководством А. Н. Воронихина памятник был установлен в саду Строгановской дачи на Черной речке и упоминался как «гроб Омира» в описании достопримечательностей Санкт-Петербурга, составленном И. Г. Георги в начале 1790-х (Георги. Гл. 10, § 267). Вскоре известие о «находке» достигло гёттингенского гомероведца проф. Х. Г. Гейне, который после изучения прорисовок саркофага произвел уверенную атетезу и выдвинул предположение, что это мог быть кенотаф Ахилла, его возлюбленной Дейдами и, возможно, их сына Пирра (Das vermeintliche Grabmal Homers, nach einer Skizze von Lechevalier, gezeichnet von Fiorillo, erläutert von [Ch. G.] Heyne. Leipz., 1794). Миф был окончательно развеян, однако к концу 1830-х о статье основательно забыли, что, по-видимому, и побудило М. вернуться к этому вопросу.

В своей работе М. дает подробное описание мраморного саркофага, три стенки которого изображают сцены юности Ахилла (Achilles und seine Denkmäler... S. 1–6), а в примечаниях подробно излагает запутанную историю происхождения надгробия (Ibid. S. 44 ff.). В отличие от своего предшественника, М. полагает, что саркофаг был предназначен не для гомеровского героя, а для умершего во цвете лет молодого человека (Ibid. S. 11).

Сочинение не прошло незамеченным и получило благожелательную рецензию в «ОЗ», где говорилось, что автор «издал весьма любопытное описание достопримечательнейших памятников Ахиллеса, описание, столько же отличающееся глубоким знанием греческой древности, сколько и живостью рассказа. <...> Брошюра г-на фон М. занимательна не только для ученого, но и для всякого образованного читателя, который найдет в ней живое изображение подвигов одного из главнейших героев “Илиады”» (Книги, изданные в России на иностранных языках. 3: Achilles und seine Denkmäler... // *ОЗ.* 1839. Т. 2, ч. 7. С. 195–196).

Любопытно, что эта статья, изданная на средства Уварова, послужила «дополнительным поводом для многолетней ссоры двух видных деятелей российского Просвещения» (*Кузнецов.* С. 151), притом не только их личной, но и тех археол. общ-в, которыми каждый из них руководил. Обиженной гр. Уваровым стороной в данном случае был гр. С. Г. Строганов. Впоследствии наследники проявляли мало интереса к надгробию: как писал в начале XX в. В. Я. Курбатов, «граф Строганов назвал саркофаг могилой Гомера, молва окрестила ее могилой собачки, дворники приспособили его для складывания дров» (Саркофаг Строганова сада // *Старые годы.* 1912. Дек. С. 43). С 1930 «гробница Гомера» хранится в зале Юпитера Эрмитажа и атрибутируется как римск. работа третьей четверти II в. (*Кузнецов.* С. 151–152).

В 1838, благодаря доброжелательному отношению директора ИПБ А. Н. О л е н и н а, проникшегося увлечением молодого филолога палеографией (*Вольфцун*. С. 37), М. был зачислен библиотекарем в Депо манускриптов в помощь к хранителю рукописей А. Х. В о с т о к о в у. М. было вверено «отделение богословия, состоявшее с лишком из 100 000 сочинений» (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 53 об.). Параллельно с выполнением непосредственных обязанностей М. с жаром принялся за составление первого каталога греч. рукописей ИПБ. Фонды были распределены им — исходя не из порядка поступления, а из содержания — на *codices ecclesiastici / profani* с разделением на более мелкие группы: I 1) *scripturae sacrae*; 2) *juris ecclesiastici*; 3) *patres ecclesiastici*; 4) *hymnologia*; II 5) *poetae, philosophi, oratores, medici*; 6) *grammatici*. Первый вариант каталога вышел уже в 1840 *in folio*, был написан поллатыни и предварялся цветной литографией с таблицей почерков. Впоследствии В. Н. Б е н е ш е в и ч указывал на значительное количество опечаток и ошибок в чтении рукописей, но объяснял это тем, что М. был в тот момент «молодым человеком, преувеличивавшим свои силы и слишком строго судившим чужие ошибки» (*Бенешевич*. Гл. 1. С. 3); отмечал Бенешевич и обилие удачных палеограф. наблюдений и желание как можно полнее охарактеризовать рукопись (Там же). «Его труд должен быть признан стоящим на уровне лучших европ. образцов, и ГПБ имеет право гордиться таким опытом каталогизации своего греческого фонда» (Там же. С. 4). В последующие годы — в 1846 и 1864 — вышли второе и третье дополненные и расширенные издания каталога на франц. языке (последнее появилось со вступ. статьей М., но без имени автора-составителя). Особенно ценно, что в последнем выпуске были учтены новые поступления, поскольку с момента начала работы над каталогизацией число греч.

рукописей увеличилось в четыре раза (в особенности благодаря приобретениям К. фон Тишендорфа).

После выхода первого издания каталога в 1840 М. переходит на службу помощником библиотекаря Эрмитажа «с оставлением должности» в ИПБ (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 60 об.), хотя уже в 1844 он вновь утверждён библиотекарем на прежнем месте (Там же. Л. 62). Работа в Эрмитаже, где он также занимал должность помощника хранителя древностей (Там же. Л. 49) и хранителя западноевроп. монет и медалей Нового времени в Минцкабинете (1858–1864), продолжалась до конца пребывания М. в России: он был чл.-основателем (1846) и секр. Классич. отделения (1851–1853) С.-Петербур. археолого-нумизмат. общ-ва.

Интересуясь антич. памятниками юга России, М. внес вклад в изучение надписей Сев. Причерноморья и занимался систематизацией нумизмат. находок, которую начал Г. К. К ё л е р (Эрмитаж: история и современность / под ред. В. А. Сулова. М., 1990. С. 177). Так, в частности, М. изучал историю и местоположение древней Феодосии (*Тункина И. В.* Открытие Феодосии: страницы археол. изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011. С. 49). В статье **«Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже»** (1858) М. приводит обзор мнений об этногенезе скифов и каталог находок из алтайской коллекции П. К. Фролова. Тот же каталогизаторский дух виден и в более ранней работе, посвященной антич. собранию Павловска (**«Antiquités de Pavloffsk»**, 1847), где собраны греч. и лат. надписи на антич. надгробиях, статуях, вазах и т. д.

Принадлежит М. и одна из первых попыток науч. использования рукописей греч. фонда ИПБ (*Бенешевич*. Гл. 2. С. 3) — критич. издание Нового Завета с целью восстановления древнейшего текста,

осуществленное в 1848 (editio minor было подготовлено в 1846). Ценность этого издания заключалась в коллациях чтений Ватиканского кодекса IV в., для чего М. в 1844 предпринял спец. поездку в Рим (Вольфун. С. 43), и 13 рукописей, находящихся в ИПБ (в т. ч. из собрания М. П. Погодина), а также манускрипта из Соборной Керченской церкви (Там же. С. 45). Этот труд был отмечен наградами нескольких европ. и российских сообществ, в т. ч. званием д-ра богословия от Цюрихской академии (1849; см.: СРНБ. Т. 1. С. 367).

Путешествие в Рим вдохновило М. на издание небольшой брошюры «**Memorabilia et mirabilia Romae**» (Petropoli, 1846), где он по-немецки описывает основные антич. и христ. достопримечательности столицы, не забывая упомянуть о местонахождении одной из ценнейших рукописей Библии. К тексту прилагался план древнеримск. форума. Это сочинение М., как и все основные его труды, было преподнесено членам царствующего дома (в данном случае — имп. Марии Федоровне; см.: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 27–27 об.).

В конце 1840-х М. принял участие в объявленном АН конкурсе на составление сочинения по визант. хронографии. Необходимость подробного издания назрела давно и высказывалась еще в 60-е годы XVIII в., однако проводившиеся ранее конкурсы (в т. ч. по инициативе акад. Ф. И. Круга) успеха не имели. В итоге АН предложила на соискание премии двойную задачу, «которая была направлена как в пользу визант.-слав. историографии, так и в пользу визант. хронографии» (Куник. С. 472); при этом имелось целью как «доставить будущим обработывателям церк.-слав. историографии руководство» (Там же) для легкого нахождения визант. источников церк.-слав. хронографов, так и для того, чтобы положить основание полного собрания материалов по собственно визант. хронологии. Сформулированные задачи,

трудности которых АН не скрывала, заключались в представлении истории от 395 до 1056 года так, чтобы содержание каждого года, упоминаемого визант. летописью, было изложено по письменным источникам (Там же. С. 472). Представленное М. сочинение, хотя и не получило первой награды (премия, предложенная во имя Круга, не была присуждена никому), было удостоено Демидовской премии второй степени (Там же). От претендентов ожидалось привлечение собственно визант. источников, однако М. значительно расширил материал за счет исследования церк. писателей, юрид. источников, лат. и вост. писателей, а также некоторых слав. источников.

Оценивая достоинства и недостатки начинания М., акад. А. А. Куник видел в этом сочинении «лишь первый шаг к лучшей и правильной обработке визант. хронографии» (Куник. С. 476), а В. М. Ундольский в письме к П. С. Билярскому от 6 окт. 1855 писал: «Поблагодарите г. Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г. Муральта. То и другое доставило мне истинное утешение. Последний труд, слишком, быть может, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина» (Истрин В. М. Письма к акад. Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в Имп. Новорос. ун-те. Одесса, 1906. С. 26).

Впрочем, замечание о европ. науке является до некоторой степени преувеличением, поскольку работа М. была переиздана в Париже (**Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement à l'examen des chronographes slaves de 395 à 1057** / éd. par E. Mouralt. Paris, 1968).

Труд М. был удостоен монаршей милостью бриллиантового перстня [второго из трех для М.; в личном деле сохранилась запись от 31 дек. 1855: «Бриллиантный (sic!) перстень получил. Муральт» (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 14)]. Вообще М. предпочитает писать офиц. бумаги или

по-франц., или доверяет их русскоязычным коллегам, заверяя текст неизменным: «К сему прошению ст. библиотекарь (им он стал в 1851. — О. Б.) фон М. руку приложил» (Там же. Л. 2 и др.).

Другим важным эпизодом в занятиях М. византистикой была публикация «Хронографа Георгия Амартола» (1859); основанный на 27 рукописях греч. текст предварялся пространством вступлением об авторе и списках сочинения с X по XVII в. (*Вольфцун.* С. 47). Это издание, пусть и не вполне совершенное, только почти 50 лет спустя будет превзойдено публикацией К. де Бора (*Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904.*)

Причастен М. оказался и к работе над знаменитым Синайским кодексом, многотрудно приобретенным для ИПБ К. фон Тишендорфом в том же 1859. Факсимильное четырехтомное издание текста появилось в 1862, однако уже за два года до этого фон Тишендорф, желая разъяснить значимость открытия, выпустил брошюру с описанием манускрипта и примерами его чтений. К изданию прилагались 10 стр. Нового Завета, воспроизведенных фотографич. способом (*Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici Auspiciis Imperatoris Alexandri II susceptae. Accedit catalogus codicum nuper ex oriente Petropoli perlatorum <...>. Lipsiae, 1860.* Откликаясь на публикацию, М. печатает статью (во франц. и рус. вариантах), в которой приветствует работу Тишендорфа и делает некоторые (немногочисленные) поправки к его исправлениям: «Вот и все отличия, усмотренные нами в течение нескольких часов в самые темные дни нынешней скучной зимы в рукописи, в которой чернила местами весьма поблекли» (Синайская библия [в ИПБ] // СПБВед. 1860. 31 янв.).

Плодотворная работа М. на благо ИПБ и Эрмитажа продолжалась до 1864, когда он подал прошение об отставке «по расстроенному здоровью» на имя

тогдашнего директора б-ки И. Д. Делянова (Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27. Л. 51). Прошение было удовлетворено с указанием о выплате годового жалования в размере 771 р. 88 к. (Там же. Л. 53) и офиц. благодарностью, в которой значилось: «В течение 26 лет, посвященных г. Муральтом отеч. книгохранилищу, он постоянно отличался знанием долга и ревностным усердием к приведению в порядок вверенного его заведыванию отделения богословия, <...> которому составлен систематический и алфавитный каталоги» (Там же. Л. 53–53 об.).

По случаю отъезда М. из России коллега по ИПБ Ф. А. Вальтер сочинил прощальную лат. застольную песню, в которой, в частности, обыгрывается фамилия Muralt — «высокоостенный»: «*Bibliothecae qui fuit / semper altus murus / muneris necessitate / functus cum sedulitate / nos est relicturus*», и звучат слова благодарности: «*“Vale”, haec, amice, vox / tibi sit dicata! / Cum te habet patria / nostra sit memoria / tibi semper grata!*» (*Walter Chr. F. Cantilena potatoria in cena viatica in honorem viri clarissimi et doctissimi Eduardi a Muralt <...> ab Imperialis Bibliothecae Publicae Petropolitanae collegis instituta d. 18 (30) m. Oct. 1864.*) Впрочем, даже после отъезда из Санкт-Петербурга в Швейцарию, где М. был проф. теологии в Лозанне, он не порывал отношений с ИПБ, продолжая способствовать важным для б-ки приобретениям (*Вольфцун.* С. 49).

Сочинения: М. Minucii Felicis Octavius ad fidem codd. Regii et Bruxellensis rec. ac varietatem lectionis add. E. de Muralto. Turici, 1836; Catalogus codicum Bibliothecae Imp. Publicae Graecorum et Latinorum. Fasc. I: Codices Graeci I Ecclesiastici II Profani. Petropoli, 1840; Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique avec 9 planches lithographies. St. Pétersbourg, 1846; Antiquités de Pavloffsk // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique. St. Pétersbourg, 1847. P. 354–369; Novum Testamentum Graece, ad fidem codicis principis Vaticani ed. E. de Muralto. Hamburgi, 1848; Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки С.-Петербур. археол.-нумизмат. общ-ва. 1850. Вып. 2. С. 121–146; Памятники

древности в Санкт-Петербурге и Павловске. Ч. 1: Саркофаг в Строгановом саду // Записки С.-Петербур. археол.-музист. общ.-ва. 1850. Вып. 2. С. 277–288.

Литература: Куник А. А. Об обработке византийской хронографии (по поводу сочинения Э. Муральта) // Ученые зап. Имп. Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. 3. СПб., 1855. С. 464–478; [Некролог] // ВВ. 1895. Т. 2. Отд. 3. С. 725–728 (подписано: В. Р.); Курбатов В. Я. Саркофаг Строганова сада // Старые годы. 1912. Дек. С. 4143; Вольфцун Л. Б. Э. Г. Муральт и Имп. Публичная б-ка // РНРВ. С. 36–51; Неверов О. Я. Гробница Гомера // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1 / под ред. П. Е. Бухаркина. СПб., 2001. С. 283–285; Кузнецов С. О. Роскошная ошибка: история приобретения графом А. С. Строгановым римского саркофага // «Золотой осьмнадцатый...»: сб. статей / под ред. Т. В. Ильиной, М. А. Костыря, Е. В. Ходаковского. СПб., 2006. С. 144–154; Тункина И. В. Русские военные моряки и античные древности во второй половине XVIII — начале XIX в. (два этюда) // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского / под ред. А. Д. Столяра, И. Л. Тихонова. С. Р. Тохтасьева и др. СПб., 2007. С. 175–181 ♦ Георги; Брокгауз; СРНБ; Бузескул 2008; Тункина 2017.

Архивы: ОР РНБ. Греч. 893: Бенешевич В. Н. Предисловие к каталогу греч. рук. Гос. публ. библ. Машинопись. 1934–1937; Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1853. Д. 27 (ф. с.).

Иконография: Архив РНБ. Ф. 13. П/М–910.

О. В. Бударагина

МУССЕЛИУС

**Владимир Васильевич
(Вольдемар-Александр
Вильгельмович)**

MUSSELIUS Woldemar Alexander

[2(14).6.1846, Выборг — 1920?],
филолог, педагог

Из прибалтийских немцев, сын воен. инженера. Учился в Ревельской гимназии (1858–1865), Дерпт. ун-те (1866–1867) и ПИФИ (1867–1871). После выпуска

преподавал древние языки в Петерб. 5-й гимназии (1871–1874), ПИФИ (наставник-руководитель по лат. языку, в 1880–1888 также библиотекарь) и в гимназии при нем (преподаватель лат. языка с 1874). В 1878–1882 вел практику лат. языка на мл. курсах ИФФ Петерб. ун-та. В 1888 на время выходил в отставку (причисленным к МНП): руководил воспитанием детей стат.-секр. А. А. Половцова. В 1889 был принят учителем лат. языка в гимназию Г. Я. Гуревича, с 1896 по 1912 секр. совета Центр. уч-ща техн. рисования барона Штиглица.

Авторитетный латинист-практик своего времени, М., судя по комментарию к пятой речи Цицерона против Верреса 1880-х (**Латинский язык**. СПб., б. г. Литогр.), читал авторов с традиционным для выпускников ПИФИ культурно-ист. и грамматич. пояснениями. Известность в науч. кругах получил как составитель объемного (около 15 000 слов) **«Русско-латинского словаря»** (СПб., 1891; ²1900); усовершенствованное составителем в композиционном и фразеологич. отношении издание было удостоено Большой Петровской премии. М. задумывал свой труд «как гимназический словарь для переводов», т. к. к началу 1890-х рус.-лат. словарей почти не оставалось в продаже, а те, что еще встречались, были устаревшими и краткими. Опираясь он на нем.-лат. словарь Гейнихена (*Heinichen F. A. Deutsch-lateinisches Wörterbuch. Leipzig., ⁴1883*), пользуясь по ходу работы советами своего наставника Л. А. Миллера [иногда (Солопов. С. 205) говорят прямо о переводе словаря Гейнихена]. Заимствуя принципы представления значений в словарной статье и значительную часть фразеологии, М. переработал лексич. массив Гейнихена применительно к программам рус. учеб. заведений и дополнил его материалами из др. современных лексикографич. и грамматич. изданий (словарей Георгеса и Ингерслева; грамматик Менге,

Госрау, Мадвига, К е с л е р а; пособий Дёдерлейна, Ильенкова), в т. ч. списком новых геогр. названий (см. предисл. к 2-му изд., с. IV). В соответствии с нуждами учеб. перевода М. ввел некоторые пометы для лексики, встречающейся за пределами сочинений «образцовых писателей», — хронологические (астериск для слов, отсутствующих в текстах древних писателей, напр.: бриллиант — *gemma pretiosissima*, **adamas*), стилистические и грамматические (Волга — *Rha* несклон.); выделены и редкие или авторские употребления. По соображениям экономии печати однокоренные слова М. объединял графически в лексич. гнезда: «громада-громадность-громадный».

Словарь утратил начальную значимость в XX в., когда переводы с рус. языка на лат. почти исчезли из гимназич. обихода, но всегда имел хорошую критику (РМ. 1895. № 7. С. 346). Некоторые сомнения у рецензентов (в т. ч. С. И. Соболевского — ФО. 1892. Т. 2. С. 73–82) вызвали неявные в ряде случаев принципы отбора слов («почему

персик помещен, а *абрикос* не удостоен этой чести?») и «не всегда тонкое знание русского языка» (пер. рус. «лапа» посредством лат. *ungula*), которые, однако, «стусшевывались перед достоинствами» словаря, богатством собранной лексики и фразеологии, тщательностью и продуманностью исполнения столь сложного издания.

В конце 1890-х М. принимал участие в работе над курируемым Половцовым изданием «Русского биографического словаря» (РБС): вел переписку с авторами статей, правил рукописи, прежде всего для тома «Фабер — Цявловский» (СПб., 1901), вышедшего под его редакцией.

Литература: *Георгиевский А. И.* К истории Учен. комитета МНП. СПб., 1902; Памят. книжки Петерб. ИФИ 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912 ♦ Брокгауз; БС СПб. ун-та; Венгеров (Список); Латышев; Album Dorpat.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 740 (в т. ч. перс. дело и ф. с. 1912 — Оп. 26. Ед. хр. 183); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 37).

В. П. Смышляева

Н

НАУК

Август Карлович

NAUCK Johann August

[18.9.1822, Ауэрштедт (Auerstedt) близ Йены, Прусская Саксония — 3(15).8.1892, Териоки, ныне Зеленогорск; Смоленское лютеранск. кладб. в Петербурге], *немецко-российский филолог, издатель греч. текстов и фрагментов, профессор ИФИ*

Родился в семье пастора; младший из четырех сыновей, он по смерти отца воспитывался у дяди, тоже пастора. В 1836–1841 Н. учился в Шулльпорте под Наумбургом (б. монастырь S. Mariae ad Portam, с 1543 превращенный в класич. Fürstenschule). В старших классах, приучавших не только к языкам и авторам, но и к филол. труду, влияние на Н. оказал изучавший греч. язык по надписям эпиграфист К. Кейль (Keil), «незабвенный учитель и друг» (MGR. Т. 3. Р. 84). В 1841–1846 Н. учится в ун-те Халле (Галле), вскоре перейдя с семейно обусловленной теологии на филологию — истинное предназначение образованного выпускника Пфорты. Учителями Н. здесь стали Г. Бернгарди (G. Bernhardt, 1800–1875), историк греч. языка и литературы с широкими интересами, среди

прочего издавший словарь «Суда» (Σοῦδα), и Эд. Майер (M. H. E. Meier), державшийся «реалий» А. Бёка (культы, гос. древности, право). В целом в Халле преобладала традиция Ф. Вольфа и А. Бёка наперекор соседнему Лейпцигу, где торжествовала «формальная» филология Г. Германа. В личном отношении Н. ближе был (и надолго остался) Майер, а по области занятий — Бернгарди. В семинаре последнего родилась первая статья Н., для которой образцом послужило исследование К. Лерса об Аристархе. Помимо этого, Н. оставался вовлечен в труды Кейля, побудившего юношу еще в школе работать над Указателем к СІG Бёка «Disciplinae grammaticae et lexicī Graeci auctarium e Bockhiano Inscriptionum corpore compositum». Эта работа Н. на соискание ун-тской премии с обзором греч. фонетики и морфологии по надписям не была (необычным для Н. образом) доведена до конца, хотя автор возвращался к ней и позже. В своей первой книге «**Aristophanis Byzantii fragmenta**» (Halis Sax., 1848) молодой ученый собирал отрывки из наследия александрийского филолога, независимо от того, объявлены они таковыми или нет. Эта работа была воспринята филол. сообществом как науч. успех, впоследствии не раз подтвержденный находками в текстах.

С 1846 г. Н. стал систематически печататься в обретавшем тогда славу ж. «Philologus».

Энергия мысли, твердое знание и то, что немцы называли *eiserner Fleiß*, были при-сущи Н. уже смолоду; критика из его уст бывала резкой, и только с годами он стал умерять прямоту своих оценок, реже высказываясь о поздних греч. текстах в духе «*Byzantini hominis deliramenta*» или бичуя не только лица, но и целые журналы, как с ним случалось по молодости лет.

Поскольку сугубо филол. работа не обеспечивала молодого ученого достаточным образом, он брал заказы на рец. и даже на корректуру; приходилось и учительствовать. Эти обстоятельства и, возможно, старинная ориентация Халле на миссионерскую роль в России привели Н. в местечко Динамюнде (Даугавгрива; рус. Усть-Двинск) под Ригой. В доме пастора Альбануса Н. давал уроки сыновьям и дочери хозяина Матильде, которая станет его женой после того, как он добудет себе средства к жизни. А пока Н. предложено было преподавание в знаменитой Йоахимстальской гимназии в Берлине (1853–1858), где директором был А. Мейнеке (1790–1870), выпускник той же Пфортты: *Portenses*, они же *Pförtner*, славились не только непринужденной — будь то письменной или устной — латынью и привычкой к филологическому труду, но и тем, что держались друг друга в жизни. Если задачу собрать фрагменты Аристофана Византийского перед Н. когда-то поставил Бернгарди, то собрание фрагментов Еврипида, а затем и всех аттич. трагиков, ставшее делом жизни Н., задумано было как *pendant* к многоотомному собранию фрагментов аттич. комедии с коммент. Мейнеке, которому Н. сперва ассистировал, а затем посвятил свое (первое) собрание фрагментов аттич. трагедии (1856). Сблизился Н. и с М. Гауптом — другом О. Яна и Т. Моммзена, классиком и германистом, продолжавшим в филологии текстологич. линию К. Лахмана. Тогда же состоялся у Н. обмен письмами с самим Г. Германом.

6 июня 1858 Имп. АН в Санкт-Петербурге по предложению акад. Л. Э. С т е ф а н и

(см.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 29. Л. 10 об.–11) избирает Н. своим чл.-корр., и он, после высочайшего утверждения, весной 1859 навсегда переезжает в Россию, а в 1861 становится орд. акад. по классич. филологии и археологии. С этих пор Н. случалось не раз отклонять предложения занять кафедру (Гёттинген, Бонн, Вена). Это тем примечательнее, что звание полного академика, полученное Н. в 1861, не давало средств, достаточных для подобающего существования в Петербурге с семьей. Н. пришлось прирабатывать в гимназиях, чем нередко перебивались приват-доценты ун-та. Он преподавал или присутствовал на экзаменах в гимназиях Г. А. Видемана и К. И. Мая. В ходе масштабных толстовских реформ Н. обучал также слав. стипендиатов, которых привлекали для преподавания в обновляемых рус. гимназиях. С мая 1869 Н. был приглашен в ИФИ орд. проф. греч. словесности (1869–1883). Только в последние десять лет жизни у него оставались обязанности, связанные исключительно с АН, что тоже не было си-некурой: кроме постоянной роли эксперта,

Н. должен был держать корректуру всех греч. текстов, издававшихся Академией, что печальным образом сказалось на его слабейшем зрении.

Как ученый и педагог, Н. в конце 60-х работал в комиссии по усилению классич. школы в России, вместе с тем возражая против засилья системы образования, *сверх меры* сосредоточенной на античности. Выпускник элитной гуманистич. школы, он ратовал за распространение наряду с отборными классич. гимназиями и реального, и техн. образования, народных школ и т. п. — т. е. за осмысленную *дифференциацию* в системе образования. В основе этого подхода лежало понимание относительной узости круга учащихся, одаренных к филологии, с одной стороны, а с другой — недостаток выдающихся филологов-учителей, которые необходимы для полноценной преемственности. Признавая великое — как образовательное, так и познавательное — значение филологии, Н. не делал фетиша даже из нее.

Хотя здоровье Н. с годами начинало ограничивать неутомимого работника, поражают обширные замыслы, которыми старый филолог жил до своего конца. Работа над словарем к фрагментам трагиков (*Tragicæ dictionis index*), к которой он привлек и рус., и западных коллег — чаще из своих учеников разных лет, — отлично это показывает, ставя своего рода точку в филол. подвижничестве Н.: застрельщик этой работы лишь самую малость не дождал до ее издания.

Более всего Н. прославили издания важнейших текстов древнегреч. литературы: Гомера, Еврипида, Софокла, наряду с текстами более поздними или второстепенными, которые Н. изучал скорее ради первоклассных. Опыт, который последовал за фрагментами Аристофана Византийского и предвещал главные труды Н., посвященные текстам и фрагментам аттич. трагедии, было издание «**Euripidis tragœdiæ**» (Lipsiæ, 1854), впоследствии переработанное (²1869, ³1871).

Фрагменты Еврипида, отраженные в третьем томе (³1871), представляют собой перепечатку из TGF¹ (1856), а затем входят в TGF² (1889). Внимательно обследуя сочинения древних грамматиков и позднеантич. словари и энциклопедии, как и труды антич. собирателей флорилигиев и эксцерптов, Н. осознал, что целесообразно искать фрагменты сразу для *всех* аттич. трагиков, включая Adespotæ. Это тем более было естественно, что Н. еще в пору своих занятий Аристофаном Византийским завел коллекции фрагментов для эпиков, оракулов, загадок, пословиц, сицилийско-италийской комедии и т. д. При этом Н., отлично чувствуя природу всякого источника и контекста, умел разглядеть пассажи, в которых до некоторой степени угадываются следы старых авторов — то, что Ф. Ф. З е л и н с к и й называл позже «*verhüllte Überlieferung*».

Собрание фрагментов аттич. трагиков — «**Tragicorum Graecorum fragmenta**» (Lipsiæ, 1856) — стало вехой в этих трудах Н., отражая его огромную начитанность в сочетании с превосходной памятью и умением понимать тексты источниковедчески. Н. и при решении самых запутанных задач умел оставаться отчетливым, осмотрительным и образцово кратким. Это собрание в последующие годы пополнялось немалым количеством новых фрагментов; второе его издание посвящено автором родной Пфорте: «*Illustri scholæ Portensi almae matri hunc librum pio gratoque animo sacravit editor*» (Lipsiæ, ²1889). Этот классич. труд получил в науке сиглу TGF N².

Характерно, что спустя одно поколение, выпускник той же школы У. Виламовиц прислал Н. свое издание Еврипидова «Геракла» с посвящением великой школе и с особым рассуждением о достижениях Н. в изучении аттич. трагедии на страницах вводного тома (*Wilamowitz-Möllendorff U. v. Euripides. Herakles. Berlin, ⁴1959. S. 251–253*). Собрание TGF, служившее всем исследователям аттич. трагедии около столетия, было сперва переиздано с дополнениями (ed. Nauck–Snell. Braunschweig, 1964), а затем послужило толчком для создания

современного собрания фрагментов аттич. трагедии, что заняло у выдающегося коллектива издателей более трех десятилетий [Tragicorum Graecorum fragmenta (сокращаемые как TrGF). Gottingae, 1971–2004. Vol. 1–5)].

К Еврипиду тесно примыкали занятия Софоклом, в предпочтительной оценке которого Н. разделял *opinio communis*. Издание Н. «*Sophoclis tragœdiae*» (Berolini, 1867) не было встречено особенно хорошо; едва ли не удачливее этого издания оказалось участие Н. в коммент. издании отд. пьес Софокла вслед за Ф. В. Шнейдевином, когда Н., следуя традиции нем. издателей, дополнял и усовершенствовал своего предшественника; и хотя со временем выяснилось, что читатели не склонны брать на себя труд сличения изданий ради того, чтобы выяснять авторство каждого замечания, обновленное Н. коммент. издание Софокла оказалось востребовано.

Издание «этимологика», основанного на Венской рукописи, появилось под названием «*Lexicon Vindobonense. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens*» (Petropoli, 1867). Несколько позже выяснилось, что лексикон этот создан Андреем Лопадитом, визант. филологом из круга Иммануила Мосхопула (конец XIII — нач. XIV в.); издание Н. до сих пор остается основополагающим для этого текста (репринт: G. Olms, 1965). По просьбе акад. А. А. Куника к изданию были приложены две гомилии патриарха Фотия, в которых впервые упоминаются «(варяго-)россы» (οἱ Ῥώσς) и их нашествие на Константинополь ок. 860.

Что касается изданий Гомера (*Homeri Odyssea cum potiore lectionis varietate*. Vol. 1–2. Berolini, 1874; *Homeri Ilias cum potiore lectionis varietate*. Vol. 1–2. Berolini, 1877–1879), то это был очень важный для Н., но не слишком хорошо принятый коллегами в Германии этап его текстологич. творчества. Заявка на

этот труд по существу была сделана уже в рамках его первой книги об Аристофане Византийском, не считая того, что о десятой книге «Илиады» он писал еще в 1843 как участник семинара Г. Бернгарди. С основанием «MGR» в Петербурге (Т. 1–6, 1855–1894 — выборки из «Bull. AS») в этих сборниках то и дело появлялись критич. материалы Н. к гомеровскому тексту. Сразу после появления «Одиссеи» на Н. обрушилась критика. Какую-то часть этого неприятия можно объяснить тем, что смысл текстологич. решений Н. становится понятен вполне только из его «*Kritische Bemerkungen*», доступных и в прямых публикациях АН, и в «MGR», но их-то нем. филологи читали мало, не имея привычки отыскивать петерб. издания в отличие от нем. программ «aus Kyritz und Pyritz», как подсмеивался над бывшими соотечественниками сам Н. Опираясь при реконструкции древнейшего текста гомеровских поэм на приемы индоевропеистики Н. не был склонен, оставаясь при освященном александрийцами принципе *аналогии* и при законах, выводимых, как говорил Н., «из 27 800 стихов обеих гомеровских поэм» (при этом, правда, в стороне остается вопрос о степени внутреннего единства в гомеровском корпусе).

Со временем Н. и сам, кажется, начинал сомневаться в главенстве аналогии как ведущего текстологич. принципа. Якорем спасения в этом положении все больше становилась *sana ratio* Р. Бентли и других боготворимых Н. старых англ. критиков (R. Porson и P. Elmsley в особ.), но ведь и здравомыслие порой недомогает. Хотя «Илиада» была принята немного лучше, Н. оставался недоволен приемом, замечая к тому же, что голландские мастера конъектуры за это время пошли дальше него. У Н. все чаще являлось некоторое разочарование в том, как развивается современная ему филология с очевидным перепроизводством в области ценимой им, но часто не удовлетворительной для него самого эмендации.

Занимаясь «Жизнеописанием Пифагора» у Порфирия, для чего у него были обширные заготовки уже с 40-х годов, Н. в 1860 издает три сочинения Порфирия; преследуя цель издать Порфириеву «Жизнь Пифагора» как можно основательнее, Н. считает необходимым тщательно изучить, а значит — критически издать «Жизнь Пифагора» неоплатоника Ямвлиха, который опирался на Порфирия, а потому мог быть полезен для установления текста последнего: «**Iamblichi de vita Pythagorica liber ad fidem cod. Florentini**» (Petropoli; Lipsiae, 1884; для колячки флорентийской рукописи Н. — редкий для него случай — выезжал в библиотеки Флоренции и Вены). После этого у Тойбнера появляются подготовленные Н. во второй раз избранные сочинения Порфирия, снова включающие «Жизнь Пифагора»: «**Porphyrii philosophi Platonici opuscula selecta**» (Lipsiae, 21886).

Обследовал Н. и «Каноны», за которыми не знакомые с этим текстом антиковеды видели название некой трагедии *Κανῶνες*, чьим автором интригующим образом называли Иона (Sandys. Vol. 3. P. 150). Собирателя трагич. фрагментов это не могло не заинтересовать. Ознакомившись с текстом, Н. понял, что автор «Канонов» — известный отец церкви и борец за иконопочитание Иоанн Дамаскин (TGF. P. XIII), причем Н. поразило, что этот текст в старослав. переводе продолжает жить в рус. церкви; возможно, слышал он и о том, как преподобный вдохновляет новейшее рус. искусство: как раз в эти годы поэму А. К. Толстого об Иоанне Дамаскине в основу своей кантаты положил С. И. Танеев (1884). Н. подготовил критич. издание трех Иоанновых канонов (130 + 130 + 135 ямбов с акростихидами, воспроизводящими в свойственной акростиху форме три четверостишия, составленные из элегич. дистихов). Структура, привлекавшая Н. своим виртуозно размеренным строем, была снабжена им великолепным критич. аппаратом; из архива Н. это издание опубл. акад. П. В. Никитин, дополнив его ценными указателями

[A. Nauck (ed.). *Johannis Damasceni canones iambici*. Petropoli, 1894 // Bull. AS. 1894. Sér. 3. T. 4 (36). P. 105–121].

Тем с большим удовлетворением следует отметить, что издание трагических фрагментов (TGF²) — *opus magnum* — дополнено было особым словарем к ним, выполненным учениками и коллегами Н. под его наблюдением, хотя до печати работу довел и в этом случае верный в дружбе Никитин: «**Tragicæ dictionis index spectans ad tragicorum Graecorum fragmenta ab Augusto Nauck edita**» (Petropoli, 1892; с прил.: *Supplementum ad TGF*).

Н. был признанным мастером классич. филологии. Полная неуклонного труда его жизнь была увенчана множеством почетных званий: с 1861 петерб. акад., он был чл.-корр. АН в Берлине; с 1870 — чл. Афинского археологического, с 1881 — корр. Гёттингенского ученого общ-ва; с 1884 — почетный чл. ун-та св. Владимира, с 1885 — иностр. чл. Нидерландской АН; с 1887 почетный чл. КФО, с 1889 иностр. чл. АН в Мюнхене, с 1891 — чл.-корр. франц. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, куда Н. вошел после Г. Курциуса; etc. Тем поучительнее рассмотреть, как он относился к филол. труду в его разновидностях, как понимал задачи и возможности своей науки и чем был полезен в стране, с которой его соединила судьба.

Первую статью о Н. опубликовал его ближайший ученик, а в эту пору уже академик, П. В. Никитин (Август Карлович Наук // ЖМНП. 1893. Янв. С. 22–52; перепеч. в кн.: Басаргина 2004. С. 306–334). Никитин дает портрет Н. в рус. период его жизни, исходя из опыта тесного общения с учителем в течение десятилетий, притом в рус. журнале и для рус. публики. Другой портрет Н. дан Ф. Ф. Зелинским в обширном нем. очерке (*Zielinski*) в конце этой работы (S. 59–65) приложена начатая Никитиным и продолженная Зелинским библиография трудов Н. Статья Зелинского, опиравшаяся и на переписку Н., и на

помощь от семьи и близких друзей, дает полный и аналитически продуманный обзор творчества Н., соответствия своему герою по детальному знанию состояния филологии в Зап. Европе. Опираясь на труд выдающегося младшего современника Н., читатель имеет возможность увидеть существенное в трудно обозримых после циклопических завалов XX в. перипетиях филологии XIX в. Слава Н. в Германии была значительна, и были ученые, которые относились к Н. ревниво; были и в России такие, кто в чем-нибудь не одобрял приездного академика — вот почему целью Зелинского стала не тихая память и не пышный панегирик, а строгий, в духе самого Н., анализ творчества выдающегося немецко-российского ученого.

Главным достижением Н. надо признать критич. издание текстов в эпоху великих мастеров именно этого дела — основополагающего для любой из многочисленных ист.-филол. задач; сколь широкими ни виделись бы их границы, это фундамент филологии и основа дальнейшей работы. Н. был *Textkritiker* по преимуществу, сосредоточивший свои усилия на Гомере, трагиках, Порфирии с Ямвлихом и еще на нескольких текстах (напр., басни Бабрия); «Золотые слова» Пс.-Пифагора изданы Н. в приложении к его изд. Ямвлиха (1884, S. 201–227). Не ставя перед собой задачи издать текст в целом, Н. писал критико-экзегетич. заметки к Аристофану и Марку Аврелию, потом находившие отражение в текстах других издателей.

Для формирования *текстологич. принципов* Н. безразлично, что первый свой труд он, вслед за знаменитым трудом К. Лерса об Аристархе, посвятил изучению представленного в осколках творчества одного из основателей филол. науки — Аристофана Византийского. Дискуссия об александрийцах, во многом определившая будущее европ. филологии вообще и судьбы греч. литературного наследия, формировала науч. подход к истории греч. языка и литературы.

С фрагментами великого александрийца, как их собрал и осветил Н., спустя полтора столетия в пространной главе об Аристофане Византийском лишь изредка не согласен Р. Пфайффер (*Pfeiffer R. Geschichte der klassischen Philologie. Von den Anfängen bis zum Ende des Hellenismus. München, 1978. S. 212–257, особ. S. 246, Anm. 188; S. 248, Anm. 203; S. 257, Anm. 247*).

Успехи новейшей нем. текстологич. школы сложились ко времени Н. благодаря трудам Х. Г. Гейне (Heune), Г. Германа, К. Лахмана, И. Беккера (Bekker) и др. Из этапов работы текстолога — *collatio, recensio, emendatio, divinatio* — Н. охотнее занимался последними двумя, хотя при случае работал и непосредственно с рукописями.

«Lexicon Vindobonense» Н. издал по Венской рукописи, предоставленной издателю по просьбе Петерб. АН. Однако доступ к европ. собраниям ради новых колящих был для него затруднителен, а сугубая необходимость погружаться в рукописи в классич. филологии сказывалась уже меньше, чем в более молодых дисциплинах — византинистике или среди шумных отпрысков нефилологии. Еще важнее, что установление и исправление текста при его артистически точном знании древних языков и нраве словесника экстра-класса было для него увлекательнее; характерно, что как текстолог Н., в пику нем. коллегам, ориентировался на Бенгли, Порсона и Эльмсли с их упором на точную память и счастливую дивинацию.

В изданиях аттич. трагиков, Марка Аврелия и др. соображения и поправки Н. обычно учитываются и время от времени принимаются в текст наряду с предложениями других выдающихся критиков Нового и Новейшего времени.

Примером конъектуральной удачи Н., который признан, напр., Виламовицем и Радтом (TrGF. 1977. Vol. 4. 201 g), является предложенное Н. для «Эрифилы» Софокла (Soph. frgm. 198 TGF²) исправление с переменной местоим. ἐκεῖνης на глагол κινεῖς, что находит поддержку в Eur. Bacch.

690 и Orest. 166. Сам Н. законно дорожил такими случаями, когда прежде недоступные ему письменные свидетельства дают пусть не безусловное, но весомое подтверждение выдвинутых им догадок (MGR. T. 3. P. 35; T. 4. P. 217, 233, 453, vid.: Sandys. Vol. 3. P. 150, n. 6).

Переходя к анализу сильных и слабых сторон филол. дарования Н., следует начать с того, что он, подобно другим выдающимся нем. филологам того времени, часто происходившим не просто из солидных гимназий, но из элитных школ (по качеству обучения и уровню обучаемости учеников), с юности поднимаясь на близкий к совершенству уровень освоения древних языков; уже в Пфортте он приобрел и навык науч. работы с древними текстами. В школе, где внимательно наблюдали за успехами выпускников, Н. признавали знатоком греч. языка, доходившим до ожесточения: на языке школы это называлось «schlimmer Mann». Это видно из возникшей у Н. под конец жизни переписки с младшим на поколение выпускником У. Виламовицем-Мёллендорфом (*Calder III W. M. Nauck to Wilamowitz // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1977. Vol. 18. P. 375–385*). Рабочая дисциплина у Н. всю жизнь была образцовой; обстоятельства не допускали беспечности, зато позволяли неизменно оставаться при филол. труде. Как издатель и комментатор спорных мест в текстах авторов, как настойчивый, но и осмотрительный собиратель фрагментов, Н. не только необыкновенно много трудился, но и завершил, как показывает предыдущий обзор, значительную часть того, что было им начато.

На этом фоне может вызвать недоумение, что, несмотря на выдающиеся свойства Н. как эмендатора греч. текстов, многие его догадки и предложения не убедили ни его современников, ни последующие поколения филологов. XX в. оказался склонен к консервативной (а по существу — эконо-

филологов, направленные прежде всего на разъяснения уже описанной рукописной традиции. И если великое достоинство Н., несмотря на его пристрастие к конъектуре, остается тем не менее неколебимым, то это оттого, что издания Н. или другие проработанные им тексты обдуманы так, что независимо от смелых конъектур они, вместе с их аппаратом, дают основательно взвешенный и надежно представленный текст. После дотошной *gesensio* стало возможно заниматься консервативной экзегезой. Ведь даже те, кто с недоверием относится к отважной конъектуральной критике, признают «диагностическое значение» конъектур; употреблять всю доступную филологу герменевтическую наблюдательность (за и против в форме «параллелей») стоит как раз — и прежде всего — вокруг тех мест, где конъектуры таких мастеров, как Н., поставили в виде догадки лаконичный знак своих текстологич. поисков.

Тому, кто видит сухой критич. аппарат изданий Н., может казаться, что экзегеза не играет большой роли в его текстологич. работе, но это ложное впечатление: применительно к Софоклу Н., поновляя (по поручению филологически, как и технически, культурных нем. издательств) труды Ф. В. Шнейдевина, занимался не только критикой, но и экзегезой; кроме того, обширные материалы, собранные в его «*Kritische Bemerkungen*» (Вып. 1–9, 1860–1884), «*Euripideische Studien*» (Bd. 1–2, 1859–1862 / *Mém. AS*) или обширные статьи в «MGR», перепечатываемые из «*Bull. AS*», показывают, что Н. работал не только над языком (*Wortlaut*), но учитывал и более высокие уровни текста.

Зная цену параллелям, взятым из авторов и в особенности из того самого автора, который является предметом обсуждения (александрийский принцип, приписываемый Аристарху), Н. — в особых статьях — делал замечательные подборки материала, которые призваны оправдать его конъектуры в отношении языкового узуса и авторского идиолекта. Герменевтич. материал,

подобранный Н. в пользу собственных эмендационных предложений, не только ценен, но и обширен, если учесть мастеровитую краткость его языка, — это признал и Виламовиц, когда ему довелось узнать критико-экзегетич. публикации Н. в непривычных на Западе изданиях. Н. предполагал у серьезного эллиниста изучение авторов в целом и внимание к общему лит. процессу; просто он редко писал об авторе — тем более о группе авторов — помимо решения частных вопросов. Тем замечательнее его обозримое, здоровое и удобное для читателя своей документированностью сочинение «De Euripidis vita poesi ingenio» (Euripidis tragœdiae. Vol. 1. Lipsiae, 31903. P. X–XL).

Есть, однако, в этих тщательных исследователски острых герменевтич. подборках один оставшийся незаметным для самого автора недостаток: Н. не признавал необходимости одинаково изобретательно и настойчиво искать параллели и доводы *in utramque partem*, давая текстологическому обвинению предпочтение перед защитой.

Примером может служить поправка Н. δὲνδρῶφιον вм. рукоп. чтения δένδρου φύσις у Марка Аврелия (VII, 23; рукописи АТW). Деминутив обоснован Н. особо (Kritische Bemerkungen IV // MGR T. 2. P. 743–745) и принят рядом изд. Марка Аврелия (Leopold, Trannoy, Theiler, Dalfen). Действительно, почему бы не предполагать δὲνδρῶφιον рядом с *тремя* другими уменьшительными (ιππάριον etc), какие на деле характерны для языка Марка, не говоря о том, что δένδρου φύσις в разбираемом тексте больше нет? Исправление Н. не учитывает, однако, что анализируемый памятник насыщен не только греч. обиходным языком, но и привитым императору с юности техн. языком стоиков, где существенно иерархия «природ»: у Зенона (Stoicorum veterum fragmenta, ed. J. Arnim. I, 46, 10: frgm. 182) природе целого противопоставляется целая серия природ частичных; Anton. X, 6: πᾶσαι φύσεις vs. τοῦ κόσμου φύσις, ср. XII, 30; VI, 14; особ. выразительна VIII, 7:

μέρος γὰρ <...> ἢ τοῦ φύλλου φύσις τῆς τοῦ φυτοῦ φύσεως. Правы, т. о., скорее Штих (Stich) и Фаркерсон (Farquharson), которые конъектуру Н., уводящую от δένδρου φύσις, в текст не принимают. Иначе говоря: отлично выложив нужную для его конъектуры аналогию, которая показывает связанность Марка Аврелия к деминутивам, Н. оставляет в стороне основополагающую для стойков философу и, не отдав должного экзегезе рукоп. чтения, утверждает свою остроумную, но не убедительную по существу эмендацию.

В итоге: Н.-текстолог привычно выбирает дорогу, которая заведомо длиннее консервативной по меньшей мере на одно — притом очень сильное — допущение; конечно, можно сбиться и на короткой дороге, но на длинной это еще легче. Впрочем эти риски работы текстолога в любом случае не обесценивают. Для правильной оценки выводов критика существенно, что любые догадки таких издателей, как Н., всегда помечены в критич. аппарате, так что предложение текстолога сохраняет диагностич. ценность и в том случае, если кто-нибудь с ним не согласится. Более того, только благодаря наличию изданий, обработанных так критически внимательно, как это делали мастера, подобные Н., можно говорить об удовлетворительной основе для дальнейшей работы над текстом автора. Ведь гораздо важнее, чем иногда ложные догадки, то, что Н., при уровне его знаний и ответственности, в любом случае не способен выдать за греч. текст то, «чего не могли говорить греки»: *quae scribi a Graeco homine non potuerunt* (Lexicon Vindobonense. Proœmium. P. XXIX sq.). Именно это, как представляется, имел в виду Эдуард Френкель, когда, разбирая в аудитории одну из конъектур Н. к Софоклу, высказался о нем так: «Возвращаясь к Науку: я не понимаю, как вышло, что он не мог получить кафедру в Германии и вынужден был ехать в Петербург. Наук был гений: даже когда он не прав, вы узнаете от него в десять раз больше, чем

от других, когда они правы» (Due seminari romani di E. Fraenkel: “Aiace” e “Filottete” di Sofocle / a cura di alcuni partecipanti. Roma, 1977. P. 45).

Другая прославившая Н. сфера фундаментальной филол. деятельности — создание и приведение в порядок собраний фрагментарно сохранившихся авторов. Тут Н. имел возможность ориентироваться на Бернгарди с «Судой», на своего старшего друга Мейнеке с комич. писателями, на Шнейдевина с паремиографами и т. д.

При собирании и исследовании фрагментов ранних греч. писателей необходимо доскональное знание поздней греч. литературы — ученых эксцерптов, схолиев, гномологиев, малых и больших позднеантичных словарей различного назначения. Применялось Н. и отточенное филологией его времени искусство выяснять соотношение (известных лишь частично и отдаленно) источников — Quellenkunde. Надежность и удобство таких собраний фрагментарно дошедших текстов давало возможность серьезнее изучать авторов, жанры, историю лит. традиции. Работа подразумевала, кроме настойчивости и памяти, строгость отбора, без чего изобилие материала — отнюдь не достоинство; не оценимо при этом искусство отчетливого — а значит, возможно краткого — изложения. И хотя Н., выверяя наиболее правдоподобный облик фрагмента, не брался восстанавливать ход утраченных сочинений, однако за расположением фрагментов и их характеристикой можно заметить внимание издателя к реконструкции соответствующих произведений. По некоторым пассажам становится видно, что, прибегая к отважным конъектурам или щепетильным атетезам, Н. включает в свое рассмотрение иерархически высокие области смысла, или, выражаясь технически, как нижний, так и верхний регистр критики текста (niedere und höhere Kritik).

В концовке Verg. Aen. VI, ст. 893 и след., давно была замечена странность: сперва в духе Hom. Od. XIX, 562 сделано напоминание о том, что из ворот слоновой кости идут *ложные* сновидения, и тут же сообщается, что Эней оставляет подземный мир через *porta eburna*. Так неужели пророчества о величии Рима, полученные героем в преисподней и сочиненные ex eventu, не истинны? Поэтому Н. предлагает удалить ст. 893–896 (‘absurdissimi versus’: Lexicon Vindobonense. Proemium. P. XXXIX sq.), а в ст. 898 — заменить *eburna* на *Averna*, тем более, что в VI песни этот топоним встречается в ст. 118, 126 (ср. ст. 201 и спорный 242). Оставляя в стороне атетезу четырех небезразличных для целого стихов в важном пассаже, поправку *AVERNA* вм. *EBVRNA* можно признать остроумной, особенно в отношении графики. Поэтому Н. предлагал анализ этого пассажа как задачу своим ученикам в ИФИ и, говорят, радовался, если кто-нибудь из слушателей приходил к тому же решению. Тем не менее чувствуется, что без образа «врат Сна», без блеска слоновой кости и глухого напоминания о том, как трудно различить ложь, заблуждение и правду, текст становится как-то беднее, а определять сохраненный традицией отрезок Вергилиева текста как «stultitia incredibilis» вряд ли убедительно. В самом деле, противопоставление верных и ложных *снов* необязательно относить к полученным Энеем *пророчествам* (ср. ст. 100: obscuris vera involvens); через обманные врата уходит на этот раз Герой с полученными благодаря хитрости и (заведомо) истинными пророчествами о Риме: если уж трудно попасть в нижний мир, то насколько чудеснее оттуда уйти (отчетливое предупреждение об этом дано в ст. 128 сл.: sed revocare gradum <...> hic labor est)? Иначе говоря, правда и мечта в этом рассказе сочетаются поэтически (ср. любопытные экзегетич. соображения старых филологов на этот счет у А. Форбигера в изд.: P. Virgilii Maronis. Opera. T. 2. Lipsiae, 1873. P. 784 ad loc.), а потому неудивительно, что последующие издатели (F. A. Hirtzel, T. E. Page, R. G. Austin), не упуская из виду остроумную поправку Н., в текст ее не принимают.

Не станем отрицать, что и у Н., жившего в век пристрастия к конъектуре,

есть такие догадки, которые дают смысл, вообще говоря, возможный, но не более, а то и менее правдоподобный, чем традиция.

Таков случай со знаменитым стихом II, I, 348 (cf. *ibid.* v. 301), где Н. хотел бы вытеснить знаменитое ἀέκουσα о пленнице Ахилла, которую уводят от него и этим досаждают не только великому герою, но — как вдруг сообщает Поэт — «против (ее) воли». Эту поэму в одном слове (ведь перед нами непосредственная причина Ахиллесова «гнева», а значит — чуть ли не всего, что происходит в «Илиаде») Н. хотел бы заменить на филологически искусное, но поэтически бледное ἀκέουσα («молча»). Бризеида молчит в любом случае, но неужели альтернатива такому поведению — кричать, чтобы ее оставили Ахиллу? Насколько психологически богаче то, что дает вульгата: не подавая виду, пленница сожалеет о своем освобождении.

Когда при обсуждении *методических* вопросов Н. видел неправильный подход к делу, он изливал перед своими учениками потоки разъяренной латыни. И это понятно: «филологический век» не был бы таковым без обязательной, по существу, науч. полемики, в которую, нападая или защищаясь, не мог не вовлекаться и Н., причем с друзьями он спорил не менее жарко, чем с противниками.

Примечательной в этом отношении была дружба Н. с К. Я. Люгемилем: друзья могли несколько дней кряду навещать друг друга, чтобы продолжать спор из-за какой-нибудь спорной глагольной формы, каких немало у греч. авторов. Иногда полемика Н. против не понравившейся ему научной новинки по объему годилась бы стать книгой. Так, на монографию Г. Курциуса, внедрявшую современные приемы в изучение греч. языка (*Curtius G. Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt. Bd. 1–2. Leipz., 1873–1876*), Н. откликается почти монографией (**К вопросу о греческих глагольных формах: по поводу сочинения Г. Курциуса // ЖМНП. 1876. Нояб. С. 31–50; 53–87; Там же.**

1878. Май. С. 223–264; это рус. версия того, что Н. опубликовал по-немецки в MGR. 1874–1877. Т. 4). Разбор отд. спорных форм у греч. авторов «в глазах каждого, знающего по-гречески» у Н. выглядит доскональнее; и хотя критика Н. не отменяет преимуществ специализирующейся лингвистики, которую развивал Курциус, напоминание о силе и необходимости филол. подхода заставило Курциуса, как подсчитал сам Н., при переиздании первого тома сделать ок. 50 исправлений под влиянием петербургского критика. Оттого, что появляются новые перспективы, обнаруживающие слабости старого, ничуть не следует, что надо отказываться от того, где сила за старым.

Н. был близко знаком с крупнейшими нем. филологами своего века; со многими он взаимодействовал, что выразилось в обширной и неплохо сохранившейся переписке (значительная часть — в СПбФ АРАН). Поражает науч. аскетизм в корреспонденции Н. и Т. Гомперца, еще в пору занятий последнего палимпсестами и папирусами. Как правило, это справки насчет более доступных другому рукописных вариантов или встречные указания, полученные в ходе собственных исследований. В случаях нежелания считаться с критикой Н. бывал строг: так, он резко критиковал И. А. Гартунга, который параллельно с ним занимался фрагментами Еврипида, а одна из последних работ Н. — раздраженная рец. на Т. Кока, выступившего с фрагментами Аристофана. Обмен письмами и книжными подарками с У. Виламовицем свидетельствуют об отношениях настроенных, но взаимоуважительных, тем более что, *alte Pfortner*, они хранили пиетет к общей школе. Глубоко ценя Н., Виламовиц сознавал известную «ретроградность» старшего по сравнению с такими деятелями науки, как Г. Бониц (тоже из Пфорты) или Т. Моммзен. К применению бурного развития индоевропеистики или к разработке таких постепенно выделявшихся из филологии дисциплин, как лингвистика и лит.-ведение, Н. оставался равнодушен.

Н. говаривал, что преподавать в ун-те не станет, ибо там *необходимо всезнание*; тут была голика иронии, но и зерно критич. отношения к себе. Опыт показывает, что такое соотношение совершенства в знании с некоторой глухотой к новому случается иной раз при очень раннем профессиональном развитии: люди, которым случается бурно развиваться уже в более позднюю пору, могут не достичь той же технической безупречности, зато склонны учесть в своем подходе к предмету большее богатство и остроту идей. Акад. К. М. Бэр, конечно, знал цену Н. как младшему товарищу по Петерб. АН, но великому натуралисту не нравилось нежелание филологов откликаться на новые вопросы, которые ставит жизнь, вроде сенсационных находок Г. Шл и м а н а; в 1870-е Бэр видел гротескную противоречивость ситуации, когда дилетант и фантазер действует, учась на ходу, а записные знатоки мечтают о том, чтобы их оставили в покое жить с тем, что они знают. Как *purus putus philologus*, Н. действительно не был склонен к модернизации подходов в классич. филологии; не принял он нового и в этой форме (о больших вопросах в развитии ист.-филол. знания в это время см.: *Verlinsky A. Philologia inter disciplinas: The Department of Classics at St. Petersburg University 1819–1884 // Hyperboreus. Vol. 19. 2013. P. 162 ff., 181–191*).

Для Н. в центре находится филология с акрибией, а цель обеих — создание надежной основы при установлении текстов, на основании которых только и можно ставить вопросы и высказывать суждения.

Такие люди, как Н., держатся проверенных веками принципов, не желая теоретизировать ради выстраивания некой системы; зато мнения их довольно воинственны. Н. была чужда самодостаточная отрешенность от нового, и он отвечал таким новаторам тем, что сам называл *Sophistenhass*. В частном письме (для Н. было бы журнализмом оскорблять такими разговорами серьезную науч. публикацию) он писал: «...решительную неприязнь я испытываю только к Гегелю — это софист, готовый доказывать любой абсурд и делающий вид, будто он понимает все на свете;

греческие софисты куда невиннее, их еще можно принять как детей своего времени» (*Zielinski. S. 3. Anm. 5. — Пер. А. Г.*).

Этот подход — не приговор для философствования, пока оно остается при своей задаче; однако это знак того, что мастера выросших из дольгой культурной истории и по-настоящему зрелых дисциплин всегда готовы дать отпор заносчивому любомудрию. Тем дороже Н. опорный девиз филол. акрибии: *Andacht zum Kleinen*.

Этой установки Н. держался всегда, напр., когда он высказывается по поводу ошибки Порфирия (Успенского), который, издавая гомилии Фотия, в одном пассаже вместо ἄλλων ошибочно прочел ἀλοεῖς, после чего взамен общего места явились вдруг некие *молотильщики*, а это подтолкнуло ученого пастыря к выкладкам о налогах в Византии... Отсюда мораль от Н.: «*In litteris nihil esse parvum*» (*Lexicon Vin-dobonense. Prooemium. P. XXIX–XXX, n. 29*).

Зато у Н. за вторую — русскую — половину жизни была сфера, которая отличала его судьбу от нем. филологов — ему довелось сыграть существенную роль в вызревании значительно более молодой, чем в Германии, многосоставной филол. науки в форме *Altertumswissenschaft* и таким образом благотворно повлиять на отлично привившееся в России науч. изучение антич. жизни в целом. Для России в тот момент существенно было то, что, став русским ученым, Н. не перестал быть ученым европейским. Н. не образовал рус. ученое сообщество, но он помог ему приобрести лоск, включиться в европ. контекст и обратить на себя внимание как на растущую силу. Ментор, наставник и благожелательный советник, он связывал рус. ученых с нужными людьми и институтами на Западе. Он был посредник и образец; укрепляя институты, в которых служил (преподавание, участие в советах, в разнообразных предприятиях Петерб. АН), Н. поддерживал новые печатные органы, где

был деятельнейшим автором, чему ярким примером служит «MGR»: серию затеял Л. Стефани, но т. 2–5 держались трудами Н., который придавал с помощью этого издания форму и блеск крепнувшим достижениям рус. филологии.

К национальному началу Н. относился здраво, т. е. не придавал ему *слишком* большого значения; лояльный в принципе, но равнодушный ко всему, кроме филологии, он не раз от души высказывал веру в рус. юношество и в рост рус. ученых и науч. институтов. Сохраняя нем. и латынь в качестве языков своего общения в Петербурге, Н., как видно по рус. вкраплениям в письмах, не был глух к рус. речи. Но еще важнее то, что он проявлял внимание к рус. вопросам, — это заметно в ряде эпизодов культурной жизни того времени, вроде Фотиевых гомилий, так кстати пришедшихся в пору празднования «Тысячелетия России» с памятником, установленным в Новгороде в 1862. Давая авторитетное издание текста Фотия, Н. оказывал услугу и рус. науке, и рус. историч. самосознанию.

При обсуждении возникавшего в пору Великих реформ вопроса о выборе между латынью и греч. (вопрос вряд ли вообще корректный для тех, кто понимает, как изучается классич. культура), Н. предлагал в России отдавать предпочтение грецистике, потому что «кроме новых греков, нет другого народа, более связанного своими историческими судьбами с древними эллинами, как народ русский» (Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков // Месяцеслов на 1866 г. С. 375–394). Привкус спорных историософских умозаключений в таком взгляде не случаен: угадывается влияние на Н. акад. А. А. Куника, большого знатока и Византии, и Руси, с которым Н. сотрудничал в пору издания гомилий Фотия (историю, начатую когда-то Николаем Гейнзием, Паисием Лигаридом, А. А. Куником и Н., завершали уже В. К. Ернштедт и П. В. Никитин). Такое решение было приятно для русских идеологов, а на деле опасно, потому что удаление от языка и культуры римлян, а значит, и от

материнского лона западноевроп. традиции, привело бы учащуюся молодежь не к эллинизму времен расцвета, а на задворки Европы, между тем как с европ. грецистикой Нового и Новейшего времени эллинисты находятся при корнях супраконфессиональной общеевроп. культуры. Как в отношении школы, так и любых *cutricula* уместнее всего диверсификация, а не выбор в пользу какого бы то ни было упрощения.

Рус. ученые, с которыми у Н. была особенно тесная связь, — это Л. Стефани, К. Я. Люгемиль, К. Ф. Нейлисов, Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский, И. В. Цветаев, П. В. Никитин (известности которого как в России, так и за ее пределами Н. со своим авторитетом немало способствовал, вплоть до получения Никитиным статуса академика Имп. АН в 1888, а затем и вице-президентства там же). Также и В. В. Латышев был принят в Петерб. АН в 1893, вскоре после кончины Н. (Басаргина 2008. С. 223); В. К. Ернштедт стал академиком в 1898, но и это был один из любимцев Н. Знакомы ему были и Ф. Ф. Зелинский, М. Н. Крашенинников, Г. К. Шмид, Эд. Г. Курц в Риге, Л. Мендельсон и В. Хёршельман в Дерпте и др.: почти каждый ученый классик, сложившийся в 1860–1880-е в Петербурге, пережил то или иное влияние Н. Кончавший ИФИ Латышев был первый природный рус. филолог, ставший академиком в Берлине (1891); и хотя меньше известно о его занятиях у Н., не случайно в предисловии к «IosPE» (1885. Vol. 1. P. III) молодое светило русской эпиграфики говорит о Н.: «...roganti mihi nunquam defuit».

Получалось так, что Н. замечал некоторых молодых филологов еще тогда, когда они учились в гимназии — так вышло с В. К. Ернштедтом; знакомство продолжалось до конца жизни старшего и, наряду с влиянием Люгебиля, сильно определило младшего. Как показывает автобиография Ф. Ф. Зелинского (Древний мир и мы. Вып. 4. С. 63–64), и его академик узнал —

заочно — еще в пору окончания им уч-ща св. Анны через директора этой школы И. И. Кёнига, и только после многолетней заграничной командировки Зелинского, в 1883, последний был представлен Н. лично (*Zielinski*. S. 1, Anm. 1); по советам Н. горделивому молодому филологу можно почувствовать, что Н. отчетливо разглядел и характер Зелинского, и его будущность, между тем как работа последнего над созданием творческой биографии Н. показывает, что для него значило присутствие великого грециста в Петербурге.

Н. был нужен отнюдь не только для текстологов (в смысле Textkritik). Корпус греч. рукописей в Петербурге постоянно пополнялся, и Н. как знатоку доводилось давать экспертное мнение о различных поступлениях и предложениях. Хотя деятельный в отношении греч. рукописей Порфирий (Успенский) давал повод к строгости со стороны многоопытного эллиниста, Н. одобрял его стремление к умножению рукописного собрания; взаимно полезным было и общение с А. И. Пападопуло-Керамевсом. Н. участвует в ответственной оценке рукописей, которая то и дело невозможна без решения ученого консилиума. Не обошлись без Н. и споры вокруг Синайского кодекса. В эпизоде с соблазнительными сокровищами даровитого махинатора К. Симониди(са) академ. экспертиза Н. также была востребована. Из ориенталистов Н. был особенно дружен с акад. Б. А. Дорном (1805–1881), а по просьбе и при поддержке Д. А. Хвольсона (1819–1911), чл.-корр. Петерб. АН, Н. отождествляет подавляющую часть «*Monosticha Menandri*», угодивших в арабский источник, восходящий к мыслителю XI–XII вв. Абу-ль-Фатху аш-Шахрагани.

Ученая жизнь Петербурга требовала от Н. постоянного участия в текущих академ. делах. Это и рецензирование, и отзывы (напр., о науч. деятельности адъюнкта П. В. Никитина в связи с представлением его в экстраорд. академики), и работа в комиссиях по выдаче премий, напр., по поводу

XXIX присуждения Демидовских наград (1860. С. 137–148; относительно сочинения: *Prince Sibirsky A. A. Catalogue des médailles du Bosphore-Cimmérien, précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays*. St.-Petersbourg, 1859). Современники, как правило, отмечали уравновешенность и коллегиальность Н.; решительно не сложились у него отношения разве что с Л. А. Миллером, с которым ему пришлось профессорствовать в ИФИ, что при выдающейся неуживчивости Лукиана Адамовича (она была известна еще в Германии) принесло Н. немало неприятностей и некоторую толику неодобрения со стороны тех, кто находился под впечатлением от имевшихся и у латиниста достоинств — это заметно по отношению к обоим у Варнеке (2013. № 3. С. 191–198).

Н. как ученому и человеку была присуща твердость и полнейшая определенность в труде, распорядке жизни и в оценках. За Н. знали некоторую строгость, однако она относилась не только к другим, но и к себе, о чем отчетливо сказано под конец предисловия к TGF² (р. XX): «...*neque aliis potius quam sibi quemque par est diffidere*». Его трудолюбие и трудоспособность признавали почти сверхчеловеческими. Он подготовил два издания TGF, три издания Еврипида, два издания Порфирия — и всегда с улучшениями, с неизменной готовностью делать работу столько раз, сколько судьба потребует и позволит. Обращала на себя внимание его обязательность в отношении тех, с кем он был связан профессионально; в оценках Н. был сдержан, кроме критики того, что было для него прямо неприемлемым.

О неустанном упорстве филол. работы Н. говорят не только постоянно улучшаемые им издания его книг, но и маргиналии в его личном экземпляре, напр., в 3-м по счету издании Еврипида (см. об этом: A. Naucks nachgelassene Marginalien zu Euripides / nach der Vorlage V. K. Jernstedts ediert von Je. Druzhinina // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5. P. 238–256). Экземпляр издания Ямвлиха 1884 в БАН (шифр: Inv. 1925/В-4341(2)1) содержит немало авторских помет такого же рода.

К строгости и даже к спорам Н. относится как к долгу; он считал, что непригодное должно быть изгнано по крайней мере из такой литературы, которая имеет общее хождение. Он чувствовал себя обязанным перед науч. истиной и приносил ученый досуг и спокойствие духа в жертву профессиональному долгу. С тревогой присматривался Н. к положению с количественным ростом научной продукции, которую все труднее становится охватить, чтобы отыскать наилучшее по качеству: «Bald werden wir im Papier ersticken» (Zielinski. S. 31, Anm. 6 — из письма Н. к О. Келлеру от 2.2.1889).

Педагог в ИФИ и участник дискуссий касательно образовательной политики в гос. масштабе, Н. был и вдохновителем общих науч. мероприятий, таких как изд. «MGR» или «Tragicae dictionis index».

Виламовиц, вступив в переписку с Н. (Gavrilov. S. 27 f.), а после его кончины и с его учениками, отчасти прямо, отчасти косвенно высказал недоумение относительно судьбы Н. в России и его вклада в рус. классич. филологию. Угадывается такой ход его мысли: Н. несравненный грецист, хоть и ученый, несколько закосневший вдали от родной среды; зато, может быть, благодаря ему в России появились теперь исследователи, к которым нем. ученые, подобно самому Виламовицу, не могут не относиться с подобающим вниманием. Зелинский и С. Жебелёв возражали, что у Н. — в ИФИ, где он преподавал, — был один превосходный рус. ученик: П. В. Никитин (к тому же кончивший свое обучение уже в ун-те). Т. е. то ли Н. создал рус. филологию ex nihilo, то ли этот великолепный ученый сыграл в ней достойную, но не столь уж значительную роль. В действительности дело обстояло так, что не Н., а въехавший из Саксонии почти за полвека до него Г. Ф. Грефе, ученик Г. Германа, дал вместе с образованием Петерб. ун-та сильный толчок и произвел могучее воздействие на развитие русской школы; С. Ю. Дестунис, М. С. Куторга, Н. М. Благовеценский, петерб. немцы И. Б. Штейнман и К. Я. Люгебиль, с которым потом так дружен был Н., стали

прямыми учителями выдающейся плеяды рус. классиков, сложившихся и сбывшихся в Петербурге во второй пол. XIX в.

Несмотря на то, что Н. не был и не мог быть наставником рус. филологов, которые воспитывались до него уже в течение двух-трех поколений, он стал как бы знаменем этого процесса в период, когда рус. наука окончательно вызревала и выходила на европ. арену; Н. сделался мерилom, ориентиром и покровителем высокопрофессионального поколения антиковедов, сформировавшегося в 1860–1880-е в ходе трудных, но великих реформ и движения вперед всей страны. Н. благотворно действовал на эту среду своим блистательным трудолюбием, ученой славой, своими бесценными научными связями и отзывчивостью к интересам нового отечества, своим вдохновляющим окружающим присутствием. Н. придавал петерб. классич. филологии тот европейский глянец, которого ей не хватало.

В частности, Н. с его сосредоточенностью на Софокле и Еврипиде и на аттич. театре вообще, прямо повлиял на привязанность и всплеск интереса к этой теме в России: неслучайно Никитин, Зелинский, Анненский и Ернштедт так настойчиво занялись различными сторонами аттического, а постепенно и вообще античного театра. Через Зелинского и Никитина влияние Н. сказалось и на Ростове, через Никитина и Ернштедта — на Варнеке и Гельвихе и т. д.

Таким образом, влияние Н. ощутимо на всех почти рус. филологах этого оживленного для рус. культуры времени. Кроме крупных науч. достижений, Н. стал примером поражающего масштабом и совершенством применения творческих сил: Н. придавал русской филол. науке огранку и знак того, что она, являя ряд своеобразных черт, может достойно выступать вместе или рядом с немецкой. Ему выпала роль деятеля, который способствовал тому, что рус. классич.

филология заняла свое место на обще-европейской культурной сцене.

Ст. брат Н. — Карл Вильгельм — филолог-классик, директор гимназии в Кёнигсберге; сын Август, врач-офтальмолог, похоронен рядом с родителями на лютер. Смоленском кладб.; кроме дочери упоминается и Максим Августович Наук, причастный к деятельности Химич. лаборатории Петерб. АН (Басаргина 2008. С. 113); со временем потомство Н. вернулось в Германию (см.: NDB), причем узами брака дети Н. оказались связаны с заметной в рус. истории XIX в. ветвью родовитых балтийцев Крюд(е)неров / Криднеров. Внук Эрнст Н. был известным ученым в обл. тропической медицины, после Второй мировой войны — ректором Гамбургского ун-та.

Литература: *Zielinski Th.* Johann August Nauck: Ein Bild seines Lebens und seiner Werke // *Bursian VJahrb.* 1893. Jg. 23. Bd. 78. S. 1–65 (отд.: Berlin, 1894); *Sandys.* Vol. 3. P. 149–152; Басаргина 2004. С. 120–122; *Basargina Je. Ju.* Petr Nikitin, the Disciple of August Nauck // *Hyperboreus.* 2004. Vol. 10. Fasc. 1–2. P. 115–121; *Gavrilov A.* Russische Institutionen des 19. Jhs und der Akademiker August Karlovič Nauck // *Hyperboreus.* 2013. Vol. 19. Fasc. 1–2. P. 26–43 ♦ Брокгауз; РБС; БС АН 1889–1914. Ч. 2; Фролов 2006; Смышляева 2015; ADB; NDB; DNP Suppl 6.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 83. Оп. 1–2; Отчет о деятельности АН СССР в 1931 г. Л., 1931. С. 173 («разобран арх. фонд акад. А. К. Наука»).

А. К. Гаврилов

НЕЙЛИСОВ Константин Фемистоклович

NEJLISOV K. F.

[20.3(1.4).1828, Павловск — 5(17).11.1887, Петербург; Смоленское правосл. кладб.],
филолог, педагог

Из дворянской греч. семьи, отличавшейся музыкальными дарованиями; отец — секр. Павловского городского правления. Окончил Петерб. 3-ю гимназию

(1840–1845) и словесное отделение Петерб. ун-та (1850, кандидат; однокурсник Н. Г. Чернышевского; см.: *Чернышевский Н. Г.* ПСС: в 16 т. М., 1939–1953. Т. 16. указ.). Службу начинал в 1852 учителем истории Олонецкой гимназии. После защиты магист. дис. «*De digammate*» (Петербург. ун-т, 1854) временно преподавал на ИФФ Петерб. ун-та; с дек. 1855 учительствовал в Варшаве: в реальной и губернской гимназиях, высшем женском уч-ще, раввинском уч-ще (читал всеобщую и рус. историю, лат. язык и педагогику), состоял в правлении Варшавского УО (январь 1861) и Временном комитете для оценки учебников Царства Польского (март 1862). После науч. стажировки в Германии (1862–1864; Гейдельберг, Берлин, Бонн) и недолгого преподавания в Петерб. 1-й гимназии (сверх штата) был направлен в Харьков. ун-т (март 1865): доц. каф. римск. словесности (через полгода переведен на каф. греч. словесности); зав. ун-тским минц-кабинетом с 1866. В 1868 вернулся в Петербург на место инспектора Петерб. УО (до 1874). С 1872 преподавал также греч. словесность в Петерб. ИФИ, одновременно занимая пост директора ин-тской гимназии (1878–1887).

Наиболее значительным науч. трудом Н. осталось магист. сочинение «*De digammate*» (СПб., 1854), отразившее интерес к сравнительно-ист. языкознанию его ун-тских наставников — Ф. Б. Грефе (в списке работ которого присутствует реферат 1837 «*Das Digamma als dialectale Eigentümlichkeit in dem indogermanischen Sprachstamme nachgewiesen*») и И. Б. Штейнмана. Опираясь на труды германских авторов, Н. изложил взгляды древних и новых ученых на природу восстанавливаемой дигаммы (это гл. I: *Quid fuerit digamma*); определил ее как губной звук (гл. II: *De sono digammatis*); привел список слов, в которых дигамма восстанавливается (гл. III: *De vi et natura digammatis*); наконец, проанализировал

этапы эволюции этого звука (гл. IV: De mutationibus digammatis).

Дис. Н. привлекла к себе внимание во время конкурса Харьков. ун-та, тем более что другие стипендиаты, рекомендованные ун-ту руководством МНП (В. Г. Васильевский, В. И. Модестов, А. И. Ионин, А. Г. Новосёлов), не имели пока ученой степени. На конференции соперник Н. в конкурсе П. Тихонович, разбирая дис. Н., заключил, что она «не самостоятельный труд, но произведение, составленное по сочинениям преимущ. Тирша и Hielt'a, у которых сочинитель взял и свои главные мысли, и значительную часть примеров для подтверждения выводов <...>. Самый предмет, избранный г. Нейлисовым, узок, специален и беден содержанием» (цит. по статье М. А. Маслова: БС ИФФ Харьк. ун-та. С. 193).

Большее впечатление на Тихоновича и ф-т произвели добросовестные отчеты Н. о зарубежной стажировке (ЖМНП. 1863. Янв.; Февр.; Май; Авг.; Ноябрь.), особенно два последних с конспектом «животворных» лекций по ист. грамматике Ф. Ричля. От лингвистики Н. быстро сместился в более традиционные для отеч. классицизма области критики и герменевтики, преимущ. текстов Аристофана: в 1863 разбирал «Птиц» в семинаре Гаупта (см. его отчет с перечнем «главнейших примечаний» руководителя: ЖМНП. 1864. Февр.; Май). Изучению аттич. комедиографа Н., по утверждению Н. И. Новосадского (Гермес. 1913. № 11–12. С. 324), посвятил почти всю жизнь. Из этих штудий, однако, напечатан лишь перевод — ямбами и ритмизованной прозой — комедии Аристофана «Лягушки» (СПб., 1887), который позже был включен в хрестоматию В. А. Алексеева «Древнегреческие поэты...». Ю. А. Кулаковский хвалил переводчика за точность передачи и обильный филол. комментарий (РВ. 1888. № 1. С. 271–274).

Выпускал Н. и гимназич. пособия по истории антич. литературы, в т. ч. «**О хоре греческой трагедии**» (Варшава, 1856)

и «**Несколько слов об “Энеиде”**» (Варшава, 1859). Сориентированный в юности на «германовскую» традицию и накопивший солидную филол. эрудицию (лишь частично отраженную в его печатных трудах), Н. пользовался уважением петерб. эллинистов К. Я. Люгемилля, А. К. Наука, Г. С. Дестуниса, с которыми делился «плодами своей начитанности в византийской литературе» (Никитин П. В. А. К. Наук (некролог) // ЖМНП. 1893. Янв. С. 47). Верность ун-тской «немецкой» партии (вероятно, не без учета и ее практич. выгод) определила отрицательное отношение Н. к формирующемуся в ту пору ист.-лит. направлению. Так, несмотря на «вооруженность ученым аппаратом» статьи Н. М. Благовещенского, Н. уличил ее автора в «ловко составленном извлечении из предисловия Тейфеля» (Заметка по поводу статьи Н. М. Благовещенского «Римский сатирик Персий» // ФЗ. 1867. № 2); В. И. Модестову Н. возражал по «школьному вопросу», поддерживая курс МНП (СПбВед. 1879. № 345). В отношении же подопечных гимназистов он, как директор, несмотря на почтительную память о наставниках собственной юности (Г. И. Лапшин // ЖМНП. 1884. Май), «не умел быть строгим: его мягкой натуре претили всякие крутые меры» (К. Ф. Нейлисов: некролог // Гимназия. 1889. № 1. С. 30). На смерть Н. сердечно откликнулся Г. С. Дестунис в частном письме (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 744. Л. 81).

Литература: 25-летний юбилей 3-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1848; Соловьёв Д. Н. 50-летие С.-Петербургской 1-й гимназии. СПб., 1880; Памятная книжка гимназии при Импер. С.-Петербург. ИФИ. СПб., 1895; Бывшая 3-я гимназия ♦ Григорьев; Нагуевский; Багалеи; Брокгауз; Прозоров; Языков; Черняев; РБС; Венгеров (Список); Воронков; Сайтов 2006.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ), 114 (Петербург. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

**НИКИТИН
Петр Васильевич**

NIKITIN P. V.

[24.1(5.2).1849, г. Устюжна, ныне Устюженского р-на Вологодской обл. — 5(18).5.1916, Петроград; Смоленское правосл. кладб.], *филолог, текстолог, деятель образования*

Из дух. сословия. Обучение начинал в Боровичском духовном уч-ще и Новгородской духовной семинарии. С переводом отца в Петербург (протоиереем церкви Волковского кладб.) продолжил обучение в Петерб. духовной семинарии (1862–1867).

В 1867–1871 студент Петерб. ИФИ (первый выпуск; однокурсник В. В. Мусселиуса и С. Н. Жданова). Завершив курс, два года преподавал древ. языки в Пб. 2-й гимназии, затем в качестве профессорского стипендиата стажировался в Лейпц. ун-те (1873–1875). По возвращении был направлен в Неж. ИФИ: экстр. проф. каф. греч. словесности 1875, орд. проф. 1879. Магист. дис. «**Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита**» (Петерб. ун-т, 1876). В 1879 занял по конкурсу должность доц. каф. греч. словесности в Петерб. ун-те: экстр. проф. 1884, орд. проф. 1886, ректор 1890–1897, декан 1897–1900. Параллельно (с 1880) преподавал в Петерб. ИФИ: экстр. проф. 1883, орд. проф. 1890. Докт. дис. «**К истории афинских драматических состязаний**» (Петерб. ун-т, 1883). Член Петерб. ОКФП, РАО (после смерти И. В. Помяловского — зав. отделением классич., визант. и зап.-европ. археологии 1906–1916). Чл. АН (ОКФ): адъюнкт 1888, экстр. акад. 1892, акад. 1898; вице-президент 1900–1916 (с увольнением от преподавания). Почетный чл. Петерб. у-та, СПбДА, Юрьевского ун-та и др. Тайн. сов. 1896.

Ученик акад. А. К. Наука, который поддержал Н. на академ. конкурсах 1888 и 1892; до последних дней наставника сотрудничал с ним, помогая с указателем «Tragicae dictionis index» (1892). На смерть Наука Н. откликнулся некрологом, который был насыщен размышлениями о судьбе классич. филологии (ЖМНП. 1893. Янв.); Ю. Кулаковский, как и другие, отметил, что Н. написал о Науке превосходно (ОР РНБ. Ф. 608. № 907. Л. 64). Вдумчивый, упорный, расположенный от природы к анализу и систематике более, чем к синтезу, юный Н. мечтал заняться точными науками и в Петерб. ИФИ поступил по настоянию родителей (Басаргина 2004. С. 10; здесь же подробный обзор науч. трудов Н.). Студентом отлично усвоил традиционные методики критики и экзегезы, дополнив этот опыт затем в семинарах герм. профессоров (А. Фрицше, Ф. Ричля, Г. Курциуса) знакомством с практикой современного эпиграфич., палеографич. и ист.-грамматич. анализа. До конца дней он отдавал предпочтение текстологич. занятиям. Помимо аналитич. дарования, научному успеху «филолога-классика чистой воды» способствовала большая целеустремленность Н., который «от себя и от других требовал прежде всего честного, упорного труда, не останавливающегося перед неизбежными ошибками» (Ростовцев. С. 422). Характерен для Н. был и продуманный выбор науч. тем, позволявший совместить освоенную экзегезу с малоизученным (преимущ. эпиграфич.) материалом. Свои самостоятельные исследования Н. начинал с греч. диалектологии, интерес к которой был актуализирован в 1870-е эпиграфич. находками и успехами ист. грамматики — работы Г. Курциуса очень (притом критически) занимали Наука и К. Я. Люгебеля (по рекомендации последнего в те же годы эпиграфической и диалектологией занялся И. В. Цветаев).

Уже ранняя статья Н. «**О древнекипрском диалекте**» (ЖМНП. 1875.

Июнь. С. 69–106; толкование эпиграфич. декрета IV в. до н. э. в честь врача Онасила из Идалиона) обратила на себя благожелательное внимание специалистов (*Помяловский, Соколов*). Скрупулезно изучив памятники кипр. письма, Н. дополнил имеющиеся интерпретации указанием на связь кипр. диалекта с др., в частности эолийским («кипрские надписи не все могли быть писаны одним диалектом, учитывая неясность произношения С в большой идалийской надписи»), и обсудил в качестве причины некоторых кажущихся фонетич. утрат несовершенство силлабич. письменности. Тема греч. диалектов была продолжена в магист. дис. «Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита» (Киев, 1876), выполненной в основном по лит. материалу. Обсудив и поправив новонайденный текст стихотворения Феокрита, Н. тщательно сравнил его эолизмы с глоссами Гезихия и языком лесбосской поэзии, придя к выводу об искусственном характере эолизмов Феокрита, не отражавших живой диалект его времени. Суждения Н. о худож.

назначении эолизмов Феокрита сочли убедительными не только отеч. филологи: спустя два десятилетия Б. В. Варнеке услышал их оценку «в очень лестном убранстве» на лекции лейпц. проф. Э. Шварца (Варнеке. 2014. № 1. С. 168).

Следы грамматич. и диалектологич. занятий Н. сохранили его литограф. курсы «**Греческая грамматика**» (СПб., 1884), «**Греческий синтаксис**» (СПб., 1894), «**Греческая диалектология**» (СПб., 1892), традиционный «логич.» синтаксис которых слегка обновлен материалами трудов Б. Дельбрюка (синтаксис падежей и наклонений глагола), Ф. Миклошича и Г. Курциуса (залог и виды глагола). О знакомстве Н. с современной лингвистикой (в т. ч. с трудами И. В. Нетушила, П. И. Аландского, Э. Черного и др.) свидетельствуют и его отзывы, напр., на дис. С. Соболевского (ЖМНП. 1891. Апр.).

Впрочем, в грамматику Н. не углублялся и, кажется, не одобрял интереса коллег к теории и «психол. основам» языка, оставаясь «на твердой почве фактов», к которым в диалектологии, напр., относил деление диалектов на ионические и неионические, связь ионич. и аттич. диалектов, существование группы дорич. и сев.-греч. диалектов, родство кипр. и аркад. диалектов (Лекции по истории античной литературы. СПб., б. г. С. 7, машинопись). Вскоре после магист. защиты ушел из слабо востребованной в отечестве греч. диалектологии: текстологич. по преимущ. навыки, любовь к фактографии, развившаяся в убежденность, что «отвлеченные» определения не должны иметь места в науке (Цит. соч. С. 10), и равнодушие студентов к лингв. курсам описательного типа вернули Н. в лоно традиционной экзегезы.

В 1877 Н. удачно истолковал текст схолиев к Демосфену (**Патмосские схолии к Демосфену** // Изв. Неж. ИФИ. 1879. Т. 3), в т. ч. дифференцировав использование в рукописи двойных и единичных лемм и распознав инклюзии фрагментов Стил(ь)пона и Гиперида (*Помяловский, Соколов*. С. 70). В дис. «К истории афинских

драматических состязаний» (СПб., 1882), а также в статье **«Обзор эпиграфических документов по истории аттической драмы»** (ЖМНП. 1881. Дек.) Н. совместил обработку новых эпиграфич. свидетельств с ист.-лит. исследованием по истории афинского театра. Отталкиваясь от анализа обнаруженных на афинском акрополе документов об устройстве драматич. агонев (дидаскалии; дионисионики) и сопоставляя их с лит. свидетельствами по этому вопросу («аристотелевскими дидаскалиями»), Н. обсудил вопросы организации драматич. представлений, статус хорегов, «постепенное освобождение актера от автора» и др. Из выводов Н. наиболее аргументированными критики признавали доказательство связи хорегии с руководством города (а не фил, как считалось прежде) и уточнение распорядка драматич. представлений: предшествование постановок сатировой драмы и старой трагедии новым трагедиям; разделение комедийного и трагедийного агонев; и пр.

В отеч. филологии книга Н. стала «первой большой работой, в которой эпиграфич. памятники использованы были в таком широком масштабе, с таким большим умением»; оставшаяся почти неизвестной на Западе (несмотря на обстоятельную рец. Люгебиля — ВРhW. 1883. № 31–32), она, по мнению С. А. Жебелёва (см.: Памяти П. В. Никитина. С. 37–40) и В. П. Бузескула (Бузескул 2008. С. 248), предвосхитила некоторые выводы в этой обл. европ. филологов, в т. ч. А. Вильгельма как издателя эпиграфич. материалов об афинской драме (1906).

Последовавшие после докт. защиты публикации Н., основанные также на значительной черновой работе, представлены преимущ. критич. этюдами: **«О 527–31 ст. “Персов” Эсхила»** (ЖМНП. 1876. Окт.), **«К “Медее” Еврипида. Ст. 234 и 596»** (ЖМНП. 1880. Окт.), **«К Ваххилиду»** (ЖМНП. 1898. Май) и др. По оценке Церетели (см.: Памяти

П. В. Никитина. С. 21), многие из них представляют собой подлинные жемчужины конъектуральной критики: «в них никогда не бывает ни излишней произвольности, ни стремления к ломке рукописного предания». В редких случаях Н. дополнял критику текста антикварными и ист.-лит. отступлениями. Большой пассаж **«Заметок к текстам греческих писателей»** (ЖМНП. 1886. Февр.) посвящен, напр., толкованию каламбура по адресу Агафона из «Фесмофорий» Аристофана в контексте гипотезы о существовании у Агафона трагедии (трагедий?) с названием «Федра». Стремление приблизить филол. исследование к практике точных дисциплин, в которой критика и правка текста должны были стать «слугами филологии» и ее ultima ratio, оборачивалось равнодушием Н. к успехам новой филологии, хотя он и допускал в перспективе использование ее багажа для антиковедения:

«Если истории классических литератур суждено когда-нибудь выйти из того состояния, при котором она является то скоплением библиографических заметок и не имеющих для истории словесного искусства никакого значения анекдотов, то ареною бесплодной борьбы гипотез с гипотезами, то, по всей вероятности, этот выход совершается не без помощи сравнительного изучения литератур, доступных более точному и всестороннему исследованию» (из записки Н. радетелю «классицизма из-под палки» А. И. Георгиевскому — Памяти П. В. Никитина. С. 11, примеч. 1).

С конца 1880-х (**Замечания к тексту «Шестоднева» Георгия Писидийского** // ЖМНП. 1888. Янв.) Н., вслед за др. эллинистами, стал все чаще обращаться к занятиям византистикой, предлагавшей филологам слабо исследованные пока материалы. «Классическое основание, позволявшее ему при чтении и изучении византийских текстов с необходимой легкостью усматривать в них заимствования из

классических писателей или подражания последним» (А. Васильев), становится важным преимуществом «факультативно-го» византиниста Н. в этих исследованиях.

Ю. А. Кулаковский, которому Н. помог с толкованием темных мест и редакцией перевода «Стратегики» имп. Никифора (ЗАН по ист.-филол. отделению. 1908. Т. 8; вышел под ред. Н.), получив его поправки к своему переводу, сконфуженно писал: «Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу помощь; вижу и понимаю, как много времени и труда Вы приложили на приведение в должный вид “Стратегики”. Стыжусь за свою поспешность и не нахожу слов благодарить Вас» (Пучков А. А. Сонни, киевлянин. Киев, 2011. С. 196).

Из публикаций Н. по визант. тематике выделяются статьи «**О некоторых греческих текстах житий святых**» (ЗАН по ист.-филол. отделению. 1895. Т. 1. № 1) и «**Греческий “скитский” патерик и его древний латинский перевод**» (ВВ. 1916. Т. 22) — «лебединая песня» Н., переданная в редакцию незадолго до смерти автора (*Латышев В. Памяти П. В. Никитина* // ИАН. 1916. № 12. С. 931; и отд. отт.). Эрудиция и природная скрупулезность Н. сделали из него идеального редактора: под его присмотром готовились к печати некоторые выпуски выполненного членами Петерб. ОКФП перевода «Реального словаря классических древностей по Любкеру» (СПб., 1883–1885). То же надо сказать о самоотверженном посмертном издании трудов А. Наука, В. Г. Васильева в с к о г о (Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им // ЗАН по ист.-филол. отделению. 1905. Т. 7. № 2), В. К. Ернштедта (Выдержки Паисия Лигарида из бесед патриарха Фотия // ЗАН по ист.-филол. отделению. 1906. Т. 7. № 8) и др.

Единодушное уважение к Н. студентов, коллег и начальства, начиная с К. В. Кедрова и Н. А. Лавровского (последний выделял молодого Н. из числа нежинских педагогов, см.: *Круковский А.*

Старое педагогическое гнездо // ФЗ. 1911. № 6. С. 819), объяснялось не одной эрудицией, но и «чарующей личностью» «аристократа духа» Н. (Б. В. Фармаковский). Окружающие ценили «неукоснительную справедливость», «удивительно ровное, тактичное обращение» (из деликатности избегал даже выступать с журнальной критикой), скрытое под внешней суровостью сочувствие к ближнему, «кристальную чистоту духовного облика» (ФО. 1900. Т. 19. С. 159) и «англ.» чувство юмора «сумрачного, говорившего приглушенным басом» профессора (*Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта*. СПб., 2004. С. 45). В 1902 ун-тским сообществом обсуждалась кандидатура Н. на пост главы МНП наряду с Г. Э. Зенгером и В. Латышевым (см.: *Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918* / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. С. 572). Ученики, бывало, сперва смущались его «черствой по первому впечатлению» и «самоуглубленной в себе натурой» (*Жебелёв С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890)* // ВДИ. 1968. № 3. С. 165), чтобы потом разглядеть за невозмутимостью наставника болеющую их страданиями душу (*Ростовцев. С. 410*; сходно — Варнеке. 2014. № 1. С. 157).

В аудитории Н., «кладезь запечатанной мудрости» (И. Цветаев), был типичным «профессором для немногих», чьи комментарии часто оказывались «выше головы студентов»: Варнеке сравнивал лекции Н. по диалектологии со «скучным осенним дождем в крышу» (Варнеке. 2014. № 1. С. 157); успех у студентов имели курсы истории греч. литературы и переводы Н. — один из аудиторных переводов был издан впоследствии учениками (*Комедия Аристофана «Фесмофории»* // ЖМНП. 1917. Янв.; Март – Апр.; Июнь; и отд.). В 1880-е Н. выступил противником «всеобщего» классич. образования по рецептам М. Н. Каткова и А. И. Георгиевского, считая, что «по классической филологии, видимо, не слишком много слез прольется, но убиты будут и другие отделы науки»

(цит. по: *Ростовцев*. С. 442). По мнению Ф. Ф. Зелинского (*Древний мир и мы*. Вып. 4. С. 119), именно «чувство беспомощности» перед объективностью падения образовательного классицизма заставило Н. отказаться от преподавания, хотя он и отстаивал сохранение разумно сокращенного курса древних языков как основы гуманитарного знания.

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; *Помяловский И. В., Соколов Ф. Ф.* Записка об ученых трудах П. В. Никитина // *Протоколы* Петерб. ун-та за 1879; *Жебелёв С. А.* П. В. Никитин (некролог) // *ЖМНП*. 1916. Авг. С. 4371; *Ростовцев М. И.* Памяти П. В. Никитина // *Гермес*. 1916. № 17–19; *Материалы для биограф. словаря действ. членов имп. АН*. Т. 1. Пг., 1915; *Новосадский*; *Памяти П. В. Никитина*. Пг., 1917; *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византистику // *РНРВ*. С. 131–171; *Басаргина* 2004; *Фролов* 2006; *Российская академия наук* ♦ *Скроботов Н. А.* Пам. книжка окончивших курс в Петерб. духовной семинарии. СПб., 1896; *Брокгауз*; *БС СПб. ун-та*; *Commentationes Nikitianaе* (библ.); *Венгеров* (Список); *Воронков*; *Латышев*; *Нагуевский*; *Нежин* 1900, 1913; *Прозоров*; *Бузескул* 2008; *Тункина* 2017.

Архивы: *Личный фонд:* СПбФ АРАН. Ф. 36; далее см.: *Иодко*; *Басаргина* 2004.

В. П. Смышляева

НИКИТСКИЙ Александр Васильевич

NIKITSKY / NIKITSKIJ A. V.

[20.10(1.11).1859, с. Марьино Новгородской губ. — 8.12.1921, Петроград; Смоленское правосл. кладб.], *филолог, эпитафист*

Сын сельск. священника. Начальную подготовку получил дома под руководством семинариста А. Старцева. С 1874 обучался в Новгородской духовной семинарии, из которой в 1878 был направлен в ПИФИ

стипендиатом духовного ведомства. По окончании курса (1882) и недолгого преподавания в Одесской духовной семинарии, стажировался за границей в области греч. эпиграфики и археологии (1883–1885). Вернувшись в Одессу, возобновил преподавание в местной семинарии и был — после пробных лекций — включен в число прив.-доц. Новорос. ун-та (1886); чл. ун-тского ИФО. После защиты магист. дис. «**Дельфийские эпиграфические этюды**» (Петерб. ун-т, 1895) занимал каф. древнеклассич. филологии и греч. и римск. древностей Юрьевского ун-та (экстр. проф. 1896, орд. проф. 1901), освободившуюся со смертью Л. Мендельсона (1852–1896).

Докт. дис. «**Исследования в области греческих надписей**» (защита: Петерб. ун-т, 1901). В 1902 перешел в Моск. ун-т: орд. проф. (секр. 1904, декан ИФФ 1906); возможность приглашения Н. обсуждалась также в Петерб. ун-те (см. письма В. К. Ернштедта к С. Ф. Платонову: ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 2887. Л. 46–48). В 1908 недолго занимал должность попечителя Оренбургского УО (почетный чл. Уфимского губернского попечительства детских приютов с 1909). После отставки 1910 (п. д. — РГИА. Ф. 740. Оп. 24. Ед. хр. 227) переехал в Петербург: преподавал греч. словесность и антич. литературу в ПИФИ (1912–1919), Петерб. ун-те (прив.-доц. 1912–1915), Петрогр. женском пед. ин-те (1914) и на бывш. Петерб. ВЖК (1917–1918). Чл. Ученого комитета (1914). Чл.-корр. АН (ОКФ; 1902), акад. (1917). Чл. МАО. В последние годы жизни — сотрудник ГАИМК (действ. чл. 1920, зав. разрядом археологии греч. колоний Юга России 1921).

Ученик Ф. Ф. Соколова, Н. начинал с исследований в области греч. истории: темы его студ. сочинений — «**Первая война римлян с Филиппом**» и «**Митридат Великий: очерк жизни и царствования Митридата VI по древним авторам и надписям**» (*Современная летопись* //

ЖМНП. 1882. Сент.). Направленный в Грецию вслед за В. В. Л а т ы ш е в ы м и В. К. Ернштедтом (под руководством К. В. Кедрова и Ф. Ф. Соколова в те годы готовились кадры для задуманного зарубежного Рус. археол. ин-та), Н. самостоятельно избрал эпиграфич. тему дис. под впечатлением от статей Т. Бергка (Яйленко. С. 175), собрал (и со временем опубликовал) немало новых надписей, уточнил по собственным копиям чтение ряда уже опубликованных. С 1884 в периодике («ЖМНП», «Εφημερίς αρχαιολογική» и «ΜΔΑΙ ΑΑ») появляются его заметки, в т. ч. интерпретация декрета в честь Августа из Олимпии (**Одна из неизданных надписей Олимпии** // ЖМНП. 1884. Сент.) и публикация нескольких неизданных надписей из Дельфов (Там же. Ноябрь.; с рассказом об обнаружении автором руин храма Асклепия близ Навпакта). Успешно начатая магист. работа на материале дельфийских надписей получила непростое продолжение: уже собрав и слив с доступными оригиналами разбросанные по разным изданиям надписи, при этом уточнив ряд чтений К. Вешера (K. Wescher) и П. Фукара (P. Foucart), Н. узнал о завершении аналогичного по теме исследования нем. филолога Помтова (H. R. Pomtow, 1859–1925). В этой ситуации, сдав магист. экзамен (1891) и не оставляя науч. занятий (в 1892 в Одессе вышел его перевод руководства Г. Генрикса по греч. эпиграфике), Н. отложил защиту почти завершённой дис. Однако возникшие задержки с публикациями у Помтова, которого Н. всегда «имел в виду» (см.: Труды Ф. Ф. Соколова. С. 582), обилие собранного эпиграфич. материала и надежда на новые находки франц. археологов помогли Н. преодолеть растерянность. В 1894 он приступил к напечатанию магист. сочинения **«Дельфийские эпиграфические этюды. I–VI»** (Одесса, 1894–1895; сер. медаль РАО, 1896). Условия, в которых печаталась дис. были сложными: в 1894 вышла вторая

часть «Fasti Delphici» Помтова, и Н. вносил срочную правку в свой труд с учетом выводов соперника; зато это способствовало энергичному завершению работы и сочувственной ее оценке рецензентами как «образцового эпиграфического исследования» (Диспут А. В. Никитского // ИВ. 1896. № 1–3. С. 355).

Целью шести «этюдов» дис. была ре-визия всего материала по теме: интерпретация многочисленных свидетельств, от сообщений Геродота до недавно найденных, в пользу гипотезы полит. развития дельфийской общины от ἀρχαί до народного собрания и βουλή; изложение истории вопроса от А. Бёка до Помтова; новое прочтение надписей южной полигональной стены, частично ушедшей под землю за время после раскопок Вешера; обсуждение номенклатуры дельфийского жречества и состояние древнейшего неокората и храмовых служб; списки годовых архонтов с конца III в. до н. э. Особенной заслугой диссертанта рецензенты Ф. Ф. Соколов и С. А. Жебелёв назвали новое прочтение надписей южной стены и аналитич. списки архонтов

(см.: ЖМНП. 1895. Дек. С. 88–99; Записки РАО. 1896. Т. 8. С. 404–407; ФО. 1896. Т. 10. С. 81–88).

С. Жебелёв отмечал: «Никитский сообщает свои частные наблюдения над надписями стены, разбирает каждый столбец актов, начиная с запада на восток и дает поправки к плану Помтова» (ФО. 1896. Т. 10. С. 84). К материалам дис. Н. историки обращаются и в наши дни (см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений. VII–V вв. до н. э. СПб., 2001. С. 37).

«Дельфийская» тема, дополненная материалом этолийских и локридских надписей, была продолжена и др. статья-ми Н., в т. ч.: «**Дельфийские Лавиады**» (ЖМНП. 1898. Янв.–февр.; Окт.–нояб.) с осмыслением по декретам фратрии Лабиадов роли дельфийского жречества в формировании загробных культов; «ΑΙΤΩΛΙΚΑ» (ЖМНП. 1900. Окт.; Дек.), где обсуждается вопрос о месте жительства общины плигонейцев, помещенных Помтовым во Флигонию, переданную Филиппом этолийцам, а Н. — в озольскую Локриду («исчезновение» общины в надписях после 191 до н. э. Н. связывал с ее «дельфизацией», ссылаясь на плигонийские имена в дельфийских надписях). В статье «**Филонид Лаодикейский и его сыновья Филонид и Дикеарх**» (Commentationes Nikitinianae. С. 21–53) приводится полемика с И. Баунаком, издателем декрета о Дикеархе. Обращаясь к уже опубликованным надписям, Н. также «перечитывал» их творчески, так что в итоге многие получали после его критики новое толкование. Таковы этюды: «**К амфиктионовским надписям этолийского времени**» (ЖМНП. 1905. Март–Апр.), «**Еще об амфиктионовских надписях этолийского времени**» (Там же. 1912. Март), «**Автофон Баунака**» (Там же. 1900. Ноябрь.). В последней работе, полемизируя с Баунаком по поводу интерпретации надписи, Н. обосновывает замену его «ономатологического промаха»

(прочтения имени раба как Αὐτόφωρος «самоубийца») своим чтением: Λυσιφύπος. В статье «**Критические заметки по поводу I тома Пелопоннесских надписей М. Френкеля**» (ЖМНП. 1903. Ноябрь.–дек.; 1904. Янв.; Март) приведены поправки к небрежно и без снимков изданным в 1902 пелопоннесским надписям; критич. обзор «**О западно-локридских надписях**» (ЖМНП. 1911. Янв.–март) содержит замечания Н. почти ко всем 36 надписям в издании Нахмансона (E. Nachmanson) с добавлением двух неизданных; и др.

Дельфийские надписи, число которых после франц. раскопок возросло до 6000, стали материалом докт. сочинения «**Исследования в области греческих надписей**» (Юрьев, 1901). В «Prolegomena» Н. проиллюстрировал важнейшие, на его взгляд, принципы современной эпиграфики: обязательность сопровождения издаваемой надписи фотографией (или факсимиле); приоритет толкования надписи «самой в себе» (не по аналогии); учет при интерпретации надписи эпиграфич. формул разных уровней.

Вторично оппонировавший ученику Соколов, впрочем, метод Н. определил «проще» — как «самое внимательное изучение надписи, какое возможно; самое полное знание всех других надписей, и прежде всего надписей, подходящих к изучаемой <...>; самое полное знание древних авторов; наилучшее, возможно, знание греческого языка, при этом необходимый навык в чтении надписей» (см.: Труды Ф. Ф. Соколова. С. 610–611; ср. также отзыв Соколова и Ернштедта: Журнал заседаний совета имп. С.-Петербург. ун-та за 1901. СПб. 1902. № 57. С. 105–111).

Выделив в декретах регулярные структурные компоненты (датировку, главную санкцию, мотивировку, докладную санкцию, постановление), Н. по их комбинациям различил шесть типов греч. декрета: полный, усеченный, упрощенный, сжатый, краткий, запись в списке. В трех главах монографии, посвященных обзору почетных постановлений,

хронологич. и геогр. списков проксенов, автор набросал и «политико-географический очерк Эллады» II в. до н. э. Сделав ряд замечаний в рец. на труд «первоклассного эпиграфиста» Н., Жебелёв особенно выделил тщательность его работы: «Идти далее в обработке эпиграфического памятника, чем то, что сделано по отношению к географическому списку проксенов А. В. Никитским, вряд ли возможно <...>. Исследуется аккуратнейшим образом не только каждая строчка, но и каждая буква» (ФО. 1901. Т. 20. С. 64–65).

Наиболее оригинальная часть дис. Н. — о геогр. списке проксенов — была издана на нем. языке: «**Die geographische Liste der delphischen Proxenoï**» (Jurjew, 1902) и заслужила признание за границей. Труды Н. — «одно из наиболее важных и крупных явлений последнего времени в области разработки дельфийских надписей» (Н о в о с а д с к и й. С. 85, примеч. 3) — создали их автору репутацию эпиграфиста европ. уровня: «По критическому анализу, по точности и тщательности акрибии, по осторожности, вниманию в детали, по глубокому знанию всех тонкостей эпиграфики их можно назвать образцовыми» (Бузескул 2008. С. 252). Десятилетия спустя обратившийся к той же теме Ж. До (G. Daux) заметил: «Мнением Никитского никогда не следует пренебрегать <...>. Исследование дельфийских надписей ему обязано многим» (цит. по: Яйленко. С. 179).

Толкуя авторов в ун-тской аудитории, Н. предпочитал объяснять греч. ораторов и историков. В разные годы он читал курсы древней истории, греч. и римск. древностей (в т. ч. древней хронологии и географии), истории греч. литературы. Но и в последние годы жизни Н. не оставлял эпиграфич. занятий: из работ этого периода примечательны статья «ΑΙΑΝΤΕΙΑ» (ЖМНП. 1913. Янв.–февр.) — о фрагментарной надписи, интерпретированной Н. как договор двух общин о посылке девушек, посвященных храму Афины

для искупления греха Аякса Локрского; или этюд «**Драконт Евпатрид**» (ИАН. 1919. Сер. VI. № 12–15), где со ссылкой на надпись II в. до н. э. приведено доказательство существования в Афинах рода Евпатридов и принадлежности к нему известного законодателя. Приглашенный В. В. Латышевым в ГАИМК, Н. готовил издание генуэзских надписей Сев. Причерноморья.

Возраст и слабое здоровье не позволили Н. перенести послереволюционную разруху, хотя трудности быта жившего одиноко (в революционные годы — и без прислуги) Н. не смущали: «Легко понять, сколько времени отнимали у него мелкие хозяйственные заботы по дому <...>. Другой на его месте не выдержал бы таких условий существования, но наш академик был по характеру мастер на изобретения и новые приспособления и с поразительным искусством справлялся с трудностями своего положения» (Успенский Ф. И. А. В. Никитский // ИАН. 1923. Сер. VI. № 1–18. С. 3).

Литература: Петухов; Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910; Мишулин А. В. О наследстве русской науки по древней истории // ВДИ. 1938. № 3(4); Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX в. СПб., 2000; Медведев 2006; Радциг С. И. Из истории кафедры классической филологии Московского университета // Вопр. классич. филологии. Вып. 1. М., 1965; Яйленко В. П. Александр Васильевич Никитский: к 50-летию со дня смерти // ВДИ. 1972. № 4 ♦ Нагуевский; Брокгауз; Маркевич; Прозоров; БС Юрьев. ун-та; Черняев; БС МАО; РБС; Венгеров (Список); Латышев; Воронков; Пам. книжки СПбИФИ 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; БС ПОНУ; Фролов 2006; Российская академия наук; Бузескул 2008; Тункина 2017; Hausmann.

Архивы: Личный фонд: СПбФ АРАН. Ф. 84. 62 ед. хр.; Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 4. (Д. И. Абрамович), 88 (В. В. Болотов), 124 (П. Л. Ваксель), 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский) и др.; СПбФ АРАН. Ф. 733 (В. К. Ернштедт); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ; в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 1168).

В. П. Смышляева

**НИКОЛЬСКИЙ
Борис Владимирович**

NIKOLSKY / NIKOL'SKIJ B. V.

[3(15).10.1870, Петербург —
июнь 1919, Петроград],
юрист, историк, филолог, публицист

Сын проф. рус. словесности СПбДА и Александровского лицея В. В. Никольского и М. И. Никольской (урожд. Скроботовой). Домашнему образованию обязан хорошей подготовкой по лат., нем. и франц. языкам. В 1881–1884 обучался в классич. гимназии при ИФИ, откуда перешел в Имп. Уч-ще правоведения. В 1889 поступил в Петерб. ун-т, где окончил курс по юрид. ф-ту в 1893. По окончании курса служил в Хозяйственном деп. МВД (1893–1896). В 1897 издал монографию **«Система и текст XII таблиц: исследование по истории римского права»** (защитил в качестве магист. дис.: Петерб. ун-т, 1899). Занимался также переводами из Катулла. В 1903 издал первый том исследования **«Дарения между супругами»**, который представил в качестве докт. дис. в Новорос. ун-т, но так и не защитил из-за революционных событий. В качестве прив.-доц. читал лекции в Петерб. ун-те до 1905, а также в Александровской воен.-юрид. академии. Позднее преподавал в Юрьевском ун-те (1913–1917), где читал спец. курсы о Катулле и Теренции, а также ряд курсов по римск. истории. В мае 1919 был арестован; точная дата и место расстрела неизвестны.

Н., далекий от легкомысленного поведения однокурсников по Уч-щу правоведения и «классик по духу», уже в 16 лет поражал начитанностью в обл. философии и худож. литературы, превосходно знал несколько европ. языков, в подлиннике читал лат. поэтов-классиков, обладал поразительной памятью, знал наизусть многие поэтич. произведения рус. и зарубежной литературы. Знание

латыни облегчило Н. в будущем его занятия римск. правом, хотя в юношеские годы он испытывал гораздо большее увлечение поэзией и философией, писал стихи и мечтал о лит. карьере. Впервые он выступил в печати с переводом с англ. в 1885 (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 6. Л. 1).

Один из его друзей, А. В. Самойлович, вспоминал, как впервые встретил 16-летнего Н., прогуливавшегося в общем зале уч-ща с двумя слушателями: «Когда он проходил мимо в неизменно, но персонально меняющемся трио, я слышал, что всегда он говорил о “высоких материях”, что-нибудь из малопонятной тогда для меня метафизики — ронялись имена Лейбница, Спинозы, Шопенгауэра, мудреные слова “категорический императив”, “мнимые субстанции”, “Ding an sich”; произносились цитаты на латинском языке или же слышались обрывки с чувством декламируемых им стихотворений на русском и иностранных языках» (Самойлович. С. 42).

На старшем курсе уч-ща Н. всерьез заинтересовался римск. правом, но из-за «дерзостного поведения», свободолюбия и проявления левых полит. взглядов за полтора года до окончания полного курса

был уволен и перешел в Петерб. ун-т на юрид. ф-т (1889). В пору учения в ун-те произошло изменение его взглядов — от увлечения левыми идеями к мировоззрению правого толка. После смерти отца семья испытывала финансовые затруднения, и Н. был вынужден обращаться на высочайшее имя с просьбой о денежной помощи (ОР РНБ. Ф. 520. Д. 336). По-видимому, именно этим объясняется тот факт, что по окончании курса он не остался при ун-те, а поступил на гос. службу, где получил поручение составить по архивным данным историю страхового дела в России.

Характеристику Н. в этот период оставил Самойлович: «Это был все тот же Б. В. — веселости в нем несколько с возрастом поубавилось, но он казался еще более, чем раньше, хлопотуном, по улицам совсем мало ездил, но всегда с книгами и портфелем под мышкой, отчаянно спешил мелкой рысцой, шагами частыми и для него широкими, казавшимися большими из-за короткости его ног — из Публичной библиотеки куда-нибудь к другу-литератору, от него в университет, оттуда в какую-нибудь редакцию» (Самойлович. С. 54).

В 1895 Н. женился на дочери редактора ж. «ИВ» С. Н. Шубинского Екатерине, а год спустя вышел в отставку. В этот период он печатал стихи в ж. «РВ», газ. «Новое время» и др. изданиях, писал критич. статьи и работал над магист. дис. Сотрудничество с А. С. Сувориным помогло ему опублик. книгу **«Система и текст XII таблиц»** (СПб., 1897), которая представляла собой в большей степени ист.-филол., чем ист.-юрид. исследование.

Юрист по образованию, Н. утверждал, что «филологическая критика XII таблиц должна быть совершенно независима от юридических гипотез и конструкций» (ОР РНБ. Ф. 520. Д. 349. 1 л.). Оригинальность Н. в работе с текстом XII таблиц проявилась в том, что Н. дал перевод сохранившихся отрывков древнейших римск. законов архаичным языком

в стиле «Русской Правды». Он полагал, что это поможет лучше передать дух древнейшего памятника римск. права, который культурно-исторически стоит ближе ко временам Древней Руси, чем к Новому времени. Однако этот подход вызвал неприятие в науч. и преподавательской среде, тем более, что автор предлагал свой труд в качестве учеб. пособия для студентов юрид. и филол. ф-тов (см. рец.: Н. Г. // ФО. 1898. Т. 14. С.22–25).

В процессе исследования ист. традиции о децемвирах Н. выдвинул спорную гипотезу об избрании единственной коллегии децемвиров с неопределенным сроком полномочий. Имена второй коллегии он считал вымышленными, обосновывая это умолчанием Помпония, источником которого считал несохранившееся антикварное произведение Варрона (Система... С. 14–20). Отрицал Н. и какое-либо греч. влияние на законы XII таблиц, датируя римск. посольство в Грецию, о котором сообщают анналисты применительно к середине V в. до н. э., концом IV в. до н. э., когда, как он полагал, законы и были опублик. в виде медных таблиц по требованию плебеев (Там же. С. 43–52). Работа Н. стала известна за рубежом, поскольку реферат его книги был опублик. в Германии (*Pergament M. B. W. Nikolsky. System und Text des Zwölftafelgesetzes // ZRG. Roman. Abt. 1898. Bd. 19. S. 374–383*). Она вызвала критику, но ее основная идея (отрицание реальности второй коллегии децемвиров) нашла последователей.

Служба в ун-те, как и всегда у Н., сочеталась с широким кругом общения, любовью к книгам (уже тогда его б-ка насчитывала несколько тысяч томов) и маркам. Будучи филателистом, Н. еще в юности собрал внушительную коллекцию марок, о чем свидетельствует письмо издателя и редактора ж. «Юная Россия» В. В. Брея с просьбой предоставить коллекцию для ознакомления с ней его сына (ОР РНБ. Ф. 520. Д. 371). По вторникам Н. собирал у себя друзей (среди них были будущий нарком иностр.

дел Г. В. Чичерин, будущий секр. и тов. предс. Гос. Думы бар. А. Ф. Мейендорф, бар. Н. В. Дризен и др.) за чаепитиями и разговорами о литературе.

В 1898–1899 на страницах «ЖМНП» развернулась дискуссия между Н. и И. А. Покровским, который в своей магист. дис. предложил оригинальный взгляд на различие между двумя видами римск. исков (*actiones in factum*; *actiones in ius conceptae*). В своей рец. Н. критиковал Покровского как сторонника интерполяционного направления. Недостаток последнего он находил в том, что в различениях источников (объяснимых, с точки зрения Н., разногласиями позднейших юристов или «глупостью» и «невежеством» компиляторов) его адепты видели формальные разногласия древних юристов (Рец. на: *Покровский И. А. Право и факт в римском праве. Ч. 1: Право и факт как материальное основание исков. Киев, 1898 // ЖМНП. 1898. Дек. С. 374*).

В ответ на критику Покровский заметил, что рецензент не отнесся к книге с должным вниманием, не понял ряд ее положений, а многие проигнорировал. Публикация завершалась словами: «Тон маэстро уже совершенно не к лицу г. Никольскому» (*Покровский И. А. Ответ г. Б. В. Никольскому // Там же. 1899. Март. С. 190–201*). По-видимому, правота была на стороне Покровского, который к тому времени уже являлся авторитетным специалистом по римск. праву. Эта полемика положила начало враждебности в отношениях Н. и Покровского, проявившейся вполне в 1903, когда последний стал зав. каф. римск. права Петерб. ун-та, после чего Н. был вынужден навсегда покинуть это учеб. заведение.

Для преподавательской деятельности Н. характерно его предложение ввести для студентов юрид. ф-та обязательные практич. занятия с изучением законов XII таблиц по изданию самого Н., а также 1-го титула XXIV книги Дигест, после чего студенты готовили доклады.

Н. сочетал интерес к основному предмету своих занятий с увлеченностью рус. литературой. Автор статей и критич. очерков о Пушкине («**Поэт и читатель в лирике Пушкина**»; «**Академический Пушкин**»; «**Последняя дуэль Пушкина**»), Н. выпустил в 1899 первый — и единственный — сб. собственных стихов. Стоит упомянуть, что в юные годы Н. был далек от увлечения Пушкиным, предпочитая ему Лермонтова, и умалял значение первого. Как отмечает Самойлович, «в пантеоне русских стихотворцев у Никольского был еще избранник — Фет, и всю жизнь он оставался верен нежной лирике этого поэта» (*Самойлович. С. 52*). Н. был знаком с А. А. Фетом, доверившим ему часть своего архива, и готовил к изданию первое ПС стихотворений поэта, вышедшее в трех томах (СПб., 1901). Любовь Н. к творчеству Фета проявилась и в опубл. им в 1901 переводе «Свадьбы Пелея и Фетиды» (ЖМНП. 1901. Ноябрь. С. 104–115) с посвящением поэту, известному своими переводами Катулла. Стремление воспроизвести на рус. языке антич. метрику, а также намеренная архаизация языка делали переводы Н. не всегда понятными и весьма своеобразными (РП. Т. 4. С. 323).

К этому времени относится нарастание напряженности в отношениях Н. с коллегами по ун-ту, в особенности с ректором А. Х. Гольмстеном, заведующим каф. энциклопедии права Л. И. Петражицким и проф. Д. Д. Гриммом. Основной причиной конфликта с либеральной профессурой юрид. ф-та, по-видимому, были правые взгляды Н., а также его резкость и откровенность в беседах с коллегами. Разумеется, не все, что ученый описывал в дневнике, высказывалось вслух, но судя по описаниям бесед с ректором, нередко они бывали предельно резкими (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 1. Л. 201).

В начале 1900-х Н. работает над докт. дис., посвященной семейному праву, и, все более отдаляясь от коллег,

стремится сблизиться со студенчеством. В 1901–1902 он основал при ун-те студ. кружки лит. и римск. гражданского права, которыми руководил до 1905. В 1901 занимался редакцией сб. стихотворений студентов Петерб. ун-та. Одним из участников этих занятий был тогда еще неизвестный студент А. А. Блок, которого Н. характеризовал то как «убогого полудекадента», то как «симпатичного, но сбившегося с толку юношу» (Там же. Л. 192–192 об.). Из двенадцати стихотворений, посланных Блоком для публикации, Н. отобрал только три, но и их потребовал переработать (*Беззубов В. И., Исаков С. Г.* Блок — участник студенческого сборника // Блоковский сборник II: Тр. Второй науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 330).

Издав первый том исследования «**Дарения между супругами**», Н. рассчитывал представить его в качестве докт. дис. Понимая, что сделать это в Петербурге ему не удастся, он представил работу в Новорос. ун-т, однако диспут не был проведен, как пишет Н., «из-за революционных событий» (РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 6. Л. 2). Так или иначе, вскоре после этого Н. покинул Петерб. ун-т и практически прекратил преподавание. С 1904 он ревностно занялся адвокатской практикой и общественно-полит. деятельностью. Еще в окт. 1903 он вступил в ряды «Русского собрания», а в 1905 вышел на авансцену, став чл. Главного совета Союза рус. народа. Большое впечатление произвела произнесенная Н. речь, призывавшая к жестким мерам по наведению порядка в стране (Всепопданнейшая речь, произнесенная Б. В. Никольским в Высочайшем присутствии, при приеме депутации «Русского собрания» 31 дек. 1905 г. Харьков, 1906). Увлечение полит. борьбой, как и все в жизни Н., захватило его лишь на короткий промежуток времени. Очередной конфликт, на этот раз с бывшими единомышленниками (сначала

с В. М. Пуришкевичем и Н. Е. Марковым, а затем и с А. И. Дубровиным, которого Н. счел неспособным к роли руководителя правого движения в России), вынудил его оставить и это поприще.

С 1910 Н. возобновил преподавательскую деятельность. Он был приглашен читать курсы истории рус. словесности и римск. права детям вел. кн. Константина Константиновича — Олегу и Игорю (см. воспоминания Н. о своем ученике, павшем в первые месяцы войны: **Князь Олег**. Пг., 1915; **Его имп. высочество кн. Олег Константинович** // ИВ. 1914. № 11). В 1913 Н. стал преподавателем Юрьевского ун-та, оставив адвокатуру, продолжал переводить Катулла и рассчитывал завершить работу над докт. дис. В 1914 он выпустил переработку своего более раннего исследования «**К истории дарений между супругами**» (Юрьев, 1915), однако попытка защитить его в качестве докт. дис. потерпела неудачу.

В эти годы Н. сдружился с Б. А. Садовским: их свела в начале 1912 общая страсть — увлечение творчеством Фета, в котором оба видели великого поэта, недостаточно оцененного современниками. Н. разрешил Садовскому заниматься рукописями Фета, которые издавна хранил.

Садовской упоминает об одной характерной черте Н.: «Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно. Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их» (*Шумихин*. С. 129).

Февральская революция нанесла Н. очередной удар: в марте 1917 по циркулярному распоряжению А. А. Мануйлова, назначенного министром народного просвещения, он подал в отставку с должности орд. проф. Юрьевского ун-та и остался преподавать заштатно. Удалившись от дел, Н. продолжил работу над критич. изданием Катулла с переводом

(не сохр.) и новым сб. своих стихов (впервые опубл.: *Никольский Б. В.* Сокрушить крамолу. М., 2009. С. 142–177). Позднее по поручению военно-науч. секции Всеобуча Н. готовил к печати первый рус. перевод трактата «О военном деле» римск. писателя Вегеция (Б. В. Никольский. [Некролог] // Вестн. литературы. 1919. № 6. С. 12), но не сохранилось даже черновиков этой работы. В 1919-м АН намеревалась выпустить труд Н. «Пушкин и его современники» (не вышло и это).

Незадолго до своей гибели Н. стал проф. ист.-филол. и юрид. ф-тов Воронежского ун-та (эвакуированный при наступлении немцев Юрьевский ун-т), однако так и не сумел выехать в Воронеж. 17 мая 1919 он был арестован в связи с «фильтровкой служащих и сотрудников Комитета по военным делам», а в июне 1919 расстрелян на основании постановления Петрогр. Губ. ЧК «как убежденный организатор Союза рус. народа, проникший в военную организацию с целью шпионажа» (Архив УФСБ по СПб. и Ленингр. обл. Д. П-92726). В 2002 г. реабилитирован постановлением Военной прокуратуры Сев. флота.

Н. обладал богатой б-кой, в состав которой, помимо собранных им, вошли книги его тестя С. Н. Шубинского, оставившего ему пять тысяч томов своей б-ки. В книжном собрании Н. были многочисленные издания Катулла, уники Лондонского библиогр. общ-ва и редчайшие фолианты по римск. праву, в т. ч. труды средневековых глоссаторов (*Шумихин*. С. 129; Библиотека Б. В. Никольского // Вестн. литературы. 1919. № 7. С. 11). После гибели Н. б-ка была конфискована «и распылена между РГБ (основная часть), Книжной палатой (отдел библиографии) и Гос. книжным фондом, который распределил остаток между разными вузами и науч. учреждениями» (РП. Т. 4. С. 323).

Фигура Н. оказалась практически забытой в истории петерб. антиковедения. Он остался известным лишь немногим

юристам и историкам как исследователь «Двенадцати таблиц» и в большей степени литературоведам как пушкинист и издатель Фета, несмотря на то, что серьезно занимался переводами лат. памятников и мог бы обогатить ими рус. словесность. Имя его даже среди юристов малоизвестно, в отличие от имен некоторых его идейных противников (Петражицкого, Покровского). Его порывистая и резкая натура не позволила ему найти общий язык с коллегами в ун-тской среде и защитить докт. дис. Как отметил Самойлович, «он несколько разбрасывался, и в этом причина его успехов на половину» (*Самойлович*. С. 60).

Впрочем, незаурядная личность Н. налагала свой неповторимый отпечаток на все, чем он занимался. Правые взгляды и любовь к древностям вылились у него в намеренную архаизацию языка в переводах не только законов XII таблиц, но и стихотворений Катулла. Критич. задор способствовал попыткам пересмотреть ист. традицию о децемвирах в духе господствовавшего на рубеже XIX–XX вв. гиперкритицизма. Тем не менее некоторые ист. и филол. наблюдения Н. сохраняют свою ценность для современного исследователя так же, как и яркие события политической, общественной, научной и культурной жизни Петербурга, представленные в его записках (теперь они изданы: *Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918* / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1–2).

Литература: *Самойлович А. В.* Пушкинист Б. В. Никольский // Парфенон: сб. первый. СПб., 1922. С. 40–60; *Шумихин С. В.* Ровесник «серебряного века» (Записки Б. А. Садовского) // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 116–131; *Кожин В.* Загадочные страницы истории XX в. «Черносотенцы» и революция. М., 1995. С. 14–16 ♦ НЭС; РП; БРЭ; Русская литература XX в.; Биографика СПбГУ.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 520; РГИА. Ф. 1006; ЦГИА СПб. Ф. 14; ГА РФ. Ф. 588.

А. В. Васильев

НОВОСАДСКИЙ Николай Иванович

NOVOSADSKIJ N. I.

[1(13).5.1859. с. Великие Пузырьки, ныне Изяславского р-на Хмельницкой обл. Украины — 23.7 (по др. сведениям 29.6).1941, Москва], *филолог, эпиграфист, историк культуры*

Сын протоиерея. По окончании Волынской духовной семинарии обучался в ПИФИ (1879–1883; однокурсник С. И. Гинтолта). После выпуска был направлен учителем древних языков в Таганрогскую гимназию, откуда в июле 1884 выехал для науч. занятий в Грецию: стажировался под руководством У. Кёлера (Köhler) и С. Куманудиса. Возвратясь в Россию (1886), преподавал в Уч-ще Видемана и в гимназии ПИФИ (1886–1888), завершая магист. дис. **«Елевсинские мистерии»** (защищена: Петерб. ун-т, 1887). В февр. 1888 заместил А. Ф. Мержинского на каф. греч. словесности Варшавского ун-та (при лестных отзывах И. В. Помяловского и Ф. Дьячана; см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 298. Л. 108): доц., экстр. проф. (1.9.1888), орд. проф. (1902), секр. ИФФ (1889–1895), декан (1905–1906), временный ректор (1905–1906). Чл.-учредитель Общ-ва истории, филологии и права при Варшавском ун-те. Докт. дис. **«Орфические гимны»** (защищена: Новорос. ун-т, 1901). Выйдя в отставку, переехал в Москву, где вскоре возобновил преподавание: читал курс эпиграфики в Моск. археол. ин-те (1907–1917) и дисциплины антич. цикла в Моск. ун-те (орд. проф. 1909, засл. проф. 1916). Чл. РАО. Чл.-корр. АН (ОКФ) 1917. После 1917 продолжал преподавание в ун-тских структурах, с 1919 по 1934 также заведовал отделением классич. филологии ГБЛ. В 1934 вошел в состав Комиссии древних языков (с 1937/38 — каф. древних языков ист. ф-та МГУ, которую Н. возглавил).

Ученик историка Ф. Ф. Соколова, участник его *privatissima* (наряду с В. К. Ернштедтом, В. В. Латышевым, А. В. Никитским и др.), Н. со студ. лет специализировался в области греч. эпиграфики. Соколов дал хороший отзыв о его выпускной работе **«Елевсинские мистерии по древним авторам и надписям»**, отметив самостоятельный анализ надписей и удачную аргументацию «посвящения малых мистерий богочитанию Кору» (ЖМНП. 1883. Сент. С. 26–27). В период зарубежной стажировки Н. собрал эпиграфич. свидетельства о религиозно-полит. истории древней Греции, преимущ. о неофициальных греч. культурах, объехав для этого местности, которые, по его словам, «представляли интерес в области его программы» (см. письмо 1892 — ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1067. Л. 2). С 1885 в периодике (и годовых отчетах Уч-ща Видемана) появляются его статьи и заметки по теме будущей дис.: **«Несколько заметок об Елевсине»** (ЖМНП. 1885. Июнь); **«К вопросу о культе Изиды в Греции»** (Там же. Июнь–июль); **«Надгробная надпись из Никеи»** (ЖМНП.

1886. Июль; совместно с В. Регелем), где дается разбор и стилистич. критика эпиграфического и антологического вариантов эпитафии); «**Котито**» (Там же. Июнь); «**Критские надписи**» (ЖМНП. 1885. Июль); подробная рец. на монографию П. Фукара о происхождении элевзинских мистерий (ЖМНП. 1896. Апр.) и др.

В дис. «Элевзинские мистерии» (СПб., 1887), опираясь на лит., мифол. и новейшие эпиграфич. свидетельства, Н., изложив историю таинств, остановился на устройстве древнего храма и храмовой иерархии. В откликах на труд Н. отмечалась злостность для российской науки «первого отечественного труда об элевзинских» (дис. Н. предшествовало лишь краткое сочинение С. С. Уварова по этой теме) и добросовестность его исполнения, но отмечалась чрезмерная для начинающего исследователя широта темы:

«Новосадский, очевидно, поднял бремя непосильное, <...> что особенно бросается в глаза при сопоставлении его книги с соответствующим отделом знаменитого труда Х. Лобека "Aglaophamus", к которому Новосадский относится столь своеобразно, что приходится думать, что значение этого сочинения <...> не совсем ясно для русского исследователя» (ЖМНП. 1887. Май. С. 221).

Дис. принесла Н. известность за границей, в т. ч. членство в археол. обществах Берлина, Рима и Афин. Впрочем, он не всегда был доволен отзывами зарубежных коллег на свой труд, напр., автора «Attische Genealogie» Й. Тёпфера (J. Toepffer), который критиковал его (DLZ. 1888. S. 1406 ff.), по мнению Н., «parum juste et liberaliter» (ЖМНП. 1891. Март. С. 122–128).

Со временем — и с появлением новых эпиграфич. находок — дис. Н. устарела, а гипотеза о египетском происхождении элевзинских мистерий не получила подтверждения (Радиц С. И. Из истории кафедры классической филологии Московского университета // Вопр. классической филологии. Вып. 1. М., 1965. С. 214).

Вскоре после магист. защиты Н. задумался о теме докт. дис. Сначала он собирался написать сочинение о «сивиллиных книгах» (см. письмо 1888 — ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1067. Л. 13 об.), затем возвратился к материалу греч. культов. Так появилась его монография «**Культ Кабиров в древней Греции**» (Варшава, 1891), посвященная малоазийскому культу кабиров, которые в греч. мифологии выступают как дети Гефеста и нимфы Кабиры (Καβειρώ). Н. представил их божествами света, вулканического огня и плодородия. Заручившись благожелательными откликами Ф. Ф. Соколова и П. В. Никитина, он уже обсуждал дату диспута (см. письмо 1892 — ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1067. Л. 29), когда «оппозиция» в лице Ф. Ф. Зелинского выступила с отрицательным отзывом на его труд (ЖМНП. 1892. Март. С. 248–272). Рецензент объяснял свое «горькое» решение противостоять Соколову «интересами науки и нашего ф-та» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 793. Л. 6). Зелинский утверждал, что из трех задач науч. исследования (сбор материала, его критика и создание собственной теории) Н. справился лишь с первой (притом «не без помощи» Лобека, Ленормана и Крузиуса). Что касается критики источников, то Н., по мнению Зелинского, показал себя дилетантом, не отличающим достоверные свидетельства от кабинетных конструкций и худож. вымысла (напр., у Диодора или Эвгемера), а к созданию научной теории автор, которому «неизвестны даже самые азбучные истины современной мифологии», просто не готов.

Н. был сильно задет тем, что «оппозиция заявила себя так поздно» и с умыслом придала дело огласке, а Ф. Е. Корш в отклике на этот «разнос не без основания» упоминал, что «кавиры побывали и в Одессе, и в Москве, да еще чуть ли не одновременно» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 883. Л. 6 об.). Резко возразив Зелинскому (**Странная критика: ответ**

г. Зелинскому // ВУИ. 1894. № 3–4), Н. все же был вынужден обновить тему. Не оставляя эпиграфики, он дополнил свои материалы палеографич. анализом: «**Ad parvum magicam Bibliothecae Parisinae Nationalis adnotationes palaeographicae**» (ЖМНП. 1895. Дек.); «**Несколько заметок к анонимному стихотворению τὰ περὶ βοτάνων**» (ВУИ. 1897. № 9) и др.; новыми визант. текстами, изданными совместно с В. Регелем, в т. ч. «**Rhetorum saeculi XII orationes politicae**» (СПб., 1892; fasc. 2. 1917) и лингвостилистич. наблюдениями: «**Observationes criticae in hymnos Orphicos**» (ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ: сб. статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896).

В докт. сочинении «**Орфические гимны**» (Варшава, 1900) ист.-антикварное начало оказалось значительно потеснено филологическим, т. к. анализ содержания гимнов «не мог привести к решению вопроса о том, к какому времени следует отнести их составление» (разносторонний и тщательный анализ материала одобрил в своем отклике Б. В. Варнеке — ФО. 1900. Т. 19. С. 109–111; подпись: р-). В первой части Н. рассматривает традицию текста, историю изучения гимнов и разбирает их содержание. Во второй, убежденный, что «решающее значение в вопросе о времени составления орфических гимнов принадлежит метрам и языку», сочетает фонетический, морфологический, фразеологический и метрический анализ текста, сопоставляя их с аналогичными характеристиками гимнов Каллимаха, Нонна и Прокла. В целом Н. стремится доказать, что орфические гимны были созданы около II в. до н. э., сильно расходясь с Лобеком, считавшим их памятниками визант. эпохи. Н. пишет: «Орфические гимны представляют памятник иератической поэзии александрийского периода со строго выдержанными формами гекзаметра и следами живой эллинской речи» (Цит. соч. С. 241). К истории греч. религии Н. возвращался

и в статье «**Древнегреческие экзегеты**» (ЖМНП. 1905. Февр.): опираясь на эпиграфич. и лит. свидетельства, он старался уточнить обязанности экзегетов Пифийского святилища.

Своими трудами о греч. культах Н. «много сделал для прояснения <...> таких сложных и запутанных вопросов, как сущность религиозных верований древних греков, происхождение и характер различных культов и обрядов (в том числе и особенных, стоявших как бы за пределами официальной, олимпийской религии), наконец, связь религиозных представлений с мифологическими и взаимное их влияние друг на друга» (Фролов 2006. С. 292).

Науч. приоритеты Н. изменяются с переездом в Москву: здесь материалом его исследований чаще становятся южнорус. надписи, а лингвостилистич. комментарий замещается историческим и литературоведческим. Из эпиграфич. публикаций моск. периода выделяются «**Несколько заметок о греческих христианских надписях**» (Харьков, 1914; о влиянии антич. лит. традиции на раннехристианскую эпиграфику — реминисценции и поэтич. формулы). В работе «**Амулет с именем Ἀκτιῶφι**» (Сб. в честь проф. В. К. Мальмберга. М., 1917) предложена датировка и толкование найденного в Афганистане апотропайона из яшмы с изображением крылатого мальчика. Статья «**Боспорские фиасы**» (Тр. секции археологии РАН ИОН. 1928. Т. 3) дает реконструкцию организации фиасов и их влияния на оформление христианской символики. Был опубликован и доклад Н. «**Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям**» (Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 1927 г. Севастополь, 1927), где он предлагает вместо ΣΑΣΤΗΡ в присяге херсонесцев, как ошибки резчика, собственную эмendaцию ΜΑΣΤΗΡ в смысле «магистрат, наблюдающий за конфискацией имущества изгнанников».

Ради слушателей Моск. археол. ин-та Н. обобщил часть своих лекций по эпиграфике в сжатом и живо написанном очерке истории этой дисциплины в Европе и в России: «Греческая эпиграфика» (Ч. 1. М., 1909; 21915). Запланированная вторая часть пособия не была завершена — вышло лишь дополнение к первой части в виде поздней статьи Н.: Античная эпиграфика в СССР за 20 лет. 1917–1937 // ВДИ. 1938. № 4. С. 202–213. Оба издания «Греческой эпиграфики» были хорошо приняты критикой: рец. И. Бороздина (Гермес. 1910. № 5), С. А. Жебелёва (ЖМНП. 1910. Июль), А. Захарова (Гермес. 1916. № 9) и др. В. П. Бузескул оценил эти лекции Н. как «превосходные» и «нередко увлекательные», особо похвалив внимание автора к трудам отеч. ученых (Бузескул 2008. С. 253).

Из ист.-лит. работ Н. благожелательное внимание специалистов привлекали вступление и комментарий к переводу «Аристотель. Поэтика» (Л., 1927), где Н. говорит о судьбе сочинения в Новое время и о истории его перевода на рус. язык. Примечательна статья «Несколько замечок о композиции I кн. Геродота» (Изв. Таврического общ-ва истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1), где обсуждается подлинность начала Геродотовой «Истории». Любопытен проведенный Н. в статье «Реализм Гесиода» анализ того, насколько соответствует житейской правде содержание поэмы «Труды и дни», в эпический стиль и фразеологию которой «поэт щедрой рукой привнес все то, что могла дать ему в этой области современная ему жизнь» (ИАН ОГН. 1928. № 2. С. 158). Продолжал публиковать Н. и статьи на антикварные темы, сопрягая антич. реалии и современную жизнь: «Педагогические идеалы Платона» (ВУИ. 1904. № 1), «Борьба с повышением цен в древней Греции» (ЖМНП. 1917. Февр.), «Художественное воспитание в Древней Греции» (ВДИ. 1940. № 2) и др. С комментарием Н. вышли авторы: Андокид (Варшава, 1900), Демосфен (Варшава,

1900–1901), Исократ (Варшава, 1904–1905). Что касается лекционных курсов, то Н. читал критику и герменевтику текста, греч. метрику, эпиграфику, а также историю греч. литературы, о чем некоторое представление дают литографии его лекций 1910-х: «История греческой литературы» (М., 1910), «История греческой драмы. Трагедия» (М., 1912). В последние годы жизни Н. участвовал в написании коллективного труда «История греческой литературы» (М., 1946).

Коллегами Н. воспринимался как серьезный ученый и «хороший товарищ» (см. письмо 1888 Г. Э. Зенгера — ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 646. Л. 15); среди разножанровых публикаций Н. присутствуют биограф. заметки о его сослуживцах по ПИФИ: «К юбилею С. И. Гинтовта» (Гермес. 1913. № 11–12), «А. И. Малейн» (Советская библиография. 1940. № 1 (18); совместно с Р. Тонковой).

Как педагог Н. стремился поддержать молодых ученых: для А. Ф. Лосева, напр., со времени руководства его сочинением «О мироощущении Эсхила» (1914) Н. был не только науч. руководителем, но и близким человеком: «В трудные для Лосева дни, когда его обвиняла советская власть в идеализме и враждебной деятельности, Новосадский не устранился дать отзывы о научных трудах своего ученика» (Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев. М., 1997. С. 48).

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; Маркевич; Наука и научные работники СССР. Ч. 4: Научные работники Москвы. Л., 1930; Жебелёв С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4; Граков Б. Н. Н. И. Новосадский // ВДИ. 1939. № 2; Фёдорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982; Лосев А. Ф. Мне было 19 лет... М., 1997; Михальченко С. И. Историко-филологический факультет Варшавского университета. Брянск, 2005; Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 2005; Белоусов А. В. Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН // Труды каф. древних языков ист.

факультета МГУ — 80 лет / Отв. ред. А. В. Подсинов. М., 2018. С. 28–96 (с библиографией и др.) ♦ Брокгауз; Прозоров; Венгер (Список); Латышев; Воронков, ПМУ; Филологический факультет Московского университета: энцикл. словарь. М., 2005; Бузескул 2008; Российская академия наук; Рус. интеллигенция; Тункина 2017.

Архивы: *Личный фонд:* Архив АРАН. Ф. 611. 137 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгер); СПбФ АРАН. Ф. 41 (Г. К. Шмидт), 733 (В. К. Ернштейн); РГИА. Ф. 733, 740 (в т. ч. имеются п. д. и ф. с. 1907 — Оп. 21. Ед. хр. 1152); РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов), 608; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ; в т. ч. студ. дело — № 1231).

В. П. Смышляева

НОВОСЁЛОВ

Александр Григорьевич

NOVOSELOV A. G.

[1834, с. Заборовье Тверской губ. — 13(25).1.1887, Москва; кладб. Алексеевского монастыря], филолог, педагог

Из семьи протоиерея. По окончании Тверской духовной семинарии поступил в ГПИ (однокурсник В. Г. Васильевского и В. И. Модестова); после закрытия ин-та завершил обучение в Петерб. ун-те (1860, старший учитель гимназии). В 1860–1862 занимался на Пед. курсах при Петерб. ун-те, затем стажировался в Германии. По возвращении (февр. 1865) был причислен к Виленскому УО: до 1871 преподавал лат. язык в Виленской 1-й гимназии; одновременно — учитель рус. и лат. языка в Виленской римск.-католич. семинарии (1865–1872). Продолжил службу в гимназиях Моск. УО: инспектор Владимирской гимназии (1872–1874), директор Тульской гимназии (1874–1881) и Моск. 4-й гимназии — с 1881 до смерти.

Студентом Н., как и В. И. Модестов, предпочел критике и экзегезе текста ист.-лит. занятия под руководством

Н. М. Благовещенского. О содержании его выпускного сочинения (в духе «биограф. метода») можно судить по реферативной статье «**К. Саллюстий Крисп: критическое исследование**» (ЖМНП. 1862. Авг.–сент.). Н. обсуждает в ней моральные (может ли нравственный историк быть безнравственным человеком) и творческие (объективность и народность) характеристики трудов римск. историка: «Саллюстий явился на поприще исторической деятельности в то время, когда Римская республика находилась при последнем издыхании. Давши себе задачей провести историю в самую жизнь народа, он решился вступить в соревнование с греческими историками и по единогласному мнению древних избрал себе образцом Фукидида» (Цит. соч. Сент. С. 149). В теме и ее этико-полит. освещении ощутимы, помимо влияния Благовещенского, впечатления от лекций М. Сем. Куторги и общественных веяний либерального десятилетия. Н. был, возможно, автором перевода (С. О. *Цыбульский* — Бирюч Петрогр. гос. театров. 1919. № 13–14) комедии

Аристофана «Ахарняне», помещенного в «Сборнике, издаваемом студентами Петербургского университета» (Вып. 3. СПб., 1866).

Как и др. члены «пед. кружка», объединившего переведенных в 1859 в Петерб. ун-т старшекурсников бывшего ГПИ, молодой Н. увлекался публицистикой некрасовского «Современника» и с позиций народности критиковал формализм, присущий рус. классицизму. Однако с «малой родиной» и воспитавшей его духовной средой не порывал (Н. был женат на дочери священника из своего Вышневолоцкого уезда), будучи более консервативным в воззрениях, чем Модестов и Васильевский — Н. не разделил, напр., их восхищения «Пolemическими красотами» Н. Г. Чернышевского (Пантелеев. С. 523).

Включенный в партию стипендиатов, которыми министр А. В. Головин планировал укомплектовать будущие ун-ты (Виленский и Новороссийский), Н. в первом отчете о занятиях в Германии (ЖМНП. 1862. Окт.) осудил «притупляющую всякое живое чувство» скуку на разборах *varietates lectionum* у «одряхлевшего авторитета» А. Бёка и «еще не отцветших знаменитостей» вроде М. Гаупта, чем спровоцировал скандал в герм. и отеч. прессе. С отповедью непочтительному стипендиату выступил К. Я. Люгебиль (Наука и гениальные люди // Учитель. 1862. № 24. С. 1189–1198), предпославший в своей статье выразительный эпиграф «*sus Minervam*» и снабдивший ядовитым комментарием каждый абзац Н. Об этом эпизоде упоминают Модестов в «Заграничных воспоминаниях» (ИВ. 1883. № 2) и Ф. А. Струве в «Заметках по поводу отчета г. Новосёлова» (ЖМНП. 1863. Янв. Отд. V), также посчитавший «святой обязанностью обратить внимание просвещенной публики на чрезмерную самонадеянность молодого ученого». На возмущение ун-тской «нем. партии» отзывались «МВед», после Польского восстания боровшиеся с либерализмом министра А. В. Головнина, хотя оппонировавшая им газ. «Голос» (1863. № 40) и постаралась представить отчеты Н. и Модестова как

безобидное проявление молодого задора, а рекомендации в «статьке Струве» — курьезом. Из-за границы Н. вернулся, однако, «остывшим» и с убеждением, что наука должна существовать отдельно от политики (Пантелеев. С. 206). Эпизод, возможно, имел последствия для пед. карьеры Н.: несмотря на его русофильство и критику «засилия польского элемента» в западных губ., вполне созвучные политике попечителя И. П. Корнилова (автора книги «Русское дело в Северо-Западном крае в Муравьевскую эпоху»), Н. был перемещен из Вильны, о чем впоследствии вспоминал с сожалением: «Теперь по службе я больше москвич, чем виленец и петербуржец, но мои симпатии доселе тяготеют к Вильне и Питеру» (см. письмо к Корнилову, 1872 — ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 949. Л. 12).

Братья Ю. А. и П. А. Кулаковские, выпускники Виленской гимназии, благодарно отзывались об уроках молодого Н.: Платон Андреевич, славист и исследователь илиризма, он же гл. редактор газ. «Правительственный вестник», уважал в Н. «убежденного сторонника гуманитарной классической школы» и педагога, которому он «обязан интересом к классическому миру» (Столетний юбилей Виленской 1-й гимназии. Вильна, 1904. С. 20); так же благожелательно о Н. отзывался Ю. А. Кулаковский в автобиогр. заметке (БС Киевск. ун-та. С. 347).

В конце 1871 Н. (при поддержке Корнилова) подавал прошение о переводе в Гатчинский сиротский ин-т, но оказался во Владимире, откуда в дек. 1872 снова пожаловался: «Граф Толстой едва не упек меня в Екатеринбург, и только ходатайство князя <очевидно, А. П. Ширинского-Шихматова, бывшего попечителя Виленского и Моск. УО. — В. С.> спасло меня от этой милости, явившейся для меня сюрпризом к новому году» (письмо к Корнилову, 1872 — ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 949. Л. 18). Не лишенный лит. способностей и общественного темперамента, Н. выступал с публикациями в местной периодике: сохранились сведения о его патриот. заметках виленского периода,

призванных поддержать самосознание рус. населения Прибалтийского края:

«Память наших Ломоносовых и Карамзиных до сих пор чествовалась почти только в одних столицах; но с недавнего времени и провинции начинают у нас принимать участие в подобных воспоминаниях и выражать сочувствие к деятельности русских ученых. Причина этого — в возбуждении нашего национального развития, в пробуждении нашего общественного самоуважения, в том, что вера России в Россию крепнет и крепнет <...> Да не будет в России ни эллин, ни иудей, ни язычник, ни раб, ни скиф, но да составят все единую нераздельную русскую державу, единый русский народ» (О значении и смысле праздника в честь Карамзина // Виленский вестн. 1866. № 265); в этой же газете напечатаны статьи «Возможно ли основание литературно-педагогического общества в Вильне» (1869. № 45), «Н. Б. Долгорукова. Биографический очерк» (1870. № 31–35). Судя по переписке 1870-х, Н. обдумывал труд по истории народных уч-щ Западного края, опубликовал предварительные материалы: «Ревизия проф. Сенковским Белорусских училищ в 1826» (ЖМНП. 1872. Апр.–май), «Материалы для истории народного просвещения в Северо-Западном крае» (Там же. 1872. Апр.).

Однако череда служебных перемещений умерила его лит. амбиции, и в последние десятилетия Н. сосредоточился на адм.-пед. деятельности, хотя к судьбе российского образования никогда не оставался безучастным, напр., обсуждая такие вопросы с Л. Н. Толстым, сыновья которого Илья и Лев учились в Тульской гимназии. Методич. рекомендации Н. по преподаванию древних языков приводятся в записке Д. А. Соколова (Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии. М., 1899. С. 114–116), который охарактеризовал Н. как «умелого администратора, зорко вникающего во все стороны гимназической жизни, требовательного к себе и другим, но сочетавшего внешнюю суровость с прямодушием и сердечной добротой» (Там же. С. 118).

Сын Н. Михаил, по настоянию отца, окончил филол. отделение Моск. ун-та. Известность получил как религиозный мыслитель и издатель «Религиозно-философской библиотеки». После 1917 жил нелегально (как участник Кочующего собора Истинно-православной церкви). Был арестован и погиб в 1938.

Литература: Стрельцов А. Г. А. Г. Норовсёлов: некролог // МВед. 1887. № 16; Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за время 1833–1904. Владимир, 1909; Вересаев В. В. Воспоминания. М., 1982; Захаров В. А., Стаферова Е. Л. А. В. Головинин и либеральные реформы в просвещении. СПб., 2007 ♦ Григорьев; Языков; Сайтов и Модзалевский 2006.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733 (в т. ч. имеется п. д. и ф. с. 1886 — Оп. 130. Ед. хр. 281); ОР РНБ. Ф. 52 (П. Н. Батюшков), 377 (И. П. Корнилов).

В. П. Смышляева

НОРОВ

Авр(а)м / Абрам Сергеевич

NOROFF Abraham S.

[1(12).10.1795, с. Ключи, ныне Ртищевского р-на Саратовской обл. — 23.1(4.2).1869, Петербург; Сергиевская приморская пустынь под Стрельной],
ученый путешественник, эрудит и библиофил, гос. деятель

Отец — С. А. Норов, отставной майор, сослуживец А. А. Аракчеева по артиллерии и его свояк; мать — Т. М. Кошелёва с влиятельными родственниками и свойственниками, напр., Воронцовыми. Брат Василий (1793–1853) окончил Пажеский корпус в авг. 1812 и прошел войну с Бонапартом до Кульма (1813); позже разделил судьбу декабристов. Авраам с 1806 учился в Благородном пансионе при Моск. ун-те, где по меньшей мере преподавались латинский язык и словесность; в 1810, не кончив курса, был

отдан в гвардейскую артиллерию и в Бородинском сражении прапорщиком командовал двумя орудиями на Семёновских флешах; раненный в ногу ядром, лишился ее после двух операций (вторую выполнил лейб-медик в войсках Наполеона Доминик-Жан Ларрэ).

В 1813–1814, залечивая раны, Н. пользовался невольным досугом для усиленных лит. занятий, семена которых были посеяны в Благородном пансионе. В отцовском имении Ключи Саратовской губ. он в течение двух лет занимается исключительно языками и литературой, в особенности увлекаясь — если не считать привитых с детства франц. и нем. — итал., исп. и лат. литературой, с восторженным переживанием вечной (вневременной) античности в духе итал. гуманизма. Н. пересочиняет то, что вдохновило его у римск. или итал. классиков; подражания его живые, вроде начала *Hor. Carm. I, 5*: «К кому, с золотой косою развитой / Небрежной роскошью гордясь, / Лилейной грудию раскрытой / Приникла, страстью утомясь» (*religis comam*, как часто бывает, понято

в смысле *распущенных*, а не искусно убранных волос, которыми восторгается поэт). Хотя Пушкин, выступая как *Dichterfürst*, почел за лучшее осадить порыв Н. переводить Данте, Н. за этими занятиями приобрел навыки, способствующие учено-литературному поприщу, на котором ему сопутствовала прежде всего романская традиция и Библия — ее он знал в различных облициях, по церковно-славянски особенно хорошо.

Еще в пору воен. службы (в 1823 Н. — полковник) Н. отправляется в путешествие по Европе, что нашло отражение в его сочинении «**Путешествие по Сицилии в 1822 году**» (Ч. 1–2. СПб., 1828; итал. перевод — 2003). Рассказ Н. полон как собственных впечатлений, так и вдохновений, почерпнутых из классич. литературы. Увлечение лат. музой не притязает у Н. на систематич. или, тем более, критич. выверенные знания, зато на вершине Этны преодолевший трудности подъема ветеран-инвалид легко находит созвучный собственным ощущениям пассаж из Силия Италика (XIV, 66: *summo sana iugo...*) о борьбе снегов и пламени у этой «надоблачной бездны» (Цит. соч. С. 178); у самого жерла вулкана он весьма кстати вспоминает Эмпедокла и Платона. Вкрапленные им в описания путешествий переводы поэтич. текстов, разбор встреченных по пути надписей или худож. сравнения, делаемые им самим по ходу рассказа, являют начитанность в классич. поэтах, не говоря об историках и географах, без которых Н. никогда не пускался в путь.

После перехода в штат. службу начинается восхождение Н. по чиновной лестнице, продолжавшееся всю его жизнь: в МВД он получает поручение написать историю своего ведомства; при адмирале Д. М. Сенявине он выполняет дипломатич. миссию и т. д. Следует отметить, что свой растущий карьерный вес Н. использовал, в частности, помогая брату, с 1826 помещенному в Бобруйскую крепость, анонимно

напечатать его мемуарно-аналитич. текст: «Записки о походах 1812 и 1813 годов. От Тарутинского сражения до Кульмского боя» (Ч. 1–2. СПб., 1834; переизд.: Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. М., 2013. С. 483–503; см.: Сапожников И. Военно-цензурные баталии ветеранов 1812 года // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX в. СПб., 2006. С. 430–438).

Уже в своих ранних поездках по Италии Н. научился ценить тот род поклонения древним, которому учил И. И. Винкельман. Об этом косвенно свидетельствует его рассказ об отправлении из Триеста, где он провел ночь в роковом для «гениального антиквара» (8.7.1768) гостиничном покое («Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.». СПб., 1853. Т. 1, гл. 1. С. 4; с коммент. переизд. В. В. Солкин: М., 2012). О первом своем путешествии в Палестину Н. повествует в «Путешествии по Святой земле в 1835 году» (СПб., 1838; ³1854): при издании этих записок хронологич. порядок поездок был изменен в пользу Палестины как главной цели путешествия Н. Проявляя острый интерес к христ. Востоку вообще, Н. постоянно имеет в виду древнейшую историю этих стран, ища опоры в антич. источниках.

Как в случае с кратером Этны в 1822, так и при ознакомлении с пирамидами в напористости Н. угадывается усилие преодолеть те ограничения, какие налагало увещье. Вместе с укреплением познаний, а заодно финансовых и адм. возможностей, у Н. росла тяга к собиранию антиков, включая предметы искусства и рукописи. В египетских Фивах он приобретает статую львиноголовой богини Мут-Сохмет (XV в. до н. э.), которую сам он называл *Нейт* (Путешествие по Египту. Ч. 2. С. 350), а иные его современники — *Изидой*. Тогда же Н. приобрел *Погребальный папирус* XI–X вв. до н. э., длиной в 112 см, с текстом из «Книги мертвых» (хранится в РНБ; о Мут-Сохмет,

или Сехмет, из Карнака см.: Ланис И. А., Матъе М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Эрмитажа. М., 1969. № 102, рис. 66).

Когда статуя Мут-Сохмет явилась в Петербург и зашла речь о цене, министр двора кн. П. М. Волконский задал вопрос: «А кто вас просил покупать эту дрянь?» (такова одна из версий: *Смирнова-Россет*. С. 212 и след.; ср. с. 482 и след.). Н. сумел, однако, получить от правительства цену статуи, после того как объявил, что расходы по доставке берет на себя (разбор связанных с судьбой этой статуи рассказов дан в кн.: Формозов. Пушкин... С. 82–86). Смирнова находила в таких приобретениях «русское самолюбие», однако притязание на место в европ. концерте не пустяк; приходилось, наверное, соревноваться и с А. Н. Муравьевым (1806–1874), сфинксы которого были установлены на наб. Невы против Академии художеств.

К публикациям о путешествии 1834–1835 по Палестине примыкает «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847), которые Н. посетил на пути домой через древние города М. Азии: Лаодикию, Филадельфию, Сарды, Фиатиру, Смирну, Пергам и Эфес (Аросал. 1, 11). Не христ., а впрямь «допотопной» древности посвящена работа Н. «Атлантида по греческим и арабским источникам» (Путешествия А. С. Норова. 1854. Т. 5. С. 1–55 отд. пагин.; переизд.: М., 2005) — первоначально это была вторая глава, написанная во время плавания из Бейрута в М. Азию и приложенная к «Путешествию к семи церквам». Продолжая традицию XVII–XVIII вв., автор готов восстанавливать доисторич. географию Земли, соединив два пассажа из Платона («Тимей» 20–26 и «Критий» 113–121), где философ с уверенностью очевидца рисует картину общественного развития 9000-летней давности, и добавив к ним несколько средневековых араб. источников.

У Н. Атлантида не миф, а отзвук того положения, когда Вост. Средиземноморье

от Сицилии до Кипра, а на север до Лесбоса было занято исчезнувшим впоследствии материком. Н. годами собирал уже тогда обширную литературу об этом предмете, чему служила, в частности, его переписка с В. Ганкой. Когда Н. стал уже орд. акад. Петерб. АН, его сочинение об Атлантиде в переводе на нем. язык было издано отд. книжкой (*Noroff A. S. von. Die Atlantis nach griechischen und arabischen Quellen.* SPb., 1854), с выдержками из рукописей петерб. собраний, щегольски напечатанных по-арабски.

Историей земного рельефа за много тысяч лет заниматься лучше не филологам; зато именно филология способна и обязана выявить природу и назначение древних текстов, что, по-видимому, ставит точку в каком бы то ни было использовании одного из платоновских мифов для истории земной поверхности (*Rohde E. Der griechische Roman...* Leipz., 1876. S. 198 f.). С опорой на подход А. И. Зайцева к позднему Платону эта проблема тонко разработана в книге Д. В. Панченко «Платон и Атлантида» (Л., 1990). Не без удивления заметим, что акад. Л. С. Берг в статье «Атлантида и Эгеида» (Природа. 1928. № 4. Стлб. 383–388), (вряд ли справедливо) признавая исследование Н. заслуживающим сочувственного внимания, помещает Атлантиду в Эгейском море на юг до Крита.

Еще в 1840 за лит. и науч. заслуги Н. был избран чл. Российской академии, а после присоединения последней в 1841 к Имп. АН стал почетным чл. последней по ОРЯС. После многолетней деятельности в Комиссии прошений, на долю Н. выпадают теперь высшие должности по МНП. В 1851 он избран д. чл. АН и предс. Археограф. комиссии; затем он тов. министра при П. А. Ширинском-Шихматове (с 1850), а с 1854 Н. — министр, оставивший свою должность несколько раньше срока в 1858, поскольку Александр II дал ему почувствовать неудовлетворение его мерами в отношении студенчества и цензуры в особенности.

Ун-тская реформа 1849–1850 была нацелена на установление правительственного контроля за высшей школой, но, несмотря на связь Н. с бюрократией своего времени, применительно к его мин-ву говорят о «смягчении политики власти в университетских вопросах» (*Постовцев Е. А. Столичный университет.* СПб., 2017. С. 407); к концу 1855 ограничения численности студентов в российских ун-тах были отменены, развивалось женское образование. Что касается античности, Н. придавал изучению древнегреч. языка в гимназиях больше значения, чем это было у его непосредственных предшественников (*Pozdnev M. Aufstieg und Niedergang des Schulklassizismus // Hyperboreus.* 2015. Vol. 21. Fasc. 2. P. 199 f.).

В качестве руководителя МНП стареющего инвалида настойчиво упрекали в бесхарактерности, называли «министром народного помрачения», а несколько остроумнее, ибо с учетом его подлинных интересов, — «ветхозаветным министром». Действительно, Н. вряд ли был подходящим человеком для проведения сколько-нибудь крупных изменений в обществе — сравнение с А. В. Головинным это ясно обнаруживает. Впрочем, упомянув заикание Н., коллега по мин-ву, записной остро слов и старый товарищ Н. П. А. Вяземский выразился так: «Нет, совесть ни пред кем не заикалась в нем». Ощущая бремя возраста, Н. не слишком горевал по оставленному позади начальственному положению.

Поскольку достижения и ученость Н. то непомерно возвеличивают (он и поэт, и грецист, знаток рукописей, востоковед и чуть ли не основатель библеистики в России), то, напротив, намекают на *succès d'estime*, необходимо уяснить себе, что собственно умел Н. в сфере ист.-филол. занятий. Сверх отменного французского и невдохновляющего немецкого (время увлечения германской философией в Москве еще не пришло), Н., наряду с отличным владением итальянским и бойким чтением лат. текстов средней трудности, дорожил знакомством с языком древних

эллинов, хотя и шел к этому медленно, долгое время пользуясь лат. и зап.-европ. переводами греч. авторов. Переводы анакреонтики — детская радость эллиниста; более серьезные занятия греч. языком начались у него разве что в 1840-е, когда наставником Н. по этой части стал грек Д. Х. Гумалик.

Получивший образование в Халкидонской семинарии, Дм. Христофорович Гумалик (Gumalic) некоторое время находился при А. С. Стурдзе, а впоследствии был адъюнктом греч. словесности в ГПИ. Сблизившись с Н., Гумалик стал библиотекарем норовского книжного собрания, а затем и домохозяином (*Смирнова-Россет*. С. 324–328, 212 и след.). Познания Н. в греч. языке с годами, может быть, несколько укрепились, но во всем, что касалось греч. языка и текстов, к его услугам была надежная помощь Гумалика.

Внимание Н. к греч. христ. литературе сказалось при подготовке сборника речей визант. церковных деятелей XV в., который несколько удивительным образом появился в двух, почти одновременных, изданиях. Первое называлось: **«Марка Эфесского Окружное послание. Наездательные мысли. Предсмертное завещание Георгия Схолария»** (Издан и перевел с рук. Парижской Имп. 6-ки Авраам Норов. Париж, 1859 / Paris, 1859; с новогреч. контртитолом и вступлением издателя). Другое издание вышло под титулом: **«Не изданные сочинения Марка Эфесского. Георгия Схолария ответ»** (Перевел Авраам Норов. СПб., 1860). Переводы этих текстов, принадлежащих драматичной эпохе конца Византийской империи, показывают, что Н. передает оригинал адекватно по смыслу, а стилистически даже искусно, ибо он с юности освоил технику перевода и любил церковнослав. язык, что дает его версии христ. текстов убедительное звучание.

В Предисловии к обоим сборникам есть почтительное упоминание «Г.-на» Гассе» как выдающегося эллиниста, который способствовал публикации; сравнение

русской транслитерации с новогреч. κύριος Ἀσίου в парижском издании указывает на Карла Бенедикта (Шарля-Бенуа) Газе (Hase; 1780–1864), который, т. о., четыре десятилетия спустя после взаимодействия с Н. П. Румянцевым и акад. Ф. И. Кругом вступил в соприкосновение с новым русским сановником — своего рода эпилог в отношениях Газе с рус. меценатами. В его дневнике (*Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 170, n. 151*) есть помеченная датой 15.3.1859 запись, в которой парижский эллинист не преминул упомянуть и «кальмыцкую» внешность Н., в конце 1850-х побывавшего в Париже. По-видимому, Газе сразу сообразил, что с Н. как ревнителем православия надо говорить о Марке Евгенике (Эфесском) — эта фигура действительно появлялась у Н. еще в «Семи церквах» (С. 287 и след.; ср. свидетельства в архиве Н. — ОР РНБ. Ф. 531. Д. 100–102; указание И. П. Медведева). Еще в 1816, в своей подделке «письма Максима Катилиана» Газе, как установили И. П. Медведев и И. Шевченко (*Medvedev I. Excellent Scholar — Excellent Forger: The Case of Karl Benedict Hase // Manufacturing a Past for the Present. Leiden; Boston, 2015. P. 149–155*), опирался на текст Иоанна Евгеника, брата Марка Эфесского. На этот раз обошлось без подделок — Газе, видно, подобрал парижские тексты, интересные для Н., часть которых, впрочем, была выявлена тогда же и в моск. рукописных собраниях. Появление друг за другом двух почти тождественных сборников Н. может быть связано с характерным для Газе стилем поведения.

С др.-еврейским Н. начал знакомиться еще перед ближневост. путешествием 1834–1835. Это видно по его примечаниям в описаниях путешествий, где он выписывает евр. слова, обычно ради пояснения топонимов, что соответствует его главной задаче: изучению Библии на местности, что имело научный интерес и к тому же обогащало его паломнич. переживания в Св. земле. Объяснения эти Н. находит в богатейшей западноевроп. ученой литературе, сверяя научные данные с др.-рус. «Хождением Даниила» (XII в.), а книжные сведения — с обзором библейских мест. Ограничение приводимого из сферы

иудаистики материала преимущ. топо-
нимикой и ономастикой, которые бывают
далеко не прозрачны, а также некоторые
промахи в толковании заимствований из
древнееврейского показывают, что дис-
циплины лексиколога у Н. не хватало.

Что касается араб. языка, то с 1830-х
в текстах Н. можно наблюдать внимание
к араб. фразам из житейского обихода,
которые он приводит в рус. транслитера-
ции; а если к 1850-м становится виден его
интерес к памятникам средневековой араб.
литературы и следы весьма спец. сведений,
то этим он был обязан Даниилу Абрамови-
чу Хвольсону (1819–1911) — выдающемуся
семилогу, положению которого в России
Н. способствовал, приняв участие в креще-
нии будущего российского подданного
и профессора, на что указывает и отчество
последнего (указание К. Б. Старковой).
К мусульманской культуре Н. относился
внимательно — это имело для него прямое
значение, существенное для заступни-
чества за христиан там, где они в этом
нуждались, и рус. церк. политики, в ко-
торой он участвовал, стремясь умножить
то, в чем видел торжество православия.

То, что Н. «читал» египетские иеро-
глифы — преувеличение, но верно то,
что он ими интересовался; он и в путе-
шестве не выпускал из рук Шампольона
(*Champollion J. F. Lettres écrites d'Égypte et
de Nubie. Paris, 1833*); несколько раз он
пытается посылить восполнить новыми
данными сообщения последнего (Путе-
шестве по Святой земле. Ч. 2. С. 257–259;
Путешествие по Египту. Ч. 2. С. 132–133).
Это не значит, конечно, что Н. можно
сравнивать с И. А. Гуляновым, О. И. Сен-
ковским, Г. П. Павским, Д. А. Хвольсоном.
Н. и сам мыслил себя не специалистом,
а взволнованным паломником и как бы
свидетелем, который изредка предлага-
ет свои наблюдения и дополнительные
соображения, не притязая на решение
сложных вопросов. Понимание того, что
надо непременно пользоваться советами
специалистов, чтобы не попасть впросак,

видно на отношении Н. к собиранию ру-
кописей, среди которых числят 15 приме-
чательных греч., относящихся к IX–XIX вв.

Сначала Н. привлекал к экспертизе в от-
ношении греч. рукописей грециста из ру-
мянцевского кружка (*Попов Д. П. Описание
греческих рукописей, принадлежащих г-ну
Норову // ЖМНП. 1836. Дек. С. 409–422*).
Еще в 1834 в Каире Н. понял ценность
трехязычной (греко-арабо-сирийск.)
Псалтыри IX в. [*Фонкич Б. Л. Греческие
рукописи А. С. Норова // ППС. Вып. 98 (35).
СПб., 1998. С. 123–131*]. Позже, в меру того
как Н. и сам приобретал кодикологич. на-
выки, законным авторитетом по этой части
стал для него К. Тишендорф (1815–1874).
В 1857 две рукописи с поэмами Гесиода
были подарены министру К. Гросгейнри-
хом, ученым воспитателем Елизаветы
Кульман (ОР РНБ. Ф. 201. № 30 и 31). Ми-
ниатюрное Четвероевангелие, подаренное
Норовым имп. Марии Александровне, по-
пало в Оружейную палату. Известную опыт-
ность при рассмотрении рукописей Н. про-
явил, когда пришлось иметь дело с ловким
авантюристом Константином Симониди,
готовым продать сказочно ценные — будто
бы — греч. рукописи (*Медведев И. П. Неиз-
вестный каталог греческих рукописей из
коллекции Константина Симонидиса // РНБ.
С. 537–567*; он же указал на нем.
заметки по этому поводу, сохранившиеся
в архиве Н. — ОР РНБ. Ф. 531. Д. 416). Когда
есть мода на антики, необходима экспер-
тиза, и предс. Археогр. комиссии должен
был ее обеспечивать.

Наконец, Н. на много ладов способ-
ствовал приобретению *Jahrhundertfund* —
Синайского кодекса из монастыря св.
Екатерины на Синае — древнейшей
рукописи с почти полным греч. текстом
Библии, который в советское время (1933)
был продан Британскому музею. По сча-
стью, по поводу тысячелетия России
codex Sinaiticus был в 1862 и 1869 издан
факсимильно в четырех томах [о чем
см.: *Böttrich Ch. Constantin Tischendorf und
Avraam Norov. Protestantisch-orthodoxe
Bemühungen um den Bibeltext in der Mitte
des 19. Jhs. // Logos im Dialogos. Auf der
Suche nach der Orthodoxie: GS für Hermann
Goltz (1946–2010). Münster, 2011. S. 91–111*].

Когда Порфирий (Успенский), православные чувства которого были оскорблены энергией К. Тишендорфа, стал порочить самую рукопись, Н. выступил с решительным возражением (**Защита Синайской рукописи Библии от нападений о. Архимандрита Порфирия Успенского**. СПб., 1863), в котором отстоял как греч. рукопись, так и русскую честь. Ныне исследователи исправляют задевшие многих перипетии в истории кодекса, готовы наконец полное издание знаменитой рукописи в оцифрованном виде (Codex Sinaiticus; URL: www.codex-sinaiticus.net).

Библиоман едва ли не в большей степени, чем Румянцев, Н. подбирал библиофильские ценности повсюду, а затем заботился об описании старопечатных и редких книг, тем более что первое свое собрание он продал, а второе, включавшее 16 000 книг и рукописей, уступил уже переехавшему в Москву Румянцевскому музею, где зал Н. соседствовал с залом Румянцева.

Собрание хранится в основном в РГБ. Опись под названием «Библиотека Авраама Сергеевича Норова = Bibliothèque de Mr Abraham de Noroff» (СПб., 1868. Ч. 1; Ч. 2–3 не выходили из печати) в разделе IX содержала древнегреч. писателей, между тем как след. раздел приводил издания лат. авторов, а раздел XI — древности и археологию. Собирал Н. и автографы, наряду с перепиской выдающихся деятелей. Венцом библиофильских успехов Н. было приобретение в Париже автографа с собранием произведений Дж. Бруно, т. н. codex Mosquensis, или «кодекс Норова» (Зубов В. П. Рукописное наследие Джордано Бруно: «Московский Кодекс» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина // Зап. ОР ГБЛ. 1950. Вып. 11. С. 164–182). Вокруг этой жемчужины из коллекции Н., который собирал также палеотипы Бруно и Коперника, при ГБЛ по сей день сосредоточивается изучение Бруно и его эпохи.

Занимаясь созданием и способствуя описанию коллекций, в чем он видел залог обогащения и национальной, и мировой культуры, Н. вместе с тем не был

равнодушен к интересам тех народов, на территории которых найдены памятники, столь ценимые в просвещенных странах; убежденным сторонником пиратской археологии он ни в коем случае не был — иначе еще в пору путешествия по Сицилии он не стал бы мечтать о создании местного музея с вещами, извлеченными из-под лавы в Катании (Путешествие по Египту. С. 132 и след., где он высказывает мысль об «академии Сицилии»).

Как предс. Археогр. комиссии Н. всемерно способствовал ее работе по выпуску древних актов, в т. ч. томов из собрания рус. летописей; существенно при этом, что он и сам был не только покровителем и организатором, но и работником-археографом, поскольку не только всю жизнь, но и всю жизнь шел к комментированию издания древнерусского памятника: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. (1113–1115) / издал А. С. Норов. СПб., 1864. Его собственные путешествия в Палестине всегда учитывали Даниила, первого рус. паломника в Св. земле, — неудивительно, что издание древнего рус. памятника теперь питалось всей суммой наблюдений издателя-паломника.

Первоначально примеч. на «Путешествие игумена Даниила» были изданы в виде «Приложения к “Путешествию по Святой земле”» в 1835 г. (1854), а затем, параллельно с отд. коммент. изданием др.-рус. текста (1864), вышла франц. версия [Noroff A. Pèlerinage en Terre Sainte de l'igoumène russe Daniel au commencement du XII siècle (1113–1115). SPb., 1864]. Вскоре после этого изд. и его переводов на франц. и новогреч. появилось изд. М. А. Веневитинова (СПб., 1885), которое было признано более основательным в смысле текстологии, что не меняет ценности труда Н. для реального — прежде всего топографического — коммент. к памятнику.

Работа над «Хождением Даниила» словно подводила итог, соединяя в одно целое слав. и палестин. древности, путешествие в Св. землю 1835-го и повторное — в 1861. В самом деле, во время второго путешествия в Палестину подготровка издания «Хождения» шла параллельно

с работой над (вышедшим уже посмертно) томом **«Иерусалим и Синай: записки второго путешествия на Восток»** (под ред. В. Н. Хитрово. СПб., 1878). И хотя, выступая председателем Археогр. комиссии, Н. уступал профессиональным археографам, нельзя не признать широту его эрудиции даже в сравнении с ними: его занимают и Ближний Восток, и Запад, и славянство, а по времени он охватывает эпоху от Аменхотепа III до Александра II.

Своими помощниками, как и наследниками, Н. считал сыновей своей мл. сестры Ек. С. Норовой: Вас. П. Поливанов участвовал при Н. в издании дела Федора Шакловитого в трудах Археогр. комиссии (Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884–1893. Т. 1–4). И если смолоду Н. и сам делал зарисовки, то в ходе второго путешествия по Палестине рисовал племянник — Ник. П. Поливанов, позже издавший увраж: «Палестина и Синай: альбом видов рисованных с натуры Н. П. Поливановым» [СПб., 1878; недавно были изданы и заметки, сделанные Н. П. Поливановым в ходе этого (для Н. — второго) путешествия: *Дневник Н. П. Поливанова (1861, Палестина) // Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах / изд. Е. Л. Румановская. М., 2006*].

Характер у Н., вопреки его карьерным успехам (а в чем-то, может быть, и определяя их), был далек от формализма. На даче, которую Норов снимал в Павловске, царил «ералаш». Н. был, как выражалась А. О. Смирнова-Россет, «очень *distract*», и когда в очередной раз возникал вопрос, куда подевалась какая-нибудь вещь, в семье цитировали ответ слуги на Ниле: она, верно, осталась «у берберов на повороте» (*Смирнова-Россет. С. 211*). Рассеянным, по надежной картине А. В. Никитенко, был он и как министр, как чл. Сената и Гос. совета и пр. Уже изобилие должностей, тем более в почтенном возрасте, предопределяло некоторую формальность в их исполнении: когда А. К. Толстой доходит в своей летописи

до министров, взапуски летящих на салазках с горки российской истории, мелькает и Н.: «Се Норов, се Путятин <...> / Их много, очень много, / Припомнить их нельзя...» («Российская история от Гостомысла...», 1868). Однако сугубое окостенение у Н. не наступило, раз незадолго до конца своей жизни старый артиллерист дал внятный залп по только что появившемуся шедевр мировой литературы, откликнувшись на ист. эпопею Л. Н. Толстого.

Как и кн. П. А. Вяземский, Н. выступил с критикой того, как изображен в романе ход войн с Наполеоном, опубликовав в «Военном сборнике» (1868. № 11) свой отклик «Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: по поводу сочинения Графа Л. Н. Толстого “Война и мир”». В этой мемуарной рец. Н. необыкновенно свежо рассказал, каким ему запомнилось Бородинское сражение, и добавил ряд штрихов касательно хода тогдашних военных действий.

В целом Н. — не тип ученого-исследователя, но великолепно образованный почитатель науки, понимающий, что она нуждается в правильном устройстве и постоянном укреплении своих ин-тов, в собраниях книг и коллекциях материалов, не только в поддержке ученых, но и в терпеливом воспитании публики. Перед нами не создатель нового знания, но разнообразно просвещенный литератор и опытный писатель. Примечателен отлично организованный аппарат в собраниях его «Путешествий», где богатый Index locorum отлично дополняет др. указатели; даже если сановнику помогали лит. труженники, индексы не были бы так богаты, если бы тексты оказались менее тщательно разработаны. Примечательно, что от писаний своих Н. имел и некоторый доход — Гоголь обсуждал с Н. М. Языковым перед паломничеством в Св. землю, где и как раздобыть соответствующий том норовского описания (*Гуминский В. М. Гоголь и паломническая традиция // XI Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2011. С. 134–143*).

Как литератор, Н. читал И. И. Дмитриева и В. А. Жуковского, знал с многосведущим О. И. Сенковским и вдумчивым славянофилом А. И. Кошелёвым (родственник Н. по матери) и т. д. Помимо привязанности к перу, он упражняется в науке, прибегая к помощи опытных советников с тем, чтобы усовершенствовать себя и свои произведения. Он понимает роль источников и разностороннего подхода к ним, соединяя в одном лице занятого путешественника, заядлого филолога, осведомленного наблюдателя и бывалого участника живой истории. Девиз на гербовом экслибрисе Н. (Ex biblioth. Abr. Noroff): *Omnia si perdas, animam servare temento*, можно передать так: «Хоть бы ты все потерял — спасти не забудь свою душу». Не всегда служа верным орудием исследования, благоговение, которое часто руководило Авраамом Норовым, всю жизнь побуждало его к познанию.

Литература: Библиографический указатель изданий Археографической комиссии. 1836–1936. Л., 1985. С. 54; *Никитенко А. В.* Авраам Сергеевич Норов: биографический очерк, читанный в торжественном собрании Академии 29 декабря 1869 г. // ЗИАН. 1870. Т. 17. С. 59–82; *Чехов Ал-др П.* Авраам Сергеевич Норов // ИВ. 1895. Т. 61. № 8. С. 385; *Полливанова Т. Н. А. С.* Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам // Декабристы Дмитровского уезда. Дмитров, 1925. С. 26–49; *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989; *Weisensel P. R.* Prelude to the Great Reforms. Avraam Sergeevich Norov and Imperial Russia in Transition. Minneapolis, 1995; *Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных исследованиях / Труды Международной научной конференции.* СПб., 12–13 ноября 2009. СПб., 2012; *Бёттрих К.* История Синайского кодекса // Текст и традиция: альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 7–94 (перевод с нем. Е. Вололазкиной); *Чистикова Е. А.* Государственная и общественная деятельность А. С. Норова: автореф. дис. на ст. канд. ист. наук. СПб., 2016; ОРЯС ИАН 1841–1891 (2016). С. 602–607 (о записке П. А. Плетнёва об ученых трудах А. С. Норова по поводу избрания в АН) ♦ Брокгауз; Геннади; РГ; Мурзанов; Шилов.

Архивы: СПБНИИ РАН; ОР РНБ. Ф. 531 (более тысячи дел); РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 58 (письмо Д. Гумалика А. С. Норову от 3 сент. 1856).

Иконография: Архив АН. Неустановленный художник. Портрет А. С. Норова. Масло. 1861; СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 1–Н. Д. 28. Копия или реплика портрета, выполненного в 1857 г. в Варшаве К. Я. Каниевским (1805–1867) и хранящегося в настоящее время в Пушкинском Доме (учетный номер И. 48947).

А. К. Гаврилов

НОСОВ

Петр Михайлович

NOSOV P. M.

[17(29).5.1821, ? — 28.2(12.3).1899, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], филолог, автор учебных пособий

Выпускник ГПИ (1836–1844; сер. медаль). Был оставлен наряду с однокурсниками П. Павловым, Н. Савиновым и В. Я. Яроцким для подготовки к профессорскому званию по каф. славянских наречий, но, как и они, после отказа МНП в зарубежной командировке «к Шафарику, Ганку (sic!) и др. известным ученым» защищался по греч. словесности. Рукописная дис. «*Graecorum antiquissimi Hadis explicatio*» (защищена: Петерб. ун-т, 1846) была выполнена под руководством Ф. Б. Грефе. Некоторое время после защиты преподавал рус. язык, историю и географию, а также древние языки на младшем отделении ГПИ. Основная пед. деятельность Н. связана с Уч-щем правоведения, в котором он почти два десятилетия читал рус. словесность, историю и лат. язык: воспитатель (1848–1852), преподаватель (1852–1867).

Оставленный при ГПИ для подготовки к занятию каф. истории славянских литератур в Киевск. ун-те, Н. занимался церковно-славянским языком и даже санскритом (с «адъюнктом Боллензенем»).

Подготовил сочинение «О былинах, принадлежащих к так называемому княжескому циклу», но, не имея возможности изучить в Петербурге чеш. язык и лингв. теорию, в конце магистратуры обратился к рус. словесности и древним языкам (РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Ед. хр. 151. Л. 11 об., 15 об.; в деле имеется жалоба И. И. Да в о в а о задержке Н. с магист. экзаменом).

Известен прежде всего как составитель-переводчик («с необходимыми изменениями и прибавлениями», но и с нарушениями последовательности грамматич. изложения) ряда популярных пособий по древним языкам, предназначенных для обучения языку «индуктивным способом»: **«Руководство к изучению латинского языка, составленное по Кюннеру»** (совместно с А. Поповым; СПб., 1852; ¹²1877); **«Латинско-русский словарь, приспособленный к употреблению в гимназиях»** (СПб., ⁵1867); **«Латинская хрестоматия. С примечаниями и словарем»** (Ч. 1–2. СПб., 1870–1871; ⁴1899); **«Греческая хрестоматия. С примечаниями и словарем»** (СПб., 1868; ⁸1899). Последняя благодаря «универсальному» содержанию — от фрагментов Гомера до церковных текстов! — оказалась равно востребованной преподавателями духовных уч-щ и классич. гимназий (одобрительный отклик П. Первого см.: ФО. 1900. Т. 18. С. 156).

Наиболее известное руководство Н. — «Учебная греческая грамматика» (СПб., 1867); эта переработка грамматики Р. Кюннера, которая некоторыми рецензентами уже при своем появлении рассматривалась как «излюбленная рутинка» и «анахронизм в педагогическом смысле» (А. Сонцов — ЖМНП. 1876. Авг. С. 104), что не помешало ей выдержать 15 изданий до 1901, заменив устаревшее переложение того же пособия, выполненное К. А. Коссовичем. В качестве дополнения к грамматич. пособиям Н. подготовил самоучитель по морфологии

греч. языка: «Ключ к русским упражнениям греческой грамматики Кюннера» (Вильна, 1886; Киев, ²1889).

Издавал Н. (обычно скрываясь за инициалами П. Н.) и лат. учеб. тексты: **«Cornelii Nepotis liber de excellentibus du-cibus exterarum gentium et ex libro de Latinis historicis vita Catonis et Attici»** (СПб., 1866; ⁴1880), **«C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico»** (СПб., 1867), **«P. Ovidii Nasonis Metamorphoses, ad usum juventutis selectae»** (СПб., 1876–1877. Т. 1–2) и др. Оценки учеб. изданий Н. со временем, естественно, снижались (Гермес. 1912. № 20. С. 503), но рецензенты 1870-х отзывались о них положительно: Р. А. Фохт в рец. на издание «Записок» Цезаря (ЖМНП. 1868. Дек.; 1869. Янв.) хвалил «тщательную редакцию текста», аккуратно выправленного по последнему нем. изданию, и полезную для школьников адаптацию комментария.

Не являясь энтузиастом практич. педагогики, Н. оставил по себе добрую память у выпускников Уч-ща правоведения как умелый методист и доброжелательный наставник (см.: Воспоминания К. К. Арсеньева об Училище правоведения в 1849–1855 // РС. 1886. № 4. С. 204; *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Имп. Училища правоведения. 1835–1910 гг. СПб., 1910. С. 151; и др.). В «Протоколах Петерб. ун-та за 1902» встречается упоминание о стипендии имени д. с. с. магистра П. М. Носова с капиталом 10 000 руб.

Литература: Пятидесятилетний юбилей Имп. Уч-ща Правоведения. СПб., 1886; *Тютчев И. А.* В Училище правоведения в 1847–1852 гг. // РС. 1885. № 11–12 ♦ Смирнов; Воронов 1854; Григорьев; Нагуевский; Прозоров; Воронков; Саитов 2006.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 355 (Уч-ще правоведения).

В. П. Смышляева

О Л Е Н И Н
Алексей Николаевич

OLENIN A. N.

[21.11(2.12).1763 (по др. сведениям 1764), Москва — 17(29).4.1843, Петербург; Тихвинское кладб. Александро-Невской лавры], *антиквар, археолог, комментатор антич. реалий, культурный деятель*

О. принадлежал к старинному смоленскому дворянскому роду, который берет начало от смолянина Парфения Аленина. «Известно, что один из его далеких предков был боярином при вел. кн. Иване Васильевиче» (*Голубева. С. 6*); О. считал, что от какой-то ветви Алениных происходил и знаменитый Ермак Тимофеевич, настоящее имя которого было Василий Аленин. До службы в Гос. совете А. Н. подписывался как *Аленин*. Отец его Ник. Яковл. служил в лейб-гвардии конном полку и вышел в отставку в чине полковника. Мать, Анна Семен., была дочерью ген.-аншефа кн. С. Ф. Волконского.

Оленины жили в Москве, где Алексей получил домашнее воспитание. В 1774 в возрасте 11-ти лет его отправили в Петербург к знатной родственнице, кн. Е. Р. Дашковой, директору АН и президенту Российской академии. Благодаря ее протекции и по распоряжению

Екатерины II, О. был зачислен в Пажеский корпус. В 1780 императрица отметила его успехи тем, что за три года до окончания курса семнадцатилетнего юношу посылают в Дрезденскую артиллерийскую школу. Кроме воен. наук, О. изучал за границей историю, археологию, архитектуру и живопись. Именно в этот период началось его увлечение античностью: О. усердно читал появившиеся в 50–60-е труды И. И. Винкельмана. Не чуждый рисованию, О. освоил технику сепии, туши, акварели и гравирования на меди; из языков свободно владел нем. и франц., знал итал., испан., славянские языки, был знаком с латинским, древнееврейским и арабским. За комментированный словарь «старинных военных речений», работать над которым он начал еще в Германии, О. был избран в Академию Российскую (1786). В Петербург О. вернулся в 1785 в звании капитана артиллерии. В течение нескольких следующих лет он делает воен. карьеру: майор, лейтенант-полковник, полковник. Участвовал в русско-шведской войне (1789–1790), а в 1792 — в воен. действиях против Польши. В марте 1795 вышел в отставку.

В 1791 О. женился на Елизавете Марковне Полторацкой, дочери директора Придворной певческой капеллы Марка Федоровича и тетке библиофила и библиографа С. Д. Полторацкого. Брак был, по отзывам современников, образцовым;

дети: Николай, Петр, Алексей, Анна, которой увлекался Пушкин, и Варвара.

В 1795 О. поступил на гос. службу, а в 1801 Александр I пожаловал его званием своего статс-секр., что давало О. право личного доклада императору. О. получал всё новые и новые назначения, сопровождаемые непременно уведомлением: «с оставлением во всех прочих должностях»; он стоял во главе Гос. канцелярии, был членом Гос. совета. Организаторские способности, европ. образование, эрудиция, умение ладить с людьми способствовали быстрому продвижению О. на гос. службе. Александр I прозвал его «Tausendkünstler» (т. е., примерно, *искусный во всем*). В 1830 Николай I произвел О. в чин д. тайн. сов. — 2-й чин в Табели о рангах. Казалось, гос. обязанности, к которым О. относился с величайшей добросовестностью, должны были полностью поглощать его, однако в его жизни оставалось место и для служения музам.

В 1790-е О. был одним из самых ярких участников львовско-державинского кружка. В 1795 Г. Р. Державин преподнес Екатерине II рукопись своих

стихотворений с 99 рисунками тушью и акварелью, выполненных О. — прекрасным рисовальщиком, в котором виден был и знаток антич. искусства. Первые опыты деятельности О. в обл. антич. археологии были связаны с театром (*Файбисович*. С. 298), для которого О. делал эскизы антич. костюмов и вооружения, опираясь на образцы антич. скульптуры, вазописи и нумизматики.

В 1806 О. стал известен как ученый после издания археол. труда по отеч. древностям **«Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г.»** (СПб., 1806). Интерес к таманским и керченским древностям не ослабевал у О. всю жизнь. Открытие сокровищ кургана Куль-Оба близ Керчи вдохновило его к написанию сочинения **«Керченские греко-скифские древности или краткий разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ г. Керчи»** (рукопись в нескольких редакциях; хранится в РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–481 — *Тункина*. Примеч. 20. С. 27), с переводом на франц. язык.

С классич. древностями связана статья **«О части доспеха древних греков и римлян, называемой кнемида»**, напечатанная в «Драматическом вестнике» за 1808 (Ч. 5. С. 63–67), о древнегреч. бронзовой кнемиде, принадлежавшей художнику А. О. Орловскому, которая «стала научной премьерой О. в области классических древностей» (*Файбисович*. С. 300). О. воспроизводит кнемиду Орловского в своем рисунке, изображающем Агамемнона в доспехах и выполненном для постановки трагедии В. А. Озерова «Поликсена» в 1809. Именно О. ввел в рус. обиход слово «поножи», предложил Н. И. Гнедичу так переводить греческое «кнемида», — предмет неочевидный даже для такого знатока древних языков, каким был С. С. Уваров, понимавший «кнемиду» как «сапог».

Неоценимую помощь О. оказывал Н. И. Гнедичу в переводе «Илиады», справедливо считая, что тот совершает «великий подвиг» на благо отечества. По любым вопросам, связанным с толкованием реалий: оружия, доспехов, воен. стратегии, «корабельных речений», городских укреплений Трои, одежды, утвари, обычаев и т. п., Гнедич обращался к О., «просвещенному любителю древностей», которому в предисловии к переводу «Илиады» он засвидетельствовал свою благодарность. Науч. изыскания О., справки и выписки, сохранившиеся в форме 36 писем к Гнедичу за 1811–1829, мыслились обоими как основа для будущего реального комментария к «Илиаде». О. находил истинное удовольствие и забвение от мирской суеты в своих занятиях антич. историей, археологией, филологией и палеографией. За несколько часов до наступления нового 1827 г. он написал Гнедичу: «Есть у нас, русских, старинное поверие, что всё, что делать будешь в последний день года, то будешь делать и во все течение нового года; вот почему я сегодня украду часок от казенных дел, чтобы его посвятить на приятную с вами переписку по части оружия и костюма или одеяний, употреблявшихся во времена Троянской войны, по словам Омира!» (Файбисович. С. 309).

В 1817 О. издает в Петербурге **«Опыт о правилах медальерного искусства»** (репр. изд.: СПб., 2009); в 1832 — **«Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар»** (репр. изд.: СПб., 2017). О. полагал, что племена даков, запечатленные на колонне Траяна, являлись славянскими. Доскональное знание О. римск. оружия и доспехов с колонны Траяна нашло свое применение при строительстве в Санкт-Петербурге в 1820–30-е триумфальных сооружений, на которых было воспроизведено оружие знаменитого римск. памятника: арка Главного штаба К. И. Росси,

Александровская колонна О. Монферрана, Моск. триумфальные ворота В. П. Стасова.

1 мая 1808 по ходатайству гр. А. С. Строганова, директора Имп. б-ки, О. вступил в должность помощника директора. Должности директора и помощника считались почетными, и жалования в те времена за них не полагалось. С 1811 г. О. становится первым директором б-ки, переименованной в Имп. Публичную.

Для работы в б-ке О. привлек ученых и литераторов: палеографа А. И. Ермолаева, востоковеда Х. Д. Френа, филолога А. Х. Востокова, библиографа В. С. Сопикова, эллиниста Д. П. Попова, поэта и переводчика Н. И. Гнедича, баснописца И. А. Крылова, а позже, в 30–40-е гг., историка и археографа Э. Г. Муральта, историка антич. Греции М. Сем. Куторгу. Почти все они были академиками или чл.-корр. Академии наук. Лит. труды Гнедича и Крылова О. считал гармонически связанными с их работой в б-ке, что видно из его представлений к их награждению: «за усердную службу и за немаловажные труды в пользу русской словесности» (Гнедич); «за труды по части русского отделения сей библиотеки и по изящным его произведениям в русской словесности» (Крылов).

Создав своеобразный Мусейон на берегах Невы, О. заботился о пополнении фондов. По его предложению ИПБ получила право на два экземпляра каждой вновь издаваемой в типографиях империи книги, а с апр. 1811 — на т. н. «обязательный экземпляр». О. собирал книги, в т. ч. и иностр., об истории Отеч. войны 1812 года. В те годы в б-ке был нумизматич. отдел, для которого О. приобретал монеты и медали. Археол. интересы О. объясняют и характер некоторых даров, подносимых б-ке: в 1817 в нее поступили зол., сер. и глиняные предметы, найденные при раскопках в Фанагории. О. распорядился украсить залы копиями антич. бюстов, статуями Аполлона, Муз, Юноны Капитолийской; в лоджиях главного фасада б-ки были установлены

статуи Гомера, Платона, Евклида, Еврипида, Гиппократы, Демосфена, Цицерона, Вергилия, Тацита, Геродота; фронтоны увенчаны статуями Минервы.

В мае 1819 впервые в России О. разработал и издал правила составления библиотечных каталогов, а в дек. послал министру народного просвещения 12 томов первых рукописных каталогов для представления их императору, среди них каталог греч. книг и 3 тома лат. каталогов, составленные Гнедичем. При О. в 1840 впервые появился печатный «Каталог греческих и латинских рукописей в Имп. Публичной библиотеке», подготовленный Э. Муральтом и затем переизданный им с существенными дополнениями в 1846 и 1864.

17 апр. 1817 имп. Александр I назначил О. президентом Имп. Академии художеств, почетным чл. которой он был избран еще в 1804 «за отличную привязанность к изящным искусствам и знание, сопровождающее оную». О. реформировал Академию, регламентируя все стороны ее жизни: от учебной до бытовой. Будучи приверженцем неоклассицизма, О. способствовал созданию музея «антиков» Имп. Академии художеств, первого в России музея антич. искусства. Он вел переговоры и приобрел гипсовые слепки с монументальной скульптуры Парфенона, храма Афины Афайи на острове Эгина и барельефов храма Аполлона Эпикурия в Бассах (Фигалия). По его эскизам для классов Академии художеств был изготовлен латунный паноплий — полное вооружение греч. гоплита; сохранившиеся два шлема, щит и меч находятся в музее-усадьбе «Приютино». В. К. Шебуевым по поручению О. была разработана «Антропометрия» — пособие по анатомии с собранием «твердых и основательных правил к размеру тела человеческого по образцовым пропорциям, принятым древними греками» (Файбисович. С. 165).

В 1822 О. был назначен участвовать в комиссии по постройке Исаакиевского

собора — обязанность, которую он ценил наравне с членством в Гос. совете. О. запечатлен скульптором И. П. Витали на барельефе западного фронтона собора. Своеобразным напоминанием об О. являются муравьевские гранитные сфинксы из Фив, установленные в 1834 по его предложению на набережной Невы — против Академии художеств. О. проявлял живой интерес к египетским древностям и языку, переписывался с Ж.-Ф. Шампольоном.

В первой трети XIX в. круг Олениных становится одним из самых известных в Петербурге. «Патриархальный быт этого гостеприимного дворянского гнезда был одухотворен высоким культом искусства и поэзии, объединявшим художественную и литературно-театральную элиту столицы» вокруг О. (Файбисович. С. 401). Здесь бывали В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич, М. И. Глинка и мн. др. Вокруг О. собирается кружок единомышленников и сподвижников: Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, А. И. Ермолаев, И. А. Иванов, на разных этапах к ним присоединялись К. Н. Батюшков, М. Е. Лобанов, И. М. Муравьев-Апостол, С. С. Уваров, Ф. П. Толстой, О. А. Кипренский и др.

Можно говорить о выраженном филэллинизме как львовско-державинского, так и оленинского кружков, «программы» которых состояли в «придании культурного измерения “греческому проекту” Екатерины II» — вытеснить из Европы турок и создать христ. государство со столицей в Константинополе; «в построении русской национальной культуры с опорой на греческое наследие», ибо «корни русской народности виделись О. не в церковнославянской языковой стихии, фольклоре, национальных традициях и обрядах, но в исторической связи России и древней Греции, непосредственной преемственности русской культуры по отношению к греческой античности»

(об этой концепции, связываемой им с именем А. Л. Зорина, см.: *Файбисович*. С. 241, 246).

С О связано введение в рус. культуру первой трети XIX в. книжной иллюстрации, сценографии, перевода и реального комментария, скульптуры и медальерного искусства, библиотечного и музейного дела — основ европ. эстетики в духе неоклассицизма Винкельмана — и формирование у рус. общества вкуса к античности.

Все ценили приемы у Олениных; многие отмечали обаяние и необыкновенную энергию О. — впечатление, которое еще усиливалось тем, что был он маленького роста и тщедушного сложения. В. Ф. Одоевский в письме к кн. Г. П. Волконскому во время холеры в 1831 писал: «Из всех живых существ я видел почти одного Оленина — в огромной шинели на плечах, в калошах на ногах, с портвейном в руках, с сигарой в зубах, с холерой на языке и между тем с спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохранили присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и со всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени» (*Голубева*. С. 82–83). Другие находили О. не в меру искательным в придворном обиходе. Сойтись можно на том, что писал об О. поэт: «...Еще находит время / В снегах отечества лелеять знобких муз...», а о трудах его прибавлял: «Как Винкельман красноречиво пишет» (К. Батюшков).

Сочинения: Опыт о приделках к древней статуе Купидона, вставляющего тетиву на лук: на российском и франц. языках. СПб., 1815; Краткое описание купчей крепости, писанной в городе Птолемаиде за 104 года до Р. Хр. // СОт. 1822. Ч. 78. С. 49–73; Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1, вып. 1: Переписка с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровою Илиады. СПб., 1877; Т. 1, вып. 2: Заметки на примечания в сочинении под заглавием: «Изображения на древних вазах». СПб., 1881; Т. 2. Опыт о костюме и оружии гладиаторов. СПб., 1882.

Литература: *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин // СРНБ. Т. 1. С. 392–398; *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995. С. 18–27; *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. СПб., 1997 (Деятели Российской национальной библиотеки); *Формозов*. Пушкин... С. 17–23 (с иконографией на с. 22); *Фролов Э. Д.* У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 4. С. 51–72; *Медведев И. П.* Алексей Николаевич Оленин как византист // Русская история и историческая мысль в XIX–XX вв.: сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 17–28; *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006 (исчерпывающая библиография трудов О. и об О.); *Клейн* 2014. С. 233–260 ♦ РБС; РП; СРНБ; Деятели русской науки. Вып. 4. С. 291–327.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1802. № 52; Ф. 542; ЦГАЛИ СПб. Ф. 1124; РГИА. Ф. 7; ОР РГБ. Ф. 211; РО ИРЛИ. Ф. 644.

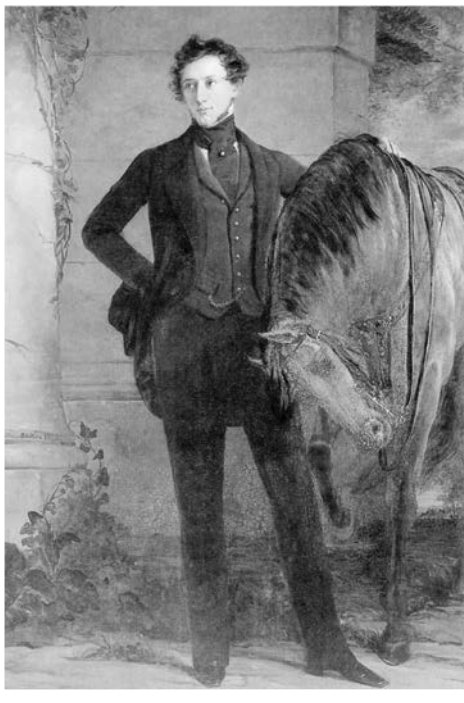
Е. Л. Ермолаева

ОРЛОВ-ДАВЫДОВ Владимир Петрович

ORLOV-DAVYDOV V. P.

[23.4(5.5).1809, Петербург —
24.4(6.5).1882, там же],
*писатель, ученый путешественник,
коллекционер, меценат*

Отец О.-Д. — Петр Львович Давыдов — двоюродный брат героя наполеоновских войн, поэта Д. В. Давыдова; мать — Наталья Владимировна, урожд. Орлова. Детство О.-Д. провел с матерью в Италии, а после ее смерти в сент. 1819 возвратился в Россию. Опекунуо мальчика стал дед по матери гр. Владимир Григорьевич Орлов, занимавший в 1766–1774 пост директора Петерб. АН; он и руководил его дальнейшим воспитанием и образованием. В 1825–1828, будучи причислен к рус. посольству в Лондоне, О.-Д. стал учиться на ф-те искусств Эдинбургского

ун-та, где филология составляла важную часть программы. В Шотландии О.-Д. жил под присмотром своего гувернера шотландца А. Кольера (Colyar). Закончил ун-т с сер. медалью со степенью *magister artium* (*A Catalogue of the Graduates in the Faculties of Arts, Divinity, and Law of the University of Edinburgh, since Its Foundation. Edinburgh, 1858. P. 222*). Его учителями были филолог-классик и лексикограф, проф. греч. языка Дж. Данбар (см. его упоминание О.-Д. в работе: *Dunbar G. An Inquiry into the Structure and Affinity of the Greek and Latin Languages. Edinburgh, 1827. P. 208*); проф. этики Дж. Уилсон (известный также как автор стихотворной драмы «The City of the Plague», вольно переведенной А. С. Пушкиным под названием «Пир во время чумы»); проф. истории и философии У. Гамильтон. В Шотландии О.-Д. встречался с ирландским поэтом Т. Муром и В. Скоттом, к которому питал

искреннее чувство восхищения и с которым завязал тесное знакомство.

О.-Д. многократно посещал принадлежавший знаменитому романисту замок Абботсфорд, часто беседовал с ним об истории и литературе, переводил на англ. язык, по просьбе писателя, интересовавшие того рус. ист. материалы по Отечественной войне 1812 года (которые В. Скотт впоследствии использовал в своем «Жизнеописании Наполеона Бонапарта» — «The Life of Napoleon Buonaparte») и даже «Слово о полку Игореве» (*Алексеев М. П. Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 83–88*). Именно через своего молодого рус. знакомого В. Скотт заочно познакомился с его родственником, поэтом и партизаном Д. В. Давыдовым, с которым вступил в переписку (см. подробнее: *Struve G. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott // Comparative Literature. 1950. Vol. 2. P. 307–326; Green F. C. Scott's French Correspondence // The Modern Language Review. 1957. Vol. 52. P. 36–37; Алексеев. Русско-английские литературные связи. С. 264 и след.; Яшина Т. А. Творчество Томаса Мура в русских переводах первой трети XIX века. М., 2012. С. 18–19*). После смерти Скотта в 1832 О.-Д. оказал щедрую поддержку семье покойного.

В 1828 О.-Д., покинув Великобританию, которую он всегда считал своей второй родиной и куда неоднократно приезжал впоследствии (1837, 1860, 1867 и 1872), по пути в Россию надолго остановился в Париже, где посещал лекции по истории Ф. Гизо; побывал в Веймаре, где встретился с И.-В. Гёте. В 1830 прибыл в Россию, состоял на службе в Коллегии иностр. дел и МИД. В 1834 получил назначение сверх штата в рус. миссию в Риме. Отсюда в мае 1835 О.-Д. на свои средства организовал большую экспедицию «с учеными целями» в Грецию и Малую Азию, куда его сопровождали художник К. П. Брюллов, архитектор Н. Е. Ефимов и прус. археолог и филолог-классик Густав Крамер. Во время этого путешествия О.-Д. посетил многие ист. места (в т. ч. Олимпию, Аргос, Коринф, Дельфы

и др.), где осматривал и описывал в своем путевом журнале антич. памятники. В Афинах Брюллов заболел и покинул экспедицию; вместо него к О.-Д. присоединился молодой российский дипломат и художник Рудольф Френ, ст. сын создателя Азиатского музея в Петербурге, акад. Хр. Д. Френа, и брат Роберта Френа, долгие годы бывшего хранителем того же музея. В сопровождении Ефимова и Френа О.-Д. посетил монастыри Афона (авг. 1835), где приобрел восемь ценных греч. рукописей (сейчас хранятся в ГИМ). Среди них, напр., имеется рукопись первой половины комментария Симпликия к «Физике» Аристотеля (Mosqu. Muz. 3649, между 1261 и 1282), не учтенная Г. Дильсом в его издании Симпликия, но имеющая значение независимого свидетеля для установления оригинального текста (Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Орлова-Давыдова // ВВ. 1983. Т. 44. С. 117–125; *Taran L. The Text of Simplicius' Commentary on Aristotle's Physics* // *Simplicius* / Ed. I. Hadot. Berlin; New York, 1987. P. 246–266 = *Taran L. Collected Papers*. Leiden, 2001. P. 625–645).

Вернувшись в Петербург, О.-Д. занимал различные должности, так, в 1849–1854 состоял совестным судьей; в 1854–1856 чл. Консультации при Минве юстиции; в 1856–1861 — чл. совета министра внутренних дел. После смерти последней представительницы рода Орловых Е. В. Новосильцевой 26 марта 1856 получил утвержденное Гос. советом Высочайшее разрешение принять графский титул своего деда по матери и носить фамилию Орлов-Давыдов. Тайн. сов., камергер. Почетный чл. Имп. Академии художеств (1864), Имп. АН (1878). С 1827 — чл.-корр. Общ.-ва древностей Шотландии (*Archaeologia Scotica, or Transactions of the Society of Antiquaries of Scotland*. Vol. 3. Edinburgh, 1831. P. 26).

Жена — Ольга Ивановна, урожд. княжна Барятинская (1814–1876); в браке с О.-Д. (1832) родилось шесть детей.

Окрашенный некоторым англоманством салон семьи О.-Д. в особняке на Сергиевской ул. имел известность в Петербурге (Носков 2018. С. 74–76). Владелец огромного состояния, нескольких домов в Петербурге, О.-Д. много тратил на благотворительные цели: делал крупные пожертвования музеям и б-кам, в своих многочисленных имениях строил для крестьян школы, больницы и церкви. Он принимал также деятельное участие в общественной жизни и в 1862 был избран петерб. губ. предводителем дворянства. От деда, В. Г. Орлова, О.-Д. унаследовал имение Семеновское-Отрада (Серпуховский у. Московской губ.) с коллекцией древностей и большой б-кой, включавшей в т. ч. древние рус., церковнослав. и греч. рукописи. О.-Д. продолжал увеличивать и пополнять ее, купив, напр., у наследников известное собрание старопечатных книг купца и библиофила И. Н. Царского.

Для истории антиковедения в России наибольший интерес представляют «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 г.» (СПб., 1839–1840), которые О.-Д. издал по возвращении из своего путешествия на Восток. «Записки» показывают наблюдательность О.-Д., обширную эрудицию и прекрасное знание им сочинений антич. авторов, сочетающиеся с лит. талантом. Они содержат также ценные археол. и топографич. указания и уточнения к опубл. незадолго до этого путевым запискам известного топографа и путешественника, полковника У. М. Лика (*Leake W. M. The Topography of Athens, with Some Remarks on Its Antiquities*. London, 1821; *Journal of a Tour in Asia Minor, with Comparative Remarks on the Ancient and Modern Geography of that Country*. London, 1824; *Travels in the Morea, with a Map and Plans*. London, 1830; *Travels in Northern Greece*. London, 1835; *Peloponnesiaca*. London, 1846). В качестве

приложения к «Запискам» был издан «**Атлас к путешествию Владимира Давыдова по Ионическим островам, Греции, Малой Азии и Турции**» (Отд. 1–2. СПб., 1839–1840), содержащий 34 листа литографий и 10 листов гравюр на металле с планами архитектурных памятников (выполнены К. П. Брюлловым). В этом атласе О.-Д. по прорисям, которые были выполнены Г. Крамером, опубликованы фрагменты надписей со списками фороса Афинского морского союза. Это была одна из первых публикаций данного источника. За этот труд О.-Д., при содействии его бывшего учителя У. Гамильтона, в 1840 была присвоена почетная докт. степень (Doctor of Laws) Эдинбургского ун-та (A Catalogue of the Graduates... P. 261). Впрочем, этот символич. акт стал скорее свидетельством добрых воспоминаний об О.-Д. и дружеских чувств к нему, нежели следствием действительного признания его ученых заслуг: как показывает их переписка с О.-Д., чл. ученой коллегии Эдинбургского ун-та не владели рус. языком и едва ли могли как следует оценить содержание книги, за исключением иллюстраций (Алексеев. С. 316–322). Наиболее крупным трудом О.-Д. стал «**Биографический очерк гр. В. Г. Орлова**» (Т. 1–2. СПб., 1878), включающий в себя обширные выдержки из писем и дневников покойного деда. В этом же сочинении О.-Д. поместил свои воспоминания о жизни и учении в Шотландии, в частности, о знакомстве с В. Скоттом. С 1857 писал очерки и публицистич. статьи по различным проблемам общественной жизни в рус. — и не только — журналы.

Отзывы современников об этом талантливом и образованном человеке противоречивы. Шотландские профессора и знакомые отзывались об О.-Д.

с большой теплотой и симпатией, отмечая его способности. Характерны слова проф. Дж. Уилсона: «Среди более чем тысячи студентов, прослушавших курс нравственной философии в нашем университете, ни одного я не уважал больше, чем Владимира Давыдова» (цит. по: Алексеев. С. 307). А. И. Тургенев в одном из своих писем из Лондона (15.2.1829) писал: «Он [Давыдов] учен, умен и сохранил необыкновенную, почти детскую чистоту нравов. <...> С просвещением европейским соединяет какую-то робость или страх России. <...> Давыдова почитают шотландцем и по языку едва верят, что он русский» (цит. по: Там же. С. 385). В рус. образованном обществе многие, однако, недолюбливали его за англоманство, о котором по Москве и Петербургу ходили многочисленные анекдоты (см., напр.: Там же. С. 384), и аристократич. гордость, а отчасти, может быть, за полит. взгляды, нашедшие отражение в его публицистич. статьях и брошюрах. Злоязычный и даже злокозненный кн. П. В. Долгоруков (Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1934. С. 279), выражая, вероятно, довольно распространенное мнение, иронически пишет: «Граф Орлов-Давыдов считает себя умным человеком потому, что учился в Эдинбургском университете и посещал Вальтер Скотта в замке Абботсфорд; тяжелый, умственно неповоротливый, чванный, надутый, он обладает несчастною страстью производить скучнейшие речи».

Литература: Языков Д. Д. Русские писатели и писательницы, умершие в 1882 г. // РА. 1915. № 5. С. 62; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX века). М., 1982; Носков 2018; ЛН. 1982. Т. 91 ♦ РБС.

В. К. Хрусталёв

П

ПАВЛОВСКИЙ Алексей Андреевич

PAVLOVSKIJ A. A. / Alexis

[8(20).4.1856, Петербург —
6(19).5.1913, Одесса],
*историк искусства, исследователь
антич. культуры*

Происходил из дворянской семьи, отец служил протоиереем. Окончил 6-ю Петерб. гимназию. В 1876–1880 учился на ИФФ Петерб. ун-та, где слушал лекции Ф. Ф. Соколова и К. Я. Люгебиля. Особый интерес проявил к рус. средневековой истории, которой занимался под руководством К. Н. Бестужева-Рюмина. По представлению последнего после окончания курса П. был оставлен в ун-те для приготовления к проф. званию по каф. рус. истории. Однако вскоре П. резко изменил направление своих науч. занятий, обратившись к изучению истории искусства. В связи с этим подготовка магист. дис. затянулась. Лишь в 1887 П. сдал магист. экзамен по истории и теории изящных искусств. Летом того же года был командирован МНП в Германию. П. посетил Берлин, Дрезден и Мюнхен, где слушал лекции по археологии и классич. скульптуре у проф. К. Роберта, Э. Курциуса, А. Фуртвенглера и Г. Брунна. В 1880–1891 преподавал историю быта

в Центральном уч-ще техн. рисования бар. Штиглица. В 1888–1891 — прив.-доц. Петерб. ун-та, читал лекции по истории древнего искусства и классич. археологии. В 1891 защитил в Киеве в ун-те св. Владимира магист. дис. (отчет о диспуте см.: Ист. обозрение. 1891. Т. 3. С. 205–209; офиц. оппоненты — А. В. Прахов и Г. Г. Павлуцкий). После защиты П., при содействии И. В. Помяловского, был назначен исполняющим должность экстр. проф. в Новорос. ун-те по каф. теории и истории изящных искусств, где П. стал преемником Н. П. Кондакова, переведенного в 1888 в Петерб. ун-т. В 1896 П. защитил в Новорос. ун-те докт. дис. (офиц. оппоненты — Э. Р. фон Штерн и А. Н. Деревницкий).

В 1895–1896 П. — секр., с 1897 — орд. проф., в 1909–1912 — декан ИФФ Новорос. ун-та. Являлся одним из учредителей Одесских ВЖК. Преподавал также в Одесском худож. уч-ще и др. учеб. заведениях Одессы; часто выступал с публичными лекциями для широкой публики. Являлся д. чл. ООИИД (с 1891); в 1895–1899 и 1905–1909 исполнял обязанности секр. общ-ва. Вместе с А. Н. Деревницким и Э. Р. фон Штерном П. подготовил каталог Музея ООИИД (**Музей Императорского Одесского общества истории и древностей**. Вып. 1–2: Терракоты. Одесса, 1897–1898). Д. чл. Ист.-филол. общ-ва при Новорос. ун-те, на

заседаниях которого регулярно выступал с докладами — текст одного из них опубл. отд. брошюрой (**О значении раскопок Шлимана**. Одесса, 1891). Д. чл. МАО (с 1897). Участник X Международного конгресса истории искусств (1912).

Первоначально науч. интересы П. лежали в сфере рус. средневековой истории. Однако в период преподавания в уч-ще Штиглица он постепенно увлекается изучением древнего искусства, в первую очередь — древнегреч. и византийского. Итогом этих занятий стало составленное П. **«Руководство по всеобщей истории. Древняя история»** (СПб., 1883–1888. Вып. 1–2). В этом труде П. рассматривает историю государств Древнего Востока и Греции до эпохи греко-перс. войн, обращая особое внимание на историю искусства и быта.

Магист. дис. П. **«Живопись Палатинской капеллы в Палермо»** (СПб., 1890) посвящена истории визант. искусства классич. Средневековья и христианской иконографии. Автор не имел возможности посетить Сицилию для личного знакомства с памятником и в своем исследовании опирался на первоклассные копии фресок и мозаик, выполненные стипендиатами Имп. Академии художеств — архитекторами А. Н. Померанцевым и Ф. И. Чагиным. Плоды этой работы нашли отражение в статье **«Мозаичная роспись Палатинской капеллы»** (Вестн. изящных искусств. 1889. № 3. С. 229–241). Важность дис. П. для истории визант. искусства была отмечена в российских и иностр. периодич. изданиях (см. напр.: РО. 1891. № 2. С. 899; ВЗ. 1892. Bd. 1. S. 183). Впоследствии основные положения дис. были изложены и развиты П. на франц. языке в статьях **«Décoration des plafonds de la Chapelle Palatine»** (ВЗ. 1893. Bd. 2. S. 361–412) и **«Iconographie de la Chapelle Palatine»** (Rev. archéologique. 1894. T. 25. P. 304–344). В тесной связи с этими штудиями находится также небольшая статья **«К вопросу об**

изображениях Евангелистов» (ЗРАО. 1894. Т. 7. С. 105–109).

Изучение визант. искусства все более подводило П. к занятиям древнегреч. скульптурой. Этой проблематике была посвящена его докт. дис. **«Скульптура в Аттике до греко-персидских войн»** (СПб., 1896), которая основана на материалах, полученных в результате новейших археол. раскопок на территории Аттики. Для своего исследования П. привлек среди прочих памятники еще не изданные и не описанные. Археол. материалы П. сопоставляет как со свидетельствами писателей (в частности, Павсания), так и с данными эпиграфики. Именно это сопоставление (1-я гл. С. 1–37) вызвало наибольшее число критич. замечаний в адрес дис., несмотря на весьма высокую оценку труда в целом; возможно, при этом сказался недостаток спец. филол. подготовки автора (см. *Деревицкий А. Н.* [Рец.] // ЖМНП. 1896. Июль. С. 216–221; *Штерн*. С. 141–153; *Варнеке*. С. 126–127). И все-таки несомненным достоинством труда является попытка связать историю искусства с общим ходом истории древней Греции (*Штерн*. С. 142–143; *Варнеке*. С. 125). Классич. скульптуре посвящена и статья П. **«Несколько слов о живописном элементе в рельефной скульптуре греков»** (Commentationes philologicae. С. 201–208).

В последние годы жизни П. снова возвращается к занятиям визант. искусством. Его последней опубл. работой стала статья **«Мадеба»** (Изв. РАИК. 1902. Т. 8. С. 79–115; в соавт. с Н. К. Клуге), посвященная памятникам искусства небольшого визант. города в Палестине.

П. опубл. сравнительно небольшое количество науч. трудов. Отчасти это обстоятельство следует, вероятно, объяснить тем, что много сил и времени он тратил на преподавательскую деятельность. Работая в провинциальном ун-те, П. не имел возможности

переложить часть своих обязанностей на прив.-доц. и должен был сам разрабатывать и читать многочисленные курсы, охватывающие самые разные обл. истории искусства (от древнего Востока до Ренессанса). Лишь немногие из этих лекций были опубликованы (**Курс истории древнего искусства**. Одесса, 1905; **Курс истории средневекового искусства**. Одесса, 1913). Помимо этого, П. руководил семинарскими занятиями студентов. Его стараниями при каф. истории и теории изящных искусств была организована фотографич. лаборатория, где изготовлялись диапозитивы для использования их при чтении учеб. курсов. На основе этих диапозитивов П. подготовил «**Атлас по истории древнего искусства**» (Одесса, 1907), во многих отношениях превосходивший аналогичные европ. издания и включавший 642 фотоснимка, снабженные указателем (см. рец. Н. П. Кондакова: ЖМНП. 1908. Апр. С. 430–433). П. составил еще несколько подобных атласов, в частности, по истории визант. искусства, но так и не успел издать их.

Следует упомянуть также публикации П. о современном рус. искусстве: некролог И. К. Айвазовскому (ЗООИИД. 1901. Т. 23. С. 1–15) и статью «**Илья Ефимович Репин**» (Искусство и художественная промышленность. 1901. № 12. С. 327–342), в которой, помимо подробной биографии художника, дана характеристика его творчества.

Учеником П. в Новорос. ун-те был Б. В. Фармаковский.

Литература: Варнеке Б. В. Памяти А. А. Павловского // ЗООИИД. 1913. Т. 31. С. 122–131 (перечень и обзор науч. тр.); Штерн Э. Р. фон. [Рец.] // ЖМНП. 1896. Сент. С. 141–153 ♦ БС СПб. ун-та; Брокгауз; Биография СПбГУ; Тункина 2017.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8817, 19097; РГИА Ф. 1073. Оп. 1. Д. 289 (письма Б. В. Фармаковскому).

В. К. Хрусталёв

ПАПАДОПУЛО(С)-КЕРАМЕВС Афанасий Иванович

ΡΑΡΑΔΟΡΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ /
Папаδόπουλος-Κεραμεύς Α.

[24.4(6.5).1856, Дракия, Фессалия — 18(31).10.1912, Петербург; Смоленское кладб.], *филолог, палеограф, историк-византинист*

Родился в семье священника, детство и юность провел в Смирне, где отец занимал должность эконома Эфесской епархии. Образование получил в Евангелич. школе Смирны — одном из старейших и крупнейших центров новогреч. Просвещения. При школе существовало собрание древностей и б-ка, располагавшая ко времени П.-К. 140 манускриптами. Об уровне обучения в школе свидетельствует биография самого П.-К., который, не имея возможности продолжать образование в ун-те, стал крупным ученым, опираясь лишь на собственный талант и полученное гимназич. образование. Уже в самых ранних ученич. публикациях (до 1873) в периодич. изданиях Смирны выявились наклонности будущего ученого к археологии и филологии. В 1873, после нескольких лет учительства по окончании гимназии, П.-К. вернулся в alma mater уже в должности директора Археол. музея и б-ки. Заведование музеем и б-кой Смирны очертило поле его исследовательских интересов в последующие годы, когда он, с одной стороны, занимался собиранием и документированием греч. надписей близлежащих территорий М. Азии и островов, включая Хиос и Родос (по итогам этих поездок была сделана целая серия публикаций), а с другой — выполнил первые описания рукописных собраний: «**Описание греческих рукописей г. Палеа Фокеа**» (1876); «**Каталог рукописей б-ки Евангелической школы Смирны**» (1877).

В 1879, покинув музей, откуда его не хотели отпускать (*Βέη. Σ. 447*), П.-К.

отправляется в двухлетнее странствие по Спорадам и М. Азии. В 1881 он обосновывается в Константинополе и вскоре становится деятельным участником КФО, исполняя обязанности чл. Совета и секр. разных его комиссий (1882–1887). В 1883 П.-К., уже имеющий репутацию опытного палеографа, по поручению Общ-ва берется за масштабную задачу описания и издания каталога греч. рукописей Востока, субсидирование которого взял на себя Ф. А. Маврокордато (*Καλαμάτας Α. Ι. Ο Αθανάσιος Παπαδόπουλος-Κεραμεύς και η Λέσβος // Πολιτικά. 22 Μαΐου 2014. URL: <http://www.politikaesvos.gr/athanasios-keramefs/>*). Первыми были обследованы многочисленные книгохранилища Лесбоса, после чего в 1884 увидел свет 1-й том т. н. **Маврокордатовой б-ки**, содержащий описание 460 рукописей Лесбоса IX–XIX вв., снабженное разнообразными приложениями, а также детальными палеографич. описаниями каждого манускрипта (№ 104 в Списке Бенешевича). Одновременно был издан том избранных текстов из рукописей Маврокордатовой б-ки

(№ 105). В этом уже сказался «стиль» всей дальнейшей науч. деятельности П.-К.: не просто описывать рукописные собрания, но и публиковать наиболее интересные, подчас совершенно неизвестные тексты.

В рамках этого же проекта П.-К. совершил поездки в Понт, Фракию и Македонию, а также обследовал собрания монастырей в окрестностях Константинополя, и хотя по финансовым причинам продолжения серии не последовало, описания отд. собраний и наиболее интересные тексты из них П.-К. публиковал позднее самостоятельными изданиями. Так увидели свет ранее неизвестные письма Юлиана Отступника, опубл. сначала в издании КФО, а затем в RhM (1887. Bd. 42. S. 15–27). Своего рода сопутствующим плодом командировки П.-К. на Лесбос становится изданная КФО в том же году эпиграфич. публикация **«Надписи острова Лесбос»**. Интерес П.-К. к эпиграфике прослеживается и в дальнейшем, но со времени переезда в Константинополь основным объектом его науч. интересов становится греч. рукописное наследие.

К 1884 относятся первые контакты с рус. учеными на VI Археол. съезде в Одессе, куда П.-К. был делегирован от КФО. Характер этих контактов хорошо виден по сохранившимся письмам И. В. Помяловскому и Ф. И. Успенскому: в них П.-К. извещает рус. корреспондентов о своих планах и публикациях (в первую очередь в России), осведомляется о рус. ученых, оговаривает детали обмена публикациями (как персонально, так и на уровне общ-в), высказывается об уже прочитанных им работах коллег (*Медведев. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 311–313, 316*). Такого рода науч. обмен с рус. учеными продолжается все послед. годы.

В 1887 П.-К. вступает в должность секр. иерусалимского патриарха Никодима, который задался целью создать каталог рукописей Палестины, до тех пор не учтенных, разбросанных по

разным монастырям и часто сбываемых на сторону предприимчивыми монахами. В Иерусалиме П.-К. прежде всего приступил к сведению рукописей в единое собрание, а затем к их систематизации и описанию, которое было важнейшим шагом по введению богатейшего палестинского материала в науч. оборот и стало главным делом жизни П.-К. Основная работа над описанием близилась к завершению уже в начале 1888 (*Τωμαδάκης*. Σ. 384), однако издание каталога оказалось под угрозой из-за стремительно ухудшавшегося положения Никодима на иерусалимской патриаршей кафедре.

Именно в этот критич. момент в 1888 происходит знакомство П.-К. с секр. ИППО В. Н. Хитрово, что сыграло решающую роль в судьбе как иерусалимского собрания, так и самого ученого. Сначала П.-К. стал сотрудничать с ИППО, обязавшись поставлять для публикации в изданиях Общ-ва «интересные и малоизвестные греч. описания Св. земли», снабжая их вступ. статьями. Но уже через год патриарх Никодим, ввиду ухудшения своего положения в Иерусалиме, решил вручить судьбу издания каталога ИППО и обратился как к Хитрово, так и к предс. Общ-ва вел. кн. Сергею Александровичу с просьбой пригласить в Петербург для подготовки каталога к печати самого автора (*Дмитриевский*. А. И. Пападопуло-Керамевс... С. 18–21). Решение отправиться в Россию было дополнительно обусловлено неудавшейся попыткой П.-К. получить должность директора Константинопольского музея, а также тяжелым фоном распадавшегося брака (*Τωμαδάκης*. Σ. 392–93, 411; *Παπαβασιλείου*. Σ. 404). В 1890 П.-К. прибыл в Петербург, приняв предложенные ему условия: полистовую оплату за подготовку к печати каталога иерусалимских рукописей и возможность какой-нибудь штат. службы в будущем по мере овладения рус. языком. С этого времени и до конца дней науч. деятельность П.-К. протекает в России.

П.-К. приехал в Петербург сложившимся ученым с большим опытом палеографич. исследований, уже создавших ему широкую известность в науке. Поэтому он справедливо считается «иностранным гостем» петерб. школы византиноведения (Медведев 2006. С. 113), которая как раз в это время переживала свой расцвет. Еще с 1884 он поддерживал науч. контакты с рус. исследователями, стал чл. РАО (1885) и публиковался в «ЗРАО», а Моск. ун-т удостоил его степени д-ра греч. языка, словесности и древностей (1887) *honoris causa*.

Плоды науч. взаимодействия П.-К. с рус. учеными были обильны, а издания, подготовленные им в России, составляют страницу в истории рус. византиноведения. К 1899 была завершена подготовка к печати описания иерусалимских рукописей; увидели свет первые три тома пятитомного каталога Иерусалимской б-ки (*Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη*. Ἐν Πετροπόλει, 1891–1915. Т. 1–5). Как и в случае Маврокордатовой б-ки, параллельно П.-К. подготовил пятитомное издание избранных текстов из этого собрания (*Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*. Ἐν Πετροπόλει, 1891–1898. Т. 1–5). Выход из печати первого тома (1891) вызвал множество благоприятных откликов в адрес как составителя, так и ППО. Кроме этих фундаментальных изданий в Петербурге были подготовлены и в большинстве случаев опублик. многочисленные неизвестные сочинения, обнаруженные П.-К. в палестинских хранилищах, включая такие важные для классич. филологии находки, как фрагменты аттич. комедии (*Lexicon Sabbaiticum*. Petropoli, 1892), фрагменты Библиотеки Аполлодора (*Apollodori Bibliothecae fragmenta Sabbaitica* // *RhM*. 1891. Bd. 46. S. 161–192) или еще отрывок сочинения неизвестного греч. историка об Александре Великом (Сб. статей по классич. филологии. 1892. Вып. 2. С. 139–144).

Одновременно с издательской деятельностью в 1891–1895 П.-К. сотрудничает в ж. ИППО в разделе «Сообщений», составляя для него обозрение греч. периодич. изданий (Константинополя, Смирны, Афин, Александрии, Триеста) по вопросам, касающимся Палестины. С 1894 П.-К. составляет обзоры греч. публикаций для «ВВ», сотрудничая с «Byzantinische Zeitschrift» (основан в 1892). Эта деятельность, конечно же, способствовала укреплению науч. связей в мире византиноведения. Кроме того, П.-К., никогда не прерывавший личного общения с греч. учеными, открыл для многих из них двери «ВВ», в котором греч. язык использовался тогда наряду с рус.

Рус. языком П.-К. так и не овладел настолько, чтобы использовать его в профессиональной деятельности. Оpubл. на рус. языке работы П.-К. в разные годы переводили с греч. Г. С. Дестунис, Г. Папамихаил, П. В. Безобразов, В. В. Латышев, В. Н. Бенешевич и др.; обзоры для «Сообщений» составлялись П.-К. на франц., а затем переводились Хитрово на русский. Впрочем, несмотря на незнание рус. языка, создававшее серьезные препятствия для карьеры, в 1892 П.-К. получает возможность преподавать новогреч. словесность на французском в качестве прив.-доц. по каф. новогреч. языка Петерб. ун-та. Хотя преподавание, судя по собственному признанию П.-К., не было его стихией (*Ταμιαδάκης*. Σ. 394), среди его слушателей были такие выдающиеся ученые, как М. Р. Фасмер (1886–1962) и П. В. Эрнштедт (1890–1966), которых он называл своими учениками и которыми гордился (*Лопарёв*. С. 191).

Предпочтение П.-К. раз и навсегда отдал избранному рано виду науч. деятельности — палеографич. работам, подготовке изданий и связанным с ними ист.-филол. исследованиям, которые обильно публиковались в российских и европ. византиноведческих изданиях. Помимо склонности к кабинетной науке,

этот выбор, несомненно, был обусловлен еще и тем, что в Петербурге тогда сложились весьма благоприятные материальные условия для такого рода деятельности, которыми П.-К. воспользовался в полной мере: большинство его публ. и науч. работ увидело свет в изданиях ППО и Имп. АН и было достойно оплачено. Этот фактор серьезно стимулировал науч. производительность П.-К., поскольку других источников дохода у него не было. Т. о., и в этом отношении пребывание в России способствовало раскрытию науч. дарования П.-К., о чем он ясно высказался в одном письме: «Жизнь коротка. И если я что-то делаю, признаюсь, что этим я обязан этому месту, где каждая письменная работа получает должную оценку, имеется в виду материальную» (*Ταμιαδάκης*. Σ. 415–416).

Идеальным поприщем для себя П.-К. считал не преподавательскую, а библиотечную деятельность в серьезном книжном собрании, каким в Петербурге несомненно была ИПБ. Попытки получить там место, предпринимавшиеся им с 1899, увенчались успехом в 1904, когда, благодаря посредничеству высочайших лиц вплоть до императора, П.-К. был назначен зав. Богословским отделом ИПБ (*Медведев*. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 293–294). Пристрастие к библиотечной работе можно считать биограф. чертой П.-К. На протяжении всей жизни он не только имел дело с разными и гл. обр. древними книжными собраниями, но и постоянно пополнял собственную превосходную б-ку, привезенную в Петербург и содержавшую не только книги (среди которых было множество старых и редких изданий) и современные периодич. издания (П.-К. аккуратно выписывал их отовсюду), но и ценную коллекцию манускриптов. О страсти П.-К. к книгам свидетельствует признание самого ученого: «Денег у меня нет, как и богатств другого рода, но есть у меня многочисленные искренние друзья, бесшумные, живущие спокойно и не требуя пищи в моей доброй библиотеке» (*Βεήη*. Σ. 450).

В должности зав. Богословским отделом ИПБ П.-К. немало поспособствовал упорядочению его фондов, введению в науч. оборот хранившихся здесь источников. Без сомнения, большой его заслугой стала начатая работа по составлению систематич. каталога. Используя свои новые возможности, П.-К. содействовал франц. акад.-библиографу Э. Леграну в подготовке его капитального труда «*Bibliographie hellénique*» (1906): «Многочисленные поправки и дополнения к этому труду сделаны были Леграном на основании библиографических разысканий в Имп. Публ. Библиотеке, присланных ему А. И. Пападопуло-Керамевсом из Петербурга» (*Дмитриевский*. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 13).

Важным вкладом в деятельность б-ки стала работа П.-К. над созданием каталога греч. рукописей ИПБ (участвовал с 1899). Необходимость создания нового каталога была вызвана тем, что со времени второго каталога Э. Муралята (1864) рукописное собрание ИПБ увеличилось в три с половиной раза (*Лебедева*. С. 13). Каталог П.-К., вчерне составленный к 1903, должен был печататься за счет Имп. АН; поскольку, однако, описание рукописей было сделано П.-К. на новогреч., а принципиальной позицией руководства как ИПБ, так и Имп. АН было издание каталога на рус. яз., подготовку к печати отложили до создания рус. перевода (*Медведев*. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 296 и след.).

В настоящее время новогреч. рукопись каталога хранится в ОР РНБ (под шифром: Греч. 688). Как свидетельствуют сделанные по-русски описания рукописей Греч. 16–60 по каталогу и отсутствие в нем первых 25 листов с описаниями Греч. 1–26, взятых П.-К. для перевода (*Лебедева*. С. 15), работа над переводом, безусловно, велась, но, видимо, в связи с ухудшением здоровья дальше не продвинулась. По неизвестной причине перевод не был сделан и Х. М. Лопарёвым, которому это было поручено после смерти П.-К.

О науч. ценности труда П.-К. высказывались разные суждения. Отрицательный вердикт Е. Э. Гранстрем о том, что описания рукописей, сделанные П.-К., «отрывочны и не могут быть использованы в настоящее время» (*Гранстрем* Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. I: IV–IX вв. // ВВ. 1959. Т. 16. С. 217), представляется преувеличением и на деле снимается тем, что исследователи к нему обращаются и призывают к тому же других (*Лебедева*. С. 15–16; *Медведев*. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 306).

И. Н. Лебедева отмечает след. ценные черты Каталога: «...рукописи описаны детально, с зарисовками начертания букв и контуров инициалов и заставок. Подробно описано содержание, со ссылками на издания текстов, приведены позднейшие записи и расшифрованы легенды печатей» (*Лебедева*. С. 15). И. П. Медведев считает, что материалы Каталога «должны обязательно учитываться в палеографических исследованиях, связанных с изучением греческих рукописей РНБ, так как содержат массу ценнейших сведений о них и исходят от замечательного знатока такого рода вещей, нередко знакомого с конкретными обстоятельствами происхождения и бытования той или иной рукописи» (*Медведев*. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 306). Тем не менее, как считает И. П. Медведев, неполнота Каталога, неоправданно длинные выписки из рукописей, возрастающие по мере приближения его к концу, делают издание Каталога в настоящем виде нецелесообразным.

Обзор науч. деятельности П.-К. в России будет неполным без упоминания ист.-филол. наследия ученого, которое в ряде случаев вызвало довольно жесткую критику современников. Сомнительные выводы некоторых его работ были связаны с причинами религиозно-психол. толка: по словам Лопарёва, когда дело доходило до чувствительных для православия моментов, П.-К. «писал уже не как осторожный ученый, а как горячий публицист, для которого православие — альфа и омега правильной мысли и всей духовной жизни» (*Лопарёв*. С. 196). Одним

из мощных магнитов, искажавших поле науч. исследования, было отношение П.-К. к патриарху Фотию как к святому. Так, в частности, он бесознательно отрицал подлинность приписываемого Никите Пафлагонскому (IX–X вв.) «Жития патриарха Игнатия», в котором образ Фотия, идейного противника Игнатия, представлен отнюдь не в ореоле святости (ст. П.-К. «*Ψευδονικήτας ὁ Παφλαγῶν καὶ ὁ νόθος βίος τοῦ πατριάρχου Ἰγνατίου*»). Тезисы этой работы были убедительно опровергнуты в ответной статье В. Г. Васильевского, написанной по горячим следам: «В защиту подлинности Жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору, Никите Пафлагону» (обе статьи опубл. в: ВВ. 1899. Т. 6, вып. 1–2. С. 13–38, 39–56). Предложенная П.-К. датировка Акафиста (в ст. «*Ὁ ἀκάθιστος ὕμνος, οἱ Ρῶς καὶ ὁ πατριάρχης Φώτιος*»), подвергнутая критике П. Маасом, также была порождена в большей степени непомерным увлечением П.-К. личностью патриарха Фотия, нежели ист.-филол. аргументами.

Справедливости ради нужно сказать, что в др. работах, в частности, в исследованиях, посвященных проблемам подлинности писем или гомилий Фотия, критич. аппарат П.-К. не давал сбоев, а увлеченность П.-К. личностью патриарха, помноженная на компетентность в вопросах палеографии, обещала такой существенный плод, как полное издание гомилий, подготовка которого была предложена ему Академией еще в 1896. В письме акад. П. В. Никитину, написанном в ноябре 1909, незадолго до серьезного ухудшения своего здоровья, П.-К. говорит о причинах, мешавших ему до тех пор заниматься этой задачей, и подтверждает свое намерение несмотря ни на что осуществить задуманное: «...я счел подходящим нынешнее время, если это будет угодно Богу, чтобы взяться с начала мая за столь благосклонно на меня возложенное дело <...> и воплотить в жизнь более чем пятидесятилетнее, поистине благочестивое фотиевское чаяние Академии» (Медведев. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 329 и след.). Сделать это он уже был не в силах.

В 1908 у П.-К. возникают первые признаки недуга, через четыре года приведшего к смерти: сохранились свидетельства о появившейся в это время и быстро нараставшей рассеянности и забывчивости, необъяснимых ошибках в письмах и науч. работах, наконец, практически полной потере памяти (подробно об этом пишет Г. Папамихаил, цитируя письма самого П.-К. к нему этого времени; см.: Папамηχαήλ Γ. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. *Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ*, 1913. Σ. 21–25). Тем не менее сумерки сгущались постепенно, а просветы заполнялись привычной деятельностью, только уже более лихорадочной и менее плодотворной. В это время был подготовлен последний сборник визант. текстов, получивший название «*Noctes Petropolitanae*» (в списке Бенешевича 1911, опубл. посмертно в 1913; переизд. с вводной статьей К. Троя: Leipzig, 1976). Название это, конечно, не случайно, если учесть, что подобного рода академ. сборники издавались им ранее под более привычными заголовками: «*Βυζαντινὰ Ἀνάλεκτα*» (1899), «*Varia Graeca sacra*» (1909). Очевидно, что через аллюзию на «Аттические ночи» Авла Геллия, римлянина в Афинах, П.-К., грек в Петербурге, увековечил свою признательность приютившему его городу и одновременно с этим отдал дань ночам как времени, которое у него было посвящено науч. творчеству (Медведев. А. И. Пападопуло-Керамевс. С. 289; объяснение дал берлинский византист К. Трой).

П.-К. скончался в 1912 в возрасте 56 лет. Его б-ка была приобретена ИПБ в 1915 за 15 тыс. р. после сложной переписки дирекции с наследницей ученого Е. Г. Масленниковой (Там же. С. 298–304). Собрание греч. рукописей ИПБ обогатилось в общей сложности 116 манускриптами из собрания П.-К. (46 наиболее интересных рукописей были проданы самим П.-К в 1911 за 5 тыс. р.), которые составляют существенную долю в нынешнем рукописном фонде РНБ, насчитывающем 774 единицы (Лебедева. С. 16–17).

Напротив, личный архив П.-К. исчез бесследно: по свидетельству Бенешевича, он был пущен Масленниковой на растопку в 1920 (Медведев. Неожиданный Бенешевич. С. 31). Это невосполнимая утрата для науки, если учесть, что в нем, помимо личной переписки самого П.-К., содержались подлинные документы офиц. переписки иерусалимских патриархов XVII–XIX вв., вывезенные из Палестины (Бенешевич дважды упоминает 28 толстых томов, см.: Там же), а также большое количество др. неизданных материалов — описаний рукописей и скопированных из них текстов. О существовании этих неизданных сокровищ свидетельствует и сам П.-К. в письме 1901 к Д. Хавьярасу: «Меня печалит, что я не успею опубликовать весь материал, который собирал 25 лет. Я переплел свои тетради, и они составили огромные тома. Издание собранных в них материалов требует обработки. Она может быть совершена только в месте <обретения> желанного покоя (подразумевается Ялта; о планах поселиться там говорится перед этим. — В. М.). Но насладиться им мне, кажется, не придется. Поэтому и тетради мои рассеются как ненужная бумага, как и я исчезну в месте, где здесь (в Петербурге. — В. М.) хоронят неизвестных и не имеющих родни» (*Παπαδοπούλου*. Σ. 404–05).

Большие заслуги П.-К. еще при жизни были отмечены целым рядом отличий: он был почетным чл. Петерб. и Казан. духовных академий, чл. ИППО, ИАО, КФО, Нем. археол. ин-та и др. общ-в. Похоронен П.-К. был с подобающими почестями на Смоленском кладб. Петербурга на специально выделенные для этого средства МНП. Прочувствованную речь на его могиле произнес его друг Х. М. Лопарёв. В рус. и греч. изданиях был опубликован целый ряд некрологов. Лучшим памятником ученому остаются, однако, изданные и переизданные тома его публикаций.

П.-К. являет собой счастливый случай ученого, которому судьба предоставила поле деятельности, соразмерное таланту. Огромный опыт чтения рукописей,

колоссальная эрудиция, языковое чутье образованного носителя языка и, несомненно, подвижническое отношение к предмету — вот качества, которые позволили П.-К. на высоком науч. уровне заниматься описанием рукописей и изданием текстов и получить на этом поприще заслуженное признание. Возделывать это поле он сумел благодаря условиям, какие предоставил ему Петербург и его науч. среда. П.-К. пополнил ряд замечательных ученых греков, судьбы которых оказались связаны с Россией.

Литература: *Дмитриевский А. А.* А. И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1914; *Бенешевич В. Н.* Список трудов А. И. Пападопуло-Керамевса // *Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπολει*, 1915. Т. 5. С. 607–640; *Дмитриевский А. А.* А. И. Пападопуло-Керамевс // *Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπολει*, 1915. Т. 5. С. 5–14; *Лопарёв Х.* Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс // ВВ. 1915. Т. 19. С. 188–212; *Медведев И. П.* Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого // ВВ. 1994. Т. 55 (80), ч. 1. С. 27–32; *Медведев И. П.* А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека / РНВ. С. 289–335; *Медведев 2006; Лебедева И. Н.* Греческие рукописи Российской национальной библиотеки: история формирования, каталогизации и изучения фонда // Каталог греческих рукописей Российской национальной библиотеки / сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2014. С. 4–35; *Noctes Petropolitanae: материалы конференции, посвященной столетию со дня кончины А. И. Пападопуло-Керамевса (1856–1912).* СПб., 2016; *Βέη Μ. Ν.* Ἡ αὐτοβιογραφία τοῦ Ἀθανασίου Παπαδοπούλου Κεραμέως ἐπισταλείσα ὑπὸ τοῦ ἰδίου πρὸς τὸν Νίκον Βέην // *Παρνασσός*. 1962. Т. Δ'. Σ. 441–453; *Τωμαδάκης Ν. Β.* Ἀνέκδοτος ἀλληλογραφία Ἀθανασίου Παπαδοπούλου Κεραμέως πρὸς τὸν Βασίλειον Μυστακίδην // *Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1970. Т. 37. Σ. 374–436; *Παπαβασιλείου Ε. Κ.* Ὁ Αθ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς και η σχέση του με την Σύμη // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρη Κίσινα / Ἑλληνικὴ Ἐταιρεία Σλαβικῶν Μελετῶν. Θεσσαλονίκη*, 2001. Σ. 395–406 ♦ *BC* СПб ун-та; *Брокгауз; СРНБ; Биографика* СПбГУ; *Тункина 2017.*

В. Т. Мусбахова

ПЕРОВСКИЙ Лев Алексеевич

PEROVSKIJ L. A.

[9(20).9.1792, Москва (?) —
9(21)/10(22).11.1856, Петербург;
Лазаревская усыпальница
Александро-Невской лавры],
*гос. деятель, создатель археол.
службы в России*

Побочный сын гр. А. К. Разумовского; гр. с 1849. П. получил домашнее образование, а затем учился в Моск. ун-те (окончил в 1811). Был определен в воен. службу и вскоре зачислен в имп. свиту по квартирмейстерской части. В янв. 1812 произведен в поручики. Участвовал в Отеч. войне 1812 года и заграничных походах рус. армии, был ранен. В 1818 — полковник гвардейского генерального штаба, с воен. службы уволен в 1823 и причислен к Коллегии иностр. дел. Являлся чл. тайных общ-в декабристов, но наказания избежал, ибо было «высочайше повелено оставить без внимания» его деятельность.

В 1826 перешел на службу в Деп. уделов МИДв. С 1831 — сенатор, с 1840 — чл. Гос. совета. В 1841—1852 — министр внутренних дел Российской империи, с 1852 — министр уделов и управляющий Кабинетом Е. И. В. Во время Крымской войны в 1855 произведен в генералы от инфантерии. Когда из числа удельных крестьян был создан добровольческий полк Имп. фамилии, П. стал его командиром. В авг. 1856 был пожалован в генерал-адъютанты.

П. интересовался многими областями знания: минералогией, языкознанием, этнографией, нумизматикой, археологией и др. Как министр внутренних дел и министр уделов он непосредственным образом стал отвечать и за археол. исследования в стране. В то время российская археология в основном была сосредоточена на раскопках курганов Скифии

и Боспора, главной их целью было получение произведений антич. прикладного искусства для собрания Имп. Эрмитажа.

В 1851 П. посетил район Боспора Киммерийского (Керченский пролив), осмотрел тамошние памятники древности и, возможно, предпринял какие-то раскопки. В мае 1852 П. в сопровождении Н. И. Надеждина и А. А. Сибирского посетил Керчь и Тамань. Под его наблюдением были раскопаны курганы в окрестностях древней Фанагории.

Имп. указом от 30 сент. 1852 все археол. исследования в стране были подчинены министру уделов. В окт. этого же года он обратился к имп. с докладом «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях». С участием П. была выработана программа систематич. исследований древнегреч. городов и некрополей сев. берега Чёрного моря. Он привлек к науч. деятельности группу чиновников «по археол. части», которую в современной науке порой называют *Комиссией Перовского*. По его инициативе А. С. Уваров предпринял раскопки в Ольвии, Херсонесе и Неаполе Скифском,

П. М. Леонтьев — в Танаисе, А. А. Сибирский и И. К. Айвазовский — в Феодосии, А. Е. Люценко проводил исследования в Керчи и ее окрестностях, К. Р. Бегичев — на Таманском полуострове. Помимо этого А. В. Терещенко, а затем А. Е. Люценко раскопали один из самых знаменитых царских курганов Великой Скифии — Александропольский (Луговую Могилу). Благодаря деятельности П. в России были созданы предпосылки для формирования гос. археол. службы. Он попытался также упорядочить систему приобретения древностей, находившихся в руках частных лиц.

Направляя археол. исследования на получение произведений антич. искусства, П. много сделал для формирования собрания керченских древностей Эрмитажа, ставшего одним из украшений этого музея и заслужившего мировую известность. Во время Крымской войны, когда в 1855 Керчи стал угрожать захват неприятелем, П. сделал все возможное для эвакуации собраний и документации Керченского музея древностей.

Девизом П. было: «Не слыть, а быть». По воспоминаниям В. И. Панаева, это был человек гордый, настойчивый, твердый и мстительный, который «с величайшею пользою мог бы быть поставлен во главе тайной полиции». В. П. Бурнашев сохранил высказывания о П. как о человеке, «который, кажется, ничего на свете не любит» и который «не охотник прощать то, что ему неприятно». Между тем независимый в своих мнениях В. В. Григорьев считал, что это был «едва ли не лучший» из людей времени царствования Николая I. Керченские археологи сохранили о П. добрую память.

Литература: (Некролог) // ОЗ. 1856. № 12. С. 44–45; *Савельев П. С.* Старинное русское серебро гр. Л. А. Перовского. СПб., 1857; *Петрова М. М.* Археология в жизни министра внутренних дел России Л. А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. 1. С. 190–191; Тункина 2002; Имп. Археол. комиссия ♦ РБС; Тункина 2017.

Ю. А. Виноградов

ПЕТРУШЕВСКИЙ Фома Иванович

PETRUŠEVSKIĬ F. I.

[1785, Петербург? — 13(25).2.1848, Петербург; Смоленское правосл. кладб.], историк, метролог, переводчик Евклида и Архимеда, педагог

О ранних годах П. ничего не известно. Образование получил в Петерб. пед. ин-те (впоследствии ГПИ), где изучал математику и физику. По окончании курса в 1808 был определен в Псковскую губ. гимназию, незадолго до того учрежденную на базе народного уч-ща, на должность учителя чистой и смешанной математики и опытной физики (*Говорливый*. С. 8). Первые годы существования гимназии были достаточно сложными из-за конфликтов и частой смены директоров (Там же. С. 9). П. сумел проявить себя, когда в отсутствие директора (1809–1812) руководство гимназией было доверено ему. В 1816 П. вернулся в Петербург, получив назначение ведать письменными делами Конференции ГПИ, а через несколько месяцев получил должность столоначальника в Главном правлении уч-щ.

Вероятно, возвращение в столицу было прямо или косвенно связано с назначением в 1816 А. Н. Голицына на должность министра духовных дел и народного просвещения; так или иначе, свой первый труд по метрологии (1831) П. посвятил Голицыну. В 1818 П. был переведен в деп. народного просвещения, а в 1820–1825 служил чиновником в деп. народного казначейства, дослужившись до чиновника особых поручений. С 1825 вернулся в сферу образования, став директором Дома воспитания бедных детей (впоследствии Гимназия Имп. человеколюбивого общества), где с его приходом заметно повысился уровень преподавания; кроме того, П. обеспечил Дом воспитания хорошей

б-кой, после того как Имп. АН, среди прочих дарителей, выделила книги для этого (см.: 75-летие гимназии... С. 6–7). В 1834 был переведен на должность директора Ин-та слепых, которую занимал до самой смерти в 1848.

Пятеро сыновей П. отличались, как и отец, широким кругом интересов и сделали, каждый, выдающуюся карьеру: Иван (1820–1852, выпускник Горного корпуса, проф. химии), Александр (1826–1904, генерал-лейтенант, историк, автор биографии Суворова), Василий (1829–1891, генерал-лейтенант, воен. инженер, работавший над применением нитроглицерина, и, в этом смысле, предшественник А. Нобеля с его динамитом), Михаил (1832–1893, генерал, участник Крымской войны, туркестанских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов), наконец, Федор (1828–1904, физик, проф. Петерб. ун-та, изучавший электричество и оптику).

Параллельно со своей службой П. в частном порядке упорно осваивал занимавшую его сферу знаний — историю математики и метрологию. Прекрасное

знание математики и языков в сочетании с интересом к развитию наук подтолкнуло П. к переводу значимых текстов из истории математики. Исходным толчком послужил опыт преподавания в Псковской губ. гимназии, а также понимание несовершенств существовавших на тот момент гимназич. учебников и необходимость сделать доступными для рус. читателя труды, повлиявшие на развитие математики как дисциплины. В 1817 П. издал перевод с франц. «Начальных оснований арифметики» С. Ф. Лакруа, дополнив его собственными замечаниями; в течение XIX в. это руководство было стандартным пособием для преподавания математики в гимназиях и ун-тах (впрочем, уже в 1826 перевод П. был заменен значительно более подробно коммент. переводом Д. М. Перевощикова; см.: *Прудников*. С. 201–202). Два года спустя П. подготовил и издал перевод с греч. **«Эвклидовых начал восемь книг, а именно: первые шесть, одиннадцатая и двенадцатая, содержащие в себе основания геометрии»** (СПб., 1819).

На тот момент «Начала» уже были доступны на рус. языке, причем в трех версиях: в переводе с лат. Сатарова (1739), с франц. — Курганова (1769) и с греч. — Суворова и Никитина (1784). Однако, как отмечал П., «каждый из них, а особенно последний, может называться хорошою геометрическою книгою; но ни один не можно назвать *Эвклидовыми началами*; ибо в них сделано столько перемен, прибавлений и проч., что едва оставлена тень подлинника» (Эвклид. 1819. С. VII). В отличие от предшественников П. переводил с древнегреч. текста по оксфордскому изданию 1703, причем стремился к максимальной точности при переводе. Текст «Начал» неизменно передается словами, а не математич. символами. Кроме того, П. отказывается от модной в ту пору идеи «упорядочить» Эвклидову геометрию (Там же. С. VII–XV; о критике Эвклида

в рус. математике конца XVIII — начала XIX в. см.: *Прудников*. С. 154). Благодаря внимательной передаче греч. оригинала, перевод П. более ста лет оставался наиболее авторитетным, несмотря на архаичность языка (высокая оценка этого перевода дана в кн.: *Мордухай-Болтовский*. Т. 1. С. 7). Единственное вмешательство в текст Эвклида, которое П. себе позволил, состояло в разделении «Начал» на части: одну, посвященную геометрии (книги 1–6, вместе с 11–12 — публикация 1819), и другую, по теории чисел (книги 7–9, изданные отдельно в 1835). Есть сообщение о том, что П. переводил 10-ю книгу «Начал» Эвклида (ЖМНП. 1836. Май. С. 347–348), однако перевод так и не вышел в свет.

В 1823–1824 П. подготовил и издал ряд сочинений Архимеда: «О шаре и цилиндре», «Измерение круга» и «Леммы» (1823), а также «Псаммит» (1824). Перевод «О шаре и цилиндре» должен был дополнить перевод геометрич. частей «Начал» Эвклида; впрочем, издание переводов Архимеда было событием еще более значимым, поскольку Архимед переводился в России впервые: сокращенный пересказ из Архимеда, составленный в 1745 И. Сатаровым, как справедливо отмечал сам П. (Архимеда две книги о шаре и цилиндре. СПб., 1823. С. XVII), был слишком далек от оригинала, чтобы считаться переводом. Перевод П., основанный на оксфордском издании Торелли (1792), был снабжен вступлением с биографией Архимеда и пояснениями, рассчитанными в первую очередь на математиков (в частности, П. в ряде случаев представляет идеи Архимеда в виде математич. уравнений); однако комментарий переводчика включает иногда и обсуждение текстологич. вопросов. Переводил П. Архимеда с греч. оригиналов, имевших дорийскую окраску, и с латинского, если сочинения сохранились только в старом лат. переводе или в лат. переводах с арабского.

В этом издании обращает на себя внимание подход П. к греч. тексту, который, в силу особенностей оригинала, не был замечен в переводе Эвклида: при передаче теоретич. пассажей П. стремился к максимальной строгости перевода и дословному соответствию формулировок; что же касается передачи Архимедовых замечаний личного характера (напр., обращения к Досифею в начале первой и второй книг трактата «О шаре и цилиндре»), П. считал себя вправе переводить их достаточно вольно. Переводы Архимеда и Эвклида, которые П. составлял в свободное от основной службы время и издавал за собственный счет, получили признание: в 1836, вслед за изданием книг 7–9 «Начал» Эвклида, ему была присуждена половина Демидовская премия, причем в представлении от Петерб. АН отмечалось не только высокое качество перевода, но и то, что «соединение в одном лице столь разнообразных знаний, каковые требуются для подобного труда — у нас еще очень редкое явление» (ЖМНП. 1836. Май. С. 348).

Второй важной для П. темой, по которой он опубли. целый ряд книг, была метрология. Сложно определить, что подтолкнуло его к изучению этой обл.: первый его метрологич. труд был посвящен А. Н. Голицыну, но, насколько можно судить, не был заказан последним. Метрологии, впрочем, в то время уделялось значительное внимание: в частности, в 1832 была учреждена Комиссия для приведения в единообразие российских мер и веса. Каким бы ни был непосредственный повод, из предисловия к «Метрологии» видно, что П. воспринимал этот труд как восполнение лакуны, существовавшей в рус. традиции, хотя в 1831 М. Г. Паукер за шеститомную рукопись «Метрология России и ее немецких провинций» был удостоен полной Демидовской премии. В виде книги это сочинение так и не увидело свет; кроме того, руководство по метрологии П., объединявшее данные

разных стран и эпох, отличалось значительно большей широтой привлекаемого материала. Как в «**Метрологии**» (1831), так и в вышедшей посмертно двухтомной «**Общей метрологии**» (1849) П. описывает в числе прочих меры, весы, монеты, времяисчисление греков и римлян, однако приводимые им вычисления воспроизводят данные старых ученых, и в этом смысле труд П. не оригинален, хотя и полезен. П. издал, кроме того, более узкие справочники по польск. метрологии (1831) и по метрологии медицинской (1841), а также краткий справочник по современной европ. метрологии (1841); первый из них оказался востребован в ходе польск. кампании 1830–1831 (см.: 75-летие гимназии... С. 6). За двухтомную «Общую метрологию», в которой были обобщены его изыскания по этой теме, П. посмертно получил полную Демидовскую премию (1849).

Наконец, следует упомянуть об участии П. в подготовке «Энциклопедического лексикона» Плюшара. Биографы обычно отмечают, что П. написал практически все метрологич. статьи для лексикона (см.: РБС. Т. 13. С. 709; Брокгауз. Т. 23а. С. 480). Однако помимо этого ему было поручено написать множество статей по истории математики и физики, в т. ч. ряд биографий антич. ученых (Архимеда, Аполлония Пергского, Аристия Кротонского, Анаксагора, Анаксимандра, Анаксимена, и пр.). Большая часть этих статей написана весьма сжато, однако некоторые биографии более подробны: напр., биография Архимеда в «Лексиконе» как по содержанию, так и по объему близка к жизнеописанию в предисловии П. к вышедшему в 1823 переводе «О шаре и о цилиндре» Архимеда. Об эрудиции П. и о широте его знаний в обл. антиковедения свидетельствует то, что он брался даже за весьма редкие темы, написав, в частности, статью о гадании посредством петуха в античности (Плюшар. Т. 1. С. 495, s. v. Алектрамантия).

Избранные сочинения: Архимеда две книги О шаре и цилиндре, Измерение круга и Леммы / пер. с греч. (леммы — с лат.) Ф. Петрушевского с примеч. и доп. СПб., 1823; Архимеда Псаммит, или Исчисление песку в пространстве равном шару неподвижных звезд / пер. с греч. Ф. Петрушевского и примеч., и с присовокуплением Общей теории величин пропорциональных древних геометров. СПб., 1824; Метрология, или Описание мер, весов, монет, и времяисчисления нынешних и древних народов. СПб., 1831; Эвклидовых начал три книги (седьмая, осьмая и девятая), содержащие общую теорию чисел древних геометров / пер. с греч. Ф. Петрушевского с прибавл. и примеч. СПб., 1835; Общая метрология. Т. 1–2. СПб., 1849.

Литература: *Говорливый П.* Историческая записка 50-летия Псковской губернской гимназии. СПб., 1884; 75-летие гимназии Импер. Человеколюбивого общества. 1820–1895: ист. обзор. СПб., 1898; *Мордухай-Болтовский Д. Д.* Начала Евклида: в 3 т. М.; Л., 1948–1950; *Прудников В. Е.* Русские педагоги-математики XVIII–XIX веков. М., 1956; *Невская Н. И.* Ф. Ф. Петрушевский — организатор астрофизической обсерватории Петербургского университета // Деятели русской науки. Вып. 1. С. 5–30 ♦ Брокгауз; РБС.

М. Н. Казанская

ПЕТУХОВА Вера Викторовна (в замуж. — Митрофанова)

RETUCHOVA V. V.

[1(13).9.1874, имение Дворищи, ныне Лидского р-на Гродненской обл. Беларуси — начало 1942, Ленинград], филолог

По окончании с отличием Виленского Мариинского высш. женск. уч-ща обучалась на ИФФ Петерб. ВЖК (выпуск 1895). Одной из первых женщин — вероятно, даже первая — выдержала в Петерб. ун-те экзамен на звание гимназич. учительницы древних языков (1900). Преподавала лат. язык и введение в лат. филологию

на мл. курсах Петерб. ВЖК, в Женском пед. ин-те и частной гимназии Таганцевой. В Петрогр. 3-м ун-те (бывш. ВЖК) занимала должность доц. (1918) и экстр. проф. (1919). До февр. 1942 продолжала (с перерывами) преподавание лат. языка в Петрогр. ун-те/ЛГУ: ст. ассистент, ст. преподаватель; в 1920-е еще вела занятия на Высших курсах библиотекведения при ПБ. Умерла в конце первой блокадной зимы.

П. — ученица ун-тских латинистов И. И. Холодняка и О. А. Шебора. Бестужевки вспоминали ее как преподавательницу, дававшую прочные знания по предмету, но чрезвычайно придирчивую на экзамене, сравнительно с добродушным Н. А. Гельвихом:

«Петухова была нашей грозой. О ее строгости ходили легенды. Как сейчас стоит она передо мной, прямая, худощавая, гладко причесанная, в черном платье с белым воротничком. Да, она была строга и неумолимо взыскательна. Зато какой заслуженной гордостью, какой радостью наполнялись наши сердца, когда мы уходили с экзамена, держа в руках матрикулы с высокой оценкой» (*Привалова Е. П.* Как мы учились // С.-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 241),

или

«Латынь преподавал и экзаменовал проф. Гельвих, который во все время экзамена нюхал табак и сморкался в большой красный платок. Производила экзамены также и проф. Петухова, очень строгая, которой все боялись и старались словчить и попасть к Гельвиху» (*Нестерова О.* Отрывки воспоминаний о Высших женских Бестужевских курсах // Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 91).

Деловая и строгая атмосфера ВЖК не могла, по свойству жизни, не нарушаться изредка эпизодами и такого рода:

«...на одном из экзаменов по латинскому языку препод. В. В. Петухова заподозрила,

что за слушательницу Л. у нее сдавало экзамен переодетое в дамское платье лицо мужского пола. Подозрения эти подтвердились после того, как В. В. Петухова сообщила о них учебной канцелярии, прося вызвать слуш. Л., которая явилась к В. В. Петуховой и созналась в обмане, причем лицо, сдавшее экзамен за Л., осталось не обнаруженным. Постановлено ввиду искреннего раскаяния Л. предложить ей уйти с Курсов, если же она не пожелает этого сделать, то передать ее дело на рассмотрение дисциплинарного суда» (ПгВЖК за 1914–1915 г. Пг., 1916. С. 162).

Науч. публикации П. неизвестны. В 1923 Гос. изд-во заключало с нею договор на издание учебника лат. языка, которое, по-видимому, не осуществилось. Участвовала, наряду с др. преподавателями Петерб. ВЖК, в коллективных

переводах с новых языков, в т. ч. сочинения Л. Фридендера «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов» (Ч. 1. СПб., 1914). Перевела шесть биографий для кн.: *Плутарх*. Избр. биографии / пер. с греч. под ред. и с предисл. С. Я. Лурье. М.; Л., 1941, а также отрывки из Квинтилиана в антологии: *Античные теории языка и стиля*. М.; Л., 1936. С конца 1920-х в ун-тской службе П. не было стабильности, как можно заключить из письма Г. Ф. Церетели об ун-тских преобразованиях 1927: «Удалены Платонов, Жебелёв, Карский, Приселков и мн. др. <...> Выгнаны Гельвих и Петухова» (цит. по: *Фихман И. Ф.* Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // АРВ. С. 232). В ж. «Научный работник» за 1928 (№ 7. С. 86) упоминается о назначении ей академ. пенсии в размере оклада.

Сын П., А. И. Пиотровский (1898–1937), переводчик и историк театра, внебрачный ребенок Ф. Ф. Зелинского, был усыновлен теткой, которая в замужестве носила фамилию своего мужа, И. О. Пиотровского; в РНБ (Ф. 585. Ед. хр. 2474) сохранились ее благодарственные записки в период серьезной болезни (1911–1913) к Н. Н. Платоновой за «помощь Адюше».

Литература: Исторический обзор преподавания научных дисциплин на Высших женских курсах с 1878 по 1903 // С.-Петербург. высшие женские курсы за 25 лет. СПб., 1903; Пам. книжка окончивших курс на С.-Петербург. высших женских курсах. 1882–1889, 1893–1903. СПб., 1903; Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926; Книга памяти Ленинградского и С.-Петербургского университета. 1941–1945. Т. 2. СПб., 2000; *Вахромеева О. Б.* Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. СПб., 2003 ♦ Рус. интеллигенция; Филол. ф-т 2002.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 724 (А. М. Астахова); ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов); ЦГИА СПб. Ф. 113 (Петербург. ВЖК).

В. П. Смышляева

ПЕЧЕРИН Владимир Сергеевич

PEТCHERINE / PEČERIN V. S.

[15(27).6.1807, с. Дымерка, ныне Великая Дымерка Броварского р-на Киевской обл. Украины — 29.4.1885, Дублин, Ирландия; Гласневинское кладб.], филолог, переводчик, католич. священнослужитель

Из дворян Рязанской губ. Происходил от родителей с польск. корнями. Детство провел в переездах по гарнизонам с отцом, офицером Ярославского пехотного полка, который в отставку вышел полковником. Начальное образование получил под руководством «недорогих» домашних учителей — лишь в 1822 на год был зачислен в Киевск. благородный пансион. С 1825 в Петербурге: до поступления в ун-т служил подканцеляристом; в ун-те изучал классич. филологию под руководством Ф. Б. Грефе (1829–1831). По окончании курса (кандидат) был оставлен при каф. «лектором по лат. языку» и помощником библиотекаря. Преподавал греч. язык в Петерб. 3-й гимназии (март 1832 — март 1833; ЦГИА СПб. Ф. 439. Ед. хр. 291). В мемуарах П. называет ее Петерб. 1-й гимназией, т. к. на рубеже 1830-х это учеб. заведение неоднократно переименовывалось.

По рекомендации С. С. Уварова в 1833 П. был включен в число стипендиатов МНП (преимущ. из числа дерпт. профессорантов), командируемых за границу. В Берлине увлекся философией (Гегель, франц. утописты) и социалистич. идеями. Еще юношей П. слышал восторженные отзывы офицеров о стоявшем со своим полком вблизи г. Липовца будущем декабристе П. И. Пестеле (Замогильные записки. С. 93), а во время каникулярных путешествий познакомился с итал. революционерами. Вернувшись в Россию,

заместил в Моск. ун-те С. Ивашковского, составителя «Полного греко-русского словаря»; сдал докт. экзамен (нояб. 1835) и с янв. 1836 приступил к преподаванию греч. словесности (экстр. проф.). Летом того же года, добившись командировки в Берлин «для свидания с одним весьма близким к нему семейством и в особенности для напечатания диссертации» (РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 250. Л. 1), покинул Россию в поисках «истины и правосудия»; в 1837 был исключен из службы, в 1848 лишен прав состояния. Попытки П. присоединиться к сторонникам Джузеппе Мадзини в Швейцарии не удалась, въезд во Францию был ему запрещен. В 1840 П. вступил в Орден редemptристов: пройдя обучение в семинарии Виттема (под Лимбургом) и приняв сан, преподавал в школе Виттемского монастыря, участвовал в миссиях ордена (1845–1854). С 1854 жил преимущ. в Ирландии. После тягостного для него приглашения в Рим для проповеди католичества в рус. среде, на время выходил из ордена (1861), но поиски приюта у картезианцев и трапистов также не принесли ему удовлетворения. С 1863 и до смерти служил капелланом в дублинской больнице Богоматери Милосердия (*Mater Misericordiae*).

О П. — «лишнем человеке» и невозвращенце николаевской эпохи первым несколько блестящих страниц написал А. И. Герцен: «Эллинист Печерин побился, побился в страшной русской жизни, не вытерпел и ушел без цели, без средств, надломленный и больной, в чужие края, скитался бесприютным сиротой, сделался иезуитским священником и жжет протестантские библии в Ирландии» (*Герцен А. И. Соч.*: в 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 132). Интересу к личности и судьбе П. способствовали также публикации Е. А. Боброва, посвященная ему монография М. О. Гершензона и особенно мемуары самого П. (Замогильные записки / под ред., с введ. и примеч. Л. Б. Каменева; подгот. М. О. Гершензон. Калинин, 1932; здесь цит. по кн.: Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников. М., 1989).

Интерпретациям мировоззрения этой «архетипической фигуры русской интеллектуальной истории» сегодня посвящена обширная литература (см. библиогр. список в кн.: *Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя*. В. С. Печерин. М., 2007). Ун-тскому «классицизму» предшествовали домашние занятия лат. языком, который П. начал изучать в свой единственный гимназич. год и продолжил самостоятельным чтением хрестоматии «*Historiae selectae*». В ун-те он «возбудил большие надежды» (Григорьев. С. 91): друзья называли его «лингвистом» за способности к языкам (*Бобров Е. А. Учено-литературная деятельность проф. В. С. Печерина // ЖМНП. 1907. Апр. С. 313*), а талант переводчика обеспечил ему благосклонность Грефе и Уварова. О хорошем знании греч. языка свидетельствует увлечение П. разбором «Кормчей книги» для Г. А. Розенкампа (отец, раздраженный тем, что П. выбрал штатскую службу, материально его не поддерживал). Тем не менее после знакомства с европ. образованием П. скептически оценил

свое студенчество: «Когда теперь припоминаю тогдашний Петербургский университет, то так и руки опускаются. <...> Студенты заучивали тетрадки профессоров, да и сам профессор преподавал по тетрадкам, им же зазубренным во время оно» (Замогильные записки. С. 166). Важным для формирования П. стало участие в «святых пятницах» А. В. Никитенко, где за ним закрепился авторитет «человека с истинно поэтической душой» (Никитенко. Т. 1. С. 113). После выступления П. в печати с переводами греч. эпиграмм (СО. 1831. № 7, 12, 13; Невский альманах на 1832. СПб., 1832; Комета Белы. СПб., 1833) друзья прозвали его Мелеагром и даже сравнивали с В. А. Жуковским. Возросло и расположение к нему Уварова: «Я сделался ужасным любимцем товарища министра просвещения <...>, начал просто ездить к нему на поклон, даже на дачу» (Замогильные записки. С. 167); впоследствии министр сожалел об отъезде П., «подававшего отличными своими способностями весьма лестные о себе надежды» (РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 250. Л. 10; Никитенко. Т. 1. С. 190). Как переводчик антологии П. следовал опытам Д. В. Дашкова, но его более гладкий (без архаизирующих тенденций) язык перевода, выбор эпиграмм и «особая их акцентировка выдавали предельную романтическую устремленность» (*Кибальник* С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С. 138–139). Третью напечатанных переводов П. — из Мелеагра, среди др. авторов — Алкей, Агафий, Антифил Византийский, Асклепиад, Паллад, Руфин.

Образец перевода из Филиппа Фессалоникийского (АР IX, 293): «Труп Леонида кровавый, увидевши, Ксеркс-победитель, / Дивную доблесть почтив, сам багрянницей одел. / Мертвый тогда возгласил спартанский герой незабвенный: / “Нет, не приму никогда должной предателю змды! / Щит — украшенье могиле моей, прочь одежды персидски! / Я спартанцем хочу

в царство Айдеса прийти”». Комментарий П.: «Исторические воспоминания, имена героев и поэтов, особенно же отечественные предания о великих мужах, плод народного самолюбия, одушевляют часто эпиграмматического поэта. Таково предание о Ксерксе, почтившем драгоценною багрянницею тело павшего за отечество Леонида» (О греческой эпиграмме // Современник. 1838. № 3. С. 78; без подписи).

Из хрестоматий В. А. Алексеева (1895) и Я. Э. Голосовкера (Лирика древней Эллады. М.; Л., 1935) переводы П. перешли в современные антологии: «Античная лирика» (М., 1968), «Поэты 1820–1830-х гг.» (Л., 1972. Т. 2) и др. В 1831 был напечатан лит.-эстетич. реферат П. «**Взгляд на трагедии Софокла: Антигона и Аякс**» (СО. 1831. № 13) — синтез тематич. предпочтений Грефе с романт. трактовками П., не без оглядки на православный «знаменатель» Уварова. В текстах Софокла, «писателя благочестивейшего, коего чистая душа не далека была от христианского совершенства», в образах его Антигоны и Аякса П. усмотрел «высокие уроки благочестия и смирения», а также знамения иного мира: Софокл, «как провозвестник неба, приподнимает <...> завесу лучшего мира и в отдалении, кротким светом озаренном, показывает осуществленным в действительности то, что здесь, в юдоли слез, живет, как светлая идея, в сердце мужа благочестивого, исполненного веры, надежды и любви» (Там же. С. 361).

Зарубежная командировка привела филол. занятия П. к концу: социализм Ф.-Р. Ламенне захватил его сильнее древностей А. Бёка и «убийственно-филологической» экзегезы авторов. Об этом переломе судьбы свидетельствуют лит. этюды его берлинских лет — сцены из трагедии «Вольдемар» и романт. поэма «Торжество смерти» [название дано Герценом — ее первым публикатором (Полярная звезда. 1861. № 6) — вместо авторского «Pot-pourri, или Что хочешь, того просишь»], мотивы которой пародированы позже Ф. М. Достоевским

в «лирико-драматической аллегории» Верховенского (*Сабуров А. А.* Из биографии Печерина // ЛН. М., 1941. Т. 41–42. С. 481). Судя по названию пробной лекции возвратившегося из-за границы П. «Периклово надгробное слово из Фукидида, П, 35–46» с «утверждением о подлинности речей у Фукидида и объяснением обстоятельств, при которых была произнесена речь» (О пробных лекциях // ЖМНП. 1835. Сент. С. 509), она являлась переработкой конспекта прослушанного им в Германии курса: в занятиях по теме запланированной для него Грефе дис. «*Observationes criticae in universam Anthologiam Graecam*» П. явно не преуспел.

Тяжесть возвращения в «некрополис России» усугубилась и назначением в Москву (после стажировки стипендиатам предписывалось прослужить 12 лет по направлению МНП), означавшим разлуку с петерб. друзьями: «Может быть, в Петербурге я мог бы ужиться как-нибудь, но разгульная Москва с ее вечными обедами, пирушками, вечеринками и беспрестанною болтовнею вовсе не шла к тому строгому и грустному настроению, с каким я возвращался из-за границы» (Замогильные записки. С. 176). А. В. Никитенко без успеха пытался отстоять П. для Петерб. ун-та (Никитенко. Т. 1. С. 179; *Гершензон М.* Жизнь В. С. Печерина. М., 1910. С. 119). Покончив с докт. экзаменом, он еще полгода читал лекции в ун-те (см.: *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 129), но примириться с давящей атмосферой посредственности не смог.

Находясь в эмиграции, П. не утратил интереса к филологии, изучал даже санскрит и древнеперсидский. Эпизодически преподавал он и языки классич. древности. О западном церк. окружении П. вспоминал: «Заметь мои способности, меня тотчас сделали профессором истории, греческого и латинского языков. Я далеко превзошел их ожидания и желания: даже после жаловались, что я уже слишком многому учил этих молодых

людей, — и вовсе не по их званию. Но это вносило разнообразие в мою жизнь: я имел позволение заниматься светскими предметами» (Замогильные записки. С. 253). Свою небольшую б-ку П. завещал Моск. ун-ту.

В дискуссии о российском образовании П. стал отстаивать приоритет реальной гимназии, как видно из писем 1871 к другу юности Ф. В. Чижову (РА. 1871. № 10. Стлб. 1740–1741): «От классицизма все как-то пахнет монастырем, душною келью <...>, а от реализма веет свежий утренний ветерок пробуждающей новой жизни. Классицизм есть своего рода старовечерство». Итогом кризиса П., вызванного личным конфликтом с обществом и церковью, «задушевной приятельницей всех деспотов», в поздние годы стало отвращение к любому филос. поиску: «Ты не можешь себе представить, до какой степени противно и приторно не только писать, но даже думать о духовной жизни. Это такая мертвечина, мерзость запустения, стояща на месте святе, это воплощенная колоссальная ложь» (из письма к Чижову от 6 дек. 1874; цит. по: *Первухина-Камышинова Н. М.* В. С. Печерин. Эмигрант на все времена. М., 2006. С. 301).

Литература: *Печерин В. С.* Apologia pro vita mea: жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / отв. ред. и сост. С. Л. Чернов. СПб., 2011; *Сабуров А. А.* Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым // ЛН. М., 1955. Т. 62. С. 463–484; Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989; *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002 ♦ Григорьев; Брокгауз; Языков; Прозоров; Воронков; КЛЭ; Свясов; РП; *Алексеев П. В.* Философы России XIX–XX столетий; ПМУ; Фролов 2006; Фёдоров; Wes.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 372. 23 ед. хр.; РО ИРЛИ. Ф. 384. 20 ед. хр.; РГБ. Ф. 218. 8 ед. хр. (в собрании отдела рукописей — № 131); Отдельные документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петерб. ун-т), 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

**ПИСАРЕВ
Дмитрий Иванович**

PISAREV D. I.

[2(14).10.1840, с. Знаменское, ныне Липецкой обл. — 4(16).7.1868, Дуббельн, ныне Дубулты, часть г. Юрмала, Латвия; Литераторские мостки Волковского кладб. в Петербурге],
публицист и лит. критик

Родился в дворянской семье. Отец — штабс-капитан Новорос. драгунского полка Иван Иванович Писарев. Дворянский род Писаревых — литовск. происхождения (Семен Писарь получил имение в Коломенском у. в 1441); в роду были и др. литераторы: Александр Александрович (1780–1848), поэт, историк Отеч. войны 1812 года, и Александр Иванович — дядя П., автор водевилей и переводчик. Воспитанием сына руководила мать, бывшая институтка. К четырехлетнему возрасту П. читал по-рус. и по-франц., к 10 годам отлично знал немецкий язык. В детские и гимназич. годы отличался прилежанием и послушанием, принадлежа, по собственному выражению, к разряду «овец». Учился П. в 3-й Петерб. гимназии, которая славилась строгой требовательностью и углубленным преподаванием латыни и греч., окончил ее в 1856 с сер. медалью. В статьях о педагогике — «Наша университетская наука», «Педагогические софизмы», «Школа и жизнь» — он осуждал гимназич. и ун-тское образование прежде всего за бессистемность и перегруженность разрозненными фактами, но, в отличие от многих своих современников, против преподавания классич. языков не выступал. В 1856 поступил на ИФФ Петерб. ун-та (окончил в 1861). На первых курсах поражал товарищей хорошим знанием древних языков. По воспоминаниям П. Полевого, на одной из лекций читать «Одиссею»

вызывался «худощавенький, беленький и розовенький мальчик и чрезвычайно бойко прочел несколько десятков строк греческого текста; прочитав отрывок, он перевел его так же бойко, внятно произнося каждое слово своим мягким и тоненьким, почти детским голосом». На след. лекциях происходило то же самое. Ленивые студенты постоянно просили П. отвечать, т. к. он мог переводить Гомера «без всякого приготовления» (*Полевой П.* Воспоминания о Дмитрие Ивановиче Писареве // СПбВед. 1868. № 193. С. 1). Однако вскоре П. стало казаться, что его заставляют заниматься схоластикой, и у старательного, даже покорного студента стал вызревать протест. С конца 1858 П. был приглашен сотрудничать в «Рассвете» — «журнале наук, искусств и литературы для взрослых девиц». Там он напечатал около ста рец. на худож. произведения, книги по истории и естественным наукам, в т. ч. такие значительные работы, как «Обломов», «Дворянское гнездо», «Три смерти».

Летом 1859 П., приехав на каникулы в родное имение, пережил духовный перелом, связанный с переоценкой как ун-тских занятий, так и своей домашней (помещичьей) среды, которая предстала консервативной и аморальной вместе: двоюродный дядя оказался крупным казнокрадом, а родной дядя — закоренелым крепостником, называвшим Гоголя «бездарностью». Сыграла роль и безответная влюбленность в двоюродную сестру Раису Кореневу. Былая покорность сменяется у П. безудержным скептицизмом и сплошным отрицанием. Вначале он пытается найти себя в науч. занятиях, пытается изучать Гомера, доказать некую «титаническую идею» относительно древнего мира, но это огромное напряжение кончается весной 1860 психич. болезнью: четыре месяца П. пробыл в психиатрич. больнице доктора Штейна, два раза покушался на самоубийство.

Поправившись, П. принимается вновь за лит. труд, пишет биографию Шиллера, переводит главу из «Мессиады» Клопштока, более 1500 стихов из Гейне. Наиболее примечательная статья этого времени, посвященная антич. миру, — «Идеализм Платона (Обзорение философской деятельности Сократа и Платона, по Целлеру; сост. Клеванов)» (Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 75–96). Главная мысль статьи заключалась в том, что идеалистич. философия, аскетизм и социальная тирания — равнозначные понятия. Философия Платона ведет в конечном итоге к подчинению личности заранее установленной догме, в идеализме — по П. — содержится оправдание нравственного и полит. насилия. «Принцип, проведенный Платоном в его трактатах о государстве и о законах, неизвестен новейшей европейской цивилизации»: испанская инквизиция, костер Гуса, Варфоломеевская ночь — это логич. продолжение этого принципа (Там же. С. 96).

В необычайно короткий срок (окт.–дек. 1860) пишет дис. сочинение об Аполлонии Тианском, удостоенное сер. медали. Окончив ун-т, П. целиком отдается

публицистике. С весны 1861 выступает как ведущий критик и идейный руководитель ж. «Русское слово». 2 июля 1862 П. был арестован — причиной послужила рец. на пасквиль против Герцена, написанный правительственным агентом бар. Ф. И. Фирксом (псевд. — Шедо-Ферроти). После ценз. запрета рец. П. превратил текст в прокламацию и пытался издать его нелегально. В Петропавловской крепости П. провел 4 года, 4 месяца и 18 дней. После годичного заключения ему позволили публиковаться, в 1864 и 1865 его статьи появляются практически в каждом номере «Русского слова» (всего — 24 статьи). Лучшие этого времени — «Базаров», «Реалисты», «Новый тип», «Цветы невинного юмора», «Подрастающая гуманность». Радикальная критика П. не щадила Пушкина и Л. Толстого: «Пушкин и Белинский», «Старое барство», «Промахи незрелой мысли». Освобожден из крепости в нояб. 1866. В 1867–1868 сотрудничал в ж. «Дело» и «ОЗ». Летом 1868 отправился со своей троюродной сестрой Марией Маркович (писательница Марко Вовчок) на Рижское взморье и утонул во время купания.

Дис. сочинение, посвященное позднеантич. мистику Аполлонию Тианскому, солидно по объему — 15 печ. л. (240 с.). Как указал сам П., тему предложил М. М. Стасюлевич, проф. всеобщей истории Петерб. ун-та. Сочинение утрачено, но статья П. «Аполлоний Тианский. Агония древнего римского общества в его политическом, нравственном и религиозном состоянии» (Русское слово. 1861. Кн. 6–8) на нем основана и доносит до нас его существенные черты.

В статье П. демонстрирует эрудицию, знание древних и новых источников, о чем свидетельствует изобилие ссылок. В отличие от адептов классицизма и последователей Винкельмана, П. применяет к античности подход, далекий от идеализации. Не только имп. Рим предстает агонизирующим и лишенным высоких целей, но и сама Греция далека от идеала, будь то в недостатке гуманного отношения

к рабам и женщинам, будь то в плане политико-филос. доктрин виднейших представителей ее интеллектуальной элиты. В первой главе дана характеристика Рима эпохи Тиберия, живо обрисована картина единоличной власти, прикрывающейся республиканскими ин-тами, трусливая и алчная элита, равнодушный к политике и жадный до жестоких зрелищ народ.

Во втором параграфе П. рассматривает полит. идеи крупнейших антич. философов, прежде всего Аристотеля; говоря о Платоне, автор ссылается на свою более раннюю статью о нем. Оба философа, по мнению П., приносят в жертву государству права личности, а их «идеальные» государства, осуществившись они на практике, ужаснули бы своих создателей. Параграфы 3–5 ставят вопрос о рабстве и отношении к нему интеллектуальной элиты как в Греции, так и в Риме. Вывод: «Не от древних философов надо было ждать обновления». В параграфе 8 рассматривается антич. семья, с ее деспотизмом и женским бесправием, и в то же время с узаконенными внебрачными связями. Подробно останавливаясь на эклектичном характере римск. верований, заимствовавших многое из религии Египта, М. Азии, Греции, П. делает вывод о господстве в имп. эпоху в мировоззрении большинства «дешевого скептицизма, дикого суеверия и животной чувственности». Далее П. рассматривает филос. доктрины от Платона до Эпиктета, показывая, что именно из среды платоников и пифагорейцев в основном выходили любимые народом проповедники.

Общий недостаток фактич. сведений об Аполлонии Тианском оказался для П. скорее благоприятен, позволяя ему по-скорее воссоздать образ древнего мудреца. Если для Филострата, Диона Кассия и Порфирия Аполлоний — герой религиозной легенды, то для П. это полит. деятель, философ и моралист: «...он был медик, проповедник, филантроп, коммунист и демократ». Между тем, стараясь возбудить в богачах чувство милосердия, «можно было еще больше развратить низший» класс, который следовало научить обходиться без милостыни (ПСС. Т. 2. С. 131). П. признает, что деятельность

мудреца не имела серьезного отклика: «Прочного нравственного влияния учение Аполлония не имело, потому что эта была философия, а не религия. Действовать на массу оно не могло, потому что не говорило чувству, а обращалось почти исключительно к мысли. Строгая, серьезная личность Аполлония могла внушать уважение, но, чтобы увлечь за собою сердца народа, она была слишком холодна и замкнута, слишком спокойна и бесстрашна» (Там же. С. 150).

П. проявил себя в этой работе как пристрастный толкователь и увлеченный популяризатор древней истории. При этом в статье в завуалированной форме присутствуют аллюзии на состояние России рубежа 1850–1960-х — страны с многовековыми традициями тирании, наконец ощутившей важность обретения личной и общественной свободы. Страстный полемист, пропагандировавший материалистич. мировоззрение, нередко впадавший в крайности, П. при этом был едва ли не самым образованным публицистом своего поколения. Фундаментальное классич. образование, увлечение антич. литературой и философией способствовало раннему расцвету его творчества и придавало его произведениям ту глубину и значительность, благодаря которым он сумел оказать сильное влияние на молодое поколение 1860-х. По меткому определению К. А. Тимирязева, это был писатель «увлекающийся, зато и увлекавший» (Тимирязев К. А. Сочинения: в 10 т. Т. 8. М.; Л., 1939. С. 175).

Избранные сочинения: Сочинения: в 4 т. М., 1955; ПСС: в 6 т. СПб., 1894–1907; ПССиП: в 12 т. М., 2002–2003.

Литература: Кирпотин В. Я. Ради-кальный разночинец Д. И. Писарев. М., 1929; Плоткин Л. Писарев: жизнь и деятельность. М.; Л., 1962; Коротков Ю. Писарев. М., 1976 (сер. «ЖЗЛ»); Лурье С. А. Литератор Писарев. Л., 1987 ♦ Брокгауз; РБС; ЛЭ; КЛЭ; РП (со справкой об архивах).

А. В. Успенская

ПОКРОВСКИЙ
Иосиф Алексеевич

POKROVSKIJ I. A.

[5(17).9.1868, с. Пустогород,
ныне Сумской обл. Украины —
14.4.1920, Москва;
Новодевичье кладб.],
юрист, историк права

Происходивший из семьи сельск. священника, П. благодаря трудолюбию и дарованиям сумел поступить по конкурсному отбору в Коллегию Павла Галагана в Киеве, где обучался вместе с будущим крупным ученым в обл. международного права В. Э. Грабарем (*Маковский А. Л. Выпавшее звено // Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 5*), а затем и в ун-т св. Владимира в Киеве, где был учеником проф. римск. права Л. Н. Казанцева, под чьим наставничеством, наряду с П., начинал свою ученую карьеру другой знаменитый правовед Л. И. Петражицкий. От Казанцева оба они вынесли убеждение, что знание права достигается не только упорной работой, но и смелым полетом ищущей мысли (*Зимелева. С. 323*). По окончании ун-та в 1890 был оставлен стипендиатом для приготовления к проф. званию по каф. римск. права.

Еще на студ. скамье П. получил зол. медаль за работу о договоре найма по римск. праву (*Полянский. С. 43*), а также премию Н. И. Пирогова, позволившую ему проходить науч. подготовку в Берлине в Рус. ин-те римск. права (см.: *Карцов А. С. Русский институт римского права при Берлинском университете // Древнее право. Ius Antiquum. 2003. № 2. С. 120–143*) под руководством корифеев тогдашней нем. науки — Г. Дернбурга, А. Пернуса, Э. Экка. В Германии П. провёл два с половиной года — с янв. 1892 по май 1894. По возвращении в Россию свое преподавание истории римск. права

в Юрьевском ун-те начал актовой лекцией, которая стала его первой печатной работой (**Роль римского права в правовой истории человечества и в современной юриспруденции** // Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1894. Т. 3. С. 1–30). В этой лекции он подчеркивал значение римск. права как главного основания теории гражданского права и возражал тем, кто считал его правом «мертвым», бесполезным для изучения.

Именно в эти годы им была подготовлена науч. работа о различии двух видов исков, известных римск. формулярному процессу — *actiones in ius et in factum conceptae* (впервые опубл. на нем. яз.: **Die Actiones in factum des classischen Rechts** // ZRG. 1895. Bd. 16. S. 7–104). П. попытался обосновать точку зрения о том, что деление *actiones* (исков) на *in ius* и *in factum conceptae* совпадает с их делением на иски гражданские и преторские. Отсюда следовал новый подход к решению более общей задачи — определению роли претора в процессе римск. юрид. творчества (*Нечаев В. Покровский // Брокгауз. Т. 24 (47). С. 248*).

Оригинальный взгляд П. вызвал оживленную полемику в европ. литературе: в частности, в дискуссию с ним вступил проф. Лозаннского и Женевского ун-тов Г. Эрман, который назвал теорию П. «революционной» и посвятил несколько работ опровержению его выводов. Напротив, Г. Крюгер в опубл. рец. на книгу Эрмана «*Servus vicarius*» выступил в поддержку теории П. (*Рудоквас*. С. 16–17). П. ответил своим оппонентам еще одной статьей, в которой расширил и дополнил доказательную базу своей теории (**Zur Lehre von den actiones in jus und in factum** // ZRG. 1899. Bd. 20. S. 99–126).

По окончании стажировки П. в 1894 стал прив.-доц. каф. римск. права Юрьевского ун-та. В 1896 он перешел в ун-т св. Владимира, где работал до 1903 сначала прив.-доц., затем и. д. экстр. проф., и, наконец, орд. проф. каф. римск. права. Издание его исследования о римск. судебных исках на рус. языке и защита в качестве магист. дис. (**Право и факт в римском праве**. Киев, 1898) вызвали резкий выпад со стороны специалиста по римск. праву Б. В. Никольского, который в своей рец. подверг работу жесткой и подчас необоснованной критике. В ответе П. отметил слабость аргументов оппонента и его поверхностное знакомство с рецензируемой книгой (**Ответ г. Б. В. Никольскому** // ЖМНП. 1899. Март. С. 190–201).

Критика оппонентов не только не отвратила П. от работы над этой проблемой, но, напротив, заставила развивать свои выводы. В своем новом исследовании (**Генезис преторского права**. Киев, 1902) П. утверждал, что преторская власть зародилась вовсе не на почве установления правоотношений между гражданами, а на почве охраны общественного мира и порядка (*Пергамент*. С. 245). Для П. было чрезвычайно важно установить, что система преторского права была «системой административно-регламентированного факта», т. е. системой, созданной не в ходе судебной деятельности, но адм.

управления и выросшей из участия претора в этом управлении (*Полянский*. С. 43). В то время как в гражданском праве иск является производным от права, преторское право порождается иском как основным фактором. Главным принципом этого нового права, которое отбросило мертвящий формализм и неравноправие иноплеменников, была свобода договоров и их строжайшее соблюдение (*Семёнова*. С. 474).

Будучи переведен в родной для него ун-т св. Владимира, П. начинает курс вступ. лекцией, в которой обосновывает необходимость подвергнуть «коренным реформам» преподавание гражданского права в России. В центре его, по мысли П., должно лежать изучение ист. происхождения и сущности имущественных отношений в общ-ве. При этом он подчеркивает непреходящее значение римск. права как дисциплины, заменяющей при существующей постановке юрид. образования общую теорию гражданского права (**Желательная постановка гражданского права в изучении и преподавании**. Киев, 1896. С. 1–19).

В окт. 1902 П. защитил в Петербурге дис. на степень д-ра римск. права и вскоре переехал в столицу, заняв каф. римск. права в Петерб. ун-те. В этот период в сферу его интересов все настойчивее входят проблемы рецепции римск. правового наследия и его роли в развитии европ. права. Причиной тому стали и подготовка к изданию герм. Гражданского уложения, и бурное обсуждение проекта Гражданского уложения в России, и отмечавшееся в 1904 столетие принятия Кодекса Наполеона (*Code Napoléon*). П. решительно включается в обсуждение современных проблем гражданского права. Он делает несколько докладов в Киевск. юрид. общ-ве, публикуя их затем в виде журнальных статей (*Русские цивилисты*. С. 128). С 1904 П. вошел в состав обновленной редакции ж. «Вестник права», учрежденного Петерб. юрид. общ-вом, где вместе с одним из лидеров

кадетской партии юристом М. М. Винавером стал вести отдел гражданского права (*Нечаев В.* Вестник права: январь — февраль 1904 г. // ЖМЮ. 1904. № 3. С. 276).

Впрочем, это не означало, что науч. интересы П. окончательно переместились в обл. современного ему гражданского права. В 1904 в сб., посвященном известному историку и правоведам М. Ф. Владимирскому-Буданову, П. напечатал статью, в которой попытался выявить истоки принципа обязательности частного обвинения (*accusatio*) в римск. уголовном судопроизводстве и пришел к выводу, что тот был заимствован из административно-полицейской деятельности римск. преторов, в которой принцип этот с некоторых пор играл значительную роль (**Частная защита общественных интересов в древнем Риме** // Сб. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904. С. 27–43).

Благодаря тому интересу, который П. питал к современным законодательным и теоретич. проблемам, ему удалось вложить совершенно новое содержание в преподавание римск. права. Как отмечала одна из слушательниц его лекций, «все, кому удалось прослушать читавшийся им в 1907–1908 гг. и позднее курс догмы римского права, подтвердят, что это была меньше всего сухая догматика; это была, по существу, изложенная “по поводу римского права” общая теория гражданского права, выдвигавшая на первый план смелую юридическую теорию и построений под влиянием потребностей оборота и общей эволюции идеологии» (*Семенова*. С. 474).

В это время помимо текстов своих лекций П. почти не публикует работ по римск. праву. Во многом это было связано с тем, что в 1910–1912 П. являлся деканом юрид. ф-та Петерб. ун-та и в дополнение к учеб. деятельности был занят адм. работой. Одним из немногих исключений стала написанная им большая рец., в которой автор не только судил

о достоинствах и недостатках рецензируемой книги, но и высказал интересную гипотезу о том, что правосубъектность муниципий была усвоена римск. правом из права греч. (**Отзыв о книге В. Б. Ельяшевича «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве»**. СПб., 1910 [Отд. отт. из «ЖМЮ»]). К сожалению, в дальнейшем это положение не было развито П., так и оставшись лишь гипотезой.

Летом 1912 П. пришлось покинуть Петерб. ун-т, и в его жизни началась новая полоса. В те годы по инициативе министра просвещения Л. А. Кассо было решено перевести несколько видных проф., таких, как Д. Д. Григорьев и М. Я. Пергамент, в другие ун-ты. В их число попал и П., которому было предложено перевестись в Харьков. ун-т. По одной из версий, это было связано с членством П. в кадетской партии, по другой — с его отказом читать лекции под охраной полиции во время студ. волнений. А. Д. Рудоквас убедительно показывает, что в случае с П. решающую роль сыграл не полит., а личностный мотив (*Рудоквас*. С. 31–33). Так или иначе, прожив еще одну зиму в Петербурге, П. решил перебраться в Москву, где значительное число проф. было уволено в предыдущие годы.

Вскоре он принял предложение Моск. коммерческого ин-та, в котором стал преподавать теорию права и гражданское право. Практич. ориентированность преподавания в этом учеб. заведении и почти полное отсутствие там внимания к теоретич. и ист. аспектам правоведения тяготили П. Похожие чувства испытывал он от работы в Моск. городском народном ун-те им. А. Л. Шанявского, где его занятия носили почти случайный характер, т. к. в этом учеб. заведении отсутствовали системность в преподавании, дисциплина и науч. работа студентов. Как отмечает автор некролога Е. А. Лаппа-Старженецкая, в те годы «нарушен был весь уклад десятилетней жизни, и с этого времени

в его словах постоянно звучала одна нота: “я в отставке от жизни”. И это не была только формула, он действительно чувствовал себя не у дел» (*Лаппа-Старженецкая*. С. 604–605).

В 1913 П. издал свой известный курс истории римск. права (²1915; ³1917), который стал венцом его многолетних усилий в этой обл. По полноте и ясности изложения он может быть поставлен в один ряд с лучшими западными учебниками. Отличительной чертой этого курса является то, что он действительно дает генетич. картину развития римск. права, а не институционный очерк его (*Зимелева*. С. 325). Историю ин-тов римск. права П. повсеместно связывает с историей римск. государства, с развитием римск. гражданской общины.

В «Истории римского права» нашла окончательное выражение идея П. о дуализме римск. правовых норм (наличие т. н. цивильного и преторского права) и о соответствующем этому дуализму различии двух видов судебных исков (История римского права. СПб., 1998. С. 131–132, 151–153). Автор также отмечает независимое положение римск. магистратов, преимуществами которого римляне пользовались, не опасаясь сопряженных с этим рисков. Тот факт, что сосредоточенная в руках римск. должностных лиц власть (*imperium*) до поры до времени не доходила до произвола, «станет совершенно понятным, если мы примем во внимание ту чрезвычайно интенсивную общественную жизнь, которая так характерна для Рима. Весь римский государственный механизм для своего функционирования предполагает развитое, сознающее свои интересы и свои права общество и постоянное неуклонное участие его в политической жизни» (Там же. С. 137).

Отд. глава «Истории...» посвящена рецепции римск. права в Новое время (гл. V). Автор прослеживает возрождение римск. правовых ин-тов со времен средневековых глоссаторов и комментаторов

до современных гражданско-правовых кодексов европ. стран. П. подчеркивает, что решающую роль в этом процессе сыграли те слои населения и ин-ты, которые были наиболее заинтересованы в полит. и экон. развитии и соответствующей разработке правовых норм (королевская власть, торгово-ремесленные круги, интеллектуалы). Автор отмечает особое значение римск. права в Германии, где оно формально продолжало действовать вплоть до 1 янв. 1900 (Там же. С. 268–274).

Наиболее сильной стороной П. как в обл. изучения римск. права, так и в цивилистике его коллега правовед М. Я. Пергамент называл способность к масштабному науч. синтезу, широким науч. обобщениям уже установленных наукой фактов и приведению их к органич. единству (*Пергамент*. С. 245).

Моск. период жизни П. отмечен и настойчивой разработкой актуальных проблем гражданского права, плодом которой стала выпущенная в 1917 книга «Основные проблемы гражданского права». Вскоре после Февральской революции П. был вновь избран проф. Петерб. ун-та и получил возможность вернуться в среду близких ему людей. Но обстоятельства сложились так, что он сумел принять участие лишь в одном заседании обновленного юрид. ф-та 15 мая 1917 и с тех пор уже не приезжал в Петербург. В дек. того же года он принял кафедру в Моск. ун-те, окончательно порвав связь с петерб. высшей школой (*Лаппа-Старженецкая*. С. 605).

С 1918 П. одолевают приступы астмы, тяготы революционного времени все более подрывают его здоровье. Автор некролога П. описывает, как 13 апр. 1920 «после доставки к себе на дом, через весь город, на плечах, запоздавшего к праздникам “ученого пайка”, после носки дров из подвала в свою квартиру на пятый этаж, И. А.-ча снова постиг припадок грудной жабы, — второй и последний...» (*Пергамент*. С. 245). П. был похоронен в Москве на территории Новодевичьего монастыря.

П. внес чрезвычайно ценный вклад в изучение истории римск. государства и права. То обстоятельство, что в дальнейших работах он перешел от римск. права к современному, не является показателем того, что он сменил специальность. По его убеждению, римск. право — не замкнутая обл. исследования, а основа всей науки гражданского права. В римск. праве он ценил начало универсальности и проникающий его дух индивидуализма, уважения к личности. Идея самоценной человеческой личности была положена П. и в основу его учения о задачах гражданского права в целом (*Зимелева*. С. 325).

Несомненно, значительную роль в подготовке П. как ученого сыграли годы, проведенные им в Берлине в Рус. ин-те римск. права. Тщательность и добросовестность в работе с источниками, логичность теоретич. построений и стройность аргументации — всем этим он, безусловно, обязан герм. школе антиковедения. Однако широта обобщений, филос. осмысление многих юрид. вопросов, стремление к поиску ист. связей римск. права с правом современным были особыми чертами науч. подхода П., выделявшими его из плеяды «берлинцев». В истории петерб. антиковедения он останется не столько как создатель теории о различии двух видов римск. исков, сколько как автор блестящего и оригинального учебника истории римск. права.

Литература: *Лаппа-Старженецкая* Ек. Памяти И. А. Покровского (Некролог) // Дела и дни. Кн. 1. СПб., 1920. С. 604–605; *Пергамент* М. Я. Покровский Иосиф Алексеевич (Скорбная летопись) // Рус. ист. журнал. 1921. Кн. 7. С. 244–247; *Полянский* Н. Н. Иосиф Алексеевич Покровский (Личность покойного и его ученые труды) // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 43–51; *Семёнова* А. И. А. Покровский (к 5-летию со дня смерти) // Вестник сов. юстиции. 1925. № 12. С. 474; *Зимелева* М. В. Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского, читанная на собрании Общества оставленных при факультете общественных наук Московского государственного университета

в мае 1920 года // Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 322–328; *Рудоквас* А. Д. И. А. Покровский и его «История римского права» // Покровский И. А. История римского права. М., 2004. С. 7–54; *Ростовцев* Е. А. Столичный университет Российской империи: учение, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 527–573 ♦ БС Юрьев. ун-та; Брокгауз; Русские цивилисты; Биографика СПбГУ.

Архивы: РГИА. Ф. 733.

А. В. Васильев

ПОМЯЛОВСКИЙ Иван Васильевич

ROMJALOVSKIJ I. V.

[16(28).6.1845, Петербург — 28.9(11.10).1906, там же; Смоленское правосл. кладб.],
филолог, переводчик, археолог, эпиграфист, деятель образования

Из семьи протоиерея церкви Удельного ведомства. По окончании Петерб. 3-й гимназии (1857–1863, зол. медаль; одноклассник Н. М. Аничкова и А. В. Прахова) обучался на ИФФ Петерб. ун-та (1863–1867). Был оставлен на каф. для преподавания римск. словесности и подготовки магист. дис. «Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура» (защищена: Петерб. ун-т, 1869). В 1869–1871 выезжал для науч. занятий за границу (Германия и Италия). Докт. дис. «**Эпиграфические этюды**» (защищена: Петерб. ун-т, 1873). Пед. деятельность П. связана преимущ. с Петерб. ун-том: преподаватель (1867), доц. (1869), экстр. проф. (1873), орд. проф. (1884), засл. проф. (1892); декан ИФФ (1887–1897, с перерывом в 1891). Преподавал еще в Петерб. ИФИ (1873–1897) и Уч-ще правоведения (1873–1883). Чл.-корр. АН (ОКФ; 1890), чл. Учен. комитета (1884) и Совета министра народного просвещения. Тайн. сов. (1895).

Чл. многих науч. и благотворительных обществ, в т. ч. РАО, МАО, ППО, Петерб. ОКФП, Археогр. комиссии; почетный чл. Харьков. и Моск. ун-тов, чл.-корр. Германского археол. ин-та.

Науч. занятия П. с молодых лет отличались тематич. широтой: трудолюбивый и хорошо подготовленный студент, он с равным энтузиазмом занимался у латиниста Н. М. Благовещенского (участник его *privata*), эллиниста И. Б. Штейнмана, историка М. Сем. Куторги и слависта И. И. Срезневского. Его однокурсник вспоминал: «Благовещенский и Лапшин, Штейнман и Люгебиль не выдавались особенно по учености и педагогическим талантам, некоторые из них даже поленивались <...>. Однако И. В. сумел утилизировать и те немногие преимущества, которыми обладали его учителя. Так, у Благовещенского он позаимствовал изящную манеру переводить римских поэтов на русский язык, у Лапшина — правильный латинский стиль, у Люгебиля — любовь к археологии и элементы сравнительно-исторического изучения древних языков» (*Будилович А. С. Два*

слова в память И. В. Помяловского // *Старина и новизна*. 1907. № 12. С. 5). Эрудит и «утраквист», равно сведущий в греч. и лат. языках, П. неоднократно менял темы науч. занятий. Начиная под руководством Благовещенского с ист.-лит. исследований: студ. сочинения «**Древнеримская жизнь по Ювеналу**» (зол. медаль) и не утратившей значения до настоящего времени магист. дис. «**Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура**» (СПб., 1869). В предисловии к дис. П. объяснял свое обращение к истории жанра недостаточностью имеющихся в распоряжении ученых текстологич. исследований, так что «...недостаточность рукописных коляций и слишком широкое приложение конъектуральной критики текста привели <...> к сознанию необходимости собственных занятий над рукописями» (Цит. соч. С. VI–VII). Информативность дис., выполненной по лучшему для того времени изданию А. Ризе, и — несмотря на 1700 примеч. — хорошая лит. обработка сделали ее интересной не только для специалистов. П. скрупулезно проанализировал доступные свидетельства о жизни и творчестве Варрона в трех главах (I. «Очерк жизни Марка Теренция Варрона»; II. «Литературная деятельность Варрона»; III. «Варрон — поэт Менипповой сатуры»; с прил. коммент. перечня «титолов» и фрагментов мениппеи), «избегая общих мест, оставаясь лишь на твердой почве осязательных фактов» и первоисточников (Цит. соч. С. 109).

Н. М. Благовещенский в отзыве на это «капитальное явление в нашей небогатой филологической литературе» (*ЖМНП*. 1870. Янв. С. 87–131) хвалил эрудицию и самостоятельность ученика, отнеся к недостаткам работы некоторую изоляцию Варрона от «его времени и всей древности» и принципиальное изъятие диссертантом из рассмотрения «целой массы» фрагментов, источник которых не засвидетельствован надежно; оспаривал он также идущие от Казобона представления о соотношении

мениппеи и древней сатуры. Хотя Благовещенский знал об обиде П. на этот отзыв (Венгеров. Словарь. Т. 3. С. 339), контакты ученика и наставника не прерывались до смерти последнего.

Во время науч. паломничества в Европу П. отказался от высказанного на диспуте намерения продолжить исследование жанра сатиры. Комментарий М. Гаупта к Лукрецию (по изд. К. Лахмана) и эпиграфич. семинар Ф. Ричля (см. отчеты П.: **«Филологическая семинария проф. Гаупта в Берлине в зимний семестр 1869–1870 гг.»**, **«Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля»** (ЖМНП. 1870. Май; Ноябрь.) и статью **«Преподавание классической филологии в германских университетах»** (Там же. 1883. Сент.) подсказали молодому ученому новую тему: два следующих десятилетия он посвятил римск. эпиграфике и истории лат. языка, значительно обновив своими публикациями латинистику. В Италии П. скопировал более 3000 надписей (в т. ч. все надписи ватиканской *galleria Lapidaria*) для будущего труда **«Эпиграфические этюды. I: Древние наговоры, *tabulae defixionum*. II: Римские колумбарии»** (СПб., 1873), который окончательно закрепил его науч. репутацию. Ознакомившись с собранием наговоров (по собственным копиям и надежным изданиям), изучив лит. свидетельства и произведя необходимый текстологич. анализ, П. обособленно отсекл поддельные надписи, а для оставшихся избрал наиболее верные редакции. Отмеченный новизной темы и тщательностью разработки (почти половина книги отведена примеч.), труд П. и на этот раз привлекал читателя пластичным лит. изложением. Характерная для его стиля фраза: «Для уяснения внешнего вида колумбария мы попросим читателя мысленно перенестись в *Vigna Codini*».

«Появление этой весьма ученой книги сразу создало автору особое положение — положение лат. эпиграфиста

по преимуществу» (*Цветаев*. С. 193). И. И. Х о л о д н я к, отчасти повторивший науч. маршрут наставника, указывал в некрологе П. на трудности эпиграфич. занятий для русского ученого того времени, «когда corpus был, можно сказать, лишь в эмбриональном состоянии. Приходилось Помяловскому самому собирать материал или *de visu*, во время итальянского путешествия, или <...> выкристаллизовывать его из непрочно установленных эпиграфических и археологических, частью старых и некритических источников и авторов» (*Холодняк*. С. 24).

Благодаря энтузиазму П. антич. эпиграфика, переживавшая расцвет в Европе, получила в России серьезную поддержку: энергичный и общительный, он в 1870–1880-е стал одним из координаторов (наряду с историком Ф. Ф. С о к о л о в ы м) отеч. работ в этой области. По его почину в программы ун-тов включались курсы лат. эпиграфики (их базовые материалы П. начинал готовить сам по сборнику Г. Вильманса). Как секр. (1873–1885) и управляющий отделением древнеклассич., визант. и западноевроп. археологии РАО, П. сыграл немалую роль и в оживлении отеч. археол. периодики. Совместно с директором ИПБ А. Ф. Бычковым разработал основы законодательства о контроле за сохранением и исследованием памятников древности (см.: История библиотеки в биографиях ее директоров. СПб., 2006. С. 59). Эпиграфич. и археол. темам посвящен ряд последующих публикаций П.: **«Храм Тифатинской Дианы»** (Тр. II АС. СПб., 1876. Вып. 1), **«Несколько неизданных римских надписей»** (ИРАО. 1876. Т. 8), **«О танаитских коллегиях»** (Тр. VI АС. Одесса, 1888. Вып. 2), **«Археологическая находка из Пуатье»** (ЗРАО. 1886. Т. 2) и др. К археол. съезду в Тифлисе П. издал **«Сборник греческих и латинских надписей Кавказа»** (СПб., 1881; зол. медаль РАО), сопроводив их транскрипции сведениями о месте находки, справкой об изданиях и кратким комментарием

(наиболее ценные надписи были представлены и эстампами). Недочетом этого полезного сборника, собранного ранее разбросанные по недоступным изданиям надписи, критика (*Новосадский*. С. 191) признала иногда случавшуюся зависимость от ошибок предшественников, т. к. сличить с оригиналами все тексты П. возможности не имел.

Унаследовав от Благовещенского идеи просветительства, П. стремился по возможности выходить за рамки корпоративной дискуссии и знакомить с науч. проблемами образованную публику. Примечательны в этом плане его обстоятельные отзывы с развернутыми тематич. и библиогр. экспозициями: напр., в статье «**Два римских военных диплома, найденные недавно в Болгарии**» (ЖМНП. 1880. Май). Помимо публикации обнаруженных К. Сырку текстов, П. обсуждает структуру диплома, прилагая здесь же перечень 68 известных на то время военных дипломов; кроме того, он дает палеографич. описание текста и подробный (с обсуждением всех упомянутых в документе ал — alae — и когорт) реальный комментарий. В свой отзыв на эпиграфич. труд Цветаева «Оскские надписи» (ЖМНП. 1879. Окт.) он включает сведения по истории италийской эпиграфики (оскских наговоров П. касался еще в своем докт. исследовании), а глоссарий Цветаева сам дополняет оскскими глоссами ради читателей, лишенных доступа к иностранным источникам.

Полезными для рус. классиков были также рецензии П. на след. сочинения: «Коллегии в древнем Риме» Ю. А. Кулаковского (ЖМНП. 1883. Авг.) и «Пальмира» С. Абамелек-Лазарева (Там же. 1884. Июнь). В. И. М о д е с т о в, задетый откликом П. на первый выпуск его перевода сочинений Тацита (Там же. 1886. Сент. С. 157–175) и не убежденный стилистич. по преимущ. нареканиями П., признал, что более тщательного разбора не может себе представить: рецензент «не только прочитал

внимательно всю книгу от первой строки до последней, но и сличил русский перевод с подлинником» (Там же. 1886. Окт. С. 407).

В 1880-е П. отходит от лат. эпиграфики в византистику и палестиноведение, которые на российской почве казались более перспективными. Такому повороту его науч. биографии могли способствовать и семейные традиции (П. стал составителем хрестоматии для духовных училищ «Избранные места из латинских христианских писателей до VIII в.». СПб., 1878; многократно переиздавалась до 1916), и общая тенденция тех лет, когда занятия византиноведением были поощряемы на высочайшем уровне, и, наконец, его дружеские связи с В. Н. Хитрово, главой ППО. В 1885–1900 П. осуществил издания и переводы обширного корпуса греч. и лат. житий палестинских подвижников, с примеч. и указателями, под общим заглавием «Палестинский патерик» (*Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение // МРВ. С. 210). Из агиографич. изданий П. более известны «Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским» (СПб., 1890; по рукописи ОЛДП), а также, по рукописям МСБ: «Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Эдесского» (ЗИФФ. 1892. Т. 29; см. одобрительную рец. А. Васильева: ЖМНП. 1893. Март. С. 201–210) и «Житие преподобного Афанасия Афонского» (СПб., 1895). «Проф. И. В. Помяловский, — отмечал И. И. Соколов в рец. на “Житие преподобного Афанасия Афонского”, — оказал большую услугу византологии, издавши в свет это житие с обычными высокоучеными достоинствами» (ВВ. 1896. Т. 3. С. 662). Примечательны для своего времени и некоторые переводы П., в т. ч. «*Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis*» в изданиях «Путешествие Сильвии по св. местам» (ППС. 1889. Вып. 20; коллацию открытого в 1884 текста сделал для П. с Аретинского кодекса И. Холодняк, некоторые эмендации которого включены

в прил.) и «Феодосий. О местоположении Св. земли» (Там же. 1891. Вып. 28), снабженные палеографич. описаниями, экзегетич. комментарием и указателями. Л. А. Миллер в отклике на «Феодосия...» в нем. печати заявил патриотически, что нем. ученым, изучающим христианскую археологию, следовало бы познакомиться с рус. языком ради чтения подобных трудов (BPhW. 1894. Bd. 12. S. 657), а «Путешествие Сильвии...» и два десятилетия спустя оценивалось как образцовое издание (Фирсов Н. К вопросу о так называемом путешествии Сильвии конца IV в. // Гермес. 1910. № 5. С. 130). Работы П. вызвали благожелательное внимание рижского византиниста Э. Курца, который оказывал ему библиогр. и критич. поддержку (см. письма Курца: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 911). Важным достоинством переводов П. считался богатый филол. и реальный комментарий: при подготовке сочинения «Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, о названиях местностей <...>, встречающихся в Священном Писании. Блаженного Иеронима, пресвитера Стридонского, О положении и названиях еврейских местностей» (ППС. 1894. Вып. 37), напр., П. учел около 300 разноязычных источников: «И здесь перевод греческих и латинских текстов составляет небольшую часть <...>; главный же труд проф. Помяловского был сосредоточен на этом обширном комментарии избранных и переведенных текстов, которому дано им было простое название «Примечания» (Цветаев. С. 196).

Находил время П. и для других занятий: написания нумизматич. очерка **«Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому обществу архимандритом Антонином. Палестина и Синай»** (СПб., 1886. Т. 1) и даже для переводов с новых языков: «Собрание древних памятников искусства в Павловске» Л. Э. Стефан и (СПб., 1872), «Очерк науки древности» Ф. Вольфа (СПб., 1877).

Занимался также редактированием: «Археологические труды» А. Н. Оленина (СПб., 1881. Т. 1, вып. 1–2); приводимая во многих библиографиях серия «Древние классики для русских читателей» Л. Коллинза (СПб., 1876) была, правда, лишь объявлена. В последние годы готовил к печати «Собрание цитат и выражений из Библии в надписях» (не закончено).

Трудолюбие П., который «с удивительным искусством утилизировал свое время и работал за своим письменным столом, как говорится, не покладая рук» (Цветаев. С. 201), тем более впечатляет, что в течение всей жизни он был плотно загружен административно-пед. деятельностью.

В этом контексте несправедливой и высокомерной выглядит запись в «Дневнике» И. И. Толстого: «Помяловский был редким у нас знатоком латинского языка, литературы и древностей, человеком был умным и несомненно способным; все эти качества были им самим, однако, оставлены почти втуне» (Толстой И. И. Дневник: в 2 т. / сост. Б. В. Ананьич. Т. 1. СПб., 2010. С. 240).

Как филолог, впитавший передовой опыт науки своего времени, П. повлиял на формирование нескольких студ. поколений. В ун-те и Петерб. ИФИ он комментировал авторов (Горация, Катутулла, Цицерона, Ливия, Тацита, Плиния Младшего), читал курсы истории римск. литературы (с особым вниманием к архаич. периоду), римск. эпиграфики и древностей, энциклопедии филологии. Некоторые литографированные курсы П., в т. ч. **«История римской литературы»** (СПб., 1890), сохранились в фондах РНБ. В ровном и суховатом изложении лектора, с необходимыми библиогр. ссылками, изредка являются выразительные пассажи вроде высказывания о любимом им Лукреции: «В литературную эпоху, когда все писатели преследуют или практические цели или интересы минуты, когда поэзия нисходит на степень легкой забавы <...>, а проза делается покорным

орудием политических интересов, в такое время, говорю я, совершенно неожиданно, как бы из иного мира, раздаётся величавый звук высокой философской речи» (Цит. соч. С. 220).

Многочисленные слушатели дружно хвалили манеру преподавания «мужа разума и совести» П. «При всей своей громадной учёности, он старался, однако, не забрасывать слушателей массой фактов, годов и имен, а давал им самую суть дела в самой ясной, простой и удобоваримой форме, без признаков фразерства или риторики» (*Холодняк*. С. 28); «Нельзя забыть того блеска, с каким перевёдил Катулла И. В. Помяловский. Он был превосходным переводчиком, комментатором и лектором. Просто, ясно, изящно, научно, деловито и как-то бодро и весело вёл он свое преподавание <...>. Для меня он оказался первым классиком, который в своих *realia* показал мне возможность восстановления в конкретных и понятных формах античного быта и культуры» (*Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // *Дела и дни*. Кн. 2. Пг., 1921. С. 125); «Неизменно аккуратный, всегда спокойный и ровный, он читал монотонным, но приятным голосом. Строго выработанная его литературная речь лилась без остановки» (*Рудаков В.* Помяловский Иван Васильевич: некролог // *ИВ*. 1906. № 11. С. 744).

П.-педагогу было присуще в высшей степени деятельное внимание к судьбам учеников и коллег, которые, «позволив себе привыкнуть к его доброте» (Г. Э. Зенгер), бесстрашно обращались к декану с различными просьбами: о трудоустройстве, продлении зарубежной командировки, высылке задержанной стипендии, нужной книги и т. п. Об уникальности многолетнего патронажа П. даёт представление его обширный архив (РНБ). Имевший вес в окружении И. Д. Делянова и А. И. Георгиевского, П. хлопотал не только о своих учениках (И. Холодняке, Г. Зенгере, В. К. Ернштедте, Н. И. Новосадском, М. Н. Крашенинникове, Б. В. Варнеке, А. Н. Щукарёве, Р. Х. Лепере, С. А. Жебелёве и др.), но и о множестве лично не знакомых ему провинциальных

педагогов. На дому устраивал «субботы» для слушателей, многочисленные посетители которых редко уходили от него «с пустыми руками» (*Жебелёв С. А.* Памяти И. В. Помяловского // *ЗРАО*. 1907. Т. 4. С. 5; отд. отт.). В 1900 Новосадский писал: «Часы, проведенные <...> в собеседовании с Вами, останутся навсегда одним из самых светлых и лучших воспоминаний в моей жизни» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1067. Л. 40 об.).

Ценность консультаций П. умножалась доступом к его богатой библиотеке, фундаментом которой стали унаследованные от отца 20 000 томов. В последние годы жизни П. удалился от дел, боля и тяжело переживая череду семейных утрат, начавшихся со смерти любимой жены (1900); общению с коллегами он предпочитал прогулки в гатчинских парках и «копание» в личной библиотеке (см. письма сына: ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 3906. Л. 17 об., 20, 29 об.).

Литература: *Семевский М. И.* Знакомые. СПб., 1888; *Цветаев И.* Учено-литературная деятельность проф. Ивана Васильевича Помяловского // *ФО*. 1897. Т. 13; *Малеин А.* К истории классической филологии в России: краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования // *ФО*. 1899. Т. 17; *Имп. Археол. комиссия; Латышев В. В.* И. В. Помяловский: некролог // *ИАН*. 1906. Т. 25; *Лопарёв Х. М.* Некролог И. В. Помяловского // *ВВ*. 1906. Т. 13; *Холодняк И. И.* И. В. Помяловский: некролог // *ЖМНП*. 1906. Ноябрь; *Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923; *Редин Е. К.* Памяти проф. И. В. Помяловского // *ЗХУ*. 1907. № 1; *Фёдорова Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982 ♦ Григорьев; Нагуевский; Брокгауз; Прозоров; БС СПб ун-та; Веселовский; Черняев; БС МАО; Свясов; Саитов 2006; Фролов 2006; Бузескул 2008; Почесні члени Харківського університету: біографічний довідник. Харків, 2008; Российская академия наук; Фёдоров; Тункина 2017.

Архивы: *Личный фонд:* ОР РНБ. Ф. 608. 5889 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ Ф. 45 (А. Н. Веселовский), 123 (А. Е. Бурцев), 134 (А. Ф. Кони), 166 (Л. Н. Майков) и др.; РГИА. Ф. 733, 740 (в т. ч. п. д. дочери и ф. с. — Оп. 21. Ед. хр. 1132); ОР РНБ.

Ф. 37 (А. И. Артемьев), 585 (С. Ф. Платонов) и др.; СПбФ АРАН. Ф. 35 (В. И. Ламанский), 107 (Х. М. Лопарёв), 733 (В. К. Ернштедт) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 5. Ед. хр. 2595), 53 (Петерб. ИФИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

ПОПОВ Дмитрий Прокофьевич (Прокопьевич)

POPOV D. P.

[1790, Тверская губ. (?) — 15(27).4.1864, Петербург; Волковское правосл. кладб.], *филолог, переводчик*

Из духовного сословия. Образование получил в Тверской духовной семинарии и ГПИ (1810–1814). По окончании курса оставлен в Ин-те письмоводителем и преподавателем древних языков (адъюнкт по древней словесности с 1818): в 1814 выдержал экзамен на степень магистра философии (ЦГИА СПб. Ф. 13. Ед. хр. 1483). В 1819 был переведен на каф. древних языков открывшегося Петерб. ун-та: адъюнкт, экстр. проф. (1824–1835), секр. ИФФ (1825–1829), зав. ун-тской б-кой (1822–1830); уволен в дек. 1835 в связи с реорганизацией Петерб. ун-та по новому уставу. Преподавал также в пансионе ГПИ (с 1817), в Благородном пансионе (1819–1822) и в Петерб. 1-й гимназии (1830–1849). Чл. комитета для испытания учителей. В конце 1840-х отошел от преподавания, выполняя поручения лишь в Римско-католич. академии (1843–1859). С лета 1815 без отрыва от преподавания служил также в ИПБ: помощник библиотекаря, библиотекарь (1828–1864); после увольнения Н. И. Гнедича отвечал за собрание антич. авторов и организацию книжных аукционов.

Ученик Ф. Б. Грефе, П. «первым стал делить труды своего наставника» (Плетнёв. С. 57). Из отзыва Грефе на его «*Dissertatio philologico-critica de Colutho*

pro obtinenda adjuncti dignitate» (СПб., 1817) можно предположить, что рассуждение П. *pro venia legendi* о творчестве Колуфа из Ликополя было рефлексией на вышедшее в 1816 берлинское издание поэта; через год сам Грефе откликнулся на него критич. заметками «*Conjecturae in Coluthum et Musaeum*». Самостоятельной науч. работой П. не занимался, как это было характерно для рус. педагогов того времени, однако в Петербурге считался авторитетным эллинистом и переводчиком: это видно из доноса Ф. В. Булгарина по поводу деятельности сына А. Н. Оленина, которому, как он сообщал, помогал подчиненный отца П. (Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 279). На публичном экзамене в ГПИ 1814 П. декламировал собственный перевод из Мосха (*Дестунис Г. Из ученой деятельности С. Ю. Дестуниса*. СПб., 1886. С. 18) — возможно, это была «*Надгробная песнь Мосха на смерть Биона*» (СО. 1814. Ч. 17).

Сразу после публикации Льва Диакона парижским издателем К. Газе (К. В. Hase) вышел выполненный П. перевод этого сочинения: «*История Льва Дьякона Калойского и др. сочинения византийских писателей*» (СПб., 1820). Включавшая сообщения о походе Василия II против болгар в 986 г. и о балканских походах князя Святослава, «История» была переведена на рус. язык по заказу Н. П. Румянцева, собиравшемуся поручить ее перевод С. Дестунису (см.: Медведев 2006. С. 61–71), и Оленина, который, намереваясь писать комментарий к публикуемому впервые автору, предпочел доверить это дело П. (*Файбисович В. А. Н. Оленин*. СПб., 2006. С. 267–268). Краткая оценка этого перевода дана А. И. Малениным (РБС. Т. 14. С. 544): «Попов, видимо, сильно пользовался лат. переводом, сделанным Газе, хотя, в общем, передача текста вышла у него гладкой и сравнительно точной. За переводом идут краткие объяснительные примечания, также взятые у Газе».

Оленин ценил трудолюбие и знания своего подчиненного; в приютинской усадьбе П. долгое время оставался своим человеком: в письме 1818 Оленин, напр., сообщал, что «весь день провел с И. А. Крыловым и Поповым» за чтением статьи Гнедича (см.: Приютино: антология рус. усадьбы. СПб., 2008. С. 565); о знакомстве П. с Гнедичем свидетельствуют и «поклоны Дмитрию Прокофьевичу», передаваемые Батюшковым в письмах к Гнедичу (*Батюшков К. Н. Сочинения*. Т. 2. М., 1989. С. 509). По указанию Оленина, который обдумывал коммент. издание перевода Гомера, П. выполнил «с археологической только и частью педагогической, а не литературной целью» прозаич. перевод гомеровских поэм, который оценивался специалистами как малохудожественный и чересчур вольный: «Это как бы стенограмма его занятий со студентами. Если он переводит “шли бегом”, то тут же считает долгом дать в скобках “бежа” <...>. Точность перевода не составляла для Попова никакого вопроса: он считал точным то, что дает гимназический словарь и гимназическая грамматика. Он не подозревал о всех тех сложных вопросах стиля, которые занимали русских литераторов того времени» (Егунов. С. 176, 179). Перевод П. не предназначался для публикации и ученой критики, но послужил полезным дополнением к гомеровским штудиям Оленина и Гнедича. Консультируя Оленина по «Илиаде», имевший чувство ответственности П. обращался за советом и к авторитетному Грефе, как видно из его переписки с последним (см.: Археол. труды А. Н. Оленина. СПб., 1877. Т. 1, вып. 1. С. 67–68). В период «озабоченности» Российской академии переводом визант. хроник (1837) Оленин рекомендовал П. в качестве переводчика сочинений Константина Багрянородного, Агафия, Михаила Глики и Георгия Пахимера. Когда П. уже значительно продвинулся в переводе трудного трактата Константина Багрянородного, проект был

закрыт по распоряжению С. С. Уварова (*Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской академии // РНРВ. С. 530–532). Ограниченность лит. опыта и поэтич. дарования, многочисленные служебные обязанности не способствовали совершенствованию переводческого мастерства П., но в годы становления рус. филол. культуры и лит. языка его «дедаловы» переложения требовали также немалых усилий. С «отличной верностью и отчетливостью» переводил он с латыни различные документы (*Соловьёв Д. Н.* 50-летие С.-Петербург. 1-й гимназии. СПб., 1880. С. 41); сохранилась также рукопись его перевода «*Annuae litterae Societatis Jesu anni 1604*» (ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 712; фрагмент о Дмитрие Самозванце). Обращался П. и к переводам с новых языков, в т. ч. перевел пособие «*Древняя и новая всеобщая история*» И. М. Шрека (СПб., 1820). Добросовестный и знающий преподаватель, лекторскими талантами П. не обладал, заикался, сбивался в лат. речи и раздражал слушателей штампами образца «*nolite negligere grammaticam Butmanni*» (*Фортуатов Ф. Н.* Воспоминания о Петербургском ун-те за 1830–1833 // РА. 1869. № 2. С. 326). В старших классах гимназий и ун-тской аудитории преимущ. «объяснял» авторов (Гомера, Геродота, Фукидида, Феокрита, Вергилия, Горация, Ливия), руководил лат. сочинениями и практикой лат. речи (см.: Объявление публичного преподавания наук в Имп. С.-Петербург. ун-те. СПб., 1825. С. 12).

По воспоминаниям Г. Дестуниса, греч. язык П. преподавал «практическим способом»: «В начале лекции профессор предлагал желающим из слушателей перевести следующее по порядку место текста или прямо вызывал известного студента, который ранее русского перевода делал конструкцию в отрывке; греческие авторы, кроме русского языка, переводились и по латыни. Исправив перевод слушателя, Попов передавал данное место сам, стараясь о возможной близости

к подлиннику. Комментарии давались почти исключительно грамматические. Живое участие, принимавшееся им в этих занятиях, удовольствие его, когда видел студента, хорошо подготовленного к лекции, и его добродушное и простое вообще обращение много располагало слушателя и к профессору, и к предмету его преподавания» (Григорьев. Примеч. 215).

Скромный разночинец, П. был зависим от расположения начальства: в 1821 подержал попечителя Д. П. Рунича, осудив учение проф. Э. Раупаха и К. Германа «как чрезвычайно вредное», которое «никак не может быть терпимо в заведении, где воспитывается юношество» (Маяковский и Николаев. С. 188); зато он одновременно выступил в защиту рус. проф. К. И. Арсеньева, к судьбе которого осталась в свою очередь равнодушна «немецкая партия». На отношение к П. университетского начальства, помимо отсутствия учен. звания, влияли, вероятно, его частые «манкировки лекциями» ради библиотечных поручений: после Польского восстания, напр., П. выезжал для отбора книг в Полоцкую (1830) и Варшавскую (1833) б-ки. Содействовал начальной систематизации б-ки Петерб. ун-та, которую получил в «весьма жалком состоянии» (2150 названий в 7784 томах, если не считать брошюр и журналов; см.: Григорьев. С. 77–78). В 1827 ему было поручено составление учебников по утвержденным образцам (проектом руководил Грефе; см.: Воронов. С. 330) — были выпущены удовлетворительные для своего времени пособия: «Греческая грамматика, составленная по Бутману» (СПб., 1836); «Латинская грамматика, составленная по Цумпту» (СПб., 1838); «Греческая хрестоматия, составленная по Якобсу» (СПб., 1838). В некрологе П. (Книжный вестник. 1865. № 10. С. 206), также в «Отчете» ИПБ за 1864 (С. 4) упоминается еще о рукописи словаря П.: «Он долго занимался составлением „Русско-греческого словаря“, который теперь передан в АН на соискание Демидовской премии».

Литература: Отчет Имп. Публичной б-ки за 1864 г. СПб., 1865; *Будагов М. Л.* 75-летие Благородного пансиона и Петерб. I гимназии. СПб., 1895; *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Имп. Училища правоведения. 1835–1910 годы: ист. очерк. СПб., 1910; *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников. Т. 1. СПб., 1998; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 2002; История библиотеки в биографиях ее директоров. 1795–2005. СПб., 2006 ♦ Григорьев; Брокгауз; БС Петерб. ун-та; Прохоров; РБС; Черняев; Свясов; СРНБ; Геннади 2006; Сайтов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф), 542 (Оленины); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петерб. ун-т), 67 (Благородный пансион ГПИ), 114 (Первая гимназия), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

ПОРФИРИЙ (в миру Константин Александрович Успенский)

PORFIRIJ (Konstantin Uspenskij)

[8(20).9.1804, Кострома —
19.4(1.5).1885, Москва; похоронен
в Новоспасском монастыре],
*ориенталист, византинист,
историк древней церкви*

Родился в семье причетника, окончил СПбДА (1829). Ректор Херсонской семинарии (1838), настоятель рус. посольской церкви в Вене (1840). В 1842 командирован на Восток для ознакомления с жизнью православных христиан Сирии и Палестины; в 1847 назначен начальником Первой духовной миссии в Иерусалиме (1847–1854). В 1845 П. посетил Синайский монастырь св. Екатерины, где обнаружил Синайский кодекс Библии IV в. — древнейший список Священного Писания, писанный унциалом на пергамене между 325 и 360 годами. За год до П., в 1844, с частью этой рукописи ознакомился К. Тишендорф. В 1860 рукопись была

поднесена по представлению Тишендорфа имп. Александру II и помещена в ИПБ (в 1933 продана в Британский музей).

Синайскому кодексу у П. посвящены: «Мнение о Синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет неполный, и весь Новый Завет с посланием святого апостола Варнавы и книгою Ерма» (СПб., 1862), «Письмо к Константину Тишендорфу (Петербург 1864 г., 23 февр.)» (ТКДА. 1865. № 11. С. 429–436; ср.: Норов А. С.).

В 1846 П. совершил путешествие с ученой целью на Афон, в 1850 — в Египет и на Синай; в 1858–1861 — второе путешествие в афонские монастыри. С 1861 проживал в России, сначала в Киеве (с 1865 епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии), затем в Москве.

П. вывез с Востока большую коллекцию древних рукописей на греч., слав. и вост. языках, в т. ч. «Порфириевское Четвероевангелие» — древнейшую датированную рукопись, писанную минускулом, 835 года, а также «Порфириевскую Псалтирь» 862 или 878 года. Ценность рукописного собрания П. заключается в наличии большого количества датированных рукописей

визант. периода с колофонами писцов. Помимо целых кодексов, П. привез много фрагментов — отд. листов, взятых им из рукописей Афона и Синая и содержащих также даты и записи писцов.

Для классич. филологии особенное значение имеют три фрагмента комедии Менандра Φάσμα («Привидение», IV в.). Впервые эти отрывки из одной синайской рукописи были изданы в 1876 голланд. филологом К. Г. Кобетом по копии фрагментов, полученной им задолго до этого от К. Тишендорфа, который скопировал их еще в 1844. В 1850 рукопись была вывезена П. из Синайского монастыря, а в 1883 рукописное собрание П. было куплено ИПБ. В 1885 фрагменты Менандра из «Порфириевских отрывков» были изданы и детально описаны В. К. Ернштедтом, который значительно дополнил и уточнил публикацию Кобета.

Привез П. и собрание икон, в т. ч. доиконоборческого периода (в наст. время в Киевск. музее зап. и вост. искусства). Богатый архив П. начал систематически изучаться и публиковаться спец. комиссией в 1890–1900-х; хранится он в СПбФ АРАН.

Труды П. составили важную веху в изучении источников раннего христианства и древней церкви. Он впервые написал историю Афона в трех томах: «**Афон языческий**» (Киев, 1877. Ч. 1), «**Афон христианский**» (Киев, 1877. Ч. 2) и «**Афон монашеский**» (Киев, 1877. Ч. 3/1; СПб., 1892. Ч. 3/2), составил указатель к актам Афонских монастырей; при описании двух путешествий на Афон П. приводит сведения о состоянии монастырских б-к и о содержащихся в них рукописях и старопечатных книгах. Отд. статьи П. посвящены истории Абиссинской церкви с древнейших времен; им была изучена древняя литургия Александрийской церкви, сохранившаяся у эфиопов. Описание путешествий в Египет содержат многочисленные сведения по археологии страны и состоянию ее древностей в середине

XIX в. Отд. предметом исследования П. стала история Синая. Собранные им иллюстративные, эпиграфич. материалы и сведения из письменных источников, а также данные о рукописях, опублик. в ряде статей по истории Синайской горы и монастыря св. Екатерины.

Много сделал П. и в обл. библеистики: им был осуществлен перевод с греч. Маккавейских книг (изд. 1873), рукописной Псалтири 862 (878) года (изд. 1873, 1875), книги Есфири по рукописи Ватопедского монастыря 1021 года (изд. 1874). В 1860-е он вел полемику с Тишендорфом по вопросу о датировке Синайского кодекса, ошибочно выступая за позднюю датировку рукописи VI веком. Участвовал П. и в трудах по переводу Ветхого Завета на рус. язык:

Образцы рус. перевода священных книг Ветхого Завета с греч. перевода 72 толковников. Образец первый: Бытие // ТКДА. 1869. № 2. С. 1–36; Образец второй: Псалтирь // ТКДА. 1869. № 4. С. 37–40; Образец третий: Притчи // ТКДА. 1869. № 5. С. 71–101; Образец четвертый: Песнь Песней // ТКДА. 1869. № 6. С. 103–119; Четыре книги Маккавейские. Перевод с греч. подлинника, изданного в Москве в 1821 году по благословию Синода всероссийского. Книга Маккавейская 1-я // ТКДА. 1873. № 3. С. 285–362; Книга Маккавейская 2-я // ТКДА. 1873. № 9. С. 269–323; О Маккавейях слово 3-е // ТКДА. 1873. № 11. С. 1–24; О Маккавейях слово 4-е // ТКДА. 1873. № 11. С. 69–107; Пятьдесят псалмов (26–75), переведенных с рукописной Псалтири 862 г. // ТКДА. 1873. № 12. С. 173–240; Псалмы 76–118. Переведены с греч. рукописной Псалтири 862 года // ТКДА. 1875. № 8. С. 1–32; № 9. С. 33–64; № 10. С. 65–80; № 11. С. 81–104; Книга Есфири. Переведена с греч. рукописи 6529 (1021 года), хранящейся в б-ке Афоно-Ватопедского монастыря // ТКДА. 1874. № 5. С. 144–161.

П. был одним из первопроходцев в изучении древнейшей истории христ. Востока. В этом смысле характерны его работы «Восток христианский. Египет и Синай: виды, очерки, планы и надписи к путешествиям о. Порфирия» (СПб.,

1857); «Письмена Киней Манафы на Синайских утесах. С 23-мя надписями: египетскими, вавилонскими, самарскими, финикийскими и синайскими с картою синайских надписей на меди» (СПб., 1857); «Восток христианский. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней» (ТКДА. 1866. № 3. С. 305–344; № 4. С. 556–604). Многие его наблюдения и мнения не утратили своего значения до сих пор, а собранные им коллекции и материалы являются ценнейшим и по сей день еще не в полной мере освоенным источником по истории древней церкви.

Будучи превосходным знатоком греч. палеографии и истории церкви, П., однако, не был ученым *ex professo*. По своему духу он стоял гораздо ближе к монахам-эрудитам XVII–XVIII вв., чем к младшему поколению профессоров и текстологов своего времени. Наука для него была по-прежнему вспомогательным средством в деле служения православию. Церковно-полит. деятельность П. составляла не меньшую часть его жизни, чем чисто науч. разыскания. Само составление коллекции рукописей он обосновывал необходимостью создания базы источников по библейской истории и истории церкви, которая была бы доступна каждому православному христианину независимо от его национальности и места проживания.

Труды по истории древней церкви и библеистике: Отрывки из путешествий в египетские обители (преподобного Антония Великого и Павла Фивейского). Статья первая и вторая. СПб., 1855; Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. СПб., 1856; Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 г. СПб., 1856; Святой Дионисий Ареопагит и творения его // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1878. № 8. С. 176–214; № 10. С. 321–370; № 12. С. 715–726.

Литература: Васильевский В. Г. Описание Порфириевского сборника византийских документов. СПб., 1885; Эрнштедт В. К. Список датированных греческих рукописей Порфириевского собрания. СПб., 1885; Он же. Порфириевские отрывки аттической комедии:

палеографические и филологические этюды. СПб., 1891; *Сырку П. А.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Имп. АН по завещанию. СПб., 1891 (описание архива П. и полный список его печатных трудов); *Архим. Иннокентий (Просвирнин)*. Памяти епископа Порфирия (Константина Александровича Успенского). 1804–1885 // Богословские труды. 1985. Т. 26. С. 315–325 (там же библиограф. работ о П.); *Дмитриевский А. А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / публ. с коммент. Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // *Vizantinorussica*. 1994. Т. 1. С. 165–197; *Παπουλίδης Κ. Πορφυρίου Οὐσπένσκι*. СПб., 2005; Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности. Традиции и инновации в современных исследованиях: труды международной научной конференции. СПб., 12–13 ноября 2009. СПб., 2012; *Бёттрих К.* История Синайского кодекса // Текст и традиция: альманах. СПб., 2015. Вып. 3. С. 7–94 (перевод с нем. Е. Володазкиной) ♦ Родосский; РБС; Брокгауз; БС МАО; Языков; РП (с библиограф. и справкой об архивах); Тункина 2017.

Л. А. Герд

ПОРФИРОВ Петр Федорович

PORFIROV P. F.

[1(13).2.1870 (1869?), Петербург — 15(28).4.1903, там же; Никольское кладб. Александро-Невской лавры],
поэт, переводчик Горация

Из зажиточных мещан. Сын крестьянина-отходника, освоившего токарное ремесло и преуспевшего в Петербурге: в конце жизни отец владел несколькими доходными домами. Об образовании сыновей в семье заботились: после частного пансиона П. обучался в Петерб. 7-й гимназии (1881–1889), а по ее окончании на юрид. ф-те Петерб. ун-та (1889–1893); одновременно посещал лекции на ИФФ. Выйдя из ун-та, недолго служил в Мин-ве юстиции, в 1894 перешел в Мин-во финансов (первоначально чиновник деп.

торговли и мануфактуры, после — учеб. отдела). Умер (спустя два месяца после свадьбы) от запущенного перитонита.

С юности увлекался поэзией и живописью, а юрид. поприще было определено ему решением семьи. П. был деятельным участником лит. объединений конца XIX в., в т. ч. кружка Соловьёва-Несмелова и «пятниц Случевского». Его лирич. стихи (с 1889 публиковался в ж. «Живописное обозрение», «Жизнь», «Нива», «Север» и др.), поэма **«Первая любовь»** (СПб., 1899) и составленный в соответствии с собственными поэтич. предпочтениями сб. **«Лирика и антология русских поэтов»** (СПб., 1894; 21899) выдают влечение составителя к поздней пушкинско-тютчевской традиции с ее антологич. мотивами:

«Муза П. Ф. не имеет ничего вычурного, шального-оргиастического, это необыкновенно порядочная, чистая, несколько конфузливая и меланхолическая женщина с честной ясной мыслью, простым языком и спокойными здоровыми вкусами» (СПбВед. 1903. № 107; подпись: Икс). В оценке представителей поэтич. модернизма традиционность «фофановца» П. иронически именовалась «борьбой с новыми течениями в пользу старых вкусов» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания. М., 2002. С. 146).

Первые попытки перевода антич. поэзии относятся к гимназич. периоду П. (*Коринфский А. А.* Памяти П. Ф. Порфирова // Порфиоров П. Ф. Стихотворения. СПб., 1908. С. XI). В ун-те он, по-видимому, также читал римск. поэтов (Горация): посылая свой перевод И. В. Помяловскому, П. обращается к нему как к бывшему наставнику (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1151). Интересу к поэзии Горация способствовало и знакомство П. с исследованием Н. М. Благовещенского, реминисценции которого можно уловить в стихотворении «К Горацию»: «Учитель добрый мой! Живя в глуши, с тобою / Люблю беседовать. В открытое окно / Из сада дышит ночь. <...> / Как вижу: невысок и смугл ты. Глубиною / Темнеют черные

глаза из-под бровей, / Но кудри раннею
сребрятся сединою, / Наследьем думы
и страстей / <...>. Не льстил и не искал
ни почестей, ни славы...». В течение не-
скольких лет П., «представлявший собою
редкий пример литературной выдержки
характера, поэтической стойкости» (Чер-
няев. С. 120), подготовил к печати перево-
ды всех од и «Carmen saeculare» Горация:
«Кв. Гораций Флакк. Оды. Кн. I» (СПб.,
1898), «Гораций Флакк. Оды. Кн. II»
(СПб., 1899), «Кв. Гораций Флакк. Оды.
Кн. III–IV» (СПб., 1902).

Образец (ода I, 5): «Кто стройный юноша
на ложе пышных роз, / О Пирра, влагою
душистой умашенный, / Тебя лобзает там —
в пещере осененной, / Пред кем свиваешь
ты волну златистых кос...» (religas передано
здесь правильно!);

(ода II, 7): «Помпей! Со мной не раз в ми-
нувшие года / Под властью Брута, в бой,
в опасный бой водимый, / Кто гражда-
нином вновь вернул тебя сюда / Богам
отеческим, Италии родимой...».

В кратком предисловии к «**Лириче-
ским стихотворениям Квинта Горация
Флакка**» (СПб., 1902; см. почетный от-
зыв комитета по Пушкинским премиям
1903) П., отстаивая для поэзии приоритет
вольного отношения к оригиналу, в числе
своих ориентиров упоминает И. П. Кре-
шева и А. А. Фета (Цит. соч. С. 12–13).
Более поэт, чем переводчик, он отвергал
идею имитаций антич. ритмов и смысло-
вой буквализм, редко обращался и к ком-
ментариям науч. изданий: «Я всегда имел
в виду, что мои переводы не критические
издания, а потому ссылок на коммента-
торов я почти не делал; принимал ту или
иную конъектуру, которая, на основании
всего изученного мною материала, каза-
лась мне подходящей, и не находил нуж-
ным подкреплять ее мнениями ученых».

Одним из первых поддержал начи-
нающего переводчика великодушный
к творческой молодежи Помяловский, как
ясно из письма П. 1899: «Вы не можете
представить, как ободрило меня Ваше

драгоценное мнение относительно моих
переводов Горация. Вы так горячо и с
такой любовью встретили начало моего
скромного труда, что скажу откровен-
но, — мне и во сне не снилось» (ОР РНБ.
Ф. 608. Ед. хр. 1151). Получил признание
его перевод и у журнальных критиков:
«Духовное сродство с подлинником, изя-
щество слога и знание языка оригинала
дают его “Одам Горация” значительное
преимущество перед другими перевода-
ми, не исключая и Фета» (ИВ. 1903. № 5.
С. 792; Busch. S. 215).

Объективно переводческая манера П.
принадлежала культуре XIX в. и диссонир-
овала с уже наметившимся движением
в сторону филол. перевода с приори-
тетами худож. и формальной точности.
Ун-тская критика поэтому отзывалась
о Горации П. сдержанно, коря переводчи-
ка за однообразие ямбов и не всегда вер-
ный выбор чтений. Б. В. Варнеке в рец.
(Гимназия. 1898. № 1. С. 1–6) признавал,
что «чисто лирические стихотворения,
особенно такие, где воспевается любовь»,
в общем переводчику удалась в отли-
чие от «бледных» версий полит. од, но

придирчиво разобрал различные «промахи» П. («Коринф двуморский», «пышный конями Аргос» и т. п.). П. Н. К р а с н о в (Новое дело. 1902. № 5), находя довольно верно передачу смысла, напротив, не заметил худож. достоинств у стиха П., «по сравнению с Горацием значительно полинявшего».

Пространный разбор горацианы П. принадлежит И. Ф. А н н е н с к о м у (Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация П. Ф. Порфинова // Отчет о XV присуждении Пушкинских премий. СПб., 1904). Отметив сложность задачи («из римских лириков менее всего поддается переводу на русский язык, несомненно, Гораций») и добросовестность переводчика («г. Порфинов, видимо, много работал над Горацием и старался передать в своем переводе как можно больше оттенков подлинника, придерживаясь в тексте и его толковании главным образом Л у к и а н а М ю л л е р а» — С. 5. Отд. отт.), Анненский делает ряд содержательных («недостаток целостного понимания») и формальных замечаний, особо указав на тяжелые консонантические стыки (образца «Вахс с Цибелю»), злоупотребление местоимением «кто» в союзной функции, обилие причастий. Строгость рецензии (Анненский, выступая за присуждение П. почетного отзыва, оценил 13 из его переводов как хорошие, 15 как посредственные, остальные как небрежные; см.: Там же. С. 54) смягчается похвалами некоторым пассажам и спорными для читателя альтернативными переводами самого рецензента.

Переводил П. и вост. поэзию (Омар Хайям, Гафиз). Неожиданная смерть «простого, непритязательного, бесконечно добродушного» поэта вызвала много откликов в печати.

Л и т е р а т у р а: *Случевский К. П. Ф. Порфинов: некролог // Новое время. 1903. № 9739; Ясинский И. И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926; Сапожков С. В. «Пятницы» К. К. Случевского // Новое лит. обозрение. 1996. № 18;*

Сеторина О. Г., Дмитракова Е. Ю., Соловьёва Н. С. Светлей казалась бы темница... // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни. Т. 2. Псков, 2002 ♦ Брокгауз; РБС; Черняев; Воронков; Свясов; Сайтов 2006; РП.

А р х и в ы: *Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский).*

В. П. Смышляева

П Р А Х О В Адриан Викторович

PRANOFF Adrien

[4(16).3.1846, г. Мстиславль, ныне Могилёвской обл. Беларуси — 1(14).5.1916, Ялта; похоронен там же], историк древнего искусства, художник, археолог

Отец П. — Виктор Иванович, выпускник Моск. ун-та, директор Дворянского уч-ща в Мстиславле, широко образованный человек, знакомый с лат., древнегреч. и древнеевр. языками; собирал редкие старинные книги; в юности был домашним учителем в доме кн. П. А. Вяземского, встречался с Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным. Мать — Евдокия Васильевна, урожд. Полубинская. Один из братьев П., Мстислав (1840–1879), также сделал науч. карьеру: филолог, проф. Дерпт. ун-та. Атмосфера родительского дома оказала сильное влияние на увлечение П. древним и современным искусством. Впоследствии семья переехала в Петербург, где П. окончил 3-ю гимназию с сер. медалью. В 1863–1867 учился на ИФФ Санкт-Петерб. ун-та. Учителями П. были К. Я. Л ю г е б и л ь, М. С е м. К у т о р г а и протоиерей Ф. Ф. Сидонский, хорошо осведомленный в истории философии.

В годы студенчества П. сближается с молодыми слушателями имп. Академии художеств — И. Е. Репиным, В. М. Васнецовым, М. М. Антокольским. В этот же

период он публикует свою первую науч. статью (*Ахилл Эрмитажа* // ЖМНП. 1868. Авг. С. 395–406; под инициалами: А. П., с рис. И. Е. Репина). После окончания курса благодаря ходатайству К. Я. Люгебиля получает на ф-те место хранителя Музея изящных искусств и древностей (1869). В 1869–1873 находился за границей, куда был командирован с науч. целями. В Мюнхене П. слушал лекции Г. Брунна, М. де Карриера и К.-Ф. Хальма, занимался памятниками древнегреч. искусства в Мюнхенской глиптотеке. Затем изучал худож. произведения в музейных собраниях Лувра, Британского музея, Королевского музея в Берлине, где работал отчасти под руководством К. Фридрихса; посетил Италию (Венеция, Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь, Помпеи и др.) и Вену, где в 1873 была Всемирная выставка. Результаты этой работы стали несколько статей (*Statue archaïque d'Apollon* // Ann. 1872. Vol. 44. P. 181–184; *Stèle sépulcrale de Philis, fille de Cléomède* // Ibid. 1872. Vol. 44. P. 185–187; *La composition des groupes du temple d'Égine* // Ibid. 1873. Vol. 45. P. 140–162) и многочисленные опубли. рисунки антич. памятников.

Для защиты магист. дис. «**Исследования по истории греческого искусства. I: Древнейшие памятники пластики из Ксанфа в Ликии. II: О композиции фронтовых групп Эгинского храма Афины**» (СПб., 1871) П. ненадолго приезжает в Петербург. Первая часть дис. посвящена памятникам искусства архаич. Ликии, хранящимся в «Lycian Room» Британского музея. Во второй части рассматривается гл. обр. вопрос о реставрации скульптурных фрагментов в храме Афины на Эгине, хранящихся в собрании Мюнхенской глиптотеки. Помимо этого, П. был издан атлас изученных им ликийских памятников на лат. языке (*Antiquissima monumenta Xanthiaca. Petropoli*, 1871). За эти работы П. был избран д. чл. Istituto di corrispondenza archeologica в Риме (впоследствии DAI —

Германский археол. ин-т). В 1873 П. знакомится в Риме с известным меценатом С. И. Мамонтовым, с которым складываются дружеские отношения.

По возвращении из Европы П. принят на каф. истории и теории искусства Петерб. ун-та: в 1873–1884 — прив.-доц.; 1884–1887 — экстр. проф. Зимой 1881–1882 он совершает большое путешествие на Восток для изучения памятников древневост. и визант. искусства: вместе с востоковедом С. С. Абамелек-Лазаревым и художником В. Д. Поленовым посещает Грецию, Турцию, Сирию, Палестину, Египет и Судан. В этом путешествии П. собрал свою коллекцию египетских древностей, большая часть которой погибла в кораблекрушении. Уцелевшие экспонаты впоследствии вошли в состав египетского собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (с 1940; 217 предметов), отд. вещи хранятся в ГЭ (см.: *Тураев Б. А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях* // ЗВОРАО. 1900. Т. 12. С. 208–217).

В 1875–1887 преподает историю изящных искусств в Имп. Академии художеств. Зимой 1886–1887 он снова едет в Египет, посетив по пути Италию. На этот раз его

внимание сосредоточено прежде всего на изучении памятников христ. искусства: церквей и соборов в Равенне, в Палермо, в Монреале, в Чефалу, руин христ. храмов Древней Нубии. В 1884 П. было поручено руководить внутренней отделкой строящегося в Киеве Владимирского собора. В его обязанности входило создание общего плана росписи собора, приглашение художников (в их числе оказались М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, М. А. Врубель), составление проектов некоторых деталей (бронзовые двери, мраморное убранство иконостаса), а также наблюдение за выполняемыми работами. В связи с этим в 1887 П. переезжает в Киев и занимает должность орд. проф. каф. истории искусств в ун-те св. Владимира. Собор был освящен 20 авг. 1896, и в 1897 П. возвращается в Петерб. ун-т на должность орд. проф. С 1898 — засл. проф., с 1900 выведен за штат. Продолжал вести учеб. занятия до 1905; проф. Петерб. ун-та числился до конца жизни. В 1900–1907 читал лекции на Петерб. ВЖК, которые частично были изданы литограф. способом (**Лекции по истории искусств, читанные проф. Праховым. 1903–1904.** СПб., 1904). Д. чл. МАО (1874), д. чл. (1875) и секр. Классич. отделения (1880–1886) РАО; чл. Киевск. общ-ва охраны памятников старины и искусства. Последние годы жизни посвятил адм. деятельности: служил в Мин-ве земледелия консультантом по кустарному отделу, затем — чл. Совета министра. Дослужился до чина тайн. сов.

После защиты магист. дис. П. постепенно отходит от занятий антич. искусством. Его внимание привлекают худож. памятники Древнего Востока, в особенности Египта, которые в то время были еще плохо изучены. Итогом этих исследований стала докт. дис. **«Критические наблюдения над формами изящных искусств. Вып. I: Зодчество древнего Египта»** (СПб., 1880; защищена: Петерб. ун-т; офиц. оппоненты — К. Я. Люгемиль, Ф. Ф. Соколов; разбор дис. см. в рец.:

Стасов В. В. Русское сочинение об египетской архитектуре // ЖМНП. 1880. Окт. С. 402–449). В своем исследовании П. опирался гл. обр. на материалы, полученные франц. археол. экспедицией (1809–1828) и нем. экспедицией (1842–1845). Гл. целью работы был анализ происхождения и развития двух основных типов древнеегипетских зданий: гробницы и храма. Дис. П. стала первой русскоязычной работой, посвященной проблемам древнеегипетской архитектуры [см. подробнее: *Коростовцев М. А., Ходжаиш С. И.* Адриан Викторович Прахов (1846–1916) // *Очерки по истории русского востоковедения.* Сб. 3. М., 1960. С. 111–118].

С 1880 П. увлекается изучением памятников древнерус. искусства, предпринимает многочисленные поездки в старинные рус. города и монастыри (Новгород, Киев, Чернигов, Владимир-Волынский, Луцк, Почаевская лавра и др.). На лето 1880 пришелся успех П. в археологии Киева, чему посвящено сочинение **«Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 гг.»** (СПб., 1883); впоследствии П. руководил их расчисткой и копированием (см. об этом: *Лучков. С.* 153–294). Помимо этого, П. изучал и копировал мозаики и фрески киевск. Софийского собора ради оформления — по приглашению гр. А. С. Уварова — интерьеров Ист. музея в Москве. Зимой 1882–1883 результаты этих работ были представлены на выставке, организованной П. в Петерб. ун-те (см.: **Киевское искусство X, XI и XII века: каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII вв., исполненных А. В. Праховым в течение 1880, 1881 и 1882 гг.** СПб., 1883).

Еще одной сферой интересов П. было новейшее рус. и западноевроп. искусство. В 1875–1878 он является редактором худож. отдела иллюстрированного ж. «Пчела», в котором под псевд. Профан публикует отчеты о худож. выставках и критич. статьи (о Ж.-Л. Давиде, Т. Горшельте, современном

рус. искусстве и т. д.). П. неоднократно выступал в Петербурге и Москве с публичными лекциями о современном искусстве (см., напр., текст одной из них: *Очерки художественной жизни современной Европы*. 1: Международный Олимп: живопись и ваение на Венской всемирной выставке. СПб., 1874). По возвращении в 1897 из Киева сотрудничал в петерб. ж. «Художественные сокровища России».

Существует много свидетельств о непростом характере П., его сложных отношениях с коллегами по цеху, напр., с Д. В. Айналовым (см.: *Анфертьева А. Н. Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив* // АРВ. С. 264–265, 275–277) и Г. Г. Павлуцким, на магист. дис. которого П. написал разгромный отзыв (**Отзыв о сочинении г. Г. Павлуцкого, представленном в историко-филологический факультет Университета св. Владимира для получения степени магистра истории и теории искусств под заглавием «Коринфский архитектурный орден»** // Ун-тские изв. 1893. № 4. С. 1–36). Краткий обзор мемуарных свидетельств и существующей литературы о П. см.: *Пучков*. С. 163–166. Его вклад в науку несомненен, но все же ограничен. Как отмечает С. А. Жебелёв, науч. труды П. малочисленны и относятся гл. обр. к раннему периоду его деятельности, т. к. с начала 1880-х он по существу прекращает систематически заниматься наукой; многие из его работ уже успели устареть к моменту смерти ученого (*Жебелёв С. А. Прахов Адриан Викторович (некролог)* // ЖМНП. 1916. Июнь. С. 76–84). Иного мнения придерживался Ф. И. Шмит, ученик П., который считал, что если тот и бросил заниматься наукой, «то не в начале 80-х годов, как полагает С. А. Жебелёв, а в конце их, и то не сразу, и не совсем. И я, по крайней мере, не считаю возможным осудить Прахова за такую, как будто, измену знамени. Тут нужно принять во внимание ту ужасно тяжелую атмосферу полного невежества и тупого равнодушия

к старинному искусству, которая давила Прахова в еще большей степени, чем она давит сейчас на его учеников и продолжателей» (*Шмит Ф. И. Памяти Адриана Викторовича Прахова* / публ. А. А. Пучкова // *Теория і історія архітектури і містобудування*. 1999. Вип. 4. С. 308). Художник М. В. Нестеров в некрологе П., называя почившего «истинным эллином наших дней», признает, тем не менее, что он «по природе своей — немного дилетант, но деятельный, талантливый, просвещенный» (*Нестеров М. В. Памяти А. В. Прахова* // *Новое время*. 1916. 20 мая).

Жена П. — Эмилия Львовна Прахова, урожд. Эмилия Мария Клементина Лестель (1849–1927), гражданка Франции. Закончила Петерб. консерваторию по классу фортепиано, брала уроки у Ф. Листа. Сын — Николай Адрианович Прахов (1873–1957), также был примечательным художником и историком рус. искусства, проф. Киевск. худож. ин-та. Оставил мемуары: «Страницы прошлого: очерки-воспоминания о художниках» (Киев, 1958), в которых рассказывает и об отце.

Литература: *Пучков А. А.* «Кирилловские черновики» А. В. Прахова (дек. 1880 — нояб. 1881 гг.) // *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини*. 2007. Вип. 4. С. 153–294; *Сторчай О. В.* Адриан Прахов: мистецтвознавець та викладацька діяльність в Україні (1880–1890-ті рр.) // *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини*. 2007. Вип. 4. С. 329–362; *Пастон Э. В.* А. В. Прахов и В. В. Стасов: взгляды на искусство двух эстетических антагонистов // *Третьяковские чтения*. 2010–2011. М., 2012. С. 554–568 ♦ БС СПб. ун-та; Брокгауз; *Ковнаненко Н. Г.* Прахов Адриан Викторович // *Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України: біографічний довідник*. Ч. 2. Киев, 2005. С. 170–176; *Биографика* СПбГУ; Тункина 2017.

Архивы: ОР ГРМ. Ф. 139; ОР Гос. Третьяковской галереи. Ф. 23; РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Ед. хр. 1031; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6211, 6616, 6714, 8371.

В. К. Хрусталёв

П Р И Д И К
Евгений Мартьянович

PRIDIK Eugen Peter

[19(31).8.1865, Ревель, ныне
Таллин — 3.07.1935, Ленинград;
Смоленское лютеранск. кладб.],
филолог-классик, нумизмат,
эпиграфист

Родился в семье отставного унтер-офицера Преображенского полка и эстон. крестьянки. В анкете личного дела в Гос. Эрмитаже П. писал, что происходит из «солдатских детей». На пятом году жизни был усыновлен генералом Ф. Ф. фон Вендрихом, в доме которого получил домашнее воспитание: при поступлении в гимназию он владел, помимо нем. и франц., также рус. и англ. языками. В 1888 П. оканчивает ИФФ Дерпт. ун-та со степенью кандидата классич. филологии и едет в Берлин, где занимается еще в течение двух семестров у У. Кёлера, О. Гиршфельда и К. Роберта. В 1890 сдает экзамен на степень магистра классич. филологии, а в 1893, также в Дерпте, защищает магист. дис. «**De epistularum Alexandri Magni commercio**».

Летом 1894 МНП командирует П. в Грецию для приготовления к профессорскому званию. Находясь в Афинах, он принимает участие в раскопках зап. склона Акрополя под руководством проф. В. Дёрпфельда и публикует несколько новонайденных надписей и керамич. клейм. В 1898 становится ассистентом ст. хранителя Отделения монет Имп. Эрмитажа Ю. Б. И в е р с е н а. С 1899 является сотрудником Эрмитажа: 1899–1903 — хранитель Отделения монет, 1904–1918 — ст. хранитель Отделения древностей, 1919–1930 — хранитель Отделения классич. нумизматики.

В качестве представителя Эрмитажа П. выступал с докладами на международных археол. конгрессах: I — в Афинах (1905), II — в Каире (1909), III — в Риме

(1912), а также на III Международном конгрессе историков в Лондоне (1913). Пед. деятельность П.: с 1899 — прив.-доц. ИФФ Петерб. ун-та; 1920–1924 — проф. каф. греко-римск. филологии ФОН; 1925–1929 — сверхштат. проф. археол. отделения Ленингр. ун-та. С 1909 преподаватель ИФИ, в 1914–1924 — преподаватель и чл. ученого совета Annenschule. В 1919 П. становится временным сотрудником отдела античности и христианства РГАК, а с сент. 1919, после того как РГАК прекращает свое существование, до конца 1921 — временным сотрудником разряда древностей греч. колоний юга России РАИМК. Чл. РАО (1899), Германского археол. ин-та (1904) и Баварского нумизматич. общ-ва (1928).

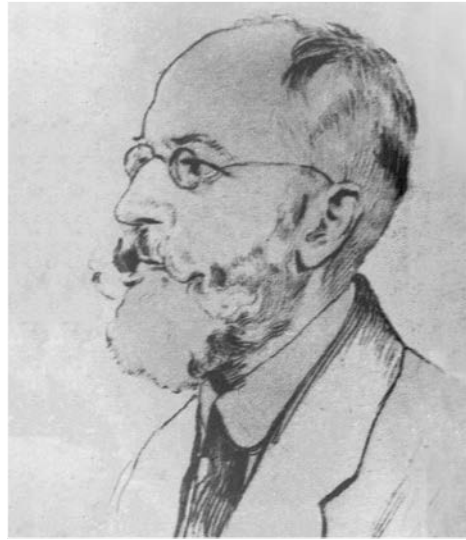
В 1897, еще находясь в Греции, П. получил письмо от В. В. Л а т ы ш е в а с предложением взяться за собирание материала для третьего тома сб. южно-рус. надписей — «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*» (IosPE). В томе решено было собрать все происходящие с юга России греч. надписи *на утвари*: граффити, дипинти и керамич. клейма (так принято называть служившие фискальными метками клейма на амфорах и черепице).

Работы, посвященные керамич. клеймам из раскопок того или иного памятника, стали появляться уже в 30-е годы XIX в. (см., напр.: *Thiersch Fr. Über Henkel irdener Geschirre mit Anagrammen, Inschriften und Fabrikzeichen aus dem äussern Kerameikos von Athen*// *Abh. der Philos.-Philologischen Classe der Königlich Bayerischen Akad. der Wissenschaften. München, 1837. S. 781–839*). Отд. клейма постоянно встречаются также и в общих публ. эпиграфич. материала. Тем не менее ни в один из томов «*Corpus inscriptionum Graecarum*» Авг. Бёка (CIG) они не попали, за исключением тома 2, части 11 «*Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosphoro Cimmerio*» (Berolini, 1843. № 2085-2085b-о, 2109d, 2121), куда вошли несколько клейм, изданных И. П. Бларамбергом,

П. И. Кёппеном и П. С. Палласом, а также присланные Бларамбергом неопубл. клейма из раскопок Ольвии.

Первоначально надписи в клеймах рассматривались только как эпиграфич. памятники, сами же амфоры исследователей интересовали мало и, как правило, выбрасывались. Н. Н. Мурзакевич отмечал, напр., что крестьяне из села Парутино близ Ольвии «от найденных амфор стараются оберегать лишь одни ручки, на которых приметят какое-либо изображение или буквы» (*Мурзакевич Н. Н.* Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае: в Ольвии и на о. Левки или Фидониси // ЗООИИД. 1848. Т. 2. С. 407). Впрочем, в предисловии к «*Inscriptions céramiques de Grèce*» (Paris, 1872) А. Дюмон писал, что отд. клеймо сообщает мало, между тем как большие коллекции клейм, собранных в Египте, Малой Азии, России и на Сицилии, могут служить ценным источником сведений об экон. и культурной истории антич. мира.

Т. о., перед П. по существу стояли те же задачи, что и перед А. Бёком и В. В. Латышевым, когда они начинали работать над SIG и IosPE, — составить корпус, собрав всё опубл. в различных периодич. изданиях и добавив к нему материал из новых раскопок. Вернувшись из Греции, П. за вторую половину 1898 обработал более шести тысяч клейм на амфорах и черепице из Керчи и Херсонеса. Затем работа замедлилась. Причиной этого, как представляется, было то, что субсидии, выделенной РАО на подготовку третьего тома, для жизни в Петербурге с семьей было недостаточно, и почти сразу после возвращения в столицу П. начинает искать постоянное место работы, которое находит в Эрмитаже. Начинает он преподавать и в ун-те в должности прив.-доц. «по предмету древнегреческой словесности, истории и древности», читая греч. авторов и лекции по греч. эпиграфике и по теории метрики. Т. о., в 1898–1917 работа над третьим томом ограничивалась сбором

материала, ради чего он посещал Одессу, Севастополь, Керчь, Симферополь, обрабатывал также и моск. коллекции.

Все работы П. этого времени посвящены публикации материалов эрмитажного Отделения древностей и предметов из новых поступлений: «Греческие заклятия и амулеты из Южной России» (ЖМНП. 1899. Дек. С. 115–124); «Анадольский клад золотых статеров 1895 г.» (ИАК. 1902. Т. 3. С. 58–62); «Zwei polychrome Tongefäße aus der Kaiserl. Ermitage in St. Petersburg» (*Zeitschrift für bildende Kunst. N. F.* 1907. Bd. 18 (42). S. 172–175); «Мельгуновский клад 1763 г.» (МАР. 1911. Т. 31. С. 1–30); «Два серебряных ритона из коллекции Имп. Эрмитажа» [Προπεμπτήρια: сб. в честь Э. Р. фон Штерна. Одесса, 1912 (= ЗООИИД. Т. 30). С. 167–178]. Выходит и «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице Эрмитажного собрания» (Пг., 1917).

Отзывы были двойственные — в одних П. хвалили за образцовую тщательность и трудолюбие (*Г. Г. Гельд* — Гермес. 1918. Авг.–дек. С. 146), в др. сомневались в необходимости подобных изданий ввиду того, что невозможно описать тысячи

керамич. клейм из различных музейных собраний. С. Рейнак писал: «La confection d'un corpus à peu près complet serait une tâche d'une interminable monotonie: on peut se demander si le jeu en vaut la chandelle» (*Reinach S. Bibliographie // Rev. archéologique. 1923. Т. 17, janv.–avr. P. 198*).

Вряд ли способствовала бойкой работе и Первая мировая война, приводившая иной раз к взаимному отчуждению среди россиян нем. и рус. происхождения, когда национальные различия начинали провоцировать нешуточную подозрительность, раздражение, а то и рознь (*Виноградов Ю. А. М. И. Максимова: Путь русского ученого // Записки ИИМК. 2016. Вып. 14. С. 12*).

В первые послереволюционные годы П. становится временно сотрудником вначале отдела античности и христианства РГАК, а затем РАИМК. В обоих учреждениях темой его работы оставался третий том *IosPE*. В 1918–1920 он обрабатывает керамич. клейма из собрания ГИМ и Румянцевского музея, а также несколько крупных частных коллекций — Н. Ф. Романченко и Н. П. Лихачёва. В. В. Латышев, руководивший в тот момент разрядом древностей греч. колоний юга России РАИМК, писал в отчете за 1920, что «работа настолько продвинута вперед, что в других, более благоприятных условиях можно было бы уже приступить к печатанию...» (План работы разряда древностей греческих колоний юга России ГАИМК // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 1). В 1921 после смерти В. В. Латышева и сменившего его на посту руководителя разряда А. В. Никитского этот отдел был расформирован, и о публикации третьего тома речи больше не было. В 1922 Эрмитажу пришлось ходатайствовать перед Петросоветом о разрешении Придику и его семье остаться жить в России и поручиться за его лояльность к существующему строю (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686. Л. 225, 226). Однако заведования отделом антич. монет в Эрмитаже он лишился, и «вместо очень состарившегося, почти ослепшего Е. М. Придика» был

назначен А. Н. Зограф (*Снасский. С. 204*). П. продолжал служить в Эрмитаже до 1930 в качестве внештат. науч. сотрудника отдела нумизматики, где занимался составлением каталога римск. монет.

В конце 1924 П. был уволен из ун-та. В письме к С. А. Жебелёву от 9 ноября 1928 он упоминает о «травле, начавшейся против меня после отъезда дорогого Михаила Ивановича <Ростовцев> — изгнание из Эрмитажа, лишение меня любимой моей кафедры греческого языка в Университете, сокращение в Академии истории материальной культуры» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. № 99). Обстоятельства увольнения из ун-та остаются неясными. Из личной карточки П., хранящейся в архиве СПбГУ, следует, что он являлся проф. каф. греко-римск. филологии ФОН и имел довольно значительную учеб. нагрузку. Так, в 1920–1921 учеб. году он читал «восемь лекций еженедельно по Эсхилу, по греческой метрике, <вел> практические занятия по греческой стилистике и греческому синтаксису (перевод Цезаря, “*De bello Gallico*” [i]ber] IV, с латинского на греческий и переводы на греческий легких русских текстов), по греческим лирикам, по истории греческой литературы и т. п.» (Отчет о деятельности члена разряда древностей греческих колоний юга России РАИМК Е. М. Придика за конец 1920 г. // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 8; Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Л. 974). Об этих изысканных филол. занятиях вспоминал впоследствии Я. М. Боровский (*Гаврилов А. К. Наследие Я. М. Боровского // Боровский Я. М. Opera philologica. СПб., 2009. С. 569*). В 1925–1929 П. числился сверхштат. проф. археол. отделения и вел занятия по антич. и вост. нумизматике.

П. часто обвиняли в затягивании работы над третьим томом *IosPE*. Еще в 1901, когда вышел четвертый том латышевского Корпуса, РАО неоднократно просило его ускорить обработку материала для третьего тома (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 152. Л. 77). Более чем через двадцать лет,

в 1923 С. А. Жебелёв в своем «Введении в археологию», не обинуясь, отмечает, что издание этого тома находится «на мертвой точке» и что третий том *IosPE*, «обработку которого более четверти века тому назад взял на себя Е. М. Придик, увидеть изданным в свет нашему поколению, очевидно, не суждено, если обработка материала, который должен войти в третий том, не будет передана кому-нибудь другому» (*Жебелёв С. А. Введение в археологию*. Ч. 1: История археологического знания. Пг., 1923. С. 99). В советское время о П. сложилось устойчивое мнение как об эпиграфисте, который не сумел выполнить данное РАО и лично В. В. Латышеву обещание, т. к. переоценил свои силы.

На деле не стоит обвинять П. в том, что он не издал третий том *IosPE*. Им был проделан огромный труд по сбору, обработке и систематизации колоссального по объему материала. Укорять его можно лишь в том, что он не довел свой труд до публикации. Кажущаяся необязательность П. была обусловлена несколькими причинами: подготовку тома нужно было совмещать с работой хранителя в Эрмитаже и с преподаванием в ун-те; науч. работа Отделения древностей Эрмитажа затруднялась малочисленностью его сотрудников (только в 1904 после того, как О. Вальдгауэр стал заниматься коллекцией ваз и антич. скульптуры, П. смог сосредоточиться на работе с археол. коллекцией и томом); наконец, работа над Корпусом такого рода невозможна в одиночку. Существенно и то, что РАО имело достаточно средств на издание *IosPE*, но после 1917 публикация столь обширного Корпуса с иллюстрациями к нему была вряд ли осуществима — ведь известно, что подготовленный в 50-е годы XX в. Б. Н. Граковым на основе рукописи П. корпус клейм тоже не был опубл.; примечательно, что и переиздание второго тома *IosPE* затянулось более чем на сорок лет, а иллюстрации к нему ждали своего часа еще столько же.

После 1930 П. испытывал крайнюю скудость средств к существованию. Вероятно, поэтому в 1934, за год до смерти, он за пять тысяч рублей уступает ГАИМК собранный и полностью подготовленный им к печати эпиграфич. материал для третьего тома — 17 810 карточек, содержащих чтение клейм, их прорисовку, указание на место и год находки, на место хранения и литературу о них (РА ИИМК. Ф. 33) вместе с правами на его публикацию. После смерти П. его вдова передала еще 1794 карточки. Утешительно разве то, что картотека третьего тома *IosPE* не пропала во время блокады Ленинграда вместе с личным архивом П. после того, как умерли его жена и дочь: в 1944 картотека П. была затребована из ЛО ИИМК в Москву и передана Б. Н. Гракову (РА ИИМК. Ф. 33. Дело фонда). На ее основе в послевоенные годы последним была подготовлена рукопись III тома *IosPE*, включившая южнорус. клейма на амфорах и других сосудах, а также на черепице. Теперь эта многотомная рукопись находится в Москве в архиве ИА РАН. После того как Граков завершил свою работу, картотека клейм была возвращена в Ленинград — в рукописный архив ИИМК, где она и хранится в настоящее время.

Старший брат — Александр (1864–1936), историк и филолог-классик, проф. Дерптского (Тартуского) и Варшавского ун-тов.

Литература: *Потин В. М., Шукина Е. С.* Отдел нумизматики // Эрмитаж: история и современность. 1764–1988. М., 1990. С. 199–215; *Павличенко Н. А.* Е. М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист: к истории создания III тома *IosPE* // Древний мир и мы. Вып. 2. С. 189–205; *Спаский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. Т. 8. 1970. С. 189, 201, 204, 205, 207; *Тихонов И. П.* Археология в императорском Эрмитаже // Российский археол. ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479; *Kalashnik Yu. G. von Kieseritzky and the Classical Department of the Hermitage // Hyperboreus*. 2013. Vol. 19. P. 237–238 ♦ Прозоров; *Яковлева Е. М.* Е. М. Придик // Сотрудники Имп. Эрмитажа. С. 118–120; Тункина 2017; DBVL.

Архивы: АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 686; Ф. 1. Оп. 5; РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. 14, 15; Ф. 3. Д. 152; СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. № 99; Ф. 764. Оп. 2. Д. 617; ОА СПбГУ. Ф. 1. Л. 974.

Н. А. Павличенко

ПРОЗОРОВ Павел Иванович

PROZOROV P. I.

[27.6(9.7).1862, Саратов —
после 10.2.1931],

филолог, библиограф, архивист

Из семьи чиновника. Окончил Саратовскую гимназию (1882) и Петерб. ИФИ (1886). После выпуска был направлен преподавателем древних языков и рус. словесности в Казан. 3-ю гимназию (1886–1894). Вернувшись в Петербург (1894), поступил на службу в департамент МНП: делопроизводитель, зав. разрядом средних учеб. заведений (с 1900), чиновник по особым поручениям (1909–1911), инспектор Петерб. УО (1911–1917). В 1895–1899 преподавал в Петерб. 2-й гимназии (сверх штата). Чл. Петерб. ОКФП. В дек. 1917 распоряжением А. В. Луначарского был уволен от службы в числе чл. Петрогр. УО, не признавших власть большевиков. В 1918–1921, проживая в Москве, служил в различных организациях тех лет (Главном управлении сборов, Гос. казначействе и др.) и преподавал на курсах при Моск. ун-те. По возвращении в Петроград (май 1921) — науч. сотрудник Центрального архива (Главархив при Наркомпросе РСФСР; 1921–1922), помощник библиотекаря и чл. библиотечной комиссии ГАИМК (1921–1930); делопроизводитель ППО (1926–1930). До 1925 преподавал в ленингр. школах преимущ. рус. язык. Арестован 7.5.1930 по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» и осужден на пять лет лагерей 10.2.1931. Его дальнейшая судьба и дата смерти остается пока неизвестной.

Ученик К. Ф. Нейлисова и В. В. Латышева, П. не проявил интереса к самостоятельной исследовательской работе, хотя у Нейлисова он третьекурсником сделал «хороший перевод панегирической речи Исократ» (ЖМНП. 1885. № 7. С. 4). П. смолоду был внимательным переводчиком и старательным каталогизатором. Известен он прежде всего составлением актуального и в наши дни «**Систематического указателя книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г.**» (СПб., 1898; с прибавлением за 1893–1895 гг.), в 10 разделов которого включил публикации по греч. древности до 1895 (5791 название, в т. ч. рисунки, планы, атласы, рукописи) и большую часть рецензий. Основные работы по указателю выполнялись им в Казани (в Петербург он выезжал лишь на летние вакации): в течение семи лет П. собрал и систематизировал публикации по греч. филологии и истории из почти 80 периодич. изданий (от «ЖМНП» и ун-тских записок до губ. газет).

Отзыв о «Систематическом указателе» с библиогр. дополнениями дал А. И. Маленин (ФО. 1898. Т. 15. С. 48–56; см. также его статью: Наши задачи в области изучения древнеримской литературы // Гермес. 1918. № 8–12. С. 154); ряд поправок сообщил П. Н. Черняев, см.: Гермес. 1916. № 15–16), а вдохновителем этого «любопытнейшего, хотя и сырого» труда П. был Латышев, в начале 1890-х помощник попечителя Казан. УО. Последний постоянно давал составителю указания и советы, а по окончании работы представил библиографию на рассмотрение ист.-филол. отделения АН для напечатания на средства академии.

Сколько-нибудь серьезных обзоров такого рода в России до тех пор не было. Делившийся с П. своим библиогр. опытом Маленин, отметив неизбежность в столь объемном издании некоторого числа пропусков и непоследовательностей, определяет «целинный» труд П. как «в высшей степени почтенный и исполненный

с необыкновенной любовью к далеко не веселому делу». Ф. Г. Мищенко (ЖМНП. 1900. Отд. II. Янв.), также отметив огрехи «единоличного исполнения при отосылительной краткости затраченного времени», о почине П. (и Латышева) отозвался как о «довольно значительном приращении» к рус. филол. литературе; уважительный отзыв об указателе дал и С. А. Жебелев (Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 20).

П. помогал Латышеву в Казани с подготовкой публикаций: участвовал как переводчик (фрагментов Аппиана, Арриана, Диодора Сицилийского, Лукиана, Плутарха и др.) и техн. редактор в издании «Scythica et Caucasia». «Всего же более обязан я неизменной любезности П. И. Прозорова, который кроме участия в извлечениях и переводах, неумолимо помогал мне в нелегком деле корректуры первого тома», — писал в послесловии Латышев (см.: Scythica et Caucasia. СПб., 1900. Т. 1, вып. 3. С. 946).

Выполнял П. и др. поручения наставника: так, за вычитывание корректуры своей книги «Очерки древней топографии о. Родоса» П. благодарит в предисловии другой ученик Латышева — С. А. Селиванов. Поддержке Латышева, ценившего в П. обязательность и библиогр. навыки, он был обязан, по-видимому, и протекцией в Петербурге. Рекомендую его учителем древних языков в семейство И. И. Толстого, Латышев написал И. В. Помяловскому: «Я могу смело поручиться за него в полной уверенности, что он не ударит лицом в грязь и заслужит расположение графа Ивана Ивановича. Преподаватель он очень опытный» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 929. Л. 58 об.).

Привлеченный в 1926 В. Н. Бенешевичем на должность делопроизводителя ППО, П. привел в «образцовое состояние» бумаги и деловую переписку общ-ва [Грушевой А. Г. Имп. Палестинское Общество (по петерб. архивам) // АРВ. С. 142, примеч. 21]. Вместе с Малеиным, А. М. Лоягиным и др. учениками Латышева

П. занимался организацией I съезда преподавателей древних языков (1911). С товарищами по Петерб. ИФИ поддерживал и личные контакты: 25-летие их выпуска в 1912 отмечалось на квартире П. (Гермес. 1912. № 5. С. 149).

По «Академическому делу» начала 1930-х П. проходил в составе группы, обвиняемой за «пропаганду идей контрреволюционного движения» и «систематическое вредительство в области экспедиционных исследований» (см.: Академическое дело 1929–1931. СПб., 1993. Вып. 1. С. VIII). Реабилитирован 30.6.1989.

Литература: Пам. книжки Петерб. ИФИ 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; *Белилин В. А.* 25-летие Казанской 3-й гимназии. Казань, 1896; *Черняев П. Н.* Материалы по истории классич. филологии в России // Гимназия. 1899. № 1; *Тихомиров П. К.* Историческая записка 2-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1905 ♦ Латышев; Воронков; Бузескул 2008; Рус. интеллигенция.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ; в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 1466), 174 (Петербург. 2-я гимназия).

В. П. Смышляева

ПУСТОНСКИЙ Михаил Васильевич

PUSTONSKIJ M. V.

[22.10(3.11).1835, с. Новоспасское, ныне пос. Славный Торжокского р-на Тверской обл. — 20.6(2.7).1890, Петербург; Митрофаньевское кладб.], педагог, переводчик

Родился в семье священника. Первоначальное образование было, вероятно, домашним, затем воспитывался в Тверской семинарии, позже, по определению Святейшего Синода, был уволен из духовного ведомства и поступил в распоряжение

МНП. Окончил ГПИ с зол. медалью (1859), тогда же был утвержден в звании старшего учителя и начал службу во 2-й Петерб. гимназии (вне штата, без содержания; впоследствии ему пришлось доказывать, что эти три года он проработал именно учителем, т. к. МНП не хотело засчитывать их в действительную службу), параллельно приготавливаясь к испытаниям на степень магистра. Если не считать эпизода во 2-й гимназии, П. почти всю жизнь служил в одной и той же 6-й Петерб. гимназии, где сперва был учителем, затем — засл. учителем (редкое звание), потом инспектором, и, наконец, директором.

П. с юности не отличался крепким здоровьем; несколько раз он вынужден был задержаться после летних вакансий, поскольку из-за болезни не мог выехать на службу вовремя; в течение целого года (1866–1867) лечился за границей. Ближе к концу жизни П., проработавший в МНП более тридцати лет, решил

попросить денежное пособие, т. к. содержать семерых детей от брака (1869) с А. М. Яковлевой даже на директорскую зарплату было нелегко; тем не менее П. получил отказ ввиду того, что «на текущий год кредит уже весь разассигнован». До последнего момента, П., хотя был неизлечимо болен, оставался в гимназии: 19 авг. 1890 он уволился, а на след. день его не стало (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7841. Л. 4, 6).

Коллеги и ученики понимали, что П. знаток своего дела, а преподает несколько монотонно из-за тяжелой болезни. «Мы переживали время гимназического террора, когда по древним языкам ставились требования совершенно невыполнимые. <...> Одно время грозю гимназии был латинист Ределин, беспощадно награждавший учеников единицами. Он был немец и очень смешно выражался по-русски, но были учителя древних языков, умевшие вести преподавание толково и без лишней жестокости. Таков был учитель латинского языка, а впоследствии директор гимназии Пустонский» (Крюков Н. А., Лисенков Г. И. Из воспоминаний бывших учеников Шестой гимназии // Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербург. Шестой гимназии (1862–1912). СПб., 1912. С. 167–172).

Почти все преподаватели 6-й гимназии участвовали в трудах разных ученых общ-в. П. состоял в Петерб. ОКФП и вместе с коллегами занимался переводом с нем. и изданием «Реального словаря классических древностей по Любкеру» (под ред. Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонского и Ф. Зелинского. СПб., 1883–1885. Вып. 1–4).

Архивы: ЦГИА. Ф. 458. Оп. 1. Д. 27.

С. Э. Андреева

Р

РАДЛОВ

Карл Фридрих / Федор

RADLOW / RADLOFF

Karl Friedrich

[17.2.1783, по др. сведениям 1782, 1784, Бад-Лаухштедт (Lauchshädt) около Лейпцига — 30.4(12.5).1842, Феллин, ныне Вильянди, Эстония], филолог, педагог

Отец Л. Ф. Радлова. Из духовного сословия. По окончании гимназии в Лейпциге изучал теологию и филологию в Лейпц. ун-те. Завершив образование (1802), преподавал в Лейпц. вольной школе. В России с 1806 или 1807, когда он был приглашен домашним учителем в семейство гр. М. И. Ламздорфа. С 1812 преподавал нем. и лат. язык в Петерб. пансионе Муральта, с 1819 — в ГНУ св. Петра. В 1811 собирался перейти в Конрадинскую гимназию Данцига, но город оказался занят французами, так что Р. был вынужден вернуться в Петербург. С 1818 учитель древних языков Петерб. губ. (2-й) гимназии и адъюнкт по кафедре лат. словесности ГПИ (с 1819 Петерб. ун-та) при проф. Ф. Ф. Гедике как «занимающийся долгое время преподаванием языка сего в частных заведениях, а особливо в лучшем из оных, содержанием пастором Муральтом, и довольно

уже известный в познаниях по сей части» (ЦГИА СПб. Ф. 13. Ед. хр. 462. Л. 1).

Научных публикаций Р., по-видимому, не имел и должностью в ГПИ / Петерб. ун-те был обязан личным связям, в т. ч. покровительству Ф. Б. Грефе (оба были женаты на представительницах лифляндского рода Самсон фон Гиммельшернов). В отсутствие печатных трудов ему было предложено конференцией ГПИ пройти стандартные испытания «для удостоверения способности к должности адъюнкта», т. е. прочесть пробную лекцию и представить реферат на лат. языке, несмотря на возражения ун-тской «немецкой партии» в лице проф. Грефе и Э. Раупаха, заверявших, что Р. «имеет написанную им диссертацию удовлетворительно и был профессором в иностранных заведениях» (ЦГИА СПб. Ф. 13. Ед. хр. 462. Л. 6, 12–17). В мае 1819 Р. представил, а в авг. 1820 защитил в Петерб. ун-те лат. рассуждение «*De studio linguarum antiquarum saepe neglecto eoque melius distituendo*» и в должности адъюнкта перешел в Петерб. ун-т, где прослужил до марта 1822 (тогда же он присягнул России и приобрел российское дворянство). Его увольнение, возможно, было косвенно связано с «делом профессоров» (1821), в котором Р. (вслед за Грефе) воздержался от осуждения «неблагонамеренных» проф. К. Германа и Э. Б. С. Раупаха, некоторое время

РАДЛОВ**Леопольд (Лев) Федорович**

RADLOFF Leopold Karl Theodor

[29.10(10.11).1818, Петербург —

10.11.1865, Гота],

филолог, этнолингвист

Сын К. Ф. Радлова, отец Э. Л. Радлова. Из дворян Лифляндской губ. Детство провел в имении матери, начальное образование получил под руководством отца. В 1832–1838 занимался в ГПИ (действ. студент; однокурсник В. А. Модестова). В пед. службу вступил старшим учителем греч. и лат. языка Новгородской гимназии (1839). Возвратившись через три года в Петербург, преподавал древние языки в Петерб. 2-й гимназии (1843–1865). Хранитель Этногр. музея АН (1847–1863) и архивариус АН (1855–1858); неоднократно выезжал за границу для знакомства с археол. коллекциями музеев Дании, Швейцарии и Швеции. В 1864 недолго занимал пост директора Ларинской, затем Петерб. 6-й гимназий (с августа). В ноябре 1864 выехал для лечения за границу, где скончался. Чл. РАО и РГО.

Как преподаватель древних языков не выходил за границы «грамматич. классицизма» и его традиционных методик (главной целью которых провозглашалась «гимнастика ума»), не выделяясь из числа педагогов-иностранцев. По впечатлению выпускника 1851 А. Вирениуса, наставники Постель, Пернер, Штейнман и Р. «были люди хорошие, желавшие добра своим ученикам, но под влиянием духа времени развивавшие детей по ложной системе» (см.: Пятидесятилетие Второй С.-Петербург. гимназии: воспоминания. Вып. 2. СПб., 1881. С. 7). Полноценному общению Р. с учениками мешал и языковой барьер: «Превосходя своих предшественников, Грацилевского и Белюстина, обширностью и глубиной познаний филологических,

преподававших в Петербургском ун-те (Маяковский и Николаев. С. 170–194). После отставки вместе с семьей поселился в имении жены (Киббиярви), в котором со временем учредил пансион для подготовки к поступлению в Дерпт. ун-т. С 1838 жил в Феллине, также руководя частным уч-щем и пансионом.

Р. был деятель российского образования, готовивший молодежь к занятиям в университете через основательное знание древних языков, преподавание которых сильно нуждалось в улучшении.

Литература: Плетнёв; Иконников В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // ВЕ. 1876. № 11; Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка 75-летия С.-Петерб. Второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002; Stryk S. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Т. 1. Dorpat, 1877 ♦ Воронов; Григорьев; РБС; НР; Petrischule; EAD.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 991 (Общее собрание иностранных авторов); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петербург. ун-т), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

Р. <...> уступал им в знании русского языка, который не был для него природным» (Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка 75-летия С.-Петербур. Второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894. С. 325). Его науч. интересы определялись службой в Этнографическом музее АН под руководством К. М. Бэра и П. И. Лерха, сторонников «скандинавского подхода» в рус. археологии (скандинавы были в эту пору застрельщиками в области доисторической, или первобытной, археологии). Р. ознакомился с археол. экспозициями европ. музеев, переводил для коллег новинки этногр. и геогр. литературы (прежде всего со скандинавских языков). Он был составителем изданного АН перевода труда И. Ворсё «Северные древности Копенгагенского королевского музея» (СПб., 1861). «Имея с 1848 года в своем владении Этнографический музей имп. АН, он усердно занимался систематизированием, распределением хранящихся в этом музее предметов и для этой цели подробно ознакомился с описаниями кругосветных путешественников, совершенных русскими моряками, и с географической и этнографической литературой Северной и Восточной России и Сибири» (Лерх П. И. Л. Ф. Радлов: Некролог // Изв. РГО. 1865. № 7. С. 205).

Интерес науч. сообщества 1850–1860-х к дописанным культурам подтолкнул Р. к опытам систематизации сведений о языках коренных народов Северо-Вост. России (в т. ч. чукчей и коряков) и Сев. Америки. Со своими лингв. наблюдениями Р. выступал на заседаниях академ. сообществ, некоторые публиковал в изданиях АН: «**Einige kritische Bemerkungen über Hrн. Buschmann's Behandlung der Kinai-Sprache**» (Bull. Acad. 1857. Т. 14), «**Über die Sprache der Ugalachmut**» (Bull. Acad. 1858. Т. 15), «**Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen**» (Mém. AS. 1861), «**Observations sur les Kirghis**» (Paris, 1864) и др. Судя по сочинению

«**Sprache der Kaiganen**» (Mélanges russes. 1858. Т. 3), задуманному как «дополнение к трудам о русской Америке» академика-этнографа А. Ф. Миддендорфа (сына Ф. И. Миддендорфа), Р. систематизировал собранный исследователями лексич. материал с оглядкой на парадигмы индоевроп. языков: уточнял фонетич. передачу и базовые характеристики слов как частей речи (существительное, глагол, местоимения и др.), сопоставляя свои описания с обзорами смежных диалектов.

Литература: Смирнов; Плетнёв; Пятидесятилетие С.-Петербур. Ларинской гимназии. СПб., 1886; Петров Л. П. 25-летие 6-й С.-Петербур. гимназии. СПб., 1887; Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Историческая записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербур. 6-й гимназии. 1862–1912. СПб., 1912; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. СПб., 2010; Stryk S. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Т. 1. Dorpat, 1877 ♦ Григорьев; Брокгауз; РБС; НР; Геннади 2006; EAD; Тункина 2017.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ); РО ИРЛИ. Ф. 357 (В. И. Яковлев).

В. П. Смышляева

РАДЛОВ**Эрнест Львович (Леопольдович)**

RADLOFF / RADLOV E. L.

[20.11(2.12).1854, Петербург —

28.12.1928, Ленинград;

Смоленское лютеранск. кладб.],

*философ, историк антич., европ.**и рус. философии, переводчик*

Внук К. Ф. Радлова; сын Л. Ф. Радлова. Окончил 6-ю петерб. гимназию, а затем ИФФ Петерб. ун-та (1873–1877) со степенью кандидата; его дипломное сочинение на тему «Сравнить диалоги Платона “Политика” и “Законы” и указать различия в их направлении и поддержке» было удостоено зол. медали. Как ученик М. И. Владиславева, придававшего при подготовке студентов первостепенное значение чтению и комментированию Платона и Аристотеля, Р. сохранил вкус к занятиям антич. философией на протяжении всей своей деятельности. Как писал С. А. Жебелёв, «из своих университетских профессоров Э. Л. часто вспоминал эллиниста К. Я. Любеля и латинистов Г. И. Лапшина и И. В. Помяловского. Первый из них хорошо выучил Эрнста Львовича греческому языку, что ему так пригодилось впоследствии при его занятиях греческими философами» (Жебелёв. Очерк. Л. 13). Оставленный при ун-те для подготовки к профессорскому званию, Р. был отправлен в командировку (1877–1879) для слушания лекций и подготовки к магист. экзаменам в Лейпциг и Берлин, где, в частности, слушал лекции Э. Целлера (Zeller). В 1880 сдал магист. экзамены и был причислен к МНП для службы в ИПБ. Зимой 1881–1882 проходил стажировку в Вене для подготовки к профессорскому званию. Дис., однако, так и не представил, что открыло для Р. возможность преподавания в ун-те. С 1882 служит в ИПБ в Отделении философии и педагогики; в 1884 зачислен

в штат, наряду с Отделением философии возглавляя также Отделение инкунабулов, альдов и эльзевиров.

Первые выступления в печати и первые переводы Р. связаны с антич. философией. В «ЖМНП» в 1884–1887 печатает свой перевод «Никомаховой этики» Аристотеля («Этика» Аристотеля; в отд. издании на тит. листе в выходных сведениях: СПб., 1884, т. к. печатание в журнале предполагалось завершить в 1884 и тогда же издать; на деле издание появилось позже — на его обложке указано: СПб., 1887). Кн. С. Н. Трубецкой назвал перевод «образцовым» (РП. Т. 5. С. 240; см. также отзыв: ЖМНП. 1888. Февр. С. 529). С этого момента этич. проблемы древней и новой философии находятся в центре внимания Р. Второе издание «Этики» Аристотеля (СПб., 1908) вышло с прил. подробного «Очерка истории греческой этики до Аристотеля» (С. V–LIV). Еще в 1892 Р. поместил в «ВФИП» статью «Об этических отрывках Демокрита» (Кн. 12. С. 1–19), а в начале 1920-х в серии «Введение в науку» выпустил очерк этич. учений древности с прил. большой аннотированной библиографии (Этика. Пг., 1921). Поскольку Р. полагал, что после Аристотеля в греч. философии наблюдался упадок, его работы не выходили за пределы этого периода.

В 1889 Р. в «ЖМНП» публикует обширную работу «Эмпедокл», включающую «Отрывки из сочинений Эмпедокла», «Источники, знакомящие нас с философией Эмпедокла» (греч. доксографы и философы: Платон, Аристотель и др.) и исследование «Философия Эмпедокла». Радловский перевод доксографов наряду с отрывками из Эмпедокла был воспроизведен в прил. к книге П. Таннери «Первые шаги древнегреческой науки» (СПб., 1902. С. 40–51, 87–105; перевод отрывков позднее печатался также в антологиях и хрестоматиях). Подобно другим ученикам М. И. Владиславева, обратился Р. и к переводу логич. сочинений Аристотеля: в 1891 в «ЖМНП» публикуется его

перевод сочинения Аристотеля «Об истолковании» (отд. изд.: СПб., 1891; переизд.: *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 91–116), сопровождаемый предисловием, где основательно изложена история восприятия и комментарий этого сочинения от античности до XIX столетия. С 1880-х Р. читает курсы логики, психологии, истории философии на ВЖК, в Уч-ще правоведения (1885–1897), Александровском лицее (1885–1907), Женском пед. ин-те (1903–1913), в начале 1920-х — в Петрогр. ун-те. Небольшая часть этих курсов сохранилась в литографированном виде.

В 1880 Р. знакомится с В. С. Соловьёвым, которого считал «единственным русским философом», становится одним из близких его друзей и приверженцем его философии. Этому мыслителю Р. посвятил ряд значительных работ, составивших книгу **«Владимир Соловьёв: жизнь и учение»** (СПб., 1913). Кроме того, Р. подготовил издание: **«Письма Вл. С. Соловьёва»** (Т. 1–3. СПб., 1908–1911; Т. 4. Пг., 1923).

После кончины В. С. Соловьёва Р. становится вместо него редактором отдела

философии в «Энциклопедич. словаре Брокгауза и Ефрона» (в 1900 — с 60-го полутома), а затем редактором того же отдела в НЭС. И в том, и в другом словаре Р., помимо прочего, поместил ряд важнейших статей по истории антич. философии. В 1904 изд-во Брокгауза и Ефрона выпускает под ред. Р. **«Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии»** (перепеч. там же в 1911; 2-е изд., исправленное и дополненное, появилось уже под именем Р. в 1913). В словаре значительное место уделено философам и филос. направлениям античности, причем почти каждую статью Р. по возможности снабжает наинужнейшей библиографией.

В 1895 Р. становится сотрудником редакции «ЖМНП», а в 1899 оставляет службу в ИПБ и назначается редактором журнала. По словам С. А. Жебелёва, сказанным по поводу кончины Р., он «внес много любви в руководимое им ответственное дело и еще более укрепил положение и значение ЖМНП в нашей научной среде» (Рубан, Басаргина 2015. С. 33). С 1902 С. А. Жебелёв, возглавивший Отдел классич. филологии, оставался ближайшим сотрудником Р. вплоть до прекращения издания в конце 1917. Несмотря на неоднократные попытки закрыть этот отдел, Р. удалось сохранить его в неприкосновенности до этой поры.

С лета 1916 Р. занимает должность помощника директора ИПБ, а с сент. 1917 исполняет обязанности директора; с 1918 он становится первым выборным директором Публичной б-ки и занимает эту должность по 1923. До 1927 Р. заведовал там же Отд. филологии и считал, что ГПБ должна оставаться «лабораторным центром русской науки, музеем русской литературы» (*Грин Ц. И.* Радлов Эрнест Львович // СРНБ. Т. 1. С. 435). У Р. была и своя большая б-ка. Как отмечал современник, «до смерти своей Э. Л. любил ходить по букинистам и умел доставать у них хорошие книги» (*Жебелёв*. Некролог.

Л. 84). В конце 1910-х Р., впрочем, продал значительную часть своего собрания в Пермский ун-т (это естественно связывать, среди прочего, и с тем, что Б. В. Казанский, зять Р., преподавал в Пермском ун-те с 1917 по 1920).

В дек. 1920 Р. избирается чл.-корр. АН по ОРЯС, а с февр. 1921 возглавляет возрождаемое Филос. общ-во при ун-те, в деятельности которого участвовал с момента его возникновения в 1898. В 1922 Филос. общ-во выпустило под ред. Н. О. Лосского и Р. три номера ж. «Мысль», которые подверглись резкой критике со стороны властей. Журнал был закрыт. Сходным образом не удалось довести до завершения 15-томное издание «Полного собрания творений» Платона, с 1922 по 1929 выходившее под ред. С. А. Жебелёва, Л. П. Карсавина и Р. Последний из шести появившихся томов вышел в 1929 под ред. Р. и включал новые переводы «Парменида» и «Филеба», которые Р. снабдил своими предисловиями (Т. 4. С. 3–13, 95–103). Подтверждением старой дружбы с С. А. Жебелёвым в те же годы стало издание статьи Р. «**“Парменид” Платона и Гегель**» в сб. статей в честь С. А. Жебелёва (Л., 1926. С. 260–270; сб. существует в нескольких машинописных копиях).

Что касается общественной позиции Р. в эти годы, то ее характеризуют воспоминания одного из ярых приверженцев нового режима, тогда студента ф-та общественных наук. По его словам, Р. полагал, что «коммунисты и комсомольцы не умеют мыслить логическими категориями» (*Шарииков К. Г.* Университет на подъеме // На штурм науки: воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971. С. 26). В сент. 1928 С. А. Жебелёв составил отзыв о трудах Р., предполагавший избрание Р. в д. чл. АН по новому — филос. — отделению. Но Р. не дожил до избрания. 7 апр. 1929 состоялось заседание Комиссии по истории знаний АН, посвященное памяти заместителя ее председателя — Р.,

на котором выступили В. И. Вернадский. С. А. Жебелёв и Н. И. Кареев.

Р. — отец Натальи Эрнестовны Радловой (1887–1938) — театрального педагога и жены Б. В. Казанского; другие дети Р.: Н. Э. Радлов — художник и С. Э. Радлов — театральный режиссер, входивший в семинар Ф. Ф. Зелинского.

Сочинения: Введение в философию. Пг., 1919 (Сер. «Введение в науку»); Очерк истории русской философии. СПб., 1912; Пг., 1920 (1925 — пер. на нем. язык); Этика: очерк истории греческой этики до Аристотеля. СПб., 2002.

Литература: Альманах библиофила. [Л.], 1929. С. IX (известие о кончине Р.), XI (портр. Р.); Чехи в С.-Петербурге. СПб., 2003. С. 100–101; *Бычкова И. А., Михеева Г. В.* Эрнест Львович Радлов // История библиотеки в биографиях ее директоров. 1795–2005. СПб., 2006. С. 212–241; Рубан, Басаргина 2015. С. 7–40 ♦ Брокгауз; Бузескул 2008; СРНБ; РП.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 252; ОР РНБ. Ф. 626; СПбФ АРАН. Ф. Р.–V. Оп. 1–Р. № 34. Л. 2–5 (С. А. Жебелёв. Отзыв об ученых трудах Э. Л. Радлова); Л. 11–31 (С. А. Жебелёв. Эрнест Львович Радлов. Общий очерк его деятельности); Л. 34–43 (Н. И. Кареев. Памяти Э. Л. Радлова); Ф. 729. Оп. 1. № 15. Л. 80–98 (С. А. Жебелёв. Эрнест Львович Радлов: некролог).

Н. И. Николаев

РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович

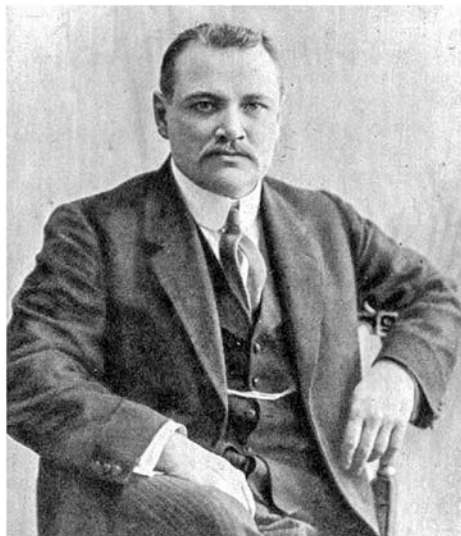
ROSTOV TZEFF (англо-фр.) /
ROSTOWZEW (нем.) /
ROSTOVCEV M.

[28.10(9.11).1870, Житомир —
20.10.1952, Нью-Хейвен, Коннектикут, США; кладб. Grove Street],
историк, археолог, историк искусства, эпиграфист и папиролог

Родился в семье директора Житомирской казенной гимназии, потомственного дворянина Ивана Яковлевича Ростовцева (об истории семьи см.: *Wes M. A.*

The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // *Historia*. 1988. Bd. 37. S. 207–221; Зюев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. С. 50–51). Отец, преподаватель лат. языка и филолог-классик по образованию, оказал большое влияние на выбор сыном жизненного пути. В 1888 Р. закончил 1-ю классич. гимназию в Киеве (с сер. медалью). В 1888–1890 обучался на ИФФ ун-та св. Владимира, в 1890–1892 — на ИФФ Петерб. ун-та. Учителями Р. в Киеве были: в обл. древней истории и классич. филологии — Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни, И. Э. (А.) Лециус, в обл. рус. истории и археологии — В. Б. Антонович; в Петерб. ун-те — И. В. Помяловский, В. К. Ернштедт, П. В. Никитин, а также Ф. Ф. Зелинский и Н. П. Кондаков; последним, которые были в значительной степени антиподами, Р., по собственному признанию, обязан особенно многим. Друзьями Р. по Петерб. ун-ту из числа студентов были Д. В. Айналов, С. А. Жебелев, Е. К. Редин, Я. И. Смирнов, Б. А. Тураев, Б. В. Фармаковский, Г. Ф. Церетели, А. Н. Щукарёв (кружок «фактополклонников»). По окончании курса оставлен при ун-те для подготовки к магист. экзаменам. В 1892–1895 преподает лат. и древнегреч. языки в Царскосельской Николаевской гимназии.

Уже в 1893 Р. на свои средства совершает первую поездку за границу — в Италию, где он желал непосредственно познакомиться с декоративной живописью Помпей. После сдачи магист. экзаменов был отправлен ун-том в длительную зарубежную командировку (1895–1898). Р. посещает Малую Азию, Грецию, Италию, Австрию, Испанию, Францию, Тунис, Алжир и Великобританию (об этих поездках см., напр.: Тихонов И. Л. Заграничные командировки 1893–1898 гг. М. И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор: археологические материалы к конференции в память академика М. И. Ростовцева.

Новочеркасск, 1989; Литвиненко Ю. Н., Спиченко Н. К. Первое африканское путешествие М. И. Ростовцева // ВДИ. 2002. № 4. С. 156–171). Молодой ученый работает в музеях, б-ках, посещает археол. объекты, собирая материалы для магист. и докт. дис., совершенствует свое знание англ., нем., франц. и итал. языков, устанавливает науч. контакты с рядом видных европ., прежде всего германск., антиковедов (М. Пру, Эд. Мейером, У. фон Виламовицем-Мёллендорфом, О. Гиршфельдом, У. Вилькеном и др.). В 1895–1896 Р. в течение неполного семестра обучается в Венском ун-те, занимаясь эпиграфикой у Е. Бормана (ученик Т. Моммзена) и археологией у О. Бенндорфа. Магист. дис.: **«История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)»** [защищена: Петерб. ун-т, 1899; опубл. на рус. и нем. языках: *Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit bis Diokletian*. Leipz., 1902 (= *Philologus*. Suppl. 9, 3]. Докт. дис.: **«Римские свинцовые тессеры»** (защищена: Петерб. ун-т, 1903; опубл. на рус. и, в переработанном виде, на нем. языке:

Römische Bleitesserae: Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit. Leipz., 1905). К дис. отдельно издано прил.: «Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloge» (СПб., 1903).

Служил на каф. классич. филологии Петерб. ун-та: прив.-доц. (1899–1903), экстр. проф. (1903–1908), орд. проф. (1908–1918). В 1911–1914 — декан ИФФ Петерб. ун-та. В 1898–1916 преподавал на ВЖК (прив.-доц., проф.). Чл.-корр. АН (1908), д. чл. по классич. филологии и археологии (1917; исключен в 1928; восстановлен посмертно в 1990). Состоял в РАО: чл.-сопр. (с 1894), д. чл. (с 1897), управляющий Классич. отделением (1916–1918), помощник предс. (1918). Д. чл. МАО (с 1912). Внештат. (с 1907) и д. (1912–1918) чл. Имп. Археол. комиссии. Чл.-корр. Имп. Германского археол. ин-та (1898), чл. Берлинской АН (1914), чл.-корр. Британской академии (1917).

Помимо науч. и преподавательской работы, вел полит. и общественную деятельность. Р. выступал в защиту основ классич. образования в российских гимназиях; часто печатался в крупных лит. ж. («ВЕ», «РМ», «Мир Божий»). По полит. воззрениям Р. — западник и либерал. В 1905 становится чл. кадетской партии; в 1917 входит в лит. комиссию, ведавшую партийной типографией. В годы Первой мировой войны Р. занимает патриотич. позиции. На книгу Эд. Мейера, в которой тот попытался обосновать притязания Германии на мировое господство, проводя параллели между нею и Римск. империей, Р. отвечает своей статьей «**Национальное и мировое государство**» (РМ. 1915. Кн. 10. С. 19–31), как бы переводя столкновение между Россией и Германией из сферы политики также и в сферу науки (см.: *Бонгард-Левин Г. М. Скифский роман, или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. Г. М. Бонгард-Левина и В. Е. Захарова. М., 2001. С. 296–297*). В Германии статья Р. вызвала отрицательный отклик. Конфликт с Эд. Мейером во многом

станет причиной того, почему Р., тесно связанный с нем. наукой и пользующийся большим авторитетом у нем. ученых, оказавшись в эмиграции, не попытается осесть в Германии. Во время войны Р. организует сборы средств для пострадавших от боевых действий — деятельность, за которую он в 1916 получил от франц. правительства орден Почетного легиона.

Февр. революцию Р. встречает настроенно и отказывается от предложения П. Н. Милюкова занять во Временном правительстве пост министра народного просвещения. Однако вскоре после выступления большевиков наряду с анархистами в июне 1917 Р. включается в полит. борьбу, выступая со статьями в поддержку Временного правительства. В это же время, находясь под влиянием текущих событий, Р. приступает к написанию серии очерков «Рождение Римской империи: сто лет гражданских войн» (опубл.: ВЕ. 1918. Вып. 1–4; и отд. изд.: Пг., 1918). Окт. революцию Р. не принимает и категорически отказывается от предложения сотрудничать с советским правительством, которое сделал ему двоюродный брат — А. В. Луначарский (1875–1933). В 1918 Р. добивается от РАН заграничной командировки и 30 июня покидает Петроград. Сначала работает в б-ках и музеях Швеции и Норвегии, затем отправляется в Оксфорд (1918–1920), где занимается исследовательской работой в колледже Corpus Christi; читает лекции в различных ун-тах Англии и Франции. Первоначально Р. рассматривает свой отъезд из России как временный и рассчитывает на возвращение в случае изменения полит. обстановки в стране. В Англии Р. горячо включается в общественную деятельность, публикует в британских и американских изданиях целый ряд полит. статей на рус. и англ. яз. (некоторые из них см. в изданиях: *Избранные публицистические статьи. 1906–1923. М., 2002; Политические статьи. СПб., 2002*). В 1919–1923 является предс. центральной

группы Комитета освобождения России (Russian Liberation Committee) в Лондоне. В статьях и выступлениях Р. жестко нападает на советскую власть; при этом сам он не занимает четкой полит. позиции, критикуя также партию кадетов, многих деятелей Белого движения и действия англ. правительства.

Р. так и не получил, как надеялся, кафедры в Оксфорде. Находясь в стесненном материальном положении, он, несмотря на свое нежелание покидать Европу, принимает предложение переехать в США, которые тогда располагались на периферии мирового антиковедения; страна была бедна б-ками и музеями с коллекциями антич. находок европ. уровня. По рекомендации У. Вестермана Р. становится проф. древней истории в Висконсинском ун-те (1920–1925). В первые годы жизни в США Р. продолжает заниматься полит. и общественной деятельностью: является одним из инициаторов создания Рус. ин-та и Рус. гимназии в Париже (1920), Центрального комитета по обеспечению высшего образования рус. юношеству за границей и Американского комитета для образования рус. молодежи в изгнании (1922), Семинария (1925; с 1931 — Археол. ин-та) им. Н. П. Кондакова в Праге. Однако постепенно Р. отходит от политики, сосредоточившись на преподавательской и науч. работе. В 1925 переходит в Йельский ун-т, где занимает место проф. древней истории. В 1935 Р. был избран президентом Американской ист. ассоциации (первый президент из ученых-эмигрантов); работает руководителем археол. исследований в Дура-Европос на Евфрате (1928–1937) и хранителем коллекции древнего искусства в Йельском ун-те (1939–1944).

Со второй пол. 1920-х Р. помогает рус. ученым-эмигрантам (напр., А. А. Васильеву, И. И. Бикерману и др.) переехать в США и получить работу в американских ун-тах; он оказывает подобную помощь

и европ. ученым, спасающимся от нацизма (Ф. Кюмон). Постоянно проживая в США, Р. регулярно путешествует по миру, часто ездит с науч. целями в Европу. Чтобы облегчить себе выезд за границу, в 1929 Р. и его жена получают американское гражданство. В 1939 Р. отходит от непосредственной преподавательской деятельности и получает в Йельском ун-те статус засл. проф. Тяжело переживает Р. начало Второй мировой войны, страдает от тоски по родине. В последние годы жизни Р. серьезно болен и уже не может продолжать науч. работу. Скончался в 1952 в Нью-Хейвене. Похоронен там же, на кладб. Йельского ун-та.

Жена — Софья Михайловна Ростовцева (урожд. Кульчицкая), в конце 1890-х была слушательницей ВЖК. Брак заключен в Петербурге в 1901 и продолжался до конца дней Р. Квартира Ростовцевых ([Большая] Морская ул., д. 34, кв. 10) стала одним из влиятельных очагов культурной жизни Петербурга начала XX в. Там бывали виднейшие представители рус. науки, искусства, литературы: писатели и поэты И. А. Бунин, А. И. Куприн, Л. Н. Андреев, Д. С. Мережковский, Ф. Сологуб, А. А. Блок, Вяч. И. Иванов, А. Белый, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус; художники Л. С. Бакст, К. А. Сомов, М. В. Нестеров, историк Н. И. Кареев, литературовед Н. А. Котляревский и др. (см., напр., мемуары: *Муромцева (Бунина) В. Н. Беседы с памятью* // ЛН. 1973. Т. 84, кн. 2. С. 193–194; *Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости*. М., 1966, *passim*).

Исследовательская деятельность Р. характеризуется чрезвычайной многогранностью и разносторонностью. Особое место в его науч. занятиях занимает изучение соц.-экон. истории эллинистич. государств и Римск. империи. Этим вопросам он посвятил магист. и докт. дис. Вершиной работы Р. в данной обл. являются два капитальных труда, написанных уже в эмиграции и изданных первоначально на англ. языке: «**The Social and Economic History of the Roman Empire**»

(Vol. 1–2. Oxford, 1926; далее — SEHRE) и «**The Social and Economic History of the Hellenistic World**» (3 vols. Oxford, 1941). Помимо них, необходимо назвать изданную на нем. языке монографию о римск. колонате, выросшую из доклада Р. на II Международном конгрессе историков в Берлине в 1908 (**Studien zur Geschichte des römischen Kolonates**. Leipz.; Berlin, 1910; краткий пересказ основного содержания этого труда на рус. языке Р. дал в статьях: Римский колонат // Совр. мир. 1911. № 1. С. 260–280; № 2. С. 143–159). Это исследование по сей день остается классич. работой по данной теме. Корни римск. колоната Р. находит в эллинистич. монархиях Востока, прежде всего Египта. По его мнению, царство Птолемеев вообще оказало чрезвычайно большое идеологич. и культурное воздействие на становление Римск. империи.

Соц.-экон. истории Египта эллинистич. и римск. эпох посвящены ряд статей и книга «A Large Estate in Egypt in the IIIrd Century B. C.» (Madison, 1922) (более подробно о занятиях Р. егип. сюжетами см.: *Хайнен Х.* Эллинистический Египет в трудах М. И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179; *Heinen H.* Das hellenistische Ägypten im Werk M. I. Rostovtzeffs // *Offenheit und Interesse: Studien zum 65. Geburtstag von Gerhard Wirth.* Amsterdam, 1993. S. 237–269; *Литвиненко Ю. Н.* Птолемеевский Египет Ростовцева // ВДИ. 1999. № 4. С. 180–188; *Michelotto P. G.* La riflessione storico-economica di M. I. Rostovtzeff: Il «caso» dell' Egitto ellenistico-romano. Milano, 1999).

Наряду с И. М. Гревсом и М. М. Хвостовым, Р. стоял у истоков т. н. соц.-экон. направления в рус. антиковедении. Известна полемика Р. с Гревсом по поводу использования текстов Горация и Петрония при создании истории римского сельского хозяйства и способов производства вообще (Cinnella. P. 195–205). Свои важнейшие принципы в исследовательской работе сам историк сформулировал след. образом: «...рассматривать социальные и экономические проблемы в их

историческом развитии, иначе говоря, в свете общего развития античного мира. <...> История — часть жизни, и каждое изучаемое явление историк должен зрительно представлять, т. е. оно должно представать перед ним как картина жизни, а не как теоретическая абстракция» (цит. по: *Бонгард-Левин Г. М.* Автобиографические материалы М. И. Ростовцева // Скифский роман. С. 46). Отсюда — установка Р. на тщательное изучение оригинальных источников, с особым упором на те из них, которые прямее всего отображают жизнь: надписи, папирусы, археол. материал. Р. настаивал на расширении источниковой базы ист. исследования. Он один из первых (не только в отеч., но и в мировой науке) наглядно показал возможности использования данных вспомогательных дисциплин (археологии, папирологии, сфрагистики, нумизматики и др.) для решения самых сложных ист. проблем: таково, в частности, значение папирусов для изучения экон. системы эллинизма, свинцовых пломб и тессер — для реконструкции римск. экон. жизни и быта и т. п. При этом Р. всегда признавал важность традиционной для антиковедения работы с текстами древн. авторов, к чему он был подготовлен с молодых ногтей. Принципиальными методологич. позициями Р. (в переплетении с позициями политическими) были признание необходимости познания прошлого через современность, постоянное сопоставление минувшего и настоящего и сознательный отказ от какой бы то ни было отстраненности ист. науки от современной жизни.

Отсюда становятся понятны причины ярко выраженной «модернизаторской» тенденции в подходе Р. к древней истории. Р. критикует «эволюционную» теорию экон. развития человечества К. Бюхера, который высказал мнение о натуральном характере антич. экономики, и примыкает к «циклической» теории, разработанной оппонентами последнего (К. Ю. Белухом, Р. Пельманом, Эд. Мейером). Вслед за

ними Р. признает относительную близость антич. и современной экон. систем, существование в древнем мире борьбы классов, феодальных отношений и капитализма, буржуазии и пролетариата (см. его теоретич. статью: Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // РМ. 1900. Т. 3. С. 195–217). Эллинистич. Египет, к примеру, он сравнивает с абсолютистской Францией XVIII в., хотя и предупреждает, что говорить о полной идентичности этих эпох не приходится; сходство есть лишь на типологич. уровне (Там же. С. 200–204). Более того: с точки зрения Р., ученый не сможет понять реалии изучаемой им эпохи, если современность не дает ему материала для сравнительного анализа (Там же. С. 211).

В SEHRE Р. развивает глубоко оригинальную концепцию причин гибели Римск. империи. Причины эти он видел в противостоянии между городскими центрами антич. цивилизации, составлявшими основу ее экон. жизни, и сельск. пролетариатом, который был объектом эксплуатации со стороны этих городов. В ходе кризиса III в. крестьянство, как основа армии, сумело при поддержке имп. власти одержать победу над городской буржуазией. Это привело к постепенному упадку городской жизни, а заодно и к падению антич. мира.

Эта теория Р. не встретила поддержки в антиковедческом сообществе и сразу подверглась критике (см., напр., откровенно недоброжелательную рец.: *Last H. M.* — *Journal of Roman Studies*. 1926. Vol. 16. P. 120–128). Большинство зап. ученых полагают, что на появление этой концепции повлияли обстоятельства собственной биографии Р. — личный опыт пережитых революционных потрясений в 1917 и вынужденная эмиграция, а книга в целом представляет собой своеобразный ответ Р. на события рус. революции (*Welles C. B.* М. I. Rostovtzeff // *Architects and Craftsmen in History: Festschrift für A. P. Usher*. Tübingen, 1956. P. 67; *Dow S.* «The Social and Economic History of the Roman Empire»: Rostovtzeff's Classic after Thirty-Three Years // *AHR*. 1960. Vol. 65.

P. 544–553; *Bowersock G. W.* «The Social and Economic History of the Roman Empire» by Michael Ivanovich Rostovtzeff // *Daedalus*. 1974. Vol. 103. P. 1–18).

Другая сфера науч. изысканий Р. — антич. история Юга России. Интерес к причерноморским древностям, по видимому, сформировался у Р. еще в период ученья в Киевск. ун-те, первые его работы на эти темы появляются в конце 1890-х. Р. усиленно занимается исследованиями архитектуры и изобразительного искусства Сев. Причерноморья [фундаментальный труд «**Античная декоративная живопись на юге России**» (СПб., 1913–1914. Т. 1: Текст. Описание и исследование памятников + Атлас. Табл. I–CXII)], полит. и соц.-экон. историей отдельных греч. полисов (Ольвии, Херсонеса Таврического), скифских и сарматских племен, но прежде всего — Боспорского царства. Р. была разработана и обоснована концепция истории Боспора как монархии эллинистич. типа (о боспорских штудиях Р. подробнее см.: *Сапрыкин С. Ю.* Академик М. И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // *ВДИ*. 1995. № 1. С. 201–210). Наиболее крупными работами Р. по истории Сев. Причерноморья, которые подвели определенный итог его изысканиям в данной обл., стали несколько книг: «**Эллиństwo и иранство на юге России**» (Пг., 1918), «**Iranians and Greeks in South Russia**» (Oxford, 1922), «**Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических)**» (Л., 1925). В этих и др. своих трудах Р. тщательно анализирует проблемы взаимоотношений антич. государств с миром варварских племен, отстаивает мнение об оригинальном характере и о высоком уровне скифской и сарматской (в целом — «иранской») культуры, иногда преувеличивая ее достижения (см.: Бузескул 2008. С. 270–271), наконец — о плодотворности контактов греков со

скифо-сарматским населением Сев. Причерноморья. Покинув Россию, Р. лишился непосредственного доступа к памятникам, надписям и новейшим материалам археол. раскопок; во многом по этой причине в период эмиграции причерноморские сюжеты ушли в его науч. работе на второй план. Тем не менее коллеги в Советской России сознавали ценность этого произведения для изучения Сев. Причерноморья и способствовали его переводу также и на нем. язык: «**Skythien und der Bosporus: Kritische über der schriftlichen und archäologischen Quellen**» (Berlin, 1931) — в создании этого перевода есть заслуга С. А. Жебелёва и Е. М. Придики. Много десятилетий спустя была обнаружена и опубликована не попавшая в издание 1931 г. часть рукописи: «**Skythien und der Bosporus. Bd. 2: Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes**» [Stuttgart, 1993 (= *Historia Einzelschriften. Bd. 83*); об истории этой публикации см.: *Heinen H. Ibid. S. 1–21*].

Еще в юности, во время первой его поездки в Италию, на Р. произвели неизгладимое впечатление раскопки Помпей. Впоследствии он продолжал внимательно следить за новыми археол. находками как в Помпеях, так и в самом Риме и в бывших римск. провинциях. Во время своих зарубежных путешествий Р. неустанно изучал памятники антич. архитектуры и изобразительного искусства. Плодами этих изысканий были рец., статьи, популярные брошюры «**Римский дом**» (СПб., 1902), «**Древний город Рим**» (СПб., 1910) и монография «**Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж**» (СПб., 1908; о вкладе Р. в изучение археол. памятников Италии и Юж. России см. подробнее: *Тункина И. В. М. И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua: вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 231–262*).

Много сил и времени Р. всегда отдавал пед. деятельности — преподаванию древней истории, которое включало в себя как чтение лекций, так и ведение семинарских занятий, а также индивидуальную работу со студентами. В Петерб. ун-те и на ВЖК он в разное время читал курсы по истории древнего Рима, антич. археологии и истории эллинизма. При этом почти каждый год вносил изменения в текст своих лекций, чтобы учесть новейшие достижения ист. науки (один из вариантов был впоследствии опублик.: Лекции по истории Рима: курсы, читанные в 1899–1900 и 1900–1901 гг. СПб., 1910–1911). О стиле преподавания Р. дают представление воспоминания некоторых его учеников и учениц: Н. П. Анциферова, А. Ф. Керенского, М. Е. Сергеенко, Л. Д. Менделеевой (Блок), Е. Ю. Мельниковой и др.

Как пишет Н. П. Анциферов, «...Михаил Иванович начинал медленно, глухим голосом, но постепенно темп ускорялся, а к середине лекции Ростовцев гремел на всю аудиторию так, что я предпочитал сидеть в задних рядах. <...> Он пылал гневом, повествуя о ненавистном ему Августе Октавиане, умном, трезвом, расчетливом, холодном, совершенно беспринципном молодом человеке — “революционере” в юности, превратившемся в консерватора и ханжу. Ростовцев употреблял бранные слова, стучал кулаками — это был не ученый на кафедре, а политический оратор на трибуне. Несмотря на этот “гнев” и “пристрастие”, Михаил Иванович оставался историком-реалистом. <...> Иным становился Ростовцев на занятиях в семинариях. Сосредоточенный, спокойный, он вел их тихим голосом. Он надевал очки, и они меняли его облик. Казалось, еще пристальнее всматривался он в ткань Клио, словно перед ним стоял микроскоп. <...> Может быть, я не прав, но мне кажется, что в мои студенческие годы не было ни одного профессора на нашем факультете, который мог сравниться с Ростовцевым в умении научить студентов научно работать над первоисточниками» (Анциферов. С. 161–162).

Эти черты преподавательской манеры Р. проявились также и в его науч. трудах. Все крупные работы Р. на различных языках отличаются стремлением к предельной ясности, умением кратко, емко и красочно излагать свои мысли и доступностью изложения не только для узкого круга профессионалов, но для любого образованного читателя.

Р. проявил себя и как талантливый организатор науки. В летние сезоны 1911–1913 он координирует археол. раскопки в Херсонесе и Керчи. Весной 1913 Р. избирают главой Международного координационного комитета по организации IV Международного конгресса историков, который должен был пройти в Санкт-Петербурге в 1918, но не состоялся из-за Первой мировой войны и революционных событий. В 1909 Р. вместе с Б. В. Фармаковским и С. А. Жебелёвым участвовал в составлении проекта создания Рус. археол. ин-та в Афинах (не реализован).

Р. по праву должен быть признан одним из создателей российской школы папирологии: в 1914 он совместно с Г. Ф. Церетели основывает в Петербурге папирологич. семинар. Об этих штудиях Р. см.: Павловская А. И. О роли М. И. Ростовцева в развитии папирологических исследований в России // ВДИ. 1997. № 1. С. 169–183; Capasso M. Rostovtzeff e la papirologia // Rostovtzeff e l'Italia. P. 369–418). В мае 1914 Р. вместе с Б. А. Тураевым предлагает организовать российскую науч. экспедицию в Египет с целью приобретения папирусов, но начало Первой мировой войны сорвало и эти планы.

Деятельно участвует Р. в издании и редактировании переводов на рус. язык трудов зап. антиковедов, таких как «Очерк римской истории и источниковедения» Б. Низе (СПб., ³1910), «История античного коммунизма и социализма» Р. Пёльмана (СПб., 1910), «Эллинистическо-римская культура» Ф. Баумгартена, Ф. Поланда и Р. Вагнера (СПб., 1914).

Оказавшись в эмиграции, Р. руководит экспедицией Йельского ун-та на территории будущего Ирака (см.: Мэттесон С. Б. М. И. Ростовцев и Дура-Европос // ВДИ. 1992. № 4. С. 130–139). Р. оказал огромное влияние на развитие американского антиковедения, подготовив большое количество учеников — известных историков античности, папирологов, археологов, эпиграфистов (Л. Ричардсон, Ч. Б. Уэллс и др.).

В зап. науке выдающийся вклад Р. в развитие науки об античности признан давно и повсеместно (см., напр.: Андрю Ж. Влияние М. И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // ВДИ. 1991. № 3. С. 166–176; с подробной библиографией). В то же время нельзя не отметить, что известность Р. на Западе базируется, гл. обр., на его поздних англоязычных работах, написанных и изданных уже в эмиграции. До революции Р. регулярно публиковался за границей, чаще всего в Германии и на нем. языке, но значительная часть его трудов этого периода написаны по-русски и поэтому знакомы европ. и американским исследователям несравненно меньше. Пожалуй, только в этом смысле прав А. Момильяно, заметивший, что «изгнание сделало Ростовцева тем великим человеком, каким он являлся» (Momigliano A. M. I. Rostovtzeff // Momigliano A. Studies in Historiography. London, 1966. P. 92): эмиграция в США заставила Р. выбрать англ. в качестве гл. языка своих исследований, что сделало его идеи лучше известными мировому антиковедческому сообществу. Дореволюционный период науч. творчества Р. часто недооценивается зап. авторами; игнорируется тот факт, что Р. оказался в изгнании не только вполне сложившимся, но и получившим международное признание ученым.

В СССР Р. офиц. считался «белоэмигрантом», поэтому его имя либо (чаще всего) замалчивалось, либо упоминалось с осуждением. Труды Р. рассматривались

в общем контексте российской «буржуазной» историографии. Несмотря на это, некоторые идеи Р. оказали сильное воздействие на последующее развитие советской науки об античности (см.: Фролов 2006. С. 378–379). Отношение к Р. коренным образом меняется лишь в конце 1980-х. С этого времени в СССР и позднее в России начинается пристальное изучение творческого наследия ученого, издаются ранее неизвестные его работы и публикуются богатые биогр. материалы из различных архивов.

Библиография: Welles C. B. Bibliography: M. Rostovtzeff // *Historia*. 1956. Bd. 5. S. 358–281; Gilliam J. F. Addenda to the Bibliography of M. I. Rostovtzeff // *Historia*. 1987. Bd. 36. S. 1–8; Andreau J. Bibliographie des œuvres de Rostovtzeff // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale de l'Empire romain. Paris, 1988. P. 645–675; Idem. Bibliographie des œuvres de Rostovtzeff // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale du monde hellénistique. Paris, 1989. P. 1273–1303; Воронков (только работы, опубл. в России); Зуев В. Ю. Тематическая библиография работ академика М. И. Ростовцева, связанных с изучением юга России // СКΥΘΙΚΑ: избранные работы академика М. И. Ростовцева. СПб., 1993. С. 9–11; Зуев В. Ю. Материалы к биобиблиографии М. И. Ростовцева // Скифский роман. С. 200–221 (работы Р.), 221–226 (о нем).

Литература: Вернадский Г. В. М. И. Ростовцев (К шестидесятилетию его) // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1931. Т. 4. С. 239–244; Скифский роман. М., 1997 [см. рец. И. В. Кулиной, А. Н. Васильева в сб.: Древний мир и мы. Вып. 3. С. 363–376]; Парфянский выстрел / под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003; Крих С. Б. Упадок древнего мира в творчестве М. И. Ростовцева. Омск, 2006; Wes M. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990 (= *Historia Einzelschriften*. Bd. 65) [см. рец. К. А. Аветисян, К. О. Битюкова: ВДИ. 1994. № 3. С. 246–249]; Préaux C. Michel Rostovtzeff // *CE*. 1954. Т. 29. P. 183–190; Rostovtzeff e l'Italia / ed. A. Marccone. Napoli, 1999; Cinnella. P. 133–170, 171–245; Тыжов А. Я. Михаил Иванович Ростовцев // *Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи*. Т. 1. СПб., 2000. С. 5–12 ♦ СИЭ; Фролов Э. Д. Михаил Иванович Ростовцев //

Портреты историков. Т. 2. С. 28–40; Бузескул 2008. С. 269–272, 275–276, 289–292, 297; Клейн 2014. С. 614–642; Тункина 2017; DNP. Suppl. 1. Bd. 6. S. 1083–1084.

Архивы: РГИА. Ф. 1041; СПбФ АРАН. Ф. 1054 (личный ф.). Оп. 1–2. 1849–1918. 161 д.; Ф. 2. Оп. 17. Д. 134 (об избрании орд. акад. М. И. Ростовцева); Ф. 729. Оп. 2. Д. 109 (письма к С. А. Жебелёву). 134 л.; Ф. 116. Оп. 2. Д. 316 (письма к Ф. И. Успенскому). 17 л.; Ф. 800. Оп. 3. Д. 807 (письма к Н. Я. Марру). 13 л.; Ф. 733. Оп. 2. Д. 182 (письма к В. К. Ернштедту); Ф. 36. Оп. 1. Д. 235. Л. 1–1 об.; Ф. 115. Оп. 4. Д. 364 (1 письмо, 14 открыток, 1 визитная карточка, 1 записка к Н. П. Кондакову за 1903–1919). 17 л.; Ф. 110. Оп. 2. Д. 50 (письма к В. В. Латышеву). 4 л.; Ф. 825. Оп. 2. Д. 188 (письма к В. П. Бузескулу). 11 л.; Ф. 779. Оп. 2. Д. 362 (письма к П. К. Коковцеву). 4 л.; Ф. 134. Оп. 3. Д. 1312. (письма к А. А. Шахматову). 5 л., и др.; Р. Х. Оп. 1–Р. Д. 104 а (фото Р. с женой, вероятно, вскоре после свадьбы); Р. Х. Оп. 2. Д. 95 (3 групповых фото проф. ИФФ ПУ: 1910-е гг., 1913, 1914); Ф. 192. Оп. 3. Д. 203. Негатив № 1533 (портрет Р. — фрагмент кол. снимка проф. 1914 г.); Ф. 115. Оп. 5. Д. 89. Л. 1 (групповой снимок 1895; Р., Б. В. Фармаковский, Е. М. Придик у подножия стен крепости Филе в Аттике; съёмка Я. И. Смирнова); Ф. 729. Оп. 1. Д. 86. Л. 5 (1895; кол. снимок ученых Римск. отделения Германского археол. ин-та, среди которых Р. и Я. И. Смирнов); Ф. 115. Оп. 4. Д. 364. Л. 16 (фото 1903; Р. с неустановленным лицом в Крыму); Ф. 115. Оп. 5. Д. 95. Л. 1 (фото 1906; Р. с Н. А. Браиловским и неустановленным лицом на Капитолийском холме в Риме); Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 20 (фото 1910-х; Р., спящий на большом валуне — на берегу Финского залива?); Ф. 729. Оп. 1. Д. 88. № 7, 16, 26, 32, 33, 71 (серия снимков о поездке на пароходе из Одессы и пребывание в Греции делегатов I Международного археол. конгресса в Афинах. Март–апрель 1905); Ф. 729. Оп. 1. Д. 88. № 9 (Р. на борту парохода «Цесаревич», 1905); № 3 (Р. с В. К. Мальмбергом); № 4 (Р. с С. А. Жебелёвым); Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 2 (Р. в Риме в 1926); Р. Х. Оп. 1–Р. Д. 104. Негатив № 303 (снято, вероятно, в Нью-Хейвене); Ф. 729. Оп. 1. Д. 91. Л. 5 (портрет с А. А. Васильевым; Нью-Хейвен?); Ф. 7. Оп. 1. Д. 146. Л. 38 (список д. чл. АН, где Р. числился до 1925).

Подробное описание американских и европ. архивов с материалами о Р. см. в кн.: Скифский роман. С. 35–39.

В. К. Хрусталёв

РУДАКОВ Василий Егорович

RUDAKOV V. E.

[26.4(6.5).1864, Архангельск —
26.6(9.7).1913, Петербург;
близ Литераторских мостков
Волковского кладб.], *историк,
переводчик, журналист*

Из семьи старшего межевщика, выходца из духовного сословия. Учился в Петрозаводском уездном уч-ще и Олонецкой гимназии (1875–1883). После окончания ист. отделения Петерб. ИФИ (1888) преподавал «по найму» лат. язык в Петерб. 1-й гимназии (1889–1891) и рус. в (соседней) женской гимназии Е. М. Гедда (1890–1894). С 1894, оставив пед. службу, жил лит. заработками и частными уроками; одновременно посещал лекции в Петерб. Археол. ин-те, директор которого И. Е. Андреевский оценил лит. способности Р. и привлек его к работе над «Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона» (статьи на археол. темы). Как науч. журналист Р. сотрудничал во многих журналах и газетах: «ИВ», «Новое время», «Наблюдатель», «РВ», «Русская жизнь», «СПбВед». С 1896 служил в деп. герольдии Сената: помощник архивариуса (1899), архивариус (1901), занимал должность директора правления Петерб. благотворительного тюремного комитета (был приобщен к этой деятельности в 1906 адвокатом К. Ф. Хартулари). Секр. Рус. библиолог. общ-ва.

На старших курсах Р. под впечатлением от лекций проф. Е. Е. Замысловского и В. Г. Васильевского специализировался по истории и написал в семинаре Ф. Ф. Соколова сочинение «Два Пруссия вифинских», которое не было напечатано, но заслужило похвалу за полноту в разборе свидетельств (ЖМНП. 1886. Июль. С. 36). С гимназич.

лет склонный к лит. занятиям, он охотно занимался словесностью (особенно в семинаре И. Н. Жданова, брата С. Н. Жданова, которые, как и сам Р., происходили с рус. Севера) и древними языками (Глинский Б. Б. Памяти В. Е. Рудакова // ИВ. 1913. № 8. С. 582). Типичная для выпускника Петерб. ИФИ пед. карьера у Р. не сложилась, по одному глухому упоминанию, из-за каких-то «неприятностей с одним из окружных инспекторов» (Там же. С. 583). Зато за свое гимназич. пятилетие Р. напечатал несколько коммент. переводов школьных лат. авторов: Цицерона — «Речь за Росция Америнца» (СПб., 1892), «Дело Верреса: IV речь II сессии» (СПб., 1892), «Дело Верреса: V речь II сессии» (СПб., 1893); Саллюстия — «О заговоре Катилины» (СПб., 1892), «О Югуртинской войне» (СПб., 1893). С добавлением впервые опубликованных в рус. переводе «Отрывков» вскоре вышло «**Полное собрание сочинений Г. Саллюстия Криспа**» (СПб., 1894). Р. принадлежит помимо этого след. публикации: «**Овидий Назон. Письма с Понта**» (СПб., 1893) и «**Г. Ю. Цезарь.**

Записки о Галльской войне» (СПб., 1893; 21900).

Образец перевода Р. (из гл. LVII «О заговоре Катилины»): «Я хорошо знаю, войны, что слова не прибавляют храбрости и что речь полководца не превращает вялое войско в деятельное, и трусливое в отважное. Какую обладает кто отвагою, будет ли она врожденной или создавшейся привычкой, с такой обыкновенно он и является на войну. Если кого не побуждает страсть к славе или опасности, того напрасно увещевать: страх ему мешает слушать».

Назначением своих переводов называл «предоставление пособий при чтении школьниками автора в подлиннике» и знакомство с произведениями выдающихся историков «всех, кому не доступен подлинник» (см. Введение к «Полному собранию сочинений Г. Саллюстия Криспа»), потому старался переводить лит. языком и по возможности близко к тексту; опирался на науч. издания текстов и нем. переводы, во вводных очерках и несколько многословном комментарии использовал и отеч. пособия по истории римск. литературы и римск. древностям. Хотя комментарий к переводам носил преимущ. реальный характер, Р. касался в нем и некоторых филол. вопросов: толкуя, напр., *sed ego adulescentulus* как «будучи юношей», подробно останавливался на семантике «возрастного» лексического ряда — *puer, iuvenis, vir*. И. Тихомиров (Гимназия. 1894. № 1. С. 73) оценивал выполненные Р. переводы Цицерона как «очень близкие к подлиннику, что, впрочем, нисколько не помешало правильности и чистоте русского языка».

Печатал Р. и учеб. пособия по др. предметам, напр. «**Подробный повторительный курс географии Российской империи»** (СПб., 1892). Когда владевшая им тяга к лит. труду была подержана Андреевским, Р. быстро сформировался в бойкого науч. журналиста

(публиковался чаще под криптонимами: В.Е.Р., В.Р., Д-ов, Р., Р.Д.К., Р-в и др.). За два десятилетия он напечатал сотни заметок на разные темы, в т. ч. по проблеме преподавания гуманитарных дисциплин в российских гимназиях и по истории образования в России. При неизбежной для журналиста жанровой всеядности — от рец. до биогр. очерка в сб. «**Генералиссимус кн. А. В. Суворов в анекдотах и рассказах современников»** (СПб., 1899) — всегда придерживался просветительской ориентации.

Многие материалы Р. готовил по собственному почину, посещая за свой счет представительные археол. съезды: «Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире» (СПб., 1906), «XIV Археологический съезд и тысячелетие г. Чернигова» (ИВ. 1908. № 10), «XV Археологический съезд в г. Новгороде» (Там же. 1911. № 9). Как сотрудник архива ввел в науч. оборот немало новых сведений, напр., уточнил родословную Белинского для биогр. очерка «Великий русский критик В. Г. Белинский» (СПб., 1910), выпущенного в «Дешевой библиотеке» Суворина.

Увлеченный библиофил, Р. охотно занимался составлением разного рода указателей и каталогов, в т. ч. «хронологических» списков трудов И. Е. Андреевского (СПб., 1892) и Н. П. Барсукова (СПб., 1909) или указателя статей ж. «ИВ» за 1905–1911 (Пг., 1915; совместно с Т. А. Мартемьяновым). Знавшие его журналисты вспоминали Р. как «тихого, симпатичного и трудоспособного» книгогочя с неустроенным бытом (поздняя женитьба не отменила его пристрастия к холостяцкому образу жизни).

Литература: Брокгауз; Воронков; Латышев; Памят. книжки Петерб. ИФИ 1892, 1898, 1902, 1912.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 1526).

В. П. Смышляева

РУМЯНЦЕВ / РУМЯНЦОВ Николай Петрович, гр.

RUMJANCEV / ROUMIANTSOV /
ROUMJANZOFF /
ROMANZOFF N. P., comte

[3(14).4.1754, Петербург —
3(15).1.1826, там же; похоронен
в Петропавловском соборе
г. Гомель], *гос. канцлер, меценат,
собиратель книг и рукописей*

Дед Р. выдвинулся при Петре Первом; семья вскоре породнилась со старой знатью. Отец, П. А. Румянцев (после успехов в войне с турками Румянцев-Задунайский), стал фельдмаршалом, а после мира в Або (ныне Турку) получил титул графа. Мать — Ек. Мих. Р., урожд. Голицына, гофмейстерина при молодом дворе, отличалась необыкновенной распорядительностью, что пригодилось ее сыновьям, когда отец отдалился от семьи. Учителями Р. были французы и немецко-офицер, учившие его верховой езде, танцам, фехтованию и географии с историей. Р. рано был представлен при дворе, и Екатерина попросила *Solon d'Allemagne*, как она величала Фр. Мельхиора Гримма (1723–1807), опекать Р. и его брата в пору их путешествия по Зап. Европе. В течение года Р. занимался в Лейденском ун-те, побывал — в сопровождении Гримма — в Италии, познакомился с культурными учреждениями, будь то монаршими или восходящими к могущественным вельможам; посетил и Вольтера.

Позже, представляя Россию в ряде германских княжеств, Р. многие годы (1779–1796) жил во Франкфурте-на-Майне. Если оба брака вел. кн. Павла Петровича связаны с участием родителей Р., то выбор невесты для вел. кн. Александра Павловича был поручен ему. Р. посетил как Фридриха Великого, так и Иосифа II; внимание его, впрочем, приковано было прежде всего к Франции.

После Франц. революции он сочувствует мытарствам эмигрантов. При Павле Р. был в 1798 удален от двора с поручением управлять водными коммуникациями. Между тем, став после 1796 наследником отца-фельдмаршала, Р. все решительнее начинал крупные культурные предприятия, о которых, видно, давно мечтал: так, он поддерживает Благородный ин-т в Одессе, впоследствии Ришельевский лицей. В 1808 Александр I назначает его министром иностр. дел. Оценив образованность Р., Наполеон способствует его успехам в приобретении книг и ученых материалов, обеспечив связь Р. с *Bibliothèque Royale* в Париже. С 1809 Р. — гос. канцлер, а с 1811 ему разрешено осуществить его давнишнее намерение и образовать при архиве МИД комиссию по изданию трактатов и договоров России с иностр. государствами; расходы он берет на себя, все более вживаясь в роль «кассира российской словесности». После вторжения Наполеона в Россию, чему Р. долго не мог поверить, с ним случается паралич, который сильно ограничил его слух на всю оставшуюся жизнь, — теперь

ради общения с Р. приходилось прибегать к переписке или к помощи аспидной доски. Гос. деятельность Р. на разных постах все чаще наталкивалась на неодобрение, включая его роль предс. Гос. совета (с 1810), где все большее значение стал приобретать А. А. Аракчеев. В 1813 Р. был против того, чтобы идти на Париж; хотя часть боевых рус. офицеров держалась того же взгляда, это не спасло Р. от подозрений в сочувствии Наполеону.

В 1814 Р. выходит в отставку с пожизненным званием Гос. канцлера империи. Не отказываясь от жалованья, сановник передает его в пользу ветеранов. Теперь Р. всецело действует как организатор культурных предприятий в разных частях страны, будь то благоустройство бывшего в его частном владении Гомеля (постройки, парки, мосты, общественные здания и проч.) или кругосветная экспедиция под водительством О. фон Коцебу на корабле «Рюрик», одним из достижений которой стало, среди прочего, открытие архипелага, получившего имя Румянцева. Центром всей этой трудно обозримой деятельности со временем стала организация исследований по отеч. истории и энергичное отыскание необходимых для этого рукописей, карт, монет, книг и проч. — всего того, что впоследствии выросло в *Румянцевский музей*.

Постепенно вокруг Р. образуется т. н. *румянцевский кружок*, или «ученая дружина» — в большой степени прообраз будущей (с 1834) Археогр. комиссии — с главным советником и помощником при создании этого незримого колледжа, византинистом и нумизматом акад. Ф. И. Кругом. Главный упор канцлер делает безусловно на русскую историю, подбирая авторитетных знатоков по Сев. и Центральной Европе, по Средней Азии и Дальнему Востоку. Собираются и обследуются многочисленные и разнообразные источники, разрабатываемые в русле вспомогательных ист. дисциплин (*Geschichtsforschung*) — отсюда понятно,

что Карамзин, с которым у «дружины» случались отд. соприкосновения, был для нее скорее художником (*Geschichtsmaler*). В кружке Румянцева выявляются и добываются источники по истории России (рукописи или копии) и вызревает аналитич. подход, разрабатываемый представителями еще молодых неофилологий на основании приемов филологии классической — многосоставного научного целого, развивавшегося с античности до Новейшего времени.

Умный, волевой и — уж конечно — дипломатичный Р., не являясь профессиональным ученым, равно умел ценить и трезво оценивать ученую среду. Он умел различать богатство и надежность знаний, исследовательский талант, выдержку в науч. труде и человеческие свойства ученых, какие важны для успеха, особенно в общем деле. При этом Р. сознавал, что, несмотря на множество преимуществ своего воспитания и опыта, сам он не имеет той школы, какую прошли выдающиеся представители науч. дисциплин — такие, как Х. Д. Френ (1782–1851), основатель Азиатского музея в Санкт-Петербурге (1818), на которого Р. стал полагаться в области Востока и вост. нумизматики, А. Х. Востоков и др. Это сознание собственных границ при наличии высоких умственных запросов, сильном желании двинуть вперед изучение отеч. истории, а еще в присутствии условий и средств, в которых нуждается науч. деятельность, давало канцлеру преимущество перед любым, кто не имел столь же весомого положения в обществе.

Характерны в этом смысле занятия нумизматикой, к которой Р. и сам относился с азартом, не забывая, что именно поэтому нуждается в добром совете. Это приводило его прежде всего к Ф. И. Кругу, занимавшемуся визант. и рус. монетами; Р. правильно понял, что может доверять и его учености, и знанию людей, о чем монументально свидетельствует их переписка (Румянцев 2016). Хотя

с антич. греч. материалом Р. соприкасался мало, значение греч. древностей как для Византии, так и для Руси было ему понятно — немудрено, что в организации занятий русским прошлым именно византинист становится основным советником канцлера. И престиж антич. нумизматики, и свежие антич. находки в новоприобретенных южных областях империи (Тункина 2002) усилили у Р. интерес к антич. монетам, насчет которых он через посредничество Круга нередко обращался к Е. Е. Кёлеру.

Поездка Р. на Кавказ и в Крым ради здоровья принесла с собой увеличение его коллекции антич. монет. В 1823 он показывал свои приобретения И. П. Бларамбергу и И. А. Стемповскому (Румянцев 2016. С. 386), а восхитившую их сер. дидрахму «царя Спартока» (остается спорным, которого) признал и Кёлер, испросивший у Р. право написать об этом небольшую монографию (Там же. С. 382, 389; письмо от 15 авг. 1823. № 197), которая и была напечатана на средства Р. (*Koehler H. K. E. Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore Cimmérien du cabinet de Mr. Le Chancelier de l'empire Comte de Romanzoff... // Serapis. СПб., 1824. Т. 2. Р. 45–70; Idem. Gesammelte Schriften. Bd. 2. SPb., 1850. S. 45–70; ср.: Дюбрюкс. Т. 1. С. 49 и след.; Т. 2. С. 41, рис. 100; ныне в ГАРФ). О монетах, составивших 1 отд. Нумизматич. кабинета гр. Н. П. Румянцева, см.: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912: ист. очерк. М., 1913. С. 42–43; *Гёрс К. К. Нумизматический кабинет гр. Н. П. Румянцева // Сб. материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882. С. 77–85. Каталог греч. монет канцлера, имевшийся в Нумизматическом отд. Московского Публичного музея, составлен был, по догадке Гёрца, в 1828 г. (Румянцев 2016. С. 406). Всего в коллекции Р. числилось более 500 антич. монет.**

Впрочем, для румянцевского кружка было еще характернее, что с помощью своих корреспондентов Р. разыскивает, а затем приобретает или копирует все то, чего ученым недостает в б-ках и архивах.

Такое соби́рание источников по истории России на различных языках сопрягалось с (нередко) первым их обследованием, изданием и переводом на рус. или лат. яз.; подготовленные сотрудниками Р. издания заботливо распространялись среди своих и причастных делу иностр. ученых. Конечно, знание классич. языков, особенно латыни, в ученом сословии предполагалось и нередко шло в ход, но сосредоточенность на отеч. истории у Р. и его друзей была такова, что среди приобретенных рукописей и снятых копий антич. авторы представлены в румянцевском собрании чуть ли не единственный раз: сочинениями Саллюстия в пергаменной рукописи XIV–XV вв. В перспективе XVIII в. такое равнодушие к антич. авторам — любопытная черта.

Что касается историков, писавших по-гречески в визант. время, то здесь наиболее увлекательный эпизод — заочное знакомство Р. и Ф. И. Круга с известным знатоком классич. и вост. языков, хранителем рукописей Королевской б-ки в Париже Карлом Бенедиктом, или Шарлем Бенуа, Газе (1780–1864). По заказу графа Газе вел работу над изданием Льва Диакона, визант. историка X в.: «*Leonis Diaconi Caloensis Historia scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes, e Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit C. V. Hase*» (Paris., 1819; к изд. 1828 Газе приложил и свой лат. перевод). Одновременно с подготовкой ed. princ. в Париже под эгидой Р. сотруднику А. Н. Оленина по ИПБ Д. П. Попову был поручен рус. перевод этой книги (История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей <...>, переведенные на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820).

Кроме интересного для рус. истории Льва Диакона в это издание были включены «фрагменты Газе» — три большие греч. отрывка, повествующие о любопытных для истории Древней Руси деталях, которые

со временем получили у исследователей название «Записки Готского топарха». Несколько десятилетий спустя вокруг подлинности этих дополнений Газе к его ed. princ. (р. 254–259) разразилась и около полутора столетий продолжалась ожесточенная полемика. Этому способствовало то обстоятельство, что источник «фрагментов Газе» вскоре пропал, что, правда, не было редкостью в пору возвращения захваченных наполеоновскими войсками отовсюду культурных ценностей. Контроверза о подлинности «Готского топарха» представлялась уже неразрешимой: текст ставил исследователей перед труднейшими вопросами, что, как известно, может говорить и против подлинности, и за нее; амбивалентны и сходства отрезков опубликованного Газе текста с аутентичными пассажами из греч. авторов. Критич. версия возобладала после того, как И. Шевченко энергично изложил историю сомнений в подлинности фрагментов (*Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 115–188*), а И. П. Медведев [Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // ВВ. 2007. № 66 (91) С. 307–323] обнаружил, что пущенное в оборот тем же Газе письмо некоего Максима Катилианоса (отдельно от Льва Диакона), хоть и не отыскивается по неясному указанию Газе, сохранилось среди бумаг А. Н. Оленина в виде текста, переписанного рукой Газе (ОР РНБ. Ф. 542. № 73. Л. 1). Увидев найденный И. Медведевым текст Газе–Оленина, И. Шевченко отыскал во Франц. национальной б-ке прямой его источник: «Oratio gratiosa Иоанна Евгеника, брата поборника православия Марка Евгеника», в рукописи Parisinus Graecus 2075 (f. 244–282). Газе, таким образом, выдумал Максима Катилианоса и выдал текст речи середины XV в. за много более ранний. Несомненный подлог применительно к этому тексту решает спор о «Записке Готского топарха» — искусная подделка Газе предпринята циничным эрудитом по расчету: он продавал канцлеру то, что великодушный Р. ставил не вровень с деньгами, а выше их. Изучение переписки и дневников Газе (эту работу вели и Шевченко, и Медведев) еще не решало вопроса о подлоге, но в целом готовило такое решение.

В целом приходится признать, что и Р., и Круг, оба трезвые и осмотрительные в отношениях с людьми, к такому случаю, как Газе — европейски признанный эрудит, служащий в одном из культурных ин-тов мирового значения, — оказались не готовы. То, что Р. не понял Газе, скорее делает честь канцлеру; даже когда Круг и Р. начинали чувствовать некоторое сомнение в характере Газе, его ученая слава вновь возвращала им уважение к нему, а мысль о подделке и вовсе не приходила в голову (Румянцев 2016. С. 96, 135 и др.). Между тем за многие тысячи царских рублей Р. вместе с Кругом заслужили у Газе лишь прозвание «messieurs Pétropolitains», сам же он остался весьма доволен собой. Пселла, за издание которого Р. заплатил вперед, Газе после смерти графа завершать не стал; не дошло дело ни до Амартола, ни, тем более, до сборника визант. источников о России, о чем возмечтал было Р. (Там же. С. 247, 257).

В поисках материалов по истории Причерноморья как части средиземноморской культуры Р. столкнулся с задачами, при решении которых нецелесообразно геогр. и топографич. документы; услышав, что применительно к Тавриде таковые имеются в коллекциях Медичи, Р. позаботился, чтобы «карты эти (числом 15) были отысканы во Флоренции. С них сняты копии, в т. ч. с карты Сарматии и азиатской Скифии XIII в.» (*Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 203*; речь о копии 15 геогр. карт, среди них карта Сарматии и Азиатской Скифии XIII в.).

Р. не только нуждался в ученых для решения своих задач, но и понимал их нужды. Он прислушивался *критически* и к советам ученых, и к их отзывам друг о друге, учитывал обстоятельства их жизни; аккуратно оплачивая их труд, канцлер понимал, что для ученого нужно не богатство, а сносные условия существования; учитывал он и то, что ответственность ученых перед истиной

то и дело переплетается с их самолюбием. Иногда предложением достойно оплачиваемой работы Р. поддерживал гонимых не только у нас (о М. Г. Плисове из ГПИ см.: Румянцев 2016. С. 333 и 550), но и в Центральной Европе — так случилось с Фр.-Л. Яном, когда знаменитый Turnvater искупал свое вольнолюбие переписыванием документов (Там же. С. 215 и 563). Р. понимал, что в «команде» должны быть люди разных возможностей и дарований. Одним из принципов румянцевского кружка было издание новых источников, которые сразу или со временем появлялись как в оригинале, так и по-русски (наиболее разумное решение языкового вопроса). Множество ученых изданий и переводов, которые стороннему кажутся случайно вышедшими в одно время, для того, кто знаком с Р. и его друзьями, оказываются следствием направляющей культурной воли канцлера; то средствами, то орденами и званиями он одного за другим привлекал и крупных зап. ученых. Так, через Газе и Круга, но не без участия Р., почетным чл. Имп. АН в Санкт-Петербурге стал Д. Рауль-Рошетт с его трудом «*Antiquités grecques du Vosphore simmérien*» (1822); с вожделенным для того же ученого орденом св. Владимира дело застопорилось из-за резкой рец. Е. Е. Кёлера (*Медведев И. П. История одной французской книги о греческих древностях с посвящением русскому императору // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 2. С. 175–186*).

Для издательской политики Р. характерно, что, обеспечивая печатание книг, он старается оставлять часть выручки на последующие издания. Так, на издание журнала Кёппена «Библиографические листы», вызвавшего нападки чутких радетелей православия, Р. выделил 3000 р.; 4149 р. выделены были Р. на напечатание «Греческого словаря» К. А. Попандопуло (1787–1867), воен. врача и знакомого Пушкина (*Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 344*). Изредка

Р. приходится обсуждать приглашения лиц на места, существенные для судеб грецистики, напр., о назначении Антона Йоахима Гримма (Румянцев 2016. С. 490) на вакантную кафедру в Москве; заметно, что Р. уже сознал будущее значение Ф. Б. Грeфe для ученого Петербурга; etc. Вообще, образ Ж.-Б. Кольбера (1619–1683), как признает и сам Р. (Там же. С. 257), не напрасно являлся иной раз воображению канцлера как образец действий на пользу национальной культуры, а значит, и культуры вообще.

Деятельность румянцевского кружка перекликалась с интересами кружка А. Н. Оленина, что иногда вело к известному соперничеству (Медведев 2006. С. 35–43 особенно). Впрочем, если оленинский круг был ближе к искусствам, то в румянцевском преобладали исследовательские задачи аналитич. свойства, с уклоном в разработку вспомогательных ист. дисциплин. Соратников Р. занимали не красноречивые описания, а собрание и объяснение источников: не зря некоторые из них, напр., П. М. Строев, вскоре (1834) вошли в Археогр. комиссию.

Что касается судьбы книжного и рукописного собрания Р., то тут приходится признать: *habent sua fata bibliothecae*. К моменту кончины Р. в Румянцевском музее (Английская наб., 44), образцом которого был *Johanneum* в Граце (а аналогом *Ossolineum* во Львове / Лемберге), было ок. 29 000 книг (Румянцев 2016. С. 230–234). После смерти Р. его Музей был передан правительству (1828), а затем (с 1831) открыт для петерб. публики, однако по-настоящему востребованным это собрание не стало, пока в 1861 оно не было переведено в Москву, где началась его новая судьба. Спец. собранию, которое изначально было посвящено прежде всего изучению отеч. истории, был придан расширительный смысл.

Б-ка, соединяясь с другими собраниями, постепенно стала универсальной, устремляясь к тому, чтобы стать одной из двух

российских б-к национального значения. Это великая задача, но заметим, что она не отменяет тех специальных — качественно подобранных и компактных — книжных собраний, какие необходимы специалистам любого рода для их каждодневной исследовательской работы. Путь лежит, гл. обр., через разумную дифференциацию б-к и направляемую профессионалами заботу о книжных собраниях, отвечающих правильно обдуманному назначению.

Выдающаяся деятельность Р. в значительной степени подкреплялась его финансовыми возможностями, как и выпавшим ему под конец жизни сочетанием *otium cum dignitate*. Сверх того, Р. обладал особенным характером. Иначе даже такой, как у него, мощной воли к культурному созиданию не хватило бы для решения тех задач, которые он успешно решил за десять с небольшим лет. Сам Р. признается как-то (Румянцев 2016. С. 229), что старается во всем держаться принципа неукоснительной справедливости; поразительно, что он не только хотел, но и умел действовать так. Он был и гуманным, и строгим; он не был вежлив — он был сама вежливость. Кроме того, Р. обладал таким достоинством, как знание собственных границ, — свойство редкое как раз у одаренных людей. Любопытно, что это смолоду разглядела в нем Екатерина Великая, придумав эпитет к его имени: *St. Nicolas*. Александр I заказал памятник всем трем Румянцевым, а Антонио Канова выполнил его, изобразив статую Мира и назвав места, где Румянцевы заключали мир (теперь памятник в Киеве).

Хотя античность, кроме монет, не входила в круг прямых интересов Р., а из области грецистики он выделял разве что визант. часть как особо важную для Руси, науч. содружеству вокруг него само

собой разумеющимся казалось то, что без сформировавшихся в рамках антиковедения дисциплин не будет ни науч. византинологии, ни формирующихся нефилологий, ни исследования любых древностей от Скандинавии до Тибета и Маньчжурии. Р. стал не только тароватым и вместе рассудительным меценатом, но и умелым руководителем своеобразного ученого братства, признающего общее благо в умножении знаний. Античность была для него не предметом изучения, но — в духе общеевроп. заветов — знаком «благого просвещения», что выразилось и в создании отдела искусства и классич. древностей в Румянцевском музее, и на фронтоне его дворца на Английской наб. Невы с горельефом: «Аполлон на Парнасе».

Литература: [Ивановский А.] Государственный канцлер граф Н. П. Румянцов СПб., 1871; *Корш Е. Ф.* Очерк нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882; *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981; *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2001. Т. 60 (55). С. 181–191; *Молчанов В. Ф.* Государственный канцлер России Н. П. Румянцев. М., 2004; *Медведев И. П.* Алексей Николаевич Оленин как византинист // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 17–29; *Медведев И. П.* К истории дидрахмы Боспорского царя Спартока // *Hyperboreus*. 2010–2011. Vol. 16–17. P. 539–544 ♦ Брокгауз; РБС; Николай Петрович Румянцев. Жизнь и деятельность: биобиблиогр. указатель книг из сборников, журналов, газет на рус. языке / сост. О. Г. Горбачёва, В. А. Князютова; ред. Т. Я. Бриксман. М., 2001.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115; ОР РНБ. Ф. 542 (А. Н. Оленин).

А. К. Гаврилов

С

САБУРОВ

Петр Александрович

SABUROV / SABOUROFF P. A.

[22.3(3.4).1835, имение Веряево, ныне Петелинский р-н Рязанской обл. — 18.3.1918, Петроград; Волковское кладб.],
дипломат, коллекционер

Д. тайн. сов., камергер Высочайшего Двора гр. С. происходил из древнего дворянского рода. Его предками были татар. ханы Сабурь; принадлежавшая к этому роду Соломония Сабурова состояла в браке с Василием III (Брокгауз. Т. 28. С. 20).

Отец, Александр Ив. Сабуров (1799–1880), служил офицером Гусарского лейб-гвардии полка. Во время Отеч. войны 1812 года полк принимал участие в знаменитых сражениях, затем отличился в кампаниях 1813–1814. А. И. Сабуров состоял чл. Сев. общ-ва декабристов, и только пребывание во время восстания в собственном имении в Тамбовской губ. спасло его от кары, гораздо более серьезной, чем восемь месяцев заключения в Петропавловской крепости и запрет въезда в обе столицы.

Старшего сына, Петра, С.-отец определил в Имп. Александровский лицей. Окончив его в 1854 с зол. медалью, молодой С. избирает дипломатич. карьеру.

Начав ее с должности второго секр. в МИД, он затем некоторое время работает в Мюнхене, далее в течение одиннадцати лет служит советником посольства в Лондоне. В 1870–1879 С. находился в Греции в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра. Наградой за его деятельность стал греч. орден Спасителя 1-й степени. Как раз в эти годы была собрана редкая коллекция антич. терракот.

Коллекционирование памятников древнегреч. искусства становится серьезным увлечением С. — он начинает приобретать мраморную скульптуру, вазы, терракоты и изделия из бронзы. Вероятно, интерес к античности возник у него еще в юные годы, когда им было написано сочинение **«Торговые пути древних греков: исследования по источникам»** (СПб., 1855).

Пребывание С. в Греции совпало с настоящим бумом на худож. рынке, вызванным, прежде всего, хлынувшим туда с 1873 потоком эллинистич. терракот из подвергшихся варварскому разграблению некрополей антич. Танагры (Беотия). Эти статуэтки, большая часть которых представляла собой изящные женские фигурки со следами деликатной раскраски, пользовались огромным спросом у частных коллекционеров и крупнейших музеев, что побудило не только профессиональных «черных археологов», но и местных

крестьян, забросив сельскохозяйственные работы, заняться грабежом древних захоронений. Находившийся там в это время франц. археолог Оливье Райе приводит страшную статистику: в 1872–1873 было разграблено от восьми до десяти тысяч захоронений (Rayet. P. 552).

Ситуация на афинском худож. рынке тогда определялась спец. законом, принятым еще в 1834, который, по существу, открывал простор для бесконтрольных частных раскопок. Хотя по нему такая деятельность должна была осуществляться с разрешения генерального эфора, а древности, обнаруженные на частной земле, предполагалось делить между владельцем земли и государством, последнее, как правило, оставалось в проигрыше. Землевладельцы нанимали «частных археологов» или людей, чьим ремеслом стали нелегальные раскопки некрополей, и использовали одноразовые разрешения в течение долгого времени. К тому же закон отличался некоторой двойственностью: с одной стороны, он предположительно гарантировал государству право первой покупки из частных раскопок, а с другой — позволял владельцу земли предлагать находки торговцам искусством и частным коллекционерам,

самостоятельно определяя цены. Как утверждал неустановленный автор статьи в газете «Акрополь» от 17/29 февр. 1888, грабители гробниц предлагали государству лишь ничтожную часть от своих находок, в то время как львиная доля уходила торговцам или частным коллекционерам, а также тайком вывозилась за границу. Райе отмечал, что «греки, которые занимаются раскопками, крестьяне и перекупщики, мало заботятся о том, чтобы делиться прибылью после того, как риск и расходы выпали только им; они не заинтересованы в дальнейшем иметь в качестве возможных покупателей только своих соотечественников, людей, в основном, с тощими кошельками и не слишком тонких ценителей произведений искусства» (Rayet. Ibid. — Перевод мой — Е. Х.).

Этими обстоятельствами не премили воспользоваться как крупнейшие музеи Европы, так и коллекционеры, среди которых С. был далеко не последним. Очевидно, он налаживает связи с ключевыми фигурами в торговле древностями в Афинах. С. имел дело с проф. афинского ун-та Атанасиосом Русопулосом, который не только сам производил раскопки, но и скупал артефакты у местных жителей, нелегально занимавшихся таким промыслом. У Русопулоса была налажена прочная связь с расхитителями некрополей, которые сносили ему в дом найденные предметы.

Другими важными персонажами, по существу, монополистами на худож. рынке, у которых С., скорее всего, приобретал антики, были афинские перекупщики-маршаны Жан П. Ламброс, Александр Ксакостис и Евангелос Триандафил(л)ос. Они осуществляли посредничество между местными крестьянами, которые занимались нелегальными раскопками, и возможными покупателями. В начале 1870-х услугами коммерсантов пользовались не только крупнейшие музеи, в частности, Лувр, Британский музей и Берлинские музеи, но и такие целеустремленные коллекционеры, как Оливье Райе и Эжен

Пио (*Mathieux N. De Tanagra au salon: Un rêve bourgeois // Tanagra: Mythe et archéologie / ed. by V. Jeammet. Paris, 2003. P. 294; Higgins R. Tanagra and the Figurines. London, 1986. P. 163; Zimmer G. Tanagrafiguren in den Berliner Museen / Bürgerwelten: Hellenistische Tonfiguren und Nachschöpfungen im 19. Jh. Mainz am Rhein, 1994. S. 32–33.*)

С., несомненно, хорошо понимал положение на худож. рынке, где царил дух конкуренции. Более всего это касалось приобретения терракот: изящные статуэтки стали настоящей страстью С. Великолепная коллекция, собранная им за годы, проведенные в Греции (вероятно, он пополнял ее покупками на худож. распродажах), была предметом гордости владельца. О ней он пишет 29 февр. 1884 тогдашнему директору Имп. Эрмитажа кн. А. А. Васильчикову: «...когда я думаю о том, как вырывали друг у друга на распродаже в отеле Друо статуэтки, которые я не захотел приобрести в Афинах, я смело могу сказать, что ни один музей мира никогда не будет обладать подобными сокровищами» (АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 17; все цит. ниже письма писались по-франц., кроме писем Г. Е. К и з е р и ц к о г о, помощника хранителя древностей Имп. Эрмитажа Л. Э. С т е ф а н и, и А. Фуртвенглера, написанных на нем. языке. Перевод мой. — Е. Х.).

Последний этап деятельности С. на дипломатич. поприще связан с Германией, куда он перевозит и свою коллекцию. Туда он отправляется в 1879 со спец. миссией для переговоров с Отто фон Бисмарком по заключению соглашения, которое должно было стать неким противовесом сближения Германии с Австро-Венгрией. Т. н. Союз трех императоров между Германией, Австро-Венгрией и Россией содержал важнейшие условия о нейтралитете России в случае франко-германской войны и австро-германском нейтралитете в случае войны России

с Англией. С. полагал, что считавшаяся профранцузской позиция канцлера Горчакова привела к полит. изоляции России во время Вост. кризиса 1875–1878. В письме старшему сов. МИД бар. А. Г. Жомини С. утверждал, что «невозможно проводить политику а-ля Ришелье, если ты не Ришелье, и Европа уже не того времени». Стараясь расположить к себе Бисмарка, дипломат вел переговоры «в тактичной и благородной манере» (*Medlicott. P. 446*). В 1881 со стороны Российской империи С., имевший на это полномочия, подписывает договор трех императоров.

Общение с Бисмарком произвело на него сильное впечатление, и хотя циничный «тигр с бархатными лапами», как охарактеризовал Бисмарка Жомини, тогда, по-видимому, сумел переиграть рус. дипломата, взгляды герм. канцлера во внутренней политике оставались близки С., о чем, в частности, свидетельствовало его письмо к Александру III вскоре после восшествия последнего на престол. Об этом письме упоминает в своем дневнике старший сов. МИД В. Н. Ламздорф [*Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 111*].

За год до смерти, в мае 1917, С. передал ходивший уже по рукам на правах рукописи печатный текст своих мемуаров «**Ma mission à Berlin. 1879–1884**» проф. Кембриджского ун-та Дж. Симпсону (*Medlicott. P. 445–447*). Лишь через 12 лет они вышли в переводе на англ. язык при содействии младшего сына С., Петра, сумевшего в конце 1920-х эмигрировать в Швейцарию (*Saburov P. A. The Saburov Memoirs, or Bismark and Russia: Being Fresh Light on League of the Three Emperors, 1881 / ed. with an introd. by J. Y. Simpson. Cambridge, 1929; 2013*).

Решив продать свое собрание перед окончательным возвращением из Берлина в Петербург, коллекционер обращается с предложением в Эрмитаж, но там не проявляют энтузиазма по этому поводу, чему способствовала уклончивость А. А. Половцова (*Половцов. С. 184*). Как

писал директору Эрмитажа А. А. Васильчикову Г. Е. Кизерицкий, посланный в Берлин в связи с приобретением коллекции: «Впрочем, и госпожа супруга посла, и Его Превосходительство Сабуров говорили, что они не могли бы предположить, что мы в этих вещах сколько-нибудь заинтересованы. Так как на предложение, которое он делал, слишком долго не отвечали, он полагал, что его не хотят принять» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 47). Дело сдвинулось с места благодаря Васильчикову, который, горячо желая приобрести коллекцию С. для музея, обратился к министру имп. двора и уделов гр. И. И. Воронцову-Дашкову и не скрывал беспокойства о том, что коллекцию может перехватить другой покупатель:

«Я прекрасно знаю, что археологи Берлина оценили коллекцию Сабурова в миллион марок. Это — более высокая оценка, чем цена, которую он сам обозначил Половцову. Наш молодой и очень толковый помощник хранителя греко-римских древностей в Эрмитаже Кизерицкий знаком с коллекцией Сабурова по Афинам и по Берлину и говорит, что она — на вес золота. <...> Я осмеливаюсь умолять Ваше Превосходительство обратить августейшее внимание Его Величества на абсолютную необходимость приобрести для Эрмитажа коллекцию Сабурова. Я буду считать себя не сумевшим исполнить свои полномочия как следует, позволив упустить приобретение предметов столь прекрасных, столь замечательных и столь необходимых Эрмитажу. Храни нас Бог, чтобы их приобретение не придало новый блеск уже столь богатым музеям Берлина» [АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 7; также: *Ходза Е. Н.* История покупки коллекции П. А. Сабурова (по материалам архива Государственного Эрмитажа) // СГЭ. 2004. Вып. 62. С. 168].

Однако время для приобретения всей коллекции оказалось упущенным: скульптуру и вазы С. уже продал Берлинскому музею. И только особо ценную им часть собрания — терракоты — он предназначает теперь Имп. Эрмитажу, даже если другие покупатели предложат более высокую цену.

В письме, адресованном гос. секр. А. А. Половцову, он сообщает: «Статуэтки из Танагры имеются полностью, ибо я придавал большое значение тому, чтобы вовсе не раздроблять эту часть коллекции, подобной которой нет ни в каком музее. <...> Но если Эрмитаж решился ее приобрести и послал сюда для оценки компетентное лицо, я готов уступить перечисленные выше предметы за 200 000 марок (100 000 рублей), отказавшись от всякой прибыли, которую мне могли бы принести другие музеи. Будучи заинтересованным в деле, мне невозможно давать рекомендации властям Эрмитажа, но я убежден, что все, кто знают настоящую ценность этих терракот из Танагры, найдут условия столь умеренными, сколь приемлемыми» (АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 2–3).

Причину предпочтения по отношению к Эрмитажу С. объясняет в одном из писем его директору: «Здесьшний (т. е. Берлинский. — Е. Х.) музей хотел купить у меня коллекцию целиком; но я предпринял все для того, чтобы мои терракоты из Танагры были бы устроены в России, для того чтобы снова часто видеть эту уникальную коллекцию, какой не обладает ни один музей. Поэтому я зарезервировал эту часть, и я оставлю ее здесь, только если Эрмитаж не захочет ее приобрести» (Там же. Л. 11). В уже цит. письме С. Васильчикову есть и такие строки: «Не жалейте о моих мраморах. Это будет разочарование. Найдут, что за них слишком дорого заплатили. Помоему, музеи каждой страны должны сохранять свой собственный характер. Германия — страна ученых педантов, которые отдают предпочтение уродливому фрагменту из мрамора перед красивым предметом. Для Эрмитажа характерная черта — отдавать предпочтение эстетической красоте перед чисто археологическим интересом. Ваш Керченский зал в соединении с моими статуэтками из Танагры превзойдет в этом отношении все музеи мира. <...> В этих статуэтках не будет разочарования, я Вам это гарантирую; и они непременно ближайшей

зимой будут львицами сезона в Петербурге» (Там же. Л. 16–18).

В результате 100 000 р. были выделены из российской казны на покупку предназначенной Эрмитажу части коллекции. В письме Васильчикову С. сообщает, что она содержит 192 предмета, причем некоторые из них представляют «только археологический интерес». 24 февр. 1884 А. Фуртвенглер, крупнейший нем. антиковед, которому С. поручил издание своей коллекции, с сожалением сообщает в письме матери: «Коллекцию Сабурова можно видеть последние дни! Сабуров переведен в Петербург, для него это понижение; он нуждается в деньгах и продает всю коллекцию. Терракоты, как сегодня только что он сообщил, он все продал в Петербург в Эрмитаж! Для нас в ней слишком много танагр, мы не могли дать на это так много денег. Но мраморы, надеюсь, мы получим все, как и вазы» (*Furtwängler A. Briefe aus dem Privatdozentenjahr 1879/80 und der Zeit seiner Tätigkeit an den Berliner Museen 1880–1894 / hrsg. von A. Greifenhagen. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1965. S. 145. Nr. 85*).

В то же время Фуртвенглер продолжал подготовку великолепного двухтомного издания всего собрания (*Furtwängler A. Die Sammlung Sabouroff: Kunstdenkmäler aus Griechenland. Bd. 1–2. Berlin, 1883–1887*). В письме от 19 июля 1880, адресованном его коллеге Г. Брунну, Фуртвенглер так описывает свою работу над каталогом: «С утра я теперь хожу обычно на 1–2 часа к русскому послу графу Сабурову, которому принадлежит великолепная коллекция ваз и терракот из Греции, и мне дано приятное поручение создать ее каталог. Сабуров — приятный человек, простой, однако, несколько аристократически сдержанный. Он прекрасно устроился; я работаю за его письменным столом, около меня лежит протокол последней конференции по Греции, письма и тому подобное; в то время как он имеет обыкновение играть в салоне рядом на пианино, очень мило и приятно; политика — не то, от чего он поседет»

(в ориг.: «durch Politik lässt er sich keine grauen Haare wachsen»; *Furtwängler A. Briefe aus dem Privatdozentenjahr... S. 51. Nr. 26*).

Вскоре 14 драгоценных ящиков со всеми предосторожностями доставляются в Петербург. 16 апр. 1884 А. А. Половцов записывает в дневнике: «После заседания иду смотреть выставленные в Эрмитаже глиняные фигуры (танагрá) коллекции Сабурова. Очень рад, что удалось мне содействовать тому, чтобы и эти вещи не ускользнули от России, столь бедной художественными произведениями» (*Половцов. С. 224*). 19 мая 1886 Васильчиков подает рапорт министру имп. двора о том, что выставка экспонатов из коллекции готова и вход для публики открыт (АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 82).

Завершение в 1884 дипломатич. карьеры отнюдь не означало для С. ухода от гос. дел, просто его энергичная деятельность теперь переносится в другую сферу: сельск. хозяйства, экономики и финансового законодательства. Будучи сенатором, он состоит в спец. комитете и комиссиях, занимающихся соответствующими проблемами, а с 1900 ведает этими вопросами в качестве чл. Гос. совета. На знаменитой картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года» (ГРМ) С. запечатлен среди других чл. совета. В ГТГ хранится этюд работы Б. М. Кустодиева — портрет С., исполненный для этого полотна. Его заслуги перед государством были отмечены множеством наград (*Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Т. 2. М., 2000. С. 350*).

С. до преклонного возраста сохранял ясный ум и прекрасную память. Необыкновенно музыкально одаренный, он, несмотря на огромную разницу в возрасте (ему в то время исполнилось 78 лет), находил истинный интерес в общении и музицировании с еще совсем юным композитором и пианистом С. Прокофьевым, угадывая в нем огромный талант.

В дневниках последнего отразилось восхищение потрясающей музыкальной памятью С., несмотря на преклонный возраст. Их второй после музыки общей страстью были шахматы (*Прокофьев С. Дневник. 1907–1933. Ч. 1. Paris, 2002. С. 256, 373*). С. являлся почетным предс. Санкт-Петерб. шахматного клуба и Всероссийского шахматного союза (*Winter E. To the Chess Notes // American Chess Bulletin. 1906. May. P. 88; Файбисович В. З. Прошло сто лет. URL: <http://www.e3e5.com/article.php?id=121>*).

Последние два года жизни старого сенатора оказались тяжелыми. Его дневниковые записи в дни Февр. революции совершенно лишены каких-либо эмоциональных комментариев, это просто фиксация событий. Сухие строки рассказывают о приходе в марте 1917 офицера с солдатами для обыска у его старшего сына Александра, петрогр. гражданского губернатора, и об убийстве собственными солдатами мужа его племянницы, ротмистра Левенца, за отказ присоединиться к революционному движению (*Дневник П. А. Сабурова // Российский архив. Т. 9. М., 1999. С. 527*). С. скоропостижно скончался в 1918, не дожив до ареста и расстрела в 1919 своего старшего сына «как шпиона и контрреволюционера»; не узнал и о том, что его внуки, талантливые физики Борис и Юрий, погибли в ГУЛАГе (*Коншин М. Судьба наделила ее великими предками. URL: http://vladimironline.ru/society/id_33894*).

В инвентаре Отдела антич. мира Гос. Эрмитажа числятся 207 предметов из коллекции С., из которых три были переданы в 1931 в Хабаровский худож. музей. Самую важную часть собрания составляют несколько десятков статуэток танагрского стиля, очень хорошего качества, некоторые из них — уникальны (*Ходза Е. Н. Вослед Прометею. СПб., 2005. С. 43–53; Она же. Статуэтка из Коринфа. СПб., 2008*). Особый интерес представляет редкая терракотовая фигура юноши,

высотой 68 см, позднеэллинистич. времени, которой С. очень гордился (*Ходза Е. Н. Терракотовая фигура юноши из коллекции П. А. Сабурова // СГЭ. 2012. Вып. 70. С. 95–105*). Он писал Васильчикову: «Гермес, который высотой приблизительно метр (явное преувеличение. — Е. Х.), является уникалом. Ни один музей не обладает подобным предметом, который принадлежит самой прекрасной эпохе и напоминает поразительную манеру Гермеса Праксителя, найденного в Олимпии» (АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13. Л. 13). Можно выделить целую группу терракот эллинистич. и римск. времени, малоазийского происхождения, в основном, из Смирны и Пергама. Это, в частности, т. н. патологические гротески, очень точно передающие симптомы определенных заболеваний. Такие терракоты подробно изучались франц. врачами знаменитой мед. школы Сальпетриер, как важные свидетельства истории медицины (*Ходза Е. Н. Гротеск в эллинистической коропластике // ВДИ. 2006. № 3. С. 177*). Кроме того, стоит упомянуть позолоченные терракотовые имитации ювелирных украшений превосходной сохранности. Небольшая часть коллекции, 25 предметов, состоящая из памятников искусства древнего Египта (гл. обр., бронз и терракот), хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

Литература: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. 1883–1886. Т. 1. М., 2005; Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. СПб., 2018; Medlicott W. N. The Saburov Memoirs, or Bismark and Russia. Being Fresh Light on League of the Three Emperors, 1881 by J. Y. Simpson // Slavonic and East European Rev. 1929. Vol. 8. No. 23. Dec; Rayet O. Les figurines de Tanagra au Musée du Louvre // Gazette des Beaux-Arts. 1875. № 11 ♦ Брокгауз.*

Архивы: АГЭ. Ф. 1. Оп. V. Д. 13, 1884; ГА РФ. Ф. 1074; РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 1–8; Арх. внеш. политики Рос. империи. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 241.

Е. Н. Ходза

САДОВ
Александр Иванович

SADOV A. I.

[9(21).9.1850, Рожново, ныне в гор. округе г. Бор Нижегородской обл. — 5.4.1930, Ленинград; кладб. Александро-Невской лавры], богослов, филолог

Сын сельск. священника. Учился в Нижегородской духовной семинарии (1860–1866) и Петерб. духовной академии (1872–1876; кандидат богословия), хотя в детстве мечтал о мед. профессии. До 1878 числился помощником секр. правления и совета СПбДА, затем был направлен с науч. целью за границу (Берлин, Лейпциг и Бонн). Из командировки возвратился досрочно в связи с непредвиденной отставкой В. И. Модестова. Магист. дис. «**Виссарион Никейский. Его деятельность на ферраро-флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма**» (защищена: СПбДА, 1883; магистр богословия). В СПбДА читал историю римск. литературы и христ. древности, вел занятия по лат. языку: доц. каф. лат. языка и словесности (1883), экстр. проф. (1887), орд. проф. (1896), засл. проф. (1902). Докт. дис. «**Древнехристианский церковный писатель Лактанций**» (защищена: СПбДА, 1895; д-р церковной истории). В 1896–1906 — чл. правления СПбДА. Заместитель редактора ж. «Церк. вестник», редактор ж. «ХЧ» (1891–1892). Чл. Учеб. комитета Св. синода. В 1909 вышел в отставку, но продолжил заниматься науч. работой. После 1917 некоторое время служил в б-ке Харьков. ун-та (1919) и Херсонском пед. ин-те (1920–1921). Возвратившись в Петроград (лето 1921), поступил во 2-й отдел Единого гос. архивного фонда и отделение филологии (И)ПБ (занимался собранием антич. авторов, в т. ч. «Ciceronica»). Служил также в Ин-те

сравнительной истории литератур Запада и Востока при ФОН Петрогр. ун-та.

С. — один из немногих выпускников СПбДА, специализировавшихся в классич. филологии непосредственно по окончании курса, что позволило ему накопить неплохой филол. багаж. В июне 1877 (после увольнения Н. И. Глорантова) С. подал прошение о доцентуре по каф. лат. языка, выступил с пробными лекциями и представил реферат pro venia legendi — возможно, это сохранившийся в фондах РНБ «**Опыт исследования о состоянии латинской филологии в первой половине XV в.**» (1877). С начала 1878 посещал занятия по лат. языку и римск. древностям в Петерб. ун-те, слушал Г. И. Лапшина, О. А. Шебора, И. В. Помяловского (см. его отчет: ХЧ. 1878. № 1. С. 43).

Филол. труды С. тематически распадаются на две группы. В первый период (1880–1890-е), не порывая с богословием, он рассматривал тексты римск. поэтов и писателей преимущ. в плане их идейно-религиозного содержания: статьи «**Религиозно-нравственные взгляды Кв. Горация Флакка**» (ХЧ. 1886. № 9–10), «**Мир усопших по изображению П. Вергилия Марона**» (Там же. 1887. № 7–8), «**Мировоззрение П. Овидия Назона**» (Там же. 1888. № 7–8), «**Религиозный скептицизм в Риме пред Рождеством Христовым**» (Там же. 1889. № 3–4), «**Значение слова religio у древних римлян**» (Там же. 1897. № 6) и др. Ограниченным науч. каталогами СПбДА оставался и библиогр. аппарат этих статей. В своих интерпретациях С. шел обычно от соображений, высказанных комментаторами текстов. В статье «**Боги и люди по Тибуллу**» (ХЧ. 1889. № 5–6), напр., минимально цитируя Х. Хайне (Chr. G. Heyne), Л. Диссена (Dissem), Л. А. Миллера, С. рассуждал об отношении поэта («одного из образованнейших и притом сравнительно набожных членов римского общества») к религии

и римск. представлениям о загробной жизни; при этом современное Тибуллу римск. общество охарактеризовано автором как неподготовленное к «серьезной и глубокой религиозности».

Главным филол. сочинением первого периода стала докт. дис. «**Древнехристианский церковный писатель Лактанций**» (СПб., 1895), в которой С. ставил цель, критически пересмотрев выводы предшественников по теме, познакомить рус. богословов с биографией, творчеством и учением римск. поэта. Итогом исследования стала реконструкция восприятия Лактанцием языческих авторов (многочисленные текстуральные сопоставления вынесены в приложения) и общая оценка творчества этого «более риторика, чем мыслителя», в котором С. отметил «пренебрежительное отношение к древним языческим философам и поэтам» (Цит. соч. С. 239).

Этой дис. посвящен яркий отзыв коллеги С. по академии В. В. Болотова (см.: Протоколы Совета Петерб. духовной академии за 1895–1896 учеб. г. С. 97–102), сравнившего ее с почти одновременно

опубликованными статьями С. Брандта о Лактанции. Определяя *habitus* книги С. как «вполне научный» (примечания составляют до половины текста, автор отлично знаком с произведениями Лактанция и литературой по истории вопроса), оппонент раскритиковал чрезмерную осторожность С. в выводах («талантливый свод уже достигнутого») и бедность ссылок («литературный пуританизм»); полемизировал Болотов и по ряду частных вопросов, напр., об этимологии имени поэта (С., вслед за средневековыми теологами, объяснил его «молочной сладостью красноречия»). Некоторая архаичность труда С. отнесена Болотовым на счет «влияния строгой научной ферулы покойного проф. И. В. Чельцева с его методологией новой аргументации в пользу старых фактов».

В 1900-х главным предметом науч. занятий С. становится поздняя латынь (с одновременной разработкой учеб. курсов по языку христ. прозы и поэзии, римск. эпиграфике, истории и семантике лат. языка). Об уровне его владения темой можно судить по литографированному курсу «**Из чтений по латинской семасиологии 1908–1909 учеб. г.**» (СПб., 1909). С. знакомит в нем слушателей с базовыми положениями младограмматич. учения о языке, перечисляет причины и типы семантич. изменений (с учетом трудов М. Покровского, Н. Гельвеха, А. Грушки), иллюстрируя изложение примерами семантич. эволюции в лексике разных языков.

С этого же времени С. — постоянный автор ж. «Гермес», рецензирует богословскую и агиографич. литературу, пишет заметки по истории средневековой латыни: «Изучение языка латинских христианских писателей» (1910. № 1), «О позднем латинском языке» (1910. № 15), «Изучение так называемой народной и обыденной латыни» (1911. № 18), «Рукописное предание и перемены в нем» (1912. № 14), «Одна из задач при историческом изучении латинского языка» (1913. № 9) и др. Продолжал

публиковаться в «ХЧ», предварив серией очерков — в т. ч. «Латинский язык в его истории» (1910. № 5–6), «Латинский язык в богослужении древней западной церкви» (1912. № 2), «Влияние образования и литературных вкусов времени на язык древних западных христиан» (1915. № 4) и др. — свою монографию о поздней латыни.

Последний большой труд «**Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII в.): опыт исторического и систематического обзора языка древних западных христиан-латинян**» (Т. 1, вып. 1. Пг., 1917) должен был стать, по замыслу автора, введением в изучение средневековой латыни. Применительно к исследуемому материалу С. обсуждает здесь различные сравнительно-ист. методики языкознания и отношение богослужебной латыни к диалектам народного языка, характеризует стиль некоторых авторов (от Минуция Феликса и Тертуллиана до Лактанция и Мария Викторина), особое внимание уделяет синтаксис и лексик. новациям в их текстах и касается языковых особенностей Вульгаты и эпиграфич. памятников раннехристианской эпохи. В ответе на благожелательный отклик А. И. Маленина (ЖМНП. 1917. Окт.) С. упоминает о готовности к печати и второго тома этого сочинения (Там же. С. 218), не напечатанного из-за революционных событий.

С. — автор серии биогр. очерков о профессорах СПбДА, в т. ч. преподавателях древних языков: «Профессор Василий Иванович Модестов» (Воронеж, 1910), «Профессор Евграф Иванович Ловягин» (ХЧ. 1910. № 9), «Николай Федорович Фокков» (ФЗ. 1910. № 3), «Профессор Николай Иванович Глориантов» (ХЧ. 1911. № 2).

Литература: *Чистович И. А. С.* — Петерб. духовная академия за последние 30 лет. СПб., 1889; *Скроботов Н. А.* Памятная записка окончивших курс в С.-Петербур. духовной академии. СПб., 1896; Памятная книжка С.-Петербур.

духовной академии на 1915–1916 учеб. г. СПб., 1915; *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников. СПб., 2003 ♦ Брокгауз; РБС; Воронков; СРНБ; Рус. интеллигенция.

Архивы: *Личный фонд:* ОР РНБ. Ф. 666 (Садовы); *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 4. (Д. И. Абрамович), 88 (В. В. Болотов), 124 (П. Л. Ваксель), 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский) и др.; РГИА. Ф. 796 (Правительствующий Синод).

В. П. Смышляева

САНЧУРСКИЙ Николай Васильевич

SANČURSKIJ N. V.

[29.3(10.4).1856, с. Веркуцы, ныне пос. Гусь-Железный Касимовского р-на Рязанской обл. — 19.1(1.2).1906, Петербург],
филолог, автор учеб. пособий

Сын сельск. священника. Обучался во Владимирской духовной семинарии и Петерб. ИФИ (1875–1879). После выпуска преподавал древние языки в Ломоносовской гимназии Архангельска (1879–1884), заведовал городской публичной б-кой и музеем (с 1881), состоял секр. Губ. статистич. комитета. В 1884 возвратился в Петербург: в 1884–1888 учитель древних языков Введенской и Петерб. 8-й гимназий; в 1885–1886 преподавал в Покровской женской гимназии; с 1888 по 1892 наставник-руководитель по лат. языку гимназии Петерб. ИФИ. С 1892 занимал должность инспектора Петерб. УО. В янв. 1905 заболел «нервным расстройством» с нарушением речи (см. п. д. 1905: РГИА. Ф. 740. Оп. 20. Ед. хр. 326); год находился в отпусках по болезни, пока попечитель не настоял на его увольнении с «усиленной вне правил пенсией» (место С. занял И. Ф. Анненский).

Ученик О. А. Шебора, под руководством которого написал студ. сочинение «**Нравственная характеристика Овидия на основании его Tristium libri V и Epistularum ex Ponto libri IV**», С. получил известность как автор добротных гимназич. пособий. Особой популярностью у педагогов пользовался его «**Краткий очерк римских древностей для гимназий, прогимназий и самообразования**» (СПб., 1897, 1916; при участии А. А. Гофмана, М. Янко, П. Барсова, И. Диомидова, И. Седлатого, Э. Э. Кеслера и В. Марданова). Составленный по пособию И. Вагнера («*Realien des römischen Altertums*»), «Краткий очерк» должен был стать «справочной книгой при чтении римских классиков». Несмотря на «отсутствие оригинальности» и неизбежные нестыковки изложения — результат многократной перекомпоновки текста и дополнений, внесенных разными авторами, — пособие оценивалось как «весьма полезное для отечественных гимназий» по богатству собранных в нем сведений и ясному изложению (А. М. Ловягин — ФО. 1897. Т. 13. С. 48–55), «единственное на русском языке пособие, охватывающее решительно все стороны древнеримской жизни как государственной и религиозной, так и частной» (А. И. Малеин — ИВ. 1913. № 8. С. 622). Самый строгий его критик Э. А. Верт (ЖМНП. 1900. Сент. С. 177–212) обстоятельно взвесил учебник на соответствие его пед. задачам и современным науч. представлениям; при этом «пространность» своего разбора рецензент объяснял, между прочим, убежденностью в ценности пособия. В части методики Верт отметил в ряде случаев сложность изложения применительно к уровню среднего ученика: «Многие ли из гимназистов, еще не дошедших до Горация, поймут <...> фразу “со времени Агриппы” без пояснения, кто это такой? Большинство учащихся подумает об Агриппе Менении, знакомом им по известной басне» (Цит. соч. С. 182). В плане содержания Верт подверг критике

«искажающие картину упрощения», вроде указания ценза сенаторов в 400 000 сестерциев без учета его изменения, что делает непонятным выражение «бедные сенаторы древности».

До конца жизни С. продолжал совершенствовать этот труд, «не жалея ни времени, ни средств», «приобретал дорогие иностранные пособия и фотографировал многие неизданные еще римские предметы из Эрмитажа» (Гермес. 1912. № 11–12. С. 300). С пятого издания (СПб., 1914) пособие курировал Малеин; коллеги по Петерб. ОКФП — А. А. Брок (ЖМНП. 1914. Окт. С. 253–254), Г. Г. Гельд (Гермес. 1916. № 2. С. 107–109) и др. — одобряли при этом вклад самого С. Девятнадцать изданий до 1917 выдержала и «**Краткая грамматика латинского языка**» (Ч. 1: Этимология; Ч. 2: Синтаксис. СПб., 1891–1892), издававшаяся и в одностороннем варианте с 1893 по 1909. П. Первов (ФО. 1891. Т. 1. С. 173–181) одобрил привлеченные автором в качестве образцов источники и саму идею выборочной подачи грамматич. материала — множество исключений, загромождавших старые пособия, пагубно сказывались на усвоении гимназич. программы; впрочем, он критиковал невнятность некоторых лингв. пассажей и доморощенность семантич. систематики. Также положительно о «весьма почтенном труде» С. отозвался автор рец. в ж. «РШ» (1893. № 1. С. 198–199). Пятикратно издавалась и «**Латинская хрестоматия**» С. (Т. 1–2. СПб., 1906), снижавшая Большую Петровскую премию).

Литература: Пам. книжки СПбИФИ 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; Пам. книжка С.-Петербургской 8-й гимназии. СПб., 1900; Кизель Н. К., Мазюкевич В. И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии. Архангельск, 1912 ♦ Латышев; Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 841), 303 (Введенская гимназия).

В. П. Смышляева

СЕЛИВАНОВ Сергей Андреевич

SELIVANOV S. A.

[21.6(3.7).1864, ? — 7(20).11.1908,
Симбирск, ныне Ульяновск],
историк, эпиграфист

Из дворян Харьков. губ., сын гимназич. учителя. По окончании Орловской гимназии (1884, зол. медаль) учился год в Моск. ун-те, затем перевелся в Петерб. ИФИ (1885–1889, однокурсник Н. А. Гельвиha). После выпуска был рекомендован Ф. Ф. Соколовым и В. В. Латышевым для археол. стажировки в Греции (1890–1892). Вернувшись в Россию (1893), долго болел и к службе в Одесской 2-й гимназии приступил лишь в авг. 1894. В разные годы преподавал еще в 4-й и 5-й гимназиях Одессы. С 1896 (по итогам магист. экзамена) был допущен к преподаванию древних языков в Новорос. ун-те (прив.-доц.), участвовал в работе ун-тского ИФО. В результате попытки самоубийства (1904) лишился зрения и, уволенный «по тяжкой неизлечимой болезни», доживал в Симбирске на попечении мл. брата Платона (также выпускника Петерб. ИФИ). Скончался от туберкулеза.

Многообещающий протееже Латышева (см. его отклик на смерть С.: *Гермес*. 1908. № 20. С. 533–534), С. со студ. лет занимался греч. древностями. Рано начал публиковаться: «**К вопросу о древне-карийских городах**» (ЗРАО. 1888. Т. 3) и «**Самос и Приина пред судом царя Лисимаха и родосского народа**» (ЖМНП. 1890. Апр.). Ист. темы в этих статьях разбирались автором с опорой на эпиграфич. материал: история конфликтов Самоса и Приены, напр., по надписи Лисимаха или по родосским и римск. надписям, которые перевел и прокомментировал сам С. Рекомендую первую из его статей

(«пришлось немного погладить») редактору «Записок РАО» И. И. Толстому, Латышев назвал юношу-третьекурсника С. «*bonae spei plenus*» (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. хр. 1015. Л. 5). Плодотворным оказался для С. и период зарубежной стажировки, куда он был направлен от Петерб. ун-та (см.: О состоянии кафедр // ЖМНП. 1891. Апр.). В 1890–1894 С. публиковал в «ЖМНП», «ФО», «MDAI AA», «*Νέα Σύρρηνη*», «*Αρχαιολογία*» и др. изданиях сообщения о находках франц. и нем. археологов, заметки эпиграфич. и экзегетич. содержания.

Для примера можно привести: «Слово *lada* в ликийском диалекте» (ФО. 1891. Т. 1; автор увидел в *lada* «славянский элемент» и сопоставил с «лад — супруг» из «Слова о полку Игореве»); «Несколько неизданных родосских надписей» (ЖМНП. 1891. Апр.; Авг.; публикация и толкования шести надписей из находок 1890 с выводами о влиянии ионического письма на родосский алфавит); «Из Афин» [ФО. 1892. Т. 2; дан реферат из Омолля (Th. Homolle) с толкованием ряда надписей]; «О Колофоне, Нотии, Кларе и о новых надписях Колофонской области» (ЖМНП. 1892. Окт.–нояб.); «К вопросу об Астипалее» — критика карты древнего Родоса в исполнении Г. Киперта (Kierpert), на которой мыс *Πρασονήσι* соотнесен с *Ἀστυπάλαια ἄκρα* (ФО. 1892. Т. 2); «Эпиграфические записки» с разбором несколько надписей (ФО. 1892. Т. 3); «О древнейшем мосте через Тибр» (ФО. 1893. Т. 4); и др.

С. участвовал в руководимом Латышевым издании «*Scythica et Caucasica*» как переводчик фрагментов Тертуллиана, Квинта Смирнского, Евдокии, Клеомеда (Cleomedes), Диоскорида и др. Итогом науч. занятий С. начала 1890-х стала ист.-филол. монография «**Очерки древней топографии о. Родоса**» (Казань, 1892), с прил. «**Дополнения и поправки к сочинению “Очерки древней топографии о. Родоса”**» (СПб., 1892). Более полувека спустя К. М. Колобова

одобрительно отзывалась о монографии С. в своей книге «Из истории раннегреческого общества: о. Родос IX–VII вв. до н. э.» (Л., 1951. С. 7). Издание труда С., находившегося за границей, курировал — и собирался наложить на него «последнюю руку» — Латышев (см. письмо Ф. Г. Мищенко: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1020. Л. 31), а корректуру «Очерков» вычитывал и составлял указатель к ним П. И. Прозоров. С., по его собственным словам, стремился охватить «все вопросы древнеродосской топографии и если не всем, то многим из них дать новое освещение» (Очерки древней топографии о. Родоса. С. IX), опираясь на лит. и эпиграфич. источники, с учетом исследований последних лет и личного археол. опыта. Начав с этимологии названия острова (С. присоединяется к старинной гипотезе С. Бошара, производившего его от некоего семит. *iarod* «змея»), он подробно разобрал свидетельства о геогр. положении Родоса (гл. I), его поверхности (гл. II), родовой организации местного общества (гл. III), набросал и планы древних поселений Камира, Линда и Родоса (гл. IV–V). Исследование С. намеревался представить в качестве магист. дис. В письме 1892 к И. В. Помяловскому (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 563. Л. 114 об.) сообщавший об этих планах Д. Ф. Беляев, однако, упомянул о сомнениях Латышева насчет защиты: «После дела Новосадского Вас. Вас. считает почему-то не совсем безопасным советовать Селиванову представлять диссертацию» в Петерб. ун-т.

Опасения Латышева, по-видимому, возросли после появления в печати рец. Валериана Шеффера (ФО. 1893. Т. 5. С. 106–108), который нашел недостаточной филол. и археол. подготовку С., в частности, иронизировал по поводу его работы с источниками: «Кто решается вступать в научную полемику

с Виламовицем, тот должен быть, по крайней мере, знаком с критикою Диодора, если не Стефания Византийского, тот не имеет права ученого Дидима ставить на одну доску с поздним компилятором Афинеем или доказывать употребление слова $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma = \acute{\alpha}\kappa\rho\beta\lambda\omicron\lambda\iota\varsigma$ в родосской надписи примерами, заимствованными из афинских».

Можно думать, что болезнь С. явилась следствием не только переутомления «некрепкого от природы организма» во время стажировки (Латышев. С. 350), но и неблагоприятного течения диссертационных дел. С переездом в провинцию, ограничившим его доступ к новой эпиграфич. литературе, С. отошел от науч. работы и, по словам Латышева, «относясь весьма строго к своим научным трудам», признал свою книгу о Родосе устаревшей. Временами, возможно, С. еще возвращался к теме — среди последних его публикаций присутствует рец. на книгу: *Gelder H. van. Geschichte der alten Rhodier*. Haag, 1900 (ЖМНП. 1901. Май); интересовался он и южнорус. археологией — встречаются упоминания о докладах «О Херсонесе Таврическом» (программе Одесской 2-й гимназии за 1898) и «Отрывки из Херсонесской истории и эпиграфики» (Летописи ИФО Новорос. ун-та. 1899. Т. 7); однако переработать свою дис. он не сумел. Тяжелая депрессия С. и ее следствие — роковой выстрел — были вызваны смертью жены и ребенка.

Литература: Пам. книжки Петерб. ИФИ 1892, 1898, 1902, 1912; *Добротворский В. А.* 50-летие Одесской 2-й гимназии. Одесса, 1898; История и поэзия: переписка И. М. Гривса и Вяч. Иванова. М., 2006 ♦ Брокгауз; Прозоров; Латышев; Воронков; Фролов 2006; Бузескул 2008.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ, в т. ч. студ. дело — № 1714).

В. П. Смышляева

СЕМЁНОВ

Анатолий Федорович

SEMENOV / SEMEN(N)OFF A. F.

[17.6.1863, Мюнхен, Бавария — не ранее 1931, Ростов-на-Дону?],
филолог, эпиграфист, историк
литературы

Отец С. — д-р медицины. В семье увлекались искусством: сводные братья С. — художники А. А. и П. А. Сведомские, сам он посещал занятия в консерватории. По окончании гимназии г. Фрайзинг (1883) изучал недолго медицину, далее филологию в Мюнхенском ун-те (1883–1885; окончил с правом преподавания древних языков в баварских гимназиях). Приехав в Россию, выдержал в Петерб. ун-те (1892–1893 учеб. г.) экзамен на звание гимназич. учителя древних языков и, по-видимому, был причислен к ун-ту для подготовки магист. экзамена (см. прошение 1893: РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Ед. хр. 608). Магист. дис. «**Antiquitates juris publici Cretensium**» (защищена: Киевск. ун-т св. Владимира, 1895). С янв. 1894 учитель древних языков Киевск. 2-й гимназии, с 1898 — Киево-Печерской гимназии, позже преподавал франц. язык в гимназии В. Пётра. С 1896 по 1906 прив.-доц. Киевск. ун-та и чл. Киевск. ОКФП. В 1906–1911 жил в Петербурге, преподавал древние, нем. и франц. языки в Ларинской гимназии, Уч-ще св. Екатерины и Покровской женской гимназии; прив.-доц. Петерб. ун-та по каф. греч. словесности (1907–1911). В марте 1911 был избран экстр. проф. греч. словесности Неж. ИФИ, в 1913 перешел на ту же должность в Варшавский ун-т, после эвакуации которого в Ростов (1915) продолжил преподавание в организованном на его базе Донском (до 1924, Северо-Кавказском до 1931) ун-те.

В библиографии С. преобладают ист.-филол. и ист.-лит. исследования, хотя его первые публикации — «**Etymologisches**

über einige röm. Personennamen» (Xenien des philol. Vereins. München, 1891; упомянута в: Отчет о состоянии Киево-Печерской гимназии. Киев, 1900. С. 11), «**Об игре κότταβος**» (ФО. 1893. Т. 5), «**Значение семасиологии в ряду филологических наук**» (Гимназия. 1897. № 4) — указывают на студ. занятия лексич. семантикой, вероятно, под руководством Э. Вельфлина, основателя ж. «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik» (отклик С. на его смерть см.: Гермес. 1909. № 1. С. 20–23). Тему дис. С. избрал, однако, с учетом моды тех лет на ист.-филол. исследования — «**Antiquitates juris publici Cretensium praemisso conspectu geographico, ethnographico, historico**» (СПб., 1893; Jurievi, 21894); ее материалы отражены частично в посвященной выявлению архетипа критских формул статье «**Несколько слов о древне-критских клятвенных формулах**» (Записки РАО. 1895. Т. 7). Фундаментом для обзора истории, этнографии и топографии Крита автору послужили надписи и свидетельства антич. историков. Интерпретируя их, С. набросал очерк истории Крита со времен Миноса до эпохи римск. правления, уделив особое внимание истории критского союза и системе гос. воспитания на острове. Представление дис. в Петербурге и Юрьеве, по-видимому, не имело успеха (в те же годы, при активном вмешательстве Ф. Ф. З е л и н с к о г о, Петерб. ун-т отклонил «антикварную» дис. Н. И. Новосадского и, возможно, С. А. С е л и в а н о в а). Оппонент на киевск. диспуте И. Лециус (КУИ. 1895. № 8. С. 1–8), признав за трудом С. полноту освещения темы (учтено все вышедшее после издания Ноеск'а, хотя и, по признанию самого автора, «слишком немного»), «прилежность» и самостоятельность толкования источников (особенно в экскурсах о талассократии Миноса, истории демократии и критского союза), в целом оценил работу как удовлетворительное «specimen eruditionis

et diligentiae». Сожаление рецензента вызвали неудачно избранная тема, лишившая автора «возможности доказывать, насколько он в состоянии справиться с крупным научным вопросом», и огрехи, свойственные «молодым и неопытным ученым среднего уровня». К эпиграфике и греч. древностям С. возвращался затем в течение всей жизни: **«О гражданской присяге херсонесцев»** (Новое время. 1893. № 6107; по публ. В. В. Л а т ы ш е в а), **«Zum Bürgereid der Chersonesiten»** (Blätter für das Gymnasialschulwesen. 1894. Bd. 30), **«Eine Inschrift mit dem Namen Kaiser Iustinians»** (BZ. 1897. Bd. 6) и др.

Параллельно с эпиграфич. студиями С. обращался к исследованиям текстов греч. поэзии: **«О стихомифиях в трагедиях Эсхила»** (ФО. 1893. Т. 4), **«Введение к чтению Феокрита»** (Киев, 1896), **«О двух отрывках Софокла»** (Гимназия. 1898. № 4) и др. Преимущ. в ист.-лит. ключе выдержаны его монографии **«Древнегреческая эпиграмма»** (Киев, 1900) и **«Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии»** (Киев, 1903; Нежин, 21912); редкое для отеч. филологии науч. издание текста включает биогр. очерк с учетом антич. источников и новейшей европ. литературы (гл. I), жанровую интерпретацию творчества поэта (гл. II), греч. текст (по изданиям Бергга, Шнейдевина, Рейске и Крузиуса), наконец, собрание мелических и элегических фрагментов (гл. III–IV). Видя в сгусес издателей повод для новых толкований («заблуждения наших предшественников и наши собственные ошибки <...> нередко выводят нас на верную дорогу»), С. добросовестно пересматривает поправки, включая свои, когда они устарели. В ист.-лит. сочинения С. включал и собственные переводы фрагментов поэзии, в т. ч. из XXVIII идиллии Феокрита («Введение к чтению Феокрита»), греч. эпиграмм («Древнегреческая эпиграмма»), фрагментов Симонида («Симонид Кеосский...») и др.

В Петербурге 1900-х сотрудничал с редакцией ж. «Гермес», составляя подробные «извлечения» из иностранной периодики («Hermes», «RhMuseum», «Philologus», «The Classical Review» и др.), публикуя экзегетич. заметки [**«Солон во всеоружии»** (1908. № 1), **«Сисахтия»** (1908. № 13)] и рецензии. Разрыв с редакцией «Гермеса», возможно, был вызван откликом на «Новые комедии Менандра» Б. В. В а р н е к е (Гермес. 1909. № 7. С. 269–274; крайне раздраженный ответ Варнеке см.: Там же. 1909. № 9. С. 319–322). Науч. письму позднего С. свойственна ясность, а местами и популярность изложения: анализ свидетельств о защите Гиперидом гетеры Фрины от «асебеи» (**Гиперид и Фрина // Сб. Неж. ИФО. 1912. Т. 8**) он снабдил, напр., ист. экскурсом, делающим реконструкцию афинской жизни интересной для обычного читателя. В фонде РНБ сохранились ростовские литографированные пособия С. 1915/16 учеб. г.: **«Еврипид. Ифигения в Тавриде»**, хрестоматия **«Избранные отрывки греческих лириков классического периода»** (80 фрагментов от Каллина до Пиндара «по Бергку»: положительный отклик П. Н. Черняева: Гермес. 1915. № 4. С. 103) и **«Очерк истории греческой лирики классического периода»** (добросовестная фактич. сторона при несколько темном языке изложения отмечена в обзоре П. Н. Черняева: Гермес. 1918. № 17. С. 10). Эпизодически обращался С. также к византистике: **«Житие преподобного Симеона Дивногорца, по Мюнхенской греческой рукописи XI в.»** (Киев, 1898; с рус. переводом), **«Сличение рукописей, содержащих гимны Симеона Богослова»** (Киев, 1902), **«О происхождении и значении должности логофетов в Византии: к вопросу о гомеровском tholos»** (СПб., 1910).

Сохранив науч. контакты своей молодости, С. регулярно публиковал в нем. журналах («Philologus», «Neue Jahrbücher

für das klassische Alterthum», «WklPhil», «BPhW» и др.) отклики на выход значимых отеч. изданий, в т. ч. на «Очерк греческих древностей» В. Латышева (BZ. 1898. Bd. 7) и «Историю Афинской демократии» В. П. Бузескула (BPhW. 1910. № 2). Переводил с англ. и нем. языков, в т. ч. книгу Р. Джебба «Гомер. Введение к Илиаде и Одиссее» (СПб., 1892; отрицательный отклик В. Грингмута см.: ФО. 1894. Т. 6).

Как и др. педагоги, С. участвовал в дискуссии о проблемах классич. образования: его заметки «**К вопросу о малоуспешности учеников наших гимназий**» (Киев, 1904), «**Оценка успешности учеников в русских среднеучебных заведениях**» (Сб. Неж. ИФО. 1912. Т. 8), «**О преподавании греческого языка в современных русских гимназиях**» (Варшава, 1914) ценны личными впечатлениями о практике германских гимназий и вниманием к социальным причинам упадка школьного классицизма (переполненность классов до 80 человек, физич. слабость учеников, алкоголизм родителей и т. п.).

Свидетельства о жизни С. после 1917 скудны. Несмотря на бытовые трудности послереволюционного времени, он, по видимому, преподавал до конца 1920-х, преимущ. всеобщую историю (см. упоминание о его докладе «Археологические новости в западной литературе»: *Лунин Б. В.* Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии 1922–1926. Ростов н/Д, 1926. С. 4; см. также статьи: **Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища** // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Т. 1. Ростов н/Д, 1928; **По поводу греческой надписи на ручке ковша, найденного при раскопках Мелиховского кургана** // Там же. Т. 3. 1929).

Литература: Наука и научные работники СССР. Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928; *Решетова Н. А.* Интеллигенция Дона и революция. М., 1998;

Казаров С. С. Проф. А. Ф. Семёнов и становление антиковедения на Дону // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2014. № 2. С. 37–41 ♦ Прозоров; Венгеров; Нежин 1913; Воронков; Свиясов; Рус. интеллигенция.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); РГИА. Ф. 733.

В. П. Смышляева

СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ Андрей Петрович (до 1906 — Семёнов)

SEMENOV-TJAN-ŠANSKIJ A. P.

[9(21).6.1866, Петербург — 8.3.1942, Ленинград; Смоленское кладб.], зоолог, переводчик Горация

Из старинного дворянского рода, в числе представителей которого было немало литераторов (поэтесса А. П. Бунина, драматург П. Н. Семёнов и др.). Сын географа и гос. деятеля П. П. Семёнова-Тян-Шанского. По окончании Петерб. 8-й гимназии (1885) поступал на ИФФ Петерб. ун-та, затем перевелся на физ.-мат. ф-т, закончил в 1889 по естественному отделению: специализировался в энтомологии. В 1890–1896 учен. хранитель, затем старший зоолог Зоологич. музея АН (впоследствии — Зоологич. ин-та АН), куда вернулся после 1917. Автор более 1000 публикаций «чисто-научного» свойства (ОР РНБ. Ф. 1056. Ед. хр. 214. Л. 223 об.). Чл. РГО (почетный председатель отделения биогеографии), почетный чл. Русского и ряда зарубежных энтомологич. общ-в. Умер от пневмонии в блокадном Ленинграде.

Считая науку и искусство сестрами, с молодости увлекался поэзией (очень ценил А. С. Пушкина и даже задумывал сочинение «Сокровенные страницы биографии Пушкина») и музыкой, в частности, оперой. Подобно В. Брюсову и некоторым увлеченным античностью переводчикам начала XX в. (Л. В. Блуменгау,

П. Н. Краснов, П. Ф. Порфи́ров), С.-Т.-Ш. пришел к переводам антич. авторов через гимназич. увлечение поэтич. переводом и участие в лит. объединениях (в течение всей жизни писал и домашние стихи, в т. ч. антич. строфами). Один из трех — наряду с Н. С. Гинцбургом и Г. Ф. Церетели — ориентированных на эквиритмию («канонических») отеч. переводчиков Горация. Первые переводы римск. поэта с имитацией строфики од Горация в духе современной переводческой традиции С.-Т.-Ш. опубликовал в «Гермесе» и «РМ» за 1910, затем за 1916–1917; отд. переводы вышли в ж. «ВЕ» и «Лукоморье». Спустя два десятилетия С.-Т.-Ш. выпускает изящный двуязычный том своих переводов **«Квинт Гораций Флакк. Избранная лирика»** (М.; Л., 1936), куда он включил переводы значительного числа од I и II книг, несколько од III и IV книг и четырех эподов (2, 7, 15, 16). В послесловии «От переводчика» главным импульсом к началу своего

труда назвал пересмотр на рубеже веков требований к переводам антич. лирики, поскольку предшественники — А. А. Фет, П. Ф. Порфи́ров, переводившие Горация преимущ. рифмованными ямбами, — исказили, следуя С.-Т.-Ш., самый замысел римск. поэта, гордившегося своими эолийскими строфами: «Я задался целью передать Горация по-русски с возможно полным соблюдением его стиля и формы <...>. Мои переводы из Горация можно назвать силлабо-тоническим претворением метрических схем античности» (Цит. соч. С. 155–156).

Стремясь сохранять смысл, образы и метры оригинала, С.-Т.-Ш. уклонился, однако, от передачи многочисленных enjambements Горация и ограничил редкие ритмы в пользу более привычных рус. слуху: напр., перевод оды I, 8 оригинальной «сапфиной второй строфой» — «Лидия, ты скажи мне / Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь...» — дополнил более гладким переводом уже знакомой рус. читателю первой сапфич. строфой (Гермес. 1916. № 13–14. С. 304); свой вариант передачи редкой второй сапфич. строфы (в № 15–16 «Гермеса» того же года) предложил и Брюсов в статье «Sapphicum maius». Среди своих переводческих ориентиров С.-Т.-Ш. называл П. Ю. Львова, а в числе филологов, поощривших его старания, упоминал А. И. Малеина, В. В. Латышева, С. О. Цыбульского, Г. Г. Зоргенфрея, М. И. Ростовцева. Пользовался С.-Т.-Ш. при работе и «ценными указаниями и советами» Ф. Ф. Зелинского (Гермес. 1916. № 5–6. С. 131).

Образец перевода (ода I, 5): «Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне, / Что тебя обнимал в гроте приветливом / Весь в цветах, в ароматах, / Перед кем с неукрашенной / Ты предстала косой...». Или (ода I, 19): «Смотри: глубоким снегом засыпанный / Соракт белеет, и отягченные / Леса с трудом стоят, а реки / Скваны прочно морозом лютым. / Чтоб холод сбавить,

нового топлива / В очаг подбрось и полную чашею / Черпни из амфоры сабинской, / О Талиарх, нам вина постарше...».

В 1936 выполненные С.-Т.-Ш. переводы од и эподов Горация были включены издательством «Academia» в книгу «Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений» (М.; Л.); многие перепечатывались затем в различных сборниках и антологиях. В современных изданиях они обычно подвергаются редакторской правке. М. Л. Гаспаров, редактор сб. «Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания» (М., 1970), вспоминал: «Е. Витковский сказал: “Передо мной положили два текста перевода Семёнова-Тян-Шанского из Горация, такие, что я спросил: это разные?”. Я объяснил: это я редактировал старые переводы для однотомника 1970 г., в некоторых текст совсем исчезал за правкой, и лишь, словно в окошечках, виднелись первоначальные слова» (см.: Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 56). Некоторые исследователи называют С.-Т.-Ш. наименее точным в передаче смысла оригинала из трех переводчиков современного канона (см.: Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX в. СПб., 2005. С. 277). Искренний и принципиальный, «всегда независимых суждений», он «горячо отстаивал свои мысли», по воспоминанию племянницы В. Д. Семёновой-Тян-Шанской-Болдыревой (см.: Люди и судьбы на рубеже веков. СПб., 2000. С. 42); ценитель природы и холостяк-оригинал, С.-Т.-Ш. вел своего рода дневник в дистихах (частично опубл. в кн.: Из литературного наследия...).

Образцы записей С.-Т.-Ш.: «*Extra modum*. При безудержной свободе безумья хватит людского, / Чтобы потомство свое в пропасть низринуть навек» (май 1917); «*Quis a culpa abest?* Спущенным с цепи собакам нельзя удивляться: в их буйстве / Много повинны и те, кто их морил на цепи» (дек. 1917).

Современными экологами С.-Т.-Ш. признается одним из провозвестников отеч. движения «зеленых»: рассматривая природу как «великий синтетический музей», он выступал за «неотложные меры ограждения» дикой флоры и фауны: из 400 участников I Всесоюзной фаунистической конференции 1932 его протест против «реконструктора животных организмов» И. И. Презента поддержал лишь М. Н. Римский-Корсаков (Из литературного наследия... С. 24).

Литература: Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. Л., 1934; Из литературного наследия А. П. Семёнова-Тян-Шанского. Проза. Стихотворения. Эпиграммы. Киев, 1996 ♦ Рус. интеллигенция; Воронков; Свиясов.

Архивы: Личный фонд: СПбФ АРАН. Ф. 722. 1569 ед. хр.; Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ОР РНБ. Ф. 1056 (П. З. Андреев и Л. А. Андреева-Дельмас); СПбФ АРАН. Ф. 902 (Н. М. Римский-Корсаков); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. Ед. хр. 24978).

В. П. Смышляева

СИБИРСКИЙ

Александр Александрович, кн.

SIBIRSKY / SIBIRSKIĬ A. A., prince
[1824? Петербург (?) — 6(18).4.1879, имение при с. Рыбница Орловской губ.; похоронен в с. Приятное, ныне Свердловского р-на Орловской обл.], нумизмат, археолог

Представитель княжеского рода Сибирских, ведущего происхождение от сибирского хана Кучума (Кучум Бахадур-хан), который, по преданию, был потомком Чингисхана. Воспитание получил в Первом кадетском корпусе, который закончил с отличием и поступил на воен. службу: в 1842 — прапорщик Семёновского полка, в 1844 — подпоручик, в 1846 — поручик. В 1848 уволен

со службы по причине болезни с чином штабс-капитана. В 1852 поступил на службу в МВД. Во время Крымской войны в 1855 вернулся на воен. службу, поступив в стрелковый полк; уволен со службы в 1857.

Рано увлекся нумизматикой, составил превосходную коллекцию боспорских монет, стал крупным специалистом в этой обл. В 1846 был в числе учредителей Имп. Рус. археол. общ-ва. В 1852 сопровождал министра внутренних дел Л. А. Перовского во время его поездки в Крым и на Кавказ, когда под наблюдением обоих около Фанагории были раскопаны два кургана, в которых были открыты весьма любопытные древние гробницы. В том же году С. провел раскопки курганов в окрестностях Анапы и в одном из них открыл каменный склеп с полуцилиндрическим сводом. В авг. 1852 по поручению Перовского предпринял раскопки семи курганов около Феодосии: шесть содержали бедные кремации, в седьмом было обнаружено весьма богатое погребение — две расписные вазы, терракотовые статуэтки, два сер. браслета, зол.

бляшки, вероятно, от головного убора и пр. На основании сделанных находок С. пришел к заключению, что именно здесь находятся руины древней Феодосии.

Перу князя принадлежит ряд знаковых исследований по истории Боспора Киммерийского. В одном из них он проследил путь ист. развития Боспора от автономных полисов, основанных греками на берегах Керченского пролива, до создания монархич. державы и далее, вплоть до вторжения гуннов в Сев. Причерноморье. Варваризацию культуры Боспорского государства С. связывал с постепенным ее «оскифлением», усилением азиатских влияний (**Взгляд на историю и автономию Пантикапея** // ЗООИИД. 1867. Т. 6. С. 119–174). Важнейшие события боспорской истории, происшедшие в V в. до н. э., С. рассматривал на фоне экспансии Афинского морского союза, считая Археанактидов олигархич. родом из Митилены на Лесбосе, захватившим тиранич. власть в Гермонассе. Спартокидов С. считал выходцами из Афин, представителями рода Евмолпидов (**Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов** // Тр. III АС. Киев, 1878. Т. 1. С. 121–129).

Гл. итогом науч. деятельности С. должно было стать издание труда **«Каталог монет Боспора Киммерийского и исследования об истории и древностях Боспорского государства»**, который базировался на его личной коллекции. Работа состояла из двух томов: первый охватывал хронологич. отрезок от VI в. до н. э. до правления Асандра, второй — римск. эпоху, т. е. I–VI вв. н. э. Первый том состоял из двух частей: первая была посвящена автономной чеканке боспорских полисов, во второй рассматривались монетные выпуски, производившиеся при Спартокидах и Митридатах. Этот труд планировалось издать на средства автора на рус. и франц. языках. Издание на франц. языке было отпечатано в 1859, на рус. — в 1860. В то время князь

оказался в затруднительном финансовом положении и не мог выкупить свои книги. В итоге почти весь тираж погиб в подвалах «Экспедиции заготовления государственных бумаг» во время наводнения. Сохранилось всего три экземпляра этого ценнейшего издания.

Литература: Тункина 2002; *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011 ♦ Веселовский; РБС; Тункина 2017.

Ю. А. Виноградов

СМІРНОВ Яков Иванович

SMIRNOV Ja. I.

[27.4(9.5).1869, Иркутск —
23.10.1918, Петроград],
историк, археолог, искусствовед

Родился в Сибири в семье учителя истории, к тому времени д. стат. сов., директора Иркутской, затем Томской гимназии И. К. Смирнова. В 1880 отец с семьей перебрался в Петербург и продолжил деятельность в сфере образования. Мать С. — Анна Як. Смирнова, урожд. Капустина, племянница Д. И. Менделеева.

С. начал учиться в Томской гимназии, а после переезда семьи в Петербург продолжил гимназич. обучение в т. н. Филологической гимназии, открытой при ИФИ, который с 1867 располагался в здании, ныне занимаемом филол. и вост. ф-тами СПбГУ (*Тихонов. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 449*), — отсюда название «школа» у одного крыла нынешнего филфака. Это была отличная база для дальнейшего гуманитарного образования. С. рано проявил интерес к памятникам древности и уже в гимназич. годы совершил первое науч. путешествие (1886) в Ростов Великий для изучения и описания тамошнего кремля. Гимназию

С. окончил в июне 1887; оценки не были наивысшими, однако в характеристике отмечалось: «Поведение отличное, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также исполнении письменных работ достаточная, прилежание хорошее, любознательность вполне достаточная» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26229. Л. 3; цит. по: *Тихонов*. Там же. С. 449–450).

В авг. 1887 как выпускник классич. гимназии С. на основании прошения, без экзаменов, был зачислен на ИФФ ун-та, где продолжил изучение древних языков, антич. авторов, истории и культуры древности. Среди ун-тских учителей С., определивших его дальнейшие науч. интересы, были Ф. Ф. Соколов, В. В. Латышев, Ф. Ф. Зелинский, а также П. В. Никитин, читавший лекции по Эсхилу и «Илиаде», И. В. Помяловский, В. К. Ернштедт, О. А. Шебор, И. М. Гревс; историки Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов; и др. (Там же. С. 450). Интерес к классич. искусству и археологии определился у С. очень рано: уже во втором семестре он начал посещать лекции Н. П. Кондакова по антич. культуре и истории визант. и христ. искусства; поскольку С. более всего привлекали археология и классич. искусство, Кондаков стал главным его учителем, а потом и другом семьи (в архиве Д. И. Менделеева сохранились письма Н. П. Кондакова к родителям С.). Коллеги и друзья в разное время отмечали, что С. был «ближайшим и самым блестящим из учеников Н. П. Кондакова» (*Жебелев С. А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum. Т. 2. Прага, 1928. С. 2*); Никодим Павлович всегда заботился о его профессиональной судьбе.

В 1891 С. окончил ун-т, представив дипломное сочинение на тему «**Нереиды в античной литературе и искусстве**», получил диплом первой степени и был оставлен при ун-те для подготовки к преподавательской деятельности и сдачи магистерских экзаменов (Там же).

Будущих выдающихся специалистов, корифеев в обл. древней истории объединил Музей древностей ун-та, где С. А. Жебелёв, М. И. Ростовцев, С. и др. ученые сплотились вокруг Кондакова и кружка «фактопклонников»: Кондаков привил своим ученикам энтузиазм к древности и любовь к памятникам материальной культуры вместе с «методом строгого и точного знания». Здесь молодые ученые научились понимать, что «первое в научной работе это строго и точно, по источникам, после любовного их изучения, установить факты» (*Ростовцев М. И.* Странички воспоминаний. С. 23–24). Благодаря «фактопклонникам» С. получил навыки работы с вещами как ист. источниками, и именно там ему была привита любовь к ним и то особое ощущение предмета, которое так необходимо для работы музейного хранителя-исследователя.

Забота Кондакова со временем привела С. в Имп. Эрмитаж, где эти качества были необходимы. С. был прирожденным музейщиком и настоящим знатоком, вместе с заботой о сохранности древностей его отличало понимание их истинной науч. ценности. Это проявлялось не только в его служебной деятельности как сотрудника музея, но и в частной

жизни. Под руководством С., который своим профессиональным взглядом обнаружил признаки археол. объектов на землях менделеевской родни и их соседей в Боблове (недалеко от Клина), съезжавшие туда на лето проводили раскопки. Организацией «экспедиции» занимался двоюродный брат С., Н. А. Смирнов (впоследствии один из конструкторов ледокола «Ермак», крупный специалист по механике). Археол. находки на берегу реки Лутосни, где располагались поместья, были опубликованы [см.: *Каменский В. И., Спицын А. А.* Раскопки Н. А. Смирнова в Клинском уезде (1902 г.) // Зап. Отделения рус. и славян. археологии Имп. РАО. 1903. Т. 5, вып. 1. С. 143–148]. Сохранились воспоминания о том, как проходили эти «семейные» раскопки (*Менделеева А. И. Д. И. Менделеев в жизни: воспоминания, мемуары.* Л., 1928). В одном из писем к матери в Боблово (июнь 1902) С. просит ее передать Н. А. Смирнову: «Николаю рекомендую деликатно бережное отношение к памятникам родной старины: черепкам, костям, кирпичам и прочим добычам» (Музей-архив Д. И. Менделеева Музейного комплекса СПбГУ. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 81).

Неудивительно, что многие современники С. после такой школы в жизни и в ун-те безоговорочно признавали его профессиональное чутье и науч. авторитет. Жебелёв, характеризуя С., писал:

«Яков Иванович был истинный “вещевед”. Эта любовь к вещам, оставшимся от прошлого, побуждала Якова Ивановича внимательно относиться ко всем памятникам старины. <...> В особенности привлекали его памятники, дошедшие во фрагментарном состоянии. Соединение таких фрагментов в одно целое, поскольку оно может быть восстановлено, способно было увлечь его до такой степени, что он готов был забыть на время свои ученые дела. Заметим, что первоначальная реконструкция из разрозненных кусков фигуры Афины с фронтона древнего храма на афинском Акрополе принадлежит Якову Ивановичу

и Вл. К. Мальмбергу во время их совместных работ в 1894 году в так называемом Малом акропольском музее» (Цит. по: *Варшавский, Рес.* С. 95).

Многие вещи из фондов Эрмитажа, получившие известность в науке, своим вторым рождением обязаны С. Напр., уникальный келермесский ритон был собран из мелких кусочков именно им. Кондаков, как и многие др. коллеги обращавшийся к С. за помощью в определении неясных деталей в том или ином изображении, не переставал удивляться верности профессионального взгляда ученого и повторял: «Ну и глаза!» (Там же. С. 96). Ростовцев, проведший много времени с С. в заграничных познавательных путешествиях с целью изучения древних памятников культуры и близкий его друг, так выразил свое отношение к С.:

«Археолог с орлиным взглядом, сразу видевший то, чего не видели другие, «острый взгляд» которого известен всем археологам Европы, <...> соединил бесконечное знание вещей с огромной начитанностью и с необычайно острым критическим умом <...>. Помню его в археологических поездках и музеях, где он забывал и об еде и об усталости, изучая памятники, измеряя, зарисовывая и комбинируя. Помню в Эрмитаже, куда длинной вереницей тянулись к нему коллеги и ученики за справками, за помощью, за разрешением недоумений» (Там же. С. 96).

Исследовательское бескорыстие и ученая щедрость С., стремящегося исключительно к пользе для науки, отмечались многими. Это был человек, лишенный чувства соперничества и зависти; его доброжелательность и отзывчивость остались в памяти всех, кому довелось общаться и работать с ним. Интересы науки и Эрмитажа стояли для него на первом месте, оттесняя житейские проблемы, которых было немало. Энциклопедически образованный, С. легко ориентировался в проблематике самых разнообразных обл. истории культуры. И. А. Орбели вспоминал:

«Это был человек, который способен был неделями, месяцами искать везде, где только можно, во всех литературных свидетельствах, во всех описаниях памятников, сведения, которые нужны какому-нибудь студенту второго курса для еще не оформившейся статьи по археологии Кавказа. И это все он умел делать так, что вы считали, что вы его благодетель, а не он ваш благодетель <...> Он был душой всех научных проблем, которые кем-либо исследовались» (цит по: *Варшавский, Рес.* С. 94).

Еще один пример науч. щедрости С. являет известный факт, приведенный в воспоминаниях И. А. Орбели, Жебелёва и А. Н. Грабара, рассказывавших о том, что С., совершив путешествие в Малую Азию и Сирию, собрал богатый и интересный для исследования материал, зарисовав множество памятников древности (рисовал он прекрасно). Через несколько лет, узнав, что молодой австрийский исследователь Й. Стржиговский проявил интерес к тем же памятникам, С. пригласил его в Петербург и отдал ему весь свой материал и рисунки для обработки и публикации, поскольку понимал, что сам вряд ли сможет завершить начатое, а забота его была прежде всего о науке (см.: Там же. С. 95, примеч. 1; Жебелёв. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове. С. 183–184, 188; *Грабар А. Н.* Несколько слов воспоминаний о Якове Ивановиче Смирнове // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 7–8).

Поступив на службу в Эрмитаж в 1898 в возрасте 29 лет, С. проработал в музее до конца жизни, посвятив ему два десятилетия плодотворного труда. Он был чл. Совета Эрмитажа, в котором играл заметную роль и всегда занимал принципиальную позицию, что оказалось особенно важно в сложные для жизни музея годы полит. кризисов и ист. катаклизмов. Большинство поездок и экспедиций было осуществлено С. по совместному с учителем плану или одобрено Кондаковым. Еще будучи студентом, летом 1889 С. совершил археол. поездку по Крыму и Кавказу (все побережье от Херсонеса до Керчи, включая Феодосию; затем

Екатеринодар, Владикавказ и Тифлис) на средства Археол. комиссии, поручившей ему осмотр и фотографирование местных археол. памятников и тифлисских музейных коллекций. В Керчи С. задержался на две недели (*Тихонов*. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 452).

Кроме осмотра многочисленных памятников в самой Керчи, он совершил двухдневную поездку по Азовскому побережью Керченского полуострова от урочища Сююр-Таш до Чокракского озера. В Керчи он встретился с Кондаковым, после чего они вместе отправились в Екатеринодар для осмотра коллекций Е. Д. Фелицына, а затем во Владикавказ, после чего Смирнов, побывав в Тифлисе, выполнил основное задание Археол. комиссии (Там же). Кондаков привлекал своего ученика к обработке и анализу археол. материалов, передаваемых в Эрмитаж, результатом чего стала публикация (без указания автора) в ОАК за 1882–1888, посвященном классич. древностям Сев. Причерноморья (*Тихонов И. Л.* Становление классической археологии в Санкт-Петербургском университете: школа Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925: личность, научное наследие, архив: к 150-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 27–34; *Он же*. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 452).

В том же году С. помогал Кондакову в подготовке первого выпуска «Русских древностей в памятниках искусства», вышедшего в 1889. Сотрудничество с учителем было чрезвычайно важно для формирования молодого ученого. Осенью 1891 С. принял участие в экспедиции Кондакова на Ближний Восток, организованной ППО, где провел самостоятельные раскопки в Иерихоне на территории сада, принадлежащего Палестинскому общ-ву. Результаты раскопок, открывших помещение с мозаичным полом, позже были опублик. (*Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904). С. работал и с древними надписями, осмотренными или открытыми им

во время путешествия. В ходе изучения памятников древности в науч. путешествиях и экспедициях он неустанно сочетал знакомство с коллекциями самых разных музеев, все дальше расширяя круг источников для своих изысканий. В 1892 С. отправился в Москву для работы с коллекциями в Румянцевском музее.

В 1890-х С. совершил серию науч. путешествий по Европе и Средиземноморью, профинансированных МНП по ходатайству декана ИФФ (*Тихонов*. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 453; *Климанов Л. Г.* Я. И. Смирнов: из рукописного наследия // РНРВ. С. 451–456; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 92234. Л. 1–6; РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 967. Л. 198). В этой длительной командировке он основательно изучил и худож.-ист. памятники, и музейные собрания, и б-ки разных стран (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 617. Л. 288–298). Частично его поездки совпадали с маршрутами путешествий его коллег: так, в некоторых местах он оказывался в компании М. И. Ростовцева и Е. М. Придикиа.

Краткое перечисление городов и стран, где побывал С., позволяет представить тот объем сведений, который за короткий срок удалось освоить молодым археологам: в 1893 — поездка в Германию (Кёнигсберг, Берлин) и Францию (Канны, Париж); 1894–1897 — командировка в Италию, Испанию, Далмацию, Грецию, на острова Архипелага, на Кипр, в Малую Азию. Затем он перемещался по Зап. Европе для занятий в музеях и б-ках: первые полгода в Греции, где занимался изучением древностей Афин и участвовал в «островном путешествии», организованном Германским Археол. ин-том в Афинах. С проф. В. К. Мальмбергом С. самостоятельно посетил Пелопоннес и Дельфы и совершил экскурсию в Смирну, где изучил визант. рукопись XI в. В июле 1894 он побывал в Константинополе, где изучал коллекции Оттоманского музея и знакомился с топографией города. Оттуда отправился в Сплит (итал. Spalato, лат. Salona) на конгресс археологов, а затем совершил

большое путешествие по побережью Адриатич. моря и дунайским странам. С дек. 1894 до конца февр. 1895 С. оставался в Афинах, слушая лекции Дёрпфельда и Вольтерса, а затем отправился в Египет для изучения греко-римск., коптских и визант. древностей. В Александрии он наблюдал раскопки близ Помпеевой колонны. В Каире ознакомился с пирамидами в Гизе, с миниатюрами персидских рукописей из б-ки Хедива. Затем посетил Мемфис и вернулся в Грецию. В дек. 1894 он побывал на острове Корфу, а в апр. 1895 принял участие с другими рус. магистрантами в путешествии по Пелопоннесу и островам, организованном Германским Археол. ин-том в Афинах. В течение двух недель С. посетил Коринф, Дельфы, Олимпию, Аргос, Микены, Тиринф, слушая объяснения археологов: в Дельфах — Омоля, в Иреоне — Вальдштейна, в др. местах — Дёрпфельда, и пройдя т. о. «наглядный курс истории архитектуры». Островная часть путешествия началась с о-ва Эгини, затем был о. Парос, мыс Суний, Ороп, Эритрея, Делос; далее шли города Малой Азии: Ассос и Троя. По возвращении в Афины магистрантов ожидали лекции П. Вольтерса в афинских музеях по антич. скульптуре и вазовой живописи. В конце мая — начале июня 1895 С. с Ростовцевым и Придиком совершил путешествие по Пелопоннесу, знакомясь с археол. раскопками; С. посетил также Ионические острова. В конце июня 1895 вместе с Ростовцевым и художником Л. М. Браиловским С. совершил еще одну поездку по Средней Греции, посетив Дельфы, Орхомен, Херонею, Фивы. Летом 1895 состоялась поездка в Сев. Грецию, где С. побывал в Арте, изучая Собор Богородицы с мозаикой, осматривал монастыри Метеоры и памятники в окрестностях Солуни-Фессалоники. Он исследовал церковь Софии Солунской, сделал снимки и планы многих памятников архитектуры. Начало сент. 1895 С. провел на Кипре, где открыл древнехрист. алтарную мозаику с изображением Богоматери и архангелов в деревне Кити близ г. Ларнака (др.-греч. Китион, лат. Citium), которую датировал концом V — нач. VI в., а первую половину дек. 1895 — в Константинополе, откуда вернулся в Петербург для подготовки издания Археол. комиссией сер. блюд и сосудов.

В Константинополе С. принял участие в работе только что открытого РАИК, чл. которого был избран. По подсказке С. директор ин-та Ф. И. Успенский приобрел для ИПБ пурпуровое Евангелие, найденное С. в дер. Сармисахлы близ Кесарии. В апр. 1896 С. после месячного пребывания в Константинополе вернулся в Вену, встретился там с Кондаковым, Ростовцевым и Браиловским; через Сев. Италию они вместе отправились в Испанию. Это путешествие заняло большую часть мая 1896. Ученые посетили Сарагосу, Барселону, Мадрид, Кордову, Гранаду. Лето 1896 С. провел в Риме, изучая его памятники и музеи; затем совершил поездку в Помпеи, где слушал лекции А. Мау. В авг. 1896 он был вынужден вернуться в Петербург в связи с тяжелой болезнью отца. С середины окт. 1896 С. снова в Риме, куда съехались рус. ученые: Ростовцев, Придик, М. Н. Крашенинников. Весной 1896 С. перебрался в Париж, а затем в Лондон, где исследовал коллекции древностей для работы над изданием «Восточного серебра». В 1897 он изучал музеи Берлина, Лиона, Женевы и др. городов Европы.

Науч. кругозор С. был неисчерпаем, а присущая ему скрупулезность во всем, что касалось археологии, служила залогом основательности его знаний и надежности заключений. При этом все, кто знали его, отмечали его разительное упрямство, скептицизм и неуступчивость в спорах. Да и сам С. любил повторять: «Я сибиряк, а мы, сибиряки, — упрямые (вариант: соленые уши)» (*Жебелёв*. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове. С. 185). Жебелёв отмечал также его скромность в самооценке. Это качество вместе с требовательностью к себе стало, вероятно, причиной того, что, несмотря на разнообразие и широту тематики его работ, их до обидного мало: список трудов С., составленный самим Кондаковым и представленный при выдвижении кандидатуры С. для присвоения звания академика (С. был избран орд.

акад. РАН 13 мая 1917), содержит около 50 наименований.

См., напр.: Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, произведенные от 12 по 21.11. 1891 г. // *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904; Две бронзовые статуэтки всадников Исторического музея в Москве и Оттоманского музея в Константинополе. М., 1895; О фригийском божестве Месяце // *Στέφανος*. С. 130–132; Христианские мозаики Кипра // ВВ. 1897. Т. 4. С. 1–93; Слово X века о том, как чтился образ Спаса на Убресе в Эдессе // *Commentationes philologicae*. С. 202–212 (изд. впервые); Византийский складень графа П. П. Шувалова // *Худож. сокровища России*. 1902. № 2. С. 285–293; Мнимый портрет племянницы Грозного // Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916. С. 357–464.

Как требователен и придирчив к своей работе был С., показательное оставленное в опубликованных воспоминаниях мнение директора Императорского Эрмитажа графа Д. И. Толстого, который сталкивался с С. по работе и непосредственном общении:

«Человек он был крайне своеобразный <...>; про него говорили, что он всегда, обо всем, со всеми спорит, не исключая и себя самого. <...> В своих денежных делах он был нерасчетлив, тратил порой собственные средства на казенные цели, благодаря чему бывал в очень стесненных обстоятельствах: во время большевизма он настолько нуждался, что умер от истощения. Физически Смирнов казался значительно старше своего возраста (ему не было и 50 лет), и наружному своему виду он не придавал никакого значения. Говорил он красивым чистым русским языком, но сильно заикался» (*Толстой Д. И.* Революционное время в Русском музее и Эрмитаже // *Российский архив*. М., 1992. Т. 2–3. С. 330–361). Сам С. в одном из писем к матери от 20 авг. 1898 писал: «Все, что написано, в сущности бесполезная груда мусору, а сказать дельного ничего не придумаешь. <...> Надо не писать, а побольше читать. <...> Для того чтобы писать, надо побольше ума и знаний» (*Музей-архив Д. И. Менделеева Музейного комплекса СПбГУ*. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 68).

Несмотря на мечты об ученом досуге, С. всегда был готов взяться за работу там, где этого требовала внешняя необходимость. Так, в 1893, после отказа И. И. Толстого от порученной ему Археологической комиссией работы по подготовке к изданию «Приуральских древностей», Кондаков для завершения работы рекомендовал С., который потратил на нее немало труда, но довел дело до конца (*Ростовцев*. Странички воспоминаний. С. 23–24). Не так было в собственных делах: не без давления и прямого контроля Кондакова С. после возвращения из экспедиции ППО в Сирию и Палестину в 1891 сдал магистр. экзамены и подготовил и прочитал курс лекций по истории искусства на Бестужевских ВЖК (*Жебелев*. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове. С. 183; *Тихонов*. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 453).

Кондаков готовил С. себе в преемники по кафедре, о чем писал в окт. 1896 министру народного просвещения И. Д. Делянову:

«Выслужив установленный параграфом Университетского Устава тридцатилетний срок и имея в виду рекомендовать на свое место в качестве профессора истории искусства магистранта Якова Ивановича Смирнова, как наилучшего своего ученика, известного мне по глубоким знаниям в классической археологии, приготавливающего капитальное издание по Греко-восточному искусству и в будущем, несомненно, достойного представителя столичной кафедры, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство удержать за мною означенную кафедру истории и теории искусства в течение следующих трех лет, впредь до исполнения Смирновым всех требуемых Уставом условий для занятия профессорской кафедры, с назначением мне выслуженной пенсии и с предоставлением мне, по слабому здоровью, возможности оставаться на жительство в Ялте, исполняя при этом все ученые поручения Историко-филологического факультета, которые он найдет нужным мне сделать» (*Тихонов*. Я. И. Смирнов в Петербургском университете. С. 457).

В сент. 1898 С. прочитал в ун-те две пробные лекции, одна из которых — «Архаическое искусство Атики по последним раскопкам и открытиям», — и был допущен к чтению лекций в звании прив.-доц. по каф. теории и истории искусства. Тогда же он прочитал первую лекцию по истории искусства средневекового Востока. Преподавательская деятельность для С., относившегося к ней чрезвычайно ответственно, была для него интересной, но все-таки тяжелой обязанностью, в отличие от музейной работы, к которой от стремился всей душой.

Характеризуя С. как ученого, следует привести примеры проявления его нравственных установок, характерных для среды рус. интеллигенции того времени. В письме к матери от 16 авг. 1899 он с возмущением пишет о том, что из ун-та уволено по полит. мотивам несколько преподавателей: «...изгнаны Кареев и приват-доценты Исаев, Гревс, Лейбер и Венгеров <...> После такого свинства я рассудил за благо свое приват-доцентство бросить и послал заявление ректору о сложении с себя звания приват-доцента» (Музей-архив Д. И. Менделеева Музейного комплекса СПбГУ. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 71). Несмотря на уговоры и несогласие с его поступком друзей, прочитав лекции всего год, он оставил ун-т, вернувшись к преподавательской работе только в 1913.

Главным полем деятельности в жизни С. стал Эрмитаж. С июня 1898 приказом по МИДв С. был определен кандидатом на классную должность и откомандирован для занятий в Имп. Эрмитаже с выплатой содержания 200 р. в год. С сент. 1899, по рекомендации Кондакова, С. поступил на службу в Имп. Эрмитаж хранителем по Отделению Средних веков и эпохи Возрождения.

Архивы содержат сведения о разных сферах приложения деятельности С. в Эрмитаже. В числе его заслуг, отмеченных в некрологе, хранящемся в архиве АН, указано, что «он привел в порядок Средневековое

отделение и выставки в 17 залах, <...> произвел полную реорганизацию отделения, составил каталог библиотеки этого отделения. <...> Последние 9 лет работал над инвентаризацией Восточного отделения. <...> Смирнову принадлежит заслуга создания собрания древностей Самарканда, сибирских, хеттских и золотоордынских» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 540. С. 8). Работая в Эрмитаже, С. энергично продолжал экспедиционную деятельность.

Трудно представить себе и археологию Кавказа без имени С., причем его науч. деятельность по исследованию памятников в значительной степени была сопряжена с охранными задачами. В апр. 1916 по ходатайству АН и РАО он был командирован на два месяца в район Кавказского театра военных действий для работ по охране и регистрации памятников древности и искусства. Его неоднократные исследовательские поездки в 1889, 1909–1910 и 1915 на Кавказ (в т. ч. и совместные с Н. Я. Марром) внесли ощутимый вклад в кавказоведение.

С. много времени уделял экспозиционной работе и даже в письмах к родителям подробно описывал музейные дела. 14 июня 1901 он пишет: «В Эрмитаже у нас будут красить три зала, и потому предстоит с завтрашнего дня усердная и нелегкая работа по снятию вещей со стен, а потом и по новому их размещению...» (Музей-архив Д. И. Менделеева. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 77).

В 1902 обвенчался с хористкой Мариинского театра Александрой Александровной Смирновой, которая приходилась ему двоюродной сестрой и по матери, и по отцу. У них было четверо детей. Младший сын умер вскоре после отца. Три дочери пережили революцию и гражданскую войну. Старшая, Анна Яковлевна, сначала потеряла мужа, репрессированного в 1937, а в 1942 была арестована и погибла, оставив четверых детей. Дети выжили, но, распределенные по разным детским домам, были лишены возможности получить хорошее образование.

Памяти С. посвящено уже не одно издание — надежное свидетельство его науч. заслуг и ценности его вклада в изучение истории древних культур. Первый сборник, посвященный памяти акад. Я. И. Смирнова, был опубликован его друзьями и коллегами в Праге в 1928: второй том трудов «*Seminarium Kondakovianum*» открывался некрологом С., «ближайшего и наиболее блестящего из учеников Н. П. Кондакова», автору которого, акад. Жебелёву, пришлось жестоко расплачиваться за рискованные с полит. точки зрения высказывания вроде фразы: «Яков Иванович скончался 10 октября (по ст. ст. — Е. К.) 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье...» (Жебелёв С. А. Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. С. 1).

Бобловское имение спасало семью в голодное послереволюционное время. Этот уголок земли был С. помимо этого близок и дорог; туда он мечтал добраться, чтобы восстановить угасающие силы в 1918. С. П. Троицкий исхлопотал для С. длительный отпуск для поправки здоровья в Боблове. Приказ, подписанный 22 окт. комиссаром Эрмитажа Н. Н. Пуниным и разрешавший «уволить в двухмесячный отпуск с сохранением содержания хранителя Я. И. Смирнова по болезни» опоздал: 23 октября стало последним днем ученого.

С. не принял и не мог принять революцию: ее последствия стали катастрофой для того мира, в котором и которым он жил. Известие о том, что в Шахматове сожгли б-ку А. Блока, особенно близкого ему через Менделеевых, стало для него настоящим ударом. В одном из писем к матери этого периода есть горькая фраза: «Тяжело, грустно и стыдно жить нам, русским» (24 янв. 1918; Музей-архив Д. И. Менделеева. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 93). Ранняя смерть ученого была словно предопределена. Его ближайший друг Ростовцев высказался на этот счет недвусмысленно:

«Я. И. Смирнов — первая жертва большевистского голодного режима, академик Российской Академии наук и хранитель Эрмитажа. Немногие его знали, но кто знал, тот свято хранит этот образ. <...> Не знаю, для кого Смирнов работал больше, для себя или для других, а погиб он потому, что ему противно было думать о себе, стоять в хвостах, терять время научной работы на заботу о своем больном теле. Он жил как подвижник и умер как аскет. Мир праху его!» (Ростовцев М. И. Поминки: памяти загубленных друзей и коллег // *Современные записки*. 1920. Кн. 2. С. 237).

Ростовцев принял участие в пражском сборнике 1928, напечатал в нем статью ««Скифский» роман», которая также начиналась поминальными словами о С.: «Сборник в память Якова Ивановича Смирнова! Больно думать, что, не будь происшедшего переворота и всего с этим «переворотом» связанного: голода, отчаяния, разочарования в настоящем и будущем, — Яков Иванович был бы еще с нами и мы писали бы статьи в его честь, а не в его память» (Ростовцев М. И. «Скифский» роман // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 2. С. 135).

В период испытания страны революцией С. проявил силу духа и мужество солдата, до конца остающегося на своем посту. Он продолжал преподавать в ун-те и работать в Эрмитаже, где некоторое время в 1917 был заместителем директора Д. И. Толстого. И даже ближайшие друзья и коллеги не подозревали, что его физич. силы исчерпаны и дни на исходе. Он никогда ни на что не жаловался и никогда не уклонялся ни от каких трудов. С. остро ощущал личную ответственность за судьбу любимого им Эрмитажа, понимая уникальность бесценного музея и защищая его от вполне насущной опасности. Не считаясь со своим здоровьем и с трудностью передвижений по стране, С. несколько раз отправлялся в Москву, куда была эвакуирована значительная часть экспонатов, для того чтобы удостовериться в их сохранности. В письме

к матери от 23 нояб. 1917 он подробно описывает распорядок дня и свои новые обязанности в Эрмитаже: необходимость круглосуточных дежурств требовала от сотрудников музея огромного напряжения сил. «С 18-го на 19-е ночное дежурство с 4 до 6 под вечер; с 22-го на 23-е стоял с 5 до 8 утра; 23-го — вечером с 3 до 9 в Эрмитаже; 25-го и 26-го ночное с 9 до 9 в Эрмитаже; 26-го дома с 8 до 11-и и 30-го ночное по дому и до 2 бродил по двору, под воротами, перед домами, временами грелся у камина на подъезде» (Музей-архив Д. И. Менделеева. Ф. IV. Д. 3. Разд. 1. Конв. 92).

Сохранился документ, свидетельствующий об ответственном и разумном подходе ученого к тому, что касалось реформ в Эрмитаже. «Протокол собрания хранителей, созванного по инициативе комиссара Н. Н. Пунина 14 авг. 1918 г.» содержит выступление С., достойное того, чтобы процитировать его.

«...От реформ никто из нас не отказывается, но не нужно, бесполезно и даже вредно для такого учреждения, как Эрмитаж, пускать для вида только сверкающий фейерверк во славу революционного момента. Эрмитаж должен идти по своему естественному пути эволюционных улучшений, не слишком спеша, твердо и уверенно» (цит. по: *Варшавский, Рест. С. 239*).

Один из близких друзей, Жебелёв, так описал свою последнюю встречу с С. в 1918 г. в том самом Музее древностей ун-та, с которого началась их дружба и науч. сотрудничество:

«В пятницу 18 октября, в полдень, мы встретились с Яковом Ивановичем в Музее древностей университета, поговорили, затем собрались идти вместе до Дворцового моста. Вдруг, о ужас, Яков Иванович пробует встать со стула и не может. И. А. Орбели и я помогли ему подняться на ноги. Пошли по нижней галерее университета, шли очень тихо, а Яков Иванович все предупреждает меня не идти быстро, потому что ему трудно передвигать ноги. Дорогой он говорил мне о том, что он скоро поедет

к себе в деревню, где рассчитывает отъехать и отлежаться. Так еле-еле добрались до Дворцового моста и около него расстались. Я пошел по мосту. Оглянувшись, увидел, что Яков Иванович стоит около здания Зоологического музея и рассматривает выставленные в витрине книги <...> Это была моя последняя встреча с Яковом Ивановичем — 23 октября его не стало...» (*Жебелёв. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове. С. 191*).

Акад. Я. И. Смирнов умер, не дожив до пятидесяти лет. Однако его науч. наследие поражает не только глубиной и обширностью познаний ученого в разных обл. истории культуры, не только методичностью и основательностью его разнообразных исследований, но и необъятностью материала, который он успел изучить. Многие его труды остались в рукописях, но, не став достоянием широкого круга читателей, не потеряли своего значения.

Литература: *Ростовцев М. И.* Странички воспоминаний // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1924. Прага, 1924; *Варшавский С. П., Рест Б. (Ю. И.)* Билет на всю вечность. Л., 1981; *Жебелёв С. А.* Из воспоминаний о Я. И. Смирнове // ВДИ. 1993. № 3. С. 182–191; *Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 84–124; Тихонов И. Л. Я. И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, приват-доцент // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2009. Вып. 8. С. 449–470; Королькова Е. Ф. *Ars longa, vita brevis // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. Кн. 2. СПб., 2014. С. 151–157; Она же.* Ближний круг. Я. И. Смирнов в науке и в жизни // Там же. С. 158–164; *Она же.* «Фактопоборник» Яков Иванович Смирнов: антиковед, византист, археолог // Тр. Гос. Эрмитажа. Вып. 80. Белградский сборник: к XXIII Международному конгрессу византистов. Белград, Сербия, 22–27 авг. 2016 г. СПб., 2016. С. 292–310 ♦ БС МАО; Сотрудники Имп. Эрмитажа; Бузескул 2008; Тункина 2017.*

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 14; РГИА. Ф. 733; СПбФ АРАН. Ф. 1, 4; НА ИИМК РАН. Ф. 32 (коллекция негативов и фотографий); Музей-архив Д. И. Менделеева Музейного комплекса СПбГУ. Ф. IV; Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 69.

Е. Ф. Королькова

СОКОЛОВ**Иван Яковлевич**

SOKOLOV I. Ja.

[около 1798, ? — 1848, Петербург],
филолог

Из духовного звания. Окончил филол. отделение Петерб. ун-та в 1823. Преподаватель каф. греч. словесности Петерб. ун-та с 1823, адъюнкт (1831–1835). Читал греч. грамматику в ГПИ; адъюнкт (1829–1848), учен. секр. конференции (1831–1834) и библиотекарь ин-та (с 1830). В 1825–1833 учитель древних языков Петерб. 3-й гимназии.

Ученик и — по неясным для коллег основаниям — фаворит Ф. Б. Грефе, С. принадлежал к первому выпуску Петерб. ун-та, которым залатали лакуны после «профессорского дела» 1821. Ун-тскую карьеру начинал публичным экзаменационным рассуждением по истории греч. литературы (Маяковский и Николаев. С. LXVI). О манере преподавания С. остались неблагоприятные отзывы: уже при баллотировке в 1828 он из 15 голосов получил лишь 5 «утвердительных» и был оставлен, «вероятно, по особому к нему расположению проф. Грефе, не смущавшегося слабостью его способностей и вредом от этого для преподавания» (Григорьев. Примеч. 191). Прозванный слушателями Jean-Jacques, «один из самых бездарных и потешных университетских преподавателей» (Чумиков А. А. Петерб. ун-т полвека назад // РА. 1888. № 9. С. 130), С. был обычной мишенью для студ. острот по поводу недостаточной образованности (разночинные обороты и интонации), особенно же по склонности к пустословию (Фортуатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербург. ун-те за 1830–1833 // РА. 1869. № 11. С. 327). Н. Г. Чернышевский, оценивавший адъюнкта С. как «самую ограниченнейшую голову, слабенькую-преслабенькую» и «пятилетнее дитя», отдавал, однако, должное его добродушию

(«...его нельзя не любить как человека») в сравнении с суровыми профессорами-немцами (Чернышевский Н. Г. ПСС: в 15 т. Т. 14. С. 91, 133).

С. выпустил два учеб. пособия «по германским образцам»: **«Руководство по переводам с русского языка на греческий, по Росту и Вюстеману»** (СПб., 1832) и **«Краткий латинско-русский этимологический словарь. С Шеллерова немецкого VI издания, усовершенствованного Люнеманном и Биллербеком»** (СПб., 1841). В последние годы, возможно, готовил пособие по курсу древностей (О трудах профессоров и прочих преподавателей // ЖМНП. 1849. Ч. 61. С. 5). Как библиотекарь ГПИ, С. описал его книжное собрание в брошюре **«Каталог книг, составляющих библиотеку ГПИ в 1829–1843 гг.»** (СПб., 1844).

Литература: Плетнёв; Смирнов; Аничков; Бывшая 3-я гимназия ♦ Воронов; Григорьев; Рус. интеллигенция.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ; в т. ч. ф. с. разных лет — Ед. хр. 3566), 14 (Петербург. ун-т), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 439 (Петербург. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

СОКОЛОВ**Петр Петрович**

SOKOLOV P. P.

[20.10(1.11).1878, Петербург —
не ранее 1932, ?], филолог

Сын гимназич. учителя. Окончил Ларинскую гимназию (1896, сер. медаль) и филол. отделение Петерб. ИФИ (1896–1900); магистрант (1900–1902). С авг. 1902 находился на пед. службе: до 1912 преподавал древние языки в Петерб. 1-й (с 1911 воспитатель при пансионе) и 6-й гимназиях (с 1908). Выезжал в Англию (1910) для ознакомления с зарубежным пед. опытом.

В дек. 1912, оставив Петербург, занял пост директора Ломоносовской гимназии в Архангельске (РГИА. Ф. 740. Оп. 47. Ед. хр. 13. Л. 5; рекомендуется попечителем как «тактичный и опытный педагог с твердым характером»). В марте 1917 неоднократно выступал перед учениками и служащими, «объясняя им значение свершившегося государственного переворота», за что подвергся критике в местной прессе и пед. коллективе. Свои возражения опубликовал в виде брошюры «**Прошу слова**» (Пг., 1917; приложена к его записке в МНП — РГИА. Ф. 740. Оп. 45. Ед. хр. 226). Вероятно, в том же 1917 С. оставил Архангельск и вернулся в Петроград. «Петр Петрович Соколов» упоминается в числе преподавателей каф. истории антич. театра Гос. ИИИ 1920-х (Наука и науч. работники. Ч. 2: Науч. учреждения Ленинграда. Л., 1926. С. 93) и, возможно, в записках О. М. Фрейденберг, назвавшей «учителя Соколова» в числе классиков, которым она нашла применение на каф. ЛИФЛИ (см.: *Пастернак Б. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг*. М., 2000. С. 186).

Журнальные публикации С. характеризуются неопределенностью темы, поэтому трудно выявить направление его магист. занятий в 1900–1902. Возможно, материал недописанной (ист.-лит.?) дис. отражен в статье «**К Каллимаху: хронологическая дата гимна εις Ἀπόλλωνα**» (ФО. 1901. Т. 20), где С. защищал свидетельство схолиаста (к ст. 26) о посвящении этого гимна Птолемею Эвергету, датируя его примерно 246 до н. э. В дальнейших публикациях С. «александрийская» тема не получила развития. Искусствоведческому вопросу посвящена статья «**Hercules furens в Мюнхенской Глиптотеке**» (ЖМНП. 1905. Март), где автор отождествляет изображенного на мраморном рельефе (по Брунну — Полифема) с Гераклом из трагедии Еврипида. Занимала его и история римск. жанров,

куда относится его брошюра «**“Octavius” Минуция Феликса и “De natura deorum” Цицерона: страницы из литературной истории диалога**» [СПб., 1910; в рец. А. И. Маленина на эту работу (Гермес. 1911. № 6. С. 124–127) порицается недостаточное знание С., «пересыпавшим статью цитатами из Буассье, Ренана, Зеллинского», литературы по вопросу]. Постепенно, то ли из личной увлеченности, то ли ex officio (как подчиненный Г. Г. Зоргенфрея, своего ин-тского наставника и директора 6-й гимназии) С. погрузился в педагогику.

По воспоминаниям гимназистов Петерб. 1-й гимназии, молодой С. был единственным преподавателем древних языков, «кто учил чему-то большему, чем грамматика», как на занятиях, так и в своем кружке (Чухман А. А. Очерки по истории 321 средней школы. Т. 2. СПб., 2007. С. 66, 77). С. был близок окружению Петерб. ОКФП и ж. «Гермес», где сотрудничал как рецензент и автор отчетов о пед. заседаниях. Уважительно относясь к традициям школьного классицизма (см. написанный им некролог Э. А. Верта: *Гермес*. 1907. № 6), С. пропагандировал его обновленные современными пед. идеями варианты, интересовался опытом нем. и англ. учеб. заведений, программы и методику которых считал перспективными для внедрения на рус. почве (**Древние языки в современной английской школе. Grammar school // ЖМНП**. 1911. Авг.–сент.). Участвовал в деятельности Собрания преподавателей лат. языка (Гермес. 1907. № 3. С. 77), отстаивая необходимость историко-культурного компонента в преподавании древних языков. Как и многие сверстники, симпатизировал идеям «третьего Возрождения» (*Николаев Н. И.* Идея третьего Возрождения и Вяч. И в а н о в периода Башни // Башня Вяч. Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 231), сочувственно цитируя в своих

заметках тезисы Ф. Зелинского, В. Иванова, И. Анненского. С. — автор рецензий на пьесы Анненского «Меланиппа — философ» и «Царь Иксион» (МВед. 1901. № 342; 1902. № 118) и отклика на смерть царскосельского поэта (Россия. 1909. № 1239).

Не лишенный лит. дарования (С. был внуком известного критика и переводчика Иринарха Ивановича Введенского; см.: Прошу слова. С. 17), С. поддерживал внеклассные ист. и лит. занятия учеников: в 1909 создал при Петерб. 1-й гимназии кружок друзей древнего мира, в котором гимназисты выступали с докладами и чтением переводов [см. прил. «Гермес» за 1911 и доклад «**Внеклассные занятия латинским языком**» (Тр. I съезда)]; в 1914 он организовал подобный кружок и в Архангельске. С. режиссировал гимназич. спектакли, в т. ч. постановки комедий Плавта на лат. языке (Coci — сцена из комедии Плавта Aulularia в исполнении учеников I С.-Петербургской гимназии // Гермес. 1908. № 15. С. 408–410), «Реса» Еврипида и «Пленников» Плавта в рус. переводе, для чего издал перевод Анненского в собственной редакции и с послесловием (см. заметку о представлении «Реса»: Гермес. 1910. № 5); перевел С. и «Пленников» (Гермес. 1912. № 4. С. 125). Сверстник и коллега С. по 1-й гимназии В. Г. Янчевецкий привлекал его к сотрудничеству в газ. «Россия», а также в ж. «Ученик», где С. публиковал заметки просветительского свойства («**Крылья у древних**», «**Будущее ученика**» и др.).

Литература: Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Ист. записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербург. 6-й гимназии. 1862–1912. СПб., 1912; Максимова С. Н. Преподавание древ. языков в рус. классич. гимназии XIX — нач. XX в. М., 2005 ♦ Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733, 740; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ); в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 2470).

В. П. Смышляева

СОКОЛОВ Федор Федорович

SOKOLOV Th. Th. / SOKOLOV F. F.

[12(24).11.1841, Стрельна, ныне пос. Петродворцового р-на Петербурга — 1(14).6.1909, Петербург; Смоленское кладб., могила не сохранилась],
историк, эпиграфист

Из духовного сословия. В 1855–1858 учился в Петерб. духовной семинарии; с 1858 — в ГПИ, после закрытия которого — на ИФФ Петерб. ун-та с 1859 по 1862; с 1862 по 1865 — на пед. курсах, практич. занятия которых проводились во 2-й Петерб. гимназии. Магист. дис. «**Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии**» (СПб., 1865). Магистр всеобщей истории (1865); чл.-корр. Петерб. АН (1900), д. чл. Классич. отделения РАО (1874). В Петерб. ун-те прив.-доц. (1867), доц. (1867–1884), экстр. (1884–1890), исполняющий должность орд. (1890–1892), исполняющий должность засл. орд. (1892–1909) проф. каф. всеобщей истории. В 1891 С. исполнял обязанности декана ИФФ Петерб. ун-та. Кроме того был экстр. (1870–1883), орд. (1883–1890), засл. (1890–1909) проф., ученым секр. конференций (1871–1891) ПИФИ.

В годы ученья на ИФФ С., по всей видимости, слушал курсы по всеобщей истории у проф. М. И. Касторского, М. М. Стасюевича и доц. Н. А. Астафьева, а по классич. филологии — у проф. И. Б. Штейнмана, Н. М. Благовещенского и доц. Г. И. Лапина. Вопрос о том, испытал ли С. влияние проф. М. Сем. Куторги, остается открытым. С. А. Жебелёв указывает на то, что в пору студенчества С. «главный представитель кафедры всеобщей и, в частности, древней истории» Куторга путешествовал по Востоку, а потому «высшей школы по

древней истории Ф. Ф. Соколов не прошел» (*Жебелёв С. А. Столетие рождения Ф. Ф. Соколова // ВДИ. 1993. № 1. С. 186; см. также: Бузескул В. П. Разработка древнегреческой истории в России // Анналы. 1924. Т. 4. С. 144*). Поэтому утверждение о том, что «созданное Куторгой научное направление» будто бы оказало влияние на формирование С. как ученого, кажется преувеличением (ср.: *Фролов С. 209; Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историко-графические этюды С. А. Жебелёва: из неизданного научного наследия // ВДИ. 1993. № 1. С. 184–185*).

После защиты магист. дис. С. провел два года в заграничной командировке (1865–1867). В Берлине прослушал несколько лекций о римск. уголовном праве и уголовном процессе у Т. Моммзена, по истории Европы с XVI в. — у И. Г. Дройзена; по истории римск. литературы — у К. Э. Гепперта, ученика А. Бёка, автора книги о гомеровском эпосе и исследований о Плавте. С. занимался в б-ках Берлина и Франкфурта-на-Майне (Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию. Магистр Федор Соколов // ЖМНП. 1865. Дек. С. 6–9). С осени 1865 в Гёттингенском ун-те С. слушал курс лекций «О культе, праве и обычаях афинян» проф. Г. Зауппе, который в свое время в Лейпциге прошел исследовательскую школу в семинаре Г. Германа и стал лучшим учеником знаменитого критика текстов и науч. оппонента А. Бёка и его школы. Ко времени, когда у него занимался С., Зауппе принял участие в критич. издании «*Oratores Attici*» (Zürich, 1839–1843) и опубликовал ряд ценных работ по греч. эпиграфике и «греческим древностям» (см.: *Bursian S. 859–860*). Зауппе как лектор восхищал С. тем, что «он сообщает множество фактов, указывает на самые новые сочинения по всякому отдельному вопросу, смотрит на свой предмет просто и прямо» (Извлечения из отчетов... // ЖМНП. 1866. Янв. С. 86–92).

Проницательный Б. В. Варнеке отмечает, что в С. можно было заметить «остроту научной критики Г. Зауппе» (Варнеке. 2013. № 4. С. 129).

С. признавался, что во время пребывания в Германии стремился заполнить пробелы в своих знаниях о Греции и Риме; с этой целью он обращал особое внимание на изучение греч. надписей, поэтов греч. и римск. антологий, «малых» географов, греч. ораторов II в. н. э., римск. юристов и различных схолиастов (Григорьев. С. 370). Здесь у С. проявился интерес к антич. археологии и истории изобразительного искусства, но особенно к греч. эпиграфике. В Германии С. собрал материал для докт. дис. о Дейноменидах, тиранах Гелона и Сиракуз V в. до н. э., которая должна была стать продолжением его магист. работы, но так и не была написана (*Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 23*).

В магист. дис., единственной написанной С. книге, изучена история Сицилии VIII–VI вв. до н. э. Автор показал, что древнейшее население острова состояло из сикулов (италиков), сиканов

(иберийцев) и пришедших из Эпира элимов. Если финикийцы не основывали здесь городов и не повлияли существенно на демографию острова, ни на религию его жителей, то греки, напротив, начиная с 736 до н. э. постоянно основывали здесь свои колонии, так что до конца VI в. до н. э. во всех сицилийских полисах правили потомки первых греч. колонистов. С. доказывает, что на протяжении VIII–VII вв. до н. э. греч. население не смешивалось с сикулами, сохраняя свою этнич., религиозную и культурную однородность. В. Г. Васильевский в рец. на труд С. отметил «добросовестное, самостоятельное изучение источников, живость изложения, умение придать интерес самым мелким подробностям», но одновременно также излишний критицизм автора в отношении «древних писателей и новых иностранных ученых» (ВЕ. 1866. Т. 2. С. 112–113). С. А. Жебелёв ставил дис. С. высоко, признавая, что она «написана живо, остроумно, интересно, характерным языком» (Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 28).

С. — автор «малых форм»: помимо магист. дис., он опубликовал 5 рец. на книги своих учеников, 2 академ. речи и статьи, всего ок. 30 работ, которые после его смерти были собраны и изданы в одном томе (**Труды**. СПб., 1910; см. рец.: *Ловягин А. М.* // Гермес. 1910. № 14. С. 349–356; *Röhl H.* [Rez.:] Sokolow Th. Th. Wissenschaftliche Arbeiten. SPb., 1910 // ВРPhW. 1911. Bd. 31. Sp. 872–874). С 1897 по 1907 в «ЖМНП» С. напечатал 23 статьи различного содержания под общ. названием «В области древней истории» (см.: Труды. С. 263–574). Инициатива публ. этих работ принадлежит его ученику В. К. Ернштедту, который в то время заведовал отделом классич. филологии журнала и умел «побуждать Ф. Ф. к писанию». Как показал Жебелёв, С. намеревался подготовить 60 таких статей (Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 40–42).

Многие статьи С. посвящены решению спорных вопросов греч. истории, гл. обр. III–II вв. до н. э. и основываются на детальном анализе документального материала — греч. надписей и папирусов. В работах «**Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского**» (ЖМНП. 1879. Нояб. С. 369–417) и «**Александр, сын Кратера**» (ЖМНП. 1897. Март. С. 112–129) С. убедительно показал, что афинский декрет, в котором упоминается война афинян и аргивян против некоего Александра, относится не к эпохе Александра Великого, как считал издатель надписи У. Л. Кёлер (СИА II, 161; ср. IG II², 774), а к более позднему времени. Доказав, что в надписи речь идет об аргосском тиране Аристомахе ст. и Александре, сыне Кратера, племяннике македонского царя Антигона Гоната, С. предложил более точную хронологию событий середины III в. до н. э. В пользу такого решения проблемы высказался и А. Вильгельм (*Wilhelm A.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909. Bd. 1. S. 110–111). Материалы своих исследований афинского декрета в честь Аристомаха С. опубликовал на нем. яз. (**Zur Geschichte des 3. vorchristlichen Jahrhunderts. I: Alexandros, Krateros' Sohn** // Клио. 1903. Bd. 3. S. 119–130). Выводы этой статьи обсуждали в своих трудах по истории эллинизма крупнейшие историки античности первой пол. XX в. Б. Низе, К. Ю. Белох, Г. Де Санктис, У. Тарн и др. (см.: *Кузьмин Ю. Н.* История древней Македонии в работах Ф. Ф. Соколова // Мнемон. Вып. 8. СПб., 2009. С. 105–109).

Помимо работы об Александре, сыне Кратера, С. опубликовал еще несколько статей на нем. яз. в ж. «Клио» под общим названием «Zur Geschichte des 3. vorchristlichen Jahrhunderts»: «**II: Der Antiochos der Inschriften von Ilion**» (1904. Bd. 4. S. 101–110); «**III: Das jährliche Nemeenfest**» (1905. Bd. 5. S. 219–228); «**IV: Die delphische Amphiktionie**» (1907. Bd. 7. S. 52–72).

В след. после магист. дис. большой печатной работе «**Гомеровский вопрос**» (ЖМНП. 1868. Ноябрь. С. 360–442; Дек. С. 834–886; Труды. С. 1–148) С. сделал критич. разбор имевшихся к тому времени попыток решить эту проблему. Признавая, что Ф. А. Вольф лучше других сформулировал аргументы, «которые можно выдвинуть против единства гомеровских поэм» (ЖМНП. 1868. Ноябрь. С. 362), С. считает, что «за единство творца обеих поэм стоит предание или господствующее мнение древности и сходство поэм <...> в языке, нравах, понятиях, искусстве, манере, сходство в недосыгаемой высоте поэтического достоинства» (Там же. Дек. С. 885). С. признает, что представление о единстве «Илиады» и «Одиссеи», строго говоря, является гипотезой, «но она стоит на несравненно более твердых основаниях», чем представление об «их дробности»; «она стоит на общем предании древности, на единстве дошедшего до нас текста, на художественной целостности поэм» (Там же. С. 886; см.: Жебелёв. С. 34–36). Варнеке считал «Гомеровский вопрос» С. «лучшей работой по-русски по греческой литературе» (Варнеке. 2013. № 4. С. 126).

Современники называли С. *фактопклонником* (см., напр.: Кареев. С. 249). Жебелёв утверждает, что поклонение перед фактами и в науке, и в жизни было отличительной его чертой (см.: Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 17). С. считал, что «служение истине требует от нас всяких жертв: оно не допускает нас увлекаться любимыми мыслями и гипотезами; оно требует, чтобы мы рассматривали предмет с разных точек зрения» (Гомеровский вопрос. Дек. С. 845–846). В своей речи «**Третье столетие до Р. Хр.**» (ЖМНП. 1886. Июль. С. 1–16; Труды. С. 243–259) С. сформулировал два важных правила исследования: «Текст авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно <...>; наоборот, текст официальных актов, надписей

должно толковать самым близким и точным образом» (ЖМНП. 1886. Июль. С. 7).

Только одна из статей С. относится к истории ранней Римск. республики (Хронология событий римской истории IV века до Р. Хр. // ЖМНП. 1904. Июль. С. 295–320; Труды. С. 437–461), но и здесь автор анализирует греч. текст папируса (Роху. I, 12. Р. 25–36). Единственная работа С., тема которой выходит за хронологич. рамки антич. истории, это «Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета 12 декабря 1877 г., в столетнюю годовщину рождения имп. Александра Павловича» (СПб., 1877), где он проявил интерес к двум выдающимся деятелям Нового времени. С одной стороны, автора привлекает личность Наполеона Бонапарта: «многое в природе этого человека напоминает людей древнего времени» — Александра Македонского, Ганнибала и Цезаря (Там же. С. 7). С др. стороны, Александр I для него «мудрый, человеколюбивый государь, двинувший вперед просвещение России, поставивший Россию на высшую ступень величия» (Там же. С. 28). С. полагает, что Отеч. война 1812 года «была могущественным орудием движения русской жизни, она породила цвет нашей литературы...» (Там же. С. 18). Общавшиеся с С. ученики признаются, что удивлялись «его изумительному знанию Отечественной войны» (*Латышев*. С. 460).

Для студентов ИФФ Петерб. ун-та и ПИФИ С. «читал курсы древней истории Греции и Рима, греческих древностей, истории Востока, истории Римской империи, истории III в. до Р. Хр., читал со студентами Фукидида, Полибия, Диодора, *Athenaion politeia* Аристотеля» (БС СПб. ун-та. Т. 2. С. 206). Варнеке сообщает, что в 1890-е в ПИФИ С. читал курсы лекций по «сакральным древностям» и «греческой историографии» (Варнеке. 2013. № 4. С. 125–126).

Изданы многочисленные литографированные курсы лекций, прочитанные С. на ИФФ Петерб. ун-та и в ПИФИ; по антич. истории в целом: «Всеобщая история

древнего мира: лекции» (СПб., 1883; ²1889), «Древняя история» (СПб., 1884; ²1889), «Лекции по древней истории» (СПб., 1891; ²1892; ³1902), «Древняя история [Греции и Рима]» (СПб., 1892; ²1909); по истории древней Греции: «Греческая история» (СПб., 1879), «История Греции» (СПб., 1881; ²1889); по истории древнего Рима: «Римская история: лекции» (СПб., 1875), «Заметки по истории Рима» (СПб., 1878); а также: «Греческие древности: [лекции]» (СПб., 1885; ²1890).

По мнению Жебелёва, лекции С. обладали ценным достоинством с точки зрения именно ун-тского преподавания — это были «лекции ученые в строгом смысле этого слова» (Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 60). Признавая, что С. — «человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов», Н. И. Кареев, напротив, считал, что петерб. «профессор греческой истории» читал «нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было» (Кареев. С. 249). Как отметил Варнеке, для восприятия его лекций требовалась предварительная подготовка — это позволяло студенту «и любоваться, и наслаждаться тонкостью разбора древних текстов, умением извлечь нужные краски и из Аристофана, и из Феокрита, из схолий и какого-нибудь Гесихия или Свида» (Варнеке. 2013. № 4. С. 124). Но для большинства слушавших лекции С. такое восприятие было недоступно. Позднее В. В. Вересаев вспоминал: «Боже мой, что это были за лекции! Никакого основного стержня, никакой руководящей идеи, никаких обобщений. Его интересовали только голые факты сами по себе и особенно — хронология. <...> Память у Соколова была чудовищная. По пятнадцать, по двадцать минут он без запинки цитировал наизусть по-гречески целый ряд страниц из Геродота и Фукидида» (Вересаев В. В. Воспоминания. II: в студенческие годы // СС: в 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 202). Впрочем, Вересаев признается, что слышал от

людей, работавших под руководством С., что «был он будто бы большой умницей, с огромным, но исключительно разрушительным умом, не способным ни на какое творчество» (Там же. С. 202).

Важной стороной преподавательской деятельности С. были практич. занятия со студентами, которые регулярно проводились по пятницам, начиная с конца 1870-х до последнего года его жизни. Жебелёв сообщает, что, будучи студентом, в течение трех лет посещал занятия у С. на его квартире в ПИФИ [Жебелёв С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.) // ВДИ. 1968. № 3. С. 170]. Эти занятия заключались в чтении и толковании греч. надписей по изданию «*Sylloge inscriptionum Graecarum*» В. Диттенбергера, по сводам греч. надписей или по свежим публ. в археол. журналах. Участники «пятниц» учились «постигать всю важность изучения истории Греции <...> по первоисточникам, в особенности по документам» (Жебелёв. Федор Федорович Соколов. С. 61–62). На этих занятиях возникли темы магист. дис. учеников С.: А. Н. Ш у к а р ё в а [Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р. Х. (300–265 гг. до Р. Х.). СПб., 1889] и С. А. Жебелёва (Из истории Афин. 229–31 гг. до Р. Х. СПб., 1898). Именно здесь завязывались тесные связи С. с его учениками, среди которых были, кроме уже названных В. В. Латышева, В. К. Ернштедта, С. А. Жебелёва, А. Н. Щукарёва, Б. В. Варнеке, также Д. Н. Корольков, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, Р. Х. Лепер, С. А. Селиванов, а также младшие представители «соколовской школы» — И. И. Толстой (мл.) и К. В. Хилинский. Эта школа была связана единством науч. воззрений ее представителей, занимавшихся «изучением древнегреческой истории, древностей и эпиграфики» (Латышев. С. 458). Естественно, что именно в этом круге ученых родились издания: *Στέφανος* (СПб., 1895) и «Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова:

от учеников» (СПб., 1905). Латышев называл наставника «первым знатоком древней истории в России» (*Латышев*. С. 458). В письме к Жебелёву Шукарёв вспоминал, как он «жадно слушал Ф. Ф. Соколова, удивляясь этому чистому источнику знания, этому непосредственному, чисто эллинскому пониманию древнего мира» (см.: *Жебелёв С. А. Памяти Александра Николаевича Шукарёва: некролог // ЗРАО*. 1901. Т. 12. № 3–4. С. 2). Варнеке говорил, что рядом с В. О. Ключевским готов поставить только С.: «они оба видели живым прошлое, дышали его духом» (Варнеке. 2013. № 4. С. 125).

Однако не все коллеги восторженно воспринимали С. В его отношении к науке им виделось «напрасное чудачество»; им казалось, что его «семинарская прямолинейная угловатость» доводила основу школы Л. Ранке, характерную для 1860-х, «до уродливого перегиба». С. с его ненавистью к фразерству «людей 40-х годов», по мнению Варнеке, «несомненно, на русской кафедре — самая яркая противоположность Грановскому» (Там же. С. 128–129). Как страстный почитатель тщательно взвешенных, достоверных науч. фактов, убежденный в том, что «заблуждение хуже всякого незнания и сомнения» (Гомеровский вопрос. С. 371), С. представлял собой «противоположность» также и Куторге, «выводы и домыслы» которого, по меткому замечанию Бузескула, «были часто более оригинальны, даже иногда странны, чем верны» (Бузескул 2008. С. 104).

По инициативе С. и при поддержке бывшего рус. посланника в Афинах П. А. Сабурова впервые стали командировать молодых исследователей в Грецию для изучения греч. эпиграфики. Лето 1880 С. провел в Афинах, «и с тех пор начались занятия молодых русских ученых в Греции» (БС СПб. ун-та. Т. 2. С. 206). Первыми были командированы Эрнштедт и Латышев (1880–1882), позднее Корольков, Никитский, Новосадский,

Шукарёв, Лепер и Селиванов (см.: *Larfeld*. S. 92). По сообщению Жебелёва, С. хранил письма всех упомянутых здесь молодых ученых, написанные ему из Греции (*Жебелёв*. С. 63).

С. — автор рецензий на труды своих учеников по греч. эпиграфике: «Отзыв о диссертации г. Латышева “Исследования об истории и государственном строе города Ольвии”» (СПб., 1887; Протоколы заседаний совета Имп. С.-Петерб. ун-та за вторую пол. 1886–1887 академ. года. СПб., 1887. № 36. С. 123–129); «Новая книга о Дельфах [Рец. на:] *Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды. I–VI*. Одесса, 1894–1895» (ЖМНП. 1895. Дек. С. 88–99; Труды. С. 575–587); «[Рец. на:] *Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей*. Юрьев, 1901» (ЖМНП. 1902. Янв. С. 187–191; Труды. С. 610–615); «[Рец. на:] *IosPE / ed. B. Latyshev. Vol. IV. Petropoli, 1901*» (ЖМНП. 1902. Ноябрь. С. 225–235; Труды. С. 638–645). В этих отзывах С. предложил новые прочтения и интерпретации некоторых греч. надписей.

С. не был эпиграфистом в тесном смысле этого слова, поскольку не издавал надписи и не был первым их толкователем; исключение представляет только одна изданная им надпись (см.: **По поводу греческой надписи, присланной в Археологическое Общество г. Монтани и найденной им близ Филиппополя // ЗРАО**. 1886. Т. 1. С. 95–96; Труды. С. 242). Однако он по праву является эпиграфистом в широком смысле, поскольку со знанием дела интерпретировал многие эпиграфич. тексты (*Larfeld*. S. 92). Авторитет С. как знатока греч. надписей был непререкаем. Именно благодаря его рекомендации в 1882 РАО поручило Латышеву заняться сбором, изучением и изданием надписей Сев. Причерноморья, в результате чего был создан и издан корпус *IosPE* (Vol. I², II, IV. Petropoli, 1885–1916; см.: *Толстой И. И. Памяти Ф. Ф. Соколова // ЗКОРАО*. 1910. Т. 6. С. V–VI). С. явился вдохновителем эпиграфич. школы в России. Благодаря

ему и возводимой к нему «соколовской школе» возникла одна из прочных нитей, соединивших германскую науку об античности и российское антиковедение.

Литература: Жебелёв С. А. Федор Федорович Соколов (1841–1909): некролог // ЖМНП. 1909. Сент. С. 17–64; Латышев В. В. Ф. Соколов: некролог // Гермес. 1909. № 15. С. 460; Карев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990; Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбилейной науч. сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 21 и след.; Путнынь Э. К. Изучение истории Древней Греции <во 2-й половине XIX в.> // Очерки истории ист. науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 301–303; Фролов Э. Д. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ. 1977. № 1. С. 213–225; Басаргина 2004. С. 49–52; Larfeld W. Griechische Epigraphik (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft; Bd. I, Abt. 5). München, 1914 ♦ Брокгауз; Прозоров; БС СПб. ун-та; НЭС; Венгеров (Словарь, Источники, Список); Воронков; СИЭ; БСЭ; Большая энциклопедия: в 62-х т. М., 2006. Т. 46; Бузескул 2008; Биографика СПбГУ; Тункина 2017.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 3. Д. 16008. Л. 19–20; СПбФ АРАН. Ф. 504 (Г. Э. Зенгер, в числе корреспондентов которого был Ф. Ф. Соколов).

В. И. Кащеев

СТАСЮЛЕВИЧ
Михаил Матвеевич
STASJULEVIČ M. M.

[28.8(9.9).1826, Петербург —
23.1(5.2).1911, там же; Смоленское
правосл. кладб.], историк,
издатель, общественный деятель

Из дворян; родители рано расстались (отец, кандидат Виленского ун-та, служил воен. врачом), так что С. воспитывался матерью. Обучался в Лужском уездном уч-ще (1835), затем в Санкт-Петербурге во Втором кадетском корпусе (1836) и Ларинской гимназии, куда в 1837 был принят казеннокоштным «по крайней бедности».

По окончании гимназии занимался на филос. ф-те Петерб. ун-та (1843–1847, кандидат по разряду общей словесности, сер. медаль; однокурсник Н. А. Астафьева). Оставленный профессорантом по каф. всеобщей истории, написал под руководством М. Сем. Куторги магист. дис. «Афинская игомения» (защищена: Петерб. ун-т, 1849). В 1851 там же защитил докт. дис. «Ликург Афинский». До 1861 преподавал историю в различных заведениях: Ларинской гимназии (1849–1853), Женском патриотическом ин-те (1852–1855) и на каф. всеобщей истории Петерб. ун-та: прив.-доц. (1852), адъюнкт (1853), экстр. проф. (1858–1861). В 1856–1858 стажировался по новой истории за границей (Гейдельберг, Берлин, Париж; посетил также Англию и Италию): слушал лекции Л. Ранке, И. Дройзена, Ф. Шлоссера. Ф. Гизо, Ж. Мишле и др. В ноябре 1861 подал в отставку (в одно время с другими единомышленниками из молодых профессоров — К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным, В. Д. Спасовичем и Б. И. Утиным), формально «по болезни», фактически — в знак протеста против закрытия ун-та в 1861. После отставки к преподаванию не возвращался, хотя в 1864–1865 рассматривал с расположенным к нему министром А. В. Головниным вакансию в открывающемся Новорос. ун-те (Одесса). Принимал участие в работе МНП, занимая должности чл. комитета Главного правления уч-щ, Учен. комитета МНП и Учеб. комитета по отделению всеобщей истории. С приходом в МНП Д. А. Толстого надежды С. на возобновление ун-тской карьеры растаяли (Толстой впоследствии препятствовал даже почетному членству С. в Петерб. ун-те — первое ходатайство Совета по этому вопросу относилось к 1876, но значение состоялось лишь в 1898). Будучи преподавателем истории наследнику престола, за уроки, данные в 1860–1862 цесаревичу Николаю, С. был отмечен бриллиантовым перстнем, а после своей

демонстративной отставки замещен более предсказуемым В. В. Бауером.

С 1863 обладавший помимо лит. дарования исключительными организационными способностями С. сосредоточился на журналистской и общественной деятельности. Главным делом его жизни стало руководство (в течение 40 лет — до 1908) изданием ж. «Вестник Европы». Основанный им в 1866 при участии П. А. Плетнёва и Н. И. Костомарова ист. журнал со временем обогатился лит. отделом и к концу 1870-х занял третье место по числу подписчиков среди толстых российских журналов. Владелец типографии (с 1872): среди напечатанных в ней книг (ок. 4000 наименований) значительное место занимали науч. и науч.-популярные издания; в 1874–1875 С. выпустил серию доступных по цене однотомников с избранными произведениями ведущих рус. писателей («Рус. библиотека»). С 1878 неоднократно пытался добиться разрешения и на издание газеты, но единственная дозволенная ему газ. «Порядок» (1881) была закрыта (в компании с либеральным «Голосом») уже через год

по настоянию Д. А. Толстого и М. Н. Каткова. Убежденный сторонник народного самоуправления (образцами гос. устройства считал Англию и США), С. участвовал в общественной деятельности: гласный Петерб. городской думы (1881–1909), почетный мировой судья (1887–1899), один из основателей Лит. фонда, чл. Петерб. училищной комиссии (с 1884, предс. в 1890–1900; отказался от председательства вследствие несогласия с городским головой) и др. В 1905–1907 выступил одним из организаторов Партии демократич. реформ.

Энергичный и богато одаренный от природы, С. прекрасно зарекомендовал себя уже в гимназии, заслужив «отлично» по греч. языку и показывая интересные пробы пера в гимназич. ж. «Нестройная лира». Молодость С. совпала с либеральным подъемом 1860-х, навсегда оставившем след в его мироощущении и характере. Увлечение С. греч. историей и словесностью было, как и у многих его однокурсников, вызвано сильным впечатлением от лекций и домашних семинаров Куторги. Тема одного из его студ. сочинений обозначена в ун-тском обзоре как «Доказать, что в “Илиаде” и “Одиссее” нет прямых указаний на существование искусства письма». В магист. дис. «**Афинская игемония**» (СПб., 1849) С. обсуждал содержание термина «гегемония» применительно к Афинскому союзу и состав этого полит. объединения, «заменившего грекам слабеющую метропольную связь»; члены этого союза разделены С. на «автономические» и «повинные» города, а также «клирухии игемонические». Труд был посвящен Куторге, наряду с которым на диспуте выступали И. Б. Штейнман, М. И. Касторский и товарищи С. по занятиям у Куторги — В. М. Ведров и В. И. Захаров. Книга была в целом положительно оценена критикой, не считая едких нападок П. М. Леонтьева (их обмен репликами см.: Москвитянин. 1850. № 11. С. 18–20), мстившего автору «Афинской

игемонии» гл. обр. за его критич. отзыв о сочинении «Аббат Сугерий» Т. Грановского (Барсуков. Т. 11. С. 36–37); С. в свою очередь возражал против «беллетризации» науки, отстаивая идею Куторги: не наука должна спускаться в общество, а общество до нее подниматься, потому что «сближаясь с публикой, мы унижаем достоинство науки» (Никитенко. Т. 1. С. 220). Дипломатичный С., впрочем, продолжил сотрудничать с расположенным к нему М. П. Погодиным, намереваясь со временем поместить в «Москвитянине» серию статей о достижениях европ. историографии (Барсуков. Т. 12. С. 253). В. П. Бузескул (Труды М. М. Стасюлевича по древней истории // ВЕ. 1911. № 3. С. 390–394), указав на восходящие к науч. манере Куторги «парадоксальность, натяжки и искусственности», высоко оценивал «Афинскую игемонию» С. за редкое для отеч. литературы использование эпиграфич. данных при составлении родословной Ликурга и списка афинских «казначеев» от эпохи Перикла до правления Деметрия Фалерского.

Также и в отзыве Леонтьева на докт. дис. С. «Ликург Афинский» (СПб., 1851) воздавалось должное «полноте материала» и «ученому характеру приемов» С. (ПроPILEI. Кн. 2. М., 1852. С. 162–185). Однако против этого сочинения и, шире, однообразия тем и аргументации «школы Куторги», были настроены уже некоторые петерб. профессора, в т. ч. А. В. Никитенко и Н. Г. Устрялов, так что несколько обескураженному их атаками С. пришлось после диспута утешаться словами Ф. К. Фрейтага, что «диссертация достойна», а Никитенко «в греческой истории понимает столько, сколько я в китайском» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники... С. 47). В рассуждении *pro venia legendi* «**Защита Кимонова мира**» (СПб., 1852) С. обращается к дискутируемой в науч. литературе той поры идее «вычеркивания» из афинской истории Кимонова («персидского») мира.

Версиям других защитников существования этого договора (Ф.-Х. Шлоссера, К. Лахмана), объяснявших замалчиваемые историками его нарушения сепаратным характером договора с одним из персидских сатрапов, С. противопоставляет мнение о «двойственности» греч. полит. мышления: древние народы часто нарушали подобные обязательства, поэтому «нельзя понимать международные отношения древних государств по новейшим началам права народов» (Цит. соч. С. 38), обосновывая его близкими по времени примерами (Никиев мир и т. п.). Опираясь на собственный анализ свидетельств, С. смещает дату «Кимонова персидского мира» к 465 до н. э. (у Плутарха это 469, у Диодора 449); в числе приложений к этой работе автором составлена подробная хронология событий 480–430 до н. э.

Помимо этих обширных «рассуждений» С. опубликовал еще несколько живо написанных (но быстро устаревших) статей по греч. истории и древностям, в т. ч. «**Критические исследования о речи Ипериды против Демосфена, найденной недавно в египетских катакомбах**» (Современник. 1850. Т. 20), «**Александр Авонотихит и его время: историческое исследование эпохи падения язычества при Цезарях дома Антонинов**» (ЖМНП. 1855. Апр.; и отд. — 1856), «**Новые бани в Помпее, открытые в 1855–1856 годах**» (ЖМНП. 1857. Февр.). В «Москвитянине» за 1851 (Ч. 1 и 3) С. поместил рецензии на труды по антич. истории своего учителя Куторги («*De antiquissimis tribubus Atticis...*») и И. Бабста («Государственные мужи древней Греции...»). Вслед за Куторгой С. выступал сторонником размежевания антич. истории с филологией, которая распыляет ист. мысль, превращая ист. труд в «голое исчисление фактов». Впрочем, среди его работ есть и опыт филол. исследования в виде статьи — «**Облака. Комедия Аристофана и ее**

историческое значение» (Москвитянин. 1851. № 23), которая посвящена обсуждению содержания комедии и причин отлучения «общественного мнения о Сократе как о человеке, достойном уважения», от его же карикатурного образа в комедии Аристофана.

По возвращении из-за границы С., прочувствовав удаленность от европ. науки и живой общественной жизни как своих «игемоний», так и отеч. методик изложения всеобщей истории в целом (ее преподавание в гимназии С. называл, по собственному краткому опыту, «безобразным»), задался целью обновить изложение курса истории в своих лекциях и печатных работах ради просвещения гимназич. учителей. Важным шагом в этом направлении стал его курс философии истории — «историоматии» — в ее связи с развитием цивилизации, в котором автор стремился осветить развитие ист. теории со времен св. Августина до Гегеля и Бокля. Курс имел успех у слушателей и был частично опубликован: **«Опыт исторического обзора главных систем философии истории»** (СПб., 1866). «Опыт», планировавшийся С. в качестве своеобразного введения к задуманному им «историко-политическому» журналу (М. М. Стасюлевич и его современники... С. 226), как и прежние ист. сочинения С., имел успех при своем появлении, отменив — по заключению Н. И. Кареева — обветшалую теорию истории Бокля, бывшую перед тем у всех в руках (ВЕ. 1911. № 3. С. 399).

В лекциях по медиевистике С. также не чурался экскурсов в древность. Напр., излагая историю христианства, он подробно обсудил религиозные движения Израиля «с особым вниманием на Филоне и умственном движении начала александрийского периода» — новшество, повлекшее за собой объяснения с митрополитом (Пантелеев. С. 195). Значительный антич. раздел (фрагменты сочинений Цезаря, Тацита, Аммиана Марцелина,

Тертуллиана, Сидония Аполлинария и др. историков) С. включил и в первый том своей хрестоматии «История Средних веков, в ее писателях и исследованиях новейших ученых» (СПб., 1863–1865; СПб., 21885–1887). Это было, по оценке И. М. Гр е в с а, «выдающееся и отрадное для своего времени явление» (ВЕ. 1911. № 3. С. 396). Хрестоматия, также начатая вскоре после возвращения из-за границы (под впечатлением от работ О. Тьерри, насыщенных «буквальными извлечениями из источников»), была ценна богатой подборкой ист. свидетельств; включала также небольшой авторский текст (краткие биографии и примечания). В те же годы, по просьбе книгоиздателя Вольфа, С. перевел с франц. языка «Историю войн Юлия Цезаря» Наполеона III (СПб., 1865–1867).

С середины 1860-х к науч. исследованиям в обл. древней истории С. уже не возвращался. Он еще раньше рассорился со своим самолюбивым наставником (попытка примирить его с Куторгой в 1859 была безуспешна), не разделяя пренебрежительного отношения старшего к новой историографии: «Наш профессор уверял нас, что нужно читать только Фукидида, и мы были круглыми невеждами в остальном» (из письма Плетнёву 1864. — М. М. Стасюлевич и его современники... С. 146). Как редактор «ВЕ», издаваемого им сначала на собственные средства, С. обычно браковал слишком специальные статьи по классич. филологии и истории, а как «либерал» отрицательно относился и к школьному классицизму (*Зелинский Ф. Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 126*).

Талантливый лектор (о битком набитой зале на его публичных лекциях 1859 упоминает А. В. Никитенко. — Никитенко. Т. 2. С. 56) и популяризатор, «необыкновенно умевший заинтересовать <...>, бивший не столько на факты, сколько на обобщения» (*Острогорский В. П.*

Из истории моего учительства: как я сделался учителем. СПб., 1914. С. 32), С. оставил след в памяти многих студентов рубежа 1850–1860-х. Историю Средних веков и философическую «историоматию» читал бесстрастно, но увлекательно (Пантелеев. С. 196). Многие современники отмечали в его лекциях «более риторики, чем глубины знания, мысли и таланта» (*Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922. С. 336), а также пристрастие к «щеголеватой фразе и гладкой форме» (*Полевой П. Н.* Два педагога // ИВ. 1892. № 12. С. 677; сходно Н. А. Добролюбов в письме А. Ф. Кавелиной 1860: Добролюбов. Т. 9. С. 455), но никто не отказывал им в увлекательности. Д. И. Писарев, выведя С. под фамилией Иронианский в статье «Наша университетская наука» (Рус. слово. 1863. № 7), признал его превосходство над коллегами: «Он выражался языком современной науки, видно было, что он понимает то, что говорит, и умеет высказать то, что думает» (цит. по: *Писарев Д. И.* ПССиП: в 12 т. Т. 5. М., 2002. С. 24). Иронию критика вызывали гл. обр. стремление С. изображать «цивилизованного европейца» и «использование напрокат» (без ссылок) трудов И. Тэна в лекциях об эпохе Людовика XIV [«те же идеи, тот же порядок, те же цитаты, даже обороты речи» (Там же. С. 26)]. С., хотя и знал об этой статье Писарева — «пасквиле юноши, покровительствуемого Срезневским» (к числу своих ун-тских недоброжелателей помимо И. И. Срезневского С. относил и Н. М. Благовещенского), — откликнулся на его преждевременную смерть сочувственным некрологом в своем журнале (ВЕ. 1868. № 8).

Широкой публике С. был известен гл. обр. как даровитый редактор-издатель и автор, хотя многие свои заметки он помещал без подписи. Журнал «ВЕ» был назван С. в память об издании Н. М. Карамзина: «Печатное слово для

Стасюлевича — средство формирования и выражения общественного мнения, важнейшее оружие в борьбе за преобразование отечества. <...> Центр издательского комплекса Стасюлевича — журнал «Вестник Европы», в котором на рубеже 1870–1880-х гг. были выработаны и провозглашены основные идейные принципы либеральной оппозиции — платформа для трансформации самодержавия в правовое государство» (Н. Б. Хайлова — Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. М., 2010. С. 905). Его публицистика, напр., брошюра **«Черный передел реформ императора Александра II: письма из Москвы за границу par bonté (не по почте)»** (Берлин, 1882), содержащая острую критику К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого, М. Н. Каткова и др. деятелей 1880-х, имела широкий резонанс в российском общ-ве. Как редактор и издатель, в течение жизни С. общался со многими известными литераторами и учеными, в т. ч. на «субботах Стасюлевича»; он редактировал собрания сочинений А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева. Сохранилась его обширная переписка, часть которой (с И. Тургеневым, В. Стасовым, Д. Григоровичем, А. Островским, П. Плетнёвым, А. Жемчужниковым, А. Кони, А. Толстым и др.) опубликована в пятитомном издании 1911–1913 (не закончено из-за начавшейся войны).

Энергия С., боровшегося за реформирование российской полит. системы, вызывала уважение большинства современников; как «хранителя» либеральных традиций 1860-х, «защитника просвещения, самоуправления и свободы» и «всесторонней европеизации» его охарактеризовал В. И. Ленин (От какого наследства мы отказываемся // ПСС: в 55 т. Т. 2. М., 1967. С. 519). Положительно оценивалась педагогами и многолетняя деятельность С. в городской училищной комиссии: бездетный, в благополучном браке (с 1859) с состоятельной сестрой

своего ун-тского товарища Б. И. Утина, С. был «прирожденным другом детей», прежде всего воспитанников бедных народных уч-щ Петербурга. Он добивался перевода уч-щ из первоначальных квартир в спец. здания, хлопотал о материальном благополучии воспитателей, об организации праздников и т. п. — «чуть не дворцы для кухаркиных детей строил», возмущались его думские коллеги. Уже будучи слепым (терять зрение начал с конца 1890-х) с готовностью приезжал в опекаемые им василеостровские уч-ща, чтобы «послушать детские голоса». Личность С. отражена в ряде мемуаров: по свидетельству А. Ф. Кони, в С. особенно привлекало энергичное мужество: в самых трудных ситуациях он «ни разу не останавливался в раздумье или унылой нерешительности» (Рус. ведомости. 1911. № 21); отмечали и его холодно-ватое (от брезгливости к «душевному пиршествам»), но неизменно корректное обращение с окружающими, в т. ч. подчиненными.

Литература: Исторический очерк пятидесятилетия Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб., 1886; *Арсеньева К. К.* М. М. Стасюлевич // ВЕ. 1911. № 2; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911; *Алпатов М. А.* Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории древней Греции // ВДИ. 1955. № 3; *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990 ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз; Прозоров; Воронков; КЛЭ; Шруба; Почесні члени Харківського університету: біографічний довідник. Харків, 2008; Бузескул 2008; Тункина 2017; Биографика СПбГУ; РП.

Архивы: Личные фонды: РГАЛИ. Ф. 1167. 92 ед. хр.; РО ИРЛИ. Ф. 293. 2192 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 7 (П. В. Анненков), 29 (П. Д. Боборыкин), 36 (В. П. Буренин), 72 (Б. Б. Глинский), 103 (П. А. Ефремов), 205 (А. В. Никитенко) и др.; РГИА. Ф. 733, 735 (Канцелярия МНП); ОР РНБ. Ф. 236 (Г. П. Данилевский), 608 (И. В. Помяловский), 708 (Н. П. Собко, в т. ч. ф. с. 1859: Ед. хр. 927); ЦГИА СПб. Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 276 (Ларинская гимназия).

В. П. Смышляева

СТЕФАНИ Лудольф Эдуардович

STEPHANI Ludolf Eduard

[29.3.1816, Бойха (Beucha), Саксония — 30.5(11.6).1887, Павловск Петерб. губ.; Смоленское лютеранск. кладб.], *археолог, эпиграфист, искусствовед*

Из семьи пастора: начальные знания (вместе с братом Эдуардом, будущим чл. рейхстага) приобрел под руководством отца, затем учился в гимназии г. Гриммы (одна из трех саксонских Fürstenschulen). С 1836 по 1841 занимался филологией и археологией в Лейпц. ун-те (слушатель Г. Германа, М. Гаупта, В. Диндорфа, И. Беккера). После защиты докт. дис. «*Der Kampf zwischen Theseus und Minotauros*» (Лейпц. ун-т, 1842; д-р философии), по рекомендации Германа, около года служил домашним учителем в Афинах, где познакомился с археологами и историками искусства В. Генце-ном, Л. Преллером и др.; выезжал ради археол. практики в Сев. Грецию, Константинополь и Смирну. Последующие два года, при финансовой поддержке саксонского правительства, занимался в Риме, посещая также Неаполь, Венецию, Мантую и др. города Италии для знакомства с памятниками древнего искусства. По возвращении в Германию и недолгой приват-доцентуре в Лейпц. ун-те был приглашен в Дерпт. ун-т по рекомендации Преллера при оставлении последним каф. древнеклассич. филологии, эстетики и истории искусства, где числился с дек. 1845, хотя к службе приступил позже. Одновременно представлен Г. Германом и Б. Дорном С. С. Уварову для избрания адъюнктом АН — назначение задержалось вследствие интриг Б. Кёне, также притязавшего на освобождающуюся со смертью Е. Е. Кёлера кафедру. После отставки

Уварова и приискания Дерпт. ун-том взамен С. новой «научной силы» перебрался в Петербург (начало 1851): орд. акад. по разряду истории и археологии (1850), директор Нумизматич. и Египетского музеев АН (1852), старший хранитель классич. древностей при Первом отделении Эрмитажа. Чл. ИАК (1860), МАО (1864), РАО (1871), ряда науч. общ-в и академий Европы. Тайный советник.

Древними языками и литературой увлекся в гимназии, затем получил серьезную филол. подготовку под руководством «формалиста» Г. Германа. Студ. сочинения С. посвящены анализу текстов Еврипида и Сенеки; также и в дис. «Der Kampf zwischen Theseus und Minotauros» (Leipz., 1842) филол. комментарий весьма значителен. Однако параллельно с филологией С. со студ. лет интересовался историей антич. искусства; летние каникулы 1839 и 1840 провел в музеях Лейпцига и Дрездена, а путешествия по Италии и Греции начала 1840-х, описанные им в своем итинерарии «Reise durch einige Gegenden des nördlichen Griechenlands» (London,

1843), окончательно увлекли его в области «реальной филологии». В толкованиях надписей или памятников искусства зрелым С. филол. и ист.-лит. анализ выполняет преимущественно функции: так, в статье «**Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst**» (Mém. AS. 1859. Т. 9; рус. перевод: **Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства** // ЗАН. 1863. Т. 4. Прил. 1) поэтич. примеры использованы, напр., для систематизации значений кроткого (нимб) и сильного сияния как символов божественности (огня, красоты, юности) или приемов выделения персонажа в групповом изображении; в статье «**Boreas und die Boreaden**» (Mém. AS. 1871. Т. 1–6; рус. перевод: **Борей и Бореады** // ИРАО. 1872. Т. 7) из поэтич. цитат выявляются типич. характеристики Борея, Орифии и Зета для уяснения этих персонажей в сюжетах вазовой живописи. В том же ключе выполнено описание рельефного изображения отдыхающего Геракла (**Der ausruhende Herakles: Ein Relief der Villa Albani** // Mém. AS. 1854. Т. 8) и т. п.

Археол. и искусствоведческими приоритетами отмечена и недолгая пед. деятельность С. в стенах Дерпт. ун-та, направленная «не столько на объяснение избранных писателей, сколько на археологию и изящные искусства. Будучи превосходным археологом, С. своею критическою методою, которую он прилагал к исследованиям древних памятников, мог бы без сомнения сделать много важного для изучения филологии в Дерпте, если бы его пребывание здесь не было кратковременным» (Обзор деятельности Дерпт. ун-та: на память о 1802–1865. Дерпт, 1866. С. 90).

В ун-те и пед. семинарии Дерпта С. толковал авторов, читал курсы по мифологии, истории искусств, археологии, эстетике, «филологической энциклопедии» (обзора филол. дисциплин в целом), греч. и римск. древностям, географии, спецкурсы по греч. эпиграфике,

нумизматике, худож. мифологии; объяснял также избранные памятники антич. искусства (В. К. Мальмберг. — БС Юрьев. ун-та. Т. 2. С. 470). В Дерпте же С. издал эпиграфич. материалы, собранные им за время путешествий по Греции (**Titulorum Graecorum particulae**. Т. 1–5. Dorpati, 1848–1850), и начал, по указанию С. С. Уварова и Ф. Б. Грефе, готовить к изданию труды покойного акад. Е. Е. Кёлера (*Köhler H. L. E. Gesammelte Schriften*. Bd. 1–6. SPb., 1850–1853). С. отредактировал неопубликованные рукописи Кёлера, обновил библиографию его сочинений, полемизировал с некоторыми критиками Кёлера, в частности, с берлинским ученым Г. Тёлькеном (Е. Н. Tölken), «в решительных, но совершенно пристойных выражениях» (Отчет по I и III отделениям АН // ЖМНП. 1853. Июнь. С. 111).

Одним из итогов занятий С. рукописями Кёлера, оставившего обширное исследование о резных камнях, стали насущные для светского Петербурга вопросы, в особенности: обилие фальсификатов в частных и имп. коллекциях и рекомендации по атрибуции антич. гемм (**О подлоге имен древнеклассических художников на резных камнях** // Учен. зап. Имп. АН по I и III отделениям. 1852. Т. 1, вып. 2. С. 275–289), в числе которых С. приводит поводы для сомнений в подлинности камня: робость в нарезке букв, их несоизмеримо малый размер, отступления от правописания и т. п. Работа отразила не только выводы германской школы глиптики (Ф. Д. Липперта, Ф. Штоша и др.), но и личный опыт автора. Разборы надписей С. включал в свои регулярные доклады на заседаниях Ист.-филол. отделения АН 1850-х под общим заглавием «**Parerga archaeologica**» (I–XXX; см. также: Bull. AS. 1852–1856. Т. 9–13; перепеч.: MGR. 1855–1876. Т. 1–4). Недаром С. упоминается как один из основоположников отеч. керамич. эпиграфики (Кац В. И.,

Тункина И. В. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 111). Не расположенный от природы к конструированию гипотез «ради эфемерной славы» (G. Kieseritzky. — ADB), С. предпочитал твердую почву фактов и доказательств, дополняя свои каталоги антиков (наряду с указаниями места находки, формы, техники, библиогр. отсылками и цитатами из зарубежных каталогов), по традиции тех лет, эстетич. оценками образца: «Весьма тщательное исполнение частных частей показывает совершенное понимание и тонкое чутье; при всем этом исполнение не достигает той степени мягкости и нежности, которая свойственна упомянутой выше статуе» или: «Обработка туловища, равно как и рук и ног, обнаруживает совершенную ловкость и производит самое приятное впечатление нежной юности» (**Собрание древних памятников искусства в Павловске**. СПб., 1872. С. 10, 12; из описания статуй Афродиты и Эрота). Среди др. отступлений, которыми С. перебивал монотонность техн. описаний, велик также удельный вес ист.-мифол. пассажей. П. Лерх (ИРАО. 1868. Т. 6. С. 56) указывал на ценность комментариев С. по разным вопросам классич. археологии, которые иногда «достигают таких размеров, что могли бы составить особые монографии». По мере накопления археол. и культурологич. фактов трактовки С. естественно устаревали (напр., его гипотеза о связи теракотовых береманных старух из раскопок 1868 с элевсинским культом в статье: **Объяснения некоторых вещей, найденных в 1868 году в Южной России** // ОАК за 1869 г. СПб., 1871). Впрочем, С. А. Жебелёв, признавая, что большинство из монографий С. «должны быть признаны устаревшими», отмечал богатство привлеченного в них «сравнительного археологического материала» (Жебелёв. С. 113); сходно с этим судил Н. И. Новосадский,

указывавший на вызванные недостаточным знакомством с историей письма ошибки С. в датировках артефактов (Новосадский. С. 11). Не избежали критики и его искусствоведческие рассуждения (см. возражения Э. Петерсена по поводу атрибуции группы Атаманта и Леарха в Павловске: MDAI RA. 1896. № 1).

Как и предшественники, акад. Е. Е. Кёлер и Ф. Б. Грефе, С. занял исключительное положение в петерб. акад. среде, надолго став офиц. лицом имперской археологии, особенно в диалоге с науч. Европой: его осыпали царскими похвалами и наградами, а интенсивную деятельность С. в журнальных обзорах даже называли «началом новой эпохи в одной области археологии», исходящей «единственно и исключительно из С.-Петербурга» (ЖМНП. 1855. Янв. С. 23). Грефе, представляя С. академиком, отнес его к малому числу избранных, которые, обладая природным умом и ученостью, явили собою в необыкновенной степени образец соединения археол. навыков с совершенным знанием обоих классич. языков (Тункина 2002. С. 237). Наряду с эрудицией, науч. энергией и огромной работоспособностью этот прижизненный пиетет обеспечивался еще покровительством президента ИАК графа С. Г. Строганова, «в высшей степени значимым для научной деятельности Стефани» (*Schulze E. Ludolf Stephani // Bursians JBer. 1877. Bd. 45. S. 260*).

Сближению с графом-археологом положило начало выполненное С. описание бронзовой статуи Аполлона Боздромиоса из графской коллекции (**Apollon Boëdromios: Bronze-Statue im Besitz S. E. des Grafen S. Stroganoff**. SPb., 1860; рус. перевод: **Аполлон, статуя музея графа С. Г. Строганова, объясненная академиком Л. Стефани // ЗАН. 1863. Т. 3. Прил. 1**): вопреки мнению ученых, предполагавших сходство бронзы Строганова со статуей Аполлона Бельведерского, С. доказывал, что несохранившимся

атрибутом строгановского Аполлона была эгида, а не колчан. К лучшим работам С. относится еще описание изображения кормления змей при орфических таинствах на серебряном блюде из того же собрания: **Die Schlangenfütterung der Orphischen Mysterien, Silberschale im Besitz S. E. des Grafen G. Stroganoff** (SPb., 1874; рус. перевод: **Кормление змей при орфических таинствах: объяснение серебряного блюда, принадлежащего графу Г. С. Строганову // ЗАН. 1874. Т. 25. Прил. 3**).

Значительные силы были потрачены С. на обработку археол. находок, поступивших в петерб. музеи из южной России. Став в 1860 по распоряжению Строганова единственным внештатным сотрудником ИАК, С. в течение двух десятилетий ежегодно готовил для печати материалы южнорус. раскопок; в его руках находилась, напр., практически вся научная обработка керченских материалов (*Жебелёв. С. 108, 141*). Отчеты «*Comptes rendus de la Commission Impériale Archéologique*» / «ОАК» за 1859–1881 с «объяснениями» С. стали главным местом его публикаций (*Сотрудники Имп. Эрмитажа. С. 140*). При этом статьи, «направленные на описание и изъяснение памятников древнеклассического искусства, находящихся в почве нашего отечества или хранящихся в Эрмитаже и других русских музеях» (Л. Э. Стефани: некролог // ЖМНП. 1887. Июль. С. 75), составляли важнейшую часть его творчества.

Как хранитель Эрмитажа он стремился систематизировать эрмитажные коллекции, а также представлять их образованной публике: на 80-й странице его «**Путеводителя по античному отделению Эрмитажа**» (Прописилей. 1856. Кн. 5; и отд.), напр., перечислены наиболее ценные образцы эрмитажной скульптуры, вазовой живописи, бронзы и глиптики, с традиционными для манеры С. мифол. и филол. врезками и разбором надписей. Его моск. коллега

К. Гёрц в рец. на каталог эрмитажных ваз С. (*Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage*. Bd. 1–2. SPb., 1869; учтены 2328 экспонатов) отметил и «чисто-ученую» цель подобных изданий, позволяющих познакомиться с южнорус. находками зарубежных ученых: «Немногие собрания древностей в столицах Западной Европы могут похвалиться подобными описательными каталогами своих сокровищ. Вот почему гигантский труд академика Стефани был встречен с таким теплым сочувствием в Германии. Только ее ученые археологи будут в состоянии пользоваться им в настоящее время научным образом» (Тр. МАО. 1873. Т. 2. С. 98).

С. принадлежит значительная часть текста в роскошном двухтомном издании «*Antiquités du Bosphore Cimmérien. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа*» (СПб., 1854–1855). Критика текста надписей, описание серебряных и бронзовых изделий с мифол. изображениями, керамики, глиптики и монет (ист. комментарии в «Древностях» выполнены Ф. А. Жилем) были отмечены в рец. на это издание П. А. Савельева (ЖМНП. 1856. Апр. С. 3), восхищавшегося рядом с высоким качеством рисунков также выполненной С. «ученой обработкой лучших отделов книги». Почтительны были отклики П. М. Леонтьева (РВ. 1856. № 1) и Ф. А. Струве (ЗООИД. 1867. Т. 1) на это издание. Выпущенные в количестве 200 экз. «Древности» в продажу не поступали, но спустя сорок лет в Париже С. Рейнаком был подготовлен доступный для учен. публики вариант этого издания — «*Antiquités du Bosphore Cimmérien, rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes rendus par Salomon Reinach*» (1892). Вне акад. официоза отношение современников к «кабинетному археологу» С. было не столь единодушным, о чем можно судить по обращенным к С. иронич. стихам

керченского археолога Е. Е. Люценко: «...В его статьях везде столбцы / Цитат на языках различных, / Стихов и прозы образцы / Из разных авторов античных, / Манера эта пыль пустить / И похвалиться знаньем дела / Неvezду может удивить / И всем ужасно надоела...» (цит. по: Тункина 2002. С. 238). В источниках встречаются критич. замечания о ревности С. к коллегам: обиженный, напр., на Б. Кёне, который через влияние молодого А. С. Уварова на мнение Уварова (ст.) когда-то задержал С. в Дерпте, С. своим отзывом лишил его Демидовской премии за исследования о древностях Херсонеса Таврического (Веселовский. С. 19–20); навязчивой выглядит в «Собрании древних памятников искусства в Павловске» критика С. по адресу Э. фон Муральта; И. В. Цветаев приводит слух о том, что С. «не пустил по службе» Г. Трея, будущего директора Альбертинума в Дрездене, хотя Трей в течение восьми лет был помощником С. «без вознаграждения» и подготовил под его руководством «Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств» (см.: И. В. Цветаев — Ю. С. Нечаев-Мальцов: переписка 1897–1912. Т. 1. М., 2008. С. 123). Поучительна и высокомерная полемика с любителем Шлиманом, в которой академик ошибся разительнее, чем его антагонист (Гаврилов 2006. С. 239–247). В конце концов С. оставил Эрмитаж, назвав препятствием своей петерб. карьере «шовинизм» Д. А. Толстого (см.: In Moskau ein kleines Albertinum erbauen: Iw. Zwetajew und Georg Treu im Briefwechsel 1881–1913. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 35). На характере необыкновенно ученого и трудолюбивого С., возможно, отражались и домашние несчастья: гибель сына-студента в 1868, длительная душевная болезнь любимой дочери, смерть которой (1883) стала тяжелым ударом для слабеющего С. и ускорила его угасание (*Schulze E. Ludolf Stephani*. S. 262).

Литература: *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Т. 1. СПб., 1889; *Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Ч. 1. Пг., 1923; Никитенко; *Павлова Ж.* Императорская библиотека Эрмитажа. 1762–1917. СПб., 1988; Скифский роман; *Харитонович М. Ф.* Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. М., 2000; *Летопись РАН; Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005; *Паньков Н.* Керченские терракоты и проблема «античного реализма»: книга М. М. Бахтина о Рабле и русская наука об античности конца XIX — первой половины XX в. // НЛО. 2006. № 79; *Фролов Э. Д.* У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2008; Имп. Археол. комиссия; Bursian; *Nauck A. Ludolf Stephani* // St. Petersburg. Zeitung. 1887. № 159; *Gelzer Th.* Korrespondenz Johann Jakob Bachofen und Ludolf Stephani // Nurelboreus. 2004. Vol. 10. P. 93–114 ♦ Брокгауз; Прозоров; Бузескул 2008; Веселовский; Языков; РБС; БС МАО; Сайтов 2006; Фролов 2006; Российская академия наук; Тункина 2017; ADB; EAD.

Архивы: *Личный фонд:* СПбФ АРАН. Ф. 91. 90 ед. хр.; *Отд. документы и письма:* ГЭ. Ф. 1; РО ИРЛИ. Ф. 184 (Б. Л. Модзалевский); СПбФ АРАН. Ф. 2 (Канцелярия конференции АН), 95 (А. А. Куник), 133 (Археогр. комиссия); РГИА. Ф. 733; ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Ваксель), 141 (К. С. Веселовский).

В. П. Смышляева

СТРАХОВ

Николай Николаевич

STRACHOV N. N.

[16(28).10.1828, Белгород — 24.1(5.2).1896, Петербург; Новодевичье кладб.], философ, публицист, лит. критик, переводчик

Родился в семье священнослужителя; окончил Костромскую духовную семинарию, а в 1851 — ГПИ в Петербурге по естественно-математич. разряду. Был короткое время учителем физики и математики в Одессе, затем учительствовал

в Петербурге. В 1857 защитил в Петерб. ун-те магист. дис. по зоологии «**О костях запыстья млекопитающих**». С 1861 занимался журналистикой, был сотрудником журналов «Время» и «Эпоха», издаваемых братьями Достоевскими, затем некоторых др. С 1873 по 1885 служил в ИПБ. Избран чл.-корр. Петерб. АН по ОРЯС в 1889.

С. — славянофил, «почвенник», один из виднейших деятелей рус. культуры второй пол. XIX в., поддерживавший дружеские и творческие отношения со знаменитыми рус. писателями, поэтами, философами и учеными того времени, в частности с Л. Н. Толстым. Ф. М. Достоевским, А. А. Фетом.

С классич. древностью С. соприкасался только в переводных сочинениях. В 1869 под его ред. вышел 1-й том науч.-популярного сочинения Л. Фигье «Светила науки от древности до наших дней: жизнеописание знаменитых ученых и краткая оценка их трудов». В него вошли главы, посвященные Фалесу, Пифагору, Платону, Аристотелю, Гиппократу, Теофрасту, Архимеду, Евклиду, Аполонию, Гиппарху, Плинию, Диоскориду, Галену, Птолемию и Александрийской школе. В 1881–1883 в переводе С. вышло из печати одно из важных филос. сочинений XIX столетия «История материализма и критика его значения в настоящее время» зачинателя неокантианского движения Ф. А. Ланге; в 1-м томе («История материализма до Канта») первый раздел посвящен Демокриту, софистам, Аристиппу, Сократу, Платону, Аристотелю, Эпикуру, Лукрецию.

Огромное и уникальное по своему составу книжное собрание С. (12,5 тыс. томов), состоящее из изданий XV–XIX вв. по всем отраслям знаний, было передано наследниками в 1896 в б-ку Петерб. ун-та. В книжной коллекции С. были издания отдельных произведений антич. авторов и полные собрания их сочинений, а также переводы на основные европ. языки.

Как правило, это не дублиеты, а издания, отсутствующие в ун-тской б-ке, например, Августин (1506, 1528, 1571, 1661, 1755, 1877); Аристотель (1619, 1621, 1661, 1780, 1803, 1829, 1837, 1854, 1857); Веллей Патеркул (1744); Гесиод (1730); Гиппократ (1690, 1863); Гомер (1832–1835, 1839, 1852–1857, 1860, 1867, 1877); Гораций (1838, 1850, 1855, 1862, 1867, 1868); Лукан (1795); Лукреций (1662, 1694, 1782, 1837, 1838, 1850); Немесий (1671); Овидий (1702, 1860, 1878); Петроний (1799); Платон (1736, 1804–1805, 1817, 1825, 1840, 1846, 1851, 1853, 1855–1857, 1858, 1866, 1869–1877, 1872, 1876, 1877–1880); Плутарх (1855, 1859); Порфирий (1860); Саллюстий (1726, 1853); Сенека (1632, 1672); Теренций (1732); Фукидид (1788–1789, 1852–1853); Цицерон (1688, 1730, 1753, 1773, 1782, 1816–1818, 1823, 1844, 1862, 1863, 1873); Ямвлих (1678, 1707).

Этот список дает образчик солидной б-ки ученого-энциклопедиста второй пол. XIX в., которого занимает и мысль, и история мысли; и природа жизни, и дидактика, и брак, и множество др. предметов. Именно универсализм и пытливость применительно к возможностям и границам познания, к отношениям разума и веры сделали С. желанным собеседником выдающихся людей его времени и были важны в перспективе, центральной для рус. мысли того времени. Читателями книг из б-ки С. были Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьёв и многие др. Это был и библиофил, собиравший (по Розанову) «всех классиков ума человеческого».

С. часто приписывают труды его полного тезки Николая Николаевича Страхова (1852–1928) — преподавателя философии Харьков. духовной семинарии, печатавшегося в Киевск. и Харьков. изданиях, в частности, в журнале Харьков. ДА «Вера и разум».

Сочинения: Мир как целое: черты науки о природе. СПб., 1872; Борьба с Западом

в нашей литературе: исторические и критические очерки: в 3-х кн. СПб., 1882–1896; Воспоминания и отрывки. СПб., 1892; Философские очерки. СПб., 1895.

Литература: Радлов Э. Л. Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900; Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913; Будилковская А. Л., Егоров Б. Ф. Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1966. Вып. 184. С. 213–229; Белов С. В., Белодубровский Е. Б. Библиотека Н. Н. Страхова // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1976. М., 1977. С. 134–140; Николаев Н. И. Библиотека Н. Н. Страхова в свидетельствах современников // Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке: материалы междунар. науч. конф. Белгород, 25–26 нояб. 2010 г. Белгород, 2010. С. 388–394; Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик: библиогр. указ. / сост. Е. А. Антонов. Белгород, 2011 (указ. содержит 792 назв.) ♦ Брокгауз; СРНБ.

Архивы: Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев). Фонд 330 (архив Н. Н. Страхова, поступивший от его наследников).

Н. И. Николаев

**СТРОГАНОВ (СТРОГОНОВ)
Сергей Григорьевич, гр.**

STROGANOFF S. G., comte

[8(19).11.1794, Москва —
28.3(9.4).1882, Петербург;
Лазаревское кладб. Александро-
Невской лавры], *гос. деятель,
организатор археол. исследований
в России, коллекционер, меценат*

Принадлежал к баронской ветви рода Строгановых; впоследствии, после женитьбы в 1818 на своей двоюродной племяннице Нат. Павл. Строгановой, унаследовал ее графский титул и майорат в Пермской губ. Получил хорошее домашнее образование. В 1809 пятнадцати лет от роду поступил в только что открытый Ин-т корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, по окончании которого в 1811 был определен на воен. службу и вскоре произведен в офицеры. Участвовал в Отеч. войне 1812 года, где отличился в Бородинской битве, в походах 1813–1814 и взятии Парижа. После подписания капитуляции остался во Франции еще на полтора года, используя это время для пополнения своего образования, ознакомления с музеями и худож. коллекциями (в частности, с трофейными сокровищами Наполеона). В дальнейшем принял участие в русско-турецкой (1828–1829) и в Крымской (1855–1856) войне, когда он возглавлял моск. ополчение. Был временным воен. губернатором в Риге (1831–1834) и в Минске (1832–1834); в 1859–1860 на короткий срок назначен воен. генерал-губернатором Москвы.

По возвращении из-за границы в конце 1815 С. поселился в Москве: она стала для него основным местом проживания и деятельности вплоть до 1860. Именно в Москве 31 окт. 1825 он открыл на собственные средства бесплатную Рисовальную школу в отношении к искусствам и ремеслам для детей разночинцев

и крепостных: воспитанники отбирались по способностям, а акцент в преподавании делался на прикладном искусстве. Среди воспитанников можно, в частности, упомянуть Д. В. Григоровича. С. содержал школу в течение 12 лет, пока в 1843 она не стала государственной.

Внимание к вопросам образования в сочетании с консервативностью взглядов обратили на себя внимание царского двора. Назначенный флигель-адъютантом Николая I после восшествия его на престол, С. в 1826 вошел в состав Комитета устройства учеб. заведений и как его член был направлен с ревизией в Имп. моск. ун-т с секретным предписанием обратить внимание на «вредный образ мыслей»: результатом проверки стало, в частности, запрещение преподавания проф. И. И. Да в ы д о в у и временное закрытие каф. философии (вновь открыта лишь спустя 20 лет в 1845). В 1827 при обсуждении вопроса об учреждении Профессорского ин-та в Дерпте для стажировки будущих профессоров перед отправкой за границу С. вместе с Шишковым и Сперанским (т. н. «славянский триумvirат») резко выступил против этой инициативы, которая все же — пусть на время — была принята. Несмотря на то, что при открытии Дерптского профессорского ин-та С. противодействовал этому начинанию, впоследствии, в должности попечителя Имп. моск. ун-та, он предпочитал привлекать к преподаванию именно профессоров с зарубежным образованием. С др. стороны, в некоторых ситуациях С. высказывался против мер, казавшихся ему реакционными, вроде предложения кн. Ливена предпослать «Наставлению учителям, заключающему в себе общие правила для руководства их» (Н. Ф. Кошанского) отдельное введение религиозного содержания.

С июля 1835 С. был назначен попечителем Имп. Моск. ун-та. Отмечается, что благодаря своей материальной независимости и хорошему образованию

граф подходил для этой должности (РБС. С. 525–526). Так, с одной стороны, при подборе профессорского состава С. консультировался с министром народного просвещения С. С. Уваровым. С другой стороны, когда в конце 1840 Уваров предложил ограничить доступ в ун-ты лицам низших сословий, С. был единственным из попечителей учеб. округов, кто выступил с резкой критикой этой инициативы (мера все же была принята в 1844). За годы управления Имп. Моск. ун-том С. не только обновил, но и расширил преподавательский штат, возродил публичные лекции, способствовал увеличению числа защит докт. дис. и пополнению б-ки. После смерти нумизмата Е. Е. Кёлера С. в 1838 приобрел его огромную коллекцию из 10 111 серных оттисков греч. и римск. монет для Минцкабинета Имп. Моск. ун-та.

В 1837 С. возглавил Общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, добившись для него титула «Императорского»; вице-президентом был избран А. Д. Чертков, а фактическим руководителем стал М. П. Погодин, затем О. М. Бодянский. Этот период ознаменовался энергичным изданием летописей и документов, связанных с историей Древней Руси, а также исследований по археологии, этнографии, нумизматике и палеографии (тоже, в основном, древнерусской). Собственно, именно публикационная деятельность и послужила предлогом для того, чтобы заставить С. уйти со своего поста: в 1848 в «ЧОИДР» Бодянский, с разрешения С., напечатал заметки Дж. Флетчера о Моск. государстве XVI в.; публикация эта была запрещена Уваровым, а сами «Чтения» закрыты. Через несколько дней С. подал в отставку с поста попечителя Моск. ун-та и покинул должность предс. ОИДР.

После отставки С. был назначен чл. Гос. совета, однако продолжал жить в Москве и в заседаниях участия не принимал. Несколько лет он жил как частное лицо, посвящая время занятиям нумизматикой

(в т. ч. антич. причерноморской), археологией и коллекционированием. В эти годы под руководством С. и с его финансовой поддержкой закончено издание «Древностей Российского государства» (1839–1853); кроме того, С. написал книгу «Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме, строенный с 1194 по 1197 гг.» (Пб., 1849); реставрацию этого собора он оплатил десятью годами ранее. В 1857, после участия в Крымской кампании, С. вернулся на должность предс. ОИДР, чтобы занимать ее вплоть до 1874.

Несмотря на то, что большую часть жизни С. прожил в Москве, именно деятельность, относящаяся к последнему, петерб. периоду, имела особую значимость для антиковедения. Переезд в Сев. столицу состоялся в конце 1850-х в связи с созданием на базе Комиссии для исследования древностей, которой в течение многих лет руководил Л. А. Перовский, Имп. Археол. комиссии (1859). С. не только реформировал ИАК, но и возглавлял ее почти до смерти, подав в отставку 31 дек. 1881. Ближайшим его помощником был нумизмат и археолог П. А. Савельев,

скончавшийся вскоре после создания ИАК. Количество сотрудников Комиссии было очень небольшим, спец. помещения она не имела и располагалась в Строгановском дворце (Невский пр., д. 17).

ИАК стала первым в России центром, координирующим всю археол. деятельность в стране. В ее состав входили два учреждения — Керченский музей древностей и Римск. комиссия археол. разысканий. При С. были разработаны «Правила производства археологических изысканий в Керчи», где делалась попытка поставить российскую археологию на науч. базу, выработать правила раскопок и фиксации открываемых объектов, упорядочить систему отчетности и т. д. В то время работы археологов были нацелены, гл. обр., на раскопки курганов, которые приводили к открытию выдающихся произведений антич. искусства, необходимых для пополнения коллекций Имп. Эрмитажа. С. коллекционировал боспорские монеты, и в его представлении археология всегда оставалась наукой о прекрасных древностях, связанных своим происхождением с антич. культурой. Неудивительно, что с самого начала существования ИАК уделяла главное внимание изучению греч. колоний Сев. Причерноморья, прежде всего некрополей Боспора Киммерийского и скифских курганов. Основной объем археол. раскопок на Боспоре ложился на плечи директора Керченского музея А. Е. Люценко, но для работ на юге России были привлечены также И. Е. Забелин и В. Г. Тизенгаузен. В 1859 при поддержке ИАК проф. Моск. ун-та К. К. Гёрц провел масштабные раскопки в Фанагории.

В результате развернувшихся работ на Боспоре были открыты хрестоматийно известные сейчас памятники классич. культуры: Большая Близница, Ахтанисовский и Семибратние курганы, комплексы некрополя боспорской аристократии Юз-Оба («Сто Холмов») и др. В Поднепровье И. Е. Забелин раскопал знаменитый скифский царский курган

Чертомлык и некоторые др. погребальные памятники. Обнаруженные тогда предметы греч. и «греко-скифской» торевтики, а также многочисленные произведения антич. прикладного искусства (бронзовые изделия, худож. керамика и пр.) стали украшением собрания Имп. Эрмитажа. При С. раскопки в Ольвии были предприняты всего один раз в 1873 под руководством Забелина и Тизенгаузена. Они не дали особо ярких находок, и об этой греч. колонии в Петербурге на некоторое время почти «забыли».

С. уделял большое внимание составлению и изданию ежегодных «Отчетов Имп. Археол. комиссии», которые состояли из двух разделов. Первый содержал сведения о проведенных раскопках, второй был посвящен публикациям отдельных, наиболее выдающихся памятников классич. искусства. Последнее было поручено Л. Э. Стефани.

В начале 1859 С. на полгода был отозван в Москву на пост воен. губернатора, а в конце того же года вернулся в Петербург, получив назначение воспитателем цесаревича Николая Александровича, для которого должен был разработать ун-тский курс юрид. и филол. наук. С. привлек ради этого дела лучших ун-тских профессоров и преподавателей ДА (акад. Я. К. Грота, Ф. И. Буслаева, В. И. Класковского, Б. Н. Чичерина, И. Е. Андреевского). После скорострительной смерти цесаревича от чахотки в 1865 С. продолжал заниматься воспитанием вел. князей Александра, Владимира и Алексея.

В Петербурге С. неизменно привлекался к обсуждению политики в обл. образования. Несколько лет он был чл. комиссии для рассмотрения отчетов министра народного просвещения; участвовал он и в составлении Университетского устава 1863 года. Для преподавания антич. языков важной оказалась его деятельность в 1870, когда он возглавлял комиссию по реформе средней школы, состоящую из чл. Гос. совета: С. был решительным

сторонником реформы, предложенной министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым, которая предполагала полное разделение реальной и классич. гимназий, с усилением преподавания классич. языков в последней. Реформа встретила неоднозначный прием в правящих кругах (С. приложил немало стараний, чтобы реформа была принята комиссией и в Особом присутствии, однако на общем собрании Гос. совет проголосовал против нее) и широко критиковалась в печати: особенное недовольство вызывало ограничение, согласно которому только учащиеся классич. гимназий могли поступать в ун-т. Несмотря на провал проекта в Гос. совете, реформа получила одобрение императора и вступила в силу в 1871 (год спустя реальные гимназии были преобразованы в реальные уч-ща).

Следует также упомянуть, что незадолго до смерти С. открыл обсуждение проекта реформы Лорис-Меликова и резко ее критиковал, поддержав Победоносцева: «Мера эта вредна потому, что с приятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде» (цит. по: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 326). Не менее отрицательно он относился к отмене крепостного права: сам С. владел 80 тыс. душ крестьян, а после смерти жены унаследовал майорат, включавший более 157 тыс. душ.

Семья Строгановых славилась коллекционированием предметов искусства, и сам С. собрал значительную коллекцию, отражавшую его интересы. Собрание это включало изобразительное искусство (картины, скульптуры, рисунки, гравюры, многие из которых были приобретены во время неоднократных европ. поездок — в частности, т. н. итальянские *primitivi*), так и предметы декоративного и прикладного искусства. С 1840-х С. начал

собирать древние иконы, особенно старообрядческие: новых икон он не любил и даже издал спец. указ, запрещающий их присутствие в церквях, находящихся в его обширных владениях. Увлеченный нумизматикой, С. собрал огромную коллекцию монет и медалей, в т. ч. приобретая целые собрания (напр., часть коллекции А. А. Сибирского; собрание визант. монет П.-Ю. Сабатье). К исследованию своей нумизматич. коллекции С. привлек Г. И. Спасского (Тункина 2002. С. 370).

Предметы антич. искусства в строгановской коллекции присутствовали, хотя не они составляли ее основу. Граф не только привлекал к их изучению лучших специалистов, но и сам, сколько можно судить по мемуарам, недурно разбирался в антич. искусстве. Интересна история бронзовой статуэтки Аполлона из собрания С. В своих воспоминаниях Ф. И. Буслаев (С. 171–175) подробно описывает историю ее приобретения: зимой 1848 Буслаев заметил ее в доме кн. Ю. А. Долгорукова, детям которого давал частные уроки; князь собирался продавать эту случайно найденную среди семейных богатств статуэтку и согласился перед тем показать ее С. Граф сразу указал, что в древности статуэтка, скорее всего, была покрыта позолотой, и определил предмет в руке Аполлона как шкуру, снятую со змея. Он приобрел статуэтку и вскоре привлек к ее изучению Л. Стефани (Apollon Boëdromios: Bronze-Statue im Besitz S. E. des Grafen S. Stroganoff // ЗАН. 1863. Т. 3. Прил. 1). Много лет спустя во время пребывания в Риме зимой 1875 Буслаев с графом присутствовали на лекции В. Гельбига, в которой был предложен сопоставительный анализ статуэтки графа и статуи Аполлона Бельведерского.

Страсть к коллекционированию унаследовали и сыновья Строганова, Павел Сергеевич (1823–1911), собиравший в основном живопись, и Григорий Сергеевич (1829–1910), который, помимо живописи, коллекционировал медали,

а также египетские и антич. древности. В силу того, что вкус Г. С. Строганова был в меньшей степени ориентирован на рус. искусство, коллекция его имела даже большее значение для антиковедения, чем собрание отца. Впрочем, держать ее Григорий С. предпочитал на своей вилле на *via Sistina* в Риме.

Деятельность С. отличалась постоянной заботой об образовании (от младших школ до ун-та) и вместе с тем консервативностью, в силу которой он иногда поддерживал решения, ограничивающие распространение знаний. Впрочем, противоречие между этими двумя тенденциями, а именно между пониманием важности образования для развития государства и стремлением направить его в такое русло, которое позволило бы обезопасить монархию от угрозы вольнодумства, характерно и для др. гос. деятелей той поры. О том, сколь близко к сердцу С. принимал свои обязанности, можно судить по тому, что после своего назначения на пост попечителя Моск. ун-та он сразу же отдал учиться в него своего старшего сына и наследника майората (*Буслаев*. С. 107); равным образом, возглавив ИАК, С. отвел Комиссии помещение в своем собственном доме.

Жена С., Наталья Павловна, была внучкой гр. Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), гос. деятеля и крупного землевладельца, прославившегося своей нумизматич. коллекцией (свыше 60 тыс. ед.). С 1800 по 1811 А. С. возглавлял Имп. Академию художеств и был директором ИПБ. Как почет., а затем как д. чл. ИАН он участвовал в составлении «Словаря Академии Российской».

Избранные сочинения: О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губернии в 1837 г. // Русский исторический сборник. Т. 4, кн. 2–3, 1840; Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме): строен от 1194-го до 1197-го года. СПб., 1849; «Русское искусство» Е. Виоле-ле-Дюк и архитектура в России от X по XVIII-й век. СПб., 1878.

Литература: *Мурзакевич Н.* Граф Сергей Григорьевич Строганов (некролог) // ЗООИИД. 1883. Т. 13. С. 220–222; *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897; *Гартвиг А.* (сост.) Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. гр. С. Г. Строгановым: ее возникновение и развитие до 1860 г. М., 1901; *Гурулѳва В. В.* С. Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель: к 85-летию В. М. Потина. СПб., 2005. С. 163–169; *Тихонов И. Л.* «Как поспорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским археологическим обществом) // In situ: к 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 358–371; Имп. Археол. комиссия; *Петров Ф. А.* Строганов С. Г. // Императорский Московский университет, 1755–1917: энцикл. словарь / под ред. А. Комзоловой, И. Ряховской. М., 2010. С. 695–698; *Платонова Н. И.* Граф Сергей Григорьевич Строганов: 1810–1840-е годы // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2. М., 2010. С. 153–164; *Кузнецов С. О.* Строгановы. 500 лет рода. Выше только цари. М.; СПб., 2012; *Клейн* 2014. С. 281–296; *Sinel A.* The Classroom and Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoy. Cambridge, Mass., 1973 ♦ РБС; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: биогр. словарь. М., 1997; *Тункина* 2017.

Архивы: РГАДА. Ф. 1278; ОПИ ГИМ. Ф. 17 (письма к С. С. Уварову).

Ю. А. Виноградов, М. Н. Казанская

СТРУВЕ

**Федор (Яков) Аристович
(Эрастович, Федорович)**

STRUVE Jakob Theodor

[12(24).5.1816, Фленсбург, Дания — 22.12.1885 (3.1.1886), Рига;

Смоленское лютеранск. кладб. в Петербурге], *филолог, историк литературы, эпиграфист*

Родину покинул десятилетним мальчиком после смерти отца, воспитывался дядей К. Л. Струве в Дерпте; после смерти

последнего его опекал В. Я. Струве, первый директор Пулковской обсерватории. В российском подданстве С. с 1858. Окончил в Дерпте гимназию (1832) и ун-т (1837, кандидат). Служил домашним учителем в Кенигсберге, затем преподавал в Дерпт. гимназии (1840–1842), завершая магист. дис. «**Emendationes et observationes in Quinti Smyrnaei Posthomericæ**» (защищена: Петерб. ун-т, 1843). Сразу после защиты был приглашен учителем лат. языка в Казан. 1-ю гимназию, с 1845 преподавал в Казан. ун-те: лектор римск. словесности, адъюнкт (1851), экстр. проф. (1852), орд. проф. (1855), декан ИФФ (1855–1857); читал также греч. словесность. В 1856–1861 преподавал и нем. язык в Родионовском ин-те благородных девиц в Казани. Докт. дис. «**De argumento carminum epicorum**» (защищена: Петерб. ун-т, 1846). В 1860 конфликт со студентами положил конец его службе в Казани — попытка возобновить лекции в янв. 1861 оказалась неудачной. МНП, хотя и потребовало от попечителя исклучения зачинщиков студенческих беспорядков, поставило С. на вид «отсутствие благоразумия и такта в его действиях». Отставленный с полной пенсией (п. д. 1864 см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 124. Ед. хр. 14), С. переехал в Петербург и преподавал древние языки в Петерб. 3-й гимназии (1861–1865). В 1865 занял должность орд. проф. греч. словесности во вновь открытом Новорос. ун-те, одновременно преподавал древние языки в Одесской 2-й гимназии (1865–1869) и нем. язык в одной из женских гимназий. В июне 1868 выехал на полгода за границу (Афины, Рим, Париж, Германия; участник Международного филол. съезда в Вюрцбурге) для налаживания контактов молодого ун-та с учеб. заведениями Европы и приобретения экспонатов для ун-тского музея. В 1870 был переизбран на след. срок советом Новорос. ун-та, однако, задетый результатом баллотирования (незначительный перевес голосов),

покинул Одессу. В 1870–1878 директор гимназии Петерб. ИФИ; чл. ООИиД, МАО; чл. совета МНП. Последние годы жизни провел в Митаве (ныне Елгава) и Риге.

С. получил хорошую подготовку в обл. критики и герменевтики под руководством К. Мора, К. Моргенштерна и Ф. Нойе. Защиту обеих его дис. в Петерб. ун-те, по-видимому, поддержал Ф. Б. Грефе; по крайней мере в дарственной надписи на экземпляре РНБ «*Opuscula selecta*» К. Л. Струве, изданных С. (Vol. 1–2. Lipsiae, 1854), в адрес Грефе высказаны слова благодарности. «Отличный латинист, изящно и свободно говоривший и писавший на языке древних римлян», С., по его собственному признанию, охотнее предавался науч. занятиям греч. филологией (БС Казан. ун-та. С. 171). В первый период своей деятельности он занимался преимущ. экзегезой текста: «**De Eupolidis Maricante**» (Kiel, 1843) и дис. «*Emendationes et observationes in Quinti Smyrnaei Posthomericæ*» (исследование выполнено, видимо, по следам работы К. Струве о Квинте). В Казани (возможно, под влиянием проф. Ф. Фатера) С. обратился к ист.-лит. и лит.-экзегетич. студиям. Продолжив анализировать текст Квинта, С. сосредоточился на источниках его поэмы в докт. дис. «**De argumento carminum epicorum quæ res ab Homero in Iliade narratas longius prosecuta sunt**» (Petropoli, 1846). Не вполне принимая мнение о зависимости Квинта от «Эфиопиды» и «Малой Илиады», С. стремился выявить следы собственных интерпретаций поэтом некоторых сюжетов этого цикла, сопоставляя варианты изложения эпизодов Троянской войны (после гибели Гектора) в разных источниках — от «Одиссеи» до Сенеки и хрестоматии Проба.

С. обсудил также вклад в эпич. традицию Арктина Милетского; кратко коснулся он и дошедших свидетельств о «Малой Илиаде» Лесха Лесбосского. По мере обновления изданий эпич.

фрагментов С. возвращался к теме и в статье **«De argumento carminum epicorum. II»** (Учен. зап. Казан. ун-та. 1850. № 2), и в работе **«Novae curae in Quinti Smyrnaei Posthomera»** (Там же. 1860. № 3), которые заслужили признание у германских специалистов и издателей, в т. ч. у О. Шнейдера, Т. Бергка, Г. Кехли (Köchly), с которыми С. поддерживал переписку (см. отчет С. о своей европ. поездке: ЗНУ. 1868. Т. 3. С. 463–516). Как представитель ун-тской «немецкой партии», отчитал в **«Заметке по поводу отчета г. Новосёлова»** (ЖМНП. 1863. Янв. Отд. V. С. 24; см. полемич. отклик на эту «Заметку»: Голос. 1863. № 40) российских стипендиатов за непочтительность к германской науке и непонимание того, что «степень, до которой дошли некоторые великие люди, может быть, никогда не будет ими достигнута».

Переехав в Одессу, пристрастился к эпиграфике и археологии, сделавшись постоянным обозревателем по теме южнорус. древностей в «ЗООИД»: **«Новые надписи Ольвийские»**, **«Археологические разыскания в Южной России, по отчетам Имп. Археологической комиссии»**, **«Археологические заметки по поводу посещения Аккермана в 1866 г.»** (все — 1867. Т. 6), **«О двух новооткрытых классических надписях в Закавказье»** (1868. Т. 7); в «Трудах МАО»: **«Новости из Припонтийского края: письмо к К. К. Гёрцу»**, **«О новооткрытых надписях в Танаисе»** (1870–1873. Т. 3) и в нем. изданиях: см. серию его эпистолярных заметок, обращенных к Ф. Ричлю **«Pontische Briefe an F. Ritschl. I–IV»** (RhM. 1870–1873. Bd. 25–29). Публиковал также просветительские очерки в местной периодике (**Об археологе Винкельмане** // Одесский вестн. 1868. № 114).

В петерб. гимназиях С. проводил занятия по истории антич. искусства, сочетая лекции с экскурсиями на выставки

южнорус. древностей (Известия о деятельности и состоянии наших учеб. заведений: высшие учеб. заведения // ЖМНП. 1873. Авг. С. 79). Как педагог большой славы он не снискал. Е. А. Бобров (Б. И. Ордынский. Варшава, 1904. С. 36) причислял его к «бездарным преподавателям». Восприятию лат. лекций С. мешали также неистребимый нем. акцент и своеобразное чтение греч. текстов — среднее между эразмовым и рейхлиновым. Впрочем, эрудицию и снисходительность С. студенты ценили: «Когда он говорил на латинском языке, можно было почувствовать всю красоту этого языка; но он был уже человек усталый. Если на лекции у него не было трех студентов, он, процитировав общеизвестную латинскую поговорку, лекции читать не хотел; да и на лекции много времени тратилось на разговоры, имевшие лишь косвенное отношение к прочитываемому. Правда, проф. Струве старался внушить своим слушателям глубокое отношение к классицизму, а также к самому себе как его представителю, рассказывая, как его встречают ученые Германии <...>. Всему этому мы охотно верили, проф. Струве за его доброе отношение к студентам любили, но греческому языку у него не научились», — вспоминал А. И. Маркевич (ЗНУ. 1890. Т. 53. С. 281–282).

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1874, 1887, 1892; *Добротворский В. А.* 50-летие Одесской 2-й гимназии. Одесса, 1898; Маркевич; *Овсянников Н.* Записки студента Казан. ун-та // РА. 1909. № 3; J. Th. Struve // St.-Petersburg. Zeitung. 1886. № 12 ♦ Григорьев; Аничков; Нагуевский; Прозоров; БС Казан. ун-та; РБС; БС МАО; Новосадский; БС ПОНУ; Сайтов 2006; Фёдоров; Album Dorpat; ADB; DBBL; EAD; Eckstein.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

Т

**ТИЗЕНГАУЗЕН
Владимир (Эрнест Вольдемар)
Густавович, бар.**

TIESSENHAUSEN Ernst Woldemar,
Baron von

[21.2(5.3).1825, Нарва — 2(15).2.1902,
Петербург; Волковское лютеранск.
кладб.], *востоковед, нумизмат,
археолог*

Представитель многочисленного рода Тизенгаузенов, происходившего из Голштинии и Лифляндии. Высшее образование получил по разряду вост. словесности Первого отделения филос. ф-та Петерб. ун-та, окончив его в 1848 со степенью кандидата. После этого служил письмоводителем в Морском ведомстве, затем в Мед. департаменте, с 1857 — столоначальником Строительной конторы МИД. В 1861 был принят в ИАК на должность производителя дел. Затем последовательно занимал должности младшего и старшего чл. ИАК, службу закончил товарищем (т. е. заместителем) предс. ИАК 27 мая 1900.

В. Р. Розен справедливо отмечал, что «Археологическая комиссия, как учреждение, преследующее научные цели, конечно, было более подходящим местом служения для молодого ученого, чем Мед. департамент или Строительная контора,

но досуга для специалиста-востоковеда она давала немного». От любимого дела его отрывала масса административной и канцелярской работы, а также и археол. раскопки, которым Т. вынужден был посвятить первые 20 лет своей деятельности в Комиссии. Сфера основных интересов этого учреждения тогда была сосредоточена на раскопках курганов Юга России, прежде всего, курганов Скифии и Боспора. Они давали ценные произведения антич. прикладного искусства, необходимые для пополнения коллекций Имп. Эрмитажа.

Молодой востоковед в обл. полевой археологии не имел никакого опыта, и в 1863 был направлен в Екатеринославскую губ. к И. Е. Забелину, проводившему там раскопки скифского царского кургана Чертомлык, а также в Керчь к директору местного музея древностей А. Е. Люценко, предпринимавшему ежегодные археол. работы на обоих берегах Керченского пролива. Получив т. о. некоторое представление о правилах изучения древних курганов, Т. приступил к самостоятельным работам. С точки зрения современной науки он проводил раскопки очень небрежно, нарушая элементарные правила археол. методики, но, как единодушно признают офиц. документы того времени, обогатил Имп. Эрмитаж «многими памятниками глубокой древности

и лучших периодов греческого искусства». Последнее в полной мере соответствует действительности.

В 1864 Т. первый раз приехал на Таманский полуостров (Азиатский Боспор) и ознакомился с тамошними археол. памятниками, но к самостоятельным раскопкам здесь приступил лишь в 1868. Тогда в одном из курганов под Таманью был обнаружен каменный склеп, содержащий великолепно украшенный деревянный саркофаг. В том же сезоне он начал изучение курганов, расположенных на Васюринской горе, а в 1869 открыл здесь каменную гробницу, около входа в которую располагались погребения коней с прекрасными украшениями узды. Т., к сожалению, не оставил описания этой гробницы.

В том же году под Фанагорией была открыта замечательная гробница, содержащая набор фигурных сосудов (в том числе сосуд в виде сфинкса, сосуд в виде Афродиты, рождающейся из морской пены, и пр.). К сожалению, это открытие тоже никак не документировано.

Выдающиеся открытия были сделаны Т. в 1875–1876 во время раскопок курганной группы Семь Братьев. Эти курганы, относящиеся к второй половине V — первой четверти IV вв. до н. э., принадлежат царям Синдики. Более грандиозных и богатых погребальных комплексов этого времени в Сев. Причерноморье до сих пор не обнаружено.

В 1879 в Артюховском кургане Т. открыл две гробницы с вещами, относящимися к эллинистич. эпохе. В 1881 он приступил к раскопкам Анапских курганов и в боковой части одного из них обнаружил весьма богатое захоронение, тоже принадлежащее эпохе эллинизма. На следующий год Т. открыл каменный склеп, в котором находился деревянный саркофаг с изображением Нереид, везущих оружие Ахиллу (знаменитый «Анапский саркофаг»). В 1883 он принял раскопки Тарасовских курганов, оказавшихся разграбленными, но открытые здесь монументальные каменные склепы, которые можно датировать III в. до н. э., являются ценнейшими памятниками культуры боспорской элиты. Кроме раскопок на Боспоре, Т. принимал участие в работах на Дону, где в 1867 провел раскопки Недвиговского городища (древний Танаис). В 1873 он совместно с И. Е. Забелиным предпринял масштабные исследования в Ольвии; Т. при этом заведовал раскопками некрополя.

Т. прославился своими науч. работами в обл. вост. нумизматики и исследованием араб. источников по истории Золотой Орды. Крупных публикаций в обл. антич. истории и антич. культуры он не оставил. Можно отметить его рец. на работу М. Сем. Куторги (*Куторга М. О дне празднования нового года у афинян пред Пелопоннесскою войною, с объяснением одной оропской надписи. Записки ИАН. № 5. СПб., 1865 // Изв. РАО. 1868. Т. 6, вып. 2. Стлб. 77–78*). В обл.

антич. археологии Сев. Причерноморья его публикации тоже немногочисленны. Кроме сообщений о раскопках в «Отчетах ИАК», редактированию которых Т. вынужден был уделять много времени, опубликован его письмо о раскопках на Таманском полуострове в 1869 **«Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове (Письмо к К. К. Гёрцу)»** (Древности. Тр. МАО. 1870. Т. 2. С. 39–46). Следует отметить, что именно Т. первым обратил внимание на науч. наследие «отца боспорской археологии» П. Дюбрюкса (**Записка Дюбрюкса: несколько замечаний о различного рода гробницах, находящихся в окрестностях Керчи** // Тр. VI АС. Т. 2. Одесса, 1888. С. 135–139). Вклад Т. в расширение источниковой базы для изучения антич. культуры Сев. Причерноморья неоспорим. Несмотря на все изъяны полевой методики, им была сделана целая серия археол. открытий, без которых невозможно представить современную науку о классич. древностях сев. берега Черного моря.

Т. осознавал важность охраны памятников древности и старины. При его содействии была опубликована записка «О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных» (ЗООИИД. 1872. Т. 7. С. 363–403). Когда в середине 1880-х на ИАК обрушилась критика и ее, в частности, стали обвинять в чрезмерном внимании к раскопкам курганов юга России, к добыванию произведений антич. искусства в ущерб археол. памятникам др. времен и др. областей гос-ва, Т. решительно выступил в защиту традиционного направления в деятельности Комиссии. Он указывал, что открытия в курганах принесли отеч. науке мировую известность и это направление следует всячески поддерживать. Исследования древностей иных областей России, по его мнению,

следовало, в основном, возложить на местные археол. общ-ва.

За свои заслуги Т. был принят в члены многих российских и иностр. науч. общ-в. В 1893 он был избран чл.-корр. ИАН. Награжден орд. св. Владимира 4-й и 3-й ст., св. Станислава, а также сер. медалью «В память царствования имп. Николая I».

Т. был два раза женат и два раза вдовел. От первого брака у него осталось четверо детей. Их воспитание и обучение требовало немалых материальных средств, которых у барона не хватало. Архивные документы ИАК, относящиеся к деятельности Т., пестрят просьбами о материальной помощи, которые, как правило, удовлетворялись.

Т. был не лишен поэтич. дара. В частности, его перу принадлежит «Элегия», в которой в шуточных тонах отражено его пребывание в Прикубанье.

Литература: *Веселовский Н. И.* Владимир Густавович Тизенгаузен // ЗРАО. 1887. Т. 2. С. СХIV–СХХ; *Барон В. Г. Тизенгаузен (некролог)* // Изв. ИАК. 1902. Вып. 2. С. 112–126; *Розен В.* Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. 1825–1902 // ЗВОРАО. 1906. Т. 16. С. 231–236; *Маркевич А. И.* Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена // ИТУАК. 1910. № 44. С. 41–45; *Тихонов И. Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: антиковедческо-историографический сб. памяти Я. В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 220–244; Имп. Археол. комиссия; *Горончаровский В. А.* Из истории археологических открытий на юге России: барон В. Г. Тизенгаузен и античные древности Прикубанья // Стиль, мода и дизайн в контексте синтеза искусств. СПб., 2014. С. 51–60 ♦ Брокгауз; DBBL.

Архивы: НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1861 г. Д. 30 (О назначении надв. сов. Тизенгаузена производителем дел Археол. комиссии; Ф. 1. 1900 г. Д. 90 (Об увольнении от службы товарища председателя комиссии, д. стат. сов. В. Г. Тизенгаузена).

Ю. А. Виноградов

**ТОЛСТОЙ
Дмитрий Андреевич, гр.**

ТOLSTOY D. A., comte

[1(13).3.1823, Москва —
25.4(7.5).1889, Петербург;
собств. имение в с. Макове
Михайловского р-на Рязанской обл.],
гос. деятель, историк просвещения
в России

В 1872 в должности министра народного просвещения ввел «классическую систему» среднего образования, основанную на углубленном изучении древних языков. Сам Т., прозванный «классическим графом», не получил солидной филол. подготовки; с латынью он был знаком на школьном уровне. В 1842 окончил Царскосельский лицей с зол. медалью. Упомянул о лицейских занятиях латынью, инспектируя гимназистов. По сведениям А. А. Корнилова («Курс истории России XIX в.», лекция 31), накануне своей реформы Т. брал уроки древнегреч. языка у директора 3-й гимназии В. Х. Лемона и у с а, входившего в комиссию по составлению школьного устава. Об этих уроках упоминает в некрологе газета «Гражданин» (В. П. Мещерский хорошо знал Т.) и не столь осведомленные в делах графа «Новости». Занятия греч. имели место, но не могли быть ни регулярными, ни глубокими.

Науч. интересы Т. далеки от античности. Он оставил около 20 ист. работ разной степени научности; из них наиболее значительные: «**История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины имп. Екатерины II**» (СПб., 1848) и «**Le catholicisme romain en Russie: Études historiques**» (Т. 1–2. Paris, 1863–1864; рус. пер.: 1876). Характерно сосредоточение на екатерининской эпохе и связь с задачами службы. Карьера до назначения министром давала мало поводов вникать

в пед. теорию или в вопросы филологии: три небольшие монографии о созданных Петром учеб. заведениях опубли. уже после увольнения из МНП: «**Академическая гимназия в XVIII столетии**» (СПб., 1885); «**Академический университет в XVIII столетии**» (СПб., 1885); «**Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г.**» (СПб., 1883).

В Собственной е. и. в. канцелярии Т. состоял чиновником по управлению учеб. заведениями, заведовал финансовой частью. С 1847 служит в Деп. духовных дел иностр. исповеданий МВД; с 1853 директор канцелярии в Морском мин-ве, где проектирует хозяйственный устав. В 1861 назначен управляющим деп. МНП, но вскоре переведен в сенатскую комиссию для преобразования судебного ведомства. Обер-прокурор Синода с 1865. Министром народного просвещения назначен 14 апр. 1866, с оставлением за ним прежней должности: в кабинете Т. в обер-прокурорском доме на Литейном пр., 62 решались и дела церк. управления, и вопросы образовательной жизни России.

Т. — убежденный монархист, известный своими ультраконсервативными взглядами; служба в либеральном Морском мин-ве не означает, вопреки расхожей историографии, близости к авторам «Морского сборника», Плещееву и др. Назначение министром состоялось через несколько дней после покушения Каракозова. Образовательная политика Т. преследовала охранительные цели. Как и все школьное общ-во, он понимал, что нет предметов, способных одним своим содержанием воспитывать оппозиционные или же консервативные настроения. Охранительную функцию Т. приписывал глубокому образованию: истинные ученые, как ему казалось, непременно будут консерваторами. Летом 1866 перед учителями Саратовской гимназии, имевшей у некоторых дурную репутацию, т. к. словесность до 1853 там преподавал Чернышевский, Т. говорил об «умственном

и нравственном развращении», а панацей ей назначил «истинное, а не ложное образование». В речи к проф. Казан. ун-та он задает вопрос: «Может ли какой-нибудь нигилизм устоять перед здоровой философией, а коммунизм — перед наукой политической экономии?». На съезде естествоиспытателей в Москве констатирует: «Неверны заблуждения, происходящие от невежества, и что еще хуже, от полужнания, от верхоглядства, не постигающего, что значат научные труды и усилия» (**Речи и статьи**. СПб., 1876. С. 3–4, 15). Опасное «верхоглядство» как раз и должна была победить новая школьная программа.

По уставу 1864, принятому мин-вом А. В. Головнина, среднее образование уже получило «гуманистическую» (гуманитарную) направленность: право на поступление в ун-т имели только выпускники классич. гимназий. Допускались гимназии с одним лат. языком; греч. предполагалось вводить постепенно. В методике упор делался на комментарий к антич. тексту. Данная модель классицизма была введена в 1828 С. С. Уваровым. После 1848 министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов попытался придать

гл. значение естественнонауч. предметам, но убедить общ-во в преимуществах «реализма» не удалось: учителя всех уровней отмечали дефекты школьной подготовки. Следуя проекту А. С. Норова (1856), правительство возвращало классицизм, обособив гуманитарное образование от проф.-техн. В печати развернулась дискуссия приверженцев классич. (Т. Н. Грановский, М. Н. Катков) и реальной школ (К. Д. Ушинский). Ведущим ученым «по древней филологии» Ученого комитета МНП был И. Б. Штейнман, сохранивший и при Т. положение науч. консультанта [стремясь принизить роль Каткова, Р. И. Сементковский (Михаил Катков: его жизнь и публицистическая деятельность. СПб., 1892. С. 29) называет реформу Т. «делом рук Штейнмана»]. Учрежденная Головинным гимназия была одобрена просвещенной частью общ-ва, т. к. план занятий, в т. ч. по древним языкам, определяли сами учителя. Главным пед. инструментом являлся анализ лат. и греч. текста, правила грамматики служили для усвоения мысли антич. автора.

Между тем в прус. школе реализовывалась др. программа классицизма, созданная В. фон Гумбольдтом с его последователями (И.-В. Зюверном, И. Шульце) и стоящая в тесной связи с его лингв. изысканиями. В его методике важнее всего было постоянное применение грамматич. правил. Осваивая грамматику и тренируясь в обратном переводе, ум, по самой природе сплоченный с языком, упражняется и развивает себя. Латынь и греч. воплощают идеальный язык, завершивший развитие и лучше прочих изученный. Неясно, какой модели сочувствовал Т. Грамматич. метод поддержан в докладе «Виды и соображения, которыми руководствовался министр народного просвещения, предоставляя в Государственный совет проект устава реальных училищ» (1872; автор ссылается на А. Шпиллеке, который обосновал разделение реальной и классич. школ). По воспоминаниям П. Д. Шестакова, Т. верил в преимущества уваровского подхода, но уступил авторитету П. М. Леонтьева. Не зная основательно самого дела, он, видимо, не имел альтернативы: если классицизм по программе Головнина после выстрела Каракозова признали вредным, а возврата к реализму не предполагалось, оставалась вторая схема, которая и была применена к жизни.

Прус. гимназия при 22 уроках латыни и греч. в неделю уделяла на нем. язык всего два часа: полагали, что нужно начинать с истоков. На том же принципе подчинения рус. языка и словесности древним строилась программа толстовской школы, причем гл. адептом ее в журнальной полемике был М. Н. Катков, признанный эталоном рус. патриотизма, между тем как далекий от филологии Катков проводил идеи своего друга Лентьева, издателя «Прописей». Кроме них программу Т. деятельно поддерживал приехавший из Москвы А. И. Георгийевич, новый глава Ученого комитета, автор и куратор всех научно-административных проектов МНП. Часов по древним языкам планировали меньше, чем в прус. гимназии: 7 уроков лат. (с 1-го класса) и 6 греч. (с 4-го по 8-й, последний класс; прус. гимназия была 9-классной). Сокращение часов оставляло на чтение антич. текстов меньше времени (7–9 авторов против 15–20 в Пруссии). Программа определялась мин-вом, учитель лишился права ее варьировать. Учили переводить их tempore, без домашней подготовки, сложный текст на лат. и греч. Extemporalia предлагались и на экзамене.

План реформы оформился сразу после назначения Т., о чем свидетельствуют предпринятые тогда же подготовительные меры. Наличный пед. состав количественно и качественно не удовлетворял требованиям нового учеб. плана. Чтобы ввести его хотя бы в действующих гимназиях, не хватало 65 учителей-классиков, причем способных преподавать обратный перевод. Тогда был организован импорт филологов из-за границы; приглашали выпускников венского и пражского ун-тов, преимущ. чехов, которым, как считалось, легко будет выучить русский язык; для их дальнейшего образования в Петербурге был основан Учительский ин-т слав. стипендиатов (1866). ИФИ, учрежденный в том же году, успел к началу реформы выпустить 25 учителей.

В «ЖМНП» был создан отдел классич. филологии (1873). Бюджет мин-ва значительно возрос. Плата за обучение предполагалась, но была доступной; ок. 10% гимназистов учились на стипендии; из своих средств Т. основал несколько таких стипендий. Авторитаризм министра вызывал при этом недовольство общ-ва: новый учеб. план не вынесли на обсуждение в прессе и в коллективах школ. Г. П. Измествьева указывает, что мнения пед. советов были уже собраны, и большинство учителей одобряло классицизм; однако этот вопрос, инициированный предыдущим министром, касался иной методики преподавания. У защитников классич. системы вызывали недовольство учителя-иностранцы (см.: *Достоевский Ф. М. Дневник писателя // ПСС. Л., 1980. Т. 21. С. 93–94, 136, 263, 268*) и недостаток внимания гимназии к закону Божьему. Обер-прокурор Синода расходился с духовенством по образовательным вопросам, считая православную догматику в школе не соответствующей европ. образцам. Гимназию критиковали за воспитание «почти атеистов» (*Глинский Б. Б. Накануне гимназической реформы // ИВ. 1899. Т. 78, № 11. С. 700*). Но чаще всего указывали на отсутствие мотивации. В прус. семье не возникало сомнений, что античность — основа основ. В семье русской этого убеждения не было: в родной истории ребенок находил строителей, естествоиспытателей, полководцев, но почти не обнаруживал гуманистов. Поэтому, несмотря на неустанную деятельность Т. в учеб. округах и за границей (к тому же летом и осенью 1871 министр посетил герм. школы), он лишь незначительным большинством провел свой проект в Особом присутствии (против голосовали, в частности, Д. А. Милютин, Ф. П. Литке, Я. К. Грот). В общем собрании Гос. совета итог был разгромным: 19 «за» и 29 «против» (последние руководствовались «чувством родительской любви», как писал министру кн. А. И. Васильчиков). Александр II, которому Т. в особом докладе убедительно представил победу науки над нигилизмом, поддержал графа, и проект был принят. Сформировалась оппозиция, теневая и явная: М. М. Стасюлевич («ВЕ»), А. А. Краевский («Голос») и В. Ф. Корш с его соавторами в «СПбВед.», поощряемыми либеральной партией вел. кн. Константина Николаевича.

Введя классич. систему, Т. энергично развивал ее, причем заботился о науч. постановке дела, порученной Георгиевскому. Основаны Лейпц. ФС (1873), ОКФП (1874); Неж. лицей преобразован в ИФИ (1875). С 1873 по 1878 приглашено на должность учителей ок. 100 австрийских, датских, прусских филологов, по возможности, слав. происхождения (панславянским чаяниям это с разных сторон не противоречило). Новые учеб. пособия облегчали путь к грамматике, коммент. издания варьировали план чтения. Внешне классич. образование преуспевало: Т. открыл 25 гимназий и 63 прогимназии (4–6 классов; окончившие могли переехать в большой город и доучиться); организовал министр и училищные ин-ты, и женские гимназии, в которых, впрочем, не было древних языков, признанных рискованными для физич. здоровья учениц; зато существовали частные женские гимназии с программой мужских.

Вместе с тем сопротивление общ-ва понимаемому так «классицизму» нарастало. Образовательных учреждений, выдающих аттестат зрелости, помимо министерских гимназий, не имелось. Правительство упорно отказывалось открыть доступ в ун-т выпускникам реальных уч-щ, частных школ и кадетских корпусов. Древние языки приобретали значение путевки в жизнь, но способными пройти грамматич. курс и сдать экзамены оказывались немногие. Исключали иногда более половины поступивших. Еще больше оставалось на второй год, что вредило прилежанию: тон в мужском коллективе задавали старшие, а значит — второгодники. По убеждению Т., единственным препятствием к триумфу его школы служила «славянская лень». «Главная трудность здесь — в систематическом приложении интеллектуальных усилий», — вторит графу его историк Г. П. Измествьева. На деле ждать от каждого старательного школьника успехов в переводе с древних, а тем более на древние языки утопично. Нетрудно представить себе состояние родителей,

заставляющих «прикладывать усилия»! Т. создал спецшколу, подходящую лишь для филологически одаренных детей и, следовательно, провальную в силу своей всеобщности. Спасти классицизм могла неоднократно предлагавшаяся диверсификация программы и признание за многотипной школой гос. статуса. Как и предсказывала оппозиция, гимназии вредило подавление инициативы на местах: общеобязательность программы способствовала распространению «подстрочников», ученики не изучали предмет, а ждали экзаменов с экстерпраниями, в перспективе были — исключение, оставление на второй год или унылая оценка «посредственно».

Увольнение Т. весной 1880 («год, когда мне сломали шею») накануне Пасхи даже консервативная часть общ-ва восприняла как «лучшее красное яичко, которым государь мог похристосоваться с Россией» (А. И. Кошелёв). Чиновники шутили: «Толстой сменен!» — «Воистину сменен». А. В. Богданович записал в дневнике 20 апр. 1880: «Все рады, что он уже не министр. <...> Вот человек, сумел себя заставить ненавидеть всех без исключения, или с очень небольшими исключениями». Поводом к отставке стала интрига М. Т. Лорис-Меликова, который представил Александру II доклад о недовольстве учащихся политической МНП. Сняв Т., монарх, однако, не отменил классицизма. Либеральные министры А. А. Сабуров и А. П. Николаи (последняя креатура Лорис-Меликова) никаких мер против классич. образования принимать не собирались, пока убийство Александра II не потребовало немедленного и сокрушительного ответа: уже в апр. 1881 был закрыт Учительский ин-т слав. стипендиатов. Однако надежды либералов не сбылись и здесь: в 1882 мин-во возглавил И. Д. Делянов, директор ИПБ, состоявший при Т. тов. министра, между тем как Т. занял должность главы МВД и президента АН.

Делянов, хотя и основал под эгидой МНП Русский ин-т римского права при Берлинском ун-те (1887), не имел самостоятельных взглядов и в делах мин-ва

непрестанно советовался с К. П. Победоносцевым. Классич. гимназия по существу дела требовала привлечения образовательного потенциала всего народа; в соответствии с этим Т. выступал противником сословной школы (Речи и статьи. С. 7), и неслучайно процентный состав низших сословий в гимназии при нем возрос, тогда как процент дворян уменьшился. В 1871 дворян и чиновников было 59,5%, городских сословий — 27,8%, сельск. — 5,7%; в 1880: дворян и чиновников — 49,1%, городских — 36,4%, сельск. — 6,7%. Гражданское значение классицизма мыслилось, т. о., в привлечении способных учеников из различных классов населения. Роковой удар этой системе нанес инспирированный Победоносцевым дяляновский «Доклад о сокращении гимназического образования» (1 июля 1887, «циркуляр о кухаркиных детях»): ограничивался прием в гимназии низших городских сословий и евреев. Через год после смерти Т. мин-во Делянова разработало и 20 июля 1890 утвердило программу, по которой часть уроков лат. и греч. передавалась на изучение рус. языка и словесности, а экстемпоралии на экзамене отменялись. В дек. того же года созданный Вильгельмом II Прус. пед. конгресс (Dezember-Konferenz) часы древних языков передавал нем. языку, между тем как *lateinischer Aufsatz* — аналог экстемпоралий — был упразднен. В 1898 со смертью Делянова и назначением Н. П. Богалева, ректора Моск. ун-та, писавшего о римском праве, в общ-ве нарастают либеральные ожидания. Николаю II направляются дворянские ходатайства, просят отмены классич. системы. К экзаменуемым на аттестат отнеслись снисходительно, так что столичные ун-ты превысили квоты и летом 1900 множество студентов оказались на пороге исключения. На фоне студ. волнений Боголепов провел прогрессивную реформу ун-тов, приняв в порядке устрашения «временные правила об отбывании студентами

воинской повинности». А между тем Второй прус. пед. конгресс (Juni-Konferenz) упраздняет экзамены по древним языкам на аттестат, уравнивая реалистов с гимназистами в праве выбора вуза. В России также готовилась реформа, но осенью возобновились студ. митинги, 183 студента в Киеве были отданы в солдаты, а 14 февр. 1901 В. П. Карпович, окончивший гимназию в 21 год и дважды изгнанный из ун-та, явился с прошением в министерство на Фонтанке и смертельно ранил Боголепова выстрелом в шею (сам он погиб в 1917). П. С. Ванновский, заместивший убитого министра, в 1901 объявил «бифуркацию», сделав греческий предметом по выбору. Новый министр народного просвещения Г. Э. Зенгер вернул греч. на 1902/03 учеб. год, но под давлением критики закрепил решение Ванновского. В петерб. гимназиях греч. почти никто не выбрал. Экзамен на аттестат был отменен в 1906, так что теперь уже и латынь стала необязательной.

Литература: *Васильчиков А.* Письмо министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому. Берлин, 1875; *Д. А. Толстой* [*cursus hologicus*, некрологи]. СПб., 1889; Сборники постановлений по МНП; Сборники постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям МНП; *Шестаков П. И.* Граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр народного просвещения. 1866–1880 // РС. 1891. Т. 69, № 1–3. С. 387–405; Т. 70, № 4–6. С. 183–210; *Мищенко Ф.* Классицизм (как школьная система) // Брокгауз. Т. 15 (29). С. 301–305; Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III. СПб., 1901; *Эвальд В.* Еще о школе и жизни // Рус. богатство. 1903. № 11. С. 44–83; *Хотеев В. Ф.* Граф Д. А. Толстой — «лжегосударственный человек» // Высш. образование в России. 1996. № 4. С. 130–148; *Уланова О. Н.* Дмитрий Андреевич Толстой // Во главе первенствующего ученого сословия России: очерки жизни и деятельности президентов Имп. С.-Петербург. АН. 1725–1917 гг. СПб., 2000. С. 180–185; *Христофорова Н. В.* Российские гимназии XVIII–XX вв. М., 2002; *Изместьева Г. П.* Споры в российской печати 60-х годов XIX века о классическом

образовании // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 157–164; Барыкина И. Е. Граф Д. А. Толстой и его труды: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Измestьева Г. П. Дмитрий Андреевич Толстой // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 70–87; Стаферова Е. Л. Образование и религия в 1860–1870 годах: взгляд из министерства народного просвещения // Рос. история. 2010. № 6. С. 70–84; Басаргина Е. Ю. Из истории реформы Д. А. Толстого: А. И. Георгиевский // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. 2012. № 1(2). С. 20–23; Гушель Р. З., Бычков С. Н. Из истории отечественного гимназического образования // Наука — образованию. 2012. № 1. С. 123–125; Позднев М. М. Отмена системы классического образования в России (По материалам «Русского богатства») // Philologia classica. 2017. Вып. 12. С. 98–110; Sinel A. The Classroom and Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoy. Cambridge, Mass., 1973; Schröder 2013, passim; Pozdnev M. Aufstieg und Niedergang des Schulklassizismus in Russland im 19. Jh. // Hyperboreus. 2015. Vol. 21, fasc. 2. S. 195–215
♦ Брокгауз; Любжин; РБС.

Архивы: РГИА. Ф. 733. Оп. 117, 198, 228 (отчеты по МНП, уставы и программы учеб. заведений, переписка министра), 169, 234 (Ин-т слав. стипендиатов, Рус. филол. семинария в Лейпц.); Ф. 742. Оп. 2 (ред. ЖМНП после 1867); Ф. 1664. Оп. 1 (служебные документы и письма Т. после 1866); Ф. 1574. Оп. 2. Д. 153 (письма Делянова Победоносцеву по делам МНП); РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 396. Л. 148 (запись Т. в альбом М. И. Семевского).

М. М. Позднев

ТОЛСТОЙ

Иван Иванович, гр. (ст.)

TOLSTOY / TOLSTOI I. I., comte

[18(30).5.1858, г. Луга — 20.5(2.6).1916, Гаспра, Крым; Никольское кладб. Александро-Невской лавры], нумизмат, археолог, общественный деятель

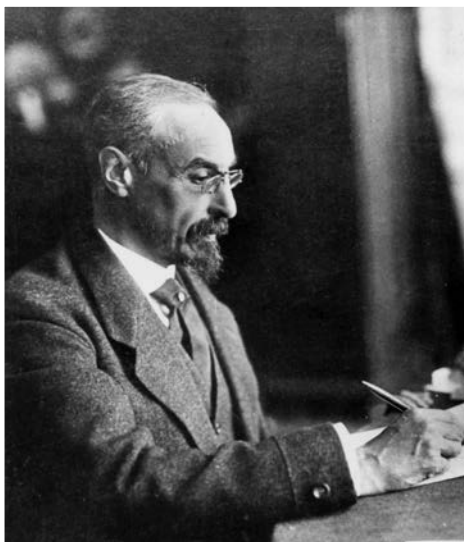
Т. известен, в основном, как автор капитальных трудов по рус. и визант. нумизматике, а также древнерус. искусству. Однако не менее важен его вклад

в культурную жизнь Петербурга как человека, бывшего связующим звеном между разными кругами общ-ва.

Описывая жизнь гр. И. И. Толстого, Д. В. Философов выделил в ней три параллельные линии: «Гофмейстер, вице-президент Академии художеств — это одна линия. Ученый-нумизмат, вице-президент Археологического общества — вторая линия. Министр народного просвещения в кабинете С. Ю. Витте, городской голова — третья линия. Что-то как будто несовместимое» (цит. по: *Нейхардт*. С. 363). Со своей стороны, И. Е. Репин в статье «Что я думаю о графе Толстом» постарался точнее определить, что именно объединяло эти три линии: «Особенно поражала меня в нем самая дорогая и редкая черта в характере наших самых выдающихся деятелей — это сознание своей ответственности» (Там же).

Материалы архива Т. позволяют говорить о том, что его дом на протяжении нескольких десятилетий XIX и начала XX в. был очагом рус. науч. мысли. В квартире Т. на углу 5-й линии В. О. и набережной Невы встречались нумизматы, археологи, византилисты, художники, музыканты. Среди них: Н. П. Ко н д а к о в, В. Н. Б е н е ш е в и ч, А. В. Орешников, С. А. Ж е б е л ё в, И. Е. Репин и многие др. В этот дом приходили и начинающие нумизматы, и опытные коллекционеры, которых хозяин знакомил со своими коллекциями и давал полезные советы. Столь же охотно Т. приходил на помощь к тем, кто обращался к нему за содействием в публикации науч. исследований или искал его поддержки в затруднительных обстоятельствах: среди таких бывали В. К. Мальмберг, Е. К. Редин, Д. В. А й - н а л о в, И. В. Ц в е т а е в, И. И. Левитан, Л. О. Пастернак. Человек, для которого Т. что-то сделал однажды, оказывался вовлечен в его круг навсегда (см.: Там же. С. 336–337).

Т. принадлежал к младшей нетитулованной ветви рода Толстых, предки

его были военными высокого ранга или занимали довольно высокие придворные посты (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. С. 499, 503, 510, 517, 521, 524), а по женской линии — к «петербургскому роду» потомков фельдмаршала М. И. Кутузова. Отец Т., Иван Матвеевич (1806–1867), занимал различные придворные должности, а в последние годы жизни был министром почт и телеграфов — должность чуть ли не созданная ради него расположенным к нему государем. Сыновей И. М. Толстого — старшего Ивана и младшего Дмитрия — часто приглашали в Зимний дворец играть с царскими детьми. Со временем эти посещения прервались, но И. И. Толстой сохранил близкие отношения с вел. князьями — Георгием Михайловичем, на почве их общего увлечения нумизматикой, и Владимиром Александровичем как президентом Имп. академии художеств (Ананьич. С. 8).

Иван и его младший брат Дмитрий рано осиротели: их мать Елизавета Васильевна Тулинова умерла в 1870. Для

воспитания детей был приглашен (1876) немец Х. Х. Гиль, который по существу стал членом их семьи и прожил с Толстыми почти до своей смерти в 1908 (Гайдуков П. Г. К 150-летию... С. 159). Он не только привил своим подопечным интерес к коллекционированию, но и стал, по словам Т., его «старейшим руководителем в нумизматике». В своих воспоминаниях о детских годах Д. И. Толстой, младший брат Т., пишет: «Гиль, до этого нисколько не интересовавшийся монетами, но обладавший, несомненно, коллекционной жилкой, взял дело в свои руки, систематизировал его и убедил нас, в конце концов, собирать только русские монеты. С течением времени из этого случайного детского собрания составила одна из лучших и богатых русских нумизматических коллекций» (Нейхардт. С. 337–338).

До 15 лет Т. воспитывался дома. Первым его учителем латыни был И. В. Помяловский, тогда еще магистрант, впоследствии декан ИФФ Петерб. ун-та; основоположник лат. эпиграфики в России. Позднее Т. стал крестным отцом дочери Помяловского, а когда тот стал предс. Классич. отделения РАО, сменил его в качестве секр. общ-ва (см.: Толстой И. И. Дневник Т. 1. С. 64).

В 1873 Т. поступил сразу в 6-й класс притязательнейшей в смысле древних языков 3-й классич. гимназии, в 1876 окончил ее с сер. медалью и продолжил образование на юрид. ф-те Петерб. ун-та. На последнем курсе он всерьез начал заниматься науч. разработкой нумизматич. проблем. Необходимость этих занятий он объяснял так: «Ряд счастливых случаев, а особенно неоценимое содействие нашего бывшего воспитателя Х. Х. Гиля, дали возможность мне и брату моему составить такое собрание допетровских монет, какого, по числу и разнообразию чеканов, никому не удавалось составить. Это обстоятельство обязывает нас, с моей точки зрения,

поделиться сведениями о собранном материале с интересующимися им. Богатство нашего собрания дает мне возможность более чем кому-либо другому издать не простой каталог, но целый труд, могущий служить основанием для дальнейшей систематической разработки древнерусской нумизматики» (цит. по: *Гайдуков П. Г.* Иван Иванович Толстой как нумизмат и коллекционер // *Толстой И. И.* Дневник. Т. 1. С. 25). Эти слова хотя и относятся непосредственно к изданию коллекции монет, однако полностью отражают отношение Т. к жизни в целом и его понимание своей роли в ней. Все, что он имел — достаток, образование, ум, характер, — он рассматривал в первую очередь в том смысле, может ли это быть полезно людям, и если находил, что может, считал своим долгом это использовать и действовать в общих интересах. Взгляды Т. на природу науки Жебелёв сформулировал так: «Ни наука, ни университет не должны состоять на службе у политики, какова бы она ни была, даже если бы она сулила блага всему человечеству. Наука свободна, потому что она самодовлеющая» (*Жебелёв.* Основные моменты... С. 371).

Первый научный труд Т. «**Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского: нумизматический опыт**» был опубликован в 1882. Эта работа принесла ему известность ученого-нумизмата и послужила основой для капитального издания, осуществленного ГЭ (*Сотникова М. П., Спаский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983). Как отмечает С. А. Жебелёв, важно, что «разбираемые монеты являются для графа не предметом, возбуждающим любопытство коллекционера-любителя; они служат в его руках первоклассными историческими документами» (*Жебелёв.* Граф Иван Иванович Толстой. С. 301).

Нумизматич. исследования Т. привлекли к нему внимание известного историка визант. и рус. искусства Н. П. Кондакова (*Ананьич.* С. 9–10). Они познакомились на археол. съезде в Одессе. «Незадолго до того Кондаков уже вступил с ним в переписку по поводу вопросов, с которыми обращался к нему Т., занятый написанием, а затем и печатанием своего первого нумизматического труда. <...> (Кондаков) не знал возраста своего корреспондента и никак не воображал, что автор столь заинтересовавшей его книги еще совсем молодой человек, почти юноша. Поэтому когда на съезде этот юноша подошел к нему и назвал себя, профессор подумал, что сам автор-нумизмат на съезд еще не приехал, а прислал предварительно своего сына. В таких мыслях он любезно осведомился у Т. о здоровье его родителя. На ответ, что его отца нет в живых, Н. П. ахнул и поспешил выразить молодому человеку, к величайшему недоумению последнего (Т. осиротел в раннем детстве), чувство соболезнования и скорби. Через минуту недоразумение было, конечно, выяснено. Так началось их знакомство» (*Жебелёв.* Основные моменты... С. 372).

Особой страницей в науч. биографии Т. является его незавершенный труд «**Византийские монеты**» (Вып. 1–9. СПб., 1912–1914). Византией он заинтересовался еще на заре своей науч. деятельности, поскольку, изучая рус. сребреники и златники, пытался отыскать их прототипы среди визант. монет. С 1880-х Т. в России и Европе «по случаю» и на аукционах покупал визант. монеты, в чем ему помогал Х. Х. Гиль (*Гайдуков.* К 150-летию... С. 162–163).

Науч. занятия привели Т. в 1882 в РАО; в апр. 1885 он был выбран его секр. Он выработал новый устав Общ-ва и был на деле редактором издававшихся Общ-вом «Записок». Через Археол. общество у него также завязалось множество знакомств (*Ананьич.* С. 10).

В 1886 Т. был приглашен в Имп. Археол. комиссию, где проработал пять лет. Здесь он занимался разбором и описанием монетных кладов, поступавших из разных обл. России, и сильно продвинул развитие правильного представления об изучении этих первостатейных нумизматич. источников. В ту пору клады в России не рассматривали как единый комплекс, дающий представление о денежном обращении того времени и места, к которым они относились: из них отбирали отдельные экземпляры, необходимые для формирования коллекций, а остальные монеты отправляли на переплавку. Сюда относятся публикации Т.: **Клад куфических и западноевропейских монет, заключающий в себе обломок монеты Владимира Святого** (ЗРАО. 1888. Т. 3. С. 199–202); **О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской божией матери** (Там же. С. 1–20); **Клад византийских и римских монет IV и V вв.** (Там же. 1892. Т. 5. С. 409–410) и т. д.

В 1889–1899 Т. вместе с Н. П. Кондаковым готовил серию книг под общим названием «Русские древности в памятниках искусства». Издание задумывалось как научно-популярное с большим количеством иллюстраций и предназначалось для широкого круга читателей. Среди них: **«Классические древности южной России»**, **«Древности скифо-сарматские»** (1889), **«Древности времен переселения народов»** (1890), **«Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева»** (1892) (Гайдуков. К 150-летию... С. 162–163).

Вел. кн. Владимир Александрович — президент Имп. Академии художеств — сыграл решающую роль в служебной карьере Т., пригласив его в конце 1889 на должность конференц-секр. Академии. К этому времени за Т. уже утвердилась репутация человека выдающихся способностей и блестящего администратора (Толстая, *Ананьич*. И. И. Толстой — гофмейстер и правозащитник. С. 180). Новые

обязанности в Академии заставили Т. сложить с себя должность секр. в РАО. Однако он не прерывал связи с Общ-вом и продолжал публиковаться в «Записках», а по смерти А. Ф. Бычкова (1899) был избран помощником предс. РАО и оставался в этом звании до своей кончины (Жебелёв. Граф Иван Иванович Толстой. С. 304).

Под руководством Т. был разработан новый устав Академии и проведена ее реформа. В частности, Т. настоял на том, чтобы на Академию художеств не распространялось правило о введении процентной нормы для евреев, несмотря на настоятельное требование МИД (*Ананьич*. С. 12). И. Е. Репин так отзывался о деятельности И. И. Толстого: «Мои личные впечатления от прочитанных мне им положений и мероприятий, лежавших перед ним к исполнению, наполняют меня благоговением к уму, способностям, универсальному знанию и свежему взгляду на всякое дело этого скромного гения, являющегося редким исключением в бюрократическом мире» (цит. по: Гайдуков. К 150-летию... С. 160). Со своей стороны Жебелёв говорит о Т. как о руководителе большого учреждения следующее: «Вообще вера в человека была своего рода credo Т., и он как-то сказал, что если без веры невозможно угодить Богу, то без веры в человека нельзя жить и действовать на земле. <...> Он никогда не вмешивался в работу каждого отдельного лица, предоставляя ему полную свободу в сфере его деятельности. Так мог поступить Т. только потому, что он относился с принципиальным доверием к своим сотрудникам» (Жебелёв. Основные моменты... С. 370).

В 1895 Т. провалил проект министра финансов С. Ю. Витте устроить в здании Публичной б-ки фондовую биржу, а б-ку перенести в Михайловский дворец. Благодаря дружбе с вел. князьями Владимиром Александровичем и Георгием Михайловичем Т. удалось спасти б-ку: Т. предложил отдать Михайловский дворец под Музей рус. искусства им. Александра III, а вел. кн. Георгия Михайловича уговорил принять на себя должность управляющего музеем.

После того, как Т. оставил дела Академии, чтоб занять пост министра народного просвещения, у него часто бывал В. П. Лобойков (секр. Академии художеств), приходивший посоветоваться о делах вверенного ему учеб. заведения. За заслуги по улучшению Академии художеств Т. был пожалован гофмейстером. Получение придворного чина никак не отразилось на поведении Т.: на страницах «Дневника» и «Воспоминаний» нет признаков увлечения придворной жизнью, зато сохранился прежний круг знакомых и близких друзей, в который входили: В. В. Стасов, И. Е. Репин, И. Я. Гинцбург (скульптор, проф. худож. мастерских), С. А. Жебелёв, Н. П. Кондаков (*Толстая, Ананьич*. И. И. Толстой — гофмейстер и правозащитник. С. 180–181).

В окт. 1905 в России был образован Совет министров, и его первый предс. С. Ю. Витте пригласил Т. в правительство в качестве главы МНП. Одним из важнейших пунктов программы Т. была проблема полного равноправия всех национальностей, живших в пределах российского гос-ва. В конце янв. 1906 Т. представил в Совет министров записку об отмене процентной нормы для евреев при их поступлении в высшие учеб. заведения. Большинство чл. Совета министров (кн. А. Д. Оболенский, В. И. Тимирязев, И. П. Шипов, Н. Н. Кутлер), включая Витте, одобрили предложение Т. Однако, когда Витте доложил императору о решении Совета министров, Николай II высказался так: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным». Т. был убежденным сторонником совместного обучения мужчин и женщин, и не только в высших учебных заведениях; он с успехом осуществлял эту идею в Высшем художеств. училище при Академии и в подготовительных к нему провинциальных школах с курсом средних учебных заведений (*Ананьич*. С. 14–15).

Весной 1906 Т. вышел в отставку вместе с премьером и сразу же написал воспоминания об этом периоде своей

жизни. Эти мемуары пользовались популярностью у друзей и знакомых Т. Особенно горячо хвалил «Воспоминания» В. В. Стасов, настоявший на том, чтобы Т. начал вести дневник.

Что касается отношения к классич. образованию, то Т. так говорил о т. н. «толстовской» гимназии: «Лично я убежден, что грех ее был не в том, что преподавалось по этой системе в школе, а в том, как преподавалось и с какой целью, но как раз эти “что” и “как” остались неприкосновенными» (Воспоминания министра народного просвещения гр. И. И. Толстого. 31 окт. 1905 — 24 апр. 1906 / сост. Л. И. Толстая. М., 1997. С. 85–86).

Осенью 1912 Т. был избран гласным Городской думы от Васильевского острова, а в мае 1913 Городской думой — на пост городского головы Санкт-Петербурга. С первых дней войны Т. самым деятельным образом участвовал в организации жизни столицы в новых условиях. Он оказывал помощь и финансовую поддержку беженцам, встречал поезда с ранеными и калеками, возвращавшимися с фронта и нем. плена, собирал деньги для поддержки семей рабочих, боролся с нараставшей дороговизной. Практически каждый день заседал в разнообразных комитетах: Городском комитете по снабжению армии, Городском продовольственном комитете, Комитете помощи военнопленным, Комитете Союза городов, Комитете по оказанию помощи армянам, в Общ-ве помощи пострадавшим от войны евреям и в др. общественных организациях. Он посещал больницы, занимался устройством распределительного пункта для беженцев и раненых на Варшавском вокзале. Осенью 1915 Т. серьезно заболел, а в февр. 1916 был освобожден от должности городского головы по собственной просьбе.

В 1927 на могиле Т. почитателями и коллегами был установлен памятник, однако в советское время могила пришла в запустение, а памятник был утрачен (*Ананьич* Б. В. И. И. Толстой и петербургское

общество накануне революции. СПб., 2007. С. 6–7). Через 80 лет, осенью 2007, по инициативе акад. Б. В. Ананьича на могиле Т. был установлен памятник по проекту архитектора В. Б. Бухаева (*Гайдуков*. К 150-летию... С. 161).

Мл. брат Т., Д. И. Толстой, был директором Эрмитажа с 1909 по 1918; сын Т., Иван Иванович Толстой (мл.) (1880–1954) — филолог-классик; внук, И. И. Толстой, погиб в 1941 под Ленинградом.

Литература: К 100-летию научно-нумизматической деятельности И. И. Толстого / публ. Л. И. Толстой // Нумизматический сборник. Вып. 9: Новые нумизматические исследования: М., 1986. С. 176–179, 172–176 (библиография тр.), 176–179 (осн. даты жизни и деятельности) (Тр. ГИМ; вып. 61); *Жебелёв С. А.* Граф Иван Иванович Толстой (1858–1916) // Воспоминания министра народного просвещения гр. И. И. Толстого. М., 1997. С. 300–314; *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916 / публ. Л. И. Толстой. СПб., 1997; *Толстая Л. И., Ананьич Б. В.* Граф И. И. Толстой и его дневник // Там же. С. VII–XIII; *Жебелёв С. А.* Основные моменты деятельности графа И. И. Толстого // РНРВ. С. 367–374; *Репин И. Е.* Что я думаю о графе Толстом // РНРВ. С. 362–363 (переизд. заметки 1913 г.); *Философов Д. В.* Граф Иван Иванович // РНРВ. С. 363–364; *Нейхардт А. А.* И. И. Толстой: ученый, человек, гражданин (штрихи к портрету) // РНРВ. С. 336–353 (с обзором арх. материалов); *Толстая Л. И., Ананьич Б. В.* И. И. Толстой — гофмейстер и правозащитник // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в.: материалы конф. памяти В. С. Дякина. СПб.; Кишинёв, 2001. С. 179–194; *Жебелёв С. А.* Граф Иван Иванович Толстой (1858–1916) // Мемуары графа И. И. Толстого / подгот. текста Л. И. Толстой. М., 2002. С. 388–404 (переизд. некролога 1916 г.); *Гайдуков П. Г.* К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // Рос. археология. 2008. № 4. С. 159–166; *Толстой И. И.* Дневник: в 2 т. / сост. Б. В. Ананьич. СПб., 2010; *Ананьич Б. В.* Граф И. И. Толстой и его дневник // Там же. Т. 1 ♦ ВС МАО; Брокгауз; БРЭ; Шиллов; Дроздов и Федорченко; Тункина 2017.

Е. Д. Блащук

ТРЕСС

Карл Михайлович

TRESS Carl / Karl

[3(15).7.1849, Курляндская губ.? (по др. сведениям 3.6.1848, Линден в Ютландии) — 21.4(3.5).1886, Варшава], *филолог, историк латинского языка*

Латыш. Аттестат получил в Рижской гимназии (1868). После недолгой учебы на ИФФ Дерпт. ун-та (1868–1870) перевелся в Петерб. ун-т (окончил в 1873, кандидат). Выйдя из ун-та, преподавал в Петерб. 6-й гимназии (1874–1876); одновременно, причисленный к МНП для приготовления к профессорскому званию, работал над магист. дис. «**Об условных предложениях у Теренция**» (защищена: Петерб. ун-т, 1880). В 1878 по рекомендации руководившего его занятиями И. В. Помяловского был приглашен в Варшавский ун-т: доц. каф. римск. словесности, экстр. проф. (1883–1886).

Ученик Помяловского и О. А. Шенборга, Т. со студ. лет был ориентирован наставниками на исследование языка древней римск. комедии. Темой дис. избрал синтаксис Плавта и Теренция, а собранный иллюстративный материал пытался систематизировать в парадигме логич. грамматики с естественными при этом элементами критики текста. Первый вариант дис. «**Употребление паратаксиса в Теренциевых комедиях**» (ЖМНП. 1877. Июль–сент.) включал обзор сочинительных конструкций в языке паллиаты, что подразумевало рассмотрение фигур разговорной речи, эквивалентов сложноподчиненных предложений с *ut*, инфинитивных оборотов и независимого конъюнктива. Помяловский, хваливший Т. за знание языков и «побеждающее трудности усердие», назвал работу «прекрасной» (К. М. Тресс: некролог // ЖМНП. 1886. Июнь. С. 82), однако она либо не

была завершена медлительным Т., либо вызвала нарекания рецензентов. При доработке дис. (уже в Варшаве) Т. изменил тему и в 1880 защищал монографию «**Об условных предложениях у Теренция**» (Варшава, 1880). Завершение этого сюжета, который не увлекал, кажется, и самого автора, усложнилось для Т. запоздалым открытием исследования А. Либига о гипотаксисе у Теренция, что потребовало спешных переделок и вызвало серьезные переживания Т., вплоть до мыслей об отставке в случае неблагоприятного исхода защиты, т. к. он «не решился бы показаться на глаза» своих коллег, особенно поляков (см. его письмо Помяловскому от 15.9.1880: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1337. Л. 10 об.). В посмертной оценке Помяловского (Там же. С. 82–83) о магист. труде Т. сказано, что он «смело может быть сопоставлен с любую из монографий подобного рода, которых так много появляется в Германии»; положительно оценен он и П. Н. Черняевым в его обзоре работ о Теренции (Гимназия. 1896. № 11–12. С. 25).

Прочие планы Т., в т. ч. работа над докт. дис. по «какому-либо синтаксическому вопросу» и составление словаря к «Истории» Веллея Патеркула (см. его письмо 1883: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1337. Л. 25 и об.), серьезной разработки, по-видимому, не получили, хотя еще за месяц до смерти он оформлял зарубежную командировку для завершения дис. «по исторической грамматике латинского языка», в частности, по «вопросам об упорядочивании падежей у поэтов». Прокомментировавший в письме к Помяловскому это прошение декан А. С. Будилович скептически отзывался о ее перспективах и «неаккуратности» Т.-педагога, «жертвы презренного культа», причем имелся в виду Дионис (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 607. Л. 13 об., 22). Сообщая о смерти «полезного труженика» Т. от удара (отчасти спровоцированного тем, что называли *abusus alcoholicus*), Г. Э. Зенгер упомянул среди достоинств покойного «два драгоценных качества:

беспритязательность и благодушие <...>. Здесь в Варшаве все русские любили его за то, что, несмотря на свое лютеранство и латышское происхождение, он крепко держался нашего дела» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 794. Л. 32 об.).

Помимо этих занятий известны многочисленные рецензии Т. в «ЖМНП» и «ВУИ». В аудитории, помимо любимых им Квинтилиана, Плавта и Теренция, Т. комментировал Цицерона, Ливия, Тацита, Вергилия, элегиков, предпочитая браться за анализ «грамматической стороны» текста, между тем как историю литературы он сам же передал молодому С. И. Вехову.

Литература: Список чиновников и преподавателей Варшавского УО. Варшава, 1884; *Петров Л. П.* Двадцатилетие 6-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1887; *Буткевич К. Ф., Николаев Л. П.* Ист. записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербург. 6-й гимназии. 1862–1912. СПб., 1912; *Михальченко С. И.* Ист.-филол. ф-т Варшавского ун-та. Брянск, 2005 ♦ Нагуевский; Языков; Брокгауз; Album Dorpat; EAD; <http://earchive-estlatrus.eu/>.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. Ед. хр. 16768).

В. П. Смышляева

**ТУРЧИНОВИЧ
Александр Адольфович**

TURČINOVIČ A. A.

[1(13).6.1870, дер. Изабелино
Минской губ. — зима 1941–1942,
Ленинград], *филолог,*
автор учеб. пособий

Из белорус. крестьян. Образование получил в Гродненской гимназии (1881–1889) и Петерб. ИФИ (1889–1893). Завершив обучение в ин-те (по разряду древних языков и рус. словесности), вернулся в Виленский УО (стипендиат округа): учительствовал в Могилёвской (1893–1899), Виленской 1-й (1899–1907) и Гродненской (1907–1912) гимназиях. С 1912 жил в Петербурге: учитель лат. и франц. языков в гимназии наследника цесаревича Алексея (бывшая Петерб. 6-я гимназия), Константиновской гимназии при Женском пед. ин-те и Александровском лицее (1914–1915). После 1917 оставался на пед. службе: преподавал гл. обр. новые языки в учеб. заведениях Петрограда (Ленинграда). В 1939–1941 ассистент каф. классич. филологии ЛГУ.

Судя по тематике публикаций, Т., как и шедший в Ин-те за ним Г. Г. Зоргенфрей, сочувственно воспринял идеи развивающей педагогики. Лингвистически одаренный (владел несколькими новыми языками) и не лишенный лит. способностей, в условиях провинции Т. в основном пропагандировал «живое и всестороннее гуманитарное образование», выступая с популярными лекциями: «**О судьбе памятников классической литературы**» (Циркуляры по Виленскому УО за 1900. Вып. 3); «**О Гомере**» (Отчет Виленской 1-й гимназии за 1900–1901 учеб. год). Печатал также не лишённые патетики статьи ист.-культурного содержания: «**Памяти Чайковского**» (Зап. вестн. 1904. № 91); «**“Тартюф” Мольера**» (Гродно, 1912)

и др. Большинство подобных публикаций рассматривались автором и как методич. пособия к курсам древностей и истории литературы, а потому дополнялись учеб. материалами: напр., в речи «**О судьбе памятников классической литературы**» Т. остановился на периодизации истории книги, обращая особое внимание на эпохи крупных потерь — вследствие «истребления классических сочинений под рукой варвара или необразованного монаха» и смены писчего материала. Из методич. трудов Т. выдержал три издания сб. «**Палладиум: главнейшие сведения из римских древностей, римской литературы и метрики**» (Гродно, 1911; СПб., ³1913) — компактный справочник с толкованием значимых понятий из курса римск. древностей (populus, senatus, magistratus, exercitus, римск. календарь и т. п.) и истории литературы (сведения о римск. лит. жанрах и важнейших авторах от Плавта до Тита Ливия). Некоторые промахи пособия перечислены в рец. А. И. Малеева (Гермес. 1911. № 8; 1912. № 2).

Как и многие педагоги начала XX в., занимался организацией экскурсионных поездок (см. заметку: Экскурсия учеников Вилен. 1-й гимназии в Москву и на Волгу в июле месяце 1900 г. // Отчет Виленской 1-й гимназии за 1899–1900 г.). Пед. публикации и выступление Т. на I съезде преподавателей древних языков с докладом «**Применение наглядного метода к преподаванию латинского языка в III и IV классах гимназий**» (см.: Тр. I съезда. С. 233–238) привлекли к нему внимание членов Петерб. ОКФП, в частности, Зоргенфрея, который охотно пополнял инициативными педагогами коллектив руководимой им гимназии. В соавторстве с Зоргенфреем Т. подготовил к печати еще ряд школьных изданий, в т. ч. коммент. тексты «**Q. Horatius Flaccus. Carmina**», «**P. Vergilius Maro. Aeneis**», «**C. Julius Caesar. Commentarii**

de bello Gallico» (Пг., 1915; благожелательные отклики см.: Гермес. 1915. № 9–10, 17–18). Продолжению этой серии Т. и Зоргенфрея («Библиотека римск. классиков») помешали военные события. В издательстве Суворина вышла ист.-лит. брошюра Т. **«Энеида Вергилия»** (СПб., 1914; рец.: Гермес. 1914. № 3), в которой он, посетовав на недооценку «Энеиды» рус. читателем по причине неудовлетворительных переводов этого «замечательного памятника римскому народу», предложил популярный очерк биографии поэта и сопоставление сюжета римск. поэмы с событиями гомеровского эпоса.

Включившись в деятельность Петерб. ОКФП, Т. примкнул и к окружению ж. «Гермес»: рецензировал для журнала иностранные книжные новинки (преимущ. по методике преподавания древних языков), напечатал разбор надгробной надписи II–III вв. «Эпитафия в честь собачки» (1914. № 17–18). Последней заметной публикацией Т. стал упрощенный по типу франц. учебников справочник «Lingua Latina:

краткая, но полная грамматика латинского языка для гимназий» (Пг., 1917). Оригинальность этого пособия, предназначенного для подготовки школьников к чтению римск. авторов, невелика: лишь в прил. к этимологич. разделу представлены живые упражнения с «омонимическими» цепочками образца «docet, dicit, decet, ducet». С. О. Цыбульский (Гермес. 1917. № 19–20. С. 252) рекомендовал «Грамматику» Т. как «хорошую справочную книгу», не слишком «пригодную для систематического прохождения курса». Публикаций Т. после 1917 не обнаружено, если не считать литографированного «Курса греческого языка: задания 1–10» (Л., 1937).

Литература: Созонов М. П. Ист. записка о Могилёвской мужской гимназии. Могилёв, 1909; Наука и науч. работники СССР. Ч. 5: Науч. работники Ленинграда. Л., 1934; Книга памяти Ленинградского — С.-Петерб. ун-та. Ч. 1. СПб., 1995; Филол. ф-т 2002 ♦ Латышев; Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 53 (в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 2037).

В. П. Смышляева

У

УВАРОВ

Алексей Сергеевич, гр.

OUVAROFF / UVAROV A. S., comte

[28.2(12.3).1825, Петербург —
29.12.1884(10.1.1885), Москва;
кладб. Новодевичьего монастыря],
археолог, коллекционер

Единственный сын гр. С. С. Уварова. Под влиянием отца и встреч с Т. Н. Грановским, М. П. Погодиным, В. А. Жуковским и др., бывавшими в доме, у У. с юных лет сложился интерес к древней истории и археологии. Первоначальную подготовку юноша получил у домашних учителей. В 1841 поступил в Петерб. ун-т на отделение словесности филос. ф-та, где учился классич. языкам у акад. Ф. Б. Грефе и римск. древностям у Э. Е. Шлиттера. Окончив ун-т (1845), начал службу в МИД в канцелярии министра К. В. Нессельроде. В 1846 и 1847 ездил с дипломатическими поручениями в Германию, одновременно завершив свое образование в Берлинском и Гейдельбергском ун-тах. Чл.-корр. (1856), почетный чл. (1857) Имп. АН. Один из основателей МАО, Ист. музея в Москве, зачинатель проведения археол. съездов.

В 1840-е У. начал коллекционирование древних монет и сблизился с кружком

петерб. антиквариеров, куда входили Б. В. Кёне, Ф. А. Жиль, П.-Ю. Сабатье, А. А. Куник и Э. Г. Муральт. В 1846 на основе этого кружка по замыслу Б. В. Кёне было создано Археолого-нумизматич. общ-во, чл.-учредителем которого был и У. Средствами для проведения раскопок Общ-во не обладало, поэтому У. решил вести исследования за собственный счет. В 1847 на одном из заседаний Общ-ва был рассмотрен вопрос об изучении антич. древностей, сохранившихся на берегах Черного моря, после чего образована спец. комиссия, которая составила список археол. памятников, имеющих первостепенное значение для изучения. Было решено отправить У. в поездку по Сев. Причерноморью, т. к. он согласился взять на себя все денежные расходы. В апр. 1848 Николай I дал разрешение на проведение Общ-вом археол. экспедиции в Причерноморье, за исключением Керчи, где раскопки проводили А. Б. Ашик и Д. В. Карейша. В инструкции, составленной членами Общ-ва для У., было указано, что он должен осмотреть все памятники, упоминаемые в антич. источниках, подсчитать количество курганов и, определив методику раскопок, сообщить, сколько денег потребуется на их исследование. Ему поручалось также изучить антич. коллекции юж. музеев и сделать эстампажи хранящихся в них

греч. и лат. надписей. Вместе с У. в поездку отправился художник М. Б. Вебель. На протяжении лета и осени 1848 они объехали всю территорию от Дуная до Таманского полуострова, не успев исследовать Нижнее Подонье и Сев.-Вост. Причерноморье. Одним из самых интересных памятников для У. оказалась Ольвия. По его указанию были сняты планы городища и его окрестностей, а также некрополя. Одним из первых У. обратил внимание на большое количество периферийных городищ, составляющих хору Ольвии. Были также собраны археол.-топографич. сведения о Неаполе Скифском и Херсонесе.

Итогом научно-исследовательской поездки стал первый археол. труд У. — два выпуска **«Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря»** (СПб., 1851). Отдельно был издан литографированный атлас **«Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря»**. Тем не менее книга и атлас остались незавершенными: третий выпуск, посвященный памятникам Крыма и Тамани, так и не был издан.

В 1848 отец У. снят с поста министра народного просвещения; в связи с этим У. (мл.) покинул свою должность в МИД и добился перевода в МВД, под начальство гр. Л. А. Перовского, своего дяди. Знаток археологии и коллекционер антич. монет, Перовский с 1850 стал заведовать созданной по его инициативе Комиссией для исследования древностей, в которую и вошел У.

В 1853 под руководством У. проводились раскопки на территории Ольвии, Херсонеса и городища Керменчик (Неаполь Скифский). В Ольвии раскопки городища и некрополя велись на протяжении двух недель. В юго-вост. части городища было заложено пять траншей, в результате чего открыты стены, фундаменты зданий и архитект. фрагменты. В шести

раскопанных курганах были обнаружены только расхищенные гробницы.

В Херсонесе У. открыл 40 гробниц в юго-вост. части Херсонесского некрополя и частично раскопал самую большую из известных на городище базилик, вошедшую в историю под названием Уваровской. Раскопки пришлось остановить в 1854 из-за начала Крымской войны, базилика была законсервирована. Позднее, в 1880-х, гр. П. С. Уваров, пытаясь установить контроль МАО над раскопками Херсонеса, в своих письмах к Александру III не раз упоминала о заслугах У. по вскрытию «первых христианских древностей народа русского» (*Стоянов Р. В. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Имп. Археол. комиссия. С. 528*).

На территории Неаполя Скифского в ходе археол. раскопок, помимо фундаментов зданий, У. был открыт

барельеф с посвящением Ахиллу Понтарху. 1854 принято считать завершением первого периода науч. деятельности У.: четырьмя археол. сезонами (1851–1854) исчерпывается его полевая работа; в дальнейшем исследования ученого были сосредоточены на анализе отд. открытых им объектов.

Второй период его деятельности (1854–1864) связан с большими переменами в жизни самого У. и с изменением обществ.-полит. ситуации в стране. В годы Крымской войны У. вступил во Владимирское ополчение, хотя участвовать в боевых действиях ему не довелось. После войны он занялся общественно полезной деятельностью, на свои средства устраивая больницы и школы в Моск. и Владимирской губ.

В 1855 умирает С. С. Уваров, и сын в память об отце учреждает Уваровские премии при АН. После смерти Л. А. Перовского (1856) указом Александра II в февр. 1859 была создана ИАК, которую возглавил гр. С. Г. Строганов, под началом которого У. служить не хотел, ввиду напряженных отношений Строганова с У.-отцом. В 1857 У. переселяется из Петербурга в Москву, назначенный попечителем Моск. УО. В 1859 У. женился на кн. П. С. Щербатовой (1840–1924). Во время свадебного путешествия по Европе супруги довольно долго прожили в Италии, где У. начал работу над грандиозным трудом «Христианская символика», который так и не был завершен.

С 1864 начинается третий, наиболее насыщенный период в науч. деятельности У. При участии моск. исследователей и любителей старины он способствовал созданию МАО (1864). Были намечены три направления в работе новой организации: 1) изучение славяно-рус. древностей; 2) популяризация этой обл. знания в общ-ве; 3) устройство археол. съездов. С 1865 МАО начало выпускать

свои труды — «Древности» (при жизни У. было выпущено девять томов) и получило разрешение на созыв археол. съездов. На VI съезде (1884, Одесса) была отлично представлена антич. тематика.

На всех съездах У. делал по несколько докладов; особо стоит выделить его выступление на III съезде (1874, Киев) с докладом **«Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии»**. В нем представлены собственные взгляды У. на развитие отеч. археол. науки.

Важнейшим начинанием У. было создание Ист. музея в Москве. 9 февр. 1872 Александр II повелел учредить комитет по устройству в Москве Музея е. и. в. наследника цесаревича. Вся организационная работа легла на плечи У. как зам. А. А. Зеленого, ген.-адъютанта, в то время предс. комитета. Свои личные собрания — изделия каменного, бронзового и железного веков, антич. и слав. древностей, икон и рукописей — У. предоставил для показа в музее, не располагавшем еще какими-либо экспонатами. Картины для музея были заказаны И. К. Айвазовскому, В. М. Васнецову, Г. И. Семирадскому. В марте 1883 было открыто несколько залов, в т. ч. и залы, посвященные антич. городам Ольвии и Пантикапею и христ. древностям Херсонеса.

С созданием МАО и Ист. музея благодаря У. сложился живой и подвижный моск. археол. центр, независимый от петерб., а порою и противостоявший ему. Наряду с науч.-организационной деятельностью, У. продолжал заниматься и собственными исследованиями. Основной для него сделалась проблема каменного века, ставшая на Западе во весь рост еще в первой пол. XIX столетия. Собрав и обобщив все накопленные к тому времени сведения, У. опубликовал их в первом томе «Археологии России» (М., 1881), посвященном обзору

«каменного периода», с выделением двух эпох: палеолита и неолита.

Науч. наследие У. значительно. Как археолог, он понимал важность методологии и ее усовершенствования при вдумчивом исследовании артефактов. Как ученый, коллекционер и энциклопедически образованный человек, он заслужил высокую оценку у своих современников. В дальнейшем, в советской историографии, уваровские методы не раз подвергались жесткой критике со стороны ряда археологов (*Формозов А. А.* Страницы... С. 175; *Он же.* Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 71). В любом случае, в наст. время труды У. представляют большую ценность для историков, искусствоведов, археологов-антиковедов и славистов.

Избранные труды: Извлечение из Вспомогательного отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1853; Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // *ПроPILEI.* 1854. Кн. 4; *Христианская символика.* Ч. 1: Символика древне-христианского периода. М., 1908.

Литература: *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // *Уваровские чтения.* Муром, 1990; *Формозов А. А.* Уваров А. С. и его место в русской археологии // *РА.* 1993. № 3. С. 228–245; *Он же.* Русские археологи до и после революции. М., 1995; *Тункина* 2002; *Тихонов И. Л.* «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // *In situ:* к 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 358–371; *Виноградов Ю. А., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // *Имп. Археол. комиссия.* С. 487–521; *Клейн* 2014. С. 297–326 ♦ *Брокгауз;* *БС МАО;* *Имп. Археол. комиссия;* *Тункина* 2017.

Архивы: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1; Ф. 440. Оп. 1; НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30.

Е. Г. Застрожнова

УВАРОВ

Сергей Семенович, гр.

OUVAROFF / UWAROW /
UVAROV S. S., comte

[25.8(5.9).1786, Петербург —
4(16).9.1855, Москва;
похоронен в церкви с. Холм,
ныне Можайского р-на Моск. обл.],
*гос. деятель, коллекционер
древностей, ученый, антиквар,
литератор, покровитель культуры
и меценат*

Родился в старинной дворянской семье. Отец, Семен Федорович Уваров, был адъютантом Екатерины II и служил подполковником в Гренадерском полку; мать — Дарья Ивановна, урожд. Головина. По семейному преданию, мальчика крестили в дворцовой церкви, восприемницей была сама императрица. Отец погиб 34 или 35 лет в русско-шведскую войну 1788–1790 годов. Обучением ребенка занимался аббат Григорий Франциск (Григорий Григорьевич) Манген (abbé Manguin), с 1812 — почетный библиотекарь ПБ (СРНБ. Т. 1. С. 347–348). Мальчик проявил глубокий интерес к истории (особенно древней), талант к языкам; франц. знал превосходно.

В 1801 еще при Павле I У. зачисляются в штат Коллегии иностр. дел, и он продолжает свое образование уже в Германии — по общепринятому мнению, в Гёттингене (*Виттекер.* С. 280; *Избранные труды.* С. 5 и др.), что, впрочем, не подтверждается матрикулами Гёттингенского ун-та (*Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — пер. пол. XIX в. М., 2005). В 1807–1809 У., служа в рус. посольстве в Вене (из франц. автобиографии. — ОПИ ГИМ. Ф. 17), был принят в венском великосветском общ-ве, где преобладали антинаполеоновские настроения; многие знакомства, завязавшиеся тогда, оказали сильное влияние

на его мировоззрение, тем более что он тщательно поддерживал их в дальнейшем (о взаимоотношениях и переписке У. с Ф. Шлегелем и бар. Г.-Ф.-К. Штейном см.: Зорин. Идеология... С. 105–128). Здесь в 1808 У. познакомился с мадам де Сталь, о которой в конце жизни написал воспоминания (впервые полностью опубликовано в кн.: **Избранные труды**. С. 521–530). Знакомство с братьями А. и В. Гумбольдтами (сохранилась переписка У. с В. Гумбольдтом на франц. языке: ОПИ ГИМ. Ф. 17) впоследствии имело значение для уваровской концепции Петерб. ун-та.

Переписывался У. и с И. В. Гёте до конца его жизни (переписка и комм. к ней опубликованы проф. Г. К. Шмидом: *Schmid G. Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel*. SPb., 1888). У. посылал Гёте свои науч. сочинения, а также труды своего учителя Ф. Б. Грефе, тем более что Гёте принимал некоторое участие в работе Академии Российской и Импер. АН, президентом которой У. был в 1817–1854. Именно ему У. посвятил свою нем. книгу о Нонне Панополитанском (**Nonnos von**

Panopolis der Dichter. SPb., 1817). Через год после смерти Гёте, 22 марта 1833, на торжественном заседании АН У. прочел франц. речь, посвященную памяти поэта (указ о назначении У. на пост министра народного просвещения был подписан 21 марта), которая тут же была издана отд. брошюрой (**Notice sur Goethe**. SPb., 1833), в том же году переведена на нем. и рус. языки и получила отклики в Германии и Франции.

В 1809 У. возвращается в Петербург и узнает о своем назначении на должность секр. рус. посольства в Париже, однако вместо этого в 1810 становится попечителем Петерб. УО. Причиной карьерного взлета могла послужить женитьба молодого дипломата на графине Е. А. Разумовской, дочери министра народного просвещения А. К. Разумовского, со старшим братом которого У. познакомился в Вене. В Петербурге У. общается с оказавшимися в то время в столице известными в Европе полит. и культурными деятелями Ж. де Местром и Г.-Ф.-К. фон Штейном (K. vom Stein), с которыми он познакомился еще в Вене на дипломатич. службе.

Впоследствии У. напишет несколько мемуарных эссе о знаменитых людях из «высшего европейского сословия» времен Империи, с которыми он был знаком в юности (Prince de Ligne. SPb., 1842; Stein et Pozzo di Borgo. SPb., 1846). Очерк о князе де Лине — это изящная, пестрящая эпиграммами остроумного автора картина столь любимого Уваровым XVIII в., атмосферы Версаля, двора Людовика XV, Екатерины II. О корсиканце Ш.-А. Поццоди-Борго, перешедшем на рус. дипломат. службу в 1803, У. писал: «Этот человек с установкой на *Carthago delenda* часто изумлял меня тонкой сметливостью, с какой следил за нежнейшими оттенками латинских оборотов, самыми недоступными даже людям науки» (Избранные труды. С. 479). Среди знакомых У. были известные франц. и герм. ученые: востоковеды С. де Саси, М. Ланглес, живший в России ориенталист Г. Ю. Клапрот. Некоторое время

он посещал собрание масонской ложи, которую возглавлял преподаватель каф. др.-еврейск. языка СПбДА И. А. Фесслер; помимо У. в ложу входили М. М. Сперанский, А. И. Тургенев и др. (*Иванов О. А. Государственная деятельность Уварова // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. Воронеж, 2000. С. 178 и след.*).

Дружба У. с философом и филологом Ф. Шлегелем, написавшим в 1808 книгу «О языке и мудрости индусов», способствовала его увлечению ориенталистикой и созданию первого серьезного науч. сочинения «**Проект Азиатской академии**», написанного анонимно с посвящением Разумовскому (*Projet d'une Académie asiatique. St.-P., 1810*; на рус. яз. этот текст был переведен В. А. Жуковским: **Мысли о заведении в России Академии Азиатской** // ВЕ. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 94–116). По мысли У., Россия, благодаря своим геополит. преимуществам, должна стать центром евразийского просвещения (подробный разбор проекта см.: *Schmid G. Goethe... S. 3–8*); Шлегель назвал проект «привлекательным и поучительным» (*Зорин. Идеология... С. 111–112*). Отзыв на «Проект» дал и Ж. де Местр [*Lettre à Oüvaroff sur le projet d'une académie asiatique (1810) // Oüvaroff S. Études de philologie et de critique. Paris, 1845. P. 49–66*].

У. послал Гёте свой проект на франц., а затем и нем. перевод, изданный у Плюшара в 1811. Гёте ответил длинным обстоятельным письмом, в котором указывал на герм. предшественников У. и развил (выдвинутую уже Лейбницем) идею о роли России в качестве посредника между Европой и Азией, сравнивая ее с ролью Египта для древнего мира (*Schmid G. Goethe... S. 9–13*).

Годы спустя У. осуществит идею превращения Петербурга в центр востоковедческих исследований, впоследствии «Азиатский музей». Через девять лет У. напишет М. М. Сперанскому: «Основание и распространение восточных языков

должно произвести и распространение здравых понятий об Азии и ее отношениях к России: вот <...> источник новой национальной политики, долженствующий спасти нас от дряхлости преждевременной и от европейской заразы» (РС. 1886. Т. 88. № 10. С. 158; см.: *Зорин. Идеология... С. 111*). Форсировать развитие России значило для У. вести ее к преждевременному старению; под европ. заразой подразумевался хаос революций.

По «предначертанию» У. в 1817 был основан ГПИ, преобразованный в 1819 в Петерб. ун-т (*Verlinsky A. Philologia inter disciplinas: The Department of Classics at St Petersburg University. 1819–1884 // Hyperboreus. 2013. Vol. 19. P. 162–202*). 16 апр. 1817 У. подарил ГПИ базельское издание Фукидида 1540 г. с маргинальными и интерлинеарными рукописными комментариями Мартина Крауса (Crusius), на котором сохранился его карандашный инскрипт «*Bibliothecae Instituti Paedag. donum dedit Curator*». В 20-е годы он участвовал в дискуссии по поводу ланкастерской системы. В печально известном «деле петерб. профессоров» У. пытался противостоять Магницкому. В 1821 У. был уволен с должности попечителя [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38, 122: «Опыт автобиографии» на франц. для сына, 40 с., и краткий вариант на нем. (Поречье, 1852); *Андреев А. Ю. Идеи немецкого классического университета и формирование университетской политики С. С. Уварова // Петр Андреевич Зайончковский: сб. ст. и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 280–302*]. У. способствовал практике направлять молодых ученых за границу (*Голубева. С. 526*), напр., в Швейцарию в связи с методом Песталоцци, в рамках деятельности ГПИ. Так, М. Сем. Куртуа учился четыре года в Дерпте, затем три года в Берлинском ун-те; В. С. Печерин был отправлен сверх квоты в Дерпт, а из Дерпта в Берлинский ун-т [*Печерин В. С. Apologia pro vita mea: жизнь и приключения русского католика, рассказанные им*

самим / отв. ред. и сост. С. Л. Чернов. СПб., 2011. С. 160–161; в ОПИ ГИМ (Ф. 17. Оп. 1. Д. 45), хранится оправдательная записка У. кн. Голицыну в т. ч. и о командировании студентов за границу].

С 1812 по ходатайству А. Н. Оленина У. был утвержден помощником директора ИПБ «по особой склонности к библиографическим занятиям» (Голубева. С. 525) и оставался им до 1833. Еще важнее то, что с 1818 и почти до конца жизни У. — президент АН, получивший высокую оценку не только у современников. Так, В. И. Вернадский признавал, что, несмотря на ошибки и просчеты, «президентство Уварова действительно составило эпоху в истории Академии» (Вернадский В. И. Очерки по истории Академии наук // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 242).

В 1833 У. назначен министром народного просвещения. Школьная политика мин-ва сводилась к повсеместному распространению классич. образования, наряду с увеличением в программе часов для рус. языка за счет франц. и нем. Со второй половины 30-х годов при гимназиях открываются, правда, и реальные классы, где было усилено преподавание естественнонауч. предметов. Возникает понятие «уваровская гимназия». Одновременно с дальнейшим распространением классич. образования У. последовательно проводил принцип сословной школы. Суть его сводилась к ограничению доступа в гимназии лицам недворянского происхождения и организации благородных пансионов — закрытых дворянских учеб. заведений, создававшихся на средства дворянства (напр., пансион Муральта, в котором в основном учились дети из привилегированных семей). Как министр народного просвещения У. одновременно являлся и начальником Главного управления цензуры. Устав У. — Да ш к о в а 1828 был либеральнее «чугунного» устава 1826. В 1833 было поддержано представление

У. об основании Императорского университета св. Владимира в Киеве. При У. с 1834 начинает выходить «ЖМНП»; при МНП в 1837 создана Археологическая комиссия.

Автор знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность» по существу варьировал традиционный девиз «за веру, царя и отечество». «Триада Уварова» впервые сформулирована им в марте 1832, а обнародована официально 19 нояб. 1833 в докладе императору Николаю I **«О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения»** (опубл. М. М. Шевченко: Река времен: книга истории и культуры. Кн. 1: Государь, государство, государственная служба. М., 1995. С. 67–78). Это был ответ на революцию 1830 и на польское восстание 1830–1831, который со временем, вне ист. эмпирии, приобрел черты отвлеченного принципа. Ее последующие толкования не равнозначны тому первоначальному смыслу, который вкладывал в «триаду» У., руководствуясь ею на своем посту.

У. был гостем олеинского салона и чл. ОЛРС. Из «Записок» Ф. Ф. Вигеля узнаем, что 14 окт. 1815 У. провел у себя дома первое заседание «Арзамасских безвестных литераторов», учредив тем самым знаменитый впоследствии «Арзамас» (1815–1817), в котором он получил имя Старушка, пришедшее как будто бы из «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» Жуковского. Позже У. оставил «Литературные воспоминания (редактору “Современника”» об «Арзамасе», «Беседе» и лит.-худож. окружении А. Н. Оленина, которые впервые были опубл. в ж. «Современник» (1851. Т. 27. № 6. Отд. 2. С. 37–42; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008).

К. Батюшков, приятель У. по «Арзамасу», посвятил ему стихотворение «Среди

трудоу и важных муз, / Среди учености всемирной / Он не утратил нежный вкус; / Еще он любит голос лирной...», а также «Опыты». У., со своей стороны, написал эссе о творчестве Батюшкова (**Essais en vers et en prose par M. Batuschkoff** // *Conservateur impartial*. 1817. № 83).

В 1820 У. и Батюшков выпустили отд. брошюру «**О греческой Антологии**», которая была представлена читателям как произведение двух безвестных арзамасских жителей: Ст. и А., т. е. Старушка и Ахилл, из которых один «был избран в земские заседатели; другой поступил во внутреннюю стражу, и бумаги их остались в руках арзамасского трактирщика» (С. 1–2 без паг.). Брошюра содержала рус. перевод греч. эпиграмм Мелеагра Гадарского, Гедила, Антипатра Сидонского, Павла Силенциария и др., выполненный Батюшковым с франц. перевода У., а также пояснения к ним последнего. 13-е стихотворение было представлено с помощью лит. мистификации: «Сверх сего, найдена еще на обверточном листе издаваемой нами рукописи следующая надгробная надпись, с греческого переведенная».

Можно предположить, что интерес У. к «Антологии» возник не без влияния, а переводы не без помощи, проф. Ф. Б. Грефе, издавшего незадолго до этого «*Meleagri Gadareni epigrammata, tamquam specimen novae recensiois Anthologiae Graecae cum observationibus criticis*» (Lipsiae, 1811); «*Observationes criticae in Meleagrum et universam Anthologiam Graecam*» (Petropoli, 1813); «*Epistola critica in Bucolicos Graecos ad S. Ouvaroff*» (Petropoli, 1815) и др. На слишком большую зависимость У. от суждений наставника зло намекал Ж. Ж о б а р.

В «Письме к Н. И. Гнедичу» У. поддерживал первые опыты Гнедича по переводу «Илиады» размером оригинала, после того как тот в 1813 напечатал гексаметрич. перевод отрывка из VI песни: «Читающие Омира в подлиннике возрадуются, услышав отголосок (курсив

мой. — Е. Е.) его бессмертных песней!». В «Письме...» У. дал теоретич. обоснование необходимости переводить Гомера гексаметром. В. В. Капнист ответил полемич. письмом-статьей как на это «Письмо...» Уварова, так и на перевод Гнедича (25 нояб. 1813): «...Признаюсь, что желал бы побудить любителей словесности нашей <...> к изысканию в размере народных наших песней метрического, свойственного языку нашему, стихосложения» (Русские писатели о переводе: XVIII–XX вв. / под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Фёдорова. Л., 1960). Ответ У. и «Письмо» Капниста были напечатаны в XVII части «Чтений в Беседе любителей русского слова» (1815). В том же году А. Н. Оленин опубликовал письмо-статью к гр. С. С. Уварову «О кнемидах у древних греков, или поножах» (ИРАО. Т. 7. С. 93–113) в связи с переводом «Илиады» Гнедичем. Оленин в полной мере разделял интерес У. к археологии и древностям: оба рус. неоклассициста прониклись винкельмановскими идеями в годы своего пребывания в Германии.

Имя У. оказалось причастным и к переводу «Одиссеи»: предисловием к первому изданию перевода Жуковского стал отрывок из письма поэта к У., товарищу по «Арзамасу», от 12 сент. 1847, написанного в форме своеобразной «поэтической исповеди», в которой Жуковский говорит о своих принципах перевода.

У. не получил регулярного образования в обл. древних языков, однако «снискал репутацию выдающегося автотодидакта своего времени» (*Bumteker*. С. 7). Сочинения У. свидетельствуют о его эрудиции, знании лат. языка и древней истории. Уже будучи попечителем Петерб. УО, он принимается за изучение древнегреч. языка под руководством проф. Ф. Б. Грефе (*Schmid G. Zur russischen Gelehrten-geschichte: S. S. Uwarov und Christian Friedrich Graefe* // *Russische Revue*. 1886. Bd. 26. S. 77–108, 156–167). *Privatissima* длились в течение пятнадцати

лет с упорством и усердием, удивительным для гос. деятеля такого уровня — три раза в неделю.

У. оставил «**Воспоминания об академике Ф. Грефе**» (Учен. зап. АН по I и III отд. 1852. Т. 1, вып. 1. С. 46–50). Грефе, посетивший его в Порече «в половине июля 1830 г., <...> гуляя со мной в аллеях парка, вдруг воскликнул с восторгом: “Ах, Боже мой! Как это жаль, что Вы были министром!” — “Что Вы этим хотите сказать?” — спросил я улыбаясь. — “То, что без этого Вы, право, были бы превосходным эллинистом”. Затем, понизив голос, он прибавил: “Если бы, впрочем, Вы захотели побольше заняться изучением грамматики, которой Вы не довольно уважаете» (Цит. соч. С. 50, примеч. 1). О том же свидетельствует и каламбур из письма М. П. Погодина к кн. П. А. Вяземскому (1873): «В начале управления Уварова мы не имели к нему большой доверенности. Кто-то заметил: Уваров знает древние языки с грехом пополам. Нет, ответил я, а разве с Грефóм» (Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырёва, М. А. Максимова к князю П. А. Вяземскому. 1825–1874 / изд. с примеч. Н. П. Барсукова. СПб., 1901. С. 102).

С др. стороны, из филол. работ У. видно, что Грефе научил его не только греч. грамматике, но и методу конъектуральной критики, который был воспринят им самим от великого эллиниста Готфрида Германа, учителя Грефе. В посвящении Гёте, предпосланном сочинению о Нонне Панополитанском, У. пишет, что возрождением науки об античности в образе *Altertumswissenschaft* человечество обязано Германии (*Schmid G. Goethe... S. 25*).

Самое раннее опубликованное сочинение У. «**Essai sur les Mystères d'Éleusis**» (Paris, 1812; рус. вариант статьи: **Исследования об Элевсинских таинствах**. СПб., 1848) посвящено Гёттингенскому королевскому общ-ву. В 1815 бар. С. де Саси переиздает в Париже эту работу У. с дополнениями и исправлениями; в предисловии к изданию У. пишет: «Цель, которую я ставлю перед собой в этом сочинении, — показать, что древние мистерии не только

были душой политеизма, но еще и то, что они вышли из единого и подлинного источника всех знаний на земле» — здесь У., опираясь на обретавшую научный облик индогерманистику (индоевропеистику), имел в виду Индию.

Следующее, более обширное сочинение У. пишет на нем. языке: «**Nonnos von Panopolis der Dichter**» (SPb., 1817). Нонн для У. — последний из великих греч. языческих поэтов, со временем принявший христианство и переложивший *гексаметрами* Новый Завет (*Paraphrasis S. Euangelii Ioannei*); а ведь У. как раз занимали IV–V вв. н. э., пограничные между античностью и Средними веками, как и связь неоплатонизма и политеизма с христианством. На выбор именно Нонна мог повлиять также интерес к Индии. У. пишет, что его сочинение не является критич. изданием, как книга Грефе «**Des Nonnos Hymnos und Nikaea**» (Petropoli, 1813), где греч. текст сопровождается нем. гексаметрич. переводом Грефе в духе «Илиады» Й. Фосса, с подстрочным комментарием к греч. тексту и, отдельно — к нем. переводу. Книга У. издана на его собств. деньги и посвящена «барону Штейну, другу и знатоку древнего искусства». В 1812 прусский гос. деятель, а в то время полит. изгнанник, Генрих Ф. К. фом Штейн, будучи в России, для «развлечения от тяжких трудов и личных огорчений» присоединился к занятиям У. и Грефе, читавшим во время войны Фукидида (*Воспоминания... С. 47–48*).

У. старается вслед за Германом и Грефе показать, что Нонн, у которого давно и прочно сложилась репутация антиквара и собирателя редких мифов, является на деле не только реформатором гексаметра, но и великим поэтом. Согласно цитируемому У. определению Грефе, Нонн «имеет такое же отношение к мифологии, как Ариосто к истории» (*Études de philologie et de critique*. SPb., 1843. P. 170). Франц. дипломат граф Л. де Марселлюс, чья книга о Нонне издана в 1856, отзываясь

о книге У. с приличествующей похвалой: «Филологи севера положили начало реабилитации Нонна. <...> Г-н Уваров, президент Академии наук в Петербурге, издал этюд “Nonnos von Panopolis der Dichter” <...>. В примечаниях я буду приводить отрывки из него, чтобы восхититься, и лишь изредка — чтобы поспорить» (*Nonnus. Les Dionysiaques*. Paris, 1856. P. XXXVI).

Книга У., переполненная цитатами из поэмы Нонна и выдержками из подстрочного текстологич. комментария Грефе, так что сам У. называл ее антологией Нонна, производит, по меньшей мере, странное впечатление, поскольку приводимые автором комментарии и разночтения не влияют существенно на высказанные им тезисы общего характера. У. занимает греч. религия, ее истоки и развитие — тема, начатая еще в «Элевсинских мистериях»; он пишет о политеизме у Нонна, обнаруживая влияние египетской мифологии на поэта из Панополя; У. интересуется тема Вакха-Загрея (тут он оказывается в какой-то мере предшественником В я ч. И в а н о в а), а также связь дионисийской религии с Индией. Во всяком случае было полезно, что У. побуждал филологов отнестись внимательнее к Нонну как поэту. Ценность его книги еще и в том, что она сохранила образцы комментария Грефе, который остался неизданным.

В 1818 в Петербурге выходит статья У. «*Un examen critique de la fable d’Hercule commentée par Dupuis*». В след. году — «*Über das vorhomerische Zeitalter: Ein Anhang zu den Briefen über Homer und Hesiod von G. Hermann und F. Creuzer*» (подробный анализ см.: *Schmid G. Zur russischen Gelehrtengeschichte...*).

В этюде «*Sur les tragiques grecs*» (1820) У. показывает сомнительность возобладовавшей теории эволюции древнегреч. трагедии: «...обычно считается, что созданная Эсхилом, достигшая своего совершенства в творчестве Софокла, она выродилась в руках Еврипида. <...> Эта

мысль <...> предполагает довольно продолжительную эволюцию, в то время как Эсхил, Софокл и Еврипид были современниками» (Избранные труды. С. 276). У. считал, что «правило прогресса» едва ли применимо к истории искусств, где все непредсказуемо — «шедевры подобны чуду, их триумф всегда неожидан» (С. 275); во всяком случае, правило это «никогда не нарушалось с такой очевидностью», как в истории древнегреч. трагедии (С. 283).

Об эволюции лит. взглядов У. Виттекер пишет: «Уваров прошел типичный путь от франкофильства, через сентиментализм к новому всепоглощающему интересу к русской культуре, и дальше — усиленному поиску равновесия между классической, национальной и европейской составляющими, к осознанию культурной самобытности своей страны» (*Виттекер*. С. 44). В статье «**Общий взгляд на философию словесности**» (1843) У. рассуждает о том, как у Платона, Сенеки и Марка Аврелия появляются «прозрения» нравственных законов, сходных с христианскими. Здесь отражается эволюция его собственного внутреннего состояния, начинавшаяся с «отвращения к окружающей действительности и своего одиночества в ней, собственной неспособности пустить корни в русской почве» после возвращения из Европы, с признания бессилия перед «хаосом самолюбий» и «глубоким невежеством» (из письма от 18 нояб. 1813 Штейну; см.: *Зорин*. Идеология... С. 119). Осознав особую миссию России в связи с ее расположением в пространстве и с ее преемственностью от Византии, У. пробует выявить призвание России ради защиты европейских народов от хаоса революций — главная идея Священного союза.

В 1843 в день 25-летия президентства У. была вручена зол. медаль по подписке среди академиков отделений физ.-мат., ист.-филол. наук и рус. языка и словесности (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1842. Д. 7. Л. 11–12), на лицевой стороне которой

был его портрет и лат. адрес (СПбФ АРАН. Р. XIII. Оп. 1. № 68). У. был чл. Королевского общ-ва наук в Гёттингене, Академии надписей и изящной словесности в Париже, Королевского ист. общ-ва в Мадриде, Национального (Смитсоновского) ин-та в Вашингтоне, других науч. общ-в в Неаполе, Риме, Копенгагене и т. д. В 1846 У., вместе с потомством, был возведен в графское достоинство.

В 1849 он ушел в отставку в связи с ужесточением, как выражались некоторые, «непросвещенного абсолютизма». Поселился он в своем имении Поречье («русские Афины», «Платоновская Академия») в Можайском уезде. В Поречье была «одна из лучших классических библиотек Европы» (*Vintker*. С. 273). В статье в «Москвитяине» за 1852 И. И. Давыдов перечислял редкие издания графской б-ки, насчитывавшей 25 тысяч книг с систематич. и алфавитным каталогами. По словам Давыдова, в ней можно было найти практически все издания антич. авторов XVII–XVIII вв., а также новейшие: «Гомера вы видите с первого Флорентийского издания Илиады и Одиссеи во всех следовавших, начиная с XV века, со схолиями Дидима и Евстафия, до изданий Кларка и Эрнести, с пролегоменами Вольфа, Герман...» (*Полякова*. С. 33).

Здесь же в Поречье был и Музеум с антич. коллекцией, которую У. собирал в течение всей жизни (Указатель Поречского Музеума графа Уварова, для посетителей. М., 1853). В 1843 во время путешествия по Италии [рус. перевод франц. мемуаров У.: «**Рим и Венеция в 1843 г.**» (Дерпт, 1846)] У. приобрел в Риме *urna ovale* — мраморный саркофаг 210 года н. э., найденный в Риме в XVI в. и принадлежавший семейству Альтемпс. Об этом саркофаге писал И. И. Винкельман (*Winckelmann J. J. Monumenti antichi inediti. Roma. 1767. Т. 1. Р. 89*), зарисовки с него делал Рубенс (*Meulen M. van der. Copies after the Antique // Corpus*

Rubenianum Ludwig Burchard. London, 1993. Vol. 2, № 135. Р. 155). Изображения Диониса на саркофаге, который У. считал не саркофагом, а «хранилищем священной воды» (О древне-классическом памятнике... С. 189), может служить подтверждением гипотезы У. о связи этих сцен с Элевсинскими мистериями. Начиная с 1841 и вплоть до начала 1850-х в Поречье собиралось блестящее общ-во ученых и художников, там проводились знаменитые Академ. беседы (Давыдов назвал их «аттическими беседами в древней академии»). На несколько недель в усадьбу приезжали отдыхать и читать доклады академики, проф. Т. Г. Грановский, И. И. Давыдов, П. М. Леонтьев, П. А. Плетнёв, М. П. Погодин, написавший впоследствии биогр. очерк У., С. П. Шевырёв, астроном Д. М. Перевощиков, художники М. О. Лопаревский и С. И. Хазаров и др. (*Полякова*. С. 41).

Музей У. был открыт для посетителей и для работы ученых. Сын У., А. С. Уваров, основатель Имп. Моск. археол. общ-ва и Имп. ист. музея, приумножил б-ку уникальным собранием рукописей и основал в Поречье Музей рус. древностей. В 1917 коллекцию и архив У. удалось спасти от разграбления и уничтожения усилиями гр. П. С. Уваровой и кн. Н. С. Щербатова, а в 1918 — благодаря ученым М. Д. Эйхенгольцу, К. А. Воронцу и писателю А. К. Виноградову — передать в РИМ (ныне — ГИМ). Римский саркофаг с 1925 хранится в ГМИИ, получив у искусствоведа прозвание *саркофаг Уварова* (*Рагулина А. А. Уваровский саркофаг: проблема дионисийства в погребальном искусстве Древнего Рима: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011*). После смерти отца А. С. Уваров учредил премию им. гр. С. С. Уварова за ученые труды Имп. АН.

Оценка личности У. в рус. истории неоднозначна и противоречива: большое влияние на нее оказали отношения У. и Пушкина, которые, как известно, кончились враждой (*Черейский Л. А. Пушкин и его окружение /*

ред. В. Э. Вацууро. Л., 21988. С. 352–254; *Гордин Я. А.* Право на поединок. Л., 1989; самые антиуваровские стихи Пушкина — «На выздоровление Лукулла» и «В Академии наук заседает князь Дундук...»; убийственна характеристика У. в «Дневнике» Пушкина в записи от февр. 1835 г.).

Сочинения: О греческой Антологии. СПб., 1820 (напечатано было только 70 экз.; перепеч.: *Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1850. Т. 2. С. 267–294; рец.: *В. Кюхельбекер* // СО. 1820. Ч. 62. С. 145–151; Notice sur le monument antique de Poretch, par M. le Comte Ouaroff, Président de l'Académie // Bull. AS. 1852. Т. 9. Р. 113–117 = MGR. Т. 1. Р. 121–126; то же на рус. языке: О древне-классическом памятнике, привезенном из Рима в Поречье: записка президента ИАН гр. С. С. Уварова (Читано 10 окт. 1851 г.) // ЗАН. 1853. Т. 1. С. 51–57 = Прописи. 1853. Кн. 3. С. 188–194; Études de philologie et de critique. Spb., 1843; Paris, 1845; Список литературных трудов С. С. Уварова // РА. 1871. Т. 12. С. 2106–2107; Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и комм. В. С. Парсамов и С. В. Удалов; пер. с франц. В. С. Парсамова. М., 2010; Альтемпский саркофаг, находящийся в Порецком музее графа С. С. Уварова // СПбВед. 1844. № 257 (извлечение из этой статьи: ЖМНП. 1845. Ч. 46. С. 52–54).

Литература: *Жуковский В. А.* О переводе Одиссеи: письмо к графу Уварову // Изв. II отд. ИАН. 1852. Т. 1. С. 139–144; *Погодин М. П.* Для биографии гр. С. С. Уварова: переписка Погодина с гр. С. С. Уваровым // РА. 1871. Т. 12. С. 2078–2103; *Он же.* Биографическое известие: письмо к NN о кончине гр. С. С. Уварова // Там же. С. 2103–2107; 2107–2112; *Жуковский В. А.* Сочинения. СПб., 1878. Т. 6. С. 181–187; *Голубева О. Д.* Уваров Сергей Семенович // СРНБ. Т. 1. С. 525–528; *Зорин А. Л.* Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996. С. 105–128; *Шевченко М. М.* Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 96–136; *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н. Г. Лужецкой. СПб., 1999 (с библиогр.); ориг.: *Whittaker C. H.* The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb, Illinois, 1984); *Иодко О. В.* Сергей Семенович Уваров // Во главе первенствующего учебного сословия

России: очерки жизни и деятельности президентов Имп. С.-Петербур. АН. 1725–1917 гг. СПб., 2000. С. 121–137; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 337–373; Записки гр. С. С. Уварова / пер. с франц. К. П. Альбокринова // *Полякова М. А.* Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М., 2013. С. 136–166; *Ермолаева Е. Л.* Граф С. С. Уваров (1786–1855) — читатель Нонна Панополитанского (V в. н. э.) // Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 г.: тезисы. СПб., 2017. С. 37–39; Wes. P. 112–127 ♦ Любжин; Фролов 2006; *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиогр. справ. СПб., 2006; СРНБ; Смышляева 2015; Тункина 2017; РП.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1812. № 4; РГАЛИ. Ф. 1179; СПБНИИ РАН. Ф. 136; ОПИ ГИМ. Ф. 17; СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 3.

Иконография: Портреты У. работы *О. Кипренского* 1815 и *В. Голике* 1833; Интерьер Порецкого музея. Акварель, 1855, ГИМ; *Пич Л.* Поречье. Вид библиотеки. Акварель, 1855; Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1909. Т. 5; *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1915.

Е. Л. Ермолаева

УВАРОВА Прасковья Сергеевна, гр.

UVAROVA / OUWAROFF P. S.,
comtesse

[28.3(9.4).1840, Бобрики, ныне Белопольский р-н Сумской обл. Украины — 30.6.1924, Добрна близ Целье; похоронена на Новом кладб. в Белграде], *историк, археолог, организатор науки, меценат, коллекционер*

Происходила из старинного рода Щербатовых; мать У. была дочерью кн. Б. А. Святополк-Четвертинского и внучатой племянницей М. А. Нарышкиной.

Отец, кн. С. А. Щербатов, полковник и предводитель дворянства, знакомый А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Среди домашних учителей У. стоит назвать преподавателя рус. словесности Ф. И. Буслаева, музыки — Н. Г. Рубинштейна и живописи — А. К. Саврасова.

В 1859, в возрасте 19 лет, Прасковья Сергеевна вышла замуж за А. С. Уварова. В ходе двухлетнего свадебного путешествия по Европе она заинтересовалась древней историей и культурой античности, а также вопросом сохранения отеч. древностей. Помогала мужу во всех начинаниях — от земской деятельности до организации археол. съездов. Однако сам А. С. Уваров был строго против участия дам в науке (т. н. «дамский вопрос»), поэтому У. была принята в МАО лишь после его смерти в 1885. Почетный чл. и предс. МАО (1885); почетный чл. РАО (1892), Имп. АН (1894), СПбАИ (1891), Лазаревского ин-та вост. языков

(1902); проф. ун-тов — Дерптского (1888), Харьковского (1906), Казанского (1910) и Московского (1910).

Используя свои многочисленные знакомства в высших кругах, У. смогла добиться расширения сферы деятельности МАО. Удачно проведенный, первый после смерти А. С. Уварова, VII Археол. съезд в Ярославле (1887) укрепил авторитет У., и в дальнейшем она стала возглавлять все археол. съезды и громоздкие подготовительные работы к ним; последним оказался несостоявшийся XVI АС. Проявляя дипломатич. искусство, она в подавляющем большинстве случаев умела преодолеть антагонизм между бюрократич. и исслед. составляющей науч. жизни — хотя противостояние, изначально существовавшее между МАО и ИАК, продолжалось и во время председательства У. Неоднократно графиня подавала Александру III и Николаю II записки, в которых пыталась оспаривать права ИАК на контроль и проведение раскопок на территории России. Так, в письме к Александру III (1887) У. пыталась закрепить за многочисленным (под конец более 500 членов) и энергичным МАО право проведения раскопок Херсонеса Таврического, ссылаясь на археол. достижения А. С. Уварова. На правах предс. археол. съездов она резко оценивала проведение археол. изысканий силами ИАК также и в Ольвии. Следует, однако, признать, что эта критика не всегда отражала настоящее положение дел и, не способствуя работе ИАК, имела целью прежде всего укрепление позиций МАО.

У. участвовала в разработке законодательства по охране культурного наследия, в т. ч. актов, запрещающих вывоз из страны ист. памятников и произведений искусства. В 1906 У. из собственных средств учредила премию в память А. С. Уварова за исследования в обл. древнерус. зодчества, систематизировала коллекции А. С. Уварова и,

составив их описание, к 1917 передала все его рукописи и коллекции в ГИМ. В самом деле, в доме Уваровых в Москве и в их пореченском имении среди богатейших коллекций — в т. ч. рус. и греч. монет — хранились такие сокровища искусства, что (особенно с 1905) всегда присутствовала угроза ограбления, причем видное положение графини в российском археол. сообществе усугубляло опасность всяческих покушений на нее и ее окружение.

В февр. 1919 У. эмигрировала через Новороссийск в Королевство сербов, хорватов, словенцев (КСХС). Последние годы жизни провела в посаде Добрна (Словения), где работала над историей МАО. Автор мемуаров «**Былое. Давно прошедшие счастливые дни**» (М., 2005).

Литература: Полякова М. А., Фролов А. И. Ревнители московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1824–1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840–1924 // Краеведы Москвы: сб. М., 1995; Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в ОПИ ГИМ // Очерки истории отеч. археологии. Вып. 2. М., 1998; Анучин Д. Н. Графиня Прасковья Сергеевна и ее служение науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического общества // Сб. ст. в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916; Виноградов Ю. А., Мусин А. Е. Императорская Археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // Имп. Археол. комиссия. С. 487–521; Стоянов Р. В. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Там же. С. 522–555; Всероссийские Археологические съезды; Клейн 2014. С. 324–326 ♦ Брокгауз; БС МАО; Тункина 2017.

Архивы: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 427а (Воспоминания П. С. Уваровой. Машинопись. Копия); Д. 501 (Письма А. С. Уварова к П. С. Уваровой); ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4415 (Письма П. С. Уваровой к С. Ф. Платонову за 1902–1911 гг.); ЦГАМ. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 1 (Отчеты П. С. Уваровой на заседаниях и съездах МАО о произведенных раскопках и о деятельности Общества. Б. д.).

Е. Г. Застрожнова

УСПЕНСКИЙ Федор Иванович

OUSPENSKY / USPENSKIJ Th. / F. I.

[7(19).2.1845, погост Горки Галичского у. Костромской губ. — 10.9.1928, Ленинград; Смоленское кладб.],
византинист, директор РАИК

Родился в большой и трудолюбивой семье церк. пономаря. Обучался в Галичском духовном уч-ще (1854–1860) и в Костромской семинарии (1860–1866), по окончании которой в течение года трудился, преподавая рус. язык в Галичском уездном уч-ще, чтобы скопить средства на поездку в Петербург для поступления в ун-т. В годы ученья на ИФФ был дружен с Д. Ф. Беляевым, П. И. Аландским и И. В. Помяловским. Из числа преподавателей, оказавших влияние на молодого У., были филолог К. Я. Люгемиль, филолог и историк Г. С. Дестунис, славист В. И. Ламанский и рус. историк К. Н. Бестужев-Рюмин; на последних курсах ун-та У. слушал молодого В. Г. Васильевского (о этом подробнее см.: **Петербургский университет в 1867–1871 гг.: по воспоминаниям студента** // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920).

Студ. сочинение У. «**Первые славянские монархии на Северозападе**», напечатанное в 1872, снискало Кирилло-Мефодиевскую премию. У. был оставлен при ун-те (каф. рус. истории) для подготовки к проф. званию, однако после защиты магист. дис. о Никите Хониате и о времени основания Латинской империи в Константинополе (**Византийский писатель Никита Акоминат из Хон**. СПб., 1874) молодой ученый получил звание магистра по всеобщей истории и стал доц. ИФФ Новорос. ун-та. После защиты докт. дис. «**Образование второго болгарского царства**» (Одесса, 1879), которая была отмечена Уваровской премией, У. стал

профессором Новорос. ун-та, а в 1894 — деканом ф-та там же.

Одесский период с его природным «византийским фоном» оказался чрезвычайно благоприятным для У.: усилиями ун-тских византинистов было создано Ист.-филол. общ-во с Визант. отделением, где У. читал курс истории Рима и руководил науч. работой студентов [Готалов-Готлиб А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель // ВВ. 1947. Т. 1 (XVI). С. 114–126]. Среди его многочисленных учеников этого времени были: Б. В. Фармаковский — по археологии, Д. В. Айналов и Е. К. Редин — по искусству, М. И. Мандес — по классич. филологии (Там же. С. 117). Любопытный для классиков эпизод этой деятельности (не попавший, кстати, в библиографию трудов У., в 1929 составленную В. Н. Бенешевичем) отразился в отзыве У. на медальные сочинения по теме «Известия Геродота о скифах и занимаемой ими стране» (зол. медаль получил тогда М. В. Фармаковский; см.: ЛИФО. 1894. С. 1–6 = ЗНУ. 1895. Т. 66. С. 11–16). Вообще, описывая визант. жизнь и историю,

У. всякий раз стремился изобразить их на фоне того, что предшествовало им в античности. Напр., в статье «**Следы писцовых книг в Византии**» (ЖМНП. 1884. Янв. С. 1–43) первый раздел работы о доходах и расходах населения (С. 2–25) посвящен цензовой и податной системе в Римск. империи.

Служа в Новорос. ун-те, У., совместно с Н. П. Кондаковым и А. И. Кирпичниковым, выдвинул мысль создать за границей науч. учреждение для изучения христ. Востока, что отвечало культурной миссии тогдашней России в мире и сознанию того, что изучение истории Византии — одна из основополагающих задач рус. науки. Образование Российского археол. ин-та в Константинополе как раз в этих видах было признано целесообразным; сверх этого по настоянию министра И. Д. Делянова в сферу деятельности нового учреждения было включено, помимо Византии, изучение памятников антич. Греции. Неутомимая деятельность У. ради осуществления этой задачи увенчалась открытием РАИК (1895), бессменным директором которого с 1894 ученый оставался в течение двадцати лет вплоть до закрытия Ин-та после начала Первой мировой войны.

Живя в Константинополе, У. своими силами обеспечивал полноценное руководство по всем направлениям работы Ин-та. Сюда относились: организация экспедиций в Малую Азию, на Балканы, в Сирию и Палестину; археол. раскопки в самом Константинополе, в Сербии, Болгарии и Македонии; создание при Ин-те музея с коллекциями моливдовулов, монет, памятников письменности и искусства; образование солидной б-ки; издание ж. «Известия РАИК»; стажировка в Стамбуле молодых ученых из учеб. заведений России.

В «Известиях РАИК» получали отражение исследовательские экспедиции Ин-та, материалы о которых отложились в СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1: «Из путешествия

А. Д. Погодина в Малую Азию» (Д. 49); «Разбор надписей, найденных при раскопках Абобы» (Д. 112); «Надписи с фрагментами договоров между болгарами и греками» (Д. 125); «Поездка по Малой Азии. Сентябрь–ноябрь 1902» (Д. 173а–з); дневник «Македонская поездка в 1898 г.» (Д. 169а); дневник «Сирия. 1900 г. № 1, 2» (Д. 169е–ж); дневник «Болгария. 1899 г. № 1, 2» (Д. 169з–и); Ф. 127 (РАИК, 1895–1914); Ф. 169 (Воен. ист.-археол. экспедиция в Трапезунт) и др.

Личные привычки и склонности побуждали У. скорее к кабинетным занятиям. Б. В. Фармаковский, в 1898–1901 ученый секр. РАИК, сетовал: «Насчет важности постоянного осмотра памятников убедить его очень трудно. Кажется, в нем нет абсолютно жилки археолога, занимающегося вещами. Он человек книжный» [РГИА. Ф. 1073 (Фармаковские). Оп. 1. Д. 355. Л. 32–33]. Так оно и было, и не напрасно главной целью РАИК было обозначено изучение и описание б-к и книгохранилищ в Константинополе, на Афоне, в монастырях Сирии, Египта и М. Азии. Однако в первый же год деятельности Ин-та стало ясно, что, находясь в Константинополе, нецелесообразно ограничиваться изучением только письменных документов. В 1895–1910 У. устраивает и возглавляет «археологические экскурсии» РАИК по различным обл. Малой Азии, как и поездки в Болгарию, Фракию, Македонию и Сирию, в т. ч. в те удаленные местности, где не было «экипажных путей сообщения» (отчеты о них см. в «Известиях РАИК» за 1895–1910). Главным итогом этих «экскурсий» стали многочисленные находки христ. надписей — визант., изредка позднеантичных. Во время таких экспедиций У. приходилось переносить порой значительные, иной раз физические неудобства. Ф. И. Шмит рассказывал о директоре РАИК, что «поездки верхом были для него чрезвычайно мучительны — но это не заставило его ни на день сократить маршрут сирийской, например, экспедиции!» (Шмит. С. 198).

У. сам опубли. в «Известиях РАИК» несколько староболгар. надписей и подготовил соответствующий раздел в издании материалов, найденных при раскопках Абобы (она же Плиска) — древней столицы Болгарии (Надпись на башне Артавасда. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // Изв. РАИК. 1898. Т. 3. С. 180–194; Надпись царя Самуила // Там же. 1899. Т. 4. С. 1–4; Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска. Гл. VI: Надписи староболгарские: колонны с именами городов; надписи с фрагментами договоров; надписи исторического содержания; фрагменты надписей разного содержания и происхождения // Там же. 1905. Т. 10. С. 173–242).

При посредничестве РАИК в рус. собрания попал такой исключительный памятник, как Сармисахлийское четвероевангелие, или *Codex purpureus Petropolitanus* (ОР РНБ. № 537). Еще значительней была роль Ин-та и его директора в ходе открытия, приобретения и изучения Пальмирского пошлинного тарифа (137 г. н. э.).

Обнаруженная в 1882 в Пальмире археологом-любителем и меценатом С. С. Аба-мелек-Лазаревым, который окончил ИФФ Петрогр. ун-та с канд. дис. «Ферейские тираны», эта монументальная греко-арам. надпись вызвала интерес как у российских, так и у франц. ученых: Академия надписей в Париже объявила Аба-мелек-Лазарева своим адъюнктом. В момент находки ученого сопровождали художник В. Д. Поленов и А. В. П р а х о в, а в обработке эстампажа пространной надписи участвовал молодой магистр В. Л а т ы ш е в. Первые итоги исследований Аба-мелек-Лазарев представил в роскошном увраже «Пальмира» (СПб., 1884). Однако до того, как в 1904 пальмирский памятник попал в «Пальмиру Севера» и был водворен в Эрмитаж, понадобилось участие многих рус. ученых: кроме ориенталистов В. Р. Розена и П. К. Коковцова, то были Н. П. Кондаков, Ф. Е. Корш и др. Потребовалось, разумеется, и взаимодействие с тур. властями — в итоге султан не только разрешил вывезти, но и подарил России ценный для науки памятник. Тогда на место, где надпись находилась *in situ*, прибыл У., который и составил план

извлечения мраморного рельефа из земли, после расчленения на 4 части 15-тонной плиты, содержащей 4 таблицы с различными торговыми правилами (Пальмирский пошлинный тариф / введ., перевод и коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1980, 39–43; К 90-летию Пальмирского тарифа в Эрмитаже (1904–1994) // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. СПб., 1994. С. 235–248).

Возглавляя столь заметное в науч. мире учреждение, как РАИК (России так и не удалось образовать свой ученый ин-т ни в Риме, ни в Афинах!), У. не переставал заниматься и собственной исследовательской работой (*Жебелёв С. А., Бенешевич В. Н.* Федор Иванович Успенский. I: Кавва жизни. II: Список ученых трудов. Работы, приготовленные к печати // Памяти акад. Федора Ивановича Успенского. С. 1–23). В разные годы в работе Ин-та участвовали: Б. В. Фармаковский, Р. Х. Лепер, Ф. И. Шмит, М. И. Ростовцев, Я. И. Смирнов, В. К. Ернштедт, А. Пападопуло-Керамевс и др. Среди почетных чл. РАИК были: В. Г. Васильевский, Н. П. Кондаков, И. И. Толстой (ст.), И. В. Цветаев, В. В. Латышев, А. А. Павловский и др. ученые, а также ряд высокопоставленных персон, включая вел. кн. Константина Константиновича, гр. П. С. Уварову и др.

О стиле руководства У. красочно рассказывает Ф. Шмит, описывая знакомство с директором РАИК в июне 1901. На третий день, убедившись, что новичок по его совету впервые побывал в прославленной Кахрие-Джами, У. спросил: «Хотите ее исследовать и издать?». Приведя эти слова, Шмит добавляет, что это «лучшая характеристика Успенского», и вспоминает, как Павловский тогда же объяснил ему: «У Ф. И. всегда так: ему все кажется, что довольно захотеть, чтобы все было готово» (*Шмит*. С. 196–197).

Рекомендация Бенешевичу при выборах в АН показывает, как У. заботился о достойном преемнике для себя и визант. штудий в России, которым после их яркого и короткого расцвета предстояли

тяжелые испытания [*Медведев И. П.* Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (По случаю представления в академики на выборах 1927–1929 гг.) // Деятели русской науки. Вып. 2. С. 163–172].

Судьба византинологии в СССР хорошо видна по истории публикации *opus magnum* (во всех отношениях) У. «**История Византийской империи**». При жизни автора оказались изданы тома I (1913) и II, 1 (1927); в предисловии к II, 1 автор сам повествует о невзгодах своей необъятной рукописи. Уже в ходе Второй мировой войны вместе с признаками некоторого — по-своему вынужденного — возрождения имперских традиций в СССР и, в частности, возобновления «Византийского временника», из печати вышел, наконец, том III труда У. (М., 1948; ²1997). Однако и после этого оставались части «Истории» У., все еще не опублик., как об этом сообщено в предисловии Н. С. Лебедева к третьему тому (С. 5–7). Только в постсоветской России появилась кн. «История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос» (М., 1997), являющаяся расширенным изданием третьего тома (см. пояснение на с. 830 этого изд.), в котором в качестве автора участвует и Б. А. Панченко (см. также: *Басаргина*. Ф. И. Успенский. С. 46–49). В 2001–2002 в Москве вышло переиздание *opus magnum* У. в пяти томах.

Обширнейший текст У. — более двух с половиной тысяч страниц, когда соединены все сохранившиеся его части, — написан отчетливо и пластично. У. — не только солидный знаток, но и живой рассказчик.

Вот отрывок из рассказа о падении Константинополя (Т. 3. С. 789): «В истории западной Греции мы видим несколько случаев, когда латиняне, по-видимому, не без оснований, обвиняли православных иерархов в сношениях с турками, — грустная страница из истории христианства на Востоке; но такие деятели, как Схolariй, первый патриарх турецкого времени, сохранили православную церковь в Турции до сих пор». Или краткие характеристики по ходу повествования, как отзыв о ломбардцах, которые, по У., «были, по-видимому, природными изменниками» (С. 467).

Успешное и полезное для рус. историко-филологич. занятий существование РАИК закончилось в 1914 из-за разрыва отношений между Россией и Турцией. У. был вынужден вернуться в Петроград, в свой «академический» дом по 7-й линии Васильевского острова. Не смирившись с утратой Ин-та, У. в течение многих лет неоднократно предпринимал попытки его возрождения, в т. ч. в составе спец. комиссии при АН СССР (1925). Но теперь усилия уже не приводили к успеху. У. удалось спасти лишь часть архива, имущества и коллекций Ин-та, историей которых ныне занимаются исследователи. Некоторая (небольшая) их часть попала в здание рус. посольства, откуда в 1923 была вывезена в США и Францию; остальное было конфисковано тур. правительством и в 1929 обменено на мусульманские рукописи, еще в 1916–1917 предусмотрительно вывезенные У. из Трапезунда в Петроград; об этой превентивной акции автор рассказывает в кн. **«Очерки по истории Трапезунтской империи»** (Л., 1929; СПб., 2003).

После революции 1917 У. продолжал работать с присущей ему энергией: читал курсы по истории Византии в Петрогр. ун-те, был предс. организованного при исследовательском ин-те им. А. Н. Веселовского греческого кружка (*Малеин А. И.* Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Кружка друзей греческого языка и литературы // Памяти акад. Ф. И. Успенского. С. 75–78); возглавлял ППО (с 1921) и Русско-визант. комиссию при АН (с 1923), академ. комиссию (с 1918) по изучению сочинений Константина Порфирородного, был сотрудником ГАИМК. Заботы У. о ППО отражены в его статье **«Палестинское общество: из истории ППО»** (публ. архив. документа подготовил А. Г. Грушевой: ППС. 1998. 98(35). С. 252–257).

О трудах, связанных с намерением переработать словарь Дюканжа ради создания полного словаря среднегреч. языка, см.:

Бенешевич В. Н. Русско-византийская комиссия: Glossarium Graecitatis // ВВ. 1926. Т. 24 (1923–1926). С. 115–140; *Он же.* Русско-византийская историко-словарная комиссия. 1926–1927 // Там же. 1928. Т. 25 (1927). С. 165–174; *Kazansky N.* Projekt «Nachträge zum Glossarium von du Cange» // Hyperboreus. 2004. Vol. 10. P. 200–214). Осуществить кропотливый труд в обстановке репрессий против медиевистов не получилось. Теперь мечту наших византологов исполнили европейцы: Lexikon zur Byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / erstellt von E. Trapp. Bd. 1–2; Verzeichnis. Wien, 2001–2017.

Чл.-корр. АН (с 1893), орд. акад. АН сверх штата (1900), орд. акад. АН (с 1916), У. заслужил членство в многочисленных отеч. и иностр. общ-вах и ин-тах. Однако любимым детищем У. до конца его дней оставался РАИК, отрядные воспоминания о котором глубоко трогали старого ученого. Действительно, У. не только один из крупнейших рус. византинистов, но и харизматич. организатор в сфере греч. штудий, посвященных либо древнему эллинизму, либо Византии, либо нынешним грекам, т. е. грецистике в целом.

Литература: Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). Л., 1929 (сб. со ст. В. П. Бузескула, С. А. Жебелёва, В. Н. Бенешевича); *Лебедева Г. Е., Якупский В. А., Кантерев С. Н.* Uspenskiana. I: Хронологический указатель трудов. II: Литература о Ф. И. Успенском // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 270–314; Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: каталог выставки / предисл. В. С. Шандровской. СПб., 1994; *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // АРВ. С. 45–57; *Басаргина 1999; Шмит Ф. И.* Федор Иванович Успенский // Басаргина 1999. С. 195–204; Федор Иванович Успенский (1845–1928) // Портреты историков. Т. 3. С. 583–600 ♦ Прозоров; Тункина 2017.

Архивы: СПБФ АРАН Ф. 116; РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 3 (об условиях совместной работы по изучению Афона франц. и рус. комиссиями); ОР РНБ. Ф. 194 (переписка с Н. Н. Глубоковским).

*А. К. Гаврилов, Т. В. Шабуринна
при участии Н. А. Павличенко*

Ф

ФАРМАКОВСКИЙ Борис Владимирович

FARMAKOVSKIJ B. V.

[30.1(12.2).1870, Вятка, ныне Киров — 29.7.1928, Ленинград; Шуваловское кладб.], *археолог, историк антич. искусства*

Сын преподавателя истории и словесности в Вятской семинарии и женской гимназии. По долгу службы отец часто получал новые назначения, и семья переезжала с места на место. В 1877 он был назначен на должность инспектора народных уч-щ Симбирской губ., где Фармаковские подружились с жившей по соседству семьей И. Н. Ульянова, служившего в то время там же директором народных уч-щ. Особенно дружили между собой сверстники — Борис и будущий вождь соц. революции В. И. Ульянов. К той же среде в Киеве принадлежал М. И. Ростовцев, которому родственником приходился А. В. Луначарский; Ростовцев и Ф. стали близкими друзьями позже.

В 1879 Ф. поступил в Симбирскую гимназию, но в 1881 его отец получил назначение в Оренбург, а в 1885 — в Одессу. В этом городе в 1887 Ф. закончил знаменитую Ришельевскую гимназию с дипломом первой степени и был принят

на ИФФ Новорос. ун-та. Его учителями стали Э. Р. Штерн (классич. археология), А. А. Павловский (история искусств), Ф. И. Успенский (история Византии). В 1890 Ф. на собственные средства посетил Грецию, где имел возможность в подробностях осмотреть древние памятники Афин, ознакомиться с богатейшими собраниями музеев этого города, проштудировать новейшую литературу по антич. археологии и классич. искусству.

После завершения обучения в ун-те (1892) Ф. был оставлен при ИФФ для подготовки к проф. званию; в 1893 он был избран чл.-сотрудником ООИИД. В «Записках» этого общ-ва была опубликована его первая науч. работа **«Три керамических фрагмента Одесского музея Императорского Одесского общества истории и древностей»** (ЗОИИД. 1893. Т. 16. С. 14–44). В сент. Ф. вновь отправился в Афины; на сей раз это была командировка по ведомству МНП, продолжавшаяся три года (1893–1896). За это время он не только углубленно изучает памятники искусства и архитектуры Эллады, но и знакомится с новейшими археол. открытиями, сделанными нем. экспедицией В. Дёрпфельда и франц. — Т. Омолля. Новые методы раскопок антич. памятников, фиксации добываемых материалов и пр. произвели на него большое впечатление. Науч. росту ученого способствовали и поездки в Берлин,

Оксфорд, Париж, Рим, Неаполь, Помпеи и другие замечательные места.

За годы, проведенные за границей, у Ф. окреп интерес к изучению греч. искусства и, прежде всего, живописи классич. эпохи. Известно, что произведения живописи этой эпохи не сохранились. По понятным причинам к их исследованию Ф. подходил, опираясь на свидетельства древних авторов, а также на материалы аттич. вазописи. Понимание эволюции вазовых росписей позволило ему наметить важные этапы в развитии творчества знаменитых художников Греции.

На недолгое время вернувшись в Одессу, в сент. 1895 Ф. сдал экзамен на звание магистра истории и теории изящных искусств при ИФФ Новорос. ун-та. Когда же зарубежная командировка была полностью завершена, Имп. Археол. комиссия в 1896 поручила ему провести раскопки некрополя Ольвии, одной из главных древнегреч. колоний Сев. Причерноморья. Исследования территории Ольвийского городища в то время были невозможны, поскольку эта земля находилась во владении гр. А. А. Мусина-Пушкина, с которым у археологов складывались очень непростые отношения. Раскопки некрополя были осуществлены вполне успешно (*Виноградов, Мусин*. С. 496–498). После этого Ф. переехал в Петербург и в сент. 1897 был принят на должность преподавателя греч. языка в 6-ю Петерб. гимназию, но на этой работе долго не задержался.

В 1898 Ф. был назначен ученым секр. РАИК, директором которого был его учитель Ф. И. Успенский. Эту должность он исполнял до весны 1901 (Басаргина 1999. С. 92–97). Здесь судьба свела его еще с одним человеком, сыгравшим важную роль в российской истории первых десятилетий XX в., — П. Н. Милюковым, будущим лидером партии кадетов. При строительстве железной дороги на территории древней Македонии, около селения Патели (на берегу озера Острово), случайно был обнаружен древний могильник.

По одному из сообщений, с этими находками ознакомились Ф. И. Успенский и П. Н. Милюков во время экскурсии по Македонии летом 1898 (Отчет о деятельности... С. 149). По версии Милюкова, именно он увидел находки, путешествуя по этому району в 1897–1899, и затем убедил Ф. И. Успенского в необходимости проведения раскопок. Милюков отметил в своих мемуарах: «Начались правильные раскопки с участием молодого специалиста по греческим вазам Фармаковского, оставленного мне на подмогу» (*Милюков П.* Воспоминания. М., 2001. С. 161). Около Патели был раскопан любопытный памятник, относящийся к гальштатскому времени (Отчет о деятельности... С. 149–152), вся документация по нему, хранившаяся у Милюкова, была впоследствии утеряна.

Помимо раскопок, Ф. совершил поездку в М. Азию, содействовал изданию материалов сирийской экспедиции, в частности, подготовил исследование о росписях катакомбы Мегарет-Абу-Схейль (*Живопись Пальмиры* // Изв. РАИК. 1903. Т. 8. С. 172–198). В это время продолжали публиковаться его

исследования в обл. искусства классич. Греции: **«Вакхилид и аттическое искусство V века (К XVII стихотворению Вакхилида «Молодежь и Фесей»)»** (ЖМНП. 1898. Апр. С. 28–48; Май. С. 49–53); **«Надписи на греческих вазах VI и V веков до Р. Хр., прославляющие различных лиц эпитетами καλός, καλή»** (ФО. 1899. Т. 16. Отд. 2. С. 45–54); **«Лесха книдян в Дельфах»** (Изв. РАИК. 1899. Т. 6, вып. 1. С. 152–185).

За службу в РАИК тур. султан пожаловал Ф. орден Османие 4-й степени. Еще в нояб. 1900 Ф. получил приглашение от предс. ИАК А. А. Бобринского стать сотрудником этого учреждения, что было принято первым не без колебания. Штат. чл. Комиссии он стал с 1 марта 1901. Поступив в ИАК, Ф. стал получать табельные чины: начав со скромного чина коллеж. секр. (1903), он уже в начале 1904 стал тит. сов., в том же году получил коллеж. асс., а затем и надв. сов. — три ступени служебной лестницы были преодолены всего за год! В 1908 Ф. был произведен в чин коллежского, а в 1912 — стат. советника. Официальные награды Ф. тоже получал с завидной регулярностью: 1904 — орден св. Станислава 2-й степени, 1910 — св. Анны 2-й степени, 1915 — св. Владимира 4-й степени.

20 сент. 1902 в публичном заседании ИФФ Новорос. ун-та прошла защита дис. **«Античная вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн»** (СПб., 1902), представленной на соискание ученой степени магистра теории и истории изящных искусств. Эта степень была присуждена ему единогласно, хотя некоторые положения концепции вызвали достаточно острую критику (*Штерн Э.* [Рец. на кн.:] Фармаковский Б. В. Аттическая вазовая живопись. СПб., 1902 // ЖМНП. 1903. Май. С. 184–220).

Сын предс. ИАК в своих воспоминаниях записал, что Ф. «был самым большим

знатоком эллинского искусства и знал все, что можно было знать о греческих вазах» (*Бобринской А. А.* Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927): сын об отце // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 489). Это суждение вполне справедливо, поскольку подтверждается многими исследованиями Ф., посвященными памятникам искусства Древней Греции (см.: Колонна Фидия // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 325–332), а также греч. колоний Сев. Причерноморья [**Золотые обивки наилучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах** // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ: сб. археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 45–118; **Обломок статуэтки сатира из Керчи** // ЗООИИД. 1912. Т. 30. С. 151–166; **Аканфова ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова** // Сб. ст. в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 669–681 (= Сб. Харьков. ист.-филол. общ-ва. Т. 20); **Милетские вазы в России** // Древности. 1914. Т. 25. С. 1–17; **Терракотовый сосуд в форме головы Гермеса из Пантикапея (Керчь)** // Сб. ст. в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 311–327].

Основной заслугой Ф. перед наукой следует признать его многолетнее изучение Ольвии (*Виноградов, Мусин*. С. 504–521). В 1901 он возобновил изучение некрополя, а с 1902, когда взаимоотношения с владельцем земли были урегулированы, приступил к систематич., планомерным раскопкам городища. Именно с этого времени началось комплексное изучение древнегреч. колонии, когда городище и некрополь раскапывались параллельно. Ф. вложил в это дело свой недюжинный талант, весь опыт археолога и знания, накопленные им за время пребывания на Западе. Для удобства проведения раскопок были закуплены вагонетки и рельсы. Масштабные работы на городище были нацелены не

на открытие произведений антич. искусства или эпиграфич. документов, что было характерно для археологов предшествующего времени, а на выяснение истории древнего города. Для этого требовалось кардинально изменить отношение к «культурному слою», который ранее рассматривали исключительно как досадную помеху, которую необходимо удалить для раскрытия древних построек. Теперь культурный слой и сам по себе становился важным источником для изучения и адекватного истолкования открываемых объектов. Раскопки проводились не с помощью траншей или шурфов, а широкими площадями, позволяющими уловить не только детали развития жизнедеятельности на отд. участках, но и оценить их в системе, понять своеобразие развития древнегреч. колонии как в пространстве, так и во времени. Изучение Ольвии осуществлялось не хаотично, а по заранее выработанному плану. Сначала были установлены границы города, затем началось изучение характера застройки его частей. Достаточно быстро проявилось своеобразие их развития на различных хронологич. срезах. Все эти наблюдения помогали приблизиться к пониманию полит., экон. и культурной истории Ольвии со всеми периодами ее подъемов и спадов.

Результаты раскопок регулярно публиковались в «Отчетах» и «Известиях» ИАК. Там же появлялись спец. исследования Ф., посвященные наиболее ярким из открываемых объектов (см.: Склеп Еврисивия и Ареты // ИИАК. 1902. Вып. 3. С. 1–20; Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия // Там же. 1904. Вып. 14. С. 69–93; Судьба одного ольвийского памятника // Там же. 1914. Вып. 51. С. 140–144). Важное значение имела небольшая монография Ф., подводящая итоги изучения Ольвии за многие годы раскопок (**Ольвия**. Пг., 1915).

Ф. вел большую преподавательскую деятельность. В 1905 он был избран прив.-доц. Петерб. ун-та, в 1910 — проф. ВЖК, в 1917 — доц. Петрогр. ун-та и проф.

Петрогр. Археол. ин-та. В своих занятиях по антич. искусству он постоянно обращал внимание учеников на необходимость внимательного отношения к стилистике древних памятников. При этом Ф. подчеркивал, что «в деле критики стилия самое важное — дошедшие до нас памятники; если я говорю вам что-нибудь такое, чему явно в ваших глазах противоречат памятники, верьте не мне, а памятникам» (**Новейшая датировка Карагодеуашхского кургана** // ИТУАК. 1913. № 50. С. 189). И хотя на практике его стилистич. штудии порой приводили к очень серьезным ошибкам в датировке некоторых предметов греко-скифской торевтики, Имп. АН в знак глубокого уважения к ученым заслугам Ф. в обл. классич. филологии и археологии 29 дек. 1914 избрала его в свои чл.-корр.; был он избран также чл. РАО и МАО.

Ф. постоянно выступал на международных науч. форумах. В апр. 1905 он принял участие в работе представительнейшего археол. конгресса (см.: *Жебелёв С. А.* Первый Международный археологический конгресс в Афинах // ЖМНП. 1905. Июль. С. 14). Второй конгресс состоялся в 1909, и Ф. рассказал на нем о своих раскопках в Ольвии (**Второй Международный конгресс классической археологии в Каире** // Там же. 1910. Июль. С. 12, 14). На Третьем конгрессе в Лондоне (1913) Ф. выступил с фундаментальным докладом **«Архаический период на Юге России»**, который, как и др. доклады российской делегации, был издан отд. выпуском МАР (1914. Т. 34).

Прекрасно зная опыт европ. стран при организации археол. изучения классич. древностей, Ф. осознавал явное отставание России в этом отношении. Он мечтал о создании Рус. археол. ин-та в Афинах, считая, что открытие такого учреждения «вызывается действительными надобностями русской науки и просвещения. Оно необходимо для нашего движения вперед, для нашего дальнейшего культурного

развития» (Второй Международный конгресс... С. 25). К сожалению, эта здравая идея так и не нашла воплощения в жизнь.

После Февр. революции 1917 ИАК была преобразована в Российскую гос. археол. комиссию (РГАК), а Ф. получил ответственный пост ее ученого секр. Уже после Октября, в 1918 в структуре РГАК был создан Отдел древностей антич. и древнехрист., а на должность заведующего был избран Ф. В этом году увидела свет научно-популярная книга Ф., посвященная худож. памятникам Афин. В ней он развивал мысль, что кризис, в котором оказалась современная европ. цивилизация, находит аналогии в древней истории, когда афинская демократия и ее союзники в первой половине V в. до н. э. вынуждены были противостоять грозной силе Востока, объединенного под властью перс. «царя царей» (**Художественный идеал демократических Афин**. Пг., 1918. С. 7).

С созданием РГАК реформирование науки не остановилось, и 18 апр. 1919 Ленин подписал декрет о создании Российской академии истории материальной культуры, которую вскоре стали именовать Гос. академией (ГАИМК). Во главе этого учреждения встал академик Н. Я. Марр, а Ф. был назначен ученым секр. Ф. принимал самое деятельное участие в перестройке науки и даже посвятил этому небольшую монографию: «К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры» (Пг., 1921). Сам Ф. возглавил Разряд греко-римск. искусства РАИМК, нацеленный в т. ч. и на проведение раскопок антич. памятников Сев. Причерноморья. С 1923 на него было возложено руководство Разрядом археологии Скифии и Сарматии. В 1924 в ГАИМК создана Комиссия по социологии искусства и искусствознанию, перед которой ставилась задача разработки марксистских методов анализа произведений искусства; Ф. включился в ее деятельность (*Виноградов*. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН... С. 12; *Он же*. Отдел истории античной культуры... С. 164).

Важнейшим достижением Ф. этого периода стало возобновление раскопок

в Ольвии в 1924. Это была первая советская экспедиция, приступившая к изучению классич. культуры Сев. Причерноморья. Она стала настоящей школой для подготовки профессиональных археологов-антиковедов в стране, тем более что Ф. по-прежнему большое внимание уделял пед. деятельности. В различных изданиях регулярно появлялись его публ.: отчеты о работе ГАИМК, о раскопках в Ольвии, науч. исследования (см.: **Серебряная, украшенная рельефами чаша Новороссийского музея** // Изв. РАИМК. 1921. Т. 1. С. 192–202; **Три полихромных вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории** // Записки РАИМК. 1921. Вып. 1. С. 1–45). От советского правительства Ф. никаких наград не получил, но был избран почетным чл. многих науч. общ-в: РИИИ (окт. 1922), Донского общ-ва археологии и истории искусств (дек. 1923), НИИ археологии и искусствознания РАНИОН (окт. 1925), Таврич. общ-ва истории, археологии и этнографии (нояб. 1925). В февр. 1924 Совет Гос. Эрмитажа единогласно избрал его хранителем.

Последний сезон раскопок Ольвии, которыми руководил Ф., пришелся на 1926; в след. году он уже не сумел этого сделать, как об этом свидетельствует следующий документ его «Личного дела», хранящегося в НА ИИМК РАН и датированного 10 авг. 1927. Письмо, направленное предс. ГАИМК акад. Н. Я. Марром предс. Ленингр. губернского отдела союза работников просвещения (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 688. Л. 46), гласит:

«Ученый секретарь Государственной академии истории материальной культуры, член Академии Б. В. Фармаковский, командированный Академией в СССР для руководства работами экспедиции в Ольвии, организованной Академией совместно с украинскими научными учреждениями, тяжело захворал в Харькове и находится на излечении в местной больнице. По заключению врачей состояние здоровья Б. В. Фармаковского таково, что для восстановления работоспособности его

потребуется длительное лечение и отдых, что сопряжено с значительными затратами, непосильными Б. В. Фармаковскому. Академия также не располагает суммами, которые могли бы выдать Б. В. Фармаковскому, и просит Секцию научных работников о выдаче Б. В. Фармаковскому пособия на лечение в размере 250–300 р., но так как ответственный секретарь и лицо его заменяющее находятся в настоящее время в отъезде, а дело является спешным, Академия обращается к Вам с просьбой о разрешении Секции научных работников выдать Б. В. Фармаковскому пособие на лечение болезни в указанном размере».

Раскопки Ольвии в 1927 прошли без участия Ф., его здоровье все более ухудшалось. Ученый скончался в ночь с 28 на 29 июля 1928 на своей даче в Парголово.

На страницах советской науч. печати его личность и его деятельность оценивалась неоднозначно. В связи со смертью Ф. Н. Я. Марр заявил, что для ГАИМК покойный был незаменим и что «под силу взять его бремя лишь коллективно организованному руководству» (*Марр Н. Я.* Фармаковский // Сообщения ГАИМК. 1929. Вып. 2. С. III). Марр был очевидным образом прав, однако всего через два года после этой публ. сотрудник ГАИМК С. А. Семёнов-Зусер признал Ф. чуть ли не главой группы буржуазных ученых в области антич. археологии Сев. Причерноморья (см.: *Виноградов*. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН... С. 18; *Он же*. Отдел истории античной культуры... С. 168), но эта «идея» не нашла последователей. Зато в годы борьбы с космополитизмом явилась новая оценка: в лице Ф. отечественная наука опередила уровень археол. науки в зап. странах (*Нудельман Д. И.* Борис Владимирович Фармаковский // ВДИ. 1948. № 3. С. 144), что отчасти верно, но нуждается во многих оговорках. Избавляясь от крайностей, следует признать, что российская антич. археология в начале XX в. была представлена плеядой превосходных исследователей (Э. Р. Штерн, В. В. Шкорпил, С. А. Жебелёв, Е. М. Придики и др.), не говоря о том, что

уже тогда взойшла звезда М. И. Ростовцева как, в частности, археолога. Однако лишь Ф. — и никто другой! — сумел создать школу полевой археологии, в традициях которой до сих пор ведутся исследования всех экспедиций, производящих раскопки антич. памятников Сев. Причерноморья и прежде всего — античных городищ.

Литература: Отчет о деятельности Российского археологического института в Константинополе в 1898 г. // Изв. РАИК. 1899. Т. 4, вып. 3; *Жебелёв С. А.* Ученые заслуги Б. В. Фармаковского // Отчет Моск. археол. общ-ва. М., 1915. С. 1321; *Он же*. Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. 1929. Вып. 2. С. V–XXIV; *Блаватский В. Д.* Б. В. Фармаковский — исследователь античного мира // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 8–13; *Карасёв А. Н.* Борис Владимирович Фармаковский // Там же. С. 5–7; *Кобылина М. М.* Б. В. Фармаковский — историк античного искусства // Там же. С. 14–16; *Фармаковская Т. И.* Список печатных работ Бориса Владимировича Фармаковского // Там же. С. 21–24; *Круликова И. Т.* К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // СА. 1970. № 1. С. 3–8; *Карасёв А. Н.* Б. В. Фармаковский и Ольвия // Худож. культура и археология антич. мира: сб. памяти Б. В. Фармаковского. М., 1976. С. 1321; *Кобылина М. М.* Б. В. Фармаковский и античная художественная культура // Там же. С. 46–55; *Фармаковская Т. И.* Юность Б. В. Фармаковского // Там же. С. 11–12; *Она же*. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; *Кошеленко Г. А.* Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) // Портреты историков. Т. 3. С. 269–285; *Виноградов Ю. А., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // Имп. Археол. комиссия. С. 487–521; *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36; *Он же*. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013. С. 160–190; *Лалин В. В.* Засновник вітчизняної школи античної археології (До 100-річчя від дня народження Б. В. Фармаковського) // Український історичний журнал. 1970. № 5. С. 133–135 ♦ БС МАО; Бузескул 2008; Имп. Археол. комиссия; Тункина 2017.

Архивы: НА ИИМК РАН. Ф. 1, 1900 г. Д. 248 (О назначении магистранта Б. Фармаковского на должность члена Комиссии); Ф. 2. Оп. 3. Д. 668 (Личное дело Б. Ф. Фармаковского. 1919–1927).

Ю. А. Виноградов

ФАРМАКОВСКИЙ Мстислав Владимирович

FARMAKOVSKIJ M. V.

[3(15).9.1873, Вятка, ныне Киров — 28.3.1946, Ленинград; Шуваловское кладб.],
археолог, художник, реставратор

Сын учителя (затем инспектора и директора народных уч-щ), брат археолога Б. В. Фармаковского. Гимназич. образование получил в Одессе в Ришельевской гимназии, а высшее — в Новорос. ун-те по классич. отделению ИФФ. Его учителями были проф. Э. Р. Штерн и А. А. Павловский. Классич. археологией Ф. стал заниматься с первого года пребывания в ун-те под руководством Э. Р. Штерна. О тех годах Ф. писал в автобиографии: «При очень большой семье и весьма низкой оплате труда педагогов отцу жилось очень трудно. Это было причиной того, что уже с 15-ти лет я должен был зарабатывать грошовыми уроками деньги на свою одежду, а с 17-ти лет на все свое содержание. Усилия семьи были направлены, главным образом, на всестороннюю подготовку старшего брата (Бориса Владимировича. — Ю. В.), который должен был сделаться в случае смерти отца опорой семьи» (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 53, 65, 80).

В 1892 в Одесском музее Ф. выполнил первую работу по восстановлению антич. керамики. Он также подготовил иллюстрации к целому ряду публикаций в «ЗОИИД» и за эти работы был избран сотрудником ООИИД в 1896. Им составлен

весь худож.-науч. аппарат исследования его учителя о феодосийской керамике (*Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906*). Ф. усердно помогал брату Борису в его работе по изучению антич. вазовой живописи и ее связи с монументальным искусством Эллады. Им были подготовлены рисунки и выполнена реконструкция картины Полигнота «Аид», известной по описанию Павсания (X, 28–31), за что старший выразил «любозному брату» свою признательность (*Фармаковский Б. В. Аттическая вазовая живопись и ее отношения к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн. СПб., 1902. С. VII*).

Ун-т Ф. закончил в 1895 с большой зол. медалью за сочинение «**Известия Геродота о скифах и стране, ими занимаемой**», после чего получил приглашение остаться в ун-те при каф. сравнительного языкознания, но отказался от него, решив продолжить худож. образование. В том же 1895 поступил в Одесское худож. уч-ще Общ-ва изящных искусств, которое окончил в 1899 с большой сер. медалью. Осенью этого года Ф. уехал в Германию и поступил в Академию художеств в Дюссельдорфе (класс проф. Э. Ф. Гебхардта), где работал до конца 1902, выставляя картины на различных выставках. В эти же годы он занимался изучением переплетного дела и техникой изготовления красок.

С 1902 по 1906 Ф. работал в частных литографиях Одессы, стал сотрудником, а затем редактором революционно-сатирич. ж. «Звон» (конец 1905 — начало 1906). Вышло три номера, после чего журнал был закрыт полицией, а Ф. был вынужден уехать за границу. С осени 1906 он жил в Париже, где занимался химией (в Сорбонне) и техникой различных видов прикладного искусства (в т. ч. — техникой витражей). Из Парижа Ф. предпринял поездки в Бельгию, Великобританию, Нидерланды

и Германию, где систематически изучал музеи и художественно-промышленные собрания.

В 1908 вернулся в Россию и поступил на службу в Петергофскую гимназию преподавателем лат. языка. Тогда же вновь взялся за археологию и сосредоточил свою работу, гл. обр., в ИАК, которая поручила ему подготовку художественно-археол. аппарата к капитальному труду М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (Пг., 1913–1914). С этой целью он четыре года подряд ездил в командировки на юг России. В 1913 Ф. был избран чл.-корр. Комиссии. Направленный ему офиц. документ гласит, что избрание было произведено «в целях укрепления между Императорской археологической комиссией и Вами той научной связи, которая установилась путем ценного для Комиссии сотрудничества Вашего в ее трудах и изданиях» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 306. Л. 3).

Ф. исполнил для ИАК ряд работ художественно-археол. характера: копии боспорских «акварельных» ваз и значительного числа греч. надписей Черноморского побережья (для IosPE II). Ему же принадлежат рисунки к обобщающей работе брата о развитии культуры Сев. Причерноморья в период греч. колонизации региона (*Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. Табл. I, V, VI). Восстановил Ф. и знаменитую сер. накладку на горит из скифского царского кургана Солоха, изображающую сражение варваров, сопроводив ее великолепным искусствоведческим анализом (*Горит из кургана Солоха* // Изв. РАИМК. 1922. Т. 2. С. 23–48).

В характеристике, относящейся к 1930-м, о деятельности Ф. в этой сфере говорится: «Специалистам археологам широко известны его исключительные по точности воспроизведения археологических памятников; эти воспроизведения нельзя рассматривать только как художественную работу, а необходимо

считать археологической работой особенного рода, потому что в этих рисунках и акварелях автор не просто копировал объект, а пытался своими специфическими средствами расшифровать структуру археологического предмета, что придает его воспроизведениям документальную ценность» (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 329. Л. 79, 89).

Первая мировая война временно прервала дальнейшие работы Ф.: он был призван в армию в звании прапорщика ополчения, а с фронта возвращен по декрету о демобилизации учителей (дек. 1917).

В июне 1918 был избран регистратором коллекций вновь основанного Историко-бытового отдела Рус. музея, в авг. того же года — помощником хранителя, а в окт. — хранителем этого отдела. В 1919 избран чл. Ин-та археол. технологии (ИАТ) ГАИМК, с 1920 — ученым секр. и зав. Разрядом керамики и стекла Ин-та. Ф. деятельно участвовал в определении основных направлений работы ИАТ (*Институт археологической технологии* // Изв. ИАТ. 1922. Вып. 1. С. 1–8).

Большое внимание уделял Ф. изучению древней керамики, обращая внимание на своеобразие древнегреч. расписных ваз (Задачи Разряда керамики и стекла // Там же. С. 26–28, 46; *Красников В. П., Фармаковский М. В.* Керамика, ее техника и сохранение // *Материалы по методологии археол. технологии, издаваемые Ин-том археол. технологии.* Вып. 6. Л., 1926. С. 42–43). Ф. немало сделал и для изучения производства стекла в антич. мире, отметив, что «римская традиция до сих пор говорит ясным и твердым языком в современной промышленности» (Римские стекловаренные печи // *Изв. ИАТ.* 1922. Вып. 1. С. 75). Особенно велик его вклад в исследование древних тканей (*Ильин Л., Фармаковский М., Нарбут Н.* К вопросу об очистке древних тканей // *Материалы по методологии археол. технологии, издаваемые Ин-том археол. технологии.* Вып. 8. Л. 1926; *Об очистке древних тканей // Новые работы Ин-та в обл. реставрации различных материалов.* *Материалы по методологии археол. технологии, издаваемые Ин-том археол. технологии.* Вып. 12. Л., 1929. С. 10–13).

В 1930 во время «чистки» ГАИМК была подвергнута серьезной критике за ошибки, связанные с пережитками старой «интеллигентщины» и пр., а в 1931 Ф. был выслан из Ленинграда на три года по обвинению в принадлежности к «немецкому, шовинистическому обществу» Гальнбека. С 1931 по 1934 работал в Ярославском гос. музее. В июле 1934 с трудом вернулся в Ленинград и вновь был принят в существовавший с 1919 ИАТ ГАИМК, позже переименованный в Ин-т ист. технологии. Осенью того же года Ф. назначен ученым секр. Ин-та и заведующим каф. реставрации и консервации, а также руководителем аспирантов по этой кафедре. Через год стал временно исполнять должность директора Ин-та. Его вклад в разработку науч. методов консервации и реставрации археол. находок (древней керамики, штукатурки, тканей и т. д.) невозможно переоценить.

Итогом своей многолетней работы Ф. считал подготовку капитальной

монографии по реставрации и консервации древних тканей. К ее написанию он приступил в 30-е годы. В 1935 и 1937 руководство ГАИМК обращалось в вышестоящие органы с просьбой о присуждении Ф. ученой степени д-ра ист. наук без защиты дис., по совокупности его ученых трудов, но без успеха. В июле 1938 Ф. ушел из ИИМК. Свое решение он мотивировал тем, что состояние здоровья категорически требовало «менее ответственных и более спокойных форм работы», а также тем, что «без более спокойной обстановки» невозможно закончить подготовку докт. дис., подводящей итог 45-летней работы. Эта просьба была удовлетворена.

Блокаду Ленинграда Ф. пережил в осажденном городе, работал в Рус. музее. В сент. 1944 он был вновь принят в ИИМК на должность зав. Лабораторией археол. технологии. Уже после войны, в янв. 1946 состоялась защита его докт. дис. (минуя канд.) **«Методика исследований древних тканей (Основы реставрации и консервации тканей)»**. Значительная ее часть была посвящена изучению антич. ткацкого производства. Во время защиты Ф. подчеркнул, что считает себя филологом, историком и археологом, работающим для археологов.

Известный скифолог М. И. Артамонов тогда сказал о Ф.: «Он принадлежит к тем ученым-энтузиастам, которые не жалеют ни сил, ни энергии для достижения поставленной цели. В сущности именно им заложены основы нашей современной археологической технологии» (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 89. Л. 35). А М. И. Максимова с ее широким историко-филол. образованием, полученным в СПб. и окрепшем в Берлине, добавила, что в лице Ф. наша наука имеет «редкое сочетание технолога и филолога, свободно владеющего греческим и латинским языками, и кроме того сроднившегося с античной культурой». Проработав ант. источники и составив их вместе в русском переводе, Ф. сумел «построить на

этой основе схему эволюцию крашения в античную эпоху, начиная от примитивных приемов и кончая изобретением протравочного процесса и перехода к фабричному производству» (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 89. Л. 41 об.).

Ученая степень д-ра ист. наук была присуждена Ф. единогласно. После защиты дис. он не прожил и трех месяцев; похоронен рядом с могилой брата.

Литература: *Иессен А. А.* Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 165–167; *Корнилов Л. М. В.* Фармаковский // Сообщения Гос. Рус. музея. 1947. № 2. С. 48–49 ♦ Имп. Археол. комиссия; Тункина 2017.

Архивы: НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 306; Ф. 2. Оп. 3. Д. 689; Ф. 35. Оп. 5. Д. 89; Ф. 35. Оп. 5. Д. 329.

Ю. А. Виноградов

Ф Е Т

Афанасий Афанасьевич

ФСРН / ФЕТ А. А.

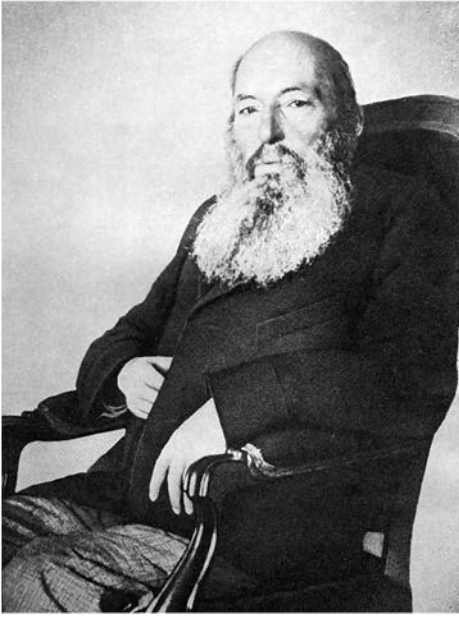
[23.11(5.12).1820 (офиц. дата — 29.11.1820), с. Новоселки, ныне Мценского р-на Орловской обл. — 21.11(3.12).1892, Москва; с. Клейменово, ныне Орловского р-на Орловской обл.], *поэт, переводчик, критик, публицист*

Сын Шарлотты-Елизаветы Фёт, жены дармштадтского чиновника Иоганна-Петера Фёта. Отставной офицер Афанасий Неофитович Шеншин, лечившийся в Германии, увез Шарлотту от мужа примерно за два месяца до рождения ребенка. Биографы Ф. не пришли к единому мнению о том, был ли он сыном Фёта или же Шеншина, тем более, что сам он давал противоречивые сведения. Ребенок был незаконно записан в церк. книге как Шеншин. До 14 лет он жил в имении Шеншина, считаясь его законным сыном, но в Орловскую духовную консисторию был сделан

донос и мальчик лишился фамилии, а с ней и дворянского звания, и российского подданства. Родители выхлопотали ему разрешение носить фамилию Фёт (с начала 1840-х она стала произноситься как Фет). Ф. всю жизнь считал это событие катастрофой и стремился вернуть утраченные права и имя. С 1873 он получил высочайшее разрешение носить фамилию Шеншин.

В 1835–1837 Ф. учился в частном нем. пансионе Крюммера (Лифляндия), затем — полгода в моск. пансионе проф. М. П. Погодина. В 1838 Ф. поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та, затем, сдав греч. язык, перевелся на словесный ф-т. Лекции читали проф. П. Г. Редкин, Н. И. Крылов; И. И. Давыдов, декан ф-та, читал эстетику, С. П. Шевырёв — историю литературы, Д. Л. Крюков — латынь, по-латыни; на уроках греч. тексты, по старой традиции, переводились и комментировались также на лат. яз. Жил в семье однокурсника, поэта и критика Ап. Григорьева. С первого курса увлекся поэзией, в 1840 выпустил сб. «Лирический пантеон». За 1842–1843 напечатал в «Москвитяине» и в «ОЗ» 85 стихотворений, начал переводить Горация.

В 1845 Ф. поступил унтер-офицером в Орденский кирасирский кавалерийский полк, расквартированный в Херсонской губ.; он надеялся, что первый же офицерский чин даст ему потомственное дворянство. Однако вышел указ, по которому дворянство обеспечивал чин капитана, а затем — только полковника; Фет, таким образом, восемь лет напрасно прослужил в провинциальной глуши. К 1848–1850 относится трагич. роман Ф. с М. К. Лазич. Не имея средств к существованию и зная, что его подруга — бесприданница, Ф. не решился жениться. Через несколько месяцев Лазич погибла в пожаре; возможно, это было самоубийство. Лазич посвящено множество стихотворений, в т. ч. с антич. мотивами и образами: «Не говори, мой друг...», «В тиши и мраке таинственной

ночи...», «Alter ego», «Ты отстрадала, я еще страдаю...» и др. После гибели М. Лазич Ф. около трех лет почти ничего не писал, лишь иногда переводил Горация, за что сослуживцы насмешливо называли его «дубовым классиком».

В 1850 в Москве вышел сб. «Стихотворения А. Фета», сформированный еще в 1847. Новый период творчества начинается в 1853, когда Ф. переходит в Лейб-уланский полк, расквартированный под Новгородом. Теперь Ф. часто бывает в Петербурге, где сближается с кружком писателей — сотрудников ж. «Современник», которые помогают ему выйти из творческого кризиса. По совету Тургенева, чтобы пробудить поэтическое вдохновение, Ф. снова начинает переводить Горация. В 1856 выходит перевод четырех книг од Горация, и в том же году появляется сб. «Стихотворения А. А. Фета», принесший Ф. всероссийскую известность. На него пишут восторженные рецензии столичные критики В. П. Боткин

и А. В. Дружинин, назвавшие главной особенностью поэзии Ф. «уловление неуловимого» — тончайших красок в природе и движений человеческой души; при этом они хвалят и многочисленные стихотворения Ф. в духе Греческой антологии, которая, таким образом, оказывается союзницей «чистого искусства».

В 1856 Ф. взял годовой отпуск, побывал в Германии, Франции и Италии. В 1857 женился на М. П. Боткиной, сестре лит. критика В. П. Боткина. Между тем с конца 1850-х в литературе начинают утверждаться идеи утилитарного искусства, обязанного «служить народу», а Ф. с его иррационализмом и импрессионизмом, с проповедью «искусства для искусства» все определеннее теряет популярность. После оскорбительной рец. М. Лавренского (Д. Л. Михаловского) на перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» Ф. перестает печататься в «Современнике», затем и в др. журналах. В 1863 выходит двухтомное СС, и Ф. на полтора десятилетия уходит из литературы.

В поисках материальной и духовной опоры Ф. в 1860 покупает хутор Степановку и 200 десятин земли в Мценском уезде и в течение пятнадцати лет успешно занимается сельск. хозяйством, называя себя «фермером». С 1862 Ф. печатает в «РВ» ряд очерков, пытаясь осмыслить резкие перемены, происходящие в пореформенной деревне. Записки эти вызвали интерес читателей, но и насмешливые отклики М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Писарева и др. В 1877 уставший и постаревший Ф. продал Степановку, оставил сельскохозяйственные заботы и поселился в имении Воробьевка в Курской губ. Теперь его поэтич. творчество возобновляется. Выходят четыре вып. сб. «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888, 1891); переводы нем., франц., лат. классиков. Издаются мемуары Ф.: «Мои воспоминания» (М., 1890. Т. 1–2; далее сокращенно: МВ) и, уже после его смерти, «Ранние годы моей жизни» (М., 1893; далее сокращенно: РГ).

Переводы римск. классиков в наследии Ф. по объему намного превышают его оригинальное творчество. Ф. перевел всего Горация (1883), сатиры Ювенала (1885), стихотворения Катулла (1886), элегии Тибулла (1886), «Энеиду» Вергилия (1888), элегии Проперция (1888), сатиры Персия (1889), почти все эпиграммы Марциала (1891), главы из поэмы Лукреция «О природе вещей» (1891, не закончено), комедию Плавта «Горшок» (1891), «Метаморфозы», «Любовные элегии» (1887) и «Тристии» (1892) Овидия. Переводил Ф. и с древнегреч. языка: эпиграмма из Адриана («Архилох»), из Анакреонта («Сядь, Вафилл, в тени отрадной») печатались при его жизни. В ОР РГБ (Ф. 315. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 6 об. – 8 об. Ед. хр. 30) хранятся еще шесть переводов из Анакреонта (в «Записной книжке» — конец 1870 — начало 1880-х).

По признанию Ф., интерес к литературному переводу пробудился у него рано, «по седьмому году от роду»: «...по ночам, проснувшись, я томился сладостной попыткой переводить немецкую басню на русский язык» (РГ. С. 17–18). Примечательно, что первые попытки поэтич. творчества принимали у Ф. именно форму перевода. До четырнадцати лет он учился дома. О лат. уроках вспоминал, цитируя «Энеиду» Вергилия: «Несказанную скорбь обновлять ты велишь мне, царица...» (РГ. С. 65). Настоящая учеба началась, когда Ф. был отправлен в пансион Крюммера, в лифляндском г. Верро (ныне Выру, Эстония). Три года пребывания в пансионе сыграли важную роль в судьбе поэта. Принято считать, что Ф. «сослали» так далеко от дома только из-за внезапно открывшегося подлога в метрич. свидетельстве (*Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. Л., 2¹⁹⁹⁰. С. 8). Но пансион Крюммера не был захолустным учеб. заведением. Биограф поэта Г. П. Блок писал о «мудром немце Крюммере»: «Это имя в те времена гремело. Его чтили и дерптские профессора, и местные бароны. <...> Знали о нем и в прусских школах» (*Блок Г. П.* Рождение поэта: повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 15). По воспоминаниям Ф., Крюммер говорил:

«Главное значение школы в моих глазах не те или другие сведения, которые сами по себе большею частью являются совершенно бесполезными в жизни, а в привычке к умственному труду <...>. Упражнять разум для будущего правильного мышления можно только математикой и древними языками» (РГ. С. 114–115). Лат. языком занимались по несколько часов ежедневно. Когда Ф. поступал в пансион М. П. Погодина, он мог переводить с листа «Энеиду». Со второго года обучения прибавляли греч. язык, по одному часу в день. Словесность преподавал кандидат богословия Йенского ун-та Х. Айзеншмидт, знаток творчества Гёте и Шиллера, а также древних языков, убежденный сторонник классич. образования (*Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt und aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860).

О начале своей работы над Горацием Ф. вспоминал: «Увлеченный до крайности выпуклыми и изящными объяснениями Дм. Льв. Крюковым Горация, я представил последнему свой стихотворный перевод оды Горация, кн. I, XIV, *К республике*» (РГ. С. 210). Крюков перевел и сам: ОЗ. 1856. Т. 106. С. 27–28; РГ. С. 211. В сб. «Лирический пантеон» (1840) были напечатаны оды I, 5 и I, 25. Переводы из Горация и Гёте вызвали наибольшие похвалы критики: «Для нас всего отраднее и утешительнее <...> знакомство очень близкое и родственное автора этих стихотворений с древней лирической музой, и потом — с вдохновенною музою Гёте, которая в спокойном величии часто так близко подходит к своей, уже отягченной годами, но вечно юной подруге. Переводы из Гёте и Горация служат тому доказательством!» (*Кудрявцев П. Н.* «Лирический пантеон» А. Ф. // ОЗ. 1840. № 12. С. 40–42). Переводы Горация одобрял и проф. С. П. Шевырёв: «Он отнесся с великим участием к моим стихотворным трудам и снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли» (РГ. С. 209). В поэме «Студент» (1884)

Ф. также вспоминал об этих беседах: «И за полночь мы за стаканом чаю / Сидим, вникаем в римского певца...». Примечательно, что занятия Горацием служили, как сказали бы теперь, социальной адаптации Ф., в которой он в тот момент весьма нуждался. Важно и другое: многие исследователи отмечали, что Ф. как поэт созрел чрезвычайно быстро. Одно из объяснений этому — тщательная работа в начале творческого пути над языком переводов, явившаяся для него серьезной школой, а, возможно, и толчком, разбудившим поэтич. вдохновение. В 1844 Шевырѐв напечатал в первой книге «Москвитянина», редактором которого он был, тринадцать переводов Ф.: оды 1, 2, 4, 5, 8, 9, 13, 14, 17, 22, 23, 25, 38 из первой книги.

После окончания ун-та Ф., получив место в полку, продолжает заниматься Горацием. Эти переводы были нитью, связывавшей его с лит. жизнью, средством преодолеть духовное одиночество. 30 апр. 1847 он сообщал Я. П. Полонскому о завершении перевода первой книги од Горация, а в письмах к С. П. Шевырѐву от 10 июня и 30 окт. 1848 — о работе над переводами од второй книги (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 753, 758). Шевырѐв напечатал две из них в «Москвитянин» за 1849 год (Москвитянин. 1849. Ч. 1. Отд. 2. С. 37; Ч. 6. Отд. 1. С. 331–332).

Роль переводов из антич. поэзии оказалась значительной и в пору «Современника». Ф. так вспоминал свою встречу с Тургеневым в 1853: «Новых стихотворений в то время у меня почти не было, но Тургенев не переставал восхищаться моими переводами од Горация, так что, по просьбе его, смотрившего в оригинал, я прочел ему почти все переведенные в то время две первые книги од». Тургенев убеждал Ф. переводить дальше: «Как скоро окончите оды, я сочту своим долгом и заслугой перед нашей словесностью напечатать ваш перевод» (МВ. Т. 1. С. 6–7). Ф. последовал его совету: «...я захватил с собою Горация в объяснениях Ореллия и принялся переводить самые трудные оды из второй и третьей книг.

Сначала я пришел в совершенное отчаяние от возникавших на каждой строке затруднений; но с каждой новой победой я все более осваивался с атмосферой моего труда, все более и более отрадного. К величайшей радости моей, я в месяц, проведенный в Лопухинке, окончательно перевел две последние книги од, тогда как перевод первых двух тянулся в продолжение пятнадцати лет» (Там же. С. 27).

За месяц было переведено 45 стихотворений (III и IV книги од). С этого момента и в оригинальном творчестве Ф. намечается явный подъем: начиная с 1854, стихотворения идут почти тем же потоком, что и в первой половине 40-х. Отделка и доработка од Горация продолжалась до 1856-го. Большую роль в подготовке их к изданию сыграл Тургенев; он просмотрел весь перевод с оригиналом в руках. Все четыре книги од были напечатаны в «ОЗ» в 1856. Тогда же перевод вышел отд. книгой. В 1857 Ф. напечатал в «БдЧ» «Песнь столетию» (Carmen saeculare); в сб. 1863 — перевод II эпода. Но интерес общества к лат. классикам падал, у Ф. все меньше находилось возможностей печататься, в особенности после ухода из «Современника», что, кажется, на полтора столетия предопределило отрицательное отношение критиков к фетовским переводам. Некоторые переводы из Горация, выполненные, возможно, еще до выхода в свет СС 1863 и сохранившиеся в Тетради автографов, находящейся в ОР РГБ (сатиры 1, 2, 3 из кн. I и эпод 13), так и остались на долгий срок «в столе». В 1860-х Ф. перевел «Послание к Пизонам», но опубликовать его в то время также не сумел.

Примечательно, что Тургенев, пытаясь вывести Ф. из творческого кризиса, предлагал именно переводческую работу. В письме от 5, 7 (17, 19) нояб. 1860 он писал Фету: «Или Вы, не шутя, считаете себя в отставке? Знаете ли что? Попробуйте перечить Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию

в неделю — «ничего, можно»» (*Тургенев И. С. ПССИП*: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 4. М., 21987. С. 259).

Новый творческий подъем начался в 1880-е. И вновь возвращение в литературу ознаменовалось обращением к переводам: в 1881 Ф. выпустил перевод кн. А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», затем — «Фауста» Гёте, а к 1882 завершил перевод Горация — и спустя год вышел, после долгого перерыва, первый сб. новых стихотворений «Вечерние огни». В 1883 полный перевод Горация был напечатан в Петербурге, а в 1884 Ф. была приговорена за него первая в России полная Пушкинская премия. В 1886 за переводы римск. классиков Ф. был избран чл.-корр. Петерб. АН; сам поэт делом своей жизни считал перевод Горация.

Постоянное обращение к миру античности соответствовало особенностям личности поэта. В этой работе сказалось то же стремление уйти от повседневности в мир более высокий и идеальный, которое пронизывало и все оригинальное творчество Ф. Особенно явно это проявилось с начала 1860-х, когда Ф., фактически изгнанный из литературы, поселился в деревне и начал трудную жизнь «фермера». Свою деятельность Ф. воспринимал и как выполнение дворянского долга перед рус. деревней, и как реализацию горацианской философии «золотой середины»: скромное сельск. уединение, маленький круг друзей-единомышленников, достоинство и спокойствие души вдали от шума толпы. В письмах, а затем и в очерках («Записки о вольнонаемном труде», «Из деревни») Ф. рисует уединенное сельск. счастье в духе Горация: «отдохнуть среди своих полей, где, как говорит Гораций, “Вокруг тебя с ревом пасутся коровы...”» (*Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство*. М., 2001. С. 60). Возможно, как раз послания Горация укрепили Ф. в решении писать деревенские очерки в духе Горациева послания I, 16 с его любопытной смесью

житейски-расчетливых соображений и возвышенных филос. идей.

Импонировали Ф. и полит. взгляды Горация, уважение к единовластию, которое представлялось ему оплотом спокойствия в стране, и, вместе с тем, духовная свобода частного человека, живущего уединенно и независимо. Перевод четырех книг од был посвящен Александру II (1856). В предисловии к полному переводу (1883) Фет прямо сравнивает Александра II с Августом: «Не можем не остановить внимание юношества на духовной связи между произведениями бессмертного римского поэта и посвящением их приснопамятному имени отошедшего монарха. Этот монарх даровал стране своей свободу. <...> Начало истинной свободы есть свобода духовная. <...> Август не только создал императорскую власть, но завещал ее векам. В бозе почивший монарх даровал нам гражданскую свободу. Если мы умеем ценить его дар, то должны заслужить его духовной свободой и честным трудом» (К. Гораций Флакк / в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883. С. V–VI).

В споре о том, каким должен быть перевод, «буквальным» или «вольным», Ф. стоял на защите буквального перевода. Он считал, что перевод должен стремиться донести до читателя не только сюжет и образы, но и точное количество строк подлинника, своеобразное строение фразы, сохранять по возможности игру слов и др. особенности оригинала. «Буквализм» как переводческое кредо был связан с его отношением к античности. Ф. стремился воспроизводить антич. поэзию в первоизданном виде — и в то же время сделать ее доступной менее подготовленному читателю. Стремление к точности побуждало его и к новаторской работе над языком: эксперименты, игра со словом, подчас рискованная — смелое сочетание архаизмов и придуманных им самим неологизмов, неожиданный, несвойственный рус. языку порядок слов во фразе.

Ф. вспоминал: «...неиспытанный не может представить себе всей наркотической смеси ощущений над подобной работой. Это томительное, устойчивое напряжение, эта

светлая радость при неожиданной находке, эти слова, которые добрый Гораций как будто подбирает так, чтобы они рифмовались в конце русского стиха, все это веяло на меня опьяняющим пафосом. Если вдохновение — горячка и вместе лихорадка, то могу сказать, что я переводил Горация по вдохновению. Удивительно ли, что, когда он переходил, так сказать, целиком в мои объятия, я не смел поправить на нем и волоска. Мне жаль было изменить в его глаголе время или переместить слово, точно так же, как бывает жаль человеку передвинуть в комнате кресло, на котором любил сидеть его добрый отец или умерла любимая мать» (Фет А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // ОЗ. 1856. № 6. Отд. 2. С. 30).

В современном понимании Ф., конечно, буквалистом не был: он переводил рифмованным стихом, хотя иногда был согласен перевести Горация без рифм, о чем свидетельствуют оды I, 28; II, 8; IV, 7, размер которых (2-я архилохова, 1-я сапфич. и 1-я архилохова строфы) он воспроизвел. Без рифм обходились и дальнейшие переводы из Горация (эподы, сатиры, послания) и более поздние переводы из др. лат. поэтов (кроме Катулла). Но, считая античные размеры несвойственными рус. стиху, Фет писал: «Сочинять Горация, исказить произвольной формой, или, с другой стороны, опошлять буквальным переводом, заставив русский язык хромать по несвойственным ему асклепиадеям, архилохам, пифиямбикам и т. д., я не мог решиться» (Ответ на статью... С. 29). В 1883, при издании полного Горация, Ф. вернулся к вопросу о рифме: «Оды Горация, как и вообще произведения античной лиры — песни, музыка с определенным, часто весьма причудливым метром, которому подражать на новейших языках невозможно, а песнь, как стрела, требует быть оперенной. В наших условиях это достижимо только при помощи рифмы. При сложности задачи переводчику не поможет ни труд, ни знакомство с оригиналом; ему нужна удача, которую называют

вдохновением. Кто-то прекрасно сказал, что всякий перевод представляет только изнанку ковра. Если наш перевод действительно представляет изнанку тонкого и яркого ковра, сотканного музой Горация, то сочтем труд наш вознагражденным» (К. Гораций Флакк. С. 4).

Переводы Ф. в целом положительно оценивались современниками на протяжении 1840–1850-х. Их охотно публиковали «Москвитянин», «Современник», «ОЗ», «Русское слово» и др. периодич. издания. Высоко ценил их Ап. Григорьев, сам испытывавший влияние Ф. как переводчика: «...в переводах же од Горация <...> стих его достигает необыкновенной силы, ловкости и чистоты отделки; выражение идет почти рука об руку с Горациевым, и можно смело сказать, что такого перевода Горация нет ни в одной литературе» (Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. С. 86).

Первая развернутая критика — две статьи известного впоследствии казанского классика С. П. Шестакова (Оды Горация в переводе г. Фета // РВ. 1856. Т. 1. Февр. С. 562–578; Еще несколько слов о русском переводе Горациевых од // Там же. 1856. Т. 6, кн. 2. Дек. С. 620–646). Шестаков называет труд Ф. «подвигом», но указывает на множество неточностей. Ф. не принял большинство поправок и возразил против общей концепции статьи, рисующей Горация поэтом аполитичным, безразличным к умственным и нравственным спорам своего времени (Фет А. Ответ на статью... С. 27–44).

К концу 1850-х у переводов Ф. появился более серьезный враг — утилитарный подход к литературе, провозглашенный радикально-демократич. критикой. Первым сигналом такого рода стала рец. Н. Г. Чернышевского. «Кроме очень немногих, слишком строгих, или лучше сказать, слишком придирчивых критиков, по нашему мнению, несправедливых к труду г. Фета, все ценители соглашались, что этот перевод Горация приносит

большую честь переводчику». Однако на читателя перевод, по мнению критика, впечатления не произвел: «Мы привыкли искать в лирической поэзии пафоса, пламенного одушевления, страсти. Пафос же Горация — золотая середина. Это поэт формы, тонкой и тщательной отделки. <...> Такое содержание не увлечет людей нашего века» (*Чернышевский Н. Г. ПСС: в 15 т. Т. 4. М., 1948. С. 507–509*).

Вновь о переводах Ф. заговорили в начале 1880-х, когда вышел его полный перевод Горация и начали публиковаться переводы других римск. поэтов. Филологи-классики В. И. Модестов, И. В. Помяловский, А. В. Олсуфьев дали работам высокую оценку (*Модестов В. Гораций в русском переводе // Новости и Биржевая газета. 1884. 24 янв. С. 1–2; Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 г. с прил. рец. проф. И. В. Помяловского // Сб. ОРЯС Имп. АН СПб., 1885. Т. 36. С. 1–62; Олсуфьев А. В. Ювенал в переводе г. Фета: извлечение из «ЖМНП». СПб., 1886*). Специалистов привлекала точность переводов, хорошее понимание подлинника — и при этом высокие поэтич. достоинства версий Ф.

Но отзывы лит. критики были по-прежнему неблагоприятны. Так, М. Петропавловский, рассматривая переводы Горация, Ювенала, Тибулла, Катуллы, признает их «неудовлетворительными»: «Они написаны таким языком, который не может быть сносным в настоящее время. Не говоря о Жуковском, Пушкине и других, отделенных от нас полу-столетием, переводы Кошанского и Мерзлякова в иных местах не хуже» (*Петропавловский. С. 7–8*).

Стороннику некой нейтральной языковой «нормы» Петропавловскому целый ряд выражений («из стари из самой», вихрь «пожрет дорогу», «твердость железа ковать», «звуконогий», «кто настолько железен», «ослеплены алчбой») казались странными и неблагозвучными. Особенно возмущала его «искусственная» расстановка слов

чуть не в каждом стихе: «Нет, ни одна похвалиться такой к ней любовью не может / Женщина сильной, какой Лесбию сам я люблю» (Катулл, 87). «Точностью перевода нужно жертвовать для чистоты и изящности родной речи» (*Петропавловский. С. 11*). Проф. Новорос. ун-та В. Лазурский, который некоторое время учил древним языкам детей Л. Н. Толстого, осудил стремление Ф. сохранить количество строк оригинала и переводить «стих в стих, слово в слово»; он ставит в вину Фету «тяжелый и неудобопонятный буквализм» (*Лазурский В. А. Фет (Шеншин) как поэт, переводчик и мыслитель // РМ. 1894. № 2. Отд. 2. С. 28–40*).

Осуждение манеры Фета-переводчика характерно и для XX в. Л. А. Гессен писал: «Такой формализм, приводивший зачастую к искажению русского языка, был характерен для его переводческой практики, которая нередко встречала осуждение в передовых литературных кругах» (*Русские писатели о переводе. XVIII–XX вв.: сб. ст. Л., 1960. С. 323*). А. В. Фёдоров считал, что Фет совершал «...насилие над языком перевода, допускал навязывание ему совершенно чуждых грамматических форм» (*Русские писатели и проблемы перевода // Русские писатели о переводе. XVIII–XX вв. Л., 1960. С. 21*).

При этом в статьях критиков декларируются одновременно две взаимоисключающие идеи. Первая: Ф. — буквалист, в погоне за точностью растерявший художественность. Вторая: Ф. — вольный переводчик, бесконечно и неоправданно отступающий от подлинника, его переводы изобилуют ошибками, а потому ценности не представляют. Тщательное исследование корпуса лучших переводов Ф. (из Горация) позволяет опровергнуть эти суждения и сделать иной вывод о характере отступлений от подлинника.

Переводы Ф. не были в прямом смысле ни эквиметрич., ни буквальными. Но они не были и вольными, не только как у Курочкина и Михаловского, но и у Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Майкова, Мейя. Время показало, что Ф. верно

предугадал будущие пути развития перевода — в сторону все большей точности в воспроизведении лексич. и стилистич. особенностей подлинника, внимательного и филологически грамотного его изучения. Деятельность Ф.-переводчика антич. поэтов, продолжавшаяся почти полвека, является существенной частью не только его творчества, но и истории рус. переводной литературы.

Вопрос о роли античности в российской культуре рассматривается в публицистике Ф. Статья «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» [Лит. б.-ка. 1867. Т. 5. Кн. 7/8. Апр. (кн. 1 и 2). С. 48–69] появилась в эпоху жарких дискуссий о пользе преподавания классич. языков в гимназии: в 1866 министр народного просвещения Д. А. Толстой начинает готовить реформу гимназич. образования (документ принят 19 июня 1871).

Ф. сравнивает культуру Греции с солнечным Аполлоном, а пришедшее ей на смену Средневековье — с порождением духовного мрака, Пифоном: «Один только древний грек — этот благоуханный цветок человечества — всем гармоническим существом вынес на свет Божий атмосферу всесторонней культуры», «убил Пифона, этого змия неподвижности и мрака» (Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. СПб., 2006. С. 294). Только греки передали римлянам и завещали векам «откровение всестороннего образования <...>. И Европа ревностно блюдет завещанный ей священный огонь. Все ее музеи, академии, книгохранилища, школы, судилища, театры, цирки — не что иное, как светильники этого огня» (С. 295). «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека» (Там же). Но для современного человека — это тяжкий труд, он наследник не греков, а варваров, он «сын железного века <...>, и если он желает быть сопричастным единственно всесторонней культуре, то нужно прежде, чтобы Аполлон убил в нем Пифона» (С. 296) «Для древних

Пифон был вне, в теперешнее время он с нами, он в нас самих. Стоит нам только забыть непосредственное общение с богом света — и наш родимый варварский Пифон в ту же минуту с яростью подымает тысячи черных, узких сектаторских голов своих» (С. 297). Ф. считает необходимым приобщаться к антич. культуре, читая подлинники, по нескольким причинам: только так можно воспитать человека широко и свободно мыслящего; это единственный путь приобщения к европ. пути развития, ведущему от античности через Возрождение; это путь создания новой рус. аристократии — умственной и нравственной элиты, которая, по мнению Ф., необходима для России.

Литература: *Петропавловский М.* Римские поэты в переводе А. Фета // ФЗ. 1886. Вып. 4. С. 7–11; *Фет А.* Воспоминания: в 3 т. Репринт. изд. 1890. Т. 1–3. М., 1992; *Фет А. А.* Сочинения и письма: в 20 т. Т. 2: Переводы. 1839–1863. СПб., 2004; *Успенская А. В.* А. А. Фет — переводчик античных поэтов // Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005 ♦ *Свиасов РП;* *Смышляева 2015;* *Busch.*

Архивы: ОР РГБ. Ф. 315; РО ИРЛИ. Ф. 377. 78 ед. хр. 1856–1892.

А. В. Успенская

ФОГЕЛЬ Андрей Магнусович

VOGEL Andreas

[23.1(4.2).1852, Валковский у.
Лифляндской губ. — 11(23).10.1897,
Нежин Черниговской губ.],
филолог

Из семьи нем. арендатора. Рано остался без отца, воспитывался дядей, инспектором Дерпт. городского уч-ща. По окончании Дерпт. гимназии (1869) учился в Петерб. ИФИ (1869–1873). После выпуска недолго преподавал древние языки в Ларинской гимназии на Васильевском

острове и в гимназии Петерб. ИФИ. В 1874–1876, причисленный к МНП, был командирован с науч. целью за границу: занимался преимущ. в Лейпциге, одновременно преподавая рус. язык в Лейпц. ФС. Вернувшись в Россию, получил направление в Неж. ИФИ, где прослужил вплоть до своей смерти: наставник и преподаватель лат. языка (1876), экстр. проф. каф. римск. словесности (1883; утвержден в 1888), орд. проф. (1893); в разные годы выполнял еще обязанности библиотекаря, учен. секр. и чл. правления Ин-та. Магистр дис. «*P. Terentii Afri Eunuchus*» (защитена: Киевск. ун-т, 1887).

Филол. склонности Ф. сформировались еще на занятиях с дерпт. наставниками и окончательно окрепли в семинарах А. К. Науки и Л. А. Миллера. Традиционная экзегеза лат. текста (преимущ. Теренция, Цицерона, Ливия, Горация, Саллюстия, Вергилия) была главной темой его публикаций — немногочисленных, так как напряженной науч. работе Ф. с юности препятствовало плохое здоровье, а эпилепсия и слабые легкие делали затруднительными для него науч. командировки. Следует отметить в особенности «*Quaestionum Tullianarum specimen*» (Митава, 1875), «*Vergiliana*» (ЖМНП. 1884. Май). Признание у отеч. классиков получило его учеб. издание Ливия «*T. Livi ab urbe condita liber XXX*» (Изв. Неж. ИФИ. 1889. Т. 11; и отд. — М.; см. также: **Несколько заметок к критике текста XXX кн. Ливия** // ЖМНП. 1889. Ноябрь.), где критика оценила качество лат. текста, «перепечатанного не пассивно, а с некоторыми исправлениями», и обширный реальный комментарий (ЖМНП. 1891. Февр. С. 66); бывший сослуживец Ф. по Неж. ИФИ Г. Э. Зенгер назвал это издание Ливия «прекрасным» (ФО. 1896. Т. 10. С. 52, примеч. 2). Скрупулезная проработка текста, перевод и комментарий Ф. стали подспорьем для последующих переводчиков Ливия, начиная с Я. Г. Мищенко — брата известного

историка античности Ф. Г. Мищенко (см. рец. А. И. Маленко: ФО. 1894. Т. 7. С. 34).

Пребывание Ф. в Германии в годы триумфа науч. школ Ф. Ричля и Г. Курциуса сориентировало его на занятия архаич. латынью. Целью своей дис. «*P. Terentii Afri Eunuchus*. С введением, объяснениями и критическим прибавлением» (Киев, 1884; Изв. Неж. ИФИ. 1884–1886. Т. 9–10) он назвал «удовлетворяющее, по возможности, современным требованиям филологической науки» издание «Евнуха» для нужд молодых филологов.

Лат. тексту (на основе свежей рец. Ф. Умфенбаха) с комплексным комментарием предшествует обсуждение сюжета комедии, сопоставленной с эпизодами из «Евнуха» и «Льстеца» Менандра (гл. I), лит. приемов Теренция с учетом полемики Теренциева соперника, Луция Ланувина (гл. II); обсуждаются сверх этого просодич. (гл. III–IV) и метрич. (гл. V–VI) характеристики стиха Теренция. В своих наблюдениях над стилем и языком Теренция Ф. отталкивается от комедии Плавта и классич. римск. прозы. П. Н. Черняев (Подробное обозрение изданий Теренция в связи с краткой историей изучения комедий этого автора // Гимназия. 1896. № 11–12. С. 26), сам долго занимавшийся языком Теренция, назвал этот труд Ф. «весьма добросовестным» и «вполне удовлетворяющим современным требованиям филологической науки».

Различным аспектам языка и стиля римск. поэзии посвящены статьи: «**О контаминации**» (ЖМНП. 1882. Апр.; содержание термина и типы контаминации); «**Критико-экзегетические заметки**» (Там же. 1883. Сент.; анализ синтаксич. конструкций в языке «Тристий») и «**Метрические заметки**» (Там же. 1883. Дек.). Методич. материалы к курсам Ф. — «**Избранные элегии Публия Овидия**» (Киев, 1884), диалог «**M. Tulli Ciceronis Cato major de senectute, с объяснениями**» (Изв. Неж. ИФИ. 1895. Т. 14) — составлены столь же добросовестно, с интересным лексич. и стилистич. комментарием, биогр. очерками

и подробным *index rerum* (в котором присутствует даже статья «Roma»).

В Нежине, где Ф. читал курс истории римск. литературы и комментировал авторов, его вспоминали как «знатока своего предмета, превосходного преподавателя, доброго товарища, человека ясного ума и твердой воли, глубоко проникнутого чувством долга» (Нежин. 1900. С. 66).

Литература: Пам. книжки СПБИФИ 1874, 1887, 1892, 1898, 1902; 50-летие С.-Петербург. Ларинской гимназии. СПб., 1886; *Ждано в С. Н. А. М. Фогель: некролог* // Изв. Неж. ИФИ. 1898. Т. 16 ♦ Брокгауз; Нагуевский; Латышев; Воронков; Нежин 1900; Рус. интеллигенция; EAD; DBVL.

Архивы: *Отд. документы и письма в петерб. архивах:* РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); ЦГИА СПб Ф. 53 (Петербург. ИФИ, в т. ч. студ. дело — Ед. хр. 223).

В. П. Смышляева

ФОККОВ (ФОКОВ)

Николай Федорович

FOKKOV N. F.

[4(16).12.1839 (1838?), ? —
20.11(2.12).1902 (1903?), ?],
филолог, переводчик

Сын белорус. дьякона. По окончании Петерб. ун-та (1868, кандидат; однокурсник историка искусства А. В. Прахова) преподавал на Кавказе: учитель древних языков Пятигорской (1868–1869) и Тифлисской (1869–1870) гимназий. Вернувшись в Петербург, поступил учителем греч. языка в Петерб. 6-ю гимназию (с 1873 инспектор). Преподавал и в др. учеб. заведениях, в т. ч. в гимназии Человеколюбивого общ-ва (1872–1873), в Уч-ще правоведения (1873–1874) и в СПбДА (1880–1883; после отставки В. И. Модестова, которая совпала с зарубежной стажировкой А. И. Садова). В 1870-е помощник редактора «ЖМНП». Инспектор Петерб. УО (1877–1879), чл. Учен. комитета

(1880–1884). После сокращения штатов СПбДА (с введением нового устава) был направлен в Киевск. ун-т: прив.-доц. каф. классич. филологии (с дек. 1884). В 1889 перешел в Неж. ИФИ: экстр. проф. Выйдя в отставку (1891), жил вплоть до смерти (от сердечного приступа) на собственном хуторе.

Известен двумя оригинальными событиями по экзегезе греч. христианских текстов — они адресованы преимущ. воспитанникам духовных заведений и цитируются до настоящего времени в исследованиях по библейской герменевтике: «**К чтению церковного греческого текста**» (Киев, 1886) и «**К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского**» (М., 1887). Их публикации предшествовало появление гимназич. учебников «**Грамматика греческого языка**» (СПб., 1870), «**Учебник греческого языка**» (Т. 1–2. СПб., 1871–1872), «**Словообразование и синтаксис греческого языка**» (СПб., 1877), составленных «на основании главнейших положений сравнительного языкознания» (по Г. Курциусу).

Ф. Ф. Гельбке в обстоятельной рец. на «Учебник греческого языка» (ЖМНП. 1873. Сент. С. 59–76) отметил ряд композиционных и методич. недоработок «усердного деятеля в области греческого языка» Ф., но в целом хвалил замысел обновления пособий «научным методом Курциуса» и богатство упражнений на перевод, в которых Ф., по мнению рецензента, превзошел даже Кюнера. А. Сонцов (Наши греческие учебники // Там же. 1876. Авг. С. 81–94), также одобряя некоторые достоинства пособия (акцент на аттич. диалекте как базовом при изложении грамматики, интересно составленные упражнения), не выделил, однако, Ф. из числа неумелых российских «подражателей Курциуса» (впрочем, поставил все же его пособие выше учебника И. Ф. Шрамка). Примечательны для своего времени возражения этого рецензента против лингвистич. терминологии Ф. (напр., «дифтонг», «сигматический», «асигматический», «геминация» и т. п.), непривычной тогда в отеч. пособиях по древним языкам.

В «ЖМНП» и «ОЗ» 1870-х гг. Ф. печатал, в т. ч. без подписи, отклики на переводы иностр. науч. изданий. Он сам перевел первый том — до учения Сократа — «Истории философии» Ф. Ибервега (СПб., 1876) и, со слов Садова (Николай Федорович Фокков // ФЗ. 1910. № 3. С. 373), трагедию «Юлий Цезарь» У. Шекспира (опубликована не была). В 1873–1874 напечатал несколько лат. текстов, в т. ч. «**P. Vergilii Maronis Bucolica. Ecloga I**» (ЖМНП. 1873. Сент. С. 48–58; с вступлением и комментариями), и переводов: «**Ода (Lib. III, carm. XXX) Кв. Горация**» (ЖМНП. 1873. Дек. С. 137–142), «**Альбия Тибулла элегия X**» (ЖМНП. 1874. Май. С. 15–19).

Переводы Ф. близки к оригиналу по смыслу и ритму, хотя и не свободны от «модернизмов» и др. стилистич. неловкостей (Busch. S. 203). Образец из перевода Ф. (Гораций. К Мельпомене // ЖМНП. 1873. Дек.): «...Нет, не весь я умру. Большая часть меня / Избежит похорон, буду в потомстве я / Возрастать похвалой, буду все нов, пока / В Капитолий идет с девой безмолвной жрец. / Будет речь обо мне, где бурлит злой Ауфид / И где бедный водой Давн полудикими / Правил подданными; славен я из простых: / Ведь я первый возвел песнь итальянскую / В эолический лад».

В аудитории, помимо греч. и лат. грамматики, Ф. читал историю греч. литературы и комментировал авторов (Плутарх, Платон, Софокл, Аристофан, Феогнид и др). На молодого Ю. А. Кулаковского, мечтавшего о перспективном в науч. плане коллеге, присланный руководством МНП временно (на место П. И. Аландского) Ф., называвший своим методич. идеалом Г. И. Лапшина, произвел невыгодное впечатление «учителя гимназии и не больше», без «малейшего намека на научность и ученость», без чего преподавание не «полезно для начинающих университетский курс» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 905. Л. 90, 105 и об.). «Странными» и «оригинальными, только неизвестно какую публику имеющими

в виду», находил он и пособия Ф., однако со временем стал уважать ровного в общении и скромного коллегу. Пользовался Ф. и расположением попечителя Киевск. УО, уверенного, видимо, в значительности его петерб. связей.

Литература: Пятидесятилетний юбилей имп. Уч-ща правоведения. СПб., 1886; Чистович И. А. С.-Петербург. академия за последние 30 лет. СПб., 1889; 75-летие гимназии имп. Человеколюбивого общ-ва. СПб., 1898; Малейн А. И. Краткий очерк деятельности ОКФП за первое 25-летие его существования // ФО. 1899. Т. 17; Буткевич К. Ф., Николаев Л. П. Ист. записка, изданная ко дню 50-летия С.-Петербурга. 6-й гимназии. 1862–1912. СПб., 1912 ♦ Нагуевский; Прозоров; Нежин 1900; Воронков; Свиясов; Рус. интеллигенция; Дроздов и Федорченко.

Архивы: Отд. документы и письма: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров); РГИА. Ф. 733, 1268 (Кавказский комитет), 1574 (К. П. Победоносцев).

В. П. Смышляева

ФОХТ Рихард Августович

VOIGT / FOCHT

Johann Richard Georg

[9.1.1834, Гейтхайн, Саксония — 24.7(6.8).1914, Нежин, ныне Черниговской обл. Украины],
филолог

После начального домашнего обучения занимался в четырехклассной — элитной в смысле преподавания древних языков — Fürstenschule в саксонской Гримме (с 1847), затем изучал теологию в ун-тах Эрлангена (1852–1853) и Лейпцига (1853–1856), одновременно посещая семинары по классич. филологии. Выйдя из ун-та, в течение года служил учителем древних языков в Гримме (комментировал Лукиана, Непота и Федра), позже преподавал в Дрездене (ин-т Краузе) и в гимназии г. Циттау. С 1859 по 1875 жил

в Петербурге: преподаватель древних языков Уч-ща св. Анны (1859–1874) и Петерб. ИФИ (1867–1875; сверх преподавания — наставник и библиотекарь). В 1864–1868 зав. отделением языкознания и классич. филологии в ИПБ. Дис. **«De quarto Propertii libro»** (защищена: Гельсингфорский ун-т, 1871; д-р философии). С 1875 вплоть до отставки (1892) занимал должность орд. проф. каф. римск. словесности в Неж. ИФИ.

Способностями к древним языкам обратил на себя внимание еще директора школы в Grimme Э. Вундера, известного комментатора Софокла. В ун-тские годы слушал лекции К. Негельбаха, Ф. Раумера, Л. Дёдерлейна, А. Фрицше, Ф. Царнке; занимался философией у Х. Вейсе и Г. Гартенштейна (в стилистико-синтаксич. штудиях Ф. отразился и его ранний интерес к логике и «философской грамматике»). В работах и воспоминаниях современников Ф. предстает консервативным и сухим педагогом, «типичным представителем» германской формальной школы. Из письма Г. Э. Зенгера 1882: «Я ежедневно благодарю судьбу, что прошел через вашу <И. В. Помяловского> школу и Люгебилеву, а не Фохто-Добиашеву. Досадно видеть, как почтеннейший Р. А. Фохт тратит попусту все силы свои на объяснение русским юношам прелестей формальной логики <...>. Я однажды порывался доказать ему, что риторическое достоинство речи “pro Milone” в значительной степени от того зависит, что она построена на довольно грубых софизмах, но жаль стало его: чем же он заменит свои иллюзии» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 794. Л. 21).

Ф. автор сочинений по истории и поэтике римск. элегии: **«De similitudine Amorum Ovidii et elegiarum Propertii»** (Jahresbericht der St.-Annen-Schule. СПб., 1860; сопоставление мотивов и формул в языке Галла, Тибулла, Проперция и Овидия, увязанное с протестом Ф. против издательского дробления второй книги Проперция и ранней датировки

смерти поэта); **«De quarto Propertii libro»** (Petropoli, 1871; посредством стилистич. анализа элегий и характерных мотивов, Ф., опираясь на мнения К. Лахмана и Л. А. Миллера, старается обосновать принадлежность Проперцию некоторых «спорных» элегий четвертой книги); в статье **«О годе ссылки Овидия»** (ЖМНП. 1876. Февр.) автор, ссылаясь на отд. пассажи «Тристий», утверждает, что из-за дорожных трудностей Овидий не мог прибыть в Томы ранее 20 марта 10 г.

В России наибольшую известность Ф. принесло пособие **«Материалы для упражнений в переводе с русского языка на латинский»** (СПб., 1873; ²1874; Петровская премия 1873; отзыв комиссии: ЖМНП. 1874. Июль), представляющее собой подробный комментарий к переводу на лат. язык трех глав «Истории Пугачевского бунта» Пушкина (для выработки лат. «исторического слога») и фрагмента статьи моск. историка П. Н. Кудрявцева о Софокле ради овладения слогом «философским». Разбитый на поурочные порции рус. текст сопровождался как прямыми указаниями по переводу («Яик — Daix. — Ptolemaeus»), так и отсылками к образцам дикции: напр., сказуемое «выходит» в предложении «Яик, по указу Екатерины, переименованный в Урал, выходит из гор» поясняется автором фразой из «Записок Цезаря» (IV, 40): *Mosa profluit ex monte Vosego*; ведь ясно, что если бы Цезарь говорил за Пушкина, то выразился бы, скорее всего, соответственно. Среди приложений к пособию любопытен алфавитный указатель примечательных обозначений (анахронизмов по преимущ.), снабженный отсылками к лат. источникам, вроде ссылки на цитату из Плавта у Нония: *шапка — см. Pl. ap. Non. p. 220, 14: pileum quem habuit deripuit*».

Из предисловия (Цит. соч. С. VI–VII) следует, что автору помогали советами А. И. Ионин и Э. А. Верт. Полезное для студентов-классиков грамматико-стилистич. пособие использовалось в ун-тской аудитории еще Ф. Ф. Зелинским; высоко

ценил его и С. И. Соболевский (Солопов. С. 201), однако сам автор умел превратить свое достижение в «орудие пытки». В очерке слависта А. Круковского Ф., «издавший неизвестно для чего свои материалы к переводу “Истории Пугачевского бунта” Пушкина на лат. язык», представлен учителем студентов (Старое педагогическое гнездо // ФЗ. 1911. № 6. С. 832). Не отказывая Ф. в знании лат. прозы, Круковский неприязненно вспомнил о грубости «рьяного пуриста латыни», наводившей ужас на славянское отделение: «В его глазах ошибка в латинском обороте была равносильна преступлению»; студенты, в свою очередь, потешались над рус. языком устных переводов Ф., «напоминавшим плохие подстрочники».

Ф. издал также логико-семантическую интерпретацию текста «Тускуланских бесед» Цицерона: «**Критические замечания к Cic. Tuscul. I, 2**» (ЖМНП. 1875. Авг.), «**Логическая связь мыслей в Cic. Tuscul. lib. I**» (Там же. 1875. Ноябрь.), «**О связи мыслей во II кн. Цицероновых Тускуланских бесед**» (ЖМНП. 1879. Дек.) и коммент. «**Речь М. Туллия Цицерона о консульских провинциях**» (Изв. Неж. ИФИ. 1879. Т. 3). При интерпретации средств логич. связности текста («расчленения и дополнения» мысли автора) Ф. придерживался завета Дёдерлейна, что «автора следует рассматривать не только с грамматической и исторической, но также логической и эстетической сторон» (Логическая связь мыслей... С. 41), в частности, охотно обращался к инструментарию формальной логики (умозаключение, силлогизм, индукция и др.) и порицал наметившуюся в 1870-е тенденции обновления грамматич. теории древних языков терминологией новой лингвистики (см.: ЖМНП. 1876. Июль. С. 36 и след.). В петерб. период жизни печатал также весьма строгие рецензии на отеч. и иностр. пособия по древним языкам, в т. ч. на «C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico» П. М. Н о с о в а (Там же. 1868. Дек.), «несамостоятельную, но дельную» брошюру Н. И. Кареева «Фонетическая

и графическая система древнего эллинского языка» (Там же. 1869. Сент.), «Melodische Grammatik der griechischen Sprache» Р. Вестфалья (Там же. 1871. Май).

У Рихарда Ф. от первого брака был сын Вальтер — известный в Нежине филолог (1862–1941). От второго брака происходил Ульрих Ф. (1902–1979), моск. историк рус. литературы, жизнь которого не слишком гладко складывалась в советское время. Это был своеобразный человек, не похожий ни на старорежимных, ни на советских профессоров (см.: *Егоров Б. Ф.* Сын профессора и артистки // Звезда. 2003. № 7).

Л и т е р а т у р а: Пам. книжки СПБИФИ 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета МНП. СПб., 1902 ♦ Нагуевский; Прозоров; Нежин 1900; Воронков; СРНБ.

А р х и в ы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733 (в т. ч. п. д. и ф. с. 1890 — Оп. 132. Ед. хр. 183), 740; ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петерб. ИФИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

ФРЕЙТАГ Федор Карлович

FREYTAG / FREITAG
Theodor Friedrich

[2(14).2.1800, Сербен, ныне Дзербене, Латвия — 17.3.1859, Фрайбург, Саксония-Ангальт], филолог

Сын пастора, выходца из Саксонии, Ф. не переходил в российское подданство. Изучал теологию и филологию в Дерпт. ун-те (1817–1820). По окончании курса поступил учителем древних языков в Дерпт. гимназию (1820–1826; уволился после указа 1826, запрещавшего совмещение преподавания с занятой им в 1820 должностью цензора). Упразднение ценз. комитета в 1828 обернулось вынужденной отставкой, так что Ф. преподавал лат. язык вне штата в Дерпт.

ун-те (1830–1832) и в частных пансионах; возможно, служил инспектором в Валкском уезде (Recke und Napiersky. Nachträge. Bd. 1. S. 201). С 1833 проф. греч. и лат. словесности в Ришельевском лицее, т. е. в материнском лоне будущего Новорос. ун-та в Одессе. Во время кадрового обновления российских ун-тов по уставу 1835 был приглашен на должность орд. проф. римск. словесности в Петерб. ун-т (1836–1852). После смерти А. И. Гр и м м а читал историю римск. литературы в ГПИ (адъюнкт в 1848–1850). До 1850 занимал должности помощника библиотекаря I отделения в Эрмитаже и помощника директора Царскосельского арсенала и б-ки. В 1851 подал в отставку «ввиду болезненного состояния» и вскоре оставил Петербург.

Считался авторитетным латинистом-практиком своего времени, тяготевшим к «способу грамматическому и критическому» (Воронов. 1854. С. 73). В автобиографии 1843 (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 2203. Л. 1 и об.) упомянул четыре свои публикации, из которых более известно комментированное издание двух первых песен «Илиады» — «*Homeri Iliadis primi duo libri*» (СПб., 1837). «Известный знаток греческого эпоса, покойный Негельсбах, в своих “Anmerkungen zur Ilias” пользовался Фрейтаговыми замечаниями весьма нередко, воздавая должную честь его догадливости и проницательности» (Гр и г о р ь е в. С. 232). Как достойное издание с «весьма тщательным» комментарием «Илиада» Ф. упоминалась еще в конце XIX в. (Наша учебная литература // ЖМНП. 1889. Март. С. 10; Там же. 1911. Апр. С. 352). В студ. дневниках, большей частью как раз «писанных у Фрейтага на лекциях», хорошо знавший латынь Чернышевский отзывался о наставнике без особого пиетета: «ужасный педант» с «грозным гувернерским голосом» (*Чернышевский*. С. 106, 144). По словам А. Пыпина, Чернышевский даже «мистифицировал» Ф., подав ему для проверки перевод из Цицерона под

видом перевода рукописи из тогда еще Петербургского Румянцевского музея (см.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 116).

Филол. эрудиция Ф. у современников не вызывала сомнений, но даже сравнительно с Ф. Б. Грефе он выглядел более «старомодным» педагогом, сосредоточенным на грамматике и скудном реальном комментарии. Заметных учеников не оставил, но внес посильный вклад в образование следовавшей за ним генерации российских классиков, в т. ч. И. Б. Шт е й н м а н а, В. Х. Л е м о н и у с а, Н. М. Б л а г о в е щ е н с к о г о. Когда в ГПИ со смертью А. Гримма преподавание лат. словесности было временно поручено юристу Р. А. Шт ё к г а р д т у (1848), приглашенный для его поддержки Ф. «помогал профессору особенно своими лингвистическими занятиями со студентами и объяснением римских древностей» (Смирнов. С. 51), по смерти Штёкгардта поддерживал методич. рекомендации и молодого Штейнмана. В аудитории читал школьных классиков (Саллюстия, Цицерона, Ливия, Светония, Вергилия, Квинтилиана, Тацита, Горация и элегиков), руководил лат. сочинениями и практикой лат. речи.

То обстоятельство, что слушатели Ф. были немногочисленны, объяснялось его плохим знанием рус. языка — читал лекции и общался со студентами Ф. только на лат. или нем. языках, о чем можно судить из их свидетельств: «В числе моих товарищей были окончившие гимназический курс первыми, и все-таки они не могли понимать лекций Грефе и Фрейтага» (*Чумиков А. А. Петербургский университет полвека назад* // РА. 1888. № 9. С. 130); о лат. диалогах аудитории с Ф. сообщает и Чернышевский в письме 1850: «Фрейтаг говорит на лекции по-латине, точно так же, как и Грефе; студенты тоже по мере сил своих говорят по-латине» (*Чернышевский*. С. 190). В Эрмитаже Ф. составлял каталоги и реестры медалей и др.

антиков (Павлова Ж. К. Императорская библиотека Эрмитажа. СПб., 1988. С. 63). Личная б-ка самого Ф. была приобретена в 1852 Петерб. ун-том (ЦГИА СПб. Ф. 139. Ед. хр. 553).

Литература: Плетнёв; Чернышевский Н. Г. ПСС: в 15 т. Т. 1. М., 1939; Михневич И. Г. Ист. обзор 40-летия Ришельевского лицея. Одесса, 1857; Обзор деятельности Имп. Дерпт. ун-та: на память 1802–1865. Дерпт, 1866; *Фортуатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербур. ун-те за 1830–1833 г. // РА. 1869. № 11; *Шершеневич И. Г.* Из памяти Одесского старожила // Из прошлого Одессы. Одесса, 1894; Черняев; Сотрудники Имп. Эрмитажа ♦ Григорьев; Брокгауз; Прозоров; РБС; Цензоры; Album Dorpat; Wes; DBVL.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733 (в т. ч. п. д. 1852 с ф. с. разных лет — Оп. 25. Ед. хр. 140); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 14 (Петербур. ун-т; в т. ч. ф. с. 1837 — Оп. 1. Ед. хр. 4267), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

ФРИЗЕНДОРФ **Эрнст Эдуардович**

FRIESENDORFF
Ernst Friedrich Eduard

[11(23).1.1847, Рига — 28.12.1934,
Фрайбург-им-Брайсгау, Баден-
Вюртемберг], *филолог, педагог*

Из купеческого сословия. Начальное образование получил дома и в уч-ще Молина, экзамен на аттестат держал в Рижской гимназии (1865). В 1866–1871 занимался филологией в Дерпт. ун-те, по окончании курса (кандидат) возвратился в Ригу: преподавал древние языки в реальном уч-ще и Рижской городской гимназии (1873–1879; с 1877 инспектор), одновременно занимался журналистикой (соредактор местной нем. газеты в 1871–1872). В 1880 занял пост директора ГНУ св. Петра в Петербурге (см. п. д. 1880: РГИА. Ф. 733. Оп. 129. Ед. хр. 44). Выйдя в отставку

(1899), направлялся в Германию, однако во время путешествия по Италии получил предложение возглавить создаваемое в Риге коммерческое уч-ще (Börsen-Kommerzschule) и еще в течение семи лет (1900–1907) занимался педагогикой, пока серьезное заболевание глаз не вынудило его прекратить службу. С 1908 жил в Фрайбурге.

Известен прежде всего как педагог. О своей методич. и адм.-пед. деятельности рассказал во второй части инициированной им ист. записки ГНУ св. Петра «*Zur Geschichte der Petri-Schule in St. Petersburg von 1862 bis 1887*» (SPb., 1887) и статье «*Erinnerungen eines alten Pädagogen*» (см.: Baltische Lebenserinnerungen. Neilbronn, 1926). Став директором в значительно расширенном уже его предшественником Г. В. Граффо м уч-ще (перестройка здания позволила увеличить число учеников), Ф. поставил перед собой задачу его «внутреннего реформирования» — обновления пед. процесса. Первым шагом нового директора стала реформа оплаты и пенсионного обеспечения педагогов, затем он приступил к пересмотру и коррекции методик преподавания древних языков и математики по образцу герм. гимназий. В летние вакации Ф. выезжал за опытом в Германию, завязав дружеские отношения со многими нем. филологами (особых усилий требовала от Ф. постановка дела в женском отделении уч-ща, т. к. подобного опыта работы у него не было). В своих начинаниях встречал не только сочувственную поддержку (в т. ч. руководителей МНП И. Д. Делянова и Н. М. Аничкова), но и противодействие; недаром он вспоминает о серьезных разногласиях с попечителем М. Н. Капустинным и «консервативной группой» педагогов своего уч-ща. К толстовскому классицизму Ф. относился критически, считая невозможным качественное преподавание древних языков без тесного общения педагога с учениками: спешно

набранные в рус. гимназии 1870-х чехи, немцы и поляки не могли преодолеть языковой барьер и вынужденно ограничивались изложением тяжелой для школьников грамматики (Erinnerungen... S. 285–286); характерно, что сам Ф. серьезно отнесся к рекомендации Аничкова ограничить прием рус. учеников в свое уч-ще именно по языковым соображениям (Ibid. S. 295).

Десятилетия спустя Ф. отмечал, что служба в Петербурге пагубно сказывалась на его здоровье — он не позволял себе полноценного отпуска даже летом. Поэтому уже через два года после назначения пенсии он отказался от должности из чувства самосохранения. Так исполнилась его мечта отправиться «на закате жизни в какой-нибудь немецкий университетский городок»; об остановившей его переезд в Германию службе в Рижском коммерческом уч-ще Ф. вспоминал тем не менее как о семи «прекрасных» годах.

Еще до приезда в Петербург Ф. совместно с рижским византинистом Э. Курцем выпустил компактное пособие по греч. грамматике для дерпт. гимназий «**Griechische Schulgrammatik**» (Leipz., 1879), выдержавшее несколько нем. изданий в качестве «одной из лучших и полезнейших школьных грамматик» (см. отзыв рецензента J. Sitzler на 4-е изд.: WkIph. 1888. № 5. S. 144). В 1890 был выполнен рус. перевод этого пособия под заглавием «**Греческая грамматика для гимназий**» (СПб.; переводчики — опытные эллинисты Петерб. 1-й гимназии Э. Ю. Кё р б е р и Э. А. В е р т — внесли свою лепту в адаптацию материала для рус. школьника),

надолго ставший учебником, «базовым для российских немецких школ».

К главным достоинствам «выдающегося во всех отношениях труда» Ф. и Курца отнесены «удачное сокращение» грамматич. материала, в т. ч. от утомительных для детей частностей (вроде двойственного числа, некоторых энклитик), логич. изложение сложных тем, полезные сопоставления с рус. грамматикой (Наша учебная литература // ЖМНП. 1891. Февр. С. 69–70; см. сходное мнение Г. Г. З о р г е н ф р е я в рец. на 5-е изд.: ФО. 1901. Т. 20. С. 30–31). Компактность пособия достигалась отчасти иллюстративным минимализмом: морфол. отдел почти не содержит примеров, а в отделе синтаксического примеры ограничены «простейшими», т. к. лит. цитаты, по мнению авторов, «сбивают учеников с толка».

В рец. Э. Черного (ФО. 1892. Т. 2), впрочем, «дидактическое облегчение» этого пособия подверглось сомнению: разделяя воззрения Ф. и Курца на грамматику как «средство, а не самоцель обучения», Черный находил упрощенным то, как у этих авторов представлена грамматич. система, а сопоставление греч. языка с церковнославянским — недостаточным для рус. гимназиста.

Ф. — автор большинства годовых отчетов ГНУ св. Петра (Jahresbericht der deut. Haupt-Schule zu St. Petri) 1880–1890-х.

Л и т е р а т у р а: Gottzmann — Hörner ♦ Воронков; Album Dorpat; EAD; DBBL.

А р х и в ы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ЦГИА СПб. Ф. 578 (ГНУ св. Петра).

В. П. Смышляева

Х

ХИЛИНСКИЙ Константин Владимирович (Викентьевич)

CHYLIŃSKI Konstanty

[2(14).10.1881, Большая Жмеринка
Подольской губ. — 5.2.1939, Львов,
Польша], *историк древнего мира*

Из небогатых дворян. Учился четыре года в Киевск. 2-й и пять лет в Петерб. 8-й гимназии (1899, зол. медаль), затем изучал историю в Петерб. ун-те (1899–1903). После выпуска был оставлен профессорантом (без стипендии) по каф. всеобщей истории на два года с последующим продлением стажировки до сент. 1906. Неоднократно выезжал за границу для науч. занятий, в т. ч. участвовал в съезде Итальянского общ-ва для развития знаний во Флоренции 1907 (его отчет о некоторых докладах съезда см.: Гермес. 1908. № 17). Выдержал магист. экзамен, но дис., по-видимому, не представлял. В 1907 приступил к преподаванию истории на Петерб. ВЖК (до 1916) и в Петерб. 8-й гимназии. Прив.-доц. по каф. всеобщей истории Петерб. ун-та (с февр. 1910); секр. Ун-тского ист. общ-ва. В 1910-е преподавал также в Петерб. политехн. ин-те, Уч-ще св. Екатерины, Центральном уч-ще техн. рисования барона Штиглица, на Раевских

ВЖК и в Женском пед. ин-те. Чл. РАО (1905) и Петерб. ОКФП (1906). С 1919 жил в Польше: преподавал в частном католич. ун-те г. Люблина [который был замыслен польскими учеными еще в Петрограде в 1918 (*Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław; Warszawa, 1984. S. 436–437*)] и Львовском ун-те (с 1921): проф. древней истории. Президент (1925–1927) и вице-президент (1933–1939) Польского филол. общ-ва; проф. каф. древ. истории в Ун-те Яна Казимира. В 1935 ненадолго переселялся в Варшаву, будучи назначен зам. министра дух. дел и нар. просвещения в правительстве В. Славека.

Ученик историков Ф. Ф. Соколова, С. А. Жебелёва, М. И. Ростовцева (последний рекомендовал Х. для работы в археол. экспедиции РАИК по изучению ист. поселений в долине р. Марицы); из филологов Х. отдавал предпочтение Ф. Ф. Зелинскому — не случайно Х. был одним из составителей библиографии профессора в 1909, а впоследствии оба были коллегами по Польскому филол. общ-ву. Слушал он И. И. Холодняка и В. К. Ернштедта, а как ун-тский товарищ И. И. Толстого (мл.) то и дело упоминается в «Дневниках» И. И. Толстого (ст. за 1906–1907 (Т. 1. СПб., 2010; см. указ. имен) в качестве участника домашних обедов и послеобеденных полит. дискуссий, в которых Х. представлял «польские круги».

В студ. годы Х. привлек сочувственное внимание наставников любопытными сочинениями, в т. ч. медальной работой «История Пергамского царства» (Протоколы Петерб. ун-та за 1903. № 59. СПб., 1904. С. 7). Исключая первую публикацию — критич. заметки к тексту (К Polyb. XXVI, 8, 9 и Plutarch. Aem. Paul. 15 // ЖМНП. 1903. Июнь), предпочитал занятия ист.-филол. свойства: стремился верифицировать события и свидетельства греч. истории при помощи новых археол. и эпиграфич. данных. Наиболее заметными из публикаций Х. остались историколингвистические статьи: «Хронография и хронология македонских царей после Александра Великого» (ЖМНП. 1905. Янв.) и «Предание о начале Ионии» (Там же. 1908. Июль). В первой Х. обсуждал достоверность и ист. ценность сохранившихся — гл. обр. в сочинении Евсевия Кесарийского — списков македонских царей, правивших после Александра (по хронологии неоплатоника Порфирия). Он пришел к скептическому заключению, что «все точные датировки, кроме первых и последних лет правления

македонских царей, — результат комбинации» и потому не представляют ценности для ист. исследований (Цит. соч. С. 15). Во второй статье Х. проанализировал ист. основу греч. легенды о начале Ионии, и также с неуверительным итогом: ионийское, критское и особенно аттич. предания о заселении Ионии, отраженные в трудах Геродота, Страбона, Павсания и др. историков, имеют отношение скорее к генеалогии правящих родов, нежели к событиям переселенческого движения, ибо «ионийские греки сами не знали, откуда пришли» (Цит. соч. С. 302). Для истории некоторую ценность могут представлять, при внимательном к ним подходе, лишь «обломки местных традиций».

Дис. Х. не закончил, возможно, по разносторонности натуры — кроме истории он увлекался еще политикой и поэзией; после статьи «Медимны Солона» (Н. И. Карееву. Ученики и товарищи по науч. работе. 1873–1913. СПб., 1914) он вовсе не появлялся в российской науч. печати. Не отличался лит. плодотворностью и «польский период» Х., хотя в роли президента и вице-президента Польского филол. общ-ва он проявил себя энергичным организатором.

Литература: Скифский роман; Импер. Археол. комиссия; Толстой И. И. Дневник: в 2 т. СПб., 2010; Śmerek J. K. Profesor Konstanty Chyliński // Eos. 1939. № 40; Królczyk K. Polscy badacze starożytności na Uniwersytecie Lwowskim (1873–1939) — szkic do portretu // Studia Classica in Memory of Professor Lesław Morawiecki (Rzeszów 2007); Крульчик К. Константин Хилинский (1881–1939) — польский исследователь античности // Мнемон. СПб., 2014. Вып. 14. С. 419–442 ♦ Воронков; Фролов 2006; Бузескул 2008; Российское научное зарубежье: библиограф. справ. / сост. М. Ю. Сорокина. М., 2011; Тункина 2017.

Архивы: Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. Ед. хр. 36468), 918 (Имп. женский пед. ин-т).

В. П. Смышляева

ХОЛОДНЯК**Иван Ильич**

CHOLODNIAK I. I.

[13(25).10.1857, Петербург — 19.5(1.6).1913, там же], *филолог, грамматист, эпиграфист, переводчик*

Из семьи отставного унтер-офицера, выходца из Черниговской губ. Окончил Петерб. 5-ю гимназию (1878, зол. медаль) и ИФФ Петерб. ун-та (1883). В 1886–1888 стажировался в Германии, преимущ. в Бонне; посетил Италию. Магист. дис. **«Эпиграфическо-грамматические этюды»** (защищена: Петерб. ун-т, 1888). Пед. службу начинал преподавателем по найму Петерб. ун-та (1883; с 1888 и до конца жизни оставался прив.-доцентом) и Александровского лицея (1884–1886). С 1888 основным местом службы Х. становится Петерб. ИФИ: преподаватель, экстр. проф. (1897), орд. проф. (1900); значительной была и нагрузка Х. на Петерб. ВЖК (1889–1913). В последние годы жизни читал лат. язык в Психоневрологич. ин-те. Чл. Ученого комитета МНП (с 1904).

По складу дарования и как ученик (в гимназии и ун-те) О. А. Шебора Х. изначально тяготел к ист.-грамматич. исследованиям; к числу значимых для него наставников помимо Шебора относил компаративиста И. П. Минаева, особенно же И. В. Помяловского (ЖМНП. 1884. Янв. С. 28). Тема медальной студ. работы Х., выполненной под руководством Помяловского: **«Следы народной латыни в настенных помпейских надписях и сатирах Петрония»**. Окончательно науч. предпочтения Х. были скорректированы в семинаре Ф. Бюхелера: более склонный к «фактографии», чем к теоретич. обобщениям, Х. серьезно увлекся эпиграфикой. Симпатизировавший усердному слушателю, «рара Bücheler» подстегивал честолюбие Х.:

«Ваши русские ученые сделали уже немало в греческой эпиграфике; у вас есть, например, Л а т ы ш е в; постарайтесь быть тем же в римской эпиграфике» (письмо Х. 1886: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1392. Л. 7). Из нем. профессоров добросовестный Х. слушал многих, в т. ч. Г. Узенера, Р. Кекуле, И. Клейна; особенно ценными помимо семинаров Бюхелера считал курсы источниковедения у Г. Ниссена и средневековой палеографии у К. Менцеля. Свои «хирографические раскопки» завершал в библиотеках в Италии, сличая рукописи Цензорина, Помпония Мелы, Агриколы или «Путешествия Сильвии по святым местам» (последнее — для Помяловского).

Первая публикация Х. **«Prosepnais oder Prosepnai?»** (RhM. 1887. Bd. 42; рус. вариант этой работы: ЖМНП. 1887. Июнь), посвященная чтению известной надписи, ради осмотра которой Х. специально ездил в Париж, была одобрена Бюхелером. Х. критикует предлагаемое некоторыми издателями надписи (Т. Моммзен) толкование Prosepnais как генетива на -ais, утверждая, что за -s ошибочно принято изображение локона. Связь Х. с Бюхелером не прерывалась до смерти последнего: princeps philologorum был внимателен к слушателю, посылая ему *madido prelo* свои труды. Х. откликнулся на смерть Бюхелера воспоминанием о его *privatissima* 1880-х (Гермес. 1908. № 10. С. 268–269), к которым восходило его знакомство с такими учеными, как А. Дитерих, Э. Ростаньо, К. Хозиус и М. Им (M. Ihm); спустя два десятилетия после Бонна Х. посвятил друзьям счастливой для него поры 2-е изд. своего главного труда **«Carmina sepulcralia Latina epigraphica»** (1904).

Магист. дис. Х. — **«Эпиграфико-грамматические этюды: очерк развития флексии genetivi singularis в именных латинских основах на a, e и o»** (СПб., 1888) в журнале мин-ва охарактеризована как «хороший вклад в нашу филологическую литературу» (ЖМНП. 1888.

Дек. С. 332). Однако дис. не всеми была встречена так же приветливо. Критиковали «узость темы, расширенной чисто механическим путем приведения цитат из древних грамматиков», и «оригинальное» положение автора о связи флексии родительного падежа второго склонения с наречиями *olim, illim* и т. п. (Малеин А. И. И. Холодняк: некролог // Там же. 1913. Июль. С. 64). Л. А. Миллер (*De genetivo in -ii exeunte* // Там же. 1889. Февр. С. 73–80) указывал на сомнительность некоторых интерпретаций Х. Строго отозвался о дис. Х. и Ю. А. Кулаковский: «Сознаюсь, мне было жаль, что после двухлетнего руководства таких живых людей, как Usener и Bücheler, наш соотечественник сделал такую мертвую вещь» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 905. Л. 69 об.). Благосклоннее приняла учен. критика предпринятое Х. издание Цензорина (***Censorinus. De die natali liber.*** СПб., 1889).

Интерес к эпиграфике как материалу для истории языка, освященный авторитетом Бюхелера и Ф. Ричля, до конца остался ведущим в науч. занятиях Х. Главным его трудом в этой области

стало издание лат. поэтич. эпитафий «***Carmina sepulcralia Latina***» (Petropoli, 1897), в компактной критике и экзегезе которых Х. следовал манере «*Carmina Latina epigraphica*» Бюхелера. От планировавшейся докт. защиты этого труда он вынужден был отказаться. Рецензент М. Н. Крашенинников, сведущий эпиграфист, но человек причудливого характера, не отрицая значения дополнений Х. (в собрание включены 300 новых — после издания Бюхелера — эпитафий) и удачной критики некоторых уже опубликованных текстов, осудил «бюхелерианца» Х. за нерешительность эмендаций, отсутствие «указаний, на чьи копии опирается текст сообщаемых эпитафий», и узко филологический взгляд на эпиграфику — «сквозь очки музы художественной поэзии» (Новый сборник произведений латинской эпиграфической музыки // ЖМНП. Апр. 1898. С. 382–424). Главным же противником защиты выступил Ф. Ф. Зелинский. «Вчера я беседовал с Ф. Ф. Зелинским по поводу моей работы: как я и ожидал, его ответ был неблагоприятен», «шестнадцатилетние труды пропали по капризу одного совершенно даром» (см. записку Х.: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1392. Л. 153–154). Их взаимная неприязнь, ощутимая у Х. в оценках «ясновельможного» коллеги в пору молодости обоих (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1392. Л. 21, 33, 43 об.) и в воспоминаниях уже немолодого Зелинского о Х. как «непримиримом враге» (Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 149), стала, по-видимому, не менее весомой причиной отклонения работы, чем ее огрехи. Трудное начало пути Х., в гимназич. годы вынужденного отвлекаться от учебы для приработка на железной дороге, может быть, действительно отразилось на его характере, в котором недоброжелатели (Б. В. Варнеке, М. И. Ростовцев и др.) отмечали завистливость и недобрую иронию: «Он посещал все лекции, всегда их стенографировал, исполнял все учебные требования и как-то все знал

и на все находил время. <...> Был словоохотлив, но замкнут, держался вежливо, но особняком и при случае не отказывал себе в удовольствии — с полным соблюдением личной скромности, но очень зло — посмеяться над коллегой» (Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. СПб., 1921. С. 114). Х. перенес этот удар и со временем сумел вернуться к переработке труда «Carmina sepulcralia...» (1904), который стал полезным дополнением к собранию Бюхелера.

К «Carmina» тематически примыкают ист.-грамматич. и стилистич. рагега Х.: «**Elogia Scipionum как материал для изучения архаической латыни**» (ЖМНП. 1884. Янв.–март) исследует языковую сторону надгробных надписей Сципионов; в статье «**К надписи Сципиона Барбата**» (Там же. 1888. Сент.) существенно уточнение чтения ABDVC-S-IT. Форма поэтич. эпитафий разбирается семантически («автобиография», «диалог с прохожим») или лингвистически (разновидность *hic situs est*) в работе «**О некоторых типах метрических надгробий**» (Там же. 1898. Июль); замечания «**К надгробным надписям**» (Commentationes philologicae. С. 143–146) освещают паронимич. обыгрывание *cognomina* в эпитафиях; «**Критические заметки**» (Στέφανος. С. 56–61) предлагают конъектуры и дают эпиграфич. параллели к рустицизму Петрония; и др.

Естественным продолжением эпиграфич. занятий Х. стало его обращение к палеографии: с 1897 он читал курс лат. палеографии на Петерб. ВЖК (программа сохранилась в архиве Петерб. археол. ин-та: ЦГИА СПб. Ф. 119. Ед. хр. 527. Л. 2), публиковал описания рукописных фрагментов из коллекции ИПБ, консультировал медиевистов, руководил палеографич. этюдами слушательниц женских курсов (см.: Ассон Э., Сергиевская Н. Петербургский отрывок неизвестной рукописи Т. Ливия. СПб.,

1910; то же в обработке их наставника: **Петербургский отрывок неизвестной рукописи Тита Ливия** // Гермес. 1910. № 6). Последней публикацией Х. по лат. палеографии стали описания в книге «**Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей Императорской Публичной библиотеки**» (СПб., 1914; корректуру держал уже А. И. Малеин).

Х. причислял себя к «ричлистам» — сторонникам «научного латинского языковедения по историческому методу», но трезво отмечал отставание классич. грамматич. традиции от современной лингвистики (см. доклад: **Краткий очерк современного состояния науки латинского языковедения** // Тр. I съезда), публикация которого «по ценности библиографических указаний для всякого преподавателя латинского языка должна быть настольной» (Малеин А. И. И. Холодьяк: некролог // Гермес. 1913. № 11–12. С. 314). Х. отстаивал плодотворность дискуссии компаративистов, классиков и младограмматиков ради преодоления лат. лингвистикой «узких и душных пределов школьной дисциплины».

Помимо древних и германских языков Х. занимался романскими, напр., преподавал итальянский. Признанный знаток римск. и рус. словесности, помнивший многие тексты на память, Х. сочинял любительские стихи (образец см.: Гермес. 1907. № 6. С. 129–130), увлекался переводами с лат. языка и на лат., преимущ. останавливаясь на произведениях «низких жанров», язык которых долгое время был предметом его изучения. Перевел комедии Плавта «Менехмы» (Путаница // ЖМНП. 1887. Авг.) и «Хвастливый воин» (Пустозвон // ЖМНП. 1894. Июнь–авг.); отрывки из поэмы Лукреция (Commentationes Nikitinianae. С. 260–265); сатиру «**Отыквление**» (ФО. 1899. Т. 16. Прил.); наиболее цельную часть «Сатирикона» (**Пир Трималхиона** // Там же. 1900. Т. 18. Прил.) и др. Шебор (ЖМНП. 1889.

Февр. С. 72) назвал его перевод «Менехмов» «если не лучшим из возможных, то без сомнения, весьма недурным», а Малеин (Гермес. 1913. № 11–12. С. 312) заключал: «Вообще переводчиком он был прекрасным и одинаково удачно передавал латинских авторов на русский язык и русских авторов на латинский». Даже Варнеке, посвятивший бывшему наставнику недобрые страницы своих воспоминаний, предпочел его Плавта переводу А. В. Артюшкова (Варнеке. 2013. № 4. С. 131). На Петерб. ВЖК Х. учредил «Библиотеку переводов» антич. авторов (см.: Отчет о состоянии С.-Петербург. Высших женских курсов за 1903–1904 академ. год. СПб., 1905. С. 26). Полезным для отеч. филологии оказалось его сотрудничество (обычно скрывался под аббревиатурой Х.) с «ЖМНП», «ФО» и «Гермесом»: формируя своими рекомендациями и рецензиями науч. багаж российских латинистов, он, и «не занимаясь элементарным преподаванием латинского языка, много сделал для улучшения постановки этого предмета в школе» (Малеин А. И. И. Холодняк // Hermes. 1913. № 11–12. С. 313).

Как лектор Х. отличался обстоятельным и остроумным изложением (см. воспоминания С. А. Жебелева о его курсах «Энциклопедии филологии» и по лат. палеографии: ВДИ. 1968. № 3. С. 167); характерна и его склонность к методич. поиску: «Печатью яркого таланта были отмечены его лекции и практические занятия. Он в высшей степени владел искусством будить интерес к языкам и к истории литературы и культуры древнего мира» (Ивлева М. М., Цветова М. С. Преподавание литературы на историко-филологическом факультете // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 109).

После смерти Х. от острой инфекции (сразу за скоропостижной смертью его сына) бестужевки присвоили своему кружку по классич. филологии имя покойного руководителя и мужа бестужевки Марии

Холодняк (Петроградские Высшие женские курсы: отчет за 1913/14 год. Пг., 1915. С. 179–180). В последние годы Х. увлекся идеей обновления курса истории римск. литературы, отчасти подстегнутый ревностью к лекторскому успеху Зелинского с неприемлемой для Х. «эстетической точкой зрения» на древнюю литературу. От этих занятий сохранился перевод «Очерка истории римской литературы» Ф. Лео (СПб., 1908) и литографированные лекции — «наиболее полный из существующих у нас курс истории римской литературы» (Гермес. 1913. № 9. С. 251), в которых тщательность при описании фактов (не только для авторов первого ряда, но и лит. фона эпохи) дополнялась оценками лектора. Так, высшим достижением Горация он признавал не тривиальные «по духу» оды, а «живые» сатиры и послания: «Гораций был прирожденным сатириком» (**История римской литературы**. Т. 6. СПб., 1913. С. 429). Помимо науч. одаренности Х. выделялся необычными для гуманитария «техническими» способностями: ему «прекрасно удавались свинцовые эстампажи» (см. письмо А. Щукарева: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1459. Л. 47) и всевозможные поделки — для гимназии Петерб. ИФИ Х. смастерил, напр., макет римск. катапульты.

Литература: Радонежский А. А. Исторический очерк 5-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1874; Афанасьев; «Наставникам, хранившим юность нашу»; Черняев; *Фёдорова Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982; Скифский роман; *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб., 2004 ♦ Нагуевский; Брокгауз; БС СПб. ун-та; РБС; Воронков; Бузескул 2008; Свиясов; Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Т. 1. Таллинн, 2006; Busch.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 740; ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский) и др.; СПбФ АРАН Ф. 733 (В. К. Ернштедт); ЦГИА СПб. Ф. 11 (Александровский лицей), 14 (Петербург. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 3. Ед. хр. 20431), 53 (Петербург. ИФИ).

В. П. Смышляева

ХОЛОДНЯК

Мария Александровна

CHOLODNIAK M. A.

[27.6(9.7).1867, ? — не ранее 1928, ?],
филолог, педагог

Дочь акад. А. Н. Веселовского, жена И. И. Холодняка с 1888. Воспитывалась в атмосфере ун-тской семьи. Бес-тужевка четвертого выпуска (1885), по окончании обучения стала библиотекарем ВЖК; там же преподавала лат. язык, с 1901 вела практические занятия по средневековой лат. литературе. В разные годы преподавала историю и лат. язык в гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской, женской гимназии Шаффе, Покровской женской гимназии; заведовала вечерними лекциями для женщин. Чл. комитета Пед. музея воен.-учеб. заведений (1892–1893) и д. чл. Петерб. археол. ин-та, оконченого ею в 1901 (Памятная книжка Археол. ин-та в С.-Петербурге. СПб., 1911. С. 49). В 1906 учредила собственную гимназию (им. св. Евфросинии Суздальской) «с правами правительственных женских гимназий», в которой преподавала историю и (факультативно) древние языки. В авг. 1912 гимназия Х., обремененная долгом (плата за обучение и пансион была невысокой), перешла в собственность Е. Зверевой (ЦГИА СПб. Ф. 139. Ед. хр. 15207. Л. 1).

До середины 1900-х опубликовала ряд статей, в темах и стилистике которых ощутимо влияние науч. занятий отца (сравн.-ист. лит.-ведение) и мужа (лат. эпиграфика). Наиболее объемной из публикаций Х. было, по всей видимости, 106-страничное эпиграфич. сочинение «**Aurea gemma quae dicitur ad fidem codicis Vitreiensis, nunc primum edita a Maria Cholodniak**» (Lipsiae, 1898; указано по библиогр. обзорам, в т. ч. — Памятная книжка окончивших курс на С.-Петерб. Высших женских курсах. 1882–1889, 1893–1903. СПб., 1903. С. 231;

рец.: Literarisches Centralblatt. 1898. № 42. S. 1690–1692). Азы лат. эпиграфики были освоены Х., по-видимому, в процессе подготовки к печати «*Carmina sepulchralia Latina*» ее мужа. Описание эпиграфич. памятников Х. дополняла этюдами в духе сравнительного лит.-ведения, см. статьи: «**О типах надгробий**» (ИВ. 1900. № 2. С. 865) и «**К христианским надгробиям**» (Commentationes Nikitinianae. С. 255–259), посвященные эволюции жанра лат. эпитафии при переходе от язычества к раннему христианству, который сказался преимущ. на композиционной и стилистич. деформации жанра, на редукции такой формы, как диалог с прохожим, или, например, на распространении в эпитафиях техники акрости-ха и введении библейской фразеологии.

В качестве чл. Петерб. археол. ин-та Х. составила, снабдив изображениями, описание руин римск. крепости в рамках исследований германского Пограничного вала (Limes), инициированных в 1890-е Т. Моммзенем: «**Несколько археологических заметок о древнеримских укреплениях на Гогенбурге, Эльзас**» (Вестн. археологии и истории. 1903. Вып. 15). В публикациях Х. являет достаточную филол. эрудицию: серьезный комментарий, добротная библиография и недурное знание лат. языка. Ун-тский экзамен по латыни оказался, впрочем, для выпускницы ВЖК не совсем легок, как видно из обиды Холодняка на О. А. Шебора: «Я просил О. А. несколько поддержать мою невесту на ее латинском экзамене <...>. Между тем она на письменном экзамене два раза провалилась, и, <...> потратив массу сил, <...> от дальнейших попыток отказалась» (см. письмо 1887: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1392. Л. 95 об.).

В 1890-е Х. обращалась к истории педагогики и образования. Участница Кружка почитателей Коменского, она выступала в печати с рефератами о его сочинениях «*Faber fortunae*» и «*Orbis pictus*»: «Всяк

своего счастья кузнец. Соч. Я. А. Коменского» (Памяти отца современной педагогики Я. А. Коменского: по поводу 301 годовщины его рождения. СПб., 1893); «Несколько заметок об изданиях сочинений Я. А. Коменского, хранящихся в Виленской публичной библиотеке» (ЖМНП. 1895. Март); «Развитие женского образования до Я. Коменского и заслуги его в этом деле» (РШ. 1897. № 5–6). В духе времени Х. прямолинейно переносила законы дарвинизма на культурное развитие, рассматривая творческую деятельность человека как проявление борьбы за существование: «Все произведения ума, фантазии, таланта человека несомненно такие же естественно-исторические факты и явления, как происхождение видов растительного и животного царства. Преобладание известного литературного вида в данную эпоху — результат его успешной борьбы, а наиболее яркий представитель данной литературной формы наиболее и успешен в своей среде» (О некоторых предшественниках и источниках Коменского // Памяти отца современной педагогики Я. А. Коменского: по поводу 302 годовщины его рождения. СПб., 1895. С. 98).

Х. много преподает: «У руководительницы практических занятий М. А. Холодняк происходили необязательные [факультативные. — В. С.] практические занятия со слушательницами старших курсов филологического отделения, состоявшие в ознакомлении их с памятниками латинской христианской литературы древнейшего периода. Руководительницей занятий был прочитан для этого небольшой очерк истории латинской патристики от Тертуллиана до Августина включительно. Занятия эти, дополненные небольшим курсом латинской палеографии, продолжаются и в настоящем <т. е. 1902–1903 году>».

Кроме того, для ознакомления с латинскими рукописными текстами средневекового периода слушательницы под руководством г-жи Холодняк посещали библиотеку СПб. университета и рукописное отделение Публичной библиотеки — с любезного разрешения их

администрации» (Общество для доставления средств ВЖК: отчет за 1901–1902 г. СПб., 1903. С. 65).

После 1905 науч.-лит. деятельность Х. сменилась практическими хлопотами по обустройству собственной гимназии: «В 1905 после пережитых нами ужасов “школьных свобод” у меня окончательно созрела мысль об основании женской гимназии, в которой девочки из небогатых семей могли бы получать нормальное для русской женщины воспитание и образование» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Ед. хр. 10757. Л. 38). Основной контингент ее воспитанниц составили дочери священников, поэтому плату Х. назначила минимальную; гимназия с самого ее основания была убыточной. Окружной инспектор, проверявший заведение Х. в 1910, охарактеризовал директрису как «женщину очень образованную, преданную своему делу, но, к сожалению, очень плохого финансиста» (Там же. Л. 99 об.). Попытки добиться поддержки МНП (в цит. деле присутствует ходатайство чл. Думы В. М. Пуришкевича) и реформировать гимназию в классич. с двумя древними языками успехом не увенчались. В аудитории Петерб. ВЖК молодая Х., по воспоминанию курсистки 1880-х, не ограничивалась рутинным чтением хрестоматии: «Живость в преподавание классической филологии вносили лишь практические занятия по грамматике и переводам с русского на латинский язык в 1885–86 гг., устраиваемые М. А. Веселовской» [Вахромеева О. Б. Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. СПб., 2003. С. 110]. Учеб. программы Петерб. ВЖК также свидетельствуют о ее творческом отношении к преподаванию. «Руководительница практических занятий» по средневековой литературе Х. ежегодно обновляла список читаемых со слушательницами текстов: в 1902–1903 разбирала фрагменты сочинений Исидора Севильского, Рабана Мавра, Гонория Отенского, Геррады фон Ландсперг (см.: Отчет о состоянии С.-Петербург. Высших женских курсов за 1902/03 академ. год. СПб., 1904. С. 21); в 1903–1904 — трактаты Бэкона, Луллия, Данте (Отчет о состоянии С.-Петербург. Высших женских курсов за 1903/04 академ. год. СПб., 1905. С. 27). Х. вела семинары

по истории христ. литературы (Тертуллиан, Августин и др.) и лат. палеографии (разбор лат. памятников с кратким введением в текстологию); занятия в рукописных отделах б-ки Петерб. ун-та и ИПБ включались ею в программу и др. курсов.

Можно привести учеб. план Х. незадолго до ее ухода с ВЖК: «Преподавательница М. А. Холодняк: Осенний семестр: а) История науки в Средние века; б) Практические занятия: чтение избранных средневековых текстов. Весенний семестр: а) Энциклопедия Средних веков; б) Практические занятия латинской палеографией» (С.-Петербург. Высшие женские курсы за 1906–1907 г. СПб., 1908. С. 67).

После одновременной утраты сына и мужа в 1913 Х., по-видимому, некоторое время преподавала в Одессе, куда уезжала с дочерью летом того же года (см. ее письмо: РГИА. Ф. 740. Оп. 27. Ед. хр. 611. Л. 9; см. также: Варнеке. 2013. № 4. С. 141), а в «Календаре для

учителей на 1915–1916» (Пг., 1915. С. 218, 220) Х. упомянута как учительница Мариинской женской гимназии и гимназии Каминской в Одессе. В справочнике «Весь Петроград на 1917» значится уже как «вдова д. с. с., жительница Гатчины». И. В. Тункина (Варнеке. 2013. № 4. С. 132) упоминает прошение Х. 1928 о назначении ей пенсии за службу мужа.

Литература: Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России. М., 1980; Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004; Якубович М. П. О преподавании лингвистических дисциплин // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973 ♦ Воронков.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 740; РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов), 608 (И. В. Помяловский), и др.; ЦГИА СПб. Ф. 117 (Петрогр. женская гимназия им. св. Ефросинии Суздальской), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

Ц

ЦВЕТАЕВ

Иван Владимирович

ZWETAJEW / ZVETAIEFF /
CVETAEV I. V.

[4(16).5.1847, с. Дроздово, ныне Шуйского р-на Ивановской обл. — 30.8(12.9).1913, Москва; Ваганьковское кладб.], *филолог, эпиграфист, искусствовед, основатель Музея изящных искусств им. имп. Александра III при Московском ун-те (с 1937 — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина)*

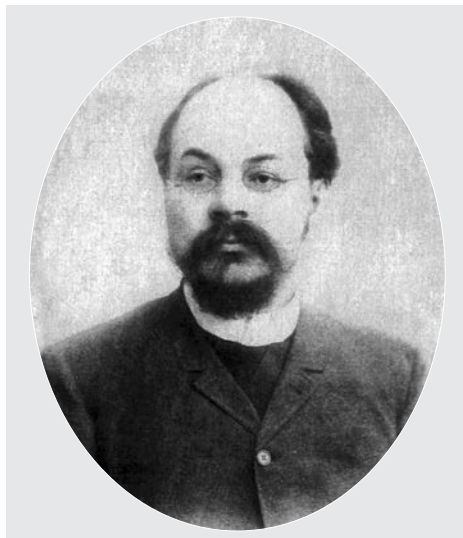
Из семьи сельск. священника. «Суровую школу духовных провинциальных школьников» с ее нищими пансионами и муштрой проходил в Шуйском духовном уч-ще (1856–1862) и Владимирской духовной семинарии (1862–1866). В 1866 поступил в Петерб. мед.-хирург. академию, но через несколько месяцев перевелся на ИФФ Петерб. ун-та, где учился одновременно с П. И. Аландским, Л. Ф. Воеводским и сыновьями декана И. И. Срезневского. В 1870, по окончании курса (канд., зол. медаль), причислен к каф. для работы над магист. дис.; одновременно преподавал греч. язык в Петерб. 3-й гимназии (1871–1872). В 1872 Н. М. Благовещенский

пригласил своего ученика в Варшавский ун-т, с которым была связана и пед. карьера брата Ц. — проф. российской истории Д. В. Цветаева. Магист. дис. «**Cornelii Taciti Germania**» (защищена: Петерб. ун-т, 1873). С апр. 1874 по сент. 1876 находился за границей (Германия, Италия); в февр. 1876 для завершения науч. изысканий уволился из Варшавского ун-та, но через месяц был причислен, по ходатайству МНП, к Киевск. ун-ту с продлением командировки в качестве доц. каф. римск. словесности; по свидетельству В. И. Модестова (ИВ. 1885. № 12. С. 614), Ц. едва не «забаллотировали» в столкновениях ун-тских партий. Докт. дис. «**Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием**» (защищена: Петерб. ун-т, 1877). В 1877 при поддержке Ф. Корша перевелся в Моск. ун-т: доц. каф. римск. словесности (1877), экстр. проф. (1879), орд. проф. (1885). В 1889, после зарубежной стажировки, перешел на каф. теории и истории искусств, которую возглавлял в 1898–1913 (засл. проф.). Кроме того, Ц. читал лекции на Моск. ВЖК и в Моск. консерватории (итал. язык и историю искусств). Хранитель Моск. публичного и Румянцевского музеев (с 1881; с 1901 директор). С 1882 зав. ун-тским Кабинетом изящных искусств и классич. древностей, в 1910 Ц. временно отстранялся из-за расследования кражи гравюр из музея. С 1911 директор основанного

им Музея изящных искусств. Чл.-корр. АН (ОКФ; 1904); чл. ряда науч. учреждений и общ-в, в т. ч. МАО, РАО, Петерб. ун-та, Академии художеств.

Важнейшим итоговим трудом первой половины жизни Ц. было издание: **«Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. Ad archetyporum et librorum fidem ed. Johannes Zvetiaieff»** (Lipsiae, 1885), **«Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae. Comp. J. Zvetiaieff»** (Mosquae, 1886). В рец. на него — см.: Присуждение премий им. графа Д. А. Толстого в 1886. СПб., 1887 — И. В. Помяловский хвалил Ц. за уточнение ряда чтений, тщательность передачи текста, выбор адекватных переводов, добротность палеографич. описаний и полезные библиогр. ссылки: «По точности и безукоризненности снимков его издание стоит неизмеримо выше изданий Корссена и Фабретти и даже местами превосходит труд Моммзена» (Там же. С. 5). В 1886 эпиграфич. труды Ц. были отмечены еще и зол. медалью АН, а в 1888 на праздновании 800-летия Болонского ун-та Ц. удостоился за них звания почетного чл. и д-ра honoris causa этого ун-та. Почтение к его трудам было всеобщим: «Не появляется ни одной книги, ни одной статьи в Европе и Америке по итальянской диалектологии, где бы не было <...> указания на сборники надписей древних наречий средней и нижней Италии, сделанные Цветаевым» (*Модестов В. И.* Профессора и студенты в Греции и в Римской империи // СПбВед. 1902. 27 февр.). Сам Ц. был тем не менее разочарован их слабой востребованностью:

«Такова уж поганая доля филолога в нашем отечестве. Я просидел около [о] 13 лет над своими италиками — и последней книги разошелся <...> один экземпляр на всю Великую и Малую и Белую Россию», — писал он в 1888 Модестову (цит. по вступ. ст. М. Б. Аксененко в кн.: И. В. Цветаев — Ю. С. Нечаев-Мальцов: переписка. 1897–1912. Т. 1. М., 2008. С. 34). Позже пришло время, когда Ц. разочаровался и в школьном классицизме: «Лет 25 назад

я сам увлеченно верил в классицизм и юношески горячо отстаивал его в беседах с товарищами, но опыт позднейшего времени расхолодил это увлечение. С этим классицизмом наше юношество не стало ни умнее, ни любознательнее, ни образованнее» (см. письмо 1898: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1402. Л. 69 и об.).

Разочарование сделало предсказуемым для энергичного Ц. рывок из «болота латинской грамматики» (Баскаковы. С. 137): он продолжал читать лат. авторов (предпочитая Авла Геллия, Плиния Старшего, Квинтилиана ради реального комментария), лат. эпиграфику и курс древностей, но собственные филол. исследования оставил навсегда. А. Захаров (*Захаров*. С. 347), занимавшийся в семинарах позднего Ц., даже заключил, что тот, «видимо, никогда особенно не интересовался формальной стороной филологии: и в надписях, и при толковании авторов его внимание привлекала реальная сторона текстов». От грамматики Ц. перешел к искусствоведению, которым ex officio занимался еще с 1880-х. Унаследовав от предшественника по моск. ун-тскому

Кабинету изящных искусств К. Гёрца запущенный фонд гравюр (около 15 000), он описал и каталогизировал эту коллекцию, постепенно увлекаясь и самим предметом, и общением со специалистами по истории искусств. Став деятельным чл. МАО, он участвовал в археол. съездах. Один из его триумфов связан с речью «Об организации музеев слепков» на Каирском конгрессе (1909). Ненапрасно он печатал описания антиков моск. коллекционеров — они поддержали его идею преобразования ун-тского «гипсового» кабинета в публичный музей (**Древнегреческие терракоты из собрания Его Имп. Высоч. вел. кн. Сергея Александровича** // РО. 1894. № 5).

Ц. продолжает разрабатывать лекции по истории искусств. «Малоречистый, с тягучим медленным словом» (В. В. Розанов), Ц. тем не менее обладал большим лекторским обаянием, как следует из воспоминаний, в т. ч. Б. В. Варнеке, который гимназистом слушал доклады Ц. на заседаниях МАО (Варнеке. 2013. № 3. С. 198). Ознакомившись с экспозициями «гипсовых» музеев Италии и Германии (особую ценность для Ц. имели советы Г. Брунна и создателя Альбертинума в Дрездене Г. Трея / Троя) и мнениями отеч. историков искусства (Д. В. Айнова, В. К. Мальмберга, А. В. Прахова), Ц. стал «поднимать общественность» докладами и публикациями на сбор средств для будущего музея — началом послужило сообщение об организации Комитета по устройству музея (МВед. 1893. 17, 19, 23 окт.). Ц. лично искал и находил многих спонсоров — от вел. князей до студентов, благодарно принимая даже небольшие взносы. Подняв Москву, Ц. предпринял путешествия по Европе «для розыска гипсовых отливов, руководства по копированию фресок, выбора мозаик, приобретения мелких коллекций, даже поездки по России в поисках подходящего мрамора» (Уварова П. С. И. В. Цветаев — творец Музея изящных

искусств // Тр. МАО. 1914. Т. 24. С. 250). На лекциях 1890-х, упоминая о том или ином памятнике, Ц. уже любил прибавить, что «копия с него есть или будет у нас в Музее» (Захаров. С. 348).

Общение с Г. Треем (1843–1921) оказалось особенно важным для становления Цветаевского Музея. Переписка обоих ученых началась с 1881 и продолжалась до смерти Ц. Сказалось при этом и то обстоятельство, что Г. Трей родился в Петербурге и с 1866 по 1871 был внештат. сотрудником Эрмитажа. Эта биогр. связь укрепила профессиональную дружбу Ц. с «Егором Егоровичем». Более двух десятилетий оба обсуждали все вопросы, связанные с музеями того типа, к которому они стремились: где, чьими силами, на какие средства заказать копии выдающихся памятников; как обустроить здания и даже залы. Сегодня название площади в Дрездене перед Albertinum: Georg-Treu-Platz.

В авг. 1899 состоялась закладка здания нового музея по проекту Р. Клейна, в мае 1912 — офиц. открытие. Успеху проекта немало способствовали научно-популярные заметки Ц., тематически соотнесенные обычно с его курсами римск. древностей и истории искусств: «Погребальные обычаи древних римлян» (РВ. 1887. № 1–2), «По Элладе: из путевых воспоминаний» (РО. 1892. № 9–11; 1893. № 11), «Школы древних римлян» (РВ. 1888. № 3, 10), «Высшие школы древних римлян» (Там же. 1893. № 5–6), «Из жизни высшей школы Римской империи» (М., 1902), «Римские катакомбы» (РО. 1896. № 5) и др. С энтузиазмом образованная публика приняла выпущенный Ц. для методич. обеспечения курса по истории искусств «Учебный атлас античного ваяния» (Т. 1–3. М., 1890–1894), проиллюстрированный фотографиями — «лучшее пособие по древнему искусству как по полноте и разнообразию в нем материала, так и по внешнему исполнению» (В. Аппельрот. — ФО. 1891. Т. 1. С. 51). Ц. и сам гордился столь современным изданием: «Правда,

пока эта работа апокрифического свойства, имеющая значение только для моих слушателей; но я уже употребляю все усилия доходить, по возможности, до оригиналов и снимать фотографии с них. Оттого нарочито делаются для меня снимки в Афинах, в Париже, Берлине, Лондоне и Риме» (см.: Граф И. И. Толстой 2009. С. 144).

В осуществлении своего музейного проекта Ц. не останавливали ни болезни (в 1896 перенес первый, а в 1906 второй инсульт, после которого его здоровье заметно пошатнулось), ни семейные невзгоды: в 1890 умерла первая жена Ц. — Варвара Дмитриевна, урожд. Иловайская, а в 1906 он похоронил и вторую — Марию Александровну, урожд. Мейн, мать Марины Цветаевой). Не сломили его и служебные неприятности, вроде того отстранения от службы в 1910, которое учинил бывший коллега по ун-ту А. Н. Шварц, являвшийся в тот момент министром народного просвещения. Подвижнически терпеливый ответ на недостойные нападки Шварца содержится в кн. Ц.: Московский публичный и Румянцевский музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты. М.; Дрезден, 1910 [1911].

До конца Ц. сохранял оптимизм и работоспособность: за две недели до смерти он еще написал Трею о работе над «последней на прощание с кафедрой книгой»; см. двуязычное изд., затеянное Э. Хексельшнайдером: «*In Moskau ein kleines Albertinum erbauen: Iw. Zwetajew und G. Treu im Briefwechsel*» (Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 320). Вряд ли случайно тема культурного подвижничества занимала видное место в его популярных публикациях: часто и с симпатией упоминал Ц. в своих очерках о творцах культурного прогресса, в т. ч. исследователях римск. катакомб А. Бозио, Д. Баттисте де Росси, копиисте катакомбных фресок «анакорете» Ф. Реймане, археологе Г. Брунне, историке искусств М. Колиньюне и о близких ему по духу российских ун-тских коллегах. Целеустремленный, харизматичный, счастливо сочетавший

с «положительным складом» личности неутолимую жажду деятельности, «вооруженный недюжинной энергией и редким самообладанием, вышел он на широкий жизненный путь и выиграл битву жизни» (*Готье Ю. В. Памяти И. В. Цветаева // Тр. МАО. 1914. Т. 24. С. 247*).

Литература: Черняев; Захаров А. И. В. Цветаев: некролог // Гермес. 1913. № 13. С. 347–349; Жебелёв С. А. Памяти И. В. Цветаева // Записки классич. отделения РАО. 1914. Т. 8; Жебелёв С. А. Введение в археологию. Ч. 1. Пг., 1923; Каган Ю. М. И. В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987; Соснина Е. Б. Становление итальянской эпиграфики в XIX в.: переписка И. В. Цветаева с А. Фабретти в 1875–1885 гг. // ВДИ. 2008. № 3; Она же. 1913: последний год жизни И. В. Цветаева. Иваново, 2013; Она же. Италия Ивана Цветаева: путями эпиграфики. М., 2017; Смирнов А. Е. Иван Цветаев. СПб., 2013; Фёдорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982; Филологический факультет Московского гос. ун-та. М., 2006 ♦ БС Киевск. ун-та; Брокгауз; Нагуевский; Прозоров; БС МАО; Воронков; Бузескул 2008; ПМУ; Российская академия наук; Фролов 2006; Тункина 2017; Wes.

Архивы: Личные фонды: ГМИИ. Ф. 6. 6000 ед. хр.; РГБ. Ф. 324. 6 ед. хр.; Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733, 740; ОР РНБ. Ф. 41 (М. А. Балакирев), 120 (Бычковы), 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 5. Ед. хр. 3409), 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

Ц Е Р Е Т Е Л И Григорий (Григол) Филимонович

ZERETELI / CERETELI
Gregor(io) / Grigol

[12(24).3.1870, Петербург — не ранее марта 1938, Тбилиси?],
филолог, палеограф, историк
литературы, переводчик

Родился в дворянской семье (отец — грузин, мать — русская). Начальным образованием был обязан матери и тетке,

поскольку семья неоднократно переезжала к местам службы отца, в т. ч. в Тбилиси и Варшаву. До приезда в Петербург лишь несколько месяцев занимался в одной из варшавских гимназий. В 1882 поступил в 3-й класс гимназии Петерб. ИФИ, по окончании которой (1888) занимался на ИФФ Петерб. ун-та (окончил в 1893 с дипломом I степени). Оставленный при каф. классич. филологии для приготовления к ученому званию, Ц. совмещал магист. занятия с преподаванием палеографии в Петерб. археол. ин-те (1893–1897; затем в 1902–1904) и древних языков в Петерб. 10-й гимназии (1893–1897, сверх штата). В дек. 1898 Ц. был направлен в зарубежную командировку, где слушал лекции У. Виламовица, Г. Дильса, У. Вилькена в Берлинском ун-те, занимался палеографич. изысканиями в архивах и книгохранилищах Вены, Мюнхена, Лондона, Парижа, Италии и Константинополя.

По возвращении комментировал Эсхила и др. греческих авторов в Петерб. ун-те (прив.-доц. 1902–1904; см.: Протоколы Пб. ун-та за 1903. С. 80), параллельно завершая магист. дис.

«Сокращения в греческих рукописях» (защищена: Юрьевский ун-т, 1904). С 1905 по 1914 преподавал в Юрьеве: экстр. проф. греч. словесности (1905), орд. проф. (1914). После защиты докт. дис. «Новые комедии Менандра» (защищена: Петерб. ун-т, 1914) получал приглашение в Моск. ун-т, но предпочел дожидаться кафедры в alma mater: орд. проф. классич. филологии Петерб. ун-та (с 1914; зав. каф. в 1916–1920), также вел занятия на Петерб. ВЖК (1914–1916). Регулярно выезжал с науч. целями за границу (Берлин, Вена, Венецию, Лейден, Прагу, Рим и др.). В 1920 под впечатлением послереволюционных трудностей, в т. ч. из-за ареста в 1919, переехал на «родину отца» — в Тифлис, хотя по воспитанию считал себя принадлежащим к рус. культуре и слабо владел грузинским языком; проф. и зав. каф. классич. филологии (1920–1938) Тифлисского (с 1936 Тбилисского) ун-та; директор ун-тской библиотеки (1923–1931). Чл.-корр. РАН (ОКФ; 1917); чл. ряда науч. заведений и обществ, в т. ч. РАО и Германского археол. ин-та. В 1930-е неоднократно подвергался арестам, в мае 1938 был осужден военным трибуналом. Дата гибели, по-видимому — вскоре после суда в тюрьме или на пересылке — точно не установлена.

Наиболее яркий представитель палеографич. школы В. К. Ернштедта, Ц. прожил творчески насыщенную жизнь, заслужив звание основоположника отеч. папирологии и «одного из самых тонких знатоков истории греческого письма, греческих рукописей и греческих папирусов» (из записки В. В. Латышева и М. И. Ростовцева об избрании Ц. в АН; цит. по кн.: *Кауччишвили*. С. 6; здесь же библиография Ц.) и «лучшего или даже единственного в России палеографа» начала XX в. (*Соболевский С. И.* Греческая палеография. М., 1910–1911. С. 15). На выбор специализации Ц. повлияли успехи палеографии конца XIX в., включая докт. триумф его наставника В. Ернштедта

(см.: *Боровский Я. М. Opera philologica*. СПб., 2009. С. 370). Палеографич. анализу было посвящено уже медальное выпускное сочинение Ц.: «Из истории греческой стенографии» (по материалам рукописей из российских архивов, основа будущей магист. дис.) и первая науч. публикация «**Материалы для рецензии так называемых Carmina figurata**» (ЖМНП. 1894. Окт.): сличив две рукописи, автор доказывал зависимость кодекса Моск. Синодальной библиотеки от петербургского, относя выявленные разночтения на счет «личной фантазии» моск. писца.

Под несомненным влиянием Ернштедта Ц., относивший догадку своего наставника о существовании национальных типов греч. письма к наиболее блестящим его открытиям (**В. К. Ернштедт** // ВВ. 1902. Т. 9. С. 691–696), обращается и сам к теме региональных отличий греч. письменности. В статье «**К вопросу о провинциальных типах греческого письма**» (Записки РАО. 1900. Т. 12; нем. вариант: *Archiv für Papyrusforschung*. 1900. Bd. 1) и «**К истории греческого письма в Египте в связи с культурно-историческим положением страны**» (ЖМНП. 1906. Май), исследуя взаимодействие греч. и римск. письма, Ц. приходит к выводу о существовании провинциальных типов курсива, между тем как К. Вессели (*Wessely*) приписывал подобные различия влиянию на греч. курсив официальной римск. письменности. Причиной деградации птолемеевского курсива после I в. н. э. Ц., возражая Ф. Кениону, считавшему латинизацию курсива инициативой римск. властей, называл «мирное вторжение римского начала в греческую жизнь» из-за несоответствия позднего курсива административным потребностям.

В дис. «**Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям Санкт-Петербурга и Москвы**» (СПб., 1896; на защиту Ц. поставил изд. ²1904), отталкиваясь гл. обр.

от работ О. Лемана по той же теме, Ц. систематизирует стенографич. знаки как специальные и курсивные (вызванные небрежностью писца) abbreviations, оценивая памятники тахиграфии с точки зрения их значимости для истории письма. Эрудицией, палеографич. проницательностью, открытостью для науч. контактов, свободным владением нем. и франц. языками Ц. расположил к себе авторитетных германских коллег (см.: *Каухчишвили*. С. 5): Дильс рекомендовал прекрасно исполненную магист. работу Ц. своим студентам, специализирующимся в палеографии, а Вилькен привлекал Ц. к обработке греч. папирусов Берлинского музея и Венской библиотеки для изданий «*Berliner griechische Urkunden*» (1900. Bd. 3; 1904. Bd. 6) и «*Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde*» (Bd. 1–2. Leipz., 1912).

Ц. собирал и свою коллекцию папирусов при поддержке В. С. Голенищева, Б. А. Тураева (шурин Ц.) и М. И. Ростовцева (см.: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 54), включая описания некоторых экспонатов в свои палеографич. публикации: «Памятники греческого письма из Египта» (ЖМНП. 1909. Ноябрь; описание дощечек из эрмитажной коллекции, клочка каирского папируса со стихами из «Одиссеи», «этикетки мумии»); «Два греческих папируса коллекции В. С. Голенищева» (Там же. 1900. Апр.; издание папирусных писем III в. с палеографич. примеч. и коммент.); «Легенда об Эзопе по папирусу из Файума» (Сб. статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1905); «*Griechische Ostraka in der Kaiserlichen Eremitage in St.-Petersburg*» (*Archiv für Papyrusforschung*. 1913. № 5); «Греческий палимпсест V в.» (*Цертели Г. Ф.* Труды по истории античной литературы. Тбилиси, 1993: анализ рукописи IX в. с восстановлением смыслового фрагмента послания апостола Павла); и др.

Вкладом Ц. в отеч. текстологию стали также выполненные совместно с С. И. и А. И. Соболевскими собрания образцов греч. уставного письма из российских архивов ради «разрешения некоторых

вопросов о связи» древнеслав. письма с его греч. источниками: «**Exempla codicum Graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum**» (Vol. 1: Codices Mosquenses. Vol. 2: Codices Petropolitani. М., 1912–1913) и «**Exempla codicum Graecorum litteris uncialibus scriptorum**» (СПб., 1913). Ц. принадлежат также описания греч. рукописей в коллективном труде «Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей Императорской Публичной библиотеки» (СПб., 1914).

Последовательная работа с папирусами российских коллекций со временем привела Ц. к идее главного издания его жизни (совместно с П. В. Эрнштедтом и О. О. Крюгером) — выпущенной в Тбилиси пятитомной editio princeps 215 отеч. греч. папирусов II–VIII вв. — «**Papyri russischer und georgischer Sammlungen**» (Bd. 1: Literarische Texte, 1925; Bd. 2: Ptolemäische und frührömische Texte, 1929; Bd. 3: Spätromische und byzantinische Texte, 1930; Bd. 4: Die Kômē-Aphrodito Papyri, 1927; Bd. 5: Varia, 1935). Появление пяти этих выпусков сопровождалось благожелательными откликами европ. и российских специалистов, в т. ч. В. Шубарта (Gnomon. 1925. Bd. 6), Л. Кастильони (Aegyptus. 1926. Vol. 7), И. И. Толстого (Byzantion. 1926. Т. 2), У. Вилькена (Archiv für Papyrusforschung. 1932. Bd. 10) и др. О. Крюгер в рец. на III том отметил уникальность отдельных папирусов, тщательность подготовки греч. текста, где были исправлены ошибочные чтения, предложенные в прежних изданиях; минусом новоизданных текстов Крюгер считает отсутствие ударений. Рецензент признает интерес филол. комментария (исторический, по его мнению, бедноват) и ценность публикации на немецком, разве что язык ее показался ему несколько «неживым» (Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 204–210). Ц. возвращался к итогам этого труда

в обзорах: «**La papyrologie grecque en Russie**» (Chronique d'Égypte. 1931. № 12), «**Папирология в СССР и обзор хранящихся в музеях Москвы, Ленинграда и Тифлиса коллекций папирусов**» (Труды Тбилисского ун-та. 1936. Вып. 5).

Разносторонние способности, творческая пластичность, аристократизм духа позволяли Ц. успешно заниматься науч.-лит. работой не только в науч. центрах, но и в провинции, и в тюремной камере, где он по памяти переводил Горация. Связей с Петербургом Ц. не прерывал никогда: И. И. Толстой (Дневник. Т. 1–2. СПб., 2010. Указ.) упоминает о частых визитах к нему Ц., наезжавшего из Юрьева. В эту пору Ц. больше внимания уделял ист.-лит. занятиям и, отталкиваясь от свежих папирусных находок, сосредоточился на творчестве Менандра. Толкуя фрагменты новоаттич. комедии — «**Комедия Менандра “Земледелец”**» (ЖМНП. 1901. Авг.), «**Новооткрытая комедия Менандра Ἐπιτρέποντες**» (Там же. 1908. Окт.), «**Греческие литературные папирусы**» (Там же. 1909. Февр.) и др., — Ц. включал в изложение и свои переводы, мастерство которых было сразу отмечено рецензентами. Б. В. Варнеке, незадолго до Ц. переведивший Менандра прозой, признавался: «Я из стиха в стих сличал его <перевод комедии “Третьейский суд”> с текстом (по изданию фан-Лёвена) и немецким переводом Роберта. Греческий текст передан в стихотворном переводе проф. Цертели на редкость удачно, по близости к оригиналу он значительно превосходит перевод Роберта и в то же время остается изящным и ясным» (цит. по: Петровский Ф. А. Г. Ф. Цертели и его переводы античных поэтов // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1963. С. 338). Некоторые комедии Менандра («Третьейский суд», «Отрезанная коса», «Земледелец», «Герой») и ныне издаются по-русски в переводе Ц.

Венцом «менандровского» периода Ц. стала объемная (около 500 с.) докт.

монография «**Новые комедии Менандра**» (Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1914. № 5–6; и отд. отт.), в которой палеографич. этюды чередовались с ист.-лит. отступлениями — после ее появления Ф. Ф. З е л и н с к и й, оппонировавший на защите Ц., исключил этюд о Менандре из нового издания своего сб. «Из жизни идей» («Воскресшие поэты»), отослав читателей к труду Ц.

Во введении Ц. определил пьесы Менандра как «комедии индивидуального характера», заимствовавшие из драмы Еврипида гуманизм, изображение «жизни как таковой» и человека «как представителя и выразителя этой жизни»; он подробно остановился на их композиции, мотивах, характерах, сентенциях (гномике) и худож. эволюции, полемизируя в отношении ряда чтений с издателями текстов. Каждая из пяти глав дис. посвящена реконструкции по разрозненным фрагментам, «аргументу» (hypothesis) и сопоставлениям, в особенности с драмами Еврипида, сюжета пяти комедий: «Герой», «Третейский суд», «Самиянка», «Земледелец», «Отрезанная коса». И. И. Толстой в пространной и благожелательной рец. (ЖМНП. 1914. Авг. С. 271–333) предрек работе заслуженный успех, отметив достоинства реконструкций текста и ист.-лит. анализа, прекрасный лит. перевод и последовательное разделение в интерпретациях Ц. области факта и предположения: «Мне не раз вспоминалось, что первым учителем Г. Ф. Церетели был В. К. Ернштедт. Осторожны, всегда удачны и убедительны конъектуры Г. Ф. Церетели».

Хотя мир классич. античности был ему несравненно ближе, эпизодически Ц. обращался и к византийским текстам: по рукописи Моск. Синодальной библиотеки он издал «**Житие иже во святых отца нашего Арсения Великого**» (ЗИФФ. 1899. Ч. 50, вып. 1; и отд.) и сочинения Иоанна Италя «**Ioannis Itali opuscula selecta**» (Vol. 1–2. Тбилиси, 1924–1926). В 1920–1930-е Ц., писавший образно даже науч. статьи, много времени уделял лит. переводу: это был один из наиболее

талантливых переводчиков филол. направления, искусно передававший не только смысл и ритм, но и стилистич., даже эвфонич. черты оригинала (Busch. S. 206–207). О версификационном вкусе Ц. свидетельствуют и его оригинальные поэтич. опыты, напр., антологич. эпиграмма: «Древней Эллады создання, под холодом северной ночи / Вы, что привыкли к теплу, сжали свои лепестки. / С трепетом к вам подхожу, аромат ваш вдыхая священный; / В гиперборейской стране я стосковался по вас». В переводах Ц. вышли «Мимиабы» Герода (Тбилиси, 1929) и «Аргонавтика» Аполлония Родосского (опубликована многие годы после смерти Ц. — Тбилиси, 1964); переводил он и греч. лириков — Алкмана, Анакреонта, Алкея, Архилоха, Тиртея, Солона, Платона, Каллимаха и др., первоначально для первого тома своего курса «**История греческой литературы: образцы греческой эпической и лирической поэзии**» (Тифлис, 1927). Значителен вклад Ц. и в рус. горациану: его переводы из сб. «**К. Гораций Флакк. ПСС**» (М.; Л., 1936) во множестве перепечатываются в современных собраниях поэта. Редактор сборника Ф. А. Петровский к отличительным чертам Ц.-переводчика отнес предельную точность передачи вместе с личным переживанием древней поэзии: «Античный мир он не только изучал и знал как специалист-филолог <...>. Он его любил и чувствовал так, что мог вновь оживить его в нашем сознании» (Цит. соч. С. 337). О любовном отношении Ц. к переводу говорит и тот факт, что в 1936 он полностью переработал свои переводы Менандра ради замены пятистопного ямба на шестистопный, утвердившийся к тому времени для передачи ямбического trimetra.

Л и т е р а т у р а: Пам. книжка гимназии при имп. С.-Петербур. ИФИ. СПб., 1895; *Чевачинский А. И.* 25-летие С.-Петербур. 10-й гимназии. СПб., 1897; Наука и науч. работники СССР. Т. 6: Науч. работники СССР без Москвы

и Ленинграда. Л., 1928; *Каухчишвили С. Г.* Г. Ф. Церетели. Тбилиси, 1969; *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. М., 2002; Люди и судьбы; *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. СПб., 2005; *Фихман И. Ф.* Григорий Филимонович Церетели (1870–1939) // Древний мир и мы. Вып. 2. С. 207–217; Медведев 2006; Бузескул 2008; *Брачев В. С.* Служители ист. науки. СПб., 2010; Варнеке. 2014. № 1 ♦ Прозоров; Воронков; КЛЭ; Свясов; Фролов 2006; Российская академия наук; Тункина 2017.

Архивы: *Личные фонды:* Грузинский национальный центр рукописей (около 150 ед. хр.); *Отд. документы и письма:* СПбФ АРАН. Ф. 877 (П. В. Ернштедт); РГИА. Ф. 740 (в т. ч. дело о назначении орд. проф. и ф. с. 1912: Оп. 8. Ед. хр. 121); ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петерб. ун-т; в т. ч. студ. дело: Оп. 3. Ед. хр. 26370), 44 (Петерб. 10-я гимназия; в т. ч. ф. с. 1893: Оп. 2. Ед. хр. 540), 119 (Археол. ин-т).

В. П. Смышляева

ЦЫБУЛЬСКИЙ Степан Осипович

CYBULSKI Stefan Sylweryusz

[20.6(2.7).1858, Кушинцы
Подольской губ. — 21.2.1937,
Варшава], *филолог, педагог,
редактор ж. «Гермес»*

Из дворян. После начального домашнего образования с 3-го класса учился в Немировской гимназии (выпуск 1879) и на ИФФ Варшавского ун-та. По окончании курса (1883, канд.) до 1890 преподавал древние языки в Варшавской 4-й гимназии; летом 1887 выезжал в Грецию для изучения надписей и топографии Афин. С 1890 жил в Петербурге: учитель древних языков Царскосельской Николаевской гимназии (1890–1903) и Петерб. 3-й гимназии (с 1903; помимо древних языков читал психологию). Преподавал также рус. язык и всеобщую историю в Римско-католич. духовной семинарии и с 1910 — на ВЖК Раева. В 1915–1916 предс. пед. совета гимназии Ястржембской, с 1907 по 1919

Ц. директор Уч-ща св. Екатерины. Чл. РАО и Петерб. ОКФП; издатель-редактор (совместно с А. И. Малениным) печатного органа общ-ва — ж. «Гермес». Был чл. Пед. комиссии и Собрания преподавателей лат. языка (Гермес. 1907. № 3. С. 77); один из инициаторов проведения I съезда преподавателей древних языков в 1911, Ц. в 1918 вместе с Ф. Ф. Зелинским, А. М. Ловягиным и С. В. Мирошниковым — конечно, безуспешно — пытался возродить ОКФП (Там же. 1918. № 1–7. С. 125).

С 1920 жил в Польше, продолжая заниматься пед. и издательской деятельностью: советник и методист Мин-ва народного образования (визитатор классич. гимназий), товарищ министра народного просвещения, преподаватель греч. языка и специалист по методике преподавания древних языков в Варшавском ун-те. Выйдя на пенсию (1930) некоторое время руководил частной гимназией.

Науч. занятия Ц. начинал с формально-критич. упражнений в семинарах А. Ф. Мержинского и Ф. Н. Дьячана; под руководством последнего он написал канд. сочинение **«Фонетические и морфологические особенности языка в идиллиях Феокрита»**. Известность Ц. приобрел как педагог, поддержавший школьный классицизм различными методич. новациями. Он был автором серии прекрасно изданных (частью — в лейпцигском издательстве К. Кёлера) выпусков **«Иллюстраций быта древних греков и римлян в таблицах»** («Tabulae, quibus antiquitates Graecae et Romanae illustrantur») — современных наглядных пособий с объяснительными текстами. Каждый выпуск этой серии посвящен одной антикварной теме — устройству греч. дома, римск. лагеря, греч. театра, греч. и римск. судов, плану древних Афин и Рима и т. п., причем изготавливались как крупные — аудиторные — изображения, так и иллюстрации,

предназначенные для самостоятельной подготовки школьников. Уже первые выпуски таблиц «I: Оборонительное и наступательное оружие у древних греков» и «II: Греческие воины» (оба — Варшава, 1889) привлекли внимание к инициативе начинающего педагога. В отзыве на них В. В. Латышев (ФО. 1891. Т. 1. С. 71–81), отнеся некоторые ошибки и неразборчивость автора в источниках на счет новизны предприятия и неблагоприятных условий, в целом приветствовал труд Ц. как удачное и полезное издание. Из переписки с И. В. Помяловским 1888–1889 (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1407. Л. 1–5) видно, как серьезно Ц. относился к замечаниям старших коллег, стремясь учесть в комментариях новинки отеч. и зарубежной литературы. Дальнейшая публикация (и переиздания) таблиц также сопровождалась благожелательной критикой, хвалившей и дидактич. посыл, и техн. исполнение; критиковались преимущ. анахронизмы (возникавшие при совмещении разновременных планов в одной таблице, напр., Афин V в. до н. э. и римск. эпохи), отсутствие переводов для некоторых надписей, колебания эразмовой и рейхлиновой орфографии (см. рец. В. Грингмута на «**План города Афин и его гаваней**»: ФО. 1895. Т. 8. С. 94–98). Отд. выпуски «Таблиц» были переведены на иностр. языки и «пользовались сочувствием» в европ. гимназиях, получая награды на выставках в Париже, Амстердаме, Афинах, Чикаго (*Васильев Я.* Ист. записка по случаю 50 лет Варшавской 4-й мужской гимназии. Варшава, 1912. С. 22). В науч. отношении критика особо выделяла составленный «с полным знанием дела» (ЖМНП. 1895. Янв. С. 3) выпуск «**Греческие монеты: нумизматический атлас для школы и любителей греческих древностей**» (СПб., 1894; переработан затем при участии К. Реглинга, хранителя минцкабинета в Берлине) с комм.: «**Сокращенный объяснительный текст к иллюстрациям**

быта древних греков и римлян в таблицах. К табл. За: Греческие монеты» (СПб., 1914).

Ц. издал также ряд учеб. текстов, в т. ч. «**Гомер. Илиада. Песнь III**» (Царское Село, 1891), «**Художественное введение в IV книгу обвинительной речи М. Т. Цицерона против Верреса (О памятниках искусства). Греческая скульптура**» (СПб., 1900; о статуях, упоминаемых в речи), «**Die Kultur der Griechen und Römer, dargestellt an der Hand ihrer Gebrauchsgegenstände und Bauten**» (Leipz., 1905). В них немало места уделено антикварным и искусствоведческим описаниям; в пособии о Цицероне так досконально перечислены упомянутые у оратора памятники искусства, что рецензент М. (Малеин?) дружески усомнился в методич. целесообразности такого собрания «всех сведений о греческой скульптуре к чтению одной речи» (ФО. 1900. Т. 19. С. 63). В высокой оценке культурного компонента в программах школьного классицизма Ц. был близок к воззрениям «царскосёлов» — И. Ф. Анненского (Ц. принадлежит рец. на

первый том его «Театра Еврипида» — СПбВед. 1907. 24 янв.), Ф. Ф. Зелинского, П. П. Митрофанова, Б. В. Варнеке и др. Историко-культурные отступления Ц. включал и в грамматич. пособия — напр., письма с фразами для запоминания, с пословицами и др. примерами (вместо правил), составленные по пособию С. Рейнака «Cornélie, ou Le Latin sans pleurs» (Paris, 1912; anast. 1995): **«Основы латинского языка в популярном изложении. По образцу кн. С. Рейнака: введение в чтение римских авторов»** (Пг.; М., 1915; рец. Э. Лямбека — РШ. 1916. № 5. С. 16).

С юности увлеченный музыкой и театром [сам он объяснял этот интерес скукой г. Немирова, в которую «единственное разнообразие вносили актеры» (Гермес. 1917. № 2. С. 53)], Ц. стал пропагандистом гимназич. театра, в т. ч. и как инструмента практич. освоения античности. Еще в 1888 и 1890 Ц. осуществил постановку «Антигоны» на греч. языке «с музыкой, пением и танцами» (см.: **Антигона Софокла. Лирические партии трагедии с метрическими делениями, музыкой и иллюстрациями, с приложением указаний для постановки трагедии на сцене.** СПб., 1892), которую позже не раз возобновлял (см. заметки: По поводу представления Софокловой «Электры» в Училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны в С.-Петербурге 6 января 1896 г. // ФО. 1896. Т. 10. С. 172–176; «Антигона» Софокла на сцене Петергофской гимназии императора Александра II // Гермес. 1908. № 2. С. 55; и др.). Ц. поощрял отзывами и рекомендациями постановки антич. драм другими педагогами и театральными режиссерами. В 1900-е он обращался в МНП с записками о необходимости проведения съезда преподавателей древних языков ради выработки методич. программ «сближения древнего мира с современным», в т. ч. посредством обогащения гимназич.

преподавания привлекательными материалами по антич. философии, искусству и литературе (см.: *Зоргенфрей Г.* ОКФП в 1905 и 1906 году // ЖМНП. 1908. Авг. С. 39). В послереволюционные 1918–1919 приветствовал возобновление постановки «Эдипа-царя» на арене петрогр. цирка (Гермес. 1918. № 1–7) и комедий Аристофана в школах («Лягушки» Аристофана // БИРЮЧ петрогр. гос. театров. 1919. № 13–14). В свои «театральные» заметки включал музыкальные каталоги и рекомендации по аранжировке греч. трагедии современной музыкой: **«Музыка и пение в гимназиях: опыт переложения на современную музыку 1257 и следующих стихов Софокловой трагедии “Антигона” по Мендельсону»** (ЖМНП. 1891. Март), **«Античная поэзия и древние мифы в музыкальной иллюстрации английских композиторов»** (Гермес. 1917. № 6–12). Читал публичные лекции «с музыкальными иллюстрациями», включавшие чередование музыкальных и декламационных номеров (**О музыке древних греков и римлян и первых христиан** // Гермес. 1911. № 15. С. 389).

«Достойнейший директор гимназии», Ц. был — по оценке Ф. Ф. Зелинского — представителем новой педагогики: усвоенный опыт европ. гимназии сочетался в нем с природной доброжелательностью (см. воспоминания А. Оцуца о «Степане», «на уроках которого было легко»: *Горный С.* Всякое бывало. Берлин, 1927. С. 63–74). Гимназич. педагогам Ц. адресовал и свой ж. «Гермес», унаследовавший просветительские традиции «Гимназии» Г. А. Янчевецкого и «ФО» А. В. Адольфа (Гермес. 1907. № 1. С. 3). Для облегчения нагрузки учеников классич. гимназии Ц. рекомендовал повышать в программах долю курсорного чтения: «Нужно читать возможно больше, чтобы усвоить язык писателя, легче его понимать» (**Как читать в гимназии римских прозаиков** // Там же. 1912. № 1. С. 11) и добиваться

«гармонии труда и отдыха» (нагружать детей с учетом возрастных особенностей психики). В подведомственном ему уч-ще привлекал подопечных к развивающим занятиям в хоре, мастерской, театральных кружках, «музейчике древностей», экспонаты для которого заказывал и собирал гл. обр. сам; вывозил учеников на экскурсии и т. д. (см.: Частная с правами для учащихся мужская гимназия при римско-католической церкви св. Екатерины в С.-Петербурге: отчет за 1912–1913 учеб. г. СПб., 1913. С. 48, 62). Размышления Ц. о современном воспитании представлены в сб. **«Три школьных вопроса. Отметки. Экзамены. Отдых»** (Пг., 1917).

В Варшаве 1920-х Ц. остался тем же энергичным пропагандистом классич. образования: организовал просветительское филол. объединение, печатал

гимназич. программы по классич. филологии, поддерживал в школах театральные и музыкальные общ-ва, редактировал филол. сборники, сотрудничал в альм. «Przegląd Humanistyczny». В последний год своей жизни Ц. выступал на заседании Польского филол. общества с докладом «Akademicki teatr klasyczny» (Eos. 1937. № 2. S. 24).

Литература: *Стрибульский С. Г.* Ист. записка о Немировской гимназии. Немиров, 1888; *Макимова С. Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX в. М., 2005 ♦ Прозоров; Воронков; Фёдоров; Бузескул 2008; Тункина 2017; *Polski Słownik Biograficzny*. Т. 4. Kraków, 1938.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РО ИРЛИ. Ф. 377; РГИА. Ф. 733, 740; ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский); ЦГИА СПб. Ф. 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

Ш

Ш А Д

Герман Иванович

SCHAD Hermann Friedrich Gustav

[1801/02, Йена, Саксен-Веймар —
1846, Петербург],
богослов, филолог

Ш. — сын Ивана Егоровича Шада, в 1805–1816 профессора философии и лат. словесности Харьк. ун-та.

И. Е. Шад (Schad Johann Baptist, 1758–1834) — ученик И. Г. Фихте, доктор философии Йенского ун-та и автор ряда философских трактатов, прибыл в открывающийся Харьк. ун-т в 1804; занимал каф. теоретической и практической философии, а с отъездом Белена де Баллю также каф. лат. словесности (1810–1814). Заподозренный в вольнодумстве и шеллингианстве, был, по приказу нового главы МНП А. Н. Голицина, отставлен без пенсии и выслан с семьей из России в начале 1816 (подробнее см.: Смышляева 2015. С. 486–487, с лит.).

Начальное образование, преимущ. домашнее, Ш. получил в Харькове, где проживал с отцом до 1816. После обвинения в либеральных взглядах и увольнения отца Ш., семья была выслана из России, так что Ш. продолжил учение в Йене и Галле. Кандидат богословия и д-р философии (Йенский ун-т, 1825). По

окончании курса преподавал лат. и нем. языки, историю и физику в Веймарской гимназии; от Веймарской консистории получил *venia concionandi* (разрешение на чтение проповедей). В Россию отбыл в 1828, возможно, в качестве домашнего учителя. В 1831, сдав в Моск. губернской гимназии экзамен на звание гимназич. учителя лат. и нем. языков, подал прошение о месте комнатного надзирателя при пансионе 3-й Петерб. гимназии. Вопрос о замещении столь скромного места рассматривался в янв. 1832 попечителем Петерб. УО и ректором Петерб. ун-та А. А. Дегуровым, бывшим оппонентом Шада-отца (РГИА. Ф. 733. Оп. 22. № 116), поэтому в гимназич. деле Ш. (ЦГИА СПб. Ф. 439. № 425) представлены его заверенные дипломы и рекомендации («свидетельства о поведении») от Г. Шторха и Ф. Аделунга; они не подтверждают сообщений некоторых отеч. изданий об учебе Ш. в Харьков. ун-те. В 1838 Ш., в своей частной практике не прекращавший, по его словам, «занятий древними языками» и особенно «изучения латинской литературы» (ЦГИА СПб. Ф. 439. № 425. Л. 25), занял место учителя лат. языка в Петерб. 3-й гимназии. С 1838 по 1846 преподавал нем. и лат. языки в Петерб. мед.-хирург. академии, в 1842–1843 служил учителем лат. языка в Петерб. 1-й гимназии.

В Россию приехал с прошением о возвращении имущества, утраченного его семьей во время высылки (1816), но, несмотря на поддержку попечителя Харьков. ун-та А. Перовского, компенсации материального ущерба не добился (*Багaley Д. И.* Удаление профессора И. Е. Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899. С. 138). В Петербурге за время службы выпустил два скромных пособия: «**Начальные правила греческой грамматики по руководству И. Г. Шнейдера**» (СПб., 1834; ³1840) и «**Учебную книгу латинского языка для первоначального чтения, составляющую прибавление к грамматике Кошанского...**» (СПб., 1843). Рецензент 3-го изд. «Начальных правил» (Оз. 1840. № 10. С. 89–90) отдал предпочтение перед пособием Ш. громоздкой грамматике Буттмана в переводе Д. П. Попова (учителю проще сократить пухлого Буттмана, чем «биться с плохо составленной книжкой, объяснение которой потребует вдвое большего труда») — из-за невнятности некоторых определений Ш. (образца «Ударение. Сие подвигается по данным правилам всегда к началу слова, в противном случае происходит слитие»), неудачных сокращений с вокальным исходом (образца «настоя.» для указания настоящего времени), но главное — из-за отсутствия в пособии Ш. фонетич. и синтаксич. разделов. В целом пособия Ш. представляли собой методически разумные (сравнительно с обычными в те годы переводными учебниками древних языков), но крайне упрощенные справочники: автору мешало недостаточное знание грамматич. теории и рус. языка.

Литература: Аничков; *Соловьёв Д. Н.* 50-летие С.-Петерб. 1-й гимназии. СПб., 1880; *Прозоров Г. М.* Материалы для истории имп. С.-Петерб. Мед.-хирург. академии. СПб., 1850 ♦ Воронов; *Прозоров.*

В. П. Смышляева

ШЕБОР

Осип (Иосиф) Антонович

SCHEBOR / ŠEBOR Iosef

[27.1.1847 (22.1.1848 ?), Нимбург, Богемия — 10.4.1928, Прага; Ольшанское кладб.],
филолог, лингвист

Чех, «из городского сословия», с 1880 в российском подданстве. Окончив классич. гимназию в Праге (1867), в Россию приехал с семьей акад. Я. К. Грота в качестве учителя его сыновей. В 1868–1872 занимался на ИФФ Петерб. ун-та (кандидат), 1872–1873 — магистрант (РГИА. Ф. 733. Оп. 148. Ед. хр. 37); в 1877 выдержал магист. экзамен по римск. словесности. В 1873 на месяц зачислся в Петерб. 9-ю (Введенскую) гимназию, в сентябре того же года поступил преподавателем древних языков в Петерб. 5-ю гимназию (до 1877). С 1875 читал римск. словесность на младших курсах Петерб. ун-та: прив.-доц. (1875–1896) и в Петерб. ИФИ: экстр. проф. (1877), орд. проф. (1894–1897); преподавал лат. язык на Петерб. ВЖК. В 1883–1884 выезжал для науч. занятий в Германию (Гейдельберг). Чл. РАО. В начале 1896 серьезно заболел и был направлен для лечения за границу — годичная командировка была продлена еще на полгода, после чего в октябре 1897 Ш. выслал прошение об отставке. Несколько лет жил на юге Европы (Италия, Греция и Швейцария), с 1906 — в Австро-Венгрии (преимущ. в Праге), где преподавал лат., чешский и рус. языки. В 1914 подвергся аресту в г. Цве(т)тле (Нижняя Австрия), в Прагу сумел вернуться лишь в 1918; в 1920-е преподавал там лат. язык в Рус. народном ун-те.

Уже в гимназии выделялся лингв. способностями: гимназистом старших классов слушал на Пражских политехн. курсах лекции известного слависта

Й. Коларжа, который и порекомендовал его Гроту; о годах преподавания в семействе Гротов Ш. оставил краткие воспоминания, см. сб. «Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей» (СПб., 1911). Тогда же Ш. перевел на чеш. язык и издал в Праге «Ревизора» Гоголя (1867, ²1882). Студентом пользовался расположением Н. М. Благовещенского, который писал в 1871: «В третьем курсе на первом плане у меня Шебор, который занимается очень усердно и недавно подал мне хорошую диссертацию о родительном падеже» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 581. Л. 65). В Гейдельберге слушал курс истории лат. языка и интерпретацию Квинтилиана у Ф. Шёлля, историю филологии — у Г. Улига, римск. древности — у К. Ваксмута, занимался лат. палеографией (литограф. курс палеографии Ш. для слушательниц Петерб. ВЖК сохранился в РНБ). Получив, по письму Л. А. Миллера, доступ в местную б-ку, делал колляции комедий Плавта («Канат»): «Эта работа меня в высшей степени интересует, так что я решился

сделать колляции всех неизданных еще во 2-ом издании Ричля комедий» (из письма 1883: ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1425. Л. 5). Планировал, по-видимому, писать на материале архаич. латыни дис. об «отдельных синтаксических явлениях в языке Плавта, главным образом в области частиц» (Там же. Л. 9), однако был, как нередко случается, «научно хорошо подготовленный, но великий кунктатор» (Зелинский Ф. Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 4. С. 122) и настойчивости в осуществлении своего намерения не проявил. Причислял себя к «убежденным лингвистам»: «Считаю лингвистику необходимой для филолога-классика наукой» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1425. Л. 25). Впрочем, теоретич. проблемами, в отличие от соотечественников — выпускников Пражского ун-та (И. В. Нетушила, И. И. Мейера, А. В. Добыша и др.), интересовался мало, как видно из литографий его курсов «**Синтаксис латинского языка**» (СПб., 1891) и «**Краткий обзор развития грамматики в древности и в новые времена**» (СПб., 1891 и др. изд.). На петерб. каф. имел репутацию «лингвиста», но публиковал (в т. ч. и для того, чтобы за статью «что-нибудь перепало») гл. обр. заметки критико-экзегетич. содержания: «**Несколько критических заметок к Плавту**» (ЖМНП. 1884. Авг.; об интерполяциях в комедии «Mercator»), «**К Плавту**» (Там же. 1891. Апр.; с обоснованием эмэндации *tene* в Aul. 425), «**Латинский infinitivus futuri passivi**» (ФО. 1892. Т. 2; с возражением против предложенного Р. Кюннером выведения инфинитива *datum iri* из безлич. *datum itur*). В статье «**Hor. Sat. I, 9, 43 sqq.**» (ЖМНП. 1894. Авг.) дана новая интерпретация места ради «незаносчивого» понимания ответа Горация на вопрос об отношении к нему Мецената «*raucorum hominum <modo> et <quidem hominum> mentis bene sanae*» в смысле: «как немногие люди, и притом люди разумные»; и др. Эпизодически Ш. обращался

к переводам (**Гораций. Sat. I** // Гермес. 1911. № 3) и к рецензированию работ по лат. грамматике.

Некоторую известность Ш. принесли добротные гимназич. издания текстов Горация: «**Гораций. Избранные стихотворения. Вып. 1: Оды и эподы**» (Т. 1–2. СПб., 1890; ¹⁰1916) и «**Гораций. Избранные стихотворения. Вып. 2: Сатиры и послания**» (СПб., 1909); издавал еще Горация в серии В. М. Краузе: «**Q. Horatii Flacci carmina**» (СПб., 1890). В комментариях к этим изданиям учел помимо европ. также лучшие отеч. работы о Горации (Н. М. Благовещенского, В. И. Модестова, Г. Э. Зенгера, Л. А. Миллера; в рус. публикациях последнего иногда выступал переводчиком (см.: ЖМНП. 1890. Июнь. С. 19). Добротные издания Ш., впрочем, устарели к началу XX в., а пребывание за границей, отход от пед. деятельности и ипохондрия не располагали автора к их переработке, так что переиздания их время от времени становились предметом острой критики. Рецензенты обычно отмечали не вполне удачный выбор стихотворений (преобладание официозных од), стилистич. диссонанс рус. заглавий образца «Всяк сверчок знай свой шесток» (для оды IV, 2), неровности в языке комментария (*lacrimosa* в I, 8, 14, напр., Ш. пояснял: «Гибель Трои сопровождалась обильными слезами побежденных») и игнорирование новейших работ о Горации (*Сонни* А. Заметки к одам Горация // Гермес. 1915. № 17–20. С. 385, 387, 416). И. И. Холодник в рец. на изд. «Сатир и посланий» (ЖМНП. 1910. Март. С. 112–118) упрекнул издателя и за тривиальность вступ. очерка, так что задетый «дурным тоном» бывшего ученика Ш. разразился нервным «**Ответом г. Холоднику**» (Там же. 1910. Ноябрь. С. 110–141).

В разные годы Ш. был наставником многих петерб. классиков, в т. ч. Б. В. Варнеке, Н. А. Гельвиха, Н. В. Санчурского, В. В. Петуховой

и др. Несмотря на придирчивость, он пользовался симпатией многих слушателей. «Горация он знал немногим хуже Мюллера, а в критике текста стоял выше его», — писал Варнеке (Варнеке. 2013. № 4. С. 142). По отзыву С. Платонова, «О. Шебор <...>, живой и нервный, читал “Буколики” Виргилия с большим подъемом и имел аудиторию» (*Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1921. С. 107); С. А. Жебелеву, впрочем, Ш. показался «скорее учителем» (ВДИ. 1968. № 3. С. 167). Спокойная петерб. жизнь Ш. была прервана в конце 1895 серьезной болезнью. Встретивший его за границей М. И. Ростовцев писал И. В. Помяловскому в апреле 1896: «Осипа Антоновича я видел в Вене <...>, он выглядит очень и очень плохо» (см.: Скифский роман. С. 420). После многолетней реабилитации жить в России Ш. уже не решился, хотя еще в 1900 подумывал о возвращении в Петербург: «Соскучился я за границей основательно» (ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 1425. Л. 70 об.). Связи Ш. с рус. коллегами и учениками не прерывались до начала войны.

Литература: *Иванов К. А.* 50-летие С.-Петербург. 5-й гимназии. СПб., 1896; *Вахромеева О. Б.* Духовное пространство университета: ВЖК. 1878–1918. СПб., 2003; *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб., 2004; *Тункина И. В.* Акад. Н. П. Кондаков: последние годы жизни // МРВ. С. 641–765; Незабываемые могилы. Т. 6; Чехи в С.-Петербурге. С. 97–98 ♦ Брокгауз; БС Петерб. ун-та; Веселовский; Воронков; Свиясов; Российское научное зарубежье: библиограф. справочник / сост. М. Ю. Сорокина. М., 2011; Тункина 2017; Österreichisches Biographisches Lexikon. Bd. 12. Wien, 2001. S. 76.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733 (в т. ч. п. д. и ф. с. 1898 — Оп. 136. Ед. хр. 326); ОР РНБ. Ф. 41 (М. А. Балакирев), 120 (Бычковы), 608 (И. В. Помяловский) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петербург. ун-т; в т. ч. студ. дело — Оп. 5. Ед. хр. 3982), 53 (Петербург. ИФИ).

В. П. Смышляева

ШЛИМАН
Ге(й)нрих (Андрей) Аристович
(Эрастович / Орестович)

SCHLIEMANN Heinrich / ŠLIMAN G.

[6.1.1822, Ной-Буков, Мекленбург-Шверин — 26.12.1890, Неаполь; похоронен в Афинах]; *полиглот, филэллин, раскопщик Трои, зачинатель микенской археологии*

Представитель европ. деловой жизни и культуры эпохи *Gründerzeit*, один из самых известных в мире немцев, Ш. принадлежит также рус. и греч. культуре. Становление его необычной судьбы пришлось на годы в Петербурге (1846–1866), откуда Ш. постоянно отправлялся в (иногда продолжительные) поездки. Между тем важно знать, как на Ш. повлияла рус. семья и окружение и как, начиная с раскопок Трои в 1871, его труды отозвались в России. В основе рассказов о жизни Ш. лежит его «Автобиография», дописанная — что характерно — не автором: *Schliemann Sophia* (hrsg.). *Heinrich Schliemanns Selbstbiographie bis zu seinem Tode / vervollständigt von A. Brückner* (Leipzig, 1892; ²1936 — neubearb. und mit einem Nachwort hrsg. von E. Meyer; ¹⁰1968). Так называемая троянская мечта Ш. — *Traum von Troja* — утверждала следующее: еще ребенком Ш. мечтает найти Трои, о которой услышал из пересказов гомеровских поэм; отменяя сомнения прагматичного века, он решает отыскать и раскрыть троянские стены, но сперва — добыть средства, которые позволят ему самолично осуществить титанический план; с помощью заступа он докажет сомневающимся, что в основном все было именно так, как рассказано у Гомера.

Ш. провел детство в Анкерсхагене (Мекленбург), где его отец был пастором. Благополучие кончилось для него рано в связи с тяжкими неурядицами в семье: отец был человеком образованным, но далеким от нравов, каких принято ожидать у пастора; мать, привязанная к детям и располагавшая некоторыми связями в обществе, умерла рано. Из

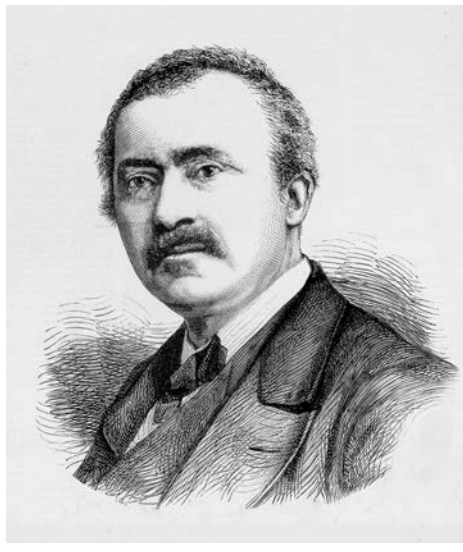
солидной Ней-Стрелицкой гимназии мальчику пришлось перейти в расположенное рядом реальное уч-ще, а в 1836 поступить учеником в мелочную лавку в Фюрстенберге. Поучившись бухгалтерскому делу в Ростове, юноша отправляется искать счастья в Венесуэлу (1841), попадает в кораблекрушение у берегов Голландии и оказывается в Амстердаме; затем служит курьером в экспортной фирме Шрёдеров; показав недюжинные способности в освоении иностр. языков, он становится делопроизводителем (1842–1845). После того как Ш. освоил и рус. язык, ему стали поручать ведение дел с рус. негодьями, благодаря чему он обратил на себя внимание просвещенных коммерсантов, каковы были Алексеевы, Сергей А. Живаго (брат — акад. живописи Семен А. Живаго), братья Малютины и др.

В 1846 Шрёдеры посылают Ш. в Россию с ее обширным рынком, где он через год становится российским подданным и заводит собственное дело по продаже главного товара Шрёдеров — красителя индиго, потребного при стремительно растущей в России текстильной отрасли.

Успехи молодого негодья в С.-Петербурге вскоре дают ему возможность вести жизнь крупного коммерсанта; используя растущую по всему свету железнодорожную сеть, он постоянно выезжает в Зап. Европу как по делам, так и — со временем все более — ради самообразования, усердно посещающая европ. центры с их театрами и музеями. В пору Золотой лихорадки (1850–1852) Ш. устремляется в Калифорнию, где на него среди проч. производит впечатление высококультурный рус. литератор А. Г. Ротчев (1806–1873), бывший начальник крепости Форт Росс, что нашло отражение в первом Американском дневнике Ш. (*Schliemann's First Visit to America 1850–1851* / ed. by Sh. H. Weber. Cambridge, Mass., 1942. P. 71).

Выросшая из борьбы за существование страсть к обогащению постепенно перерастает у Ш. в жадную навертать упущенное в юности, восполняя свое образование наблюдением за жизнью различных народов, чему способствовал лингв. дар, неустанно им развиваемый. Деловые приемы и строгий распорядок жизни способствуют решению этих задач. Безответственные рассказы о (мнимом) жульничестве Ш., в частности, во время Крымской войны — не более, чем *testimonium paupertatis* тех, кто эти обвинения возводит; как ни правдоподобно они звучат сегодня, ни одного документа, подтверждающего рассказы о гнилых сапогах и негодном порохе, будто бы поставляемых Ш. русской армии, не обнаружено, между тем как есть данные, показывающие, что имело место обратное: Ш. был из дельцов, считавших честность самым верным путем к выгоде. Имя Ш. становится в один ряд с успешными негодьями и банкирами европ. метрополии, какою тогда был С.-Петербург, а именно — с такими деловыми и вместе с тем просвещенными людьми, как А. Л. Штиглиц, банкиры Фелейзены, Гинцбурги, Ф. П. Родоканакис и др.

Задумав жениться, прижившийся в России немец искал у невесты не денег, а хорошего воспитания, считая, что именно в этом случае вероятен брак с хорошей, ибо послушной, женой. После нескольких сорвавшихся попыток сватовства Ш. в 1852 женится на Ек. Петр. Лыжиной (1826–1896), девушке из достойной семьи, которая в петровское время была промышленной, а к сер. XIX в. стала интеллигентской: ст. брат, Н. П. Лыжин, получил ученую степень в Петерб. ун-те за дис. по рус. истории (*Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие*. СПб., 1857); образованный и «передовой» молодой человек занимался воспитанием детей принца Петра Георг. Ольденбургского. Мл. брат Екатерины, П. П. Лыжин, был, как и Лыжин-отец, юристом. Рассказы о не понявших возвышенных мечтаний Ш. русских купцах сложились у биографов под влиянием национальных стереотипов

в сочетании с обаянием легенды о «трянской мечте». На деле рус. семья, с которой соединился увлеченный своим коммерческим успехом делец-полиглот, отличалась скорее некоторым пренебрежением к материальным заботам. Национальный колер в семейном укладе Лыжиных был скорее стилизацией, если учесть, что молодые Лыжины окончили Петришуле и берегли почтительную дружбу с наставниками своей школы начиная с ее директора Ф. К. Лоренца, который был чл.-корр. Петерб. АН и проф. ГПИ по всеобщей истории; бывали у Лыжиных и др. наставники, напр., учитель истории в Петришуле А. А. Мел(л)ин, опекавший брата Николая, и т. д.

Так Ш. вписывается в круг столичной интеллигенции, которая к этому времени показывала признаки заметного культурного оживления. В частности, это привело Ш. в соприкосновение с филэллинизмом в его российском изводе, напр., в виде увлечения гомеровскими поэмами в пер. Гнедича и Жуковского. Ознакомившись с положением древних языков в рус. гимназиях и видя, что они ценятся

как основа серьезной образованности, Ш. обращает, наконец, внимание на греч. язык и начинает брать уроки у обучающихся в СПбДА студентов-греков (один из этих студентов-учителей, Ф. Вимбос (Βίμπλος), впоследствии станет еп. Афинским и Мантинейским, а заодно патроном греч. брака Ш.). Учитывая травму своего неполного гимназич. образования и отличную сноровку в освоении языков, Ш., держась своей испробованной metody, начинает соревноваться со своими шурыми, стремясь показать им, что его метод освоения языков применим и к древним языкам и что он выше того, который принят в российских школах. Греч. записки, которыми он обменивается с Ф. П. Родоканаки или Эд. фон Муральтом (Гаврилов 2006. С. 118, 372 и сл.) показывают, что Ш., наряду с чтением древних текстов, освоил архаизированный вариант кафаревусы, на котором с тех пор говорил и писал.

Существенно, что полиглот Ш. с юности связывал изучение очередного языка с привязанностью к нескольким лит. шедеврам, что увеличивало значимость его новых приобретений не только в лингв. смысле. Это не было изучение литератур, но так приобретались, невзначай, и лит. навыки. После того как в 1856 Ш. довелось прослушать в здании 12 коллегий латинскую лекцию Лоренца об эпохе Карла Великого (Акт девятого выпуска студентов Главного Педагогического института. 21 июня 1856 г. СПб.), это оказалось для него критически важно: Ш. вдруг открылось, что кроме способности пользоваться различными языками хорошо бы располагать чем-нибудь, о чем стоило бы рассказывать образованным людям (*Schliemann*. Briefwechsel. Bd. 1. S. 87–88).

Со временем у соприкоснувшегося с ученой средой немецко-русского купца начало развиваться ученое самолюбие, выглядевшее странно у человека, не получившего правильного образования. Желание Ш. заняться «науками» в возрасте, когда от успешного ученого

можно было ожидать профессорского звания, озадачивало близких. Внутренняя тревога разбогатевшего на оптовой торговле мужа, который не выпускает из рук греческого Гомера, грезит об астрономии и один за другим изучает словенский, шведский, арабский язык, начинает беспокоить Екатерину Ш., тем более что спор о том, как следует изучать иностр. языки и хороша ли рус. система образования вообще, постепенно превращается в *casus belli* в лоне семейства. В этом контексте следует понимать фразу из письма Екат. Петр., которую издатель ее ценнейшей корреспонденции поставил в заголовок своей публикации: «Не привози с собою Гомера...»: письма Е. П. Шлиман Генриху Шлиману / предисл., подгот. текста и примеч. И. А. Богданова (СПб., 1998). Скепсис Лыжиных к неопиту «наук» в сорок лет в отношении любого другого человека был бы оправдан, но в том-то и дело, что Ш. был совершенно особый случай, чего не понимал, видно, и он сам, когда предлагал превратить свою методику изучения языков в общее правило.

Достигнутый к началу 1860-х коммерческий успех Ш. для него самого подтверждал его исключительные способности к самоорганизации и к достижению цели в любом деле. Не опуская рук, миллионер наряду с изучением греч. обогащает свои сведения о латыни и пишет лат. записки юристу Ф. А. Ку(х)чинскому, взяв несколько уроков стилистики у Э. Муральта. Новым успехам в освоении языков, включая уже и древние (то была самая питательная часть образовательного меню), соответствует расширение кругозора Ш. — его поездки захватывают теперь различные обл. Средиземноморья; его интересуют и места, и музеи, которые он научился всё внимательнее осматривать, оставляя дневниковые заметки всякий раз на языке посещаемой страны (теперь почти все они изданы, ибо признаны содержательными в различных отношениях). Кроме Британского музея или Лувра,

Ш. знакомится со скандинавскими музеями, где к этому времени был разработан понятийный каркас для изучения дописьменных культур Европы. Эрмитаж с его растущими коллекциями вещей, найденных в Сев. Причерноморье, открыт для широкой публики с 1852 и привлекает внимание образованных людей; при министерстве двора с 1859 действует Имп. Археол. комиссия, труды которой в 1860-е были особенно сосредоточены на следах антич. цивилизации в Причерноморье.

Когда в 1859 Ш. отправляется в продолжительное вост. путешествие, в частности, по Египту, выдающийся иранист Б. А. Дорн, как и шурин Ш. — Н. П. Лыжин, учено его напутствуют. Влюбившийся в «науки» лингвист-негоциант начинает взаимодействовать с петерб. ученым сообществом, однажды уяснив себе, что человеку богатому легче дается общение с элитой знания, чем принадлежность к ней. Кризис самоотождествления сильной натуры обернулся кризисом в семейных отношениях, который с годами все более разрастался.

Путешествуя, Ш. еще в 1859 проезжает мимо Трояды без того, чтобы его дневник выдавал намерение искать Трою. После кругосветного путешествия (конец 1864 — янв. 1866), когда рус. дела были уже свернуты, Ш. по-прежнему не спешит к стенам Трои, зато оставляет в дневнике этого путешествия впечатляющее описание знакомства с Великой Китайской стеной. Неудивительно, что в пору углубления семейного кризиса и лечения кумысом в приволжских степях (**Дневник 1866 года. Путешествие по Волге** / подгот. к изд. И. А. Богданов. СПб., 1998) русская часть пути, а вместе и русский период жизни Ш., завершается визитом в Керчь-Пантикапей и заинтересованным описанием того, что неслучайно называют «родиной русской классич. археологии». Подходящая к завершению прямая связь с Россией увенчана, т. о., прямым вниманием Ш. к *античной археологии*.

Однако и теперь, несмотря на знание Гомера в оригинале, Троя и Гомер все еще не господствуют в душе Ш. в той мере, какая ожидалась бы при наличии «тroyанской мечты». Собираясь в кругосветное путешествие, Ш. изучает языки Индии, а в 1866, перебравшись в Париж, слушает курс по истории философии и сказкам «1001 ночи», занимается санскритом и пр. В первой книжке Ш., рукопись которой подписана еще Петербургом, видна надежда автора занять не просто видные, но и ответственные позиции в рус. *деловом* мире: «La Chine et le Japon au temps présent» (Paris, 1867).

Выехав из России читателем, влюбленным в Гомера и греч. классиков, и энтузиастом археологии (*Klein L. S. Schliemann à Saint-Petersbourg // Dossiers d'archéologie. 1995. № 206. Août-sept. P. 18–27*), Ш. не мог не заметить колоссальный престиж последней в Европе: роскошные фолианты Наполеона III о раскопках Алезии и воен. кампаниях Юлия Цезаря явили честолюбцу триумф археол. подхода к истории. Яркий пример соревнования за превосходство в обладании предметами классич. искусства в эти годы — приобретения С. А. Геденова для Эрмитажа и шум вокруг этого в Европе. Тогда же настойчиво обсуждаются исследования о локализации древней Трои с готовностью изучать следы описанных Гомером воен. действий по возможности на местности (*Nicolaïdes G. Topographie et plan stratégique de l'Iliade. Paris, 1867*). Наиболее значительным событием в этом отношении был новый вариант книги Ч. Макларена (*MacLaren Ch. The Plain of Troy Described and the Identity of the Ilium of Homer. With the New Ilium of Strabo Proved by Comparing the Poet's Narrative with the Present Topography. Edinburgh, 1863*). Первое издание книги выдающегося шотландского эрудита, издателя «Encyclopaedia Britannica», появилось за 40 лет до этого, так что Ш. мог ознакомиться с любым из двух изданий, предвосхитивших его собственные мнения о местонахождении Трои.

Начав с поисков супружеского ложа Одиссея на Итаке (местоположение которой и само-то гадательно), Ш. подается в Троаду и, поколебавшись между Бунарбаши, где некоторые ученые предполагали ист. Трою, и Гиссарлыком, в 1868 знакомится с британцем Фрэнком Калвертом (1828–1908), который выступал в Турции в качестве сперва британского, затем американского консульского сотрудника и археолога-любителя. Осознав правильность воззрений Макларена, Калверт, как и К. Г. фон Экенбрехер (1807–1887), еще в 1865 начал искать Трою на приобретенном семьей Калверта участке Гиссарлыка; впрочем, пробные раскопки на этом холме убедили Калверта в необходимости крупных средств для внушительных археол. действий. Ш. оценил свой шанс, и предложил Калверту договор и скоро — как это бывает не только с любителями — позабыл о вкладе других в решение проблемы. Теперь у Ш. была не только смутная цель, но и задача, притом не совсем правильно поставленная: утверждая, что он нашел Трою, Ш. притязал на то, что раскопал Троянскую войну; выражаясь иначе, он объявлял историчной и документированной археологически — т. е. будто бы неопровержимо — сюжетную основу «Илиады».

Предприняв рискованный (и последний!) визит в Петербург под Рождество на 1869 ради семейных переговоров, Ш. рассказал о своем (теперь, наконец, действительно сложившемся) плане раскопать Трою — и о том, как с помощью лопаты он докажет, насколько историчны Гомер, «Илиада» и ее сюжет. Как сам он поведал сыну после одного из своих шумных археол. успехов в Европе, это вызвало (не беспричинный, надо признать) смех Екат. Петр. и ее приглашенного на случай эксцессов брата. Грядущие успехи Ш. в находках материала скрывали от него самого и слишком горячих его поклонников, что самые волнующие его

надежды неисполнимы и что, обнаруживая удивительнейшие остатки прошлого, лопата не отменит необходимости толковать предметы, сомневаться и ошибаться, т. е. герменевтику, чаще всего живущую в симбиозе с филологией.

В пору новых критических раздумий над герменевтич. стороной археологии (*Cobet J. Gab es den Trojanischen Krieg? // Antike Welt. 1983. Bd. 14. № 4. S. 39–58*) стало яснее, как, тысячекратно обогатив материал, Ш. запутал дело с его осмыслением. Раскопав в Трое ворота, он называл их Скейскими и утверждал, что именно здесь происходило в некоторый день и час хрестоматийное прощание Гектора и Андромахи; микенская зол. маска, найденная Ш. в 1876, являла ему Агамемнона, потому что он «таким и представлял себе» гомеровского царя. Эту проблему, в отличие от публики, сразу распознала науч. критика, напр., склонный к противоположной крайности, именно к гиперкритицизму, А. Ф. Э н м а н, который (в противовес Ш. с его *Homergläubigkeit*) не только не доверял источникам сверх меры, но часто оспаривал в них и то, что могло быть историей, хотя бы и попавшей в традицию различных эпох (*Enmann A. F. Über die Geschichtlichkeit des Trojanischen Krieges // Jahresberichte der St. Katharinen-schule. Spb., 1887*).

Почти все места, где Ш. провел или начал раскопки с 1871 до конца своей жизни, обследуются далее поколениями археологов и историков из разных стран; без Ш. невозможно представить себе изучение Греции, архаической в особенности. Располагая достаточными материальными ресурсами и огромной энергией как в организации раскопок, так и в безотлагательном подведении первых итогов работы, Ш. развернул деятельность, до сих пор поражающую воображение и сделавшую его героем — ἥρως — эллинского мира.

Об археол. трудах Ш., как и о промахах и достижениях в его деятельности, существует огромная лит-ра, показывающая роль Ш. в ходе исследований: *Гёрц К. К.*

Генрих Шлиман, его жизнь, раскопки и литературные труды // РВ. 1882. Т. 157, кн. 2. С. 879–910 (= Собрание сочинений. СПб., 1898. Вып. 5. С. 291–338); Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. 2: Древне-греческий мир. Петербург (sic!), 1924. С. 35–55; Herrmann J. (hrsg.) Heinrich Schliemann: Grundlagen und Ergebnisse moderner Archäologie 100 Jahre nach Schliemanns Tod (internationale Tagung vom 3.–6. Dezember 1990, Berlin). Berlin, 1992; etc.

После двух десятилетий знакомства с Ш. как российским подданным и отцом оставшегося на родине семейства, интерес в России к баснословным археол. притязаниям бывшего соотечественника в 1870-е – 1880-е сложился быстро. Успех в науке, исходящий от дилетанта, прославившего, как казалось, ученых мандаринов, не мог не быть предельно острым.

В рус. обществе рано сложились партии как ярых поклонников Ш., так и резких его критиков. К поклонникам нужно отнести бар. Н. К. Богушевского — археолога-любителя, получившего образование в Англии. Заведя переписку с Ш., Богушевский стал застрельщиком ряда ранних публикаций о его достижениях, как и избрания археолога-миллионера членом Псковской Археол. комиссии при Комитете статистики уже в мае 1874 — раньше, чем экстравагантного маргинала признали в Лондоне и Берлине. В течение двух археол. десятилетий к Ш. в места его раскопок приезжала также и рус. образованная публика — ученые, иногда представители знати. Среди особ, которых Ш. водил по своим раскопкам, был тесть греч. короля — вел. кн. Константин Ник.; бывали у Ш. вел. кн. Константин Конст., министр нар. просв. и секр. РГО А. В. Головин; из молодых тогда ученых В. В. Латышев, А. Н. Шукарёв, В. Э. Регель, В. А. Теплов, Г. И. Лапшин и др.

Что касается недоверия к археологу-дельцу, то выразителен эпизод с акад. Л. Э. Стефани, кончившийся, как ни странно, триумфом дилетанта. Л. Стефани решил оспорить датировку нашумевших

микенских находок, объявив золото кладом германцев-герулов (*Stephani L. Erklärung einiger im Jahre 1876 in südlichem Rußland gefundener Kunstwerke // Comptes-Rendus CIA. Supplément. SPb., 1880. № 18*). Вопреки ожиданиям специалистов, любитель, воспользовавшись советами своих ученых друзей (Ч. Ньютона, А. Г. Сэйса, А. Мильхгёфера и др.), разбил надменную критику эрмитажного знатока и выступивших в качестве его оруженосцев латиниста Л. А. Миллера и археолога Эд. Шульце (*Schulze E. Schliemanns mykenische Alterthümer: Eine kritische Untersuchung mit Berücksichtigung russischer Funde // Russische Revue. 1880. Bd. 16. S. 389–419*). В конечном счете выяснилось, что если Ш. недооценил старину микенских находок на полтысячи лет, то почтенный академик переоценил их «новизну» примерно на два тысячелетия.

Как ни замечательно было «Приамово сокровище», коммерсант, который продолжал жить в Ш., не мог не стремиться пристроить его получше, уступая клад (в ценности и цельности которого иногда возникали сомнения) монархам Греции, Великобритании, России или властям Франции. В этой истории виден делец, который порой слепо преследует свою (иногда кажущуюся) выгоду. Победителями из устроенного Ш. состязания вышли Р. Вирхов как посредник и кайзер Вильгельм, сделавший Ш. почетным гражданином Берлина (1881), что после церк. брака в России и развода в США (Индианополис, 1869) действовало на все стороны умиротворяющим образом.

По российским законам такой развод был чреват обвинением в двоеженстве; именно поэтому Ш. после своего греч. брака в сент. 1869 более не появлялся в России. Впрочем, негласно на дело можно было смотреть шире, как показывают бумаги с запросом из Берлина в Петербург насчет «морального облика» Ш.; ответ из нем. посольства

в С.-Петербурге таков, что был бы должен охладить и новых обвинителей Ш. как коммерсанта: финансовые дела Ш. находились в порядке, а в отношении рус. семьи наблюдатели видели, что все происходит по обоюдному согласию (Гаврилов 2006. С. 260–265; 393–395).

После Второй мировой войны троянский клад, пропавший в оккупированном союзниками Берлине в 1945, долго искали повсюду, пока он не отыскался по большей части в Москве.

Это выяснилось определенно уже в 1990-е (см.: Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина: каталог выставки. 16 апр. 1996 — 15 апр. 1997. М., 1996; Шлиман — Петербург — Троя: каталог выставки в Государственном Эрмитаже / под общ. науч. ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 70–71).

С судьбой «Приамова клада» не надо смешивать троянские находки, которые Ш. посылал в Петербург, в Музей техн. рисования при училище бар. Штиглица, находившийся под эгидой зятя последнего — А. А. Половцова: Ш. делал это не только для популяризации своих научных достижений, но и ради продвижения своего сына Сергея по гос. службе.

В ходе XX в. получилось, что эти вещи оказались разрознены по многим (российским и не только) музеям (ср.: Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликового производств / сост. А. А. Карбоньер. СПб., 1899; *Неверов О. Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 198–208).

В 1880–1881 Ш., мечтая о Колхидском проекте на Кавказе (с Золотым руном *in spe*), пытался заинтересовать рус. правительство будущим вкладом в археол. исследования России, а заодно укрепить связь с детьми из своего рус. брака, о которых он не уставал заботиться.

Воспитание сына, Сергея Андреевича Ш., нельзя назвать удачей; чувства отцовской вины усугублялись слабохарактерностью сына. Неприкаязанный в советском

обществе С. А. Шлиман провел конец жизни в крайней бедности и дожил чуть ли не до блокады Ленинграда. Несравненно благополучнее была дочь, Надежда Андреевна (1861, Петергоф — 1935, Лозанна), которая еще при жизни отца вышла замуж за выдающегося геолога, в будущем акад. Н. И. Андрусова (1861–1924), выехавшего из советской России с семьей в Чехословакию и Францию. Один из их сыновей Д. Н. Андрусов был основателем Гос. Геолог. ин-та в Братиславе и словацким академиком. Его дочь, Г. Д. Андрусова-Влчкова, стала геологом; правнучка Ш. и Е. П. Лыжиной, она настойчиво указывала на несправедливое освещение, которое писатели романов о Ш. обыкновенно дают его рус. семье (*Andrusová-Vlčková G.* Heinrich Schliemann und seine russische Familie // *Mitteilungen aus dem Heinrich-Schliemann-Museum Ankershagen.* 1999. Н. 6. S. 41–60).

Поляризация мнений в пору ранней рецепции Шлимана свидетельствует о противопоставлении непрофессиональных энтузиастов, с одной стороны, и рутинных профессионалов — с другой, при чем проступали и слабости обеих сторон. Историки (напр., «положительный» в отношении древних Ф. Ф. Соколов) и знатоки антич. искусства (А. А. Павловский, К. К. Гёрс) иногда чересчур беззаботно сочувствовали мнениям Ш.; филологи, напротив, напрочь отказывались ему верить. Зато акад. К. М. Бэр считал, что строгим судьям (часто это были петерб. немцы) лучше бы помочь открывателю советом, а не заниматься травлей того, кто добывает для науки ошеломляюще новый материал. На этом фоне нужно оценить зрелую формулировку Ф. Г. Мищенко, который применительно к Ш. говорит о «заслуживающих внимания, хотя не совсем соответствующих собственной оценке результатах». После кончины Ш. на заседании РАО в мае 1891 с докладом о нем выступил А. Н. Щукарёв, а в прениях — Н. П. Кондаков.

Из «фактов», изложенных выше, следует, в частности, трюизм: автобиографию

интересно сравнивать, но не следует смешивать с биографией; автобиография Ш. — беллетризованный образ самого себя, self-image, над которым он работал почти всю жизнь, сочиняя персональную сагу из хаотичной действительности.

Четыре ступени «Автобиографии» Ш.: (1) в переписке с близкими с 1840-х выстраиваются черты шлимановской легенды; (2) в 1869 написано предисл. к «Ithaque, le Péloponnèse, Troie: Recherches archéologiques» (Paris, 1869); нем. вариант: Leipzig, 1869; Vorrede, S. XIX–XXVIII в изд.: Ithaka, der Peloponnes und Troja: Archäologische Forschungen / mit einem Vorwort zur Neuauflage von E. Meyer. Darmstadt, 1963; (3) в 1880 появляется наиболее зрелый вариант «Автобиографии», сосредоточенный на «Трое»: Plios. Einleitung. S. 1–22; (4) наконец, в 1892 «Автобиографию» Ш. [Schliemann Sophia (hrsg.). Heinrich Schliemanns Selbstbiographie] довершают и, сообразно воле покойного, утверждают во мнении потомства близкие ему люди.

Влияние автобиогр. творчества Ш., который был скорее самолюбивым мечтателем, чем человеком, способным к самонаблюдению, в беллетристике возобладавало. В этом смысле Traum von Troja — плод лит. творчества коммерсанта, который вдруг превратился в ученого, персональный автобиогр. миф, отражающий поиски собственного образа; это притча, использующая материал собственной судьбы. Неудивительно, что появились десятки лит. биографий Ш., находящихся под определяющим влиянием шлимановского мифа (у нас это кн.: Мейерович М. Шлиман. М., 1938; 1966; сюда же относится кн.: Богданов И. Долгая дорога в Трою. СПб., 1994). Именно ради этого впечатления миф и был задуман его создателем — героическим дилетантом; этот миф действовал как зов волюнтаризма и грюндерства, примененных к культуре.

Вехой в создании правильного подхода к биографии Ш. была небольшая монография Д. Н. Егорова «Генрих Шлиман» (Пг., 1923), где автор, руководствуясь

девизом «автобиография чаще всего враг биографии», принялся изучать развитие Ш. на основе фактов и свидетельств его жизни. Историк-германист, медиевист и деятель РГБ в послереволюционные годы, чл.-корр. АН СССР Д. Н. Егоров (1878–1931, репрессирован) указал верный подход к анализу жизненного пути Ш. без зависимости от автобиографии последнего. Новаторство этого подхода было оценено более 70 лет спустя после появления небольшой книжки Егорова, когда был выполнен комментированный нем. перевод этого ценнейшего исследования [Jegorow D. N. Heinrich Schliemann (Eine Biographie, Petersburg 1923) / Aus dem Russischen übers., hrsg. und komm. von A. Jähne // Das Altertum. 1998. Bd. 44, № 3. S. 165–232]. Как маститый исследователь всеобщей истории, Егоров остро чувствовал высокий культурно-исторический интерес той неординарной ситуации в науке и вокруг нее, которую теперь связывают с «феноменом Шлимана».

Ш. нелегко понимать не потому, что он особенно сложен, а потому, что он решительно не похож на большинство ученых, вовремя получивших науч. выучку и дисциплину в различных смыслах слова; он способен и к безумно смелым утверждениям, и к провалам почти «на ровном месте», какие немислимы у обычного специалиста. Для понимания Ш. нужно, кроме знания фактов его жизни, немало психологии и много эпистемологии; небезразличны здесь и социология знания, и вопросы дидактики.

Для Ш. конца 1860-х, перед началом его археол. деятельности, характерно чувство, которое Егоров окрестил «верой во Гомера», или «верой в бессмертие традиции»; оно по-детски наивно (в этом смысле рассказ Ш. о своих детских планах находит себе некое психол. оправдание) и мало пригодно для критич. знания. Однако если учесть, что в те самые десятилетия научное знание страдало доведенным до крайности недоверием к любым древним преданиям (гиперкритицизм), то значение вызывающе простодушной веры несколько меняется: две крайности подталкивают ученых к поискам равновесия.

Другое дело, что для публики, как и для Ш., доверие к источникам было не плодом эпистемологич. раздумий, а как бы естественной предпосылкой; в лице Ш. с его ослепительными (и часто ослепляющими) находками публика получала удобный аргумент против ученых с их рутинным знанием и нерешительностью.

Ряд интересных академ. событий развернулся в связи с подготовкой 100-летия со дня смерти Ш. в 1989–1991. Нападки американ. историков науки относительно крайней лживости (*mendacity*) Ш. [*Calder III W. M., Traill D. A. (eds.) Myth, Scandal and History: The Heinrich Schliemann Controversy and First Edition of the Mycenaean Diary. Detroit, 1986*] оказались едва ли не сильнее выдвинутых недругами Ш. при его жизни; при этом часть их была хорошо обоснована: сверх давно известных случаев были подтверждены документально случаи сознательного искажения фактов у Ш.

Учитывая огромный размах деятельности Ш., нашедший отражение в его книгах, переписке и дневниках, разговоры о «патологической лживости» Ш. вызвали не только нравственную оторопь, но и род паники среди тех, кто хранит и изучает необозримое множество найденных Ш. вещей: греч. археологии «демонтаж» Ш. угрожал хаосом. По счастью, подозрения в некоей едва ли не тотальной системе подлога и сплошной мистификации не оправдались. Однако критич. рассмотрение оправдало себя в том смысле, что из представленного на симпозиуме в Бад-Гомбурге (1989) материала для взвешенного суждения следовало: к указаниям Ш. надо относиться с большей осторожностью, чем это принято в отношении большинства ученых, особенно в тех случаях, когда его рассказ становится чересчур увлекательным. Перед нами не кабинетный ученый, прошедший традиционную школу и нормальную социализацию в науке, а даровитый самоучка, ставший

организатором эпохального культурно-исторического проекта, предпринятого на свой страх и риск.

После «критического» круглого стола в Бад-Гомбурге состоялся большой конгресс летом 1990 в Афинах с преобладанием археол. материала и «положительного» подхода (*International Congress "Archaeology and Heinrich Schliemann...": programme. Athens, 1990*). Вслед за этим последовала берлинская конференция в дек. 1991, которая постаралась диалектически превозмочь выявленные противоречия. В итоге на основе конкретных работ и изд. документов создан фундамент того, что можно назвать научным шлимановедением (*Schliemannforschung*).

После стремительного взлета Ш., наряду с острым интересом к новинкам, возникло с рус. стороны чувство, что человек, начавший столь широкую культурную деятельность вскоре по выезде из России, где он стал богат, чем-то ей обязан — а если так, то скорее всего своими капиталами, которые дали ему возможность ставить перед собой задачи, обычно недоступные для частных лиц ([*Аноним.*] Чем Шлиман обязан России // ИВ. 1880. Т. 3. № 7. С. 252–254). На деле Ш. в России действовал как высоко организованный, изобретательный, добросовестный предприниматель, вольно и невольно участвуя в индустриальном росте страны, где он жил. Влияние на него рус. семьи — опять же вольное и невольное — состояло по существу в том, что, благодаря занятиям этих петербуржцев и их связям, ставший русским подданным мекленбуржец был из многонациональной среды российских негоциантов поднят на уровень опять же международного в С.-Петербурге ученого сословия. Сын пастора, какие были первейшими поставщиками ученого сословия в Германии, не захотел стерпеть, чтобы русские, во втором или третьем поколении вышедшие из купцов, превзошли его в образовательном отношении. Ему стало совершенно необходимо найти

то место в обл. знания, к которому он окажется ближе всего и где он мог бы, используя свои силы, достичь большего — и он отыскал себе такое место в Трое и в археологии.

По существу «простые» факты биографии Ш., кажется, не только правдивее, но и увлекательнее, чем клубок житийных мотивов «тroyанской мечты», так полюбившийся публике разных возрастов и разных народов. Подход Ш. суггестивно навевал публике чувство, что науч. истина ценна, но не является исключительно достоянием ученых-профессионалов. Угадывалось и то, что Ш. занимается наукой не ради нее самой, а ради метафизически окрашенной задачи: можно и нужно отыскать поэзию прямо в земле, доказать, что лопата способна раскрыть то, о чем когда-то рассказывал греч. миф; у Ш. получается словно: *Dichtung ist Wahrheit*. Это было утопично, но и привлекательно — не зря амбициозные археологи призывают «копать проблемы».

Доказать, что поэзия и правда равносильны, а энергия с интуицией всемогущи, не сумел даже Ш. Зато кое в чем его титанической энергии удалось сделать больше того, что он объявлял: раскопав за неполных 20 лет немало мест, упомянутых в гомеровских поэмах (и отразив за это время свои раскопки в десяти отдельных томах, не считая переводов), он невзначай воскресил предметы и черты дотоле недостаточно осознававшейся цивилизации, которая у его продолжателей получила имя крито-микенской культуры, чтобы в течение XX в. обрести все более узнаваемое лицо. Потому и на доске дома, в котором он жил на 1-й линии Васильевского острова, написано не «открывателю Трои» (он был ее — и не только ее — *раскопщиком*), но, вслед за формулировкой М. Вентриса и Дж. Чэдвика, «отцу микенской археологии».

Литература: Briefe von Heinrich Schliemann / gesammelt und mit einer Einleitung in Auswahl hrsg. von E. Meyer; Geleitwort von

W. Dörpfeld. Berlin; Leipzig., 1936; *Schliemann H.* Briefwechsel / aus dem Nachlaß in Auswahl hrsg. von E. Meyer. Bd. 1: 1842–1875; Bd. 2: 1876–1890. Berlin, 1953–1958; *Meyer E.* Heinrich Schliemann — Kaufmann und Forscher. Göttingen; Zürich; Berlin; Frankfurt, 1969; *Trill D. A.* Schliemann of Troy, Treasure and Deceit. Cambridge, 1995; *Cobet J., Patzek B.* (hrsg.). Archäologie und historische Erinnerung. Nach 100 Jahren Heinrich Schliemann. Essen, 1992; Гаврилов 2006 ♦ Брокгауз; Βιβλιογραφία Εφορικού Σλήμαν. Ὑπὸ Γ. Σ. Κορρε. Ἐν Ἀθήναις, 1974 (№ 1–2155); *Einsle H., Bölke W.* Das Heinrich-Schliemann-Lexikon / mit einem Vorwort von Prof. Dr. G. St. Korres. Bremen; Rostock, 1996.

Архивы: Афинский архив Ш. в б-ке Геннадиевон (Gennadius Library): *Easton D. F.* The Schliemann Papers // The Annual of the British School at Athens. 1982. Vol. 77. P. 93–110.

А. К. Гаврилов

ШЛИТТЕР

Эдуард Егорович

SCHLÜT(T)ER Christian Eduard

[27.10(8.11).1800, Рига — 27.6(9.7).1848, Петербург], педагог

Родился в семье Георга Вильгельма Шлиттера, офицера, дворцового служащего (EAD № 76874) или, по послужному списку, тит. сов. (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 434. Л. 13 об.).

Окончил теологич. ф-т Дерпт. ун-та (1822–1825), до ун-та — на воен. службе. Степень — *Dr. philosophiae* — получил в 1829 в Йенском (по др. сведениям, в Берлинском) ун-те. По-видимому, курс наук Ш. прошел в Берлине, диплом д-ра философии получил в Йене, а свидетельство о праве преподавать древние языки — в Дерпте (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 434. Л. 14). Степень была получена Ш. за дис. «*Quomodo sophistae, qui Socratis aetate floruerunt, de artibus et disciplinis meriti fuerint*» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4639. Л. 3). Дис., кажется, не сохранилась.

С 1830 Ш. преподавал древние языки в 1-й (по др. сведениям, 2-й губернской)

и с 1833 — в 3-й гимназиях; в 1840 выступает как лектор лат. языка в Петерб. мед.-хирург. академии (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 434. Л. 3, 5, 16 об., 21, 24). С 1836 (по др. сведениям, с 1835) Ш. преподавал лат. язык на каф. римск. словесности в Петерб. ун-те юристам, ориенталистам и натуралистам, с 1843 — филологам младших курсов, которым читал, кроме латыни, «Энциклопедию и методологию филологических наук» и курс римск. древностей (Г р и г о р ь е в. С. 232; конспект этого курса находится среди личных материалов А. С. У в а р о в а; см.: *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в отделе письменных источников ГИМ // Тез. докладов Первых Уваровских чтений. 17–18 апр. 1990 г. Муром, 1990. С. 11).

Исполняя обязанности и получая оклад адъюнкта в ун-те, самого звания Ш. официально не имел, поскольку степень д-ра была ему присуждена за границей и он не проходил испытаний на степень магистра в каком-либо российском ун-те. Сохранилось коллективное представление профессоров древнеклассич. словесности филос. ф-та в Совет ун-та о присвоении Ш. звания адъюнкта (февр. 1843): «Его ученики, поступавшие в Университет из 3-й С.-Петербургской гимназии, всегда были лучшими из всех учащихся греческому языку и тем ясно показывали не только отличную способность своего наставника, но и особенную его ревность следить за современным развитием филологии во всем ее объеме. То же самое должно сказать и о его усердии и ученой деятельности во вверенной ему кафедре латинского языка» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4639. Л. 3 об). Представление не было удовлетворено и не было занесено в журнал заседания Совета; был поставлен вопрос, нужен ли кафедре по-прежнему еще один преподаватель латыни, т. к. по новому уставу латынь юристам не преподавалась (ср.: Там же. Л. 5–6 об.). Тем не менее Ш. оставался в ун-те до самой смерти.

Умер от холеры в Петербурге, имея чин коллеж. сов.

Незадолго до смерти Ш. был присвоен «Знак отличия за 15 лет беспорочной службы», однако вдова (Вильгельмина Густафовна, урожд. Линдгрэн) вынуждена была вернуть его. Этот знак давал ей право по смерти мужа просить о единократном денежном пособии, в котором ей, впрочем, было отказано; все, что она смогла получить, было суммой на похороны и пенсией в соответствии с гимназич. окладом Ш. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4639. Л. 12; Ф. 439. Оп. 1. Д. 434. Л. 34–35, 38, 45, 47, 56–56 об.).

О дальнейшей судьбе его семейства — вдовы и двух дочерей — сведений не обнаружено.

Литература: *Intelligenzblatt der Jenaischen Allgemeinen Literatur-Zeitung*. 1830 (März). № 13. Sp. 101; *Album Dorpat s. v.*; *Neuer Nekrolog der Deutschen*. Jg. 26 (1848). T. 2. Weimar, 1850. Nr. 1224; *Feyl O.* Beiträge zur Geschichte der Slavischen Verbindungen und internationalen Kontakte der Universität Jena. Jena, 1960. S. 300 ♦ Биографика СПбГУ.

Архивы: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 434; Ф. 14. Оп. 1. Д. 3519, 3700, 4639 (особ. Л. 1–21 об.).

Н. А. Кузнецова

Ш М И Д (Т)

Георг (Егор) Карлович

SCHMID Georg Karl Richard

[22.8.1836, Гёппинген, Вюртемберг — 14.8.1912, Берлин],

филолог, историк педагогики

Сын известного педагога и издателя К. А. Шмида. Филологией и богословием занимался в Тюбингене и Эрлангене; д-р философии Тюбингенского ун-та (1862). После недолгой службы в Эрлангенской гимназии переехал в Лифляндию: преподавал древние и нем. языки в Аренсбургской прогимназии (1862), Перновской гимназии (ныне г. Пярну);

1864–1868), Венденском уездном уч-ще (1868) и Голдингенском высшем уч-ще (1868–1870). С 1870 в Петербурге: начал преподавание в Уч-ще Мая, в 1871 приглашен в Петерб. ИФИ: наставник студентов (с 1872), воспитатель и учитель нем. языка в Институтской гимназии (с 1879). Также преподавал в Уч-ще св. Екатерины, заведовал б-кой деп. МНП (с 1872 до смерти). Российского подданства не принимал; скончался в Германии, куда выехал для лечения.

Науч. занятия Ш. начинал с ист.-лит. этюдов в семинарах Л. Дёдерлейна и В. Тейфеля; под руководством последнего написал сочинение о Курции Руфе, впоследствии доработанное до докт. дис. (частично отражено в статьях: **Когда К. Курций Руф написал свое сочинение «De rebus gestis Alexandri Magni»** // ЖМНП. 1874. Июль–авг.; **Zur Frage über Zeitalter des Q. Curtius Rufus** // Bursians JBer. 1876. Bd. 113). Как выпускник германского ун-та Ш. был сведущ в экзегезе и критике текста: эмендации и интерпретации мест из любимых авторов — Гомера и Еврипида — он публиковал в программах лифляндских гимназий и петерб. периодике. Заметное место в них занимала синтаксич. и стилистич. аргументация с выявлением особенностей идиостиля автора: «**Euripidea**» (ЖМНП. 1882. Ноябрь.), «**De Ione Euripidis**» (Leipz., 1884). О хорошей текстологич. подготовке Ш. свидетельствует его реконструкция папируса с текстом эпикурейца Филодема в статье «**Philodemea**» (Beilage zu dem Jahresbericht der St.-Katharinen-schule. SPb, 1885). Здесь Ш. удачно разобрал несколько пассажей, не давших А. К. Науку, так что последний, познакомившись с выводами Ш., нанес автору визит уважения (*Малеин* А. Г. К. Шмид: некролог // ЖМНП. 1912. Ноябрь. С. 39).

Критико-экзегетич. этюды Ш. публиковал до последних дней (**De Ciceronis ad Atticum epistula I, IV, 8** // *Philologus*. 1912. Bd. 71), но в эпоху гимназич.

преобразований (1870–1880-е) он надолго погрузился в историю европ. педагогики. Непосредственным поводом послужило участие в энциклопедич. проектах отца: *Encyklopädie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens* / hrsg. von K. A. Schmid. Bd. 1–11. Gotha, 1859–1878; *Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit* / bearb. <...> von K. A. Schmid. Bd. 1–5. Stuttgart, 1886–1902. Ш. редактировал последнее изд. со второго тома (после смерти К. А. Шмида в 1887), пополнив его собственными очерками о Мишеле Монтене, Дж. Локке, И. Базедове и др. деятелях европ. просвещения.

Увлеченность масштабным изданием, которое было осложнено «географическим фактором», т. к. большинство авторов и само издательство находились в Германии, многие годы ограничивала служебные амбиции Ш., которому, напр., пришлось отказаться от приглашения одной из берлинских гимназий, между тем как слабое знание рус. языка оставалось тяжелой помехой для его преподавательской карьеры в Петербурге. Зато необременительные обязанности наставника позволяли ему сосредоточиться на лит. занятиях: Ш. — автор более 100 публикаций в отеч. и германской периодике. В числе его очерков присутствуют обзоры по истории российского образования, основанные на архивных и рукописных материалах: обзор «**Geschichte der russischen Mittelschulen**», опубликованный Ш. как раздел в названном выше труде отца (*Encyklopädie... Bd. 11*. Gotha, 1878), был дополнен автором почти до 700 с. и, по указанию министра Д. А. Толстого, переведен на рус. язык, чтобы быть напечатанным в «ЖМНП» за 1877–1878 под заглавием «История средних учебных заведений в России» (отд. изд. — 1878).

Некоторые главы, в т. ч. развернутые характеристики деятелей русского образования, публиковались

Ш. в немецкоязычном российском ж. «Russische Revue», как было с очерком «**Das Professoren-Institut in Dorpat**» (Russische Revue. 1881. Bd. 19); очерки о С. С. Уварове вышли также и отдельными брошюрами: «**Zur russischen Gelehrten-geschichte: S. S. Uwarow und Chr. Fr. Gräfe**» (СПб., 1886), «**Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel**» (СПб., 1888). В «Russische Revue» Ш. напечатал с комментариями повесть о Москве путешественника XVI в. Я. Боха (1887. Bd. 27; рус. пер. — ЗАН. 1901. Т. 5). Анонимно (по причине критич. отношения к некоторым положениям нового ун-тского устава) выпустил очерк о российской ун-тской реформе: «**Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz vom 23. August 1884**» (Leipz., 1886). Ш. — издатель первого «гимназического Гомера» — добротного, ибо поэмы Гомера он «буквально nocturna versabat manu, versabat diurna» (Гермес. 1912. № 15. С. 384): 9 песней его «**Одиссеи Гомера**» (Ч. 1–3. СПб., 1878–1880; малая Петровская премия 1878) еще долго упоминались в журнальных обзорах как «хорошее школьное издание» (Наша учебная литература // ЖМНП. 1889. Март. С. 10). В отзыве комиссии по Петровским премиям (в составе В. Х. Лемонюса, К. Ф. Нейлисова и М. В. Пустонского) методич. опыт Ш. в составлении комментария к Гомеру («первый на русском языке комментарий к Гомеру, удовлетворяющий самым строгим и взыскательным требованиям») был оценен положительно (ЖМНП. 1879. Июль. С. 33), а И. Мейер назвал его единственным в России того времени удовлетворительным изданием Гомера (Там же. 1880. Апр. С. 173). Впрочем, «Одиссея» Ш. не избежала и критики [см. замечания коллеги Ш. по ИФИ А. Д. Вейсмана в его «Обзоре книг по греческой филологии, вышедших в России в 1879 году» (Там же. 1880. Окт. С. 432–440)], так что разочарованный Ш. оставил методич.

ниву. Впрочем, и Вейсман получил от Ш. совет: комментируя древних авторов для гимназистов, почаще заглядывать хотя бы в свой собственный словарь.

Охотник и любитель природы, Ш. в 1890-е увлекся древней зоонимикой. Годами не расставался он с энциклопедией А. Брема, а с середины 1890-х публиковал в «ЖМНП» (позже и в «Гермесе») оригинальные лексикологич. этюды под общими заглавиями «**Exegetica**» и «**Из древней зоологии**» (или «**В области древней зоологии**») — толкования именований рыб, птиц и животных в антич. текстах, от филол. загадок вроде гомеровского «зеленого соловья» (**Exegetica IV: De luscinia, quae apud Homerum, Sophoclem, Aristophanem est** // ЖМНП. 1904. Апр.) до скрупулезного анализа 55 названий рыб в поэме Овидия (**Exegetica VII: Рыбы в стихотворении Овидия «Halieutica** // Там же. 1906. Сент.). Легкие для идентификации названия судака, сепии и лоцмана-pilota соседствуют здесь с обсуждением семантики гапаксов образца *sus* и *lamyros*. В зоонимич. этимологиях Ш. опирался кроме свидетельств антич. авторов (Аристотеля, Плиния Старшего и др.) и на современную биологическую и медицинскую литературу.

Избранная по личному вкусу тема сблизил Ш. с О. Келлером, автором сочинения «Die antike Thierwelt», которое Ш. отрецензировал и «поправил» с присущей ему дотошностью (Там же. 1911. Июнь). Келлер призывал коллегу к более тесному науч. сотрудничеству в Германии, однако престарелый Ш. после смерти жены не решался возвратиться на родину.

В молодости он обращался и к грамматич. темам (**О первоначальном значении падежей, преимущественно в латинском языке** // Там же. 1876. Март), выпустил компактный учебник по греч. синтаксису «**Syntax der griechischen Sprache mit Übungsbeispielen**» (СПб.; Leipz., 1870). «Ярый сторонник строгого классического образования и убежденный

поклонник античности» (А. Малеин), в аудитории Ш. был педантичен на немецкий лад и потому к любимцам студентов не принадлежал; но ценность его консультаций (материал для некоторых справок «не кичившийся своими познаниями» Ш. подбирал неделями) ни у кого из слушателей не вызвала сомнения. Равным образом не хлопотал он и о любви начальства, так что в молодые годы из-за независимых суждений о деятельности гимназич. директоров бывал вынужден менять место службы.

Литература: *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета ММП. СПб., 1902
♦ Брокгауз; Прозоров; РБС; Воронков, ЕАД; Пам. книжки Петерб. ИФИ. 1874, 1887, 1892, 1898, 1902, 1912.

Архивы: *Личный фонд:* СПбФ АРАН. Ф. 41 (239 ед. хр.); *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 740 (в т. ч. п. д. и ф. с. 1909 и 1912 — Оп. 20. Ед. хр. 14; Оп. 26. Ед. хр. 478); ЦГИА СПб. Ф. 53 (Петербург. ИФИ).

В. П. Смышляева

ШМИТ

Федор Иванович (Карл Эрнест)

SCHMIT Th. / ŠMIT F. I.

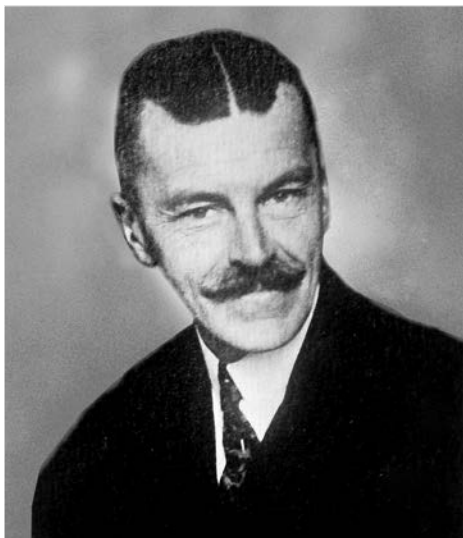
[3(15).5.1877, Петербург —
10.11(3.12?).1937, Узбекистан],
*искусствовед, археолог,
византинист, педагог*

Род. в семье обрусевших немцев. Отец — Карл Иоган Адольф Эрнест Шми(д)т, род. в Митаве (н. Елгава), кончил Петерб. Мед.-хирург. академию, служил цензором почтамта и дослужился до чина д. стат. сов. и потомственного дворянства; ум. в 1899 в Петербурге. Мать — Мария Карловна, дочь придворного музыканта-виолончелиста К. Б. Шуберта. «Обрусение» семьи было не очень глубоким: родители и дети исповедовали лютеранство, в доме говорили исключительно по-немецки, немецким был и уклад жизни. Ш. окончил

нем. уч-ще при церкви св. Екатерины (Katharinenschule) и в 1894 поступил на ИФФ Петерб. ун-та. В течение года был дом. учителем бар. А. Ф. Фитингоф-Шеля — время, о котором Ф. и впоследствии хранил благодарное воспоминание в смысле собственного культурного развития (*Исмагулова Т. Д., Кнауер Х., Савчук С.* Шмит Ф. И. // НР. Т. 3. С. 761).

В ун-те учился филологии у П. В. Никитина, а искусствоведению у А. В. Прахова, под влиянием которого выбрал историю искусств своим науч.-исслед. направлением. По окончании ун-та (1900) был оставлен на каф. для подготовки к проф. званию и поступил на службу к послу в Италию гр. А. И. Нелидову в качестве гувернера его сына. Тема первой науч. работы «**Стефануса Праксителя. Статуэтка из собрания Ал. Ив. Нелидова**» (ЖМНП. 1901. Сент. С. 147–155 = *Commentationes Nikitianae*. С. 282–290) была связана с античностью: на основании Plin. NH XXXIV, 69 молодой ученый давал атрибуцию статуэтке, изображающей молодую женщину, которая завязывает ленту на голове.

С мая 1901 по июнь 1904 был профессорским стипендиатом акад. Ф. И. Успенского в РАИК. Темой магист. дис. (защищена: Петербург, 1909; оппоненты: Д. В. Айналов, Б. В. Фармаковский) стал комплекс худож. памятников мечети Ка(х)риэ-Джами, основанный на месте перестроенного в XIV в. визант. монастыря Хора, чем до него занимались, в частности, Н. П. Кондаков, Ш. Диль и Д. В. Айналов. С момента публикации труда (Кахриэ-Джами. История монастыря Хора. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков // Изв. РАИК. 1906. Т. 11) Ш. прочно занял заметное положение в международном византиноведении. Рассмотрение памятников Кахриэ-Джами оказалось благодатной темой для исследования, так что изучение их во второй пол. XX в. за рубежом продолжалось с опорой на Ш. (А. Грабар, И. Шевченко и др.).

В 1904–1908 Ш. преподавал древние языки в Петергофской гимназии имп. Александра II; в 1904 женился на П. С. Шпе(е)р. С июля 1908 по 1912 Ш. занимал должность ученого секр. РАИК. Самостоятельные науч. контакты Ш. установил в 1912 г., приняв участие в конгрессе востоковедов в Афинах, где познакомился с историком антич. астрономии и астрологии Ф. Боллем (F. Boll) и гл. редактором ж. «Byzantinische Zeitschrift» А. Гейзенбергом (Aug. Heisenberg); последний имел выраженный интерес к культурной периодизации — напр., к вопросу о Ренессансе в Византии, который будет занимать и Ш. Творчески насыщенный и весьма успешным оказался харьков. период в жизни Ш. (1912–1921). Помимо преподавательской деятельности в тогдашней советской столице Украины Ш. заведовал каф. теории и истории искусств Харьков. ун-та. Здесь же постепенно формируется круг его учеников и последователей.

Драматич. момент в жизни Ш. был связан с Первой мировой войной: в 1914 во время пребывания вместе с семьей на

лечении в Рейнской обл. он оказался в нем. плену. Предложению продолжить работу в Берлинском ун-те Ш. предпочел возвращение в Россию; рассказывали, что в 1915 его обменяли на пленного нем. генерала.

В харьков. период определилось новое направление науч. исследований Ш. — теоретич. искусствознание, что было вызвано практич. необходимостью. Студ. аудитория ставила перед ним вопросы о том, почему искусство развивается так, а не иначе. Задумав написать курс всеобщей истории искусств с тем, чтобы найти в развитии искусства «правильность и закономерность», Ш. успел издать первый том **«Законы истории: введение к курсу всеобщей истории искусства»** (Харьков, 1916; Вып. 1), посвященный Египту, Месопотамии и крито-микенскому искусству. Позже Ш. отказался от продолжения этой серии, тем более что пособие было подвергнуто жесткой критике. В кн. **«Искусство — его психология, его стилистика, его эволюция»** (Харьков, 1919) Ш. изложил свою теорию эволюционно-циклич. развития искусства и с огорчением отмечал, что этот труд не встретил критич. обсуждения в науч. сообществе. Тогда же вышли в свет еще две монографии: **«Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела»** (Харьков, 1919) и **«Искусство Древней Руси и Украины»** (Харьков, 1919).

В те же годы в Харькове у Ш. возник интерес к изучению детского худож. мышления, на материале которого он попытался проверить свою гипотезу о филогенезе худож. мышления человечества. С этой целью в 1920 Ш. создал лабораторию по изучению этапов развития изобразительного мышления детей в Психоневрологич. ин-те Харькова. Лаборатория стала основой «Музея детского худож. творчества», открытого в Харькове в 1920. Еще в 1915, после введения по распоряжению МНП обязательного преподавания истории

антич. культуры и антич. искусства в гимназиях, Ш. разработал методiku изучения этого курса. Привлекая и собственный опыт, он установил, что ученики способны воспринимать не более 12-ти изображений за урок, если выделять по 4 минуты на каждый.

События гражданской войны 1918–1920 имели самые трагические, хотя и отсроченные, последствия в судьбе Ш. Власть «белых» и «красных» менялась в Харькове непрерывно, и ученому бывало сложно определиться в своих предпочтениях. Первые коллизии в жизни Ш. начались в июне 1919, когда он подписал коллективное письмо харьков. интеллигенции против красного террора. Весной 1921 Ш. переехал в Киев, где к тому времени он был избран д. чл. ВУАН и назначен ректором Археол. ин-та (1922). В Киеве занимался практич. работой по сохранению памятников, в т. ч. разработал план реставрации Софийского собора. К сер. 1920-х Ш., хоть и стал чл. ВУАН, обращается с просьбами к своим коллегам подыскать ему место в Москве или Петрограде. По рекомендации В. П. Зубова и при личном участии А. В. Луначарского, в 1924 Ш. был назначен директором Гос. Ин-та истории искусств в Ленинграде (ГИИИ). Вернувшись в город своей юности, ученый впервые получил возможность ввести в образовательный процесс свои теоретич. построения, прежде всего — концепцию циклич. развития искусства. Ш. приступает к реформированию Зубовского ин-та (ныне РИИИ), громко признавая своей целью сообразовать его с марксистской методологией и воюя против формализма в обл. изучения музыки, театра, литературы, музейного дела и кино. «Сердцем» ин-та становился т. н. социологич. комитет. Деятельность Ш. на посту директора ГИИИ не могла в этой ситуации не сопровождаться все углублявшимся расколом внутри ин-та; даже и в настоящее время роль Ш. как директора оценивается неоднозначно.

Во второй половине 1920-х Ш. дважды (1926, 1929) выезжал в Германию, сопровождая выставки древнерус. искусства. Во время поездки Ш. расширял свои связи с научным миром Германии, познакомился с Ж. Дестре — бывшим министром культуры Бельгии и первым предс. Международного бюро музеев, созданного в Париже в 1926, а также с К. Аденауэром, который был тогда обер-бургомистром Кёльна. Международное признание исследований Ш. в обл. теории музейного дела было отражено в публикации его статьи «Музеи Советского Союза» (сб. «Musées», вышедший в Париже в 1932 под ред. Ж. Вильденштейна).

В конце 1920-х началась систематич. критика работ Ш. в печати. Ученый старался соответствовать требованиям «марксистов», однако его продолжали обвинять то в неприятии марксизма, то в его вульгаризации, в следовании концепции О. Шпенглера и пр. В 1931 Ш. был уволен из РИИИ, который также доживал свои последние дни. Одним из последних мест работы Ш. в Ленинграде стал ГАИМК, где он организовал и возглавил экспедицию в Крым (1930–1931). Экспедиция в Эски-Кермен была удачна: раскопками заинтересовались различные ведомства. Но когда в конце 1932 Ш. стал готовиться к очередной экспедиции, провести ее уже не удалось (*Харитонов С. В.* Древний город Эски-Кермен: археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 68–80, 105–106). 26 нояб. 1933 Ш. был арестован по «делу Российской национальной партии», которое называют также «делом славистов» (ст. 58–10, 11). Его обвиняли, в частности, в том, что он принимал участие в руководстве «украинским филиалом организации», будто бы готовившим вооруженное восстание с целью отторжения Украины и присоединения ее к Германии.

В 1935 Ш. перевели в Ташкент, где он был принят в Гос. музей искусств УзССР на должность науч. консультанта по вопросам рус. и европ. искусства.

Здесь он продолжал писать, участвуя в организации и проведении худож. выставок; добился разрешения на поездку в Самарканд, чтобы исследовать там архитектурный ансамбль Регистан и купол мавзоля Гур-Эмир. 1 февр. 1937 Ш. был уволен с последнего места работы с формулировкой «по собственному желанию», а 5 нояб. 1937 постановлением тройки НКВД УзбССР приговорен к расстрелу. По сведениям МВД РФ, приговор приведен в исполнение 10.11.1937, по данным КГБ УзбССР — 3.12.1937. С этого времени имя Ш. на долгие годы было вычеркнуто из истории отеч. науки (до посмертной реабилитации в 1956).

Сын, Валерий (1910–1937), был арестован через несколько дней после отца и разделил его судьбу. Дочь, Павла, юность которой была тесно связана с ИИИ, впоследствии в течение многих лет собирала и изучала документы о жизни и творчестве отца [Шмит П. Ф. Воспоминания об отце (Фрагмент) / публ. Т. Д. Исмагуловой // Российский институт истории искусств в мемуарах / под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003. С. 191–214].

В основу своей цикло-фазовой периодизации истории искусства Ш. положил форму (способ) худож. мышления эпохи, которая в зависимости от поставленной формально-пластич. проблемы определяет «стиль» искусства, а в конечном итоге — стиль культуры.

Ш. выделил шесть худож.-пластических проблем в истории искусства, которые последовательно осваивает человечество в процессе своего развития: *ритм — форма — композиция — движение — пространство — свет*. По этим проблемам история искусства делится на циклы, и каждый цикл получает название худож. стиля, соответствующим образом разрешившего ту или иную проблему в искусстве (напр., ирреализм — проблему ритма, идеализм — проблему формы и т. п.). Согласно концепции Ш., первый цикл относится к палеолиту, второй — к неолиту, третий цикл охватывает искусство ассирио-вавилонской

Месопотамии, династич. Египта, минойского Крита, Индии и Китая. Культура и искусство антич. Греции, согласно типологии Ш., образуют четвертый цикл (реализм); европейская культура Средневековья и Нового времени укладываются в пятый цикл (иллюзионизм), а культура Новейшего времени — в шестой (импрессионизм).

Часть своей — в духе времени, эскизной — концепции, казавшейся ему наиболее стройной и убедительной, Ш. в 1925 удалось представить к обсуждению на совместном заседании Эрмитажа и ИИИ. В обсуждении приняли участие: Б. В. Фармаковский, О. Ф. Вальдгауэр, Б. Л. Богаевский и С. А. Жебелёв, которые не восприняли теорию Ш. не только в целом, но и в пределах антич. цикла: они отвергали саму идею поиска универсальной формулы антич. искусства. Фармаковский заявил, что искать таковую для всего греч. искусства невозможно, т. к. в нем наблюдаются две резко различные эпохи: «древнейшая» (до последней трети V в.) и «позднейшая» (с конца V в.): в первый период элемент ритма преобладает, однако осью греч. искусства является не проблема движения, а проблема своеобразного отношения к природе; указав на Родена, Фармаковский выразил сомнение в непревзойденности греч. достижений в обл. пластики. Вальдгауэр также отвергал проблему движения как центральную для искусства древних; гл. его проблемой он считал изображение индивидуальности, не отрицая при этом, что последняя лучше всего проявляется в движении. Наконец, Богаевский видел основную проблему антич. искусства в изображении человека в движении.

К проблемам антич. искусства Ш. обращался в ряде своих статей конца 1920-х — начала 1930-х. В статье «**О нескольких ранних эллинистических портретах**» (Античный портрет: сб. ст. Посвящается Оскару Фердинандовичу Вальдгауэру. Л., 1929. С. 23–30) Ш. рассматривал три

скульптурных портрета эллинистич. эпохи. В портретах Демосфена работы Полиевкта (70-х гг. III в. до н. э.), эллинистич. царя (неизвестного мастера), египетской царицы Береники III. выискивал черты «экспрессионистич. стиля» и свойственный этому стилю психологизм. Он проводил аналогии в фазах развития искусства эпохи эллинизма и новыми стилями в искусстве конца 1920-х. Ш. доказывал, что и тогда (в начале III в. до н. э.), и теперь (в 1920-е) «начало новой фазы сопровождается сходными явлениями фазы, ибо это позволяет нам изучить сам механизм того скачка, который отделяет фазу от фазы» (О нескольких ранних эллинистических портретах. С. 24).

В статье «К происхождению базилики» (Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 617–634) Ш. высказал мнение о том, что базилику как архитект. тип здания можно обнаружить в Древней Греции и Риме, в эллинизированных городах Востока и в Византии. Его вывод категоричен: «Существуют базилики чрезвычайно разнообразных форм, отражающих местные традиции и назначение здания. Нет базилики вообще...» (Цит. соч. С. 634).

Несмотря на то, что в интерпретации вопроса о происхождении базилики Ш. предлагает «марксистское» решение вопроса, его позиция примыкает к мнению одного из виднейших британских византинистов и искусствоведов XX в. — С. Манго. Последний через 43 года после Ш. предложил пересмотреть сложившееся в литературе представление о том, что прототипом христ. храма в форме базилики послужили гражданские постройки антич. Рима (*Mango S. Byzantine Architecture. New York, 1976. P. 61; см.: Давидова М. Г. О происхождении базилики. URL: <http://rusarch.ru/davidova1.htm>*).

В начале 1930-х Ш. подготовил ряд статей для первого издания Советской энциклопедии, в т. ч. статью «Греческое искусство» (БСЭ. Т. 19. Стлб. 168–189).

В ней подробно описаны все периоды развития древнегреч. искусства и последовательное решение греками художественно-пластич. проблем (движения, формы, композиции и др.), которые были выделены Ш. в его теоретич. концепции. Так, Ш. обнаружил черты иллюзионизма и психологизма в эллинистич. скульптуре: «художник создает не обобщенно-идеальные и отвлеченно-прекрасные фигуры, а стремится уловить жизнь, какова бы она ни была, даже если она страшна, уродлива и смешна». В качестве примера он называет скульптуры «Умиравший Галл», «Галл, убивающий себя и жену» и такие многофигурные ансамбли, как «Фарнезский бык», «Ниоба с детьми», «Нил с 16 'детьми'».

Выделение худож. доминанты каждой эпохи подтолкнуло Ш. сформулировать «закон диапазона», означающий, что всякому человеческому обществу свойственно внимание к определенным худож. проблемам и к решению этих проблем определенными худож. средствами. Древние греки, по его мнению, наиболее полно воплотили свой гений в решении *проблемы движения*, о чем свидетельствуют их достижения в обл. скульптуры. Заодно они решили сопутствующие задачи: 1) проблему формы (победа над фронтальностью); 2) создали канон пропорций человеческого тела; 3) в обл. композиции изобрели ритмически-осмысленное обрамление изображения — рамку (**Искусство: основные проблемы теории и истории**. Л., 1925. С. 135–147). Такова сумма худож. достижений и открытий греков, выявленных Ш. (*Сыченкова Л. А. «Закон диапазона» для греков или художественные открытия древней Эллады // Вопросы культурологии. 2008. № 7. С. 17–22*).

Что же означает тезис Ш. о «победе греков над фронтальностью»? В обл. изображения человеческого тела (в скульптуре и живописи) греки научились

передавать человеческую фигуру во всевозможных поворотах и положениях, со всевозможных точек зрения, не боясь даже достаточно трудных ракурсов. «Первыми настоящими скульпторами в мировой истории искусств были греки, и именно потому, что это был народ сильно моторного типа воображения» (Искусство: основные проблемы... С. 136).

Новшеством эллинов в области композиции было и то, что к нижней и верхней горизонтали они добавляют ограничение справа и слева — границы вертикальные, и тем создают картинку (Там же. С. 137–140). Т. о., греки, успешно решив первые проблемы, устремились к решению четвертой — к проблеме движения. К началу V в. до н. э. им удалось найти окончательную пластич. форму для передачи человеческих движений: так в композициях «Афина и Марсий» (Мирон), или «Ника» (Пэоний из Менды), или «Раненый воин» с вост. фронтона Эгинского храма, когда движение прерывисто, т. е. естественно может быть разложено на несколько последовательных стадий.

Здесь Ш. касается важной проблемы восприятия произведения искусства. «Зритель, моторно воспринимавший статую и, в силу человеческой раздражительности, про себя воспроизведший все показанные ему движения, чувствует, что вот тут должна произойти мгновенная остановка, за которой последует самое последнее напряжение. И зритель предчувствует это напряжение и верит художнику, что оно будет иметь место» (Там же. С. 139–140).

Достижение греков в обл. антич. пластики, которое ученый связывал с открытием этим древним народом худож. формулы для передачи иллюзии движения, — преодоление фронтальности, когда «статую надо было смотреть отовсюду» (Там же. С. 135–147). Кстати, «пространственность» мышления

греков, отмечали и др. рус. историки культуры (см.: *Зелинский Ф. Ф.* История античной культуры. Ч. 1–2. М., 1915. С. 216–218; *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М., 1930).

Восхищаясь гением греков, Ш. вынужден был констатировать предел их возможностей. Некоторые худож. проблемы оказались недостижимы для эллинов, т. к. не соответствовали их творческому диапазону. Ш. отмечал отсутствие психол. и индивидуальной портретной характеристики в греч. скульптуре вплоть до эпохи эллинизма. Греч. ваятели стремились создать не портрет, а маску с типичной «архаической улыбкой» (Искусство: основные проблемы... С. 143–144). На эту особенность греч. пластики, одновременно со Ш., обратил внимание и О. Шпенглер (*Шпенглер О.* Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1. Пг., 1923. С. 278).

Ш. считал древних греков творчески талантливым народом, которому было суждено сделать ряд важных худож. открытий. В рамках сформулированных им «закона перемещения центров», «закона преемственности» и «закона периодичности» в культуре, Ш. в 1916 предложил собственное объяснение авангардной роли греков в истории худож. культуры:

«Не всякий народ может всякое. Есть народы, которым суждено сеять и растить, зарождать и разрабатывать новые формы искусства, — таковы классические греки и итальянцы эпохи Возрождения; есть другие, которые пожинают зрелые плоды, — таковы римляне императорской эпохи и новые французы; есть третьи, у которых собран богатый урожай, и они роскошно пируют в мудрых беседах, коротая долгие зимние вечера, — такова была Византия, такова, по-видимому, будет Россия» (Законы истории... С. 156).

Возобновление идей Ш. связано с особенностями с публикациями Р. Б. Климова «Теория стадийного развития искусства

и статьи» (М., 2002) и В. Н. Прокофьева «Ф.И. Шмит (1877–1941) и его теория прогрессивного циклического развития искусства» (Советское искусствознание — 80. Вып. 2. М., 1981). «Возвращение» Ш. было неравномерным: в нем последовательно «открывали» византиниста, затем теоретика эстетики и музейного дела, и только в последнюю очередь, с большим недоверием, началась реабилитация его наследия в обл. теории искусства. Непростой жизненный путь Ш. сказался и на геогр. зигзагах публикаций о нем: кроме Ленинграда–Петербурга это были Харьков, Киев, Москва, Ташкент, Душанбе, Казань, Тверь, Астрахань и Ижевск.

На рубеже 2000-х начался новый этап в биограф. исследованиях о Ш.: появилось масса нового, ранее неизвестного материала, преимущ. мемуарного характера, позволяющего более подробно осветить некоторые сюжеты жизни ученого и взаимоотношения в профессиональном сообществе. Значительный вклад в исследование ленингр. периода в жизни Ш. и его директорства был сделан К. А. Кумпан (Институт истории искусств на рубеже 1920-х — 1930-х гг. // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М., 2014. С. 540–637). Можно констатировать, что создание биограф. образа Ш. еще не закончено, не только потому, что в последнее время появляется все больше мемуаров и дневников его современников, но еще и потому, что его биография необыкновенно богата драматич. и трагич. событиями.

Музеологич. наследию Ш. повезло больше: оно оказалось востребованным с начала 1990-х, и интерес к нему только усиливается. Возвращение этой части наследия ученого было начато в монографии С. Л. Чистотиновой (Федор Иванович Шмит. М., 1994), где она выделила наиболее перспективные направления

музейной теории Ш.: типология музеев, методика их организации, концепция музея о детях и для детей, в т. ч. музеев детского творчества, игрушки. Современные историки музеологии называют Ш. «одним из основоположников советской музеологической школы». Они ставят его в одном ряду с такими отеч. музееведами нач. XX в., как Н. И. Романов, Н. Г. Машковцев, И. Э. Грабарь, А. У. Зеленко, Н. Д. Бартрам, Б. Ф. Адлер, Г. Л. Малицкий, Я. Мексин и др. Начиная с 1990-х в России необычайно возрос индекс цитирования книги Ш. «Музейное дело» (1929): ее текст буквально растащили на цитаты и фрагменты, стало модным ссылаться на него как на «классика отечественной музеологической мысли». Однако теоретич. достижения Ш. в обл. музеологии, забытые на 80 лет в России, были хорошо известны и высоко оценены зарубежными специалистами 1930-х. Авторитету Ш. в зарубежном музейном сообществе посвящены публикации соврем. историка и музеолога В. Г. Ананьева.

Если в осмыслении общей теоретич. концепции развития искусства Ш. сделано уже очень много проф. К. В. Кулаевым, то его вклад в исследование детского творчества пока еще не получил достойного признания. В наше время продолжается осмысление шмитовского подхода к изучению детских рисунков. О. Л. Некрасова-Каратеева, напр., рассматривает поиски Ш. в одном ряду с трудами известных европ. специалистов по психологии детского худож. мышления конца XIX — начала XX в. Новации Ш. осмыслены не только в контексте экспериментальных разработок, но и в теоретич. поисках художников В. В. Кандинского и В. А. Фаворского. В историографии пока не получили достойной оценки опыт Ш. в обл. методики преподавания истории антич. искусства школьникам, которая не потеряла своего прикладного значения и может найти применение в современном гуманитарном образовании.

Новую историографич. традицию по осмыслению наследия и деятельности Ш. в Харькове и Киеве представляют современные украинские искусствоведы и историки. Освоение многопланового наследия ученого было начато еще в советское время: в Харькове в 1987 была проведена конференция, посвященная 110-летию со дня рождения Ш. Современные украинские историки высоко оценивают вклад Ш. в развитие национального византиноведения и искусствоведения. Эпизодически интерес к творческому наследию Ш. и к вопросу о его научной школе проявляется и в узбекской историографии, где в изучении среднеазиатского искусства признаются заслуги Ш., наряду с другими ссыльными рус. интеллигентами 1930-х.

Наследие Ш. многогранно, и не все компоненты его творчества изучены в настоящее время одинаково. Пока остаются без внимания его концепция рус. искусства, исследования по филогенезу худож.-изобразительного мышления детей, не получил достойной оценки его вклад в дело по сохранению культурного наследия. Не осмыслен интересный опыт Ш. по развитию новой модели искусствоведческого образования.

Теория Ш. остается недостаточно известной в международной науке. Ретроспективный анализ позволяет увидеть уязвимые моменты циклической концепции искусства Ш. Однако при оценке значимости его теории необходимо учитывать, что она была создана после долгого преобладания позитивистской методологии, когда появилось увлечение поиском законов, закономерностей и логики природных и социальных процессов: осмысление картины мира как развертывающегося процесса отражало специфику науч. мышления того времени.

Рукописное наследие Ш. сохранилось в архивах Петербурга, Москвы, Киева, Ташкента. В конце 1990-х было сделано первое подробное археограф. описание материалов, хранящихся в петербургских архивах (*Басаргина*. Ф. И. Шмит...

С. 478–496; *Басаргина* 1999. С. 108–118). Первая подробная биография Ш. (261 с.), написанная его дочерью П. Ф. Шмит, была передана автором в несколько архивов (*Басаргина*. Ф. И. Шмит... С. 478, примеч. 1). Новым шагом на пути «открытия» наследия «не до конца забытого» теоретика искусства стала первая публикация в 2010 статьи Ш. о Н. П. Кондакове, с комментариями акад. Г. И. Вздорнова. Еще важнее на пути «возвращения» наследия Ш. в историю российской науки стало первое издание избранных трудов ученого **«Федор Шмит. Избранное. Искусство: проблемы теории и истории»** (СПб., 2013).

Среди плеяды учеников Ш. — известная византистка Е. Э. Липшиц (1901–1990), музыковед А. А. Альшванг (1898–1960), директор мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» С. С. Гейченко (1903–1993), искусствовед А. В. Шеманский, ряд представителей укр. искусствоведения и др. — все это несмотря на то, что некоторые ученики Ш. были репрессированы почти одновременно с ним, а часть тех, кто вернулись из ссылки и лагерей, вынуждены были сменить темы науч. исследований.

Литература: *Шмит П. Ф.* Список печатных работ Федора Ивановича Шмита (1877–1941) // ВВ. 1976. Т. 37. С. 147–155 (№ 1–103 и выборочно 39 неопубл. материалов); *Банк А. В.* Ф. И. Шмит (К 90-летию со дня рождения) // ВВ. 1969. Т. 30; *Ушакова Н. И.* Проблемы искусствоведения в трудах Ф. И. Шмита // Проблемы искусствоведения и художественной критики. Л., 1982; *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Шмит: материалы к биографии // РНРВ. С. 478–496 ♦ Люди и судьбы; Бузескул 2008; НР (с лит.); Тункина 2017.

Архивы: ЦГАЛИ СПб. Ф. 389 (Ф. И. Шмит; 193 ед. хр.); Архив ИИМК РАН. Ф. 55 (Ф. И. Шмит; 48 ед. хр.); Ф. 2. Оп. 3. № 753 (личное дело); ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 3202 (студ. дело); Ф. 14. Оп. 1. № 9534, 10264; АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 376 (письма Ш. к О. Ф. Вальдгауэру); РГИА. Ф. 492. Ф. 1343. Оп. 33. № 2200 (дело о дворянстве); РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. № 711 (личное дело, в т. ч. автобиография, 1925).

Л. А. Сыченкова

ШНЕЙДЕР**Василий Васильевич**

SCHNEIDER August Wilhelm

[6(17).5.1793, Ревель, ныне Таллин — 27.11(9.12).1872, Петербург; Смоленское лютеранск. кладб.],
юрист, преподаватель лат. языка, педагог

Из прибалтийских немцев. По окончании Ревельского дворянского уч-ща (1810) занимался на отделении нравственно-полит. наук Моск. ун-та (выпуск 1814?). После ун-та преподавал лат. и нем. языки частным образом и в Благородном пансионе Моск. ун-та (с 1818). В конце 1821 Ш. был приглашен лектором по римск. праву в Петерб. ун-т, только что опустошенный «делом профессоров»: экстр. проф. (1822), орд. проф. (1826), засл. орд. проф. (1848–1861); почетный чл. ун-та (1869). Секр. филос.-юрид. ф-та (с 1825), декан (1827–1829). Одновременно преподавал в Петерб. 3-й гимназии: учитель лат. языка, помощник инспектора (1822), директор (1831–1838) — и в Уч-ще правоведения: проф. римск. права (с 1835), лат. словесности (с 1846). С 1834 состоял в Комитете для выработки правил по надзору за частными учеб. заведениями. В 1828–1830-е как знаток гражданского права руководил, по рекомендации М. М. Сперанского, подготовкой стипендиатов-юристов для стажировки в зарубежных ун-тах. Оставил преподавание летом 1860 в связи с частичным параличом после «нервического удара»; причисленный к МНП, был включен в состав Ученого комитета. Тайн. сов.

Юрист по образованию, Ш. значительную часть своей жизни занимался преподаванием лат. языка, которым отлично владел с юности: в ун-те получил медали за лат. сочинения на темы «О цели уголовных наказаний» и «О под-

ражании природе в изящных искусствах». Репетировал по лат. языку сокурсников, напр., читал Плавта и Теренция с А. С. Грибоедовым, о котором оставил краткие воспоминания (РА. 1875. Т. 3; перепечатано в сб.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929). Отличное знание латыни Ш. подчеркнуто в представлении Д. П. Рунича и подтверждено пробной лекцией Ш. «De diversis personarum juribus...» (Маяковский и Николаев. С. 250). Живыми лекциями по гражданскому праву и истории римск. права (преимущ. по трудам Я. Швеппе и Ф. Макельдея) и уроками лат. языка Ш. способствовал просвещению многих филологов и юристов; он был «в числе образователей целого поколения молодых профессоров, которые по возвращении из-за границы поступили на разные кафедры в университетах» (Плетнёв. С. 103). В Петерб. ун-те 1830–1840-х «считался звездой, хотя более филолог, чем юрист, не оставивший по себе никаких следов в науке, но любивший свой предмет, особенно историю его, и симпатично передававший знания своим слушателям» (Григорьев. С. 69).

Комментарий Ш. в аудитории, по впечатлению молодых правоведов, включал чрезмерную филол. составляющую, однако подробный разбор с Ш. лат. текстов отчасти восполнял для слушателей отсутствующие у них хрестоматии по истории права. И. А. Тютчев, несмотря на нервные воспоминания о переводах *à livre ouvert*, поставил лат. занятия Ш. выше мелочных грамматич. и просодич. разборов (с естествоведами!) ун-тского латиниста Г. И. Лапшина (*Тютчев И. А. В Уч-ще правоведения в 1847–1852 гг. // РС. 1885. № 11–12. С. 14; Отд. отт.: СПб., 1885*). Для аудиторного комментария Ш. предпочитал Плиния Младшего и Юстиниана, выбирая наиболее живые и интересные места из первого — об извержении Везувия, переписку с Траяном о христианах (*Сюзор Г. Ко дню 75-летнего юбилея имп. Уч-ща правоведения. 1835–1910 гг.: ист. очерк. СПб., 1910. С. 298*).

Полному успеху Ш. в аудитории мешало его «недостаточное обладание русским языком и некоторое пристрастие к мелочам» (Воспоминания К. К. Арсеньева об Уч-ще правоведения // РС. 1886. № 4. С. 205). Науч. сочинений, по-видимому, не оставил: в Петербурге его молодости возможностей для повышения квалификации в области римск. права было немного. В источниках упоминаются лишь акты речи: «**De cognatione, quae inter antiquitatis studia et juris disciplinam ad historiae normam constitutam et firmatam intercedet** [sic!]» (СПб., 1847) и «**О значении римского права в отношении к новейшему праву**» (СПб., 1858).

«Отличный лифляндец», Ш. располагал к себе коллег и начальство; в МНП считался, наряду с Ф. И. Миддендорфом, одним из организаторов показательной классич. (Петерб. 3-й) гимназии и «превосходным педагогом» (Воронов. 1849. С. 133). Переводами à livre ouvert его гимназистов были довольны члены регулярных инспекций 1830-х во главе с Николаем I и ректором ун-та А. А. Дегуровым. Своим подопечным Ш.

(«довольно худощавый брюнет с постоянно озабоченным и серьезным лицом») внушал не одно лишь почтение; привыкнув к внешней суровости директора, они замечали и ценили его заботу: «Он многим из нас сделал великое добро, отстаивая в совете училища наши права и училищные заслуги, помогая одному перейти из класса в класс, другому получить при выпуске тот или другой чин, наконец, спасая иногда от исключения. Все его у нас любили от мала до велика, и я думаю, нет никого из бывших в те времена в училище, кто не сохранил бы о нем самого благодарного, полного симпатии и уважения воспоминания» (В. Эвальд — Бывшая 3-я гимназия. С. 3; тепло вспоминал о Ш. и харьков. проф. В. И. Лапшин — см.: ЖМНП. 1873. Окт. С. 95). В. П. Мещерский (Воспоминания. М., 2001. С. 310) даже рассмотрел в «симпатичном и оригинальном» Ш. «дух римлянина золотого века Рима», но «со всеми оттенками благородства и деликатности». А. В. Никитенко, не порывавший связи с бывшим наставником вплоть до его кончины (последние годы Ш. провел в инвалидном кресле), откликнулся на нее краткой записью (Никитенко. Т. 3. С. 262): «Умер В. В. Шнейдер, бывший одним из лучших профессоров в здешнем университете». Тяжелая болезнь Ш. вызвала общее сочувствие к нему бывших слушателей (среди них были уже влиятельные И. Б. Штейнман и В. Х. Лемонюс) и руководства МНП, а министр Е. П. Ковалевский, ссылаясь в своей записке на знаки «особенного благоволения» Николая I и Сперанского к Ш., добился его причисления к Учен. комитету ради поддержки большой семьи Ш. — десятирх детей.

Литература: Двадцатипятилетний юбилей 3-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1848; Аничков; Геннади Г. Н. Краткие сведения о рус. писателях и ученых, умерших в 1872 г. // РА. 1874. № 2; Стасов В. В. Уч-ще правоведения 40 лет тому назад // РС. 1881. № 2;

Пятидесятилетний юбилей имп. Уч-ща право-
ведения. СПб., 1886; Пантелеев; *Алексеева Т. А.*
О преподавании римск. права на юридич. фа-
культете // Правоведение. 1999. № 2; Русские
цивилисты ♦ Воронов; Григорьев; Брокгауз;
РБС; Серков; Фёдоров; DBBL; EAD.

Архивы: *Отд. документы и письма:*
РГИА. Ф. 733, 735 (Канцелярия МНП, в т. ч.
дело о причислении к Учен. комитету и ф. с.
1861 — Оп. 7. Ед. хр. 78); ЦГИА СПб. Ф. 14
(Петерб. ун-т), 139 (Канцелярия попечителя
Петерб. УО), 439 (Петерб. 3-я гимназия).

В. П. Смышляева

ШРАМЕК

Иван Федорович

ŠRÁMEK Jan

[1818, Чехия — 19(31).7.1884,
Петербург; кладб. у станции Белая,
ныне Струги Красные Псковской
обл.], *филолог, автор учеб. пособий,
педагог*

По окончании гимназии г. Будейовице
(Ceské Budějovice) изучал филологию
и теологию в Карловом (Пражском) ун-те.
В 1848 по убеждению перешел в протес-
тантизм, поэтому, «когда католическое
духовенство опять получило силу, должен
был оставить родину, выдержал в Берли-
не экзамен на сениорат, получил приход»,
но «остался всею душою чех» и не хотел,
чтобы его дети «онемечивались» (см.
письмо И. Д. Делянова 1866: ОР РНБ.
Ф. 627. Л. 11 об.). В 1866 с отличными
рекомендациями славистов К. Я. Эрбена
и И. И. Срезневского был приглашен
на пед. курсы в Петербург, после кото-
рых (с 1867) преподавал древние языки
в Петерб. 5-й гимназии (с 1867 лат. язык,
с 1868 — греч. язык). После годичного пе-
рерыва на службу в Новгородской гимна-
зии (1871–1872) вернулся в Петербург и до
кончины занимал пост директора Петерб.
5-й гимназии. С 1874 в рус. подданстве;
глава Чешского вспомогательного общ-ва
в Петербурге.

Первый эллинист Петерб. 5-й гим-
назии, Ш. приложил немало усилий для
методич. обеспечения и популяризации
введенного в ее программу (при реор-
ганизации бывшей реальной гимназии
в 1868–1869) курса греч. языка. В моло-
дости много времени уделял богословию,
но Эрбен в письме И. И. Срезневскому (см.
цит. письмо Делянова) высоко оценивал
лингв. подготовку Ш.: «Не будь он протес-
тант, Шрамак без всяких испытаний
получил бы в Австрии место профессора
древних языков». Формирование лингв.
кругозора Ш. происходило в эпоху успеш-
ного шествия по европ. гимназиям греч.
грамматики Г. Курциуса. По ее образцу
подготовлено и главное руководство Ш.
**«Этимология греческого языка для
гимназии, составленная на основании
сравнительного языкознания»** (СПб.,
1872) — подробный грамматич. справоч-
ник греч. языка; «сравнительный метод
по Курциусу» представлен здесь, впрочем,
гл. обр. лат. параллелями. Практич. часть
в пособии отсутствует, т. к. упражнения
должен был подготовить (отдельным
томом) другой автор.

В рец. молодого Д. Ф. Беляева (ре-
цензент в эти годы сам усердно изучал
труды Курциуса, А. Шлейхера и Р. Вест-
фаля, готовя дис. по гомеровскому языку)
высказываются похвалы «Этимологии» со
стороны ее содержательности, особенно
в части объяснения форм «на основа-
нии сравнительного языкознания»;
одобряется изобилие грамматич. пара-
дигм — для третьего склонения их у Ш.
более 50 (ЖМНП. 1873. Июль. С. 14–29).
Однако методически, по мнению Бе-
ляева, учебник Ш. уступает не только
своему германскому образцу, но и по-
собию Н. Ф. Фоккова, выпущенному
годом ранее. Не вполне удовлетворили
рецензента и терминология (Ш., напр.,
еще именует звуки языка «буквами»),
и трактовки некоторых лингв. явлений,
особенно устаревшие представления Ш.
о природе глагольных «соединительных

гласных» и «временных приращений». Еще строже оценил «Этимологию» — как многословную, с «запутанным» и растянутым изложением — А. Сонцов (Наши греч. учебники // ЖМНП. 1876. Авг. С. 80): «Каких усилий потребуется от учащегося, чтобы усвоить все эти отделы и как ему ориентироваться в такой массе частностей?».

Следствием критич. пожеланий о дополнении грамматики описанием ионич. диалекта стал выход в свет второго пособия Ш. — «**Гомеровская этимология для гимназии**» (СПб., 1874). Также он издал школьный текст Саллюстия «**De conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino libri**» (СПб., 1879) и заново адаптировал для рус. гимназий известную хрестоматию аббата Ш.-Ф. Ломонда (Ch. Fr. Lhomond) «De viris illustribus urbis Romae a Romulo ad Augustum» (СПб., 1877; 51899; критика комментария и словаря содержится в отклике П. Первова, см.: ФО. 1900. Т. 18. С. 142–146). Неоднократно переиздавался также «**Подробный словарь к “Запискам К. Юлия Цезаря о Галльской войне”**» (СПб., 1882), хотя, по мнению рецензентов, эта книга «не обогатила Афины еще одной совой» и изобиловала опечатками (Наша учебная литература // ЖМНП. 1884. Март. С. 32).

В печати Ш. выступал и как филолог-славист, автор пособий и заметок о чешской культуре (в т. ч. под псевд. Я. Бржезановский); на рус. языке была издана его «**Чешская грамматика**» (СПб., 1868). Как директор Петерб. 5-й гимназии Ш. оставил по себе хорошую память: справедливый и энергичный, он близко к сердцу принимал нужды педагогов и учащихся, учредил при гимназии Общ-во вспомоществования нуждающимся ученикам и личную стипендию для беднейшего ученика (ЖМНП. 1883. Июнь. С. 31).

Литература: *Радонежский А. А.* Ист. очерк 5-й С.-Петербург. гимназии. СПб., 1874; *И. Ф. Шрамак:* Некролог // Петерб. газета.

1884. № 208; *Иванов К. А.* 50-летие С.-Петербург. 5-й гимназии. СПб., 1896; Чехи в С.-Петербурге. СПб., 2003 ♦ Прозоров; Брокгауз; Языков; РБС; Воронков.

Архивы: *Отд. документы и письма:* ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский), 627 (М. Ф. Раевский).

В. П. Смышляева

ШТЕЙНМАН Иван Богданович

STEINMANN Johannes Friedrich

[29.1(10.2).1819, Петербург —
9.4.1872, Висбаден], филолог,
педагог, деятель образования

Из семьи саксонского подданного. Учился в Реформатском уч-ще, Петерб. 3-й гимназии (1832–1836, сер. медаль) и на I отделении филос. ф-та Петерб. ун-та (1836–1840, кандидат). В 1840–1843 «для усовершенствования в древней филологии» на личные средства выезжал в Германию (Берлин и Лейпциг). Магист. дис. «**Plutarchi symposiacarum quaestionum <...> IX, 15**» (защищена: Петерб. ун-т, 1845). Докт. дис. «**Quaestiones de derivatione vocabulorum Graecorum**» (защищена: Петерб. ун-т, 1851; д-р философии и древней филологии). Преподавал древние языки в Ларинской (1845–1848) и Петерб. 2-й гимназии (1846–1852), Уч-ще правоведения (1862–1863), Реформатском уч-ще. Читал греч. словесность в Петерб. ун-те: прив.-доц. (1847), экстр. проф. (1853) и в ГПИ: вне штата (1847), адъюнкт (1848), экстр. проф. каф. лат. словесности (1851); в 1852 (после смерти Ф. Б. Грефе) перешел на каф. греч. словесности — орд. проф. (1853). В 1857–1867 директор Уч-ща св. Петра. С 1867 и до смерти (от легочного заболевания) — организатор и директор Петерб. ИФИ и гимназии при нем. Для ознакомления с практикой и программами европ. гимназий неоднократно

выезжал за границу. Чл. Учен. комитета МНП, вице-председатель Петерб. пед. собрания. Тайн. сов. (1871).

Науч. публикации Ш. многочисленны и в целом оправдывают резкость В. И. Модестова (Н. М. Благовещенский // Ист. обозрение. 1892. Т. 5. С. 4): о значении «преемника Грефе» Ш. «как в науке вообще, так и в русской науке в частности, сказать совершенно нечего». В молодости «по верности взгляда на науку и строгому систематическому изложению» Ш. подавал надежды (Воронов. Ч. 2. С. 74). Ученик и зять Ф. Грефе (Ш. был женат на его дочери Минне), он унаследовал науч. темы и сюжеты тестя [ср. название его сочинения *pro venia legendi* «**Antiquitatis Graecae loca quaedam e Russorum moribus illustrata**» (1847) и лекции Грефе «*Antiquitatis Graecae et Romanae loca e Russorum lingua et usibus illustrata*» (1825); еще в Вольном ун-те в 1862 читал публичные лекции на «грефовские» темы — «Софокловы трагедии» и «Сравнительная этимология греческого языка»]. Занимаясь в Берлине, Ш. слушал А. Бёка и уделял время знакомству

с сочинениями по «реальной» филологии, что нашло некоторое отражение в содержании его магист. дис. «*Plutarchi symposiacarum quaestionum <...> IX, 15*» (посвящена его и Грефе науч. руководителю Г. Герману) — развернутой интерпретации испорченного пассажа о пляске в «Застольных беседах» Плутарха с обсуждением применительно к происхождению греч. драмы значения терминов *φορὰ* (движение), *σχήμα* (образ), *δείξις* (показ), обозначающих у Плутарха различные части танца.

В докт. дис. «*Quaestiones de derivatione...*», опираясь на материалы греч.-нем. словаря В. Папе и на грамматики Р. Кюнера, Ш. систематизировал словообразовательные модели греч. имени и глагола в зависимости от конечных гласных основы (*thema*), доказывая их большую значимость для подобной классификации сравнительно с флексией номинатива (*terminatio*). В ун-тской аудитории 1850–1860-х выступал пропагандистом современного ист.-грамматич. знания, указывая на его перспективы: «Грамматика не есть часть формальной филологии, формальной можно назвать лишь герменевтику и критику текста <...>. Сравнительное языкознание открыло нам путь, по которому грамматика должна идти к высокой своей цели; и нашему именно веку предоставлено было создать науку языкознания» (**Значение древней филологии и место, которое она занимает в кругу наук, преподаваемых в университетах** // ЖМНП. 1851. Дек. С. 15, 18; и отд. отт.). Столкнувшись в работе над дис. с историей греч. диалектов (прежняя «филол.» грамматика видела в них искажения основного — аттического), настаивал на необходимости включения сведений по компаративистике и диалектологии в программы и пособия по древним языкам.

Науч. занятия Ш. оставил рано. Последней его заметной публикацией стал перевод «**Речь Ипериды за Евксениппа**»

en regard с греч. текстом, изданным Ф. Шнейдевином в 1853 (ЖМНП. 1856. Янв.–февр.; и отд. отт.); см. краткий отклик в разделе «Новости»: ОЗ. 1856. № 5. Печатал Ш., возможно, еще и методич. труды — см. сообщение о его переводе с собственными дополнениями сочинения: *Wiggert S. F. Vocabula Latinae linguae primitiva* (Magdeburg, 1819) в обзоре «О трудах профессоров и прочих преподавателей» (ЖМНП. 1849. Янв. С. 5).

Как чл. Учен. комитета, Ш. рецензировал новые пособия. В аудитории он толковал греч. авторов (Страбона, Фукидида, Демосфена, Иоанна Златоуста, Гомера и трагиков), читал курсы древностей и археологии, греч. грамматики сравнительно с латинской, истории греч. литературы. Как лектор большого интереса он не вызывал, проигрывая на фоне более ярких Н. М. Благовещенского, И. И. Давыдова и М. Сем. Куторги: «индифферентный Штейнман (греческая словесность) влияния не имел» (Пантелеев. С. 185); А. Д. Вейсман (ЖМНП. 1908. Апр. С. 153) противопоставил его Благовещенскому еще и как профессора, «слишком нерадиво относившегося к своим обязанностям». Вне претензии к отсутствию «обаятельного педагогического дара» («молодой человек, которого хвалят», по письму студента Н. Г. Чернышевского — *Чернышевский Н. Г.* ПСС: в 15 т. М., 1950. Т. 15. С. 155) Ш. воспринимался как добросовестный преподаватель; Ф. Н. Устрялов (ИВ. 1884. № 6. С. 586) называет его «человеком, известным своей добротой, симпатичностью и мягкостью характера».

Авторитетная тень Грефе осенила начало карьеры Ш., но он не был обделен и личной энергией. Э. Э. Фризендорф (Petrischule. S. 10–21) высоко оценивал произведенную им реорганизацию преподавания в Уч-ще св. Петра, в т. ч. улучшение материального положения преподавательского состава. Правилу «*der Lehrer kann nur wirken, wenn er freudig*

arbeitet» Ш. следовал и в управлении Петерб. ИФИ, хлопоча не только о служебной дисциплине подчиненных, но и об их окладах (И. Б. Штейнман: некролог // ЖМНП. 1872. Апр. С. 165). Единомышленник министра Д. А. Толстого, Ш. в меру сил стремился пропагандировать в подведомственных заведениях идею всеобщего «классицизма», поддерживал ее также в комиссиях МНП и на заседаниях Учен. комитета МНП: «Мнение Штейнмана по многим вопросам имело решающее значение» (*Изместьева Г. П.* Классическое образование в истории России XIX в. М., 2003. С. 167). Ш. не без тенденциозности освещал в печати прерасходство «гуманизма» над «реализмом», требуя «преобразовать план преподавания» в пользу «постоянных упражнений, преимущественно письменных, на древних языках»: «Необходимо, чтобы древние языки стали центром и главным предметом образования гимназического юношества» (**Речь на праздновании первого выпуска ИФФ** // ЖМНП. 1871. Июнь. С. 156). В заметках о европ. системе образования (с пометкой о европ. системе действительности) Ш., обильно цитируя германскую и франц. периодику, доказывал обязательность ун-тского вступительного экзамена по древним языкам: «**Записка о бельгийских и французских средних учебных заведениях**» (ЖМНП. 1863. Янв.), «**Мнения иностранных педагогов в Северной Германии, Бадене, Виртемберге и Бельгии о проекте устава реальных училищ в России**» (Там же. 1872. Янв.) и др.

Литература: Краткое ист. обозрение действий Главного пед. ин-та 1828–1859 г. СПб., 1859; *Геннади Г. Н.* Краткие сведения о рус. писателях и ученых, умерших в 1872 г. // РА. 1874. № 2; *Шмид Е.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878; Памят. книжки Петерб. ИФИ 1887, 1892, 1898, 1902, 1912; *Чумиков А. А.* Петерб. ун-т полвека назад // РА. 1888. № 9; *Курганович А. В., Круглый А. О.* Ист. записка 75-летия С.-Петербург. Второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894; *Стафферова Е. Л. А. В.* Головин

и либеральные реформы в просвещении. М., 2007 ♦ Григорьев; БС СПб. ун-та; Прозоров; РБС; Черняев; Дроздов и Федорченко; Фёдоров.

Архивы: *Отд. документы и письма:* РГИА. Ф. 733 (в т. ч. ф. с. 1850 — Оп. 25. Ед. хр. 140. Л. 41–42; ф. с. 1856 — Оп. 95. № 76); ОР РНБ. Ф. 708 (Н. П. Собко), 777 (П. Н. Тиханов) и др.; ЦГИА СПб. Ф. 13 (в т. ч. ф. с. 1859 — Оп. 1. № 4200. Л. 108–115), 53 (Петерб. ИФИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО), 272 (ГНУ св. Петра), 276 (Ларинская гимназия) и др.

В. П. Смышляева

ШТЁКГАРДТ

**Роман Андреевич
(Юлий Андреевич,
Генрих Романович,
Роман Александрович)**

STÖCKHARDT Heinrich Robert

[11.8.1802, Глаухау, Саксония —
28.9(10.10).1848, Петербург],
юрист, преподаватель лат. языка

Из семьи высокообразованного саксонского пастора Г. Х. Штёкгардта. Образование получил в гимназии г. Бауцена (1810–1820) в период директорства в ней К. Г. Зибельса, основателя вместе с отцом Ш. масонского общ-ва «Zur goldenen Mauer», в котором впоследствии состоял и сам Ш. В 1820–1824 изучал право, философию, а также филологию и теологию в Лейпц. ун-те. Докт. дис. «**De coeli in generis humani cultum vi ac potestate. Pars I, reliquas praeter jurisprudentiam litteras et artes complectens**» (защита: Лейпц. ун-т, 1826; д-р права и философии). Прив.-доц. Лейпц. ун-та (1824–1827). В 1827 по семейным обстоятельствам (необходимость поддержать семью во время болезни отца) возвратился в Бауцен, где занимался адвокатской практикой. С 1831 в Петербурге. Преподавал историю и энциклопедию права в ГПИ; пропедевтику и сравнительное

правоведение в Уч-ще правождения (1835–1848; чл. совета с 1838). В качестве домашнего учителя знакомил с азами гос. права вел. княжон Марию Михайловну и Елизавету Михайловну. Пользовался покровительством К. А. фон Ливена и С. С. Уварова, которых также консультировал по вопросам права. После закрытия юрид. отделения в ГПИ (1847) недолго (после смерти А. И. Гримма, с янв. 1848) занимал каф. римск. словесности, пользуясь лингв. консультациями адъюнктов Ф. К. Фрейтага и И. Б. Штейнмана.

Как юрист начинал с увлечения идеями естественно-правовой школы, противопоставлявшей *ius naturale* позитивному праву. Помимо докт. сочинения по сравнительному правоведению (о влиянии климатич. фактора на духовное развитие народа) «*De coeli in generis humani cultum vi ac potestate...*» (Leipz., 1826) опубликовал несколько работ по философии и истории права: «**Die Wissenschaft des Rechtes, oder Das Naturrecht in Verbindung mit einer vergleichenden Kritik der positiven Rechtsideen**» (Leipz., 1825; о юрид. идеале современного государства как единства свободных индивидуумов); «**Tafeln zur Geschichte des Römischen Rechts: Als Leitfaden bei Vorlesungen**» (Leipz., 1828; о толковании установлений римск. права); «**Tabula illustrandae doctrinae de cognationibus et adfinitatibus inserviens**» (Leipz., 1830) и «**Über den Unterschied des Dolus civilis vom Dolus criminalis**» (Themis. 1830. Bd. 2; о различиях гражданского и уголовного законодательства). В России Ш. читал «пропедевтику права, философию римского права, нынешнюю историю оною, с прибавлением лекции о судьбе римского права на Востоке и на Западе, после Юстиниана, также о связи между правом Византии и Кормчею книгою», преимущ. по своим пособиям (Смирнов. С. 41), из которых в России более известны: «**Allgemeine**

juristische Fundamentallehre: Zugleich als erste Lieferung eines Lehrbuches der juristischen Einleitungswissenschaften, insbesondere für Russland» (СПб., 1837) и «**Юридическая пропедевтика**» (СПб., 1843).

Последнее пособие (пер. Ф. Толля со 2-го нем. издания лекций Ш.): «Juristische Propaedeutik oder Vorschule der Rechtswissenschaft, zunächst für die Kaiserliche Rechtsschule zu St. Petersburg» (Leipzig, 1843) оказалось этапным для становления юрид. образования в России. Юные правоведа, которым «со светильником истинного законоведения в одной руке и мечом правосудия в другой» предстояло бороться с российской отсталостью, находили в «Пропедевтике» основные понятия из области государства, права и судопроизводства, краткий обзор систем положительного права (*ius scriptum, positivum*) в его соотношении с естественным правом (*ius naturale*) на фоне истории европ. права от римск. эпохи до свода законов Российской империи 1833, по Ш. — «одного из самых новейших и величайших явлений в области систематического законодательства» (Цит. соч. С. 242). Е. Бутович-Бутовский в рец. на нем. вариант «превосходной пропедевтики г. проф. Штёкгардта, появление которой в России теперь должно радовать нас, жаждущих видеть у себя образованных и ученых законоведцев» (ЖМНП. 1838. Окт. С. 235), хвалил эрудицию автора, историзм и обстоятельность изложения, превосходные этимологич. и реальные объяснения некоторых сложных понятий (напр., Ш. подробно проследил изменения значений слова *aequitas* — «справедливость» в лат. языке разных эпох).

О злободневности перевода этого пособия можно составить представление по жалобам юного К. П. Победоносцева (Отрывки из школьного дневника. 1842–1845. СПб., 1885. С. 106), слушавшего трудные лекции Ш. по-немецки: «Всех несноснее для нас Штёкгардт — прескучный немец! Надут своею ученостью <...> и читает так, что никто ничего не понимает <...>. Как неприятно, что лучшие, интереснейшие предметы, каковы энциклопедия и сравнительная юриспруденция,

читаются у нас немцем, и притом таким немцем, каков Штёкгардт». О строгости Ш. вспоминал и И. А. Тютчев (В Училище правоведения в 1847–1852 гг. // РС. 1885. № 11–12. С. 22). Ш. выступал за системность юрид. знания, относя к вспомогательным для юриста дисциплинам даже филол. герменевтику и критику текста: «Без помощи этих вспомогательных и побочных наук знание права становится частью неясным и темным, частью педантским — скучным и однообразным» (Юридическая пропедевтика. С. 370). Впрочем, время от времени Ш. и сам прибегал к синкретич. аргументации, в т. ч. в виде отсылок к различным лит. текстам от наставлений библейских пророков до Канта и Гегеля.

По обычаю эпохи, Ш. неоднократно выступал с торжественными лат. речами: «**De juris Justiniane in generis humani cultum insigni merito**» (рус. перевод: ЖМНП. 1834. Сент.), «**De recta jureconsulti eruditione, proximo justitiae fonte, oratio**» (1840), «**De fructibus iis, quos, qui jureconsulti non sunt, e jurisprudentia percipere possint**» (1845) и др. С коллегами — петерб. юристами (в т. ч. В. В. Шнейдером) начинал в Петербурге работу над пособием по естественному праву, но издание это не состоялось (Григорьев. Примеч. 279). Выступал рецензентом сочинений юрид. тематики, напр., был награжден медалью за отзыв о труде проф. А. Рейца по славянскому праву (см.: Девятое приращение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1840).

Считался знатоком лат. речи и отвечал лат. диалог на своих занятиях в Уч-ще правоведения, судя по дневниковым записям юного Победоносцева: «Штёкгардту отвечал по-латыни § 12 <<Пропедевтики>> и так восхитил его, что он сошел с кафедры, облобызал меня, жал руку и поставил 12» (Победоносцев К. П. Отрывки из школьного дневника. 1842–1845. С. 3).

Ш. увлекался музыкой: сочинял пьесы для фортепьяно и печатал отклики на музыкальные события в «St.-Petersburgische Zeitung». Как почетный чл. Петерб. филармонич. общ-ва немало содействовал укреплению культурных связей между Германией и Россией; напр., он был организатором гастролей в Петербурге Роберта и Клары Шуман весной 1844 (Анненкова Э. А. Имп. Училище правоведения. СПб., 2006. С. 305). «Был поэт в душе и приготовил к изданию собрание своих стихотворений, отличающихся вообще глубоко религиозным воззрением на жизнь» (Новости и смесь // ЖМНП. 1849. Ч. 61. С. 82). Его восемь детей в разной степени унаследовали творческие наклонности отца, занимаясь (в т. ч. профессионально) живописью, архитектурой,

музыкой и литературой. После смерти Ш. семья возвратилась в Германию, увозя с собой на родину, по завещанию покойного, его сердце.

Литература: Краткое ист. обозрение действий главного пед. ин-та. 1828–1859. СПб., 1859; Пятидесятилетний юбилей Имп. Уч-ща правоведения 1835–1885. СПб., 1886; Полвека назад: первые годы Уч-ща правоведения в С.-Петербурге. СПб., 1892; Сюзор Г. Ко дню 75-летнего юбилея Имп. Уч-ща правоведения. 1835–1910 гг.: ист. очерк. СПб., 1910; Holtzendorff F. Encyklopädie der Rechtswissenschaft: In systematischer und alphabetischer Bearbeitung. Bd. 3. Leipz., 1881; Hand-Lexicon der juristischen Literatur des 19. Jahrhunderts. Hildesheim, 1974
♦ Григорьев; Брокгауз.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733; ОР РНБ Ф. 816 (Н. Ф. Финдейзен); ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ).

В. П. Мышляева

Щ

ЩЕРБИНА Николай Федорович

ŠĀERBINA N. F.

[2(14).12.1821, поместье Грузско-Еланинское Миусского окр. близ Таганрога — 10(22).4.1869, Петербург; Некрополь мастеров искусств Александро-Невской лавры], *поэт-антологист, сатирик, публицист*

Основным источником наших сведений о Щ. является автобиогр. заметка, отредактированная им самим незадолго до смерти (впервые опубл. в предисловии к посмертному СС, вышедшему в 1873). Отец Щ. происходил из дворян Харьков. губ., мать — из дворян Войска Донского. Бабушка по материнской линии была гречанка, обосновавшаяся на Юге России в царствование Екатерины II. С 8 лет Щ. постоянно жил в Таганроге, там же учился в уч-ще и гимназии. В Таганроге, где было много греков, Щербина привык слышать (ново-)греч. язык и проникся любовью ко всему греческому, что позволило ему считать себя связанным с Элладой по духу и по крови. К периоду жизни в Таганроге относятся и его первые поэтич. опыты, в которых уже преобладали греч. темы. В тринадцатилетнем возрасте Щ. написал впоследствии уничтоженную

им поэму «Сафо»; в его архиве сохранились ранние юношеские драмы «Ксанфо» и «Осада Ипсары» (им. в виду греч. остров Псара, с которым связан драматич. эпизод борьбы греков за независимость).

В 1839, согласно той же автобиогр. заметке, Щ. безуспешно пытался поступить в Моск. ун-т, после чего переселился в Харьков. В безденежье он вел почти нищенское существование и зарабатывал как дом. учитель. Щ. упоминает вскользь, что поступил на юрид. ф-т Харьков. ун-та, но не окончил курса, однако подтверждения этому не находится. В Харькове он прожил 10 тяжелых лет (1839–1849), страдая от нужды, неустроенности и унижений. За это время он окончательно сложился как поэт и выработал свои эстетич. принципы. Основными жанрами, в которых он в то время работал, были антологич. стихотворения, гражданская лирика и сатира, с преобладанием всюду греч. темы. Антологич. поэзия на тот момент не была новым жанром в рус. литературе: она опиралась на мощную традицию западноевроп. и рус. лирики. Среди современников Щ. к этому жанру обращались А. А. Фет, А. Н. Майков и др. Щ. хорошо сознавал те трудности и опасности, которые неизбежно встают перед поэтом-антологистом: подражания древним должны избегать безличной стилизации и нести на себе отпечаток личности автора. В основу его

стихотворений, как он утверждал, были положены мысли и чувства, которые может внушить греч. мир человеку его времени. Щ. воспринимал антич. мир под несомненным влиянием Винкельмана, Гёте, Шиллера и Белинского (т. е. в неогуманистич. духе), находя в Греции царство радости и красоты, которые поэт должен противопоставить окружающей его действительности. В стихотворениях Щ. часто звучит романтич. мотив бегства от мира и стремление к уединению и покою (см. «Письмо»); так в созданный им идеальный мир проникала современность. Наиболее удачные из ранних стихотворений Щ. наполнены жаждой гармонии, что находило отклик у читателя сороковых годов. Иногда появляется в его стихах мотив утраченного счастья; при этом любимым персонажем молодого поэта был Прометей, огненосец и человеколюбец («Дар Прометея», 1842).

В 1849 Щ. переехал в Одессу, где познакомился с Г. П. Данилевским, Я. П. Полонским, О. А. Рабиновичем (последний участвовал позже в издании стихотворений Щ.); бывал он и в доме Л. С. Пушкина, где был представлен П. А. Вяземскому. В этом году он готовил к изданию свой первый сб. **«Греческие стихотворения»** (Одесса, 1850). В него вошли 36 антологич. стихотворений, тщательно отобранных из всего, написанного ранее, и авторское послесловие, в котором были изложены взгляды Щ. на греч. древность и его основные поэтические установки. «Греция, — писал он, — как представительница молодости человечества, во всех возрастах его найдет к себе сочувствие. <...> Мотивы, взятые из древнегреческого мира, никогда не могут быть анахронизмами. <...> Все частное, временное, случайное умерло с Грецией; истинное же, вечное, общечеловеческое передано нам и живет у нас или под другими формами, или в дальнейшем развитии...». Сборник, который неожиданно для самого автора имел успех, был высоко оценен рядом

критиков, в т. ч. А. В. Дружининым и О. И. Сенковским, и сделал Щ. известным поэтом. После этого издания ему удалось перебраться в Москву и поступить на гос. службу — помощником газетного редактора «Моск. губ. ведомостей». Тогда же Н. А. Некрасов пригласил его сотрудничать в «Современнике». В 1851, уже в Москве, изданы были **«Новые греческие стихотворения»** Щ. Два указанных сборника не исчерпали антич. тему в творчестве Щ., но в них в наибольшей степени проявилась та узнаваемая манера, которая отличала его от современных ему поэтов-антологистов: пластичность изображения, чистота формы, метрич. разнообразие, связь с антич. литературой, в т. ч. с натурфилософской поэзией, лирикой и с греч. эпитаграммой. Греция была для поэта эстетическим и вместе с тем этическим идеалом, где красота и истина были тождественны, где царил дух свободы и гуманности, благодаря чему эллины создали непревзойденные эстетич. ценности. К середине XIX в. такое представление, правда, уже не совпадало с теми «позитивными» (не обязательно

отрадными) знаниями об античности, которые были накоплены европ. ист. наукой.

Обращался Щ. и к новогреч. песне — популярному в первой половине XIX в. поэтич. жанру, несшему с собой собств. тему: борьбу современных греков за независимость. В творчестве Щ. есть как переводы новогреч. песен на русский, так и подражания им (см., напр., баллада «После битвы», 1843). Из стихов Щ. «Раскинулось небо широко / И теряются волны вдали...», написанных в годы Крымской войны, много позже появилась популярная песня «Кочегар», которую чаще вспоминают по первой ее строчке «Раскинулось море широко» (что подтолкнуло и к последующим римейкам). В то же время, отдавая должное мужеству борющихся за свободу греков, Щ. подчеркивает, какая пропасть лежит между ними и жителями древней Эллады. В раннем — во всех смыслах «ямбическом» — стихотворении «Таганрогским грекам» (1843) Щ. называет современных греков, которых он видит у себя на родине, «пасынками Эллады» и пишет карикатуру на их мелочность и корысть: «...Вы не узнаете в них грека, / Который чувством красоты, / Сознанием гордым человека, / Взрастил нетленные цветы. / Нет! В этих пасынках Эллады / Терсит презренный оживлен, / Они за рубль продать вам рады / Свой вековечный Парфенон».

В 1850-е гг. Щ. продолжает создавать стихотворения, наполненные антич. мотивами: в них присутствует все та же пластичность изображения, тщательная отделка стиха и ясность формы, но в ряде стихотворений появляются современные автору социально-психологические аспекты (см. «Скульптору», «Перед статуей Венеры Таврической»). В 50–60-е в творчестве Щ. стала преобладать гражданская лирика, а наряду с антич. мотивами появились и библейские, стало очевиднее влияние рус. литературы

(особенно Лермонтова). В 1855 Щ. переехал в Петербург, где поступил на службу в МНП чиновником особых поручений при тов. министра кн. П. А. Вяземском. Мироощущение Щ. становится все более пессимистичным. В его лирике часто звучит критика самодержавия, которой оказываются противопоставлены демократич. Афины (см. «Ответ грека на эпиграмму русских»). В Петербурге Щ., по всей вероятности, встречался с Тютчевым, Тургеневым, Некрасовым и Чернышевским. Приняв деятельное участие в подготовке биографии А. Н. Радищева к публикации в «РВ» (1858), Щ. выступил ее редактором.

В то время Щ. проявил себя и как поэт-сатирик, высмеивая в эпиграммах своих современников, среди которых часто оказывались литераторы («Акафист блаженной и нищелюбивой Евдокии» против Авдотьи Глинки; «Физиология Нового поэта», «Превращение Фаддея в Нового поэта» и еще ряд стихотворений против И. И. Панаева; и др.). Сатирич. произведения сороковых-пятидесятых годов были объединены Щ. в сборник «Альбом иппохондрика, или Собрание эпиграмм, ксений, ямбов и всякого сатирического ералаша и школьничества», где в самом названии нарочито присутствует античный налет. Предметами нападок Щ. в разное время также были молодой А. Н. Островский, антологист А. Н. Майков и даже император Николай I. Отдельно следует говорить о его неприязни и резкой критике славянофилов: «Я слишком русский человек, / Чтоб сделаться славянофилом». Эти свои взгляды Щ., как повелось в России, пересмотрел только после путешествия в Европу. Не жаловал поэт и либералов, что привело в 1859 к разрыву с журналом «Искра», с которым Щ. сотрудничал. Он видел свою миссию в служении гуманности и социальной справедливости, считая себя другом народа и ревнителем общественных интересов. В своей

гражданской лирике и сатире Щ. также часто обращается к антич. метафорике, продолжая видеть в античности вневременной образец — здесь снова появляется давно ставший расхожим в европейских литературах образ Прометея («Про современное», 1862). Первое ПСС было издано уже после смерти Щ. (СПб., 1873).

В наст. время Щ. более всего известен благодаря тому, что его антологич. стихотворения стали предметом пародирования у Козьмы Пруткова (см. «Письмо» Щ. и «Письмо из Коринфа» К. П.; «Моя богиня» и «Философ в бане»; и др.). Несмотря на то, что Щ. давал повод для подобных насмешек над характерным для его энтузиазма психологическим и эстетическим упрощением исторических явлений, многие современники видели в Щ. талант и ценили его (среди них А. Дружинин, А. Григорьев, Н. Михайловский). В его мироощущении было нечто драматичное, на что откликнулся Ф. И. Тютчев в стихотворении, посвященном Щ. (1857): «Вполне понятно мне значенье / Твоей болезненной мечты, / Твоя борьба, твое стремленье, / Твое тревожное служенье / Пред идеалом красоты». Обычно отнюдь не сентиментальный, а главное, в высшей степени оригинальный при развитии античных мотивов и образов Тютчев сравнивал Щ. с «узником эллинским», который «Под скифской вьюгой снеговою / Свободой бредил золотою / И небом Греции своей».

Сочинения: Щербина Н. Ф. Стихотворения / вступ. ст., ред. и прим. И. Айзенштока. Л., 1937; Щербина Н. Ф. Избранные произведения / вступ. ст. И. Д. Гликмана, подгот. текста и примеч. Г. Я. Галаган. М.; Л., 1970.

Литература: Успенская А. В. Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи. СПб., 2008. С. 192–197 ♦ РБС; Брокгауз; КЛЭ; БСЭ; БРЭ; Масанов; Свясов.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 570. Оп. 1–2 (Н. Ф. Щербина).

А. В. Павлова

ЩУКАРЁВ

Александр Николаевич

STSCHOUKAREFF / ŠČUKAREV A.

[26.10(7.11).1861 (по др. сведениям, 21.10/2.11), Петербург — 11(24).10.1900, Петербург; Волковское правосл. кладб.], историк, эпиграфист, археолог, искусствовед

Родился в интеллигентной петерб. семье, в 1881 окончил 3-ю Петерб. гимназию и поступил на ИФФ Петерб. ун-та. Между первым и вторым курсами совершил заграничную поездку, гл. обр., в Италию, посетил также музеи Берлина, Мюнхена, Дрездена и Вены. На двух старших курсах избрал для специализации занятия по древней истории под руководством Ф. Ф. Соколова; на квартире учителя (*privatissima*) усердно изучал древнегреч. эпиграфику. Щ. принадлежал к «соколовской школе», или — к «фактопклонникам»; он вошел в кружок студентов Соколова, составивших впоследствии славу российской ист. науки. Летом 1884 принял участие в работе VI (Одесского) Археол. съезда.

В 1885, после завершения обучения в ун-те, Щ. был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. К этому времени относится его обстоятельная рец. на перевод «Истории» Геродота, выполненный Ф. Г. Мищенко (ЖМНП. 1886. Янв. С. 149–172; 1889. Февр. С. 383–387). В 1886 получил двухлетнюю командировку в Грецию; во время поездки по этой стране занимался копированием древних надписей, снимая с них эстампажи. В 1888 командировка была продолжена еще на один год, и Щ. вновь посетил Италию (Тоскана, Неаполь, Помпеи, Сицилия). В этом же году в Берлине он слушал лекции выдающихся ученых: О. Келлера, А. Кирхгофа, Э. Курциуса, К. Роберта, А. Фуртвенглера.

Продолжая работать над изучением антич. надписей (**Три неизданные мегарские надписи** // ЖМНП. 1888. Май. С. 1–9), Щ. все большее внимание уделял списку афинских архонтов: «**К каталогу афинских архонтов**» (Там же. 1887. Май. С. 46–48); «**К каталогу афинских архонтов. II: Архонты конца III в. до н. э.**» (Там же. 1888. Июнь. С. 58–83); «**Ein unedierter attischer “Catalogus iudicialis”**» (MDAI AA. 1887. Bd. 12. S. 131–135); «**Archontes Athéniens du 3-me siècle**» (BSH. 1888. T. 12. P. 69–81). Именно этот сюжет определил тему диссертационной работы Щ., которая вскоре стала публиковаться: «**Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р. Хр. (300–265 гг. до Р. Хр.)**» (ЖМНП. 1889. Июль. С. 1–48; Авг. С. 49–96; Сент. С. 97–144; Окт. С. 145–187). Щ. был уверен, что «составляя список архонтов, мы подбираем кость к кости самый скелет будущей аттической, а может быть, и всеобщей эллинской истории того времени» (ЖМНП. 1889. Июль. С. 2). Дис. на степень магистра всеобщей истории была защищена 2 дек. 1890. Она вызвала

немало нападок со стороны ученых, которые привыкли искать в работах подобного рода «общие взгляды» и «общие выводы». С. А. Жебелев, напротив, признал эту дис. образцом «исследования в высшей степени добросовестного и ценного по своим результатам» (Жебелев. С. 6). М. И. Ростовцев отмечал, что заслуги Щ. в установлении хронологич. вех в афинской истории III в. до н. э. неоспоримы и что «можно и должно приветствовать любую работу в духе диссертации А. Н. Щукарёва» (Ростовцев. С. 48).

С 1891 г. в «ФО» начинается публ. «**Археологической хроники эллинского Востока**» (1891. Т. 1. С. 73–85; Т. 1, кн. 2. С. 149–160; 1892. Т. 2, кн. 1. С. 65–84; 1892. Т. 3, кн. 1. С. 75–92; 1893. Т. 4, кн. 1. С. 107–115; 1894. Т. 6, кн. 2. С. 159–172). Это сочинение, свидетельствующее о прекрасном знании материковой Греции и главных памятников древности, читается сейчас с очень большим интересом. Признавая заслуги европ. археологов, Щ. с прискорбием подчеркивал, что в Афинах нет «русской школы» — ин-та, подобного западноевропейским (ФО. 1891. Т. 1. С. 76, примеч.; 1894. Т. 6, кн. 2. С. 159). Окончательное решение об основании в Константинополе Рус. археол. ин-та он признал счастливой идеей, указывая, что «почетней начать дело на новом месте, нежели являться поздним пришельцем в Риме или Афинах» (ФО. 1894. Т. 6, кн. 2. С. 171).

В 1891 Щ. стал прив.-доц. по кафедре всеобщей истории, но материальное положение семьи не позволяло ему ограничиться преподаванием лишь с ун-тской кафедры. Целых пять лет ушло на «беганье по урокам». С осени 1889 он — преподаватель языков в Царскосельской гимназии, а с 1890 — в С.-Петербур. гимназии Гуревича. В 1894 руководство ун-та поручило ему чтение курса истории классич. искусства. Несколько позднее Щ. читал этот курс на Петерб. ВЖК, а затем — в Высшем худож. уч-ще при Академии художеств.

Великолепное владение материалом, а также безусловная худож. одаренность Щ. позволили ему расширить этот курс, включив в него историю средневекового искусства и эпохи Возрождения.

В эти годы Щ. много думал о подготовке докт. дис. Тему будущего исследования он сначала определил как «Древнейшее искусство Коринфа и его колоний», но в начале 1897 изменил ее на «Иконографию греческой легенды», поставив перед собой задачу изучения греч. живописных композиций, основанных на преданиях о Геракле. Для более глубокого изучения памятников древнего искусства в 1896 и 1897 Щ. отправляется в поездки по музеям Европы (Берлин, Вена, Мюнхен, Париж, Лондон). Его статьи и рец. этого времени посвящены, в основном, археол. сюжетам (**Неизданный героический рельеф** // *Commentationes philologicae*. С. 97–102; [Рец. на кн.:] Springer A. *Handbuch der Kunstgeschichte*. Bd. 1: *Das Altertum*. Leipz., 1898 // *ФО*. 1898. Т. 14. С. 26–31; [Рец. на кн.:] Boehlau J. *Aus ionischen und italischen Nekropolen*. Leipz., 1898 // *ФО*. 1898. Т. 15. С. 153–163).

Летом 1899 Щ. поехал в Афины, но довольно быстро вернулся оттуда, поскольку

заболел малярией или, по др. сведениям, лейкемией (возможно, первая болезнь спровоцировала вторую). Последний год он провел в тяжких страданиях, лечение в Швейцарии не дало положительного результата. Щ. не дожидаясь нескольких дней до своего 39-летия. В конце жизни он читал Гомера и Вергилия.

М. И. Ростовцев признавал, что Щ. относился к числу работников науки, всей душой отдающихся своему делу, но «русская действительность с ее непосильными требованиями от всех тех, кто для нее работает», заставила его «везти на себе бремя непосильного труда»; «под этим бременем гибнет не один труженик русской науки, которого природа не наделила силами и дарованием гиганта» (*Ростовцев*. С. 50).

Литература: Александр Николаевич Шукарёв [Некролог] // *ФО*. 1900. Т. 18. С. 187–193; *Ростовцев М. И.* Памяти Александра Николаевича Шукарёва (некролог) // *ЖМНП*. 1900. Ноябрь. С. 46–50; *Жебелёв С. А.* Памяти А. Н. Шукарёва // *ЗИРАО*. 1901. Т. 12, вып. 3/4. С. 1–14 ♦ *БС СПб. ун-та; Рус. интеллигенция; Фёдоров; Фролов* 2006; *Бузескул* 2008; *Смышляева* 2015; *Биографика СПбГУ; Тункина* 2017.

Ю. А. Виноградов

Э

ЭЙХВАЛЬД
Эдуард Иванович
(Карл Эдуард фон Эйхвальд)

EICHWALD Eduard von

[15(26).7.1795, Митава, ныне Елгава,
Латвия — 4(16).11.1876
(по др. сведениям 1878), Петербург],
медик, палеонтолог

После домашнего обучения у отца, преподавателя естественных наук и новых языков, и гимназии в Митаве Э. изучал медицину и естественные науки в Берлине, совершил образовательные поездки в Париж, Лондон и др. города. Переехав в Вильну, Э. получил ученую степень д-ра медицины за работу, посвященную акулам у Аристотеля (**De selachis Aristotelis: Zoologiae geographicae specimen inaugurale**. Vilnae, 1819), двумя годами позже — право читать лекции в Дерпт. ун-те, а с 1823 — профессуру по зоологии и акушерству в Казани, где занимался преимущ. эмбриологией вместе со своим соотечественником К. Пандером, близким другом К. фон Бэра; после возвращения в Вильну он обратился к геологии и палеонтологии. В 1838 широкие интересы привели Э. в Имп. мед.-хирург. академию (Петербург), с которой он остался связан до конца жизни; был также наставником в Корпусе горных инженеров

(позже преобразован в Горный институт).
С 1826 Э. — чл.-кор. Петерб. АН.

Со временем палеонтология становится главной специализацией Э. В десятках его работ предметом исследования являются формации горных пород и геолог. пласты Земли, в зоологии — позвоночные и одноклеточные; наряду с этим общая ботаника. Как зоолог и палеонтолог, Э. был в юности приверженцем теории трансформизма Ламарка, с характерным для нее телеологич. уклоном. Эта позиция почти неизбежно привела его к критике Дарвина и ряда его рус. последователей [см.: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 2. М.; Л., 1951. С. 321–389; *Микулинский С. П., Юшкевич А. П.* Развитие естествознания в России (XVIII — начало XIX в.). М., 1977. С. 230–233].

Список публ. Э. состоит из трех основных групп (*Lindemann E.* Das fünfzigjährige Doktorjubiläum Eduard von Eichwalds, Dr. der Philosophie, Medizin und Chirurgie // *Verhandlungen der Russisch-Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft*. 2. Ser. 1870. Т. 5. S. 278–358). Публиковались его труды на латыни, нем., франц., швед. и, с 1840, на рус. языке. Многие из русскоязычных работ Э., посвященных ископаемым и минералам, были первыми в этом роде, вышедшими на рус. языке, и имели выраженный характер справочного свода: «Первобытный мир России» (СПб., 1840) и «Палеонтология России» (СПб., 1850–1861).

Подобно К. фон Бэру, Э. принадлежал к числу зоологов, которые свое увлечение античностью распространяли и на науч. занятия (см. также И. Ф. фон Брандт). Отличные языковые способности и филол. оснащенность побуждали Э., начиная с его первой дис., постоянно привлекать к своим исследованиям антич. источники и прилагать усилия к уточнению терминов и реалий, которые можно было почерпнуть из лат. и греч. текстов. Здесь стоит упомянуть два основных мотива, присутствующие в работах Э., — это ист. исследование *ареалов обитания* животных и ист. география. Классич. литература оказалась способной принести помощь в реконструкции того, как исчезали крупные млекопитающие в Евразии, и роли человека в этом процессе (см.: *Röling B. Zufall, Selektion und die Lektüre der Antike: Carl Eduard von Eichwald, Johann Friedrich von Brandt und die Debatte um die ausgerotteten Tiere an der Akademie von Sankt-Petersburg* // Böhme H., Röcke W. (hrsg.). *Contingentia: Transformationen des Zufalls, Zufälle der Transformation*. Berlin, 2016. S. 349–386 et passim). Так, несоответствия между свидетельствами антич. авторов (Страбона, Цезаря, Оппиана и др.), а также между поздними источниками и современным положением вещей привели Э. к выводу, что не эволюция и не случай ответственны за исчезновение многих видов живых существ (напр., дикой лошади, зубра или большерогого оленя); правильнее записать это на счет человека и его приверженности к истреблению животных через охоту (*Über den Riesenhirsch*. Moskau, 1845, passim; Палеонтология России. Т. 2. С. 193–195).

Вторую обл. науч. интересов, перекликающуюся с филологией, Э. нашел в *ист. географии*, которую с начала XIX в. энергично развивал К. Маннерт, а след за ним А. Геерен и К. Рихтер. В пору своего пребывания в Казани Э. выказывал особенный интерес к Каспийскому морю (*Introductio in historiam naturalem Caspii*

maris. Kazan, 1824). В 1824–1826 ему довелось предпринять большую экспедицию на Кавказ и на Каспий, естественнонауч. результаты которой Э. описал в ряде монографий, посвященных флоре, фауне и геологии этого региона. В качестве дополнения к общему описанию путешествия (*Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus, unternommen in den Jahren 1825–1826*. Stuttgart, 1837) вышла также монография «*Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Rußlands, nach den Griechischen, Römischen und andern Quellen*» (Berlin, 1838), в которой была предпринята попытка рассмотреть в диахронии сводные перечни народов и ландшафтов Кавказа, Причерноморья, Каспийского моря и прилегающих территорий — проблемное поле для работы, тотчас ставшее инструментом в национальных спорах и полит. аргументации (см.: *Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии*. Л., 1982. С. 31 и след., 108). Публиковал Э. и небольшие ист. работы, отталкиваясь от текста Геродота, где в числе прочего касался некоторых

трудно отождествляемых названий растений (**Über einige zweifelhafte Bäume Herodots im südöstlichen Rußland und über das Pfeilgift der Soanen im Kaukasus nach Strabo** // *Isis*. 1834. Sp. 687–690) и пытался определить географически путь Дария в страну будинов (**Darius Hystaspes zieht nach der Gegend von Pinsk** // *Dorpater Jahrbücher*. 1834. Bd. 3. S. 3–16; см.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 354).

Подробную зарисовку Каспийского моря Э., как и следовало ожидать, начинается с аргонавтов и Геродота, чьи картографич. указания о береговой линии и прилегающих реках он находит во многом подтвержденными на местности. Далее следовали Страбон, Дионисий Галикарнасский, Птолемей и др. Были ли тухмены, впоследствии называемые туркменами, и киргизы прямыми потомками тех этносов этого региона, которые у древних назывались скифами? Э., который в данном случае мог получить большую пользу от трудов таких петерб. востоковедов, как Х. Френ и О. Сенковский, одним из первых сопоставляет классич. авторов и араб. историков (Ибн аль-Варди, Ибн аль-Масуди) с их описаниями Руси, а также дает обширную историю картографии Каспийского моря вплоть до времени Петра I (*Alte Geographie des Caspischen Meeres...* S. 1–202).

В вышеупомянутой работе автор начинает с *похода аргонавтов* и Геродота (IV, 179; VII, 193), излагая различные точки зрения и порою оспаривая «*Nordische Geschichte*» А. Л. Шлёцера. Многочисл. народности, упомянутые в каталогах Геродота, Страбона, также Плиния, Помпония Мелы и Дионисия Перизгета, можно, по мнению Э., этимологически и напрямую связать по происхождению с финно-угорск., тюрк., алтайск. и слав. народами, которые широко населяли этот регион уже в то время. Э. стремится

включать в свою работу результаты современных ему этнографич. исследований, проведенных А. М. Шёгреном в Петерб. АН. Массажеты, от которых произошли башкиры, по мнению Э., были, по всей вероятности, тюрк. народом; аргиппеев, которых Геродот поселил еще дальше к северу, можно связать с калмыками, которые до сих пор бреют головы. Исседоны, по Э., были предками вогулов, а знаменитые геродотовские будины — не герм. и не финно-угорск., а слав. народом, в названии которого могут скрываться «венды». Следуя Г. Байеру, Э. допускал, что скифы Сев. Причерноморья в рус. хрониках получили общее название «чудь» (*Ibid.* S. 241–593). Этот предмет был так важен для ученого, что почти сорок лет спустя он опубли. обновленное собрание этих своих исследований: «*Ethnographie Rußlands oder Beschreibung der vorgeschichtlichen Sitze der Bewohner des europäischen und asiatischen Rußlands*» (SPb., 1875. S. 37–299 особ.).

Э. принадлежит к числу связанных с СПбАН эрудитов (в 1870 в Петербурге отмечалось пятидесятилетие его науч. деятельности), в трудах которых спец. естественнонауч. дисциплины плодотворно дополнялись изучением античности. Хотя точность науч. исследований Э. иногда подвергалась критике со стороны современников (см.: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимися с нею отраслями знания преимущественно за последнее тридцатипятилетие. 1850–1888. Т. 2. М., 1889), эта критика касалась отд. деталей его обширных трудов и никогда не ставила под сомнение их общее значение.

Привязанность Э. к древним авторам сделала его зоологом-историком, который умел рассмотреть немалую роль человеческого фактора в бытовании природы, отличаясь этим от дарвинистов своего времени; собственные наблюдения на Кавказе и в Причерноморье позволили

ему плодотворно соединять этнографию с античностью.

Литература: Брокгауз; РБС; БС Казан. ун-та; БС Юрьев. ун-та; NDB; DBBL.

*Бернд Ролинг
(перевод с нем. Д. Д. Кондаковой)*

ЭНМАН

Александр Федорович

ENMANN Alexander

[20.8(1.9).1856, Пернов, ныне
Пярну — 1.(14).7.1903, Петербург],
*историк-источниковед,
исследователь антич. религии
и мифологии*

Родился в семье городского врача. По окончании гимназии изучал историю на ИФФ Дерпт. ун-та (1874–1878, канд. дис. 1879). Еще на студ. скамье был удостоен зол. медали ИФФ за конкурсное исследование источников «Филипповой истории» Помпея Трога. Полностью работа была опублик. три года спустя, почти без изменений (таково было требование к конкурсным сочинениям), как отмечено в предисловии (**Untersuchungen über die Quellen des Pompeius Trogus für die griechische und sicilische Geschichte: Von der hist.-philologischen Facultät der Kaiserlichen Universität Dorpat <...> am 12. December 1877 gekrönte <...> Preisschrift. Dorpat, 1880. IV, 206 S.**). Главы 6–10 этой монографии были представлены Э. в качестве магист. дис. по всеобщей истории при окончании им ун-та (**Über die Quellen der sicilischen Geschichte bei Pompeius Trogus. Dorpat, 1880. 78 S.**). После прохождения заграничной командировки (Тюбинген, Берлин, Париж, Лондон) Э. переехал в Петербург, где преподавал в нем. школах: лат. язык в Katharinen-Schule на Васильевском острове, историю и географию в Реформатском уч-ще и, по совместительству, в Петришуле. С 1886

(см.: Руководители и сотр. БАН. С. 40; по др. источникам, с 1883) и до конца жизни служил мл. помощником библиотекаря, т.е. руководителя (с 1893 — директора) II (иностран.) отдела центральной б-ки Петерб. АН: по словам М. И. Ростовца (Некролог. С. 84), Э. был «знатоком библиотечного дела». В 1887 защитил в Дерпт. ун-те докт. дис. по всеобщей истории о происхождении культа Афродиты [офиц. оппоненты Г. Лёшке (G. Loeschcke), Л. Майер (L. Meyer) и прежний наставник Э. Л. Мендельсон]. Академ. карьере Э. в Дерпте, видимо, помешала начавшаяся в 1886 г. русификация Дерпт. ун-та, сильно ударившая по его в основном нем. профессорско-преподавательскому составу. Чл. Археол. и Филол. общ-в в Петербурге. В 1888, благодаря стипендии студ. корпорации «Ливония», Э. получил снова возможность работать за границей, на этот раз в Бонне.

Э. начал свой науч. путь в Дерпте исследованием «Филипповой истории» Помпея Трога, сохранившейся в виде краткого и часто неточного изложения Юстина (II или III в. н. э.). За «импульс к написанию работы и дружеский интерес к ней» он благодарит Франца Рюля (Rühl, 1846–1915), который до 1876 занимал орд. профессуру в Дерпте, а затем покинул Дерпт ради каф. древней истории в Кёнигсберге. Известный текстолог и источниковед, Рюль сам опублик. исследование источников Помпея Трога и впоследствии издал текст Юстина (Leipz.: Teubner, 1886; 21915).

Другой наставник Э. в Дерпте — Людвиг Мендельсон (Mendelssohn, 1852–1896), ученик Г. Зауппе, К. Ваксмута и Ф. Ричля, занимался также источниковедением и хронологией, но особенно текстологией; его издания ист. писателей — Аппиана, Геродиана и Зосима, основанные на кропотливом изучении рукописей, до сих пор сохраняют науч. ценность.

Юношеский труд Э. показывает ясное понимание задач и метода, предвосхищая направление его дальнейших исследовательских поисков: *критич. источниковедение*, в его науч. форме восходящее

к Б. Нибуру, стремится выяснить достоверность традиции, выделив в ней древнейший и поэтому наиболее достоверный слой. Задача исследователя ист. трудов, удаленных по времени от описываемых в них событий, — «возвести» их к утраченным сочинениям, которые хронологически ближе к этим событиям, а значит, и более достоверны. Ценность Помпея Трога состоит в использовании им значительных историков IV–III вв. до н. э. — Эфора и Тимея, сочинения которых не сохранились. Этот простой и, по существу, неоспоримый подход дополняется посылкой, характерной для тогдашнего источниковедения. Анализируемые сочинения не только малосамостоятельны, но и следуют в соответствующей части сочинения, как правило, *одному источнику*. Для изложения греч. истории от Персидских войн до Филиппа Э. подтверждает использование Помпеем Трогом Эфора в качестве основного (по существу, единственного) источника (гл. 15), оспаривая при этом использование Феоппа; для сицилийских книг Э. впервые доказывает аналогичную роль Тимея (гл. 6–10).

А. Хольм, автор монументальной «Истории Сицилии в древности», дал одобрительный отзыв о книге молодого ученого, не всегда соглашаясь, однако, с тем, что для каждой части Помпея Трога Э. обычно стремится установить единственный источник (*Holm A. Jahresbericht über griechische Geschichte für 1880 und 1881 // Bursians JBer. 1880. Bd. 23. Abt. 3. S. 382–384*). Злоупотребление презумпцией одного источника (или двух) будет характерным и для последующих трудов Э., и критика такого подхода, типичного для этого времени, разумеется, справедлива. Стоит, однако, помнить, что, несмотря на известную механистичность анализа (влияние методик изучения рукописей) и недооценку богатства традиции, скрупулезный поиск прототипов малозначительных авторов принес немало бесспорных или, во всяком случае, вероятных результатов, тогда как агностицизм в этой сфере ведет к одним поражениям.

Новый этап исследовательской биографии Э., начавшийся во время его командировки, связан с влиянием тюбингенского проф. Альфреда фон Гутшмида (1831–1887), выдающегося историка-источниковеда и филолога-полиглота. Э. работал под эгидой Гутшмида над своим наиболее удачным науч. трудом — исследованием об утраченном источнике некоторых ист. сочинений эпохи поздней империи. Оpubl. в 1883 в «Приложении» к нем. антиковедческому ж. «*Philologus*» монография принесла Э. науч. признание и даже увековечила его имя (**Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch "De viris illustribus urbis Romae": Quellenstudien // Philologus-Supplement. 1884. Bd. 4. H. 2 (1883). S. 335–501**). Опираясь на совпадения в содержании, отборе событий и общих ошибках в сочинениях Аврелия Виктора («О знаменитых мужах», 361) и Евтропия («Сокращение римской истории», ок. 369), Э. установил существование их общего источника, показав затем, путем сопоставления обоих этих сочинений с двумя другими — «*Scriptores Historiae Augustae*»

(далее *SHA*) и «*Eritome de Caesaribus*», что тот же источник, пусть в меньшей степени, использовался и в двух последних произведениях. Этим источником, как доказывал Э., послужило не сохранившееся и ни разу не упоминаемое прямо в позднейшей литературе ист. сочинение (серия биографий императоров), опублик. при Диоклетиане в 287 и много превосходившее по своим достоинствам дошедшие до нас компиляции. Поскольку следы этого труда обнаруживаются вплоть до битвы при Аргенторате в 357, Э. полагал, что сочинение было кем-то продолжено, а новая редакция создана вскоре после этой даты.

Эта гипотеза быстро завоевала признание в науке, а само утраченное ист. сочинение получило название «(Enmannsche) *Kaisergeschichte*» ([E]KG), или «*Enmannsche Quelle*». В ходе дальнейших исследований гипотеза Э. уточнялась (Г. Дессау в 1889 доказал, что *SHA* в их нынешнем виде — это произведение одного автора, опублик. ок. 400; тем самым отпала необходимость в допущении более ранней редакции KG). Тем не менее в своих основных элементах гипотеза Э. выдержала натиск тех, кто пытался ее опровергнуть, что подтверждает и надежность примененного метода, и мастерство анализа самого Э. (см.: Burgess R. W. *On the Date of the Kaisergeschichte* // *Classical Philology*. 1995. Vol. 90. P. 111–128; и др. работы этого ученого).

Сам Э. был подготовлен к своему открытию юношеской работой над Помпеем Трогом, в которой благодаря тому же методу добился не столь бесспорных, но обоснованных результатов. «Энмановский источник» стал ярким примером успешного доказательства гипотезы о едином происхождении традиции, сопоставимый с гипотезой о Феофрасте как источнике позднейшей доксографии досократиков, намеченной Г. Узенером и обоснованной Г. Дильсом примерно в то же время (1879), когда ист.-филол. источниковедение достигло своего расцвета.

Успех первых исследований указывал, казалось бы, Э. на строгое, «формальное», изучение источников как на его дальнейшую стезю. Вместо этого Э. обращается к изучению древнейшей греч. истории и роли в ней вост. элементов под ощутимым влиянием Гутшмида, чья критика преувеличений относительно близнецов. влияния получила развитие у Э. Учитывая недавние успехи в расшифровке кипрского силлабария, Э. развивал гипотезу, опиравшуюся на имеющееся якобы сходство между кипрской письменностью и загадочным письмом надписей, найденных при раскопках Трои: слоговое письмо было, будто бы, принесено на Кипр выходцами из Трои, т. е. эолийскими греками, усвоившими письмо своих фригийских соседей и приспособившими его к греч. языку; покинув родину в начале VII в. до н. э., они вступили на Кипре в сиюнизм с греч. поселенцами из Аркадии, мигрировавшими в результате дорийского нашествия; кипрское письмо представляет собой, т. о., реликт сохранившегося лишь на консервативном Кипре слогового письма, распространенного во всей Эолии до усвоения финикийского алфавита (**On the Origin of the Cypriote Syllabary** // *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*. November 1882 — June 1883 [13th Session, 7th Meeting — 1 May 1883]. P. 107, 113–119).

Отклик со стороны членов Лондонского Библейского общ-ва на заочный доклад Э. на его заседании был в целом прохладным, а характер «тройского письма» продолжает вызывать споры и в наше время. Ошибочность гипотезы Э. не мешает, разумеется, ценить его участие в исследовании нового мира, распахнувшегося благодаря великим археол. открытиям: череда новых находок опережала осмысление их результатов. Однако уже первый шаг Э. на новом поприще показал некоторые опасные стороны его дарования, которые усиливались в дальнейшем: как «гиперкритик», он полностью лишает

доверия прямые сообщения письменной традиции, указывая на их удаленность по времени от описываемых событий; сам он, однако, стремится к не менее детальным альтернативным реконструкциям прошлого, основываясь при этом на данных языка, археологии и на косвенных свидетельствах, которые по своей природе не пригодны для воссоздания канвы событий в точности. Отсюда, по-видимому, возникает склонность, неожиданная для столь строгого в своих отрицательных суждениях ума, восполнять пробелы в знании комбинациями разнородных и разновременных свидетельств, остроумных, но убедительных только для того, кто заранее поверил в гипотезу автора.

Первую часть задуманных им исследований по древнейшей истории Э. довольно быстро завершил в виде небольшой монографии о происхождении культа Афродиты (**Kritische Versuche zur ältesten griechischen Geschichte. I: Kypros und der Ursprung des Aphroditekultus**. SPb., 1886 = *Mém. AS. Sér. 7. T. 34. № 13*).

В противовес господствующему в науке мнению о семитском происхождении этой богини, Э. старается доказать ее исконно греч. характер: в связи с этим Э. подвергает критике теорию о финикийской колонизации Греции во II тыс. до н. э., основанную на сомнительных этимологиях топонимов. Сочинение Э. было замечено и в рус., и в мировой науке. Сверстник Э., в начале 1880-х также связанный с Дерптом, Ф. Ф. З е л и н с к и й в своей рец. (Кипр и его богиня. С. 423–452) критически разобрал доводы Э., найдя их в целом неубедительными, если не считать критики преувеличений, связанных с финикийской колонизацией; Зелинский одобряет гипотезу Э. о перенесении культа Аполлона из Амикл на Кипр, но не сопутствующие ей выводы о заимствовании отсюда же почитания Афродиты. Отмечает Зелинский и натянутость ряда толкований, избирательное привлечение свидетельств, сомнительные этимологии, крайности «критической» манеры рец. (он остроумно заметил, что из всех свидетельств

традиции Э. готов доверять лишь заведомо ложным). «Эклектической» трактовке мифологии у Э. (отсутствие историзма в привлечении свидетельств, «натуралистическая» интерпретация божеств в духе солярно-лунарных концепций, произвольность этимологич. анализа) Зелинский противопоставляет «классическое» направление К. О. Мюллера, остающееся на почве надежно засвидетельствованных культов и преданий (Там же. С. 452). Несмотря на конкретные и методолог. разногласия (они интересны и для становления Зелинского как будущего историка греч. религии), рецензент высоко оценивает ученость автора, отмечая, в частности, использование им материалов новейших раскопок на Кипре, его науч. остроумие и ряд высказанных им частных положений. Примечательно, что Э. с характерной для него науч. честностью впоследствии признал ряд ошибок, защищая тем не менее этимологию как важнейший метод исследования дописьменных эпох («Эллада» и «Эллины» // ЖМНП. 1893. Ноябрь. С. 76–78, примеч.).

Резонансу от исследования об Афродите Э. был обязан, по всей вероятности, приглашением его к сотрудничеству в словаре В. Рошера («[Roschers] Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie»; далее RL) — одним из главных религиоведческих начинаний той эпохи. Приверженность Рошера и ряда его сотрудников уже уходящей в то время в прошлое «натуралистической» интерпретации мифов в духе «солярных» и «лунарных» гипотез близка Э. отрицанием какой бы то ни было историчности сказаний. Из трех порученных ему статей [RL. Bd. 1 (1890). S. VII] Э. завершил две: «Leto» и «Niobe und Niobiden», относящиеся к кругу мифов об Аполлоне и Артемиде [RL. Bd. 2/2 (1894–1897). Sp. 1959–1971; Bd. 3/1 (1902). Sp. 372–396]; третью — «Zeus» — Э., по-видимому, не написал.

Заявленное в самом названии сочинения о Киприде продолжение исследования по древнейшей греч. истории осуществилось в виде отд. этюдов. О планах Э. в духе радикально-критич. направления позволяют отчасти судить

дополнительные тезисы на защите докт. дис., сформулированные провокативно и предвосхищающие последующие работы Э., напр.: «Традиция о древнейшей греческой истории недостоверна»; «Традиция о героях не содержит исторического зерна, ее следует понимать как мифологию»; «Троянская война происходила на луне»; «Крит в древнейшей истории это не остров Крит», и т. д.

Лишь одна из работ Э. по греч. истории относится к обл. «формального» источниковедения в духе КГ: на основании параллелей между Страбоном и Павсанием Э. стремился доказать использование ими общего источника — «Комментария к гомеровскому Каталогу кораблей» грамматика Аполлодора, пытаясь отделить вклад последнего от географа Артемидора Эфесского (**Geographische Homerstudien zu Pausanias** // *Jahrbücher für classische Philologie*. 1884. Jhrg. 30 = *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*. Jhrg. 54. Bd. 129. S. 497–520). Статья вызвала негативный вердикт Дж. Фрэзера (*Frazer J. Pausanias's Description of Greece*. Vol. 1. London, 1898. P. LXXIX): «при описании одних и тех же местностей неизбежны совпадения (перевод мой. — А. В.)». В самом деле, Э. недооценивает роль аутопсии в работе обоих авторов, но это еще не означает ошибочности замеченных им параллелей, особенно относящихся к антикварной учености.

Другие исследования о древнейшей истории Греции, публиковавшиеся Э. на протяжении ряда лет, связаны с «изобличением» легендарной традиции в противовес оптимистам, окрыленным археол. открытиями. В дискуссии об историчности Троянской войны Э. принял сторону противников шлимановских теорий, хотя и не в самой радикальной форме: он признает, что локализация Трои на Гиссарлыкском холме доказана раскопками Ш л и м а н а (это было принято не всеми), но отрицает малейшую степень историчности в гомеровском описании

событий войн (*Über die Geschichtlichkeit des trojanischen Krieges* // *Jahresbericht der St. Katharinen Schule*. SPb., 1887; см.: Гаврилов 2006. С. 259–260, где мнения Э. приводятся на фоне иного отношения акад. К. М. Б э р а к тем же вопросам).

Близко по теме и методу исследование древнейших обозначений греков как ‘эллинов’ («Эллада» и «Эллины» // *ЖМНП*. 1893. Ноябрь. С. 61–93). Э. не доверяет мнению Фукидида о том, что «эллины», как первоначальное название упоминаемого в эпосе небольшого фессалийского племени, постепенно распространилось на всех греков. Вместо этого он, ссылаясь на ист. аналогии, доказывает, что этот этноним возник сразу в качестве коллективного обозначения греков на периферии греч. мира для противопоставления их соседним народам, производя «эллинов» от (реконструируемого) апеллятива *σέλλη > *ἔλλη, «граница», т. е. «обитатели окраины». Хотя похожие предположения высказывались и впоследствии, в науке до сих пор преобладает старая гипотеза Дж. Грота, развивающая антич. традицию о постепенном распространении на всех греков имени небольшого фессалийского племени эллинов — как думают, благодаря Дельфийскому оракулу, который в VII в. до н. э. контролировался фессалийцами (*Fowler R. Genealogical Thinking, Hesiod's Catalogue, and the Creation of the Hellenes* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1998. Vol 44. P. 1–19). В этюдах о происхождении этнонимов «ахейцы» и «граики-греки» (Из области древне-греческой географической ономастологии // *ЖМНП*. 1899. Апр. С. 1–7; Июль. С. 33–47) Э. сходным образом стремится найти греч. этимологию для обоих слов («жители низменности» — для первого, «жители равнины» — для второго) и отрицает их связь с теми местностями, в которых поселяет их легендарная или антикварная традиция. Сомнения Э. в реальном существовании «граиков» в Эпире

или Фессалии заслуживают внимания, даже если в современной науке преобладает иное мнение.

Характерный для Э. подход к преданию более удачно применен в его статье «Лидяне-игроки» (ЖМНП. 1901. Сент. С. 156–160; Окт. С. 1–9 = *Commentationes Nikitianae*. С. 291–303): Э. отвергает попытки извлечь ист. ядро из рассказа Гекатея об изобретении игр лидийцами во время голода и основании ими Этрурии (Hdt. I, 94). Э. видит источник этих рассказов в этиологии: автор мифа (по Э. — Гекатей Милетский) знал итал.-этр. слово *ludos* и «поддался соблазну» произвести это слово от племенного названия лидийцев. Трактовка всех мифов как этиологич. и сведение их к квазинауч. объяснениям — разумеется, крайность, однако гипотеза о том, что рассказ об изобретении лидийцами игр возник в качестве истолкования их имени, несмотря на трудности, сохраняет науч. значение. Аналогичное предположение впоследствии, независимо от Э., высказал Л. Парети, с которым согласен автор монографии о взглядах древних на происхождение этрусков (*Briquel D. L'origine lydienne des Étrusques. Histoire de la doctrine dans l'Antiquité. Rome, 1990. P. 35–37*).

Последней крупной работой Э. стало исследование источников древнейшей римск. истории «**Легенда о римских царях. Ее происхождение и развитие**» (опубл. отд. ч.: ЖМНП. 1894–1896; затем отд. изд. в 1896 с новой паг.; то же по-нем. частично: *Zur römischen Königsgeschichte // Jahresbericht der reformierten Kirchenschule. SPb., 1892*). Э. видит в своей работе развитие критич. направления в изучении традиции о царской эпохе Рима, заложенное трудами Б. Нибура, Т. Моммзена и А. Шwegлера. Сохранение ист. ядра в традиции, получившей письменную фиксацию в виде летописных анналов только в конце IV в. до н. э., по Э., невозможно: события древнейшей истории вымышлены и представляют собой ошибочные объяснения ин-тов, обрядов, топонимии и т. д., дополненные драматич. подробностями

ради занимательности повествования. Следуя в основном подходу Шwegлера, Э. видит свою науч. задачу в том, чтобы заново доказать вымышленность сообщений о царской эпохе, оспаривая тем самым попытки извлечь из них, с опорой на археологию, историческое зерно — то самое направление, представителями которого в России были В. И. Модестов и Ю. А. Кулаковский; при этом Э., сверх отрицательной, ставил и положительную цель: определить намерения и идеологию создателей традиции, а значит — выявить крупницы достоверных сведений о религ. обрядах и учреждениях, которые обросли вымышленными объяснениями.

Исходя из того, что ядро традиции сложилось из этиологии религиозных ин-тов, Э. разделяет свидетельства о царях на два слоя, возводя их к двум древнейшим римск. Анналам: автор более раннего сочинения «стремился представить в форме ист. рассказа вероятное происхождение жреческих коллегий» (Легенда о римских царях... СПб., 1896. С. 326) и создал для этого образы семи царей-основателей по числу этих коллегий («мифологический» слой).

Метод работы этого автора представлен след. обр.: деление жреческой коллегии Луперков на две части (*germani Luperci*) вызвало появление легенды о братьях-близнецах — ее легендарных основателях; смоковница богини Румыны (*ficus Ruminalis*), покровительствовавшей вскармливанию младенцев, которая находилась недалеко от грота Луперка, дала начало рассказу о чудесном кормлении близнецов; волчица — это попытка объяснить происхождение непонятого имени Луперков, а имена Ромула и Рема, которые Э. этимологизирует как «быстрый» и «медленный», и убийство Ромулом Рема — это ученое объяснение состязания в беге двух подразделений Луперков и символич. убийства побежденного победителем.

Автор второго сочинения, в понимании Э., трудился над созданием хронологич. канвы древнейшей истории;

он приписал тем же царям-жрецам победоносные войны, расширение римск. державы и создание гос. ин-тов, а также привнес в это повествование драматизм и характеры благодаря своему худож. дарованию (Там же. С. 348). Автора более раннего сочинения Э. отождествляет с плебейским эдилем 304 г. до н. э. Гн. Флавием (Там же. С. 342–348), который впервые опубликовал на форуме консульские фасты и нормы процессуального права (*legis actiones*: Liv. IX, 46, 5), второго — с Т. Корунканием, первым великим понтификом плебейского происхождения, которому Э. приписывает редактирование, а вернее, создание хроники понтификов (253 или 252 г. до н. э.).

В науке работа Э. не осталась незамеченной, но гипотеза о происхождении традиции, как и методология автора, не встретили поддержки. Истоки формирования ядра традиции до ее письменной фиксации продолжают быть предметом дискуссии. Отметим интересную гипотезу, основанную на сопоставительном материале, согласно которой формирование относительно единого сюжетного предания (при наличии частных разногласий) о древнейшей эпохе основания гос-ва свойственно устной традиции на позднем этапе ее существования; внутреннее согласие этого предания указывает не на его ист. достоверность, но на идеологич. востребованность именно этой версии [*Ungern-Sternberg U. von. Überlegungen zur frühen römischen Überlieferung im Lichte der Oral-Tradition-Forschung* (1988) // *Idem. Römische Studien*. München; Leipz., 2006. S. 1–29].

Более плодотворной и получившей больший резонанс, чем «редукционистская» теория двух источников, оказалась высказанная в той же книге о римских царях гипотеза об интерполяциях в списке римск. консулов V в. до н. э., развитая затем в нем. публикациях: согласно Э., те же Гн. Флавий, а позднее Т. Корунканий внесли в него фиктивных магистратов с родовыми именами плебеев, занимавших

консульские должности в конце IV–III вв. до н. э. (**Die älteste Redaktion der römischen Konsularfasten** // *Zeitschrift für alte Geschichte*. 1899. Bd. 1/2 [Bern 1900]. S. 89–101; **Die älteste Redaktion der römischen Pontifikalannalen** // *RhM. NF*. 1902. Bd. 57. S. 517–533).

Дискуссия по поводу интерполяций продолжается по сей день (см.: *Werner R. Der Beginn der Römischen Republik: Historisch-chronologische Untersuchungen über die Anfangszeit der libera res publica*. München, 1963. S. 219–239. Некоторые интерполяции доказаны Моммзеном и Э.; ср. различные мнения: в пользу интерполяций — *Ungern-Sternberg U. von. The Formation of the «Annalistic Tradition»: The Example of the Decemvirate* // *Social Struggles in Archaic Rome* / ed. K. A. Raaflaub. Malden, 2005. P. 82; против — *Richard J.-C. Patricians and Plebeians: The Origins of a Social Dichotomy* // *Ibid.* 116–118, 122–123; *Momigliano A. The Rise of the plebs in the Archaic Age of Rome* // *Ibid.* 176–177).

Интерес к древнейшей истории Рима побудил Э. к участию в дискуссиях о сенсационной находке — фрагменте надписи, обнаруженном в 1899 на месте т. н. могилы Ромула и отождествленном с *niger lapis in Comitio*, который упомянут у Феста. Надпись вызвала энтузиазм из-за слова «RECEI» (*regei*), т. е. «царю». Хотя надписи учитывались им и ранее, Э. выступил в необычной для себя роли эпиграфиста в двух статьях по этому поводу: «**Die neuentdeckte archaische Inschrift des römischen Forums**» (ИАН. 1899. Т. 11. №. 5. S. 263–274; с предложениями по восстановлению текста); «**Могила Ромула**» (ЖМНП. 1900. Ноябрь. С. 90–96; Дек. С. 97–112; 1901. Февр. С. 49–72; с ответом на критику и новыми толкованиями). В полемике по поводу надписи Э. занял ожидаемо критич. позицию, присоединившись к мнению, что надпись представляет собой *consecratio*, т. е. угрозу предания смерти (по его предположению, нарушителю священной границы), а «царь» — это *rex sacrorum*, древний

глава коллегии понтификов, которому передается имущество преступника.

Надпись не имеет надежной датировки (*Wachter R. Atlateinische Inschriften. Bern, 1987. S. 67–68*), ее обычно относят ко 2-й пол. VI в. до н. э., т. е. к царскому периоду, но есть сторонники более поздней датировки, полагающие, подобно Э., что в надписи имеется в виду *gex sacrogoim*: несмотря на трудности толкования, ученые сходятся на том, что надпись в целом представляет собой *consecratio* (*Degrassi A. Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Vol. 1. Firenze, 1957. P. 7 adnot.*).

Одна из последних опубл. Э. работ — рец. на книгу его антагониста в изучении древнейшей римск. истории В. И. Модестова, который в своих более ранних трудах отстаивал существование ист. записей уже в эпоху царей и достоверность традиции об этой эпохе (рец. Э.: В. И. Модестов. Введение в римскую историю. СПб., 1902 // ЖМНП. 1902. Нояб. С. 159–198; ср. ответ Модестова: ЖМНП. 1903. Февр. С. 409–418). Э. ставит в заслугу Модестову в рецензируемой работе обобщение новейших археол. находок и его «требование о включении археологии в программу изучения римской истории», встретившее, надо сказать, сопротивление Моммзена. Однако Э. остается скептиком: археология вряд ли способна обеспечить надежные выводы в обл. полит., этнич. и культурной истории без помощи письменной традиции. Примечательно, что впечатляющая эрудиция в собственном археол. вопросах позволяет Э. серьезно критиковать оппонента и в выводах относительно материальной культуры древнейшего Рима.

Умер Э. скоропостижно, в расцвете творческих сил, со слов автора некролога, М. И. Ростовцева, который с благодарностью отмечает науч. отзывчивость Э. Сравнительно скромная академ. карьера, выпавшая на долю Э., и отсутствие учеников, которые продолжили бы его дело, сделали имя ученого полузабытым в истории рус. науки — он не упомянут

в обобщающих трудах об историках античности не только у Фролова (Фролов 2006), но и у Бузескула (Бузескул 2008). Зато его источниковедческие исследования, в особенности написанные по-немецки, вызывали чрезвычайный науч. интерес уже при его жизни, а некоторые сохраняют значение и поныне. В самом деле, нет сомнения в актуальности гипотезы Э. о постулируемой им *Kaisergeschichte* (ЕКГ) — она остается предметом нападок и защиты, от чего совершенствуется, а значит, живет. Значение его др. работ неоспоримо, по крайней мере, для истории науки. Э. отдал немало сил изучению древнейших «бесписьменных» эпох, надежное знание о которых сам же считал недостижимым. Оправданно полагая, что критич. метод есть основное достояние ист. знания, без которого оно перестает быть строгой наукой, Э., отрицавший обоснованность многих реконструкций отдаленного прошлого, сам же, парадоксальным образом, переоценивал возможность научно — и при том в деталях — реконструировать возникновение ошибочных, с его точки зрения, древних преданий. Вряд ли, однако, должный баланс в науке можно восстановить, отказываясь от «гиперкритицизма» Э. и близких ему по манере ученых в пользу презумпции «доверия к источнику», хотя бывают случаи, когда этого справедливо требует здравый смысл — здесь, как и в науке вообще, вряд ли позволительно формулировать априорно какую-то общую позицию. Как раз поэтому, поскольку и достижения, и ошибки Э. принадлежат не только ему и его времени, они заставляют размышлять о возможностях и границах источниковедческого метода как такового, а значит, помогают конкретному исследованию.

Э. был женат на Анне Николаевне Юдиной (родом из Архангельска, годы жизни неизвестны). Их дочь, Наталия Александровна Э. (1889–1961), рано потеряла обоих родителей; выпускница *Katharinen-Schule*.

После окончания Бестужевских курсов, где она училась у Ф. Ф. Зелинского и Б. В. Фармаковского, была сотрудницей Отдела древностей античных и древнехристианских Археол. комиссии, затем ассистентом РАИМК (1919–1922). Изучала керамику Сев. Причерноморья [публ.: Навкратийский кубок, найденный на о. Березани (с 8 рис.) // Изв. ИАК. 1911. Вып. 40. С. 142–158; Ионийская амфора с Таманского полуострова // Там же. 1912. Вып. 45. С. 92–103]. Имя Н. А. Энман — Enmann group (style) — носит один из типов клазоменской чернофигурной керамики, впервые описанный во второй из цит. статей [см.: Cook R. M. Greek Painted Pottery. London, 1992; Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London, 1998; Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху: сб. ст. Л., 1979].

Наделенная худож. и музыкальными способностями, Н. Э. рано отошла от науч. работы. Участвовала в организации танцевальной группы «Гептахор» (1914–1934), созданной на Бестужевских курсах ученицами Зелинского во главе с С. Д. Рудневой. Группа, вдохновленная Зелинским, развивала идеи «свободного танца» и «естественного движения» Айседоры Дункан. Наталия Э. занималась рисунком и участвовала в сценическом оформлении спектаклей Гептахора (ей принадлежат рис. в кн.: Руднева С. Д. Воспоминания счастливого человека. М., 2007). Впоследствии работала в Коммунистич. ун-те, заведовала фондами в музее С. М. Кирова (1938–1951) (см. также: Зелинский Ф. Ф. Автобиография // Древний мир и мы. Вып. 5. С. 152, примеч. 137; С. 196. Комментар. А. И. Рубана и В. В. Зельченко).

Литература: Зелинский Ф. Ф. Кипр и его богиня // ЖМНП. 1888. Авг. С. 423–452; Ростовцев М. А. Ф. Энман (Некролог) // ЖМНП. 1903. Ноябрь. С. 84–87; Schmid G. Nekrolog // St. Petersburger Zeitung. 1903. 10 Juli; Gilliam J. F. Rostovtzeffs Obituary of Enmann // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1977/78. Bonn, 1980. S. 103–113 (Antiquitas. R. 4. Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung. Bd. 14; приложен англ. перевод некр., написанного Ростовцевым); «Lieber Prinz»: Der Briefwechsel zwischen Hermann Diels und Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff / hrsg. von M. Braun. Hildesheim, 1995. S. 63 (указания Ниссену и Виламовицу о рукописях БАН) ♦ Брокгауз; РБС; Petrischule. S. 65; Album Dorpat; 52. Bericht d. Dt. Reformierten Gemeinde für das Jahr 1903. SPb., 1904. S. 132; Ottow R. Album Dorpato-Livonorum. Dorpat, 1908; Lingen Magnus von. Denkschrift zu dem 50jährigen Bestehen der Kirchenschule der ev.-luth. St. Katharinen-Gemeinde. Petrograd, 1915. S. 127; DBBL; EAD; Lenz W. Album Livonorum: Dorpat 1822–1939. Lübeck, 1972; DNP. Suppl. 1. Bd. 6. S. 356–357; Рубан, Басаргина 2015; Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII–XIX вв. / сост. Н. Н. Ёлкина, В. В. Рубцов. [СПб., б. г.]. URL: http://www.rasl.ru/library/personal18_19.php; Биографика СПбГУ; Тункина 2017.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1926. Д. 40. Л. 189–191. («Энман А. Ф., доктор всеобщей истории, библиотекарь БАН»: отзыв С. А. Жебелева о науч. заслугах Энмана); Ф. 733. Оп. 2. Д. 220 (Письмо Э. к В. К. Ернштейнту, б. д.); Ф. Р-II. Оп. 1. Д. 303 (Доклады Э. в Лингв. отделении Неофилол. общ-ва; см. протоколы: № 19, 27, 29, 34); Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 197.

А. Л. Верлинский

Я

ЯНЧЕВЕЦКИЙ
Василий Григорьевич
(основной лит. псевд. — В. Ян)

JANŠEVECKIJ V. G.

[23.12.1874 (4.1.1875), Киев —
5.8.1954, Звенигород;
перезахоронен на Ваганьковском
кладб. в Москве], *филолог, писатель*

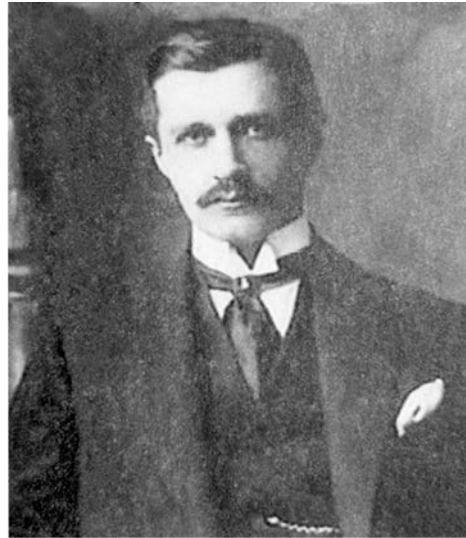
Сын Г. А. Янчевецкого, издателя ж. «Гимназия», который с 1888 издавался в Ревеле (Таллин). Как и ст. брат Я. — Дмитрий, Василий учился в Рижской Александровской (1883–1886) и Ревельской Николаевской (1886–1893) гимназиях. В 1893 поступил на филол. отделение Петерб. ун-та. По окончании курса недолго числился чиновником в Ревеле, но, с юности подвизавшийся в журналистике, вскоре оставил это место и «нырнул в людское море»: прошел за два года от Петербурга — через Урал и Поволжье — до Украины, посылая путевые корреспонденции в «СПбВед» и в «Ревельские известия»; частично они вошли в сб. «**Записки пешехода**». (Ревель, 1901). В 1901–1904 служил в канцелярии начальника Закаспийской обл. (Ашхабад). Во время Русско-японской войны выезжал по приглашению брата Дмитрия корреспондентом на Дальний Восток (1904–1905), затем вернулся в Среднюю Азию и был статистиком в Ташкенте.

С 1908 Я. служит в Петерб. 1-й гимназии (учитель лат. языка и воспитатель; оставил это место в 1912, в штате числился до 1914). Одновременно продолжал занятия журналистикой: помощник редактора газ. «Россия» и издатель еженедельника «Ученик» (1910–1912). В 1912 выехал корреспондентом от Петерб. телеграфного агентства в Турцию и Румынию в связи с войной на Балканах. Возвратился в Россию в 1918: в послереволюционной Сибири Я. примкнул к армии Колчака, где редактировал (в чине полковника) пропагандистскую газету «Вперед». С 1923 жил в Москве (выезжал из столицы в 1926–1927 на службу в Самарканд и затем в эвакуацию), работая корреспондентом, корректором и экономистом в Госбанке. С 1928 вел жизнь свободного литератора. Известен гл. обр. как автор ист. повестей и романов, в т. ч. трилогии о монгольском нашествии: «**Чингисхан**» (1939); «**Батый**» (1942); «**К последнему морю**» (1955).

На формирование Я. огромное влияние оказала семья, прежде всего отец, поощрявший лит. увлечения сыновей — оба с гимназич. лет помогали отцу с заполнением его газ. «Ревельские известия» (см.: *Разгон*. С. 8); примером служил для него и брат Дмитрий, востоковед и успешный журналист, получивший известность как автор книги о событиях 1900 на Дальнем Востоке «У стен

недвижного Китая» (1903). Из ун-тских филологов вспоминал русистов В. И. Ламанского и А. И. Соболевского, А. Н. Веселовского и Ф. Ф. Зелинского. В рассказе «**Демон горы**» (1944) среди мелькнувших перед глазами героя в минуту опасности ярких эпизодов жизни упомянуты «лекции Зелинского» и работа о псковских говорах, очевидно, у Ламанского (*Ян В. СС: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 518*). Со студ. лет Я., как и его брат (погодки, они учились в ун-те одновременно), вращался в журналистской среде, завязав знакомства с издателем Э. Ухтомским, фельетонистом С. Н. Сыромятниковым (Сигмой) и молодым Р. М. Рильке, когда тот путешествовал по России.

Во время годовичного путешествия 1900 на велосипедах по Англии (в качестве корреспондента газ. «Россия») Я. увлекся идеей скаутского движения, которую попытался реализовать в гимназии. Местом учителя лат. языка в Петерб. 1-й гимназии был, очевидно, обязан знакомству с Е. И. Ветнеком, бывшим сотрудником отца. Ветнек представил Я. коллективу гимназии как человека разностороннего и энергичного: «Будучи человеком широко образованным, интересуюсь литературой, живописью, музыкой и разными видами спорта, г. Янчевецкий сумеет, по моему мнению, заинтересовать воспитанников своими беседами и найти почву для сближения с ними» (ЦГИА СПб. Ф. 114. Ед. хр. 108. Л. 14). Я. организовал «легион юных разведчиков», привлекая гимназистов к спортивным занятиям и патриотич. беседам; он упоминается в числе участников учредительного съезда «Рус. собрания» (см.: *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 438*). Летом 1912 «потешные бои» с участием его скаутов проходили в присутствии царской семьи (о внеклассной деятельности Я. см.: *Чухман А. А. Очерки по истории 321-й средней школы. Т. 2. СПб., 2007. С. 71–74*). Свои мысли о перестройке пед. системы

(сплав идей Я. Коменского и собственного отца с программой англ. скаутов и индивидуализмом Ф. Ницше) изложил в брошюрах «**Воспитание сверхчеловека**» (СПб., 1908) и «**Что нужно сделать для петербургских детей**» (СПб., 1911).

В воспитании «смелого, наблюдательного, самоотверженного рыцаря повседневной нашей жизни» отстаивал антич. идеал, который противопоставлял (вслед за Ницше) унылому христ. смирению: школа должна не только давать образование, но и развивать в ребенке энергию творчества и борьбы, в т. ч. посредством деятельного приобщения к природе; для этого нужны «детские поезда» выходного дня, «лагеря бледнолицых» и чтения героико-романтических сочинений Гомера, Еврипида, Шиллера, Пушкина, Гоголя и др. (Воспитание сверхчеловека. С. 9–11, 52, 67). Идеи новой школы Я. пропагандировал и в издаваемом им пятикопеечном еженедельнике «Ученик», небольшой объем которого он заполнял познавательными очерками, шутивными стихами, заметками о спорте, о животных, о коллекционировании. В. Соллертинский

(ЖМНП. 1911. Апр. С. 237–244), сетуя на некоторую случайность и «раскрошенность» по мелким разделам материалов «Ученика», хвалил программу издания и усилия его редактора. К сотрудничеству в «Ученике» Я. привлек молодых коллег, в т. ч. П. П. Соколова, который по примеру Я. организовал «второй легион скаутов» в Петерб. 6-й гимназии.

Поэт Вс. Рождественский (Страницы жизни. Л., 1974. С. 101) так вспоминал о пед. манере Я.: «Никогда не повышая голоса, он говорил мягко, ясно, точно, был со всеми нами почти в приятельских отношениях, но строго соблюдал границу дозволенного. Перед начальством держался с большим достоинством <...>, жалоб и доносов не терпел. Предмет свой знал превосходно и все же никогда не мучил нас грамматикой и академической сущью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе <...>. И как любили мы эти беседы! Скучный урок по латинскому синтаксису превращался в увлекательную прогулку по древнему Риму. <...> Любимой его идеей было сближение античности с культурами Востока». Гимназическая рутина, впрочем, вскоре вернула Я. в лоно журналистики: он бежал от долгов по изданию «Ученика», гнева начальства и насмешек коллег (Разгон. С. 37), а о своем пед. опыте вспоминал неохотно.

Второе «обращение к античности» в его биографии относится к концу 1920-х и связано с писательством. Ист. романистикой Я. увлекался с детства; сильным детским его впечатлением явилась публикация «Путешествия юного Анахарсиса» Ж. Бартеlemi в рус. переводе П. Первова, изданная в ж. «Гимназия» за 1891. Сюжетный прием «Анахарсиса», когда античность разворачивается перед глазами представителя иной культуры или эпохи, Я. перенес потом в некоторые свои повести. Его первые писательские замыслы относились еще к 1910-м; в 1914 он

писал из Константинополя, что «работает над историей Византии, а также над современной жизнью Турции» (ОР РНБ. Ф. 671. Ед. хр. 338. Л. 1), но бурные ист. события последующего десятилетия мало способствовали лит. творчеству. Первая «античная» повесть, «**Финикийский корабль**», вышла лишь в 1931: сюжет ее был подсказан воспоминаниями о клинописных табличках Бейрутского музея. Обратившись к писательству, Я. усердно пополнял свои знания по древней истории, занимаясь в моск. б-ках и музеях, но, насыщая текст ист. и антикварными реалиями, всегда помнил об особенностях худож. жанра и не отказывался от вымысла и субъективных оценок. «Выдумав “записки” финикийского моряка, он наполнил их подлинно историческим содержанием, воссоздав историю Финикии и ее колоний по древним, дошедшим до нас источникам — по произведениям карфагенских и греко-римских авторов и прежде всего по Библии <...>. Но герои его повести, посетившие Иерусалим времени царствования знаменитого мудреца Соломона (965–928 до н. э.), никак не могли во время своего плавания на Запад оказаться в Карфагене, поскольку этот город был основан столетие спустя. И “карфагенский мудрец” Сунханияфон, с которым встречаются герои повести, хотя и историческое лицо, но жил он в XI в. до н. э.» (Немировский А. И. Античный цикл В. Яна // Ян В. СС. Т. 1. М., 1989. С. 548).

Сохраняя юношеский интерес к сильной личности, Я. постепенно уходил от ее романтизации: жестоким «без мистики и прикрас» завоевателем предстал Александр Македонский в посвященной походу 330–329 г. до н. э. повести «**Огни на курганах**» (М., 1932). В противопоставлении Александра и вождя согдов Спитамена (ради социального контраста последний превращен автором в сына землепашца) версия отеч. востоковеда В. В. Гр и г о р ь е в а предпечтена классич. трактовке И. Дройзена, книгу которого Я.

штудировал при написании этой повести. В повести «Спартак» (М., 1933), стремясь к реалистич. реконструкции истории, Я. полемизировал с писателем-гарибальдистом Р. Джованьоли: в представлении Я., Спартак — носитель природной свирепости. Антич. мотивы нашли отражение и в рассказах Я.: «Трюм и палуба», «Овидий в изгнании» (не завершен), «Письмо из скифского стана» (перевод письма греч. кифареда из скифского плена делает для героя рассказа «бисерным почерком» проф. В. К. Ернштедт), «Голубая сойка Заратустры». Я. вел жизнь труженика [в речи у его гроба А. В. Шишко говорил: «Он не жалел себя <...>, широко тратился и, тратясь, обогащал себя и других <...>. Труд для него был воздухом, без которого нет жизни на земле» (цит. по кн.: *Янчевецкий М. В.* Писатель-историк В. Ян. М., 1977. С. 179)], что не делало ее безоблачной: лишь за несколько месяцев до смерти ему удалось встретиться с вернувшимся из лагеря сыном Михаилом.

Отец В. Г. Яна — Г. А. Янчевецкий (1846–1903), филолог, издатель, переводчик, педагог. Выпускник ИФФ Киевск. ун-та; его деятельность связана в основном с Прибалтикой: с 1876 преподавал в Рижской Александровской гимназии, с 1886 — поселился с семьей в Ревеле, где преподавал древние языки и был директором Александровской (до 1891) и Николаевской гимназий (до выхода в отставку по болезни в 1902). В течение ряда лет кроме ж. «Гимназия» был редактором-издателем также и др. изданий. В «Гимназии» заметными авторами у него были Ф. Корш, П. Н. Черняев, Б. В. Варнеке, Г. Г. Зорге-н-фрей, Е. А. Шмид фон дер Лауниц, Е. И. Ветнек и сам Я. (ст.), порой заполнявший около половины выпуска. Публикацией основательных трудов по дидактике и методике преподавания древних языков, а также переводов антич. авторов Я. (ст.) способствовал развитию классич. образования. Его переводы Ксенофонта (Анабазис. Киев, 1876; Воспоминания о Сократе. СПб., 1877; Киропедия. Киев, 1878); Павсания (Описание Еллады или Путешествие по Греции во 2-м веке по Р. Х. СПб., 1887–1889), Гомера

(Полное собрание творений Гомера. Ревель, 1895), вызывавшие и критику, и одобрение, неоднократно переиздавались. Основные методич. пособия Я. по древним языкам: «Словарь к Геродоту: Скифия, IV, 1–144», «Сражение при Термопилах, VII, 201–238» (оба — Киев, 1877); «На уроках Гомера» (Гимназия. 1894. № 8; 1897. № 4–5; 1898. № 1, 2, 4, 5; 1899. № 3; 1900. № 1); «Как переводить Гомера (Гимназия. 1899. № 1) и др. Кроме того: «История Греции» (Митава, 1879); «Мелкие статьи (Scripta minora)» (Митава, 1880).

Литература: Янчевецкий Г.: некролог // Новое время. 1903. № 9733; *Разгон Л.* Василий Ян: критико-биогр. очерк. М., 1969; *Янчевецкий М. В.* Ян о своем отце — «последнем гомериде»: к 125-летию со дня рождения В. Яна и 154-летию со дня рождения его отца Г. А. Янчевецкого // Клио. 1999. № 3(9); *Кальд А.* Писатель В. Ян и Ревель: о семье В. Г. Янчевецкого // Балтика. 2005. № 4; Русская литература XX в. Т. 3. М., 2005; *Просветов И. В.* Десять жизней Василия Яна. М., 2017 ♦ Прозоров; Черняев; Воронков; Рус. советские писатели-прозаики: библиограф. указ. Т. 6, ч. 2. М., 1969; КЛЭ; Свясов; Эстонский биограф. словарь. Таллинн, 2002; Рус. общественные и культурные деятели в Эстонии: материалы к биограф. словарю. Т. 1 / сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 2006.

Архивы: Личный фонд: РГАЛИ. Ф. 2822. 457 ед. хр.; Отд. документы и письма: ОР РНБ. Ф. 671 (А. Н. Самойлович); ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петерб. 1-я гимназия).

В. П. Смышляева

ЯРОЦКИЙ Василий Яковлевич

JAROCKIJ V. Ja.

[20.1(1.2).1824, Кузнецк, ныне Новокузнецк Кемеровской обл. — 28.3(9.4).1897, Киев; Байково кладб.], филолог-классик и славист

Из дворян Томской губ. После начального образования под руководством дяди, воен. врача в Варшаве, занимался в Варшавской воеводской гимназии, с аттестатом

которой затем поступил в ГПИ (выпуск 1844, зол. медаль). По окончании курса был оставлен для подготовки к профессорскому званию по каф. славянских наречий (как и его сокурсники Н. Савинов, П. Павлов и П. Носов), в соответствии с решением МНП о подготовке группы славистов для ун-та св. Владимира в Киеве. Спустя год, однако, из-за невозможности зарубежной командировки для изучения живых слав. языков руководство ГПИ от этой идеи отказалось и позволило всем магистрантам держать экзамен по классич. филологии. Магист. дис. «*Eumenidum notio secundum tres Graecorum tragicos Aeschylum, Sophoclem et Euripidem adumbrata*» (защищена: Петерб. ун-т, 1846). После защиты был избран адъюнктом каф. истории и литературы слав. наречий Киевск. ун-та (экстр. проф. с 1856, секр. ИФФ в 1864–1875). Преподавал также рус. словесность в Киевск. ин-те благородных девиц (1854–1862). В 1862 выезжал в «славянские земли» Пруссии, Австрии и Турции (КУИ. 1864. № 1). Отставлен с разрешением преподавать вне штата в 1875. Умер от сердечного приступа.

От недолгого «античного периода» Я. публикаций не осталось: его «удовлетворительная» дис. об Эвменидах греч. трагедии («*Eumenidum notio...*», не напечатанная из-за спешности защиты) написана под руководством Ф. Б. Грефе; скорее всего, она представляла собой ист.-лит. и мифол. комментарий автора к соответствующим выпискам из первоисточников. В последующие занятия славистикой Я. наряду с хорошим знанием

древних языков привнес культивируемый поздним Грефе интерес к сравнит.-ист. языкознанию, так что история слав. языков рассматривается у него на фоне общей индоевроп. языковой парадигмы: «**О сравнительном изучении языков в разные эпохи их развития: из В. Гумбольдта**» (ЖМНП. 1847. Март), «**О задачах славянской лингвистики**» (Речь и отчет, читанные в торжественном собрании ун-та св. Владимира 9 июня 1858 г. Киев, 1858) и «**Предварительные понятия о языке вообще с обращением особенного внимания на язык славянский**» (КУИ. 1870. № 1–2).

Занимаясь славистикой, Я. сохранял в Киевск. ун-те репутацию знающего эллиниста. Из обзоров ун-тских извещений следует, что его включали в состав экзаменационных комиссий по греч. языку и приглашали рецензировать «рассуждения» начинающих классиков, напр., сочинение *pro venia legendi* 1872 Ф. Г. Мищенко (ЖМНП. 1907. Июль. С. 39). Среди немногочисл. публикаций Я. встречаются еще отчеты о его науч. командировках 1860-х: «**Донесение о центральном архиве в Витебске**» (КУИ. 1863. № 1) и «**Отчет о командировке в Славянские земли**» (Там же. 1864. № 2).

Литература: Смирнов ♦ Воронов; БС Киевск. ун-та; Григорьев; Прозоров.

Архивы: Отд. документы и письма: РГИА. Ф. 733 (в деле о приготовлении отдельных студентов ГПИ присутствует метрика и гимназич. аттестат Я. — Оп. 93. Ед. хр. 151. Л. 108 об. – 109), 740; ЦГИА СПб. Ф. 13 (ГПИ), 139 (Канцелярия попечителя Петерб. УО).

В. П. Смышляева

Б У З Е С К У Л Владислав Петрович

BUSESKUL / BUZESKUL V. P.

[24.2.(8.3).1858, с. Поповка, ныне Харьков. обл. Украины — 1.6.1931, Харьков;
Первое городское кладбище],
историк древности, летописец русской науки

Выходец из старинной дворянской семьи молдав. происхождения, родоначальник которой поступил на рус. службу в начале XVIII в. В 1876 окончил с зол. медалью 2-ю Харьков. гимназию. В 1876–1880 обучался на ист. отделении ИФФ Харьков. ун-та, по окончании курса был оставлен при ун-те для подготовки к профессорскому званию по каф. всеобщей истории; параллельно преподавал в частных женских гимназиях Харькова. В 1885 Б. успешно сдает магист. экзамены. Магист. дис.: «**Перикл: историко-критический этюд**» (защищена: Харьковский ун-т, 1889). Докт. дис.: «**«Афинская политика» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века до Р. Х.**» (защищена: Харьков. ун-т, 1895). Работал на каф. всеобщей истории Харьков. ун-та: прив.-доц. (1885–1890), экстр. проф. (1890–1895),

орд. проф. (1895–1921). Д. чл. МАО (1896) и РАО (1899). В 1901–1905 — декан ИФФ Харьков. ун-та. В этот период он оказался вовлечен в события первой рус. революции 1905–1907. После 9 января 1905 Б. в качестве чл. комиссии Совета Харьков. ун-та, состоявшей из либеральных проф., участвовал в подготовке «Записки...» о необходимости приостановить занятия в ун-те. В окт. 1905 группа революционно настроенных студентов забаррикадировалась в здании ун-та. Б. в числе др. руководителей ун-та принимал непосредственное участие в переговорах с ними и с офиц. властями. Благодаря этому посредничеству удалось убедить студентов разойтись и тем самым избежать кровопролития [см. об этом: **Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г. (личные воспоминания)**] // *Голос минувшего*. 1917. № 7–8. С. 335–350].

Одновременно с работой в ун-те Б. преподавал на Харьков. ВЖК и на Пед. курсах при Харьков. УО. В 1910 был избран чл.-корр. АН в Петербурге. Во время Первой мировой войны Б., как и значительная часть российской интеллигенции, занимает патриотическую позицию. В частности, он публикует несколько статей, в которых критикует нем. национализм и шовинизм, культ грубой силы и презрение к праву, нашедшие свое отражение и в германской ист. науке (**Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии** // РМ. 1915. № 2. С. 24–85; **Немецкий историк Эд. Мейер об Англии и о нынешней войне** // Голос минувшего. 1916. № 9. С. 199–210).

Радикальные перемены в жизнь Б. внесла Октябрьская революция — державшийся либеральных полит. взглядов, он встретил ее настороженно. Деятельного участия в полит. жизни Б. не принимал, продолжая, по мере возможности, заниматься преподаванием и науч. работой. В марте 1919 был отстранен ректор Харьков. ун-та, а руководителем назначен комиссар из студентов-коммунистов. За этим последовали аресты и даже казни нескольких проф. ун-та — среди казненных был ученик Б., историк-медиевист А. С. Вязигин, памяти которого Б. посвятил прочувствованную статью (**Памяти ученика, профессора-страдальца** // Новая Россия. 1919. 10 окт.). Осенью 1919 Б. в числе др. проф. учеб. заведений Харькова (к тому времени занятого денкинцами) подписал «Обращение к ученым Запада», где говорилось о репрессиях большевиков и звучал призыв не допустить распространения большевизма в Европе. В 1920 решением комиссариата просвещения Украинской ССР Харьков. ун-т был ликвидирован, а вместо него созданы сначала Временные высшие пед. курсы, а затем — Харьков. ин-т народного образования (ХИНО), на соц.-экон.

отделении которого Б. и продолжил свою преподавательскую деятельность. В 1921–1924 он зав. каф. европ. культуры; в 1921–1922 — предс. Науч. общ-ва ХИНО; с 1926 — почетный председатель ист.-этнологич. отдела Всеукраинской науч. ассоциации востоковедения, почетный руководитель научно-исследовательской каф. при ХИНО. В 1922 Б. избран д. чл. РАН по отделению ист. наук и филологии, в 1925 — чл. Всеукраинской АН.

Б. тяжело переживал растущее идеологич. давление на ист. науку, как и насильственное насаждение вульгарного марксизма в духе школы М. Н. Покровского. Последние годы жизни Б. оказались омрачены клеветой и дикой травлей, которой он подвергся наряду с др. крупными учеными-гуманитариями «старой школы».

На двух совместных заседаниях Коммунистич. академии при ЦИК СССР, возглавляемой М. Н. Покровским, и Общ-ва историков-марксистов в Москве (окт. и дек. 1930) и Ленинграде (январь 1931) были сделаны доклады, посвященные теме «вредительства» старых «буржуазных» историков и борьбе с «реакционными поползновениями Академии наук». Б., вместе с С. А. Жебелевым и некоторыми др. академиками, оказался заклеяем как «классовый враг на историческом фронте»; его обвинили во враждебности марксизму, «методологической беспомощности», модернизации античности и т. п. (см.: Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 71–76; Классовый враг на историческом фронте: доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. М.; Л., 1931).

По-видимому, травля окончательно подорвала здоровье ученого, которое и без того быстро ухудшалось из-за напряженной науч. работы; это ускорило его смерть от рака желудка. Архив Б. благодаря усилиям его близкого друга

и коллеги Жебелёва был перевезен из Харькова в Ленинград. Впрочем, нападки на историка не закончились и после его смерти: так, еще в 1938 проф. С. А. Семёнов-Зусер на науч. сессии ист. ф-та Харьков. ун-та выступал с докладом «Буржуазная историография об античности и Бузескул как апологет ее», в котором клеймил Б. как шовиниста и поборника рус. империализма.

Обращаясь к характеристике науч. творчества Б., нельзя не отметить, что он, в отличие от большинства дореволюционных антиковедов, был по своему образованию историком, а не филологом-классиком. Интерес к истории у Б. проявился уже в раннем детстве, во многом под влиянием домашнего учителя Э. В. Арльдта [см.: **Образы прошлого (из моих воспоминаний)** // *Анналы*. 1922. Т. 2. С. 229], а во время учебы в гимназии этот интерес возрос еще более.

Несмотря на то, что Б. учился блистательно, о самой гимназии у него остались двойственные воспоминания. «Нас подавляла грамматика, которая нам противилась, — писал он впоследствии, — мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучили переводами с русского языка на древние, “экстемпоральными”, которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большею частью отделялся кратким ответом и спешил перейти к “главному”, к “делу” — к тексту, переводу или к грамматике» (*Образы прошлого*. С. 234). Тем не менее именно учеба в гимназии и на первых курсах ун-та обеспечила ему солидную филол. подготовку, которая, как признавал сам Б., очень пригодилась при занятиях греч. историей (Там же. С. 235).

В период обучения в ун-те проявилась необычайная широта науч. интересов Б. На старших курсах он особенно увлекается рус. средневековой историей. Его сочинение о торопецком кн. Мстиславе Удалом, представленное по окончании

ун-та, удостоивается зол. медали. Отрывок из этого труда был опубл. и стал первой печатной работой Б. (**О занятии Галича Мстиславом Удалым: хронологическая заметка** // *ЖМНП*. 1881. Март. С. 86–92). Сдав магист. экзамены и начав работу на ИФФ в качестве прив.-доц., Б. занимается западноевроп. историей конца Средневековья и начала Нового времени, разрабатывает и читает спец. курсы по этим дисциплинам. Лишь в 1886, после отставки проф. М. Н. Петрова, он начинает читать лекции по основным разделам всемирной истории, в т. ч. и древней. Т. о., Б. вынужден был, сначала с неохотой, обратиться также к разработке лекций по истории античности; впоследствии некоторые из лекционных курсов были изданы при его участии (см., напр.: **История Греции: литографированные лекции**. Харьков, 1907), а со временем эти штудии стали все более занимать его. Особое внимание Б. привлекают проблемы афинской демократии, вокруг которых в зарубежной науке того времени развернулась ожесточенная полемика (см. об этом: *Жебелёв*. С. 1071–1072; *Фролов* 2006. С. 360–361). В 1870–1880-е ряд нем. ученых (М. Дункер, К. Ю. Белох и др.) отказываются от традиционной точки зрения на демократич. Афины и на наиболее яркого их лидера, Перикла. Они предпринимают попытку «развенчания» афинской демократии, всячески подчеркивая ее теневые стороны: произвол и безответственность демоса, демагогию и коррумпированность политиков. Самого Перикла эти авторы также подвергли суровой критике, считая его виновником последующего поражения и упадка Афин. Исследованию личности и деятельности Перикла Б. посвящает свое магист. соч. В этом труде, опираясь на тщательное изучение антич. источников, и прежде всего Фукидида, Б. выступает против гиперкритицизма нем. историков и дает Периклу как гос. деятелю взвешенную, в целом положит. оценку.

Одновременно с этим Б. не оставляет занятый др. периодами всемирной истории. Более того, темой своей докт. дис. он первоначально избрал отношения Российской империи с Францией и Пруссией в середине XVIII в. (см.: Историческая хроника // ИО. 1890. Т. 1. С. 312). Однако в 1891 англ. ученый Ф. Кеньон (Кенуон) публикует обнаруженный в Египте папирус с текстом трактата о гос. устройстве Афин; ряд исследователей сразу отождествили это сочинение с «Афинской политией» Аристотеля, которая ранее была известна лишь по фрагментам и упоминациям у антич. авторов и считалась безвозвратно утраченной. Сознвая огромную науч. значение этой находки, Б. вплотную занялся исследованием вновь открытого памятника. В том же 1891 он пишет рец. на издание Кеньона (**Новооткрытый трактат Аристотеля об афинской демократии** // ИО. 1891. Т. 2. С. 221–239), за которой последовала серия статей (**Вопрос о новооткрытой Αθηναίων πολιτεία** // ЖМНП. 1892. Июль. С. 142–189; 1893. Май. С. 134–212; Окт. С. 450–483; **Αθηναίων πολιτεία Аристотеля как источник для истории афинской демократии до конца V в. до Р. Х.** // ЖМНП. 1894. Июнь. С. 329–373; Июль. С. 19–61) и монография, ставшая его докт. дис-ей. Б. проводит скрупулезный источниковедческий анализ трактата, убедительно доказывая принадлежность его Аристотелю (через сопоставление с «Политикой», которая бесспорно принадлежит великому философу), определяет приблизительное время его создания и разбирает вопрос об источниках Аристотеля. Помимо этого Б. предлагает систематич. пересмотр истории гос. строя Афин с учетом данных вновь обнаруженного источника и сравнение их с остальной ист. традицией.

После защиты докт. дис. Б. продолжает изучение истории Древней Греции вообще и Афин в частности. Плодом этих штудий стала **«История афинской демократии»** (СПб., 1909), в которой он

рассмотрел развитие афинского государства с VIII по IV в. до н. э. в контексте общегреч. истории. Книга Б. предназначена широкому кругу читателей, поэтому и написана она более доступным языком, а науч. аппарат ее сведен к необходимому минимуму. Однако эти обстоятельства отнюдь не умаляют значения монографии Б., которая, несомненно, является ключевым исследованием гос. строя Афин в дореволюционной отеч. историографии.

Закономерным итогом многолетних занятий Б. должно было стать задуманное им фундаментальное пособие по древнегреч. истории в трех томах. Первый том, содержащий обширный источниковедческий и историографич. обзор, публиковался частями в «ЗХУ» в 1900–1903, а затем вышел отд. изданием (**Введение в историю Греции**. Харьков, 1903; ²1904; ³1915). В 1907 этот труд был удостоен премии им. гр. Д. А. Толстого. По теме второго тома, который, по мысли автора, должен был быть посвящен раннему периоду истории Эллады (с древнейших времен до греко-персидских войн), он опубли. обширную статью (**Древнейшая цивилизация в Европе** // ВЕ. 1916. № 8. С. 67–107). Уже опубликованная «История афинской демократии» должна была послужить основой для третьего тома, который, по замыслу Б., предназначался классич. периоду греч. истории; но этот план автору не удалось воплотить в жизнь.

Др. важное направление науч. деятельности Б. — это исследование истории ист. науки. Б. отличала огромная начитанность в ист. литературе; он постоянно следил за всеми крупными новыми публикациями не только в обл. антиковедения, но и в др. разделах всемирной истории, писал многочисленные рец. «Сколько вообще было прочитано В. П. на своем веку книг и статей, в особенности касающихся истории, это трудно было бы исчислить» (Жебелёв. С. 1070). Особое внимание Б.

привлекали труды представителей нем. (Л. Ранке, Г. Зибель, Эд. Мейер и др.) и франц. (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье) ист. школ. Некоторые свои историографич. статьи Б. позднее включил в отд. сб. **«Исторические этюды»** (СПб., 1911). В советский период Б. из-за трудностей, связанных с доступом к новейшей зарубежной литературе, постепенно отходит от занятий собственно греч. историей и все больше обращается именно к историографии. В частности, он публикует работу **«Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира»** (Ч. 1: Восток; Ч. 2: Древнегреческий мир. Пг., 1923–1924) — обзор крупнейших археол., эпиграфич., папирологич. и нумизматич. открытий за последние 120 лет.

Наиболее значительным трудом Б. в обл. истории ист. науки стала **«Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»** (Т. 1–2. Л., 1929–1931), над которой он напряженно работал в последние годы жизни. К сожалению, в существовавшей на тот момент полит. обстановке вторая часть, напечатанная уже после смерти Б. и подготовленная к изд. С. А. Жебелёвым, смогла выйти только в изуродованном цензурой виде, с купюрами в местах, касающихся творчества репрессированных историков и эмигрантов, с прибавлением к названию слова «материалы» и критич. предисловием историка-марксиста В. П. Волгина. Б. подготовил также и третью часть этого труда, посвященную развитию в России славяноведения и византистики — «Византинология и изучение славянского мира в России (до 1914 г.)»; в советское время она так и не была опубл. (подробнее см.: *Тункина И. В.* О судьбе книги академика В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.» (к 150-летию со дня рождения) // ВДИ. 2008. № 4. С. 213–224). Полный текст труда Б. в том виде, в каком его задумал автор, был издан лишь спустя почти 80 лет после его

смерти (Бузескул 2008). С историографич. штудиями Б. тесно связаны его занятия в обл. теории и методологии ист. исследования [см. статью: **Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние тридцать лет (Об успехах и главных направлениях в греческой истории)** // РМ. 1900. № 2. С. 58–79].

Много внимания Б. уделял просветительской деятельности и популяризации греч. истории. В разное время для широкой публики им было написано большое количество статей о полит. и культурной жизни Древней Греции, особенно близко переключавшихся с современностью [см., напр.: **Женский вопрос в Древней Греции** // К свету: юбилейный сб. Петерб. ВЖК. СПб., 1904. С. 1–29; **Прения о смертной казни назад тому 2300 с лишком лет** // Моск. еженедельник. 1907. № 13. С. 36–39 (эта статья вышла в самый разгар деятельности столыпинских военно-полевых судов, так что ее можно считать выражением, хотя и косвенным, гражданского протеста ученого)]. Затем они были опубл. в сб. **«Античность и современность: современные темы в античной Греции»** (СПб., 1913; неоднократно переизд.). Написал он и ряд статей по греч. истории для энцикл. словаря Брокгауза — Ефрона.

В отличие от многих дореволюционных антиковедов, Б. не имел заграничной стажировки в годы ученья. Он вообще почти не бывал за границей (за исключением поездки в августе 1908 в Берлин для участия в III Международном конгрессе историков, куда был командирован ун-том) и почти не печатался в иностр. журналах [за исключением единственной публикации — рец. на книгу С. А. Жебелёва «ΑΧΑΪΚΑ» (СПб., 1903), помещенной в «DLZ» (1905. № 4)]. Тем не менее, науч. труды Б. получили известность и за рубежом: рец. на его главные книги публиковались в иностр. периодике; «Введение в историю Греции» и сб. статей

«Античность и современность» были переведены на чеш. язык.

Б. принимал деятельное участие в организации науч. работы в Харьков. ун-те. В частности, он являлся чл. Харьков. ист.-филол. общ-ва (ХИФО), созданного при ИФФ в 1876. В 1886 общ-во учредило собственный печатный орган — «Сборник ХИФО», на страницах которого Б. регулярно публиковал свои статьи. Он много занимался изучением истории Харьков. ун-та; был одним из авторов (вместе с Д. И. Багалеем и Н. Ф. Сумцовым) **«Краткого очерка истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)»** (Харьков, 1906). Ему принадлежат многочисленные очерки и статьи о проф. Харьков. ун-та — его учителях М. Н. Петрове и В. К. Надлере, а также о В. Ф. Цыхе, М. М. Лунине, И. В. Нетушиле и др.

Науч. интересы Б. не ограничивались только историей. Среди его трудов можно найти даже статью о творчестве Н. В. Гоголя **«К какому времени года относятся похождения Чичикова в первом томе “Мертвых душ”?»**:

к характеристике литературных приемов Гоголя» (Сб. ХИФО. 1909. № 18. С. 481–484), что служит еще одним подтверждением многогранности интересов и дарований ученого.

Библиографию трудов Б. см., напр.: *Успенский Ф., Марр Н., Бартольд В., Платонов С.* Записка об ученых трудах проф. Бузескула // Изв. РАН. 1922. Т. 16. С. 114–121; *Кантерев С. Н.* Хронологический указатель трудов В. П. Бузескула // ВДИ. 1946. № 4. С. 172–180; *Кадеев В. И.* Владислав Петрович Бузескул — профессор Харьковского университета: биобиблиография. Харьков, 1998.

Литература: *Гольдин Н. С.* Профессор В. П. Бузескул как историк античного мира // Сб. ст. в честь Владислава Петровича Бузескула Харьков, 1914 (Сб. ХИФО; т. XXI); *Жебелёв С. А.* Академик Владислав Петрович Бузескул (Некролог) // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 10. С. 1066–1085 (список трудов за 1915–1931: С. 1084–1085); Cinnella. P. 94–98 ♦ БС МАО; Фролов 2006; Бузескул 2008; Тункина 2017; Фондообразователи.

Архивы: СПбФ АРАН. Ф. 825 (1890–1931). 332 ед. хр. Описание фонда см.: Архив АН СССР. Обзорение. Т. 4, вып. 16 / под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. М.; Л., 1959. С. 173.

В. К. Хрусталёв

Научное издание

СЛОВАРЬ
ПЕТЕРБУРГСКИХ
АНТИКОВЕДОВ

XIX – начала XX века

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ II

Л – Я

Ответственный редактор *А. К. Гаврилов*

Редактор *Н. Ю. Меньшенина*
Компьютерная верстка *А. Б. Левкина*

Подписано в печать 29.08.2021. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,29. Тираж 250 экз.
Заказ № 018.

Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»

ISBN 978-5-4391-0713-1

9 785439 107131